



V 06

47-9(38)
5-41
1908
1958

Ю. БЕЛОХЪ

25 экз.

ИСТОРИЯ ГРЕЦІИ

9(3)

Б-43 н 1

ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО

М. Гершензона

Изм. № 736/

Томъ I

10428

Издание К. Т. Солдатенкова.



МОСКВА.

ТОВАРИЩЕСТВО ТИПОГРАФИИ А. И. МАМОНТОВА.

ЛЕОНТЬЕВСКИЙ ПЕР., Д. МАМОНТОВА.

1897

ПРЕДИСЛОВІЕ ПЕРЕВОДЧИКА.

Среди новѣйшихъ общихъ работъ по исторіи Греціи книга Белоха представляетъ, безъ сомнѣнія, самое оригинальное явленіе. Греческая исторія не имѣла своего Нибура; тѣ точные методы изслѣдованія, которыми римская исторія пользуется уже болѣе полувѣка, только на нашихъ глазахъ начинаютъ проникать въ исторіографію Греціи. Критическій пересмотръ традиціи, тамъ почти законченный, здѣсь едва начать; поэтому не удивительно, что въ то время, какъ въ области римской исторіи послѣднее десятилѣтіе не отмѣчено ни одной новой работой общаго характера, греческая исторіографія именно въ послѣднія шесть лѣтъ обогатилась цѣлымъ рядомъ подобныхъ трудовъ — Аббота, Белоха, Гольма, Эдуарда Мейера и др. Общія отличительныя черты всѣхъ этихъ произведеній — недовѣріе къ традиціи и ея источникамъ и стремленіе примѣнить къ изученію греческой исторіи тѣ научныя приемы, которые выработаны новѣйшею исторіографіею въ другихъ ея областяхъ; каждый изъ авторовъ задается цѣлью изложить только то, „что мы дѣйствительно знаемъ“. Эти принципы нигдѣ не были проведены съ такой строгой послѣдовательностью, какъ въ книгѣ Белоха. Правда, онъ не свободенъ отъ увлеченій. Осторожность часто переходитъ у него въ недовѣріе, скептицизмъ въ подозрительность; отвергая старыя гипотезы, какъ недостаточно обоснованныя, онъ нерѣдко замѣняетъ ихъ иными, если не болѣе произвольными, то и не болѣе убѣдительными. Таково его отношеніе къ хронологіи греческой исторіи, къ достовѣрности показаній позднѣйшихъ авторовъ (напримѣръ Аристотеля въ „Афинской Политіи“), его гипотезы о микенской культурѣ, переселеніи дворянъ и проч. Тѣмъ не менѣе, съ

методологической стороны его „Исторія Греціи“ болѣе всякой другой удовлетворяетъ требованіямъ современной науки.

Она удовлетворяетъ имъ еще болѣе въ другомъ отношеніи. Глубокій переворотъ, совершающійся теперь въ области историческаго знанія вообще, неизбѣжно долженъ былъ отразиться и на греческой исторіографіи. И здѣсь, какъ въ исторіи среднихъ вѣковъ и новаго времени, на первый планъ должно было выступить изученіе соціальныхъ и экономическихъ явленій, т. е. именно той стороны греческой исторіи, на которую обѣ предшествующія школы—политическая съ Протомъ во главѣ и культурная во главѣ съ Курціусомъ—обращали меньше всего вниманія. Между учеными, наиболѣе потрудившимися въ этой области, Белоху принадлежитъ одно изъ первыхъ мѣстъ, и тѣ главы его книги, которыя посвящены экономическому развитію Греціи, представляютъ собою, можетъ быть, лучшее, что есть по этимъ вопросамъ въ литературѣ.

Эти два соображенія побудили насъ перевести трудъ Белоха на русскій языкъ. Предлагаемая книга рассчитана на два тома, изъ которыхъ первый въ подлинникѣ вышелъ въ 1893 г., второй („Отъ Пелопоннесской войны до Аристотеля и завоеванія Азіи включительно“) появится на дняхъ. Авторъ былъ такъ добръ сообщить намъ цѣлый рядъ поправокъ къ 1-му тому своей книги, за что мы искренно благодарны ему *).

*) Болѣе значительныя изъ этихъ поправокъ находятся въ слѣдующихъ мѣстахъ. *Страницы подлинника*: Стр. 22, прим.—Стр. 27, строка 3 снизу.— Тамъ же, прим. 1.— Стр. 30, прим. 1.— Стр. 48, прим. 4.— Стр. 57, строка 7 снизу.— Тамъ же, прим. 2.— Стр. 59, прим. 4.— Стр. 60, прим. 1.— Стр. 72, прим. 1.— Стр. 84, строка 7 сверху и прим. 2; сравн. конецъ прим. 3, на стр. 85.— Стр. 110, строка 10 сверху.— Стр. 186, прим. 2.— Стр. 192, строка 10 сверху и прим. 6.— Стр. 193, строка 1 снизу.— Тамъ же, прим. 8.— Стр. 194, прим. 1.— Тамъ же, расположеніе примѣчаній.— Стр. 231, строка 4 сверху и прим. 2.— Стр. 258, прим. 1.— Стр. 275, прим. 1.— Стр. 278, прим. 1.— Стр. 285, прим., строка 9 сверху.— Стр. 290, прим. 5.— Стр. 327, прим. 1.— Стр. 358, прим. 2.— Стр. 405, прим. 2.— Стр. 411, прим. 1.— Стр. 412, прим. 1.— Стр. 432, строка 5 сверху.— Тамъ же, прим. 2.— Тамъ же, строка 17 сверху.— Стр. 468, строка 16 сверху и прим. 5.— Стр. 470, прим. 1.— Стр. 481, прим. 1.— Стр. 537, строка 13 снизу.— Стр. 563, прим. 1.— Стр. 566, прим. 1.— Стр. 585, строка 6 сверху.— Стр. 589, строка 6 сверху.— Стр. 590, предпоследняя строка снизу.— Стр. 607, прим. 2.— Стр. 634, послѣдняя строка снизу.— Кроме того мелкія погрѣшности и опечатки. Уже по отпечатаніи перваго листа перевода получены нами слѣдующія поправки, которыя читатель потрудится внести въ текстъ перевода. *Страницы перевода*: Стр. 5, вычер-

Что касается транскрипці греческихъ именъ и названій, то въ нашей литературѣ, къ сожалѣнію, до сихъ поръ не установлено на этотъ счетъ никакихъ точныхъ правилъ. У насъ господствуетъ двоякая транскрипція—обиходная и научная, и при переводѣ научно-популярнаго сочиненія вродѣ книги Белоха приходится избирать средній путь, не всегда обезпечивающій отъ колебаній и произвола.

Цитаты изъ Иліады приведены по переводу Н. Минскаго (Москва, 1896, изд. К. Т. Солдатенкова).

М. Г.

кнутъ строки 9—12 сверху («Во всякомъ случаѣ... ливійскихъ народовъ»).— Стр. 5, строка 1 снизу, вычеркнуть слово «вѣроятно». — Стр. 13, строка 6 сверху, 362 в.м. 361.—Стр. 13, прим. 1, послѣ книги Шефера вставить: Wachsmuth *Einleitung in das Studium der alten Geschichte* Leipzig 1895.— Стр. 15, строка 6 сверху, «изъ нарбонской Галліи» в.м. «изъ Тулузы въ Галліи».

О Г Л А В Л Е Н І Е .

В В Е Д Е Н І Е .

✓ П Р Е Д А Н І Е .

Историческій интересъ 1.—Генеалогическое преданіе 1.—Героическая пѣснь 2.—Народный эпосъ 2.—Доисторическіе памятники 4.—Восточные источники 4.—Усвоеніе письменности 5.—Древнѣйшіе письменные памятники 7.—Преданіе до Персидскихъ войнъ 9.—Геродотъ 10.—Пентеконтаэтія 11.—Фукидидъ 11.—Ксенофонтъ 12.—Полибій 13.—Отношеніе античныхъ историковъ къ источникамъ 14.—Всемирно-историческія повѣствованія 14.—Диодоръ 15.—Плутархъ 17.—Исторія Александра 18.—Римская исторія 18.—Исторія духовнаго развитія 19.—Документы по политической исторіи 20.—Литература по государствовѣдѣнію 20.—Изящная литература 21.—Научная литература 22.—Страбонъ 22.—Хронографы 23.—Надписи 23.—Монеты 24.—Монументальные памятники 24.—Заключеніе 25.

ГЛАВА I.

Заселеніе побережья Эгейскаго моря.

Индогерманскій пра-народъ 27.—Раздѣленіе племенъ 28.—Переселеніе эллиновъ 28.—Греческій полуостровъ 28.—Состояніе страны во время заселенія ея греками 29.—Сосѣди съ сѣвера 30.—Греческія пограничныя племена 30.—Осѣдность 31.—Родовой строй 31.—Родовое государство и его расширеніе 33.—Распространеніе племенъ 33.—Областныя государства 34.—Племенные союзы и племенные имена 35.—Крупные политическіе союзы 36.—Завоеваніе острововъ 37.—До-эллиновское населеніе острововъ 38.—Народы Малой Азіи 39.—Греки въ западной части Малой Азіи 40.—Памфілія и Кипръ 40.—Преданія о колонизаціи Малой Азіи 41.—Исходные пункты колонизаціи 42.—Доряне, іоняне, эоляне 44.—Хронологія 45.—Физическія свойства греческаго народа 46.—Нравственныя и умственныя качества 47.—Мѣстныя разновидности національнаго характера 48.—Распаденіе языка 48.—Пелопоннесская группа нарѣчій 49.—Ионійскія нарѣчія 49.—Нарѣчія Сѣверной Греціи 50.—Национальное единство 51.

ГЛАВА II.

Культура древнѣйшей Греціи.

Культура индогерманскаго пра-народа 52.—Древнѣйшая эгейская культура 53.—Древнѣйшія сношенія съ Востокомъ 56.—Сухопутныя сношенія черезъ Малую Азію 57.—Древнѣйшая морская торговля 57.—Финикіяне 58.—Финикійскія колоніи въ Греціи 59.—Микенская культура 61.—Происхожденіе микенской культуры 62.—Отношеніе микенской культуры къ гомеровской 63.—Желѣзо 63.—Панопля 64.—Древность микенской культуры 65.—Носители микенской культуры 67.—Экономическій и политическій строй 67.—Скотоводство 67.—Земледѣліе 68.—Частная земельная собственность 69.—Ремесла 70.—Начатки раздѣленія труда 70.—Пути сообщенія 71.—Раздѣленіе сословій 71.—Царь 72.—Совѣтъ и народное собраніе 72.—Правосудіе 73.—Отношенія къ сосѣднимъ государствамъ 73.

ГЛАВА III.

Міеъ и религія.

Образованіе міеовъ 75.—Анимизмъ 76.—Одушевленная природа 77.—Міеы, объясняющіе явленія природы 78.—Видоизмѣненіе этихъ міеовъ 80.—Происхожденіе религіи 80.—Религія индогерманцевъ 80.—Религія доэллинскаго населенія 81.—Семитическое вліяніе 81.—Божества неба 83.—Водныя божества 86.—Божества земли 86.—Божества отвлеченныхъ понятій 87.—Низшія божества 88.—Пережитки культа животныхъ 88.—Культь деревьевъ 89.—Священные камни и истуканы 89.—Культь мертвыхъ 89.—Мѣстныя божества 93.—Герои 94.—Теогоническія системы 95.—Сущность божества 97.—Отношеніе человѣка къ божеству 97.—Культь 98.—Средоточія культа 99.—Жрецы 100.—Прорицатели 100.

ГЛАВА IV.

Народный эпосъ.

Происхожденіе греческой поэзіи 102.—Гимнъ въ честь божества 103.—Героическая пѣснь 103.—Иліада 104.—Пѣснь о гнѣвѣ Ахиллеса 104.—Разработка ея 105.—Долонія 107.—Патроклія 107.—Остатки другой Иліады 107.—Одиссея 109.—Эпическій циклъ 111.—Авторы эпоса 111.—Гомеръ 112.—Родина эпоса 113.—Время возникновенія эпоса 114.

ГЛАВА V.

Традиціонная исторія греческой древности.

Содержаніе эпоса считается исторической истиной 116.—Послѣдствія этого взгляда 116.—Переселеніе эссалійцевъ 117.—Переселеніе беотянъ 117.—Переселеніе элейцевъ 118.—Переселеніе дорянъ 118.—Время возникновенія сказаній о переселеніяхъ 120.—Внутренняя достовѣрность этихъ сказаній 121.—Обратныя заключенія отъ условій историческаго времени

122.—Данаїцы и ахейяне 124.—Абанты 125.—Кавконы 125.—Куреты 126.—
—Лалиеы, флегійцы, минійцы 126.—Пеласги 127.—Лелеги 129.—Θракійцы
130.—Переселенія съ Востока 131.—Пелопсъ 131.—Данай, Кекропсъ 132.—
Кадмъ, Миносъ 132.—Система традиціонной исторіи греческой древности 133.

ГЛАВА VI.

Распространеніе грековъ вдоль береговъ Средиземнаго моря.

Открытія 135.—Продолженіе колонизаціи 135.—Характеръ колонизаціи
136.—Отношенія между колоніями и метрополіями 137.—Сказанія объ осно-
ваніи колоній 137.—Западъ 138.—Древнѣйшія сношенія съ Италіей 138.—
Ахейцы въ Италіи 139.—Эпизефирскія Локры 141.—Халкидяне на западѣ
142.—Коринескія колоніи 144.—Мегаряне въ Сициліи 145.—Тарентъ 146.—
Родосцы въ Сициліи 146.—Дальній Западъ 147.—Финикіяне на западномъ
побережьи Средиземнаго моря 148.—Финикіяне и греки 149.—Борьба этру-
сковъ мротивъ Кумъ 150.—Халкидяне во Θракіи 150.—Θасось, Маронея,
Абдера 151.—Греки на Геллеспонтѣ 152.—Милетцы на Понтѣ 153.—Мега-
ряне на берегахъ Пропонтиды и Понта 154.—Развитіе понтійскихъ коло-
ній 155.—Греки на восточномъ побережьи Средиземнаго моря 155.—Откры-
тіе доступа въ Египетъ 156.—Кирена 157.

ГЛАВА VII.

Перевооротъ въ экономической жизни.

Зачатки промышленности 159.—Центры промышленности 161.—Эман-
сипація отъ Востока въ промышленномъ отношеніи 162.—Морская торговля
162.—Мореходство 163.—Устройство каналовъ 164.—Сухопутныя сношенія
164.—Торговые центры 165.—Развитіе городовъ 166.—Установленіе мир-
ныхъ отношеній на сушѣ 167.—Борьба съ морскимъ разбойничествомъ
168.—Мѣры и вѣсъ 168.—Чеканка монеть 170.—Малоазіатская чеканка
изъ электрона 171.—Лидо-персидская денежная система 171.—Эгинская и
эвбейская система 172.—Продолженіе господства натурального хозяйства
173.—Цѣны 174.—Сельское хозяйство 175.—Положеніе земледѣльческаго
класса 176.—Деміурги 179.—Рабство 179.

ГЛАВА VIII.

Умственное развитіе отъ Гомера до Персидскихъ войнъ.

Экономическій и духовный прогрессъ 182.—Алфавитъ 182.—Расшире-
ніе алфавита 183.—Родина греческаго алфавита 184.—Распространеніе
письменности 184.—Прогрессъ въ области нравственности 184.—Военное
право 185.—Правовыя воззрѣнія 185.—Положеніе женщинъ 186.—Прости-
туція и педерастія 186.—Этическія ученія 187.—Семь мудрецовъ 187.—
Утилитаризмъ 187.—Религія 188.—Реакція противъ антропоморфизма 188.—
Зачатки монотеизма 189.—Загробное возмездіе 189.—Очищенія 191.—Ми-
стеріи 191.—Ученіе орфиковъ 192.—Пивагоръ 193.—Гаданіе по внутренно-
стямъ жертвенныхъ животныхъ 193.—Оракулы 194.—Сборники изреченій

оракуловъ 195. — Культъ 195. — Празднества 196. — Календарь 197. — Время счисленіе 198. — Героическій эпосъ 199. — Пародическій эпосъ 200. — Генеалогическій эпосъ 200. — Теогонія 201. — Музыка 202. — Архилохъ 204. — Послѣдователи Архилоха 205. — Элегія 205. — Любовная пѣснь 205. — Хоровая лирика 206. — Образовательное искусство: стиль Дипилона 208. — Финикійское вліяніе 209. — Эмансипація греческой живописи 209. — Металлическія издѣлія 210. — Архитектура 210. — Каменные храмы 211. — Декоративная каменная скульптура 212. — Статуи 213.

ГЛАВА IX.

Начало объединительнаго движенія.

Национальное чувство 215. — Национальныя святилища 215. — Дельфійская Амфикионія 216. — Имя „эллиновъ“ 216. — Политическіе союзы 217. — Аттичскій синоиксизмъ 217. — Беотійскій союзъ 219. — Союзныя государства Сѣверной Греціи 219. — Фессалія 220. — Священная война 221. — Упадокъ Фессалии 222. — Македонія 222. — Арголида 223. — Спарта 224. — Лаконскіе періэки 225. — Мессенскія войны 225. — Борьба Спарты съ Аркадіей 227. — Фейдонъ аргосскій 227. — Элида 228. — Пелопоннесскій союзъ 229. — Острова 229. — Лелантская война 229. — Колоніи 230. — Лидійское царство 232. — Гигесъ 232. — Киммерійцы 233. — Покореніе Малой Азіи 233. — Эллинизация Лидіи 234. — Персы въ Малой Азіи и Египтѣ 235.

V ГЛАВА X.

Господство аристократіи и его паденіе.

Аристократія и царская власть 237. — Уничтоженіе царской власти 238. — Господство знати 241. — Олигархія 241. — Оппозиція демоса 242. — Кодификація права 243. — Законодатели 243. — Уголовное право 245. — Обязательственное право 246. — Судопроизводство 246. — Политическая реформа 247. — Революція 248. — Тиранія 249. — Вліяніе тираніи на экономическое и духовное развитіе 250. — Паденіе тираніи 251. — Тиранія въ Малой Азіи 251. — Поликратъ 252. — Начало тираніи въ Сициліи 253. — Ортагориды въ Сикіонѣ 253. — Кипселиды въ Коринѣ 254. — Феагенъ мегарскій 255. — Килонъ 256. — Соловъ 256. — Соціальныя реформы 257. — Право и судъ 257. — Преобразование государственнаго устройства 257. — Тиранія въ Афинахъ 259. — Писистратъ 260. — Внутренняя политика 261. — Внѣшняя политика 262. — Сверженіе Писистратидовъ 264. — Реформа Клисеена 265. — Разрушеніе родового строя 265. — Совѣтъ пятисотъ 266. — Магистратура 267. — Остракисмъ 268. — Реакція 268. — Побѣда демократіи 270. — Первые войны аттической демократіи 271. — Заключеніе 271.

ГЛАВА XI.

Освободительныя войны.

Греки и варвары 272. — Персидское царство 272. — Военныя и финансовыя силы 273. — Государственный строй 273. — Причины слабости 274. — Преобразование государства Даріемъ 275. — Скиескій походъ 275. — Резуль-

таты похода 275. — Ионійское возстаніе 276. — Спарта и Аргось 277. — Дѣйствія аеинянъ противъ Персіи 278. — Взятіе Сардъ 278. — Лемность и Имбръ 279. — Успѣхи персидскаго оружія 279. — Гистіей 280. — Битва при Ладъ 280. — Усмиреніе возстанія 281. — Походъ Мардонія 281. — Походъ Датиса 282. — Партіи въ Аеинахъ, Мильтіадъ 282. — Мараѳонъ 284. — Приготовленія персовъ къ войнѣ 285. — Конецъ дѣятельности Мильтіада 286. — Паденіе Алкмеонидовъ 287. — Аристидъ 287. — Оемистоклъ 287. — Война съ Эгиной 288. — Основаніе флота 289. — Политическія смуты въ Спартѣ 290. — Смерть Клеомена и побѣда эфосали на сторону персовъ 294. — Термопилы 294. — Битва при Артемисіѣ 296. — Взятіе Аеинъ 296. — Саламинъ 297. — Отступленіе Ксеркса 299. — Платей 300. — Взятіе Фивъ 301. — Микале 302. — Флотъ подъ начальствомъ Павсанія 302. — Делосскій морской союзъ 303. — Фракійскіе походы 304. — Скиросъ и Наксосъ 305. — Изгнаніе Павсанія изъ Византіи 305. — Битва при Эвримедонтѣ 306. — Объединительное движеніе на западъ 306. — Гелонъ 307. — Феронъ акрагантскій 308. — Походъ Доріея 308. — Битва при Гимерѣ 309. — Геронъ 310. — Заключеніе 312.

ГЛАВА XII.

Экономическій расцвѣтъ послѣ Персидскихъ войнъ.

Послѣдствія побѣдъ надъ варварами 313. — Переимѣненіе экономического центра 314. — Пирей 315. — Крупная промышленность и невольническое хозяйство въ собственной Греціи 316. — Метэки 317. — Крупные городскіе центры 318. — Народонаселеніе 320. — Ввозъ хлѣба 322. — Сельское хозяйство 323. — Исчезновеніе натурального хозяйства 324. — Монетное дѣло 324. — Средства обращенія 325. — Повышеніе цѣнъ 326. — Такса процентовъ 327. — Прибыль отъ промышленныхъ предпріятій 328. — Морская торговля 328. — Земельная рента 329. — Заработная плата 330. — Вознагражденіе за умственный трудъ 331. — Народное богатство 332. — Распредѣленіе богатства 332. — Богатство частныхъ лицъ 334. — Обстановка жизни: жилище 335. — Одежда 335. — Пища 336. — Государственное хозяйство 337. — Жалованье 338. — Издержки на культъ 338. — Другіе государственные расходы 339. — Расходы на войско 339. — Расходы на флотъ 341. — Военныя издержки 342. — Доходъ съ государственныхъ имуществъ 343. — Прямые налоги 344. — Косвенные налоги 345. — Величина государственныхъ доходовъ 346. — Безвозмездныя почетныя должности 347. — Заключеніе 348.

ГЛАВА XIII.

Демократія.

Демократическое направленіе 349. — Цѣли движенія 350. — Распространеніе демократіи въ государствахъ аеинскаго союза 351. — Военныя монархіи въ Сициліи 352. — Революція въ Сициліи 353. — Демократическое движеніе въ Италіи 355. — Возстаніе италиковъ 356. — Дукетій 356. — Демократія въ Киренѣ 358. — Демократическое движеніе на греческомъ полуостровѣ 358. — Внутренній кризисъ въ Спартѣ 360. — Возстаніе гелотовъ 363. — Паденіе Оемистокла 364. — Бѣгство Оемистокла въ Азію 365. — Аеины при Кимонѣ

366.—Возстаніе Фасоса 366.—Походъ Кимона къ Иеомъ 367.—Разрывъ между Аеинами и Спартою 368.—Завершеніе демократіи въ Атикѣ 368.—Периклъ 369.—Введеніе жалованья судьямъ 370.—Соціально-политическія мѣропріятія 370.—Метэки и рабы 372.—Стремленія къ уничтоженію рабства 372.—Эмансипація женщинъ 373.—Гетеры 375.—Аспасія 375.—Демократическая свобода 376.—Знать 376.—Оппозиція противъ знати 377.

ГЛАВА XIV.

Періодъ политическаго равновѣсія.

Аеины и Спарта 379.—Переходъ Мегары въ аеинскій союзъ 380.—Война между Аеинами и Пелопоннесомъ 381.—Битва при Танагрѣ 381.—Битва при Энофитахъ и ея послѣдствія 382.—Сдача Эгины 382.—Длиныя стѣны Аеинъ 383.—Наступательныя движенія аеинянь противъ Пелопоннеса 383.—Капитуляція Иеомы 384.—Возстаніе въ Египтѣ 384.—Истребленіе аеинскаго флота въ Египтѣ 385.—Послѣдствія катастрофы 385.—Перемиріе со Спартою 386.—Походъ противъ Кипра 387.—Миръ съ Персіей 388.—Отложеніе Беотіи 388.—Тридцатилѣтній миръ 389.—Полчиненіе Эвбеи 390.—Фукидидъ изъ Алопеки 390.—Единовластіе Перикла 390.—Централизація морскаго союза 391.—Клерухіи 391.—Принудительная юрисдикція 392.—Организація финансовой системы союза 393.—Настроеніе союзниковъ 394.—Возстаніе Самоса 395.—Приобрѣтенія аеинянь во Фракіи и на черноморскихъ берегахъ 398.—Основаніе Фурій 399.—Распространеніе аеинскаго вліянія на западъ 400.—Война между Коринеомъ и Корцирою 400.—Потидея 403.—Вмѣшательство пелопоннесцевъ 404.—Мегарская псефисма 405.—Оппозиція противъ Перикла 405.—Процессы Анаксагора, Аспасіи, Фидіа 406.—Старанія Перикла вызвать войну 407.—Ресурсы Аеинъ 409.—Военный планъ Перикла 410.—Приготовленія къ войнѣ въ Пелопоннесѣ 411.

ГЛАВА XV.

Пелопоннесская война.

Настроеніе въ Греціи 413.—Налаженіе на Платею 414.—Архидамъ въ Атикѣ 414.—Морская демонстрація аеинянь 415.—Изгнаніе эгинянь, вторженіе въ Мегариду 416.—Результаты перваго года войны 416.—Второе нашествіе пелопоннесцевъ въ Атику 416.—Чума въ Аеинахъ 416.—Паденіе Перикла 417.—Неудача мирныхъ переговоровъ со Спартою 418.—Взятіе Потидеи 418.—Битва при Спартолѣ 416.—Походъ Ситалка въ Македонію 419.—Возвращеніе Перикла къ власти 420.—Смерть Перикла; его преемники 420.—Осада Платеи 421.—Война въ Акарнаніи и битва при Навпактѣ 422.—Результаты первыхъ трехъ лѣтъ войны 422.—Отложеніе Лесбоса 422.—Капитуляція Платеи 424.—Междоусобная война въ Корцирѣ 425.—Война въ Сициліи 426.—Политическій переворотъ въ Спартѣ 426.—Побѣда военной партіи въ Аеинахъ 427.—Демосеенъ въ Этоліи и Акарнаніи 428.—Сфактерія 429.—Господство Клеона 432.—Взятіе Клееры 432.—Увеличеніе союзнической дани 432.—Выборы стратеговъ на 424/3 годъ 433.—Взятіе Нисеи 433.—Брасидъ подъ Мегарою 434.—Фракійскій походъ Брасида 434.—Битва

при Деліѣ 436.—Конецъ сиракузской войны 436.—Привлеченіе къ суду стратеговъ въ Афинахъ 436.—Перемиріе между Афинами и Спартою 437.—Продолженіе еракійской войны 437.—Клеонъ во Эракіи 438.—Послѣдствія битвы при Амфиполѣ 439.—Положеніе дѣлъ въ Пелопоннесѣ 439.—Никіевъ миръ 440.—Исполненіе условій договора 441.—Настроеніе въ Пелопоннесѣ 442.—Союзъ между Афинами и Спартою 442.—Аргосскій союзъ 442.—Побѣда военной партіи въ Спартѣ и Афинахъ 443.—Алкивиадъ 443.—Союзъ между Афинами и Аргосомъ 444.—Война между Спартою и Аргосомъ 444.—Битва при Мантиней 445.—Послѣдствія битвы 446.—Остракисмъ Гипербола 446.—Никій и Алкивиадъ 447.—Война въ Халкидикѣ 447.—Завоеваніе Мелоса 448.

ГЛАВА XVI.

Расцвѣтъ поэзіи и искусства.

Причины расцвѣта художественнаго творчества послѣ Персидскихъ войнъ 449.—Центры художественной дѣятельности 449.—Классическая музыка 450.—Дионисіадъ 451.—Сатирическая драма 451.—Трагедія 451.—Эсхиль 452.—Софокль 453.—Эврипидъ 453.—Комедія 454.—Эпихармъ 454.—Древняя аттическая комедія 455.—Драматическія представленія 456.—Искусственный эпосъ, элегія 457.—Пластическое искусство 458.—Архитектура 458.—Возстановленіе Афинъ 459.—Постройки внѣ Атики 461.—Пластика 461.—Аргосскія школы 462.—Аттическая школа 462.—Фидій 463.—Поликлитъ 463.—Живопись: Полигнотъ, Агаѳархъ 464.—Аполлодоръ, Зевксисъ, Паррасій 465.—Керамика 465.—Одежда 465.—Этическое вліяніе искусства 466.—Уровень нравственности 467.

ГЛАВА XVII.

Основаніе науки.

Вліяніе Востока 469.—Іонія—колыбель науки 469.—Фалесъ 470.—Пифагорейцы 470.—Математика въ Іоніи 471.—Астрономія 472.—Вреясчисленіе 472.—Землевѣдѣніе 473.—Медицина 474.—Анатомія и физиологія 476.—Патологія и терапия 476.—Ботаника 477.—Зоологія 477.—Объясненіе природы 477.—Анаксимандръ 478.—Анаксименъ 478.—Гераклитъ 478.—Ксенофанъ 479.—Парменидъ 479.—Эмпедокль 480.—Анаксагоръ 481.—Диогенъ изъ Аполлоніи 481.—Пифагорейская мистическая система чиселъ 481.—Демокритъ 482.—Теорія познанія 484.—Реторика 485.—Языковѣдѣніе 486.—Начатки историографіи 486.—Геродотъ 487.—Гелланикъ 488.—Другіе историки 489.—Фукидидъ 489.—Научная этика: Протагоръ 490.—Этическая система Демокрита 491.—Знаніе и вѣра 493.—Популяризація науки 494.—Научное преподаваніе 495.—Гонораръ 495.—Выступленіе ораторовъ на олимпійскихъ и дельфійскихъ празднествахъ 496.—Афины, какъ умственный центръ 496.—Научная литература 496.—Умственный уровень 497.—Просвѣщеніе и общественное мнѣніе 498.—Побѣда просвѣщенія 500.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ

**КОНЧАЯ СОФИСТИЧЕСКИМЪ ДВИЖЕНИЕМЪ
И ПЕЛОПОННЕССКОЙ ВОЙНОЮ.**

ВВЕДЕНІЕ.

ПРЕДАНІЕ.

Интересъ и способность къ изученію историческихъ явленій суть плоды культурнаго развитія. Первобытный человѣкъ живетъ только настоящимъ; его еще не тревожитъ вопросъ о томъ, каковы были судьбы его племени въ прежнія времена, а если подобный вопросъ и возникаетъ въ немъ иногда, — онъ отвѣчаетъ на него такъ-же произвольно, какъ на вопросъ о причинѣ того или другого естественнаго явленія. Поэтому дикіе и полудивилизованные народы совершенно лишены историческихъ преданій въ точномъ смыслѣ этого слова.

Каковы были историческія представленія грековъ въ глубокой древности, это лучше всего видно изъ генеалогическихъ преданій знатныхъ семействъ. Въ Греціи, какъ и во всякой другой странѣ, аристократія дорожила своими родословными, какъ удобнымъ средствомъ возмѣщать недостатокъ собственныхъ заслугъ дѣйствительными или мнимыми заслугами предковъ. Всѣ эти родословныя восходили до боговъ, но списка человѣческихъ предковъ нигдѣ нельзя прослѣдить дальше X вѣка. Такъ, обѣ спартанскія династіи насчитывали отъ Персидскихъ войнъ до героев-эпонимовъ Агиса и Эврипонта, т. е. за періодъ приблизительно въ четыре столѣтія, 12—13 членовъ, исключая самихъ эпонимовъ, при чемъ ближайшіе преемники послѣднихъ, подобно имъ самимъ, вѣроятно относятся къ области мифа, такъ что дѣйствительное историческое преданіе могло начаться здѣсь только съ VIII столѣтія. Такой-же характеръ носили родовыя записи знати малоазіатскихъ колоній. Историкъ Гекатей изъ Милета, жившій около 500 г. до Р. Х., называлъ себя потомкомъ бога въ 16-мъ поколѣніи ¹⁾; слѣдовательно его первый человѣческій предокъ долженъ былъ

¹⁾ Herod. II 143.

жить въ X вѣкѣ. Но и въ эту родословную были, вѣроятно, зачтены эпонимъ рода и, можетъ-быть, также нѣкоторые другіе мифическіе предки. Великій врачъ Гиппократъ изъ Коса, который родился около 460 г., насчитывалъ 18 предковъ до Асклепія ¹⁾; такъ-какъ послѣдній и сынъ его Подалирій — мифическія лица, то въ лучшемъ случаѣ остаются только 16 историческихъ предковъ. Значитъ, и въ этомъ родѣ воспоминанія не шли дальше 1000 года ²⁾. Притомъ, всякое подобное генеалогическое преданіе въ своей древнѣйшей части совершенно безцвѣтно; оно даетъ одни голыя имена, и ничего болѣе. Достаточно бросить взглядъ на подвиги, которые приписываются спартанскимъ царямъ, жившимъ до Телекла и Теопомпа, чтобы тотчасъ замѣтить, что мы имѣемъ здѣсь дѣло не съ исторіей и даже не съ легендой, а просто съ позднѣйшимъ вымысломъ.

Правда, рядомъ съ генеалогическимъ преданіемъ существуетъ и этическое преданіе—героическая пѣснь. Но пѣвцы нисколько не интересуются той исторической связью, въ которой совершались воспѣваемые ими доблестные подвиги; мало того—обыкновенно они лишены даже способности различать, что было раньше, что — позже. Въ самомъ дѣлѣ, какія извѣстія объ Одоакрѣ и Теодорихѣ сообщаетъ намъ «Пѣснь о Гильдебрандѣ», или что мы знали-бы о великой революціи, происшедшей въ Аѳинахъ въ концѣ VI вѣка, если-бы отъ того времени до насъ не дошло никакого другого памятника, кромѣ пѣсни о Гармодіи? Но главное — то, что историческая пѣснь, какъ таковая, болѣею частью недолговѣчна. Уже древній Гомеръ зналъ, что слушатели постоянно требуютъ новыхъ разсказовъ ³⁾; поэтому греческая героическая пѣснь доисторической эпохи исчезла очень рано, и притомъ такъ безслѣдно, что до насъ почти не дошло извѣстій о ней, и мы заключаемъ о ея существованіи, главнымъ образомъ, на основаніи аналогіи въ исторіи развитія другихъ литературъ.

Историческая пѣснь составляетъ лишь одинъ изъ элементовъ народнаго эпоса, но она нераздѣльно сливается въ немъ съ другими составными частями — съ религіозными мифами и свободными

¹⁾ Ἱπποκράτους γένος отъ Сорана, у Вестермана *Βιογράφοι*, p. 449. Цецъ, дающій полную генеалогію, считаетъ лишь 16 предковъ до Асклепія (*Chiliad. VII 944*).

²⁾ О другихъ подобныхъ генеалогіяхъ см. E. Meyer, *Forschungen zur älteren griechischen Geschichte*, Halle 1892, стр. 170 слл.

³⁾ α 351 τὴν γὰρ αἰοίδην μᾶλλον ἐπικλείουσ' ἀνθρώποι, ἣτις ἀκούοντεςσι νεωτάτη ἀμφιπέλλεται („ибо чѣмъ новѣе пѣснь, тѣмъ охотнѣе слушаютъ ее люди“).

созданиями поэтической фантазіи. Въ глазахъ пѣвца весь легендарный матеріалъ представляетъ одно цѣлое, которымъ онъ, въ извѣстныхъ границахъ, считаетъ себя вправѣ распорядиться по своему произволу. Какая критика отважилась-бы выдѣлять крупницы исторической правды изъ нашей пѣсни о Нибелунгахъ или изъ французскаго рыцарскаго эпоса, если-бы до насъ не дошли, кромѣ поэтическихъ, еще и документальныя свидѣтельства? А такъ какъ отъ эпохи, въ которую складывался греческій эпосъ, не сохранилось никакихъ письменныхъ памятниковъ, то всѣ попытки выдѣлить историческое ядро Илиады или Эвваиды остаются пустыми предположеніями, рядомъ съ которыми съ такимъ-же правомъ можно поставить противоположныя гипотезы. Конечно, вѣрить можно всему, чему угодно; но тотъ, кто считаетъ походъ семи противъ Эивъ историческимъ фактомъ, долженъ, оставаясь послѣдовательнымъ, признать за дѣйствительное событіе и походъ бургундовъ противъ столицы Этцеля.

Все, что было сказано объ эпосѣ, примѣнимо—притомъ, конечно, еще въ болъшей степени—и къ остальнымъ сказаніямъ, съ которыми мы знакомимся только по позднѣйшимъ источникамъ и которыя отчасти возникли уже подъ вліяніемъ эпоса. Для реконструкціи древнѣйшей исторіи подобные мифы ничего не даютъ ¹⁾. Въ области римской исторіи этого не отрицалъ, со временъ Нибура, ни одинъ серьезный исследователь; пора-бы намъ примѣнить этотъ выводъ и къ греческой исторіографіи.

Но эпосъ является первокласснымъ источникомъ для изученія политической, экономической и духовной жизни грековъ въ доисторическую эпоху. Однако, этимъ источникомъ надо пользоваться осторожно. Илиада и Одиссея, въ той формѣ, въ которой онѣ дошли до насъ, составляютъ результатъ многовѣкового развитія. Мало того, что отдѣльныя части обѣихъ эпоевъ возникли въ совершенно различныхъ эпохи, но, согласно условіямъ эпической техники, изъ одной пѣсни въ другую было перенесено множество оборотовъ, стиховъ и даже цѣлыхъ отрывковъ. Изъ такихъ повтореній состоитъ почти половина нашей Илиады и Одиссеи ²⁾, и несомнѣнно, что многія формулы были заимствованы изъ болѣе древнихъ эпическихъ произведеній. Эти особенности, главнымъ образомъ, и составляютъ то, что мы называемъ условнымъ эпическимъ стилемъ. Понятно, что онѣ должны были, въ

¹⁾ Подробности—ниже, въ V главѣ.

²⁾ Ср. Carl Eduard Schmidt *Parallel - Homer*, Göttingen 1885, стр. VIII, гдѣ приведена статистика этихъ повтореній.

свою очередь, вліять на содержаніе; стремясь къ чистотѣ слога, пѣвцы естественно избѣгали упоминанія о такихъ предметахъ, которые не встрѣчались въ болѣе раннихъ пѣсняхъ. Послѣдовательно проводить это правило было, конечно, невозможно, да и сами поэты были далеки отъ такой приверженности къ старинѣ; сплошь и рядомъ обнаруживаются условія ихъ собственнаго времени, и тѣмъ сильнѣе, чѣмъ дальше это время отъ эпохи возникновенія эпическаго стиля. Такимъ образомъ, Одиссея въ общемъ изображаетъ болѣе высокую ступень культурнаго развитія, чѣмъ Илиада, и такая-же разница обнаруживается между болѣе древними и позднѣйшими пѣснями каждой изъ этихъ двухъ эпопей.

Наряду съ эпическими произведеніями, уже древность черпала свѣдѣнія о доисторической культурѣ грековъ изъ археологическихъ памятниковъ, какими являются стѣны Микенъ, Тиринѳа и другихъ столицъ или гробницы въ родѣ такъ называемыхъ сокровищницъ Атрея и Минія. Но ясное и живое представленіе о промышленности и искусствѣ этой отдаленной эпохи дали намъ только раскопки, произведенныя въ теченіе послѣднихъ двадцати лѣтъ въ Троѣ, Микенахъ, Тиринѳѣ и другихъ мѣстахъ. Многочисленные памятники, добытые этимъ путемъ, создали новую эпоху въ нашемъ знакомствѣ съ доисторическимъ бытомъ грековъ, и въ изученіи этого матеріала наука далеко еще не пришла къ окончательнымъ выводамъ, тѣмъ болѣе, что изо дня въ день приходится отмѣчать все новыя важныя открытія. Еще болѣе далекія перспективы, за эпоху раздѣленія племенъ, открываетъ намъ сравнительное изученіе языковъ и религій, отчасти также сравнительная исторія права. Понятно, что пользованіе этими данными требуетъ еще болѣе осмотрительности, чѣмъ пользованіе эпосомъ или археологическими памятниками.

Напротивъ, мы напрасно стали-бы искать свѣдѣній о доисторическомъ прошломъ грековъ у древнихъ культурныхъ націй Востока. Изъ финикійской литературы до насъ не дошло ни одной строки, которая имѣла-бы отношеніе къ первоначальной исторіи Греціи, а древнѣйшія мѣста Библии, упоминающія о грекахъ (яванъ), относятся къ эпохѣ не ранѣе конца VII столѣтія ¹⁾. Ассиріяне также пришли въ соприкосновеніе съ греками лишь въ сравнительно позднее время; поэтому мы узнаемъ изъ клинообразныхъ надписей только то, что знали-бы и безъ нихъ, именно, что большую часть населе-

¹⁾ Ezech. 27,13. Jes. 66,19. Gen. 10,24 (изъ сочиненія, написаннаго въ періодъ изгнанія). Cp. Stade *De populo Javan*, Progr. Giessen 1880.

нія Кипра въ концѣ VIII вѣка составляли греки. Правда, гіероглифы сообщаютъ о вторженіяхъ въ Египетъ «сѣверныхъ народовъ» въ эпоху девятнадцатой династіи, т. е. около 1200 г. до Р. Х.; рядомъ съ ливійцами въ точномъ смыслѣ (ребу), названо также ливійское племя машауаша, и далѣе—народы шардана, турша, шакаруна, акай-ваша и руку. Эти названія пытались отождествлять съ именами сардинцевъ, тирренцевъ, сицилійцевъ, ахеянъ и ликійцевъ, но единственное основаніе, на которое опираются эти рискованныя гипотезы, есть приблизительное однозвучіе именъ. Во всякомъ случаѣ акайваша, соблюдавшіе обрядъ обрѣзанія, не имѣютъ ничего общаго съ ахеянами; это имя обозначаетъ, вѣроятно, ничто иное, какъ коалицію ливійскихъ народовъ ¹⁾. Нѣсколько позже, при Рамзесѣ III (ок. 1180 — 1150 гг.) Египетъ снова подвергся нападѣніямъ со стороны сѣверныхъ народовъ, между которыми на этотъ разъ упоминаются и данауны. Нѣкоторые ученые видѣли въ послѣднихъ данайцевъ, но эта догадка остается простымъ предположеніемъ даже для тѣхъ, кто не считаетъ данайцевъ чисто-миѣическимъ образомъ. Даже авторы Иліады, за исключеніемъ одного позднѣйшаго мѣста, совершенно не знаютъ Египта, и даже въ Телемахіи путешествіе въ Египетъ изображается, какъ чрезвычайно опасное предпріятіе ²⁾. Поэтому трудно предположить, чтобы культурные народы, жившіе по берегамъ Эгейскаго моря, уже въ столь раннюю эпоху предпринимали военные походы въ Египетъ, и, во всякомъ случаѣ, ни одинъ осторожный изслѣдователь не будетъ строить историческихъ комбинацій на такомъ шаткомъ основаніи.

На вопросъ о времени появленія письменности у грековъ наши преданія не даютъ, конечно, никакого отвѣта, по той же причинѣ, по которой, говоря словами Гомера, никто не можетъ рассказать о своемъ рожденіи, какъ очевидецъ. Первоначально греки, повидимому, заимствовали у малоазіатскихъ народовъ силлабическое письмо, которое на отдаленномъ Кипрѣ удержалось до временъ Александра, но нѣкогда было, вѣроятно, распространено на гораздо ббльшемъ пространствѣ ³⁾.

1) Wiedemann *Aelteste Beziehungen zwischen Aegypten und Griechenland*, Leipzig 1883. *Geschichte Aegyptens* I, стр. 474 сл. (Gotha. 1884).

2) у 319 слл. Нѣтъ надобности доказывать, что глиняная утварь „микенскаго“ стиля (см. ниже, гл. II), найденная въ Египтѣ при раскопкѣ слоевъ, относящихся къ эпохѣ XVIII — XX династій, отнюдь не доказываетъ существованія въ это время прямыхъ сношеній между Египтомъ и Греціей.

3) Сейсь у Шлимана *Ilios*, стр. 766 слл. Правда, вопросъ о томъ, дѣйствительно-ли можно замѣтить такіе знаки на печатяхъ, найденныхъ въ Гис-

Слѣдовательно греки могли познакомиться съ алфавитомъ только послѣ заселенія Кипра, потому что невѣроятно, чтобы, зная алфавитъ уже до прибытія на этотъ островъ, они замѣнили его столь несовершеннымъ письмомъ. Притомъ, ко времени принятія алфавита звукъ «iod» долженъ былъ уже исчезнуть изъ большей части нарѣчій, такъ какъ семитическое изображеніе этого звука было употреблено для обозначенія гласной i. Напротивъ, звукъ «vac» (дигамма) былъ еще повсюду въ употребленіи, чѣмъ и объясняется то обстоятельство, что для гласной u (y) пришлось создать новый знакъ. Такимъ образомъ, греческій языкъ стоялъ въ это время приблизительно на той ступени развитія, которую представляетъ наша Илиада ¹⁾. Въ эпосѣ письма упоминаются только однажды, притомъ въ такихъ выраженіяхъ, которыя ясно показываютъ, что ни поэтъ, ни его слушатели не умѣли читать и со страхомъ смотрѣли на таинственные знаки, которые способны перенести выраженіе нашихъ мыслей въ отдаленныя страны ²⁾. Поэтому мы должны представлять себѣ іонійское общество IX-го и, можетъ быть, даже VIII вѣка, въ общемъ безграмотнымъ. Дѣйствительно, ни одна изъ дошедшихъ до насъ греческихъ надписей не восходитъ далѣе VІІ-го столѣтія ³⁾, а древ-

сарликъ, остается открытымъ, но дополнительные знаки греческаго алфавита взяты, повидимому, отчасти изъ „кипрскаго“ силлабическаго письма. Недавно и въ Микенахъ были найдены на ручкахъ вазъ надписи, сдѣланныя силлабическимъ письмомъ, родственнымъ кипрскому.

1) Гипотеза, по которой греки усвоили фонетическое письмо еще до заселенія Малой Азіи и алфавитъ еще на родинѣ распался на свои главные двѣ вѣтви, была опровергнута открытіемъ неандрейскаго камня (Kirchhoff. *Sitzungsberichte der berl. Acad.* 1891, стр. 963); впрочемъ, нелѣпость этого предположенія была и раньше очевидна для всякаго разумнаго человѣка.

2) Z 168 *πέμπει δὲ μιν Λυκίηνδε, πόρεν δ' ὃ γε σήματα λυγρὰ, γράψας ἐν πίνακι πτυκτῷ θυμοφθόρα πολλά, δείξαι δ' ἠνώγει ᾧ πενθερῷ.* („...въ Ликію послалъ и недобрые далъ ему знаки: Много зловѣщихъ писемъ на досечкѣ складной начерталъ онъ И на погибель его приказалъ передать ее тестю“). Значитъ, это было дѣйствительно письмо, какія-бы письма поэта ни имѣлъ въ виду — фонетическія, или „кипрскія“ силлабическія, или гамаэскіе гіероглифы.

3) По крайней мѣрѣ, большей древности нельзя доказать или предположить съ вѣроятностью ни для одной изъ нихъ. Одною изъ древнѣйшихъ является надпись, вырѣзанная на кувшинѣ, который былъ найденъ въ Афинахъ у Дипилона: *ὅς νῦν ὀρθιστῶν πάντων ἀταλώτατα παίζει τοῦ τόδε...* (*Athen. Mitteil.* VI, 107); она относится къ позднѣйшей эпохѣ Дипилона, т. е. ко времени не раньше середины VII вѣка. Камень Месы изъ Моаба (IX вѣка) не даетъ никакихъ указаній относительно времени принятія алфавита, если даже допустить, что онъ представляетъ болѣе позднія формы, чѣмъ об-

нѣйшія надписи на камнѣ, время которыхъ можно установить съ полной увѣренностью, относятся лишь къ началу VI столѣтія ¹⁾). Точно такъ же почти всѣ монеты VII вѣка еще лишены надписи ²⁾). Такимъ образомъ, едва-ли можно допустить, чтобы алфавитъ вошелъ въ употребленіе у грековъ раньше VIII вѣка, хотя, разумѣется, возможно, что это случилось еще въ IX вѣкѣ и даже нѣсколько раньше. Впрочемъ, съ точки зрѣнія исторіографіи это обстоятельство не имѣетъ большого значенія; во всякомъ случаѣ, несомнѣнно, что до VII вѣка письменность была достояніемъ немногихъ лицъ и только съ этого времени стала входить во всеобщее употребленіе ³⁾).

Итакъ, уже древніе не обладали ни однимъ письменнымъ памятникомъ, который восходилъ-бы за VII или, въ крайнемъ случаѣ, за VIII столѣтіе. Надписи, сдѣланныя «кадмейскимъ» письмомъ, которыя Геродотъ видѣлъ въ храмѣ исменійскаго Аполлона въ Фивахъ, не могли быть древнѣе, такъ какъ были написаны на эпическомъ діалектѣ ⁴⁾). Въ храмѣ Геры въ Олимпіи хранился мѣдный дискъ, на которомъ старинными письменами были изложены постановленія о соблюденіи божьяго мира въ дни празднествъ; здѣсь упоминалось имя какого-то Ликурга, котораго позже отождествляли съ спартанскимъ законодателемъ ⁵⁾). Между тѣмъ послѣдній вовсе не представляетъ со-

разцовый греческій алфавитъ; вѣдь мы не знаемъ, какимъ путемъ перешли къ грекамъ фонетическія письма.

¹⁾ Надписи наемниковъ въ Абусимблѣ, начертанныя между 594 и 589 г., ср. Wiedemann *Rhein. Mus.* 35, 364 слл. Возраженія, которыя были сдѣланы противъ этой датировки, неубѣдительны.

²⁾ Древнѣйшей монетой, имѣющей надпись, является, повидному, найденный въ Галикарнасѣ статеръ Фанеса (*Head Hist. Num.*, стр. 526, ср. стр. LXIII), который относится, можетъ-быть, еще къ VII столѣтію. Къ послѣднимъ годамъ этого вѣка относятся, вѣроятно, и древнѣйшіе коринтскіе статеры, носящіе простой знакъ ♀.

³⁾ Въ литературѣ письмо упоминается, кромѣ цитированнаго выше мѣста Иліады, впервые у Архилоха *fragm.* 89 (*ἀχνυμένη σκυτάλη*), т. е. въ срединѣ VII столѣтія.

⁴⁾ *Herod.* V 59—61. Первая изъ трехъ видѣнныхъ имъ надписей относится къ походу Амфитріона противъ телебоевъ и, значитъ, несомнѣнно представляетъ поддѣлку. Третья была сдѣлана будто бы царемъ Лаодамомъ, котораго Геродотъ, кажется, справедливо называетъ сыномъ Этеокла; но возможно также, что авторомъ ея былъ одноименный евскій царь, жившій въ историческое время. Вторая надпись сама по себѣ, можетъ быть, и не подложна по свойства ея обоимъ товарищамъ дѣлаютъ и ея достоверность весьма по дозрительной.

⁵⁾ *Plut. Lyc.* 1 по Аристотелю (*fr.* 533 *Rose*). *Wilamowitz Homer. Unters.* стр. 283 сл. *E. Meyer Forschungen* I, стр. 274.

бою исторической личности, и такъ какъ олимпійское празднество получило извѣстное значеніе только въ VII вѣкѣ, то и наша надпись не можетъ относиться къ болѣе раннему времени. Многіе греческіе храмы обладали списками своихъ жрецовъ, восходившими до глубокой древности. Такъ, въ Аргосѣ точно знали имена жриць Геры и число лѣтъ служенія каждой изъ нихъ, по меньшей мѣрѣ, до XIII столѣтія ¹⁾. До насъ дошелъ списокъ жрецовъ Посейдона въ Галикарнассѣ; онъ начинается съ Теламона, сына самаго бога, и здѣсь также чрезвычайно точно указана продолжительность службы каждаго жреца ²⁾. Нѣтъ надобности доказывать, что древнѣйшія части этихъ списковъ сочинены въ позднѣйшее время, но гдѣ именно начинается настоящее историческое преданіе,—этого мы, при современномъ состояніи дошедшаго до насъ матеріала, не можемъ опредѣлить. Само по себѣ мало вѣроятно, чтобы списки жрецовъ были болѣе древняго происхожденія, чѣмъ генеалогическія преданія царскихъ и аристократическихъ фамилій.

Имена побѣдителей на пивійскихъ, истмійскихъ и немейскихъ играхъ начали записывать не раньше первой половины VI вѣка; списки карнейскихъ побѣдителей сохранялись въ Спартѣ, по преданію, начиная съ 26-й Олимпиады (676 — 673) ³⁾. Еще раньше, съ 776 г., начинается списокъ побѣдителей на олимпійскихъ играхъ; но въ своей древнѣйшей части, до VI вѣка, онъ не опирается на одновременныя записи и получилъ свою теперешнюю форму только послѣ 480 г. ⁴⁾. Списки магистратовъ - эпонимовъ, въ виду ихъ огромной

¹⁾ *Hellanikos*. fr. 53 у *Dionys.* Римск. Древн. I, 22.

²⁾ *CIG.* 2655 = *Dittenberger* 372, сравн. *Rhein. Mus.* 1890, стр. 573. *E. Meyer Forschungen* I, стр. 173.

³⁾ Сосибій у Атеней XIV 635 e. f. Но такъ какъ въ качествѣ перваго побѣдителя является здѣсь Терпандръ (*Hellanikos* fr. 122 у Атеней, l. c.), историческое существованіе котораго подвержено большому сомнѣнію, то все сообщеніе представляется очень подозрительнымъ; не менѣе сомнителенъ промежутокъ ровно въ сто лѣтъ со времени начала олимпійскихъ игръ.

⁴⁾ Личность Корэба, котораго преданіе называетъ побѣдителемъ первой Олимпиады, достаточно характеризуется тѣмъ, что его гробницу указывали и въ Олимпіи (*Paus.* VIII 26,3, сравн. V 8,6), и въ Мегарѣ (*Paus.* I 44,1). Имена побѣдителей III, IV и X Олимпиадъ взяты изъ мессенской легенды (*Paus.* IV 4, 4,5; 3,10, сравн. *Niese Hermes* 27 (1891), стр. 16, который, впрочемъ, утверждаетъ обратное), а имя побѣдителя VII Ол.—даже изъ эпоса (*E* 542, γ 488, ο 186). Побѣдитель Ол. VI, по преданію—родомъ изъ Димъ, въ дѣйствительности происходилъ, какъ показываетъ надпись на его статуѣ (*Paus.* VII 17,7) изъ Пале на Кефалоніи или, вѣрнѣе (если чтеніе *πατρίδα Γαλειαν* правильно), изъ самой Элиды; разъ онъ имѣлъ статую—онъ не могъ

практической важности, принадлежать, вѣроятно, къ древнѣйшимъ письменнымъ памятникамъ; возможно, поэтому, что имена спартанскихъ эфоровъ дѣйствительно записывались уже съ 757 г., какъ утверждаютъ наши источники ¹⁾. Въ Аѳинахъ имена архонтовъ стали записывать приблизительно съ 682 г. ²⁾. Точно такъ-же въ VII вѣкѣ впервые начали записывать договоры, законы и т. п. Приблизительно въ то же время возникъ, вѣроятно, и обычай писать на жертвенныхъ дарахъ имя жертвователя и на надгробныхъ камняхъ—имя покойника. Тогда-же и художники начали выставлять на своихъ произведенияхъ свои имена ³⁾.

Въ то время, конечно, еще никому не приходило въ голову сохранять для потомковъ путемъ письменности извѣстія объ историческихъ происшествіяхъ, и позже объ этомъ не думалъ въ Греціи ни одинъ человекъ вплоть до V вѣка ⁴⁾. Письмомъ пользовались пока

жить раньше VI вѣка, потому что рассказъ Павсанія (l. c. и VI 3,8) о позднѣйшемъ посвященіи ему статуи ахейцами есть легенда, смыслъ которой ясенъ для всякаго. Кроме того, по преданію, онъ принималъ участіе въ Платейской битвѣ. Итакъ, редакторъ списка пользовался отчасти документальнымъ матеріаломъ, который въ изобиліи могли доставлять ему памятники Альтиды; но онъ распоряжался имъ совершенно произвольно. Его хронологія схематична; исходнымъ пунктомъ является преобразование праздника 480 г.; увеличеніе числа судей (гелланодиковъ) на два помѣщается за 25 Олимпиадъ назадъ, т. е. за столѣтіе, а самый моментъ этого увеличенія признается 50-й Олимпиадой (Paus. V 9,4 — 5). Такимъ образомъ Ол. I пришло на 776 г.; кроме того, эта датировка могла быть обусловлена и родословной Иеита. Вторымъ дошедшаго до насъ списка былъ по Плутарху (*Numa* 1) соеистъ Гиппій; во всякомъ случаѣ, до его времени этотъ списокъ ни разу не упоминается; впервые, если не ошибаюсь, объ немъ говоритъ Филистъ fr. 6 (у Steph. Byz. *Αὐμν*), писавшій свою исторію около 380 г. Ср. Mahaffy *Journal of Hellenic Studies* II, стр. 164.

1) Euseb. подъ Ol. 5,4 (II стр. 80 Schoene). Ср. E. Meyer *Forschungen* I, стр. 247. Последній опредѣляетъ начало списка 755,4 г., основываясь на соображеніяхъ, которыхъ я не могу признать убѣдительными; но и извѣстіе Евсевія, конечно, не имѣетъ абсолютнаго значенія.

2) Gelzer въ *Histor. und philol. Aufsätze E. Curtius gewidmet* Berlin 1884, стр. 17 слл. Списокъ десятилѣтнихъ и, тѣмъ болѣе, пожизненныхъ архонтовъ сочиненъ хронологами, при чемъ, впрочемъ, вполне возможно, что нѣкоторые изъ этихъ именъ исторически вѣрны.

3) Однимъ изъ древнѣйшихъ памятниковъ этого рода является найденная въ Цере ваза Аристонофа, на которой изображено ослѣпленіе Полигема; она относится къ концу VII столѣтія.

4) Хроникъ, какія существовали въ средніе вѣка или въ Римѣ, у грековъ въ древности не было, иначе до насъ дошло-бы извѣстіе о нихъ. Такъ наз. *ἔφοι* (annales), въ родѣ того, какой впервые составилъ во времена Геродота

еще исключительно для практических надобностей; читающей публики еще не было, поэтому каждое произведение было рассчитано на устную декламацию и заключено въ размѣренную рѣчь. Но поэзія уже не жила исключительно въ мірѣ мифовъ, а обращалась иногда и къ интересамъ настоящаго. Солонъ рассказывалъ о своемъ законодательствѣ, Тиртей—о мессенскихъ войнахъ, Мимнермъ—о борьбѣ іонійскихъ городовъ съ царями Лидіи, Каллинь — о набѣгѣ дикихъ киммерійцевъ, Алкей — о политической борьбѣ въ Митиленѣ. Такъ постепенно разсѣвается мракъ, окружающій греческую древность; историческія событія и лица начинаютъ выступать изъ тумана легенды, и впервые становятся возможными, хотя и не точныя, но близкія къ истинѣ хронологическія опредѣленія, тогда какъ въ дописьменную эпоху всякая датировка сводится, какъ въ геологіи, на «раньше» и «позже». Однако и легенда продолжала свою работу, и позднѣйшая греческая исторіографія охотно черпала изъ этого источника, чтобы пополнять пробѣлы дѣйствительнаго историческаго преданія, не страшась, въ то же время, возмѣщать недостающее собственными комбинаціями, пока не получалось, наконецъ, подобіе прагматическаго рассказа. Такимъ образомъ, наша ближайшая задача состоитъ въ разрушеніи этихъ произвольныхъ построеній; мы должны быть довольны, если намъ удастся уяснить себѣ по крайней мѣрѣ важнѣйшіе моменты развитія, и принуждены отказаться отъ мысли дать настоящую исторію этой эпохи, — ибо мнимое знаніе гораздо хуже незнанія.

Сказанное сейчасъ въ значительной степени примѣнимо даже къ исторіи Персидскихъ войнъ. То поколѣніе, которое сражалось у Марафона и Саламина, не оставило рассказа о своихъ побѣдахъ; лишь слѣдующее поколѣніе занялось изложеніемъ этихъ событій, съ той цѣлью, чтобы, какъ говоритъ Геродотъ, «великіе и достойные удивленія подвиги грековъ и варваровъ не были забыты съ теченіемъ времени». Его произведение и было единственнымъ источникомъ, изъ котораго древніе черпали свѣдѣнія о Персидскихъ войнахъ; главнымъ источникомъ является оно и для насъ, сохранившись, къ счастью, до нашего времени. Но Геродотъ писалъ уже въ началѣ Пелопоннесской войны ¹⁾, а въ теченіе полувѣка, протекшаго со временъ Дарія и

Харонъ Лампсакскій для своего родного города, а позже Гелланикъ и другіе аттидографы для Афинъ, были научными работами и составлялись отчасти на основаніи документальнаго матеріала, которымъ эти писатели, впрочемъ, не всегда пользовались правильно.

1) Последній фактъ, о которомъ онъ упоминаетъ,—отправка спартянцами

Ксеркса, легенда успѣла окружить своимъ цвѣтнымъ покровомъ подвиги отцовъ. Правда, въ его распоряженіи были и одновременныя свидѣтельства, въ родѣ надписей на памятникѣ побѣды въ Дельфахъ или на гробницѣ героевъ, павшихъ у Термопилъ, — и онъ пользовался этими свидѣтельствами; онъ говорилъ еще со многими людьми, которые принимали участіе въ битвахъ 480 и 479 годовъ на греческой и персидской сторонѣ. Но Геродотъ не былъ способенъ создать изъ такого матеріала истинную исторію эпохи; для этого ему недоставало, прежде всего, способности понимать политическія явленія и свѣдѣній по военному дѣлу, а глубокая религіозность заставляла его повсюду видѣть дѣйствіе сверхъестественныхъ силъ. Поэтому онъ изобразилъ намъ Персидскія войны не такъ, какъ онѣ произошли въ дѣйствительности, а какъ отразились въ сознаніи его современниковъ; и здѣсь мы опять должны удовольствоваться возстановленіемъ основныхъ чертъ ¹⁾.

Не въ лучшемъ положеніи находится и исторія такъ назыв. пентеконтаэтіи, пятидесятилѣтняго промежутка времени отъ Персидскихъ войнъ до Пелопоннесской. Уже Фукидидъ жалуется на то, что ни одинъ изъ его предшественниковъ не описалъ событій этой эпохи, исключая Гелланика, рассказъ котораго полонъ хронологическихъ не точностей. Поэтому Фукидидъ счелъ необходимымъ предпослать своему сочиненію краткій очеркъ развитія аѳинскаго государства со времени Персидскихъ войнъ; но и этотъ очеркъ даетъ лишь голые факты и, вопреки ожиданіямъ, которыя возбуждаетъ упрекъ Гелланику, нерѣдко оставляетъ насъ въ неизвѣстности по вопросамъ хронологіи. Во всякомъ случаѣ, эти немногія главы были для древнихъ и до сихъ

посольства къ персидскому царю лѣтомъ 430 г. (VII, 137). Кирхгофъ (*Ueber die Entstehungszeit des herodotischen Geschichtswerkes*. Berlin 1878) полагаетъ, что первыя книги были изданы до 441 г., такъ какъ въ *Soph. Antig.* 905 видно пользованіе Геродотомъ (III, 119); но эти стихи представляютъ несомнѣнную интерполяцію.

¹⁾ Nitzsch *Ueber Herodots Quellen für die Geschichte der Perserkriege*, *Rhein. Mus.* 27, 226. Wecklein *Die Tradition der Perserkriege, Sitzungsberichte der bayr. Akad.* 1876. Philos.-hist. Klasse, стр. 240—314. „Мемуары Дикей“, аѳинскаго изгнанника, сдѣлавшаго походъ въ войскѣ Ксеркса, которыми будто бы пользовался Геродотъ, существуютъ только въ воображеніи открывшаго ихъ Matzat (*Hermes* 6, 479) и Траутвейна (тамъ же, 25, 527). Несомнѣнно, что Геродотъ широко пользовался географической, хрестоматической и вообще поэтической литературой, которая была въ его распоряженіи (напр., сочиненіями Гекатея, см. Diels *Hermes* 22, 1887, стр. 411 сл.); но историческій матеріалъ, заключавшійся въ этихъ источникахъ, долженъ былъ быть, по самому существу дѣла, чрезвычайно скуднымъ.

поръ остаются для насъ основнымъ источникомъ свѣдѣній объ этомъ времени. То, что прибавили къ этимъ извѣстіямъ позднѣйшіе историки, имѣетъ значеніе лишь постольку, поскольку они опирались на документальный матеріалъ, — а такихъ сообщеній немного.

Лишь для эпохи Пелопоннесской войны мы имѣемъ въ исторіи Θυκιδιда подробный разказъ очевидца. Конечно, мы не должны предъявлять къ автору такихъ требованій, какія предъявляемъ къ современнымъ намъ историкамъ; онъ даетъ намъ, главнымъ образомъ, исторію военныхъ дѣйствій и дипломатическихъ переговоровъ, а внутренняго развитія государствъ касается лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда оно приводило къ насильственнымъ переворотамъ. Поэтому онъ часто умалчиваетъ о томъ, что для насъ было бы всего важнѣе знать. Притомъ, и матеріалъ, который былъ въ его распоряженіи, представлялъ въ своихъ отдѣльныхъ частяхъ далеко не одинаговую цѣнность, и Θυκιδидъ не всегда относился къ нему въ достаточной степени критически, а иногда подчинялся и чисто-художественнымъ соображеніямъ больше, чѣмъ можно было бы желать. Тѣмъ не менѣе, Θυκιδидъ остается для насъ первокласснымъ источникомъ, и ни объ одномъ періодѣ греческой исторіи мы не освѣдомлены такъ хорошо, какъ о тѣхъ 21 годахъ Пелопоннесской войны, которые описалъ этотъ историкъ. Зато его произведеніе уже въ древности пользовалось неоспоримымъ авторитетомъ, какъ трудъ Геродота — для эпохи Персидскихъ войнъ; и еще въ наше время есть не мало ученыхъ, которые передъ лицомъ Θυκιδида готовы отказаться отъ всякаго самостоятельнаго сужденія ¹⁾.

Θυκιδиду не было суждено довести до конца свою исторію; она внезапно обрывается на разказѣ о событіяхъ осени 411 года. Продолженіе ея далъ младшій современникъ Θυκιδида, Κσенофонтъ, въ своихъ Hellenica, доводящихъ разказъ до битвы при Мантинѣѣ 362/1 г. Этотъ трудъ, стоящій, разумѣется, во всѣхъ отношеніяхъ ниже исторіи Θυκιδида, значительно уступаетъ ей и въ обстоятельности, потому что разказъ о событіяхъ, наполнившихъ полвѣка, занимаетъ у Κсенофонта столько же мѣста, сколько Θυκιδидъ посвятилъ исторіи двадцати одного гда. Притомъ онъ крайне неравномерно пользуется своимъ матеріаломъ, то впадая въ многорѣчивый

¹⁾ Спасительную реакцію противъ этого поклоненія Θυκιδиду представляютъ сочиненія Мюллера-Штрюбинга (*Aristophanes und die historische Kritik*, Leipzig 1873. *Thukydidische Studien*. Wien 1881 и множество мелкихъ статей въ журналахъ); впрочемъ, иногда авторъ, какъ обыкновенно случается, заходить въ своей критикѣ дальше предполагаемой цѣли.

тонъ мемуаровъ, то сжимая свое повѣствованіе до размѣровъ краткаго очерка, умалчиваетъ обо многихъ важныхъ событіяхъ и часто даетъ намъ скорѣе исторію Спарты, чѣмъ исторію Греціи. Но, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, *Hellenica* все таки имѣютъ для насъ неогцѣнимое значеніе, какъ разсказъ очевидца. Семидесятилѣтній промежутокъ отъ 431 до 361 г. есть единственный продолжительный періодъ во всей греческой исторіи, о которомъ мы имѣемъ непрерывный разсказъ современниковъ.

Однако сочиненія Фукидида и Ксенофонта сохранились отнюдь не ради своего содержанія, а потому, что были написаны образцовымъ аттическимъ слогомъ. Съ тѣхъ поръ, какъ эллины обратились въ «ромеевъ», нація потеряла всякій интересъ къ своему прошлому, а потребностямъ школы удовлетворяли и краткія руководства. Поэтому погибла вся обширная историографическая литература трехъ столѣтій отъ Филиппа до Августа ¹⁾; уцѣлѣлъ лишь трудъ Полибія, потому что въ немъ было изображено основаніе всемірнаго владычества римлянъ. Да и изъ этого сочиненія полностью дошли до насъ только первыя пять книгъ, а остальные сохранились лишь въ отрывкахъ и извлеченіяхъ. Последними мы обязаны тому обстоятельству, что Полибій очень рано сдѣлался такимъ же авторитетомъ для исторіи описанной имъ эпохи, какимъ былъ Фукидидъ для исторіи Пелопоннеской войны. Такъ, напримѣръ, разсказъ Ливія объ отношеніяхъ римлянъ къ Греціи начиная со второй пунической войны есть ничто иное, какъ сокращенный переводъ соотвѣствующихъ мѣстъ Полибія; такъ же широко пользовались его трудомъ и греческіе историки императорскаго періода—Діодоръ, Аппіанъ, Плутархъ ²⁾. Такимъ образомъ, всѣ наши свѣдѣнія по греческой исторіи за время отъ начала второй пунической войны до разрушенія Коринѳа основаны почти исключительно на Полибій. И въ общемъ онъ вполне заслуживаетъ своей славы, потому что онъ безспорно занимаетъ первое мѣсто между всѣми греческими историками, сочиненія которыхъ дошли до насъ,—

¹⁾ Остатки ея были собраны Карломъ и Теодоромъ Мюллеромъ въ *Fragmenta Historicorum Graecorum*, 5 томовъ, Paris. Didot, 1841—1870, и въ *Scriptores rerum Alexandri Magni*, вслѣдъ за изданіемъ Арріана въ той же серіи, Paris 1846. Новая обработка этихъ фрагментовъ составляетъ настойчивую потребность нашей науки. Ср. также Schaefer *Abriss der Quellenkunde der griechischen und römischen Geschichte*, 2 части, 4 и 2 изд. подъ ред. Ниссена. Leipzig, 1889 и 1885. У насъ все еще нѣтъ исторіи греческой историографіи.

²⁾ Nissen *Kritische Untersuchungen über die Quellen der IV und V Dekade des Livius*. Berlin, 1863.

исключая, можетъ быть, одного Фукидида. Но современныиъ историкомъ, какииъ являются произведенія Фукидида и Ксенофонта, исторія Полибія оказывается только отчасти. Изъ 73 лѣтъ, которые онъ описалъ (219—146), на его зрѣлый возрастъ пришлось лишь около половины; слѣдовательно, для всей первой половины своего труда онъ долженъ былъ черпать матеріалъ у другихъ историковъ. При этомъ онъ, съ одной стороны, обнаруживаетъ такую большую зависимость отъ нихъ, какой нельзя было бы ожидать отъ такого замѣчательнаго писателя, а съ другой—стремленіе относиться критически къ своимъ источникамъ и отчасти также раболѣпіе передъ извѣстными личностями нерѣдко заставляють его исказить дѣйствительность.

Вообще зависимость большей части античныхъ историковъ отъ источниковъ, которыми они пользуются, очень велика. Греческая исторіографія до конца сохранила на себѣ слѣды своего происхожденія отъ эпоса; отсюда обыкновеніе вставлять въ разсказъ рѣчи, которыми не пренебрегали даже писатели въ родѣ Фукидида или Полибія, — отсюда тѣ фантастическія описанія битвъ, въ которыхъ полководцы нерѣдко играютъ роль гомеровскихъ героевъ, — отсюда тѣ чудеса и трогательныя происшествія, о которыхъ съ такой любовью распространяются столь многіе изъ этихъ историковъ. Если лучшіе изъ нихъ смотрѣли на эти приемы съ презрѣніемъ, то для большинства исторія все таки была частью изящной литературы, и свою цѣль они видѣли не столько въ выясненіи исторической истины, сколько въ томъ, чтобы заинтересовать читателя. Развитію этой школы сильно способствовало и риторическое направленіе, получившее господство въ IV вѣкѣ. Такимъ образомъ, содержаніе отошло на второй планъ передъ формой; о тщательномъ анализѣ источниковъ въ нашемъ смыслѣ не думалъ почти никто, и обыкновенно писатель просто списывалъ свой источникъ, большей частью еще придавая ему тенденціозную окраску. Въ научной обработкѣ исторіи древность никогда не пошла дальше первыхъ опытовъ, да и отъ нихъ до насъ дошли лишь обломки ¹⁾).

Сказанное особенно примѣнимо, конечно, къ тѣмъ руководствамъ по всемірной исторіи, которыя начали появляться со временъ Августа для удовлетворенія потребностей «образованной» публики. Самостоятельныя изслѣдованія не входили въ задачу ихъ составителей; они довольствовались собираніемъ отрывковъ. Такъ написалъ Николай

¹⁾ Сравни. Gutschmid *Kleine Schriften* I, стр. 1—34, статья, дающая вѣрно подмѣченные факты въ не совсемъ правильномъ освѣщеніи.

Дамасскій (род. ок. 64 г. до Р. Х.) на греческомъ языкѣ всеобщую исторію отъ древнѣйшихъ временъ до своихъ дней,—огромное сочиненіе въ 144 книги, которое однако погибло именно вслѣдствіе своей обширности. До насъ еще дошли большія извлеченія изъ первыхъ семи книгъ, содержавшихъ исторію Греціи и Востока до Кира. Такой же характеръ носили и «*Historiae Philippicae*» Помпея Трога изъ Тулузы въ Галліи, который жилъ около этого же времени и писалъ на латинскомъ языкѣ по греческимъ источникамъ ¹⁾. Изъ этого сочиненія, кромѣ краткаго пересказа содержанія, сохранился лишь экскерптъ, сдѣланный во II или III вѣкѣ М. Юніаномъ Юстиномъ,—жалкая компиляція, которая именно поэтому много читалась во времена отцовъ церкви. Въ сожалѣнію, и мы принуждены пользоваться этой книгой, такъ какъ для нѣкоторыхъ періодовъ греческой исторіи она представляетъ единственный связный рассказъ, который дошелъ до насъ, какъ, напримѣръ, для эпохи до Персидскихъ войнъ, и особенно для большей части III и второй половины II столѣтія.

Больше сохранилось отъ «исторической бібліотеки» сицилійца Діодора, которая въ византійское время получила большое распространеніе, какъ руководство по греческой исторіи. Подчиняясь, по видимому, римскому вліянію, авторъ избралъ для своего произведенія форму анналовъ. Въ основу его онъ положилъ хронологическое сочиненіе неизвѣстнаго автора I вѣка до Р. Х., у котораго онъ заимствовалъ списки аеинскихъ архонтовъ и побѣдителей на олимпійскихъ играхъ, годы царствованій, войнъ, и т. п. Въ эти рамки вставлены извлеченія изъ историческихъ источниковъ. Все это Діодоръ продѣлалъ со свойственной компиляторамъ небрежностью: событія лишь изрѣдка излагаются у него подъ тѣмъ самымъ годомъ, въ который они случились; очень часто происшествія нѣсколькихъ лѣтъ соединяются подъ однимъ годомъ, а иногда одно и то же событіе рассказывается дважды подъ различными годами. Такимъ образомъ, хронологическія указанія Діодора заслуживаютъ вниманія только въ тѣхъ случаяхъ, когда они заимствованы изъ упомянутой выше хроники. Значеніе самыхъ экскерптовъ зависитъ, конечно, отъ достоинства источниковъ, изъ которыхъ они взяты, и надо признать, что Діодоръ былъ счастливъ въ выборѣ своихъ руководителей,

¹⁾ Gutschmid *Ueber die Fragmente des Trogus Pompeius und die Glaubwürdigkeit ihrer Gewährsmänner. Jahrb. f. Philol. Suppl. II*, стр. 202 (1856). *Rhein. Mus.* 37 (1882), стр. 548. Wachsmuth. *Rhein. Mus.* 46 (1891), стр. 465 и сл. Enmann *Untersuchungen über die Quellen des Pompeius Trogus für die griech. und sicil. Geschichte.* Dorpat 1880.

хотя въ большинствѣ случаевъ онъ отнюдь не опирается на первоисточники. Такъ, исторію Персидскихъ войнъ онъ излагаетъ исключительно по Геродоту, исторію пентеконтаэтии и Пелопоннеской войны — главнымъ образомъ по Фукидиду, часто даже въ сходныхъ выраженіяхъ; не мало черпалъ онъ и изъ греческой исторіи Ксенофонта. Но болѣе точное изслѣдованіе показываетъ, что всѣми этими произведеніями онъ пользовался не прямо, а чрезъ посредство какого нибудь другого писателя. Для древнѣйшей исторіи греческаго Востока такимъ посредствующимъ источникомъ была всеобщая исторія Эфора, писавшаго въ эпоху Филиппа и Александра, а древняя исторія Сициліи заимствована изъ сочиненія ученаго историка Тимея, который жилъ при Агаоклѣ и Геронѣ ¹⁾. Для исторіи Александра и его преемниковъ источникомъ Діодора былъ, повидимому, Дурисъ, современникъ этихъ событій. Покореніе Востока римлянами описано по Полибію, эпоха отъ разрушенія Коринѳа до марсійской войны—преимущественно по сочиненію стоика Посидонія изъ Родоса, которое составляло продолженіе исторіи Полибія.

Методологическіе приемы Діодора лучше, всего выясняются, если сравнить сохранившіеся у Фотія отрывки изъ сочиненія Агаархиды Книдскаго о Красномъ морѣ съ соответствующей частью «исторической бібліотеки» ²⁾. Это сравненіе показываетъ, что Діодоръ даетъ не болѣе, какъ сокращенный пересказъ своего источника, хотя онъ и не считаетъ нужнымъ сообщить намъ объ этомъ обстоятельстве. Въ такомъ же отношеніи стоитъ онъ и къ Полибію ³⁾, и вообще—повсюду, гдѣ мы еще имѣемъ возможность сравнивать Діодора съ его источниками, мы приходимъ къ тому же выводу ⁴⁾. Это обстоятельство дѣлаетъ для насъ его произведеніе самымъ важнымъ изъ всѣхъ историческихъ сочиненій древности, какія дошли до насъ; его «историческая бібліотека» оправдываетъ свое названіе и, по крайней мѣрѣ отчасти, пополняетъ пробѣлъ, обнаруживающійся въ нашихъ источникахъ между Ксенофонтомъ и Полибіемъ. Такъ, безъ Діодора мы очень мало знали бы по исторіи Сициліи въ до-римскую эпоху; ему

¹⁾ Volquardtsen *Untersuchungen über die Quellen der griech. und sicil. Geschichte bei Diodor, Buch XI bis XVI.* Kiel 1868.

²⁾ У Мюллера (*Geographi Graeci Minores* I 123—194), экскерпты Фотія и Діодора помѣщены рядомъ.

³⁾ Nissen *Kritische Unters.*, стр. 110.

⁴⁾ Поэтому непослѣдовательно думать, что тамъ, гдѣ такая повѣрка невозможна, Діодоръ прибѣгалъ къ другимъ приемамъ въ пользованіи источниками.

мы обязаны тѣмъ, что Діонисій и Агаоклъ представляютъ для насъ не безплотныя тѣни. Точно такъ же, у Діодора мы находимъ единственный связный и болѣе или менѣе подробный разсказъ объ эпохѣ Филиппа и войнахъ послѣ смерти Александра, а для полувѣкового промежутка отъ Пелопоннесской войны до Филиппа его библіотека составляетъ важное дополненіе къ греческой исторіи Ксенофонта. Даже списокъ аѳинскихъ архонтовъ, эта основа всей греческой хронологіи, дошелъ до насъ въ связномъ видѣ только у Діодора. Какъ важенъ для насъ Діодоръ, лучше всего показываетъ состояніе греческой исторіографіи за тотъ періодъ, для котораго его описаніе не сохранилось,—потому что, къ сожалѣнію, и этотъ источникъ дошелъ до насъ не вполнѣ: за исключеніемъ немногихъ отрывковъ, вся вторая половина библіотеки, обнимавшая эпоху отъ 300 до 60 г. до Р. Х., погибла, а изъ первой половины также не достаетъ пяти книгъ (VI—X), обнимавшихъ древнѣйшую исторію Греціи до похода Ксеркса.

Во всемірно-историческомъ повѣствованіи роль отдѣльной исторической личности неминусемо умалется; между тѣмъ именно великіе люди прошлаго продолжали возбуждать живой интересъ даже въ то время, когда всякая способность къ пониманію историческихъ явленій была давно утрачена. Правда, александрійская эпоха создала богатую біографическую литературу; но эти ученые труды уже не соответствовали умственному уровню древняго общества, которое клонилось къ упадку. И вотъ, въ исходѣ перваго вѣка нашей эры Плутархъ изъ Херонеи задался цѣлью облечь старый матеріалъ въ новыя формы. Онъ былъ философомъ, по крайней мѣрѣ въ томъ смыслѣ, въ какомъ это слово понималось въ его время; у него не было никакихъ данныхъ, чтобы сдѣлаться историкомъ: легко понять, что должны представлять собою его біографіи. Лучше всего характеризуетъ его точку зрѣнія странная мысль ставить рядомъ съ каждымъ греческимъ героемъ напыщеннаго римлянина; при этомъ, наприимѣръ, Периклъ попадаетъ въ компанію съ Фабіемъ Кунгаторомъ, Алкивіадъ—съ Коріолономъ,Themistocles—съ Камилломъ. Плутархъ не стѣсняется даже поставить въ параллель съ освободителемъ Сициліи Тимолеономъ—Эмилию Павла, подавившаго самостоятельность Греціи. Но именно это безвкусное произведеніе составляетъ главную заслугу Плутарха. Его біографіи, по крайней мѣрѣ греческія, имѣютъ очень ученый видъ и испещрены безчисленными цитатами, но обыкновенно это — чужія перья. Анализъ его источниковъ часто представляетъ непреодолимыя затрудненія, такъ какъ до насъ не дошло почти ничего изъ всей біографической литературы, которою поль-

10428

зовался Плутархъ. Но историкъ древности не долженъ предъявлять большихъ требованій; онъ долженъ быть доволенъ тѣмъ, что въ этихъ жалкихъ компиляціяхъ сохранилось все-таки множество драгоценныхъ свѣдѣній, которыя мы напрасно стали бы искать въ нашихъ остальныхъ источникахъ. Мы оцѣнимъ заслугу Плутарха, если сравнимъ его съ римляниномъ Корнеліемъ Непотомъ, біографіями котораго почти совершенно невозможно пользоваться.

Изъ всѣхъ героевъ древности наибольшій интересъ въ образованномъ обществѣ возбуждалъ даже во времена упадка великій Александръ. Въ царствованіе Клавдія риторъ Кв. Курцій Руфъ написалъ по латыни на основаніи греческаго источника исторію завоеванія Азіи. Большое значеніе имѣетъ «Анабасисъ Александра» Арріана изъ Никомидіи, писавшаго въ первой половинѣ II вѣка по Р. Х.; этотъ трудъ составленъ, главнымъ образомъ, по сочиненіямъ двухъ офицеровъ изъ войска Александра, Аристобула изъ Кассандріи и Птолемея, перваго греческаго царя Египта. А такъ какъ и Плутархъ оставилъ намъ жизнеописаніе Александра, и Діодоръ посвятилъ исторіи великаго царя всю XVII-ую книгу своей бібліотеки, то эта эпоха извѣстна намъ лучше, чѣмъ какой либо другой періодъ древней исторіи; впрочемъ, всѣ эти сочиненія, конечно, не могутъ вознаграждать насъ за утрату первоисточниковъ.

Въ виду тѣсныхъ сношеній, существовавшихъ между Греціей и Римомъ съ начала III вѣка, обработки римской исторіи должны, естественно, представлять важный источникъ и для исторіи греческаго міра. Но римская анналистика республиканскаго періода безслѣдно погибла; великое произведеніе, въ которомъ Ливій при Августѣ изложилъ исторію своего народа, отодвинуло на задній планъ и обрекло на забвеніе всѣ прежнія работы этого рода. Такимъ образомъ, всѣ наши свѣдѣнія по древнѣйшей исторіи Рима мы получаемъ изъ вторыхъ или третьихъ рукъ, за исключеніемъ тѣхъ немногихъ событій, о которыхъ сообщаютъ намъ Полибій, какъ очевидецъ, или какой нибудь документальный памятникъ. Между тѣмъ, и отъ анналовъ Ливія до насъ дошла едва четвертая часть; его рассказъ обрывается для насъ тотчасъ послѣ битвы при Пиднѣ, и въ уцѣлѣвшей части не достаетъ цѣлыхъ десяти книгъ (XI—XX), въ которыхъ была изложена, главнымъ образомъ, исторія войны съ Пирромъ и первой пунической войны. Но высокій авторитетъ, которымъ пользовался Ливій въ теченіе всего императорскаго періода, имѣлъ то послѣдствіе, что краткія руководства по римской исторіи, появлявшіяся въ это время, для республиканской эпохи давали обыкновенно простыя извлеченія изъ

Ливія. Такъ поступили Флоръ, Евтропій, Орозій; много пользовался Ливіемъ и Діонъ Кассій, написавшій въ началѣ III вѣка обширную исторію Рима на греческомъ языкѣ. Его разсказъ о событіяхъ до 68 г. передъ Р. X. утраченъ, но до насъ дошли большія извлеченія изъ этой части во всемірной исторіи византіяца Іоанна Зонары XII вѣка.

Уже риторъ Діонисій Галикарнасскій, жившій во времена Августа, далъ греческой публикѣ исторію Рима отъ его основанія до начала первой пунической войны, преимущественно по римскимъ источникамъ. Но въ уцѣлѣвшей части разсказъ доходитъ только до децемвирата и, слѣдовательно, лишь мимоходомъ касается событій греческой исторіи. Важнѣе для насъ краткая римская исторія Аппіана изъ Александріи, II вѣка. Это—чрезвычайно небрежный очеркъ, составленный, однако, по хорошимъ источникамъ; матеріалъ расположенъ въ немъ по странамъ, такъ что внутренняя связь событій большею частью утрачивается. Но какъ ни плоха эта книга, она составляетъ все-таки нашъ главный источникъ для исторіи царства Селевкидовъ и войнъ съ Митридатомъ.

Всѣ эти писатели ограничивались преимущественно изложеніемъ политической исторіи. Что касается экономической исторіи, то древность вообще не дала ни одной обработки ея; для этого ей не доставало главнаго условія: интереса и способности къ изученію экономическихъ явленій. Зато живѣйшій интересъ стала возбуждать къ себѣ съ IV вѣка исторія духовной жизни человѣчества. Но и въ этой области древніе не пошли дальше частныхъ изслѣдованій, ни разу не возвысившись до общей обработки предмета, а тѣмъ болѣе — до выясненія взаимодѣйствія между духовнымъ и политическимъ развитіемъ.

Уже Аристотель далъ краткій очеркъ исторіи самой популярной изъ наукъ — философіи ¹⁾; его ученикъ Теофрастъ посвятилъ тому же предмету обширное сочиненіе (*φωσικαὶ δόξαι*), изъ котораго до насъ дошли большіе отрывки ²⁾. Въ III вѣкѣ по Р. X. Діогенъ Лаэртскій составилъ серію біографій знаменитыхъ философовъ, расположенныхъ по школамъ; его книга есть послѣдній остатокъ громадной литературы этого рода, которая не дошла до насъ ³⁾. По исторіи другихъ наукъ сохранилось очень мало связанныхъ сообщеній; таковы отрывки

¹⁾ *Metaphys.* I, 3—10.

²⁾ Diels *Doxographi graeci.* Berlin 1879.

³⁾ Wilamowitz *Antigonos v. Karystos.* Berlin 1882. Maass *De Biographis Graecis quaestiones selectae.* Berlin 1880.

изъ сочиненій родосца Эвдема, ученика Аристотеля, по исторіи математики и астрономіи ¹⁾, и краткій очеркъ исторіи медицины во введеніи къ сочиненію Цельса. Исторіи литературы до насъ отъ древности не дошло, несмотря на усердіе, съ которымъ этотъ предметъ разрабатывался въ александрійскую эпоху; здѣсь нашимъ главнымъ источникомъ являются скудныя указанія, встрѣчающіяся въ лексиконѣ византійца Свиды. Краткая исторія музыки сохранилась между сочиненіями Плутарха ²⁾. О древнихъ изслѣдованіяхъ по исторіи искусствъ мы узнаемъ, главнымъ образомъ, изъ «Естественной исторіи» Плинія ³⁾, частью также изъ путеводителя по Греціи, составленнаго во II вѣкѣ по Р. Х. періэгеетомъ Павсаніемъ, который обращалъ особенное вниманіе на уцѣлѣвшіе памятники искусства ⁴⁾.

Однако исторіографическія произведенія даютъ лишь отраженный свѣтъ; они представляютъ намъ событія не въ ихъ истинномъ видѣ, а такъ, какъ эти событія отражались въ умѣ повѣствователей. Несчастіе древней исторіи заключается въ томъ, что она лишена той твердой основы, которою являются архивы для среднихъ вѣковъ и новаго времени. Тѣмъ не менѣе, литературные источники сохранили намъ довольно большое число документальныхъ памятниковъ для политической исторіи древности. Первое мѣсто между ними занимаютъ рѣчи, которыя были произнесены въ аѣинскомъ народномъ собраніи или аѣинскихъ судахъ, или—какъ рѣчь Исократы о мирѣ,—будучи лишь изложены въ формѣ рѣчи, распространялись въ качествѣ брошюръ книгопродавческимъ путемъ. Рѣчи Демосѣена и Эсхина въ процессахъ о посольствѣ и противъ Ктесифона даютъ намъ болѣе ясное представленіе о положеніи дѣлъ въ Аѣинахъ при Филиппѣ и Александрѣ, чѣмъ какое бы то ни было исторіографическое повѣствованіе. Таковую-же услугу оказываетъ намъ комедія для эпохи Пелопоннеской войны. Понятно, что при пользованіи подобными источниками мы ни на минуту не должны упускать изъ виду ихъ субъективнаго характера и не должны принимать за чистую монету ни преувеличеній и карриатуръ Аристофана, ни обвиненій въ низости и безчестности, которыя возводитъ адвокатъ въ родѣ Демосѣена на своихъ противниковъ или на противниковъ своихъ кліентовъ. Въ эту ошибку впадали прежніе ученые, но иногда это случается и теперь.—Сюда относится далѣе поли-

¹⁾ *Eudemi Rhodii fragmenta* coll. L. Spengel. Berlin 1866, стр. 111, 113, 140.

²⁾ *Περὶ μουσικῆς. Ethika*, p. 1131 слл.

³⁾ Книги 34—37.

⁴⁾ Gurlitt *Pausanias*, Graz 1890.

тическая литература грековъ. До насъ дошла одна изъ древнѣйшихъ попытокъ этого рода—трактатъ «О государствѣ аѳинскомъ», ложно приписанный Ксенофонтѣ; авторомъ этой книги былъ аѳинскій олигархъ изъ временъ Пелопоннесской войны ¹⁾. Самъ Ксенофонтъ оставилъ намъ краткій очеркъ государственнаго устройства Спарты. Гораздо важнѣе оба большія сочиненія Платона «О государствѣ» и «О законахъ» и особенно Политика Аристотеля,—первая теорія политики, составленная на основаніи обширнаго индуктивнаго матеріала. Къ нимъ примыкаетъ теперь и новооткрытый трактатъ «объ аѳинскомъ государствѣ», къ которому бы онъ ни былъ составленъ—самимъ ли Аристотелемъ, или къ нему-нибудь изъ его учениковъ по его инициативѣ и подъ его руководствомъ. Здѣсь мы впервые находимъ подробное и связное описаніе государственнаго строя Аѳинъ въ IV столѣтіи и, сверхъ того, еще краткій очеркъ ихъ политической исторіи до возстановленія демократіи послѣ паденія тридцати тирановъ; и хотя для древнѣйшей эпохи достовѣрность свѣдѣній, заключающихся въ этомъ очеркѣ, частью очень сомнительна (какъ и естественно, въ виду характера источниковъ, которыми могъ располагать авторъ), но онъ сообщаетъ намъ все-таки рядъ чрезвычайно важныхъ извѣстій, основанныхъ на документальномъ матеріалѣ ²⁾.

Не таково отношеніе между документальными памятниками и исторіографической литературой въ области исторіи умственной жизни. Какъ ни велики потери, понесенныя поэтической литературой грековъ,—до насъ дошли образцы почти всѣхъ ея родовъ, и притомъ какъ разъ лучшіе. Мы еще теперь читаемъ эпопеи Гомера, отъ каждаго изъ трехъ великихъ трагиковъ сохранилось по нѣсколько драмъ, а уцѣлѣвшія пьесы Аристофана знакомятъ насъ съ характеромъ аттической комедіи. Въ большемъ или меньшемъ числѣ уцѣлѣли и рѣчи всѣхъ десяти классическихъ ораторовъ Аѳинъ. Изъ литературы александрійской эпохи также сохранились многія выдающіяся произведенія, отчасти въ подлинникѣ, отчасти въ латинскихъ переработкахъ. Наконецъ, при помощи фрагментовъ мы можемъ составить себѣ представленіе даже о большинствѣ утраченныхъ памятниковъ поэтическаго творчества ³⁾.

¹⁾ Kirchoff *Abhandl. der Berl. Akad.* 1874, 1878. Müller-Strübing *Philol. Suppl.* IV 1880.

²⁾ Открытіе подобнаго источника является всегда лучшимъ пробнымъ камнемъ нашей способности къ исторической критикѣ, и далеко не всѣ писавшіе объ „Аѳинской политикѣ“ выдержали это испытаніе.

³⁾ Kinkel *Epicorum Graecorum fragmenta I.* Leipzig 1887. Bergk *Poetae Lyrici Graeci.* 4 Aufl. Leipzig 1878—82. Nauck *Tragicorum Graecorum frag-*

Въ худшемъ положеніи находится исторія наукъ. Такъ, изъ греческихъ философовъ до-римскаго времени сохранились только всѣ сочиненія Платона и большая часть сочиненій Аристотеля; отъ всѣхъ остальныхъ уцѣлѣли только отрывки ¹⁾, правда, очень цѣнные, но недостаточные для возстановленія системъ. Это нарушаетъ правильность перспективы, и мы невольно преувеличиваемъ значеніе этихъ двухъ мыслителей въ исторіи развитія греческой мысли. Изъ медицинской литературы до-римскаго времени до насъ дошло только собраніе сочиненій учениковъ Гиппократа, изъ работъ по зоологіи—только «Исторія животныхъ» Аристотеля, по ботаникѣ—сочиненія Теофраста, по минералогіи—только отрывокъ изъ сочиненія Теофраста «о камняхъ». Нѣсколько больше сохранилось изъ литературы математическихъ наукъ: «Элементы» Эвклида и множество сочиненій Архимеда, Апполонія изъ Перги, Герона Александрійскаго и другихъ. Съ изслѣдованіями александрійскихъ филологовъ мы знакомимся почти исключительно по сохранившимся. Изъ древней географической литературы уцѣлѣли лишь немногія мелкія произведенія, какъ, напримѣръ, относящееся къ IV вѣку описаніе прибрежныхъ странъ такъ наз. Скилака изъ Каріанды и краткая географія въ стихахъ, I вѣка до Р. Х., приписываемая Скимну Хиосскому ²⁾. За потери въ этой области отчасти вознаграждаетъ насъ сочиненіе Страбона изъ Амасіи въ Понтѣ, современника Августа и Тиберія. Онъ не обладалъ большими научными свѣдѣніями и близко придерживался своихъ источниковъ, особенно главнаго изъ нихъ—Артемидора Эфесскаго, который за сто лѣтъ до него написалъ такое же сочиненіе, заслуженно пользовавшееся большой извѣстностью и послужившее источникомъ также для Плинія въ географическихъ книгахъ его энциклопедіи ³⁾. Притомъ «Географія» Страбона полна археологическихъ ошибокъ, такъ что, напримѣръ, его описаніе Греціи есть почти ничто иное, какъ комментарий къ гомеровскому «списку кораблей» ⁴⁾. Но онъ умѣетъ хорошо и наглядно описывать, а многочисленныя историческія свѣдѣнія, разсѣянные въ его книгѣ, придаютъ ей большую цѣну и для исторіографіи.

menta. 2 Aufl. Leipzig 1889. Kock *Comicorum Atticorum fragmenta*. Leipzig 1880 слл. Wachsmuth und Brandt *Corpusculum poesis epicae Graecae ludibundae*. Leipzig 1885, 1888. Meineke *Analecta Alexandrina*. Berlin 1843.

¹⁾ Mullach *Fragmenta philosophorum graecorum*, до сихъ поръ три тома. Paris, Didot. Usener *Epicurea*. Leipzig 1887.

²⁾ C. Müller *Geographi Graeci Minores*, 2 тома. Paris, Didot.

³⁾ Здѣсь не мѣсто разбирать вопросъ, пользовался ли Плиній этимъ сочиненіемъ прямо или черезъ посредство Варрона.

⁴⁾ Niese *Rhein. Mus.* 32 (1877), стр. 267 слл.

Изъ хронографическихъ работъ древности, которыя дошли до насъ, ¹⁾ древнѣйшей является т. наз. Паросская хроника—найденная на Паросѣ надпись 264-го или 263-го года до Р. Х. ²⁾. Это—не лишенный ошибокъ краткій списокъ событій политической и литературной исторіи Греціи, съ указаніемъ числа лѣтъ, прошедшихъ отъ каждаго изъ нихъ до времени составленія хроники. Большое значеніе имѣють упомянутыя выше извлеченія изъ неизвѣстнаго намъ хронографа, которыя Діодоръ положилъ въ основаніе своей исторіи. Первое хронологическое сочиненіе, которое дошло до насъ вполне, относится уже къ христіанскому времени; это хроника Евсевія, епископа палестинской Кесаріи ³⁾. Авторъ задался цѣлью согласовать библейскую хронологию со свѣтской; свое лѣтосчисленіе онъ начинаетъ съ рожденія Авраама, а рожденіе Христа помѣщаетъ въ 2015-ый годъ этой эры (= о.л. 194,4). Его книга основана исключительно на позднихъ источникахъ и имѣетъ поэтому лишь относительное значеніе, но въ виду крайне неудовлетворительнаго состоянія античной хронографіи она является для насъ необходимымъ пособіемъ, въ особенности для исторіи эллинистическаго періода. Вообще, точная хронологія древней исторіи была бы невозможна, если бы вѣра въ связь небесныхъ явленій съ событіями человѣческой жизни не побудила античныхъ историковъ тщательно отмѣтить всѣ солнечныя и лунныя затмѣнія,—одинъ изъ немногихъ случаевъ, когда суевѣріе оказалось для чего-нибудь полезнымъ ⁴⁾.

На границѣ между литературными и документальными памятниками стоятъ монеты и надписи. Изъ послѣднихъ въ началѣ этого вѣка были извѣстны лишь немногія; еще въ большомъ изданіи Бѣка было приведено не болѣе 7000 надписей ⁵⁾, тогда какъ въ настоящее время ихъ число простирается до 30—40,000, и эта цифра съ каждымъ днемъ возрастаетъ. Наибольшее значеніе надписи имѣють, конечно, для такъ наз. «древностей», т. е. для исторіи права, финансовъ, администраціи, вѣрованій и частной жизни, и относительно всѣхъ этихъ вопросовъ онѣ произвели полный переворотъ въ нашихъ зна-

¹⁾ C. Müller *Ctesiae Cnidii et Chronographorum fragmenta*, въ приложеніи къ изданію Геродота Диндорфа, Paris, Didot 1858.

²⁾ *CIG.* 2374. *FHG.* I, 533—590. Flach *Chronicon Parium*. Tübingen 1884.

³⁾ Eusebii *Chronicorum libri duo*, ed. A. Schoene. 2 Bde. Berlin 1866, 1875.

⁴⁾ Oppoltzer *Kanon der Finsternisse. Denkschriften der Wiener Akademie Math.-naturwiss. Klasse LII.* 1887.

⁵⁾ 7028, кромѣ геммъ, вазъ и христіанскихъ надписей.

ніяхъ; но и политическая исторія не осталась въ обидѣ, хотя въ этой области надписи служатъ, главнымъ образомъ, только для дополненія или исправленія свѣдѣній, добытыхъ инымъ путемъ ¹⁾).

Греческія монеты дошли до насъ въ большомъ количествѣ. Ихъ значеніе заключается, прежде всего, въ томъ, что право чеканки было во всѣ времена однимъ изъ главныхъ атрибутовъ суверенной власти, вслѣдствіе чего монеты даютъ намъ самыя вѣрныя свѣдѣнія о цѣломъ рядѣ государственно - правовыхъ отношеній. Далѣе, онѣ очень важны и для экономической исторіи, такъ какъ только въ нихъ мы можемъ почерпнуть точныя данныя о господствовавшихъ въ древности системахъ цѣнности. Изображенія на монетахъ, заимствованныя въ большинствѣ случаевъ изъ религіознаго культа, составляютъ важное пособіе при изученіи греческой религіи. Наконецъ, эти памятники даютъ цѣнный матеріалъ и для исторіи пластическихъ искусствъ, такъ какъ мы почти всегда имѣемъ возможность опредѣлить древность каждой уцѣлѣвшей монеты съ весьма небольшимъ приближеніемъ ²⁾).

Рядомъ съ этими говорящими источниками чисто-монументальные памятники имѣютъ лишь второстепенное значеніе. Какъ уже было сказано, мы въ значительной степени обязаны имъ нашими свѣдѣніями о доисторическомъ бытѣ Греціи; но и для историческихъ эпохъ въ нихъ содержится не мало цѣннаго матеріала: такъ, особенно могильныя раскопки знакомятъ насъ съ вѣрованіями, правами и экономическими отношеніями древнихъ, а изученіе городскихъ развалинъ ставитъ на твердую почву наши топографическія изслѣдованія и вводитъ насъ въ городскую жизнь грековъ. Но главное значеніе монументальныхъ памятниковъ состоитъ все-таки въ томъ, что они даютъ

1) *Corpus Inscriptionum Graecarum* Бёка, Берлинъ 1828—1877, недостаточно критическое, а теперь и совершенно устарѣвшее изданіе; его замѣняютъ: *Corpus Inscriptionum Atticarum* Кирхгофа, Кёлера и Диттенбергера, Берлинъ, съ 1873 г., *Inscriptiones Graecae antiquissimae* Roehl'a, Берлинъ 1882, *Inscriptiones Siciliae Italiae etc.* Кайбеля, Берлинъ 1891, *Inscriptiones Graeciae septentrionalis* Диттенбергера, I т., Берлинъ 1892, *Inscriptiones Graecae insularum maris Aegaei*, ed. Hiller de Gaertringen, I (Родосъ), Berlin 1895. Надписи остальныхъ частей греческаго міра разеяны по журналамъ и отдѣльнымъ изслѣдованіямъ. Собраніе важнѣйшихъ надписей въ *Sylloge Inscr. graec.* Диттенбергера, Берлинъ 1883. Полное собраніе надписей на мѣстныхъ нарѣчіяхъ выходитъ съ 1883 г. въ Геттингенѣ подъ редакціей Коллица.

2) *Corpus Numorum* готовится берлинской академіей. Пока лучшее руководство по греческой нумизматикѣ составляетъ *Catalogue of Greek coins* Британскаго Музея. Доступный обзоръ матеріала даетъ *Historia Numorum* Barklay V. Head, Oxford 1887.

намъ возможность прослѣдить развитіе пластическихъ искусствъ. Наиболѣе обильны наши источники по исторіи архитектуры; многія изъ знаменитѣйшихъ строеній древности вполне или отчасти стоятъ еще теперь, и даже тамъ, гдѣ уцѣлѣли лишь немногіе обломки, почти всегда возможна идеальная реконструкція всего зданія. Впрочемъ, сохранившійся матеріалъ такъ обширенъ и такъ быстро увеличивается благодаря новымъ раскопкамъ, что сколько-нибудь удовлетворительной разработки его мы, вѣроятно, еще не скоро дождемся. — Изъ скульптурныхъ произведеній первоклассныхъ мастеровъ до насъ дошло, напротивъ, только одно: статуя Гермеса Праксителя, несравненную прелесть которой можетъ, впрочемъ, вполне оцѣнить только тотъ, кому удалось посѣтить развалины олимпійскаго святилища. Но мы имѣемъ еще цѣлый рядъ произведеній второстепенныхъ мастеровъ и множество копій первоклассныхъ произведеній, оригиналы которыхъ утрачены; а рельефныя украшенія храмовъ еще и насъ непосредственно знакомятъ съ характеромъ работы великихъ художниковъ классической и эллинистической эпохъ. — Болѣе всѣхъ другихъ были подвержены вліянію времени, вслѣдствіе непрочности матеріала, произведенія живописи, и изъ нихъ, дѣйствительно, не сохранилось ни одного, которое древніе могли-бы назвать выдающимся; до насъ дошли лишь картины, изготовленныя ремесленнымъ путемъ для декоративныхъ цѣлей. Однако, и то, что сохранилось, даетъ намъ возможность составить себѣ представленіе о ходѣ развитія греческой живописи и понимать указанія нашихъ письменныхъ источниковъ. Правда, о степени геніальности знаменитыхъ художниковъ древности мы можемъ только догадываться.

Таковы дошедшіе до насъ источники по греческой исторіи. Этотъ матеріалъ такъ обширенъ, что въ теченіе цѣлаго столѣтія его не удалось вполне разработать, и есть еще цѣлыя области, которыхъ едва коснулось изслѣдованіе. И все-таки, какъ скудны наши источники въ сравненіи съ тѣмъ, что утрачено или что мы имѣемъ въ своемъ распоряженіи для другихъ періодовъ исторіи! Но было-бы слишкомъ опрометчиво изъ-за этого относиться съ пренебреженіемъ къ тому, что уцѣлѣло, — тѣмъ болѣе, отчаяваясь въ возможности всякаго истиннаго познанія. Конечно, мы знаемъ о Гёте несравненно болѣе, чѣмъ объ Эврипидѣ, о Наполеонѣ — чѣмъ о Периклѣ или Александрѣ, о государственномъ устройствѣ Венеціи — чѣмъ о государственномъ устройствѣ Аѳинъ. Но если намъ и повсюду остаются неизвѣстными подробности событій, если мы и принуждены отказаться отъ надежды раскрыть психологическіе мотивы, если, наконецъ, про-

бѣлы въ нашихъ источникахъ и очень велики, — основныя черты историческаго развитія греческаго народа выступаютъ передъ нами съ достаточной ясностью. Мало того, мы можемъ видѣть ихъ тѣмъ отчетливѣе, что здѣсь не приходится имѣть дѣло съ той массой подробностей, которая такъ часто затрудняетъ нашъ взоръ при изученіи болѣе близкихъ къ намъ эпохъ. Исторія древности похожа на ландшафтъ, обозрѣваемый съ вершины горы; мелочи ускользаютъ отъ взгляда, но тѣмъ рельефнѣе выступаютъ характерныя черты. Правда, кто видитъ движущую силу историческаго развитія въ отдѣльныхъ личностяхъ, въ «великихъ людяхъ», а не въ народныхъ массахъ, стремленія которыхъ воплощаются въ этихъ герояхъ, тотъ пусть лучше не прикасается къ древней исторіи.

Но какъ-бы мы ни относились къ этимъ вопросамъ, — греческая исторія остается важнѣйшей страницей въ исторіи человѣчества. Все то, за что мы еще теперь боремся, — истина, свобода, равенство, — за все это боролись уже греки. Весь путь развитія, въ срединѣ котораго мы теперь находимся, лежитъ здѣсь передъ нами готовый и законченный; мы видимъ, какъ возникаетъ греческая культура, какъ она расцвѣтаетъ и приноситъ плодъ и какъ она, въ концѣ концовъ, умираетъ, погрузившись въ мракъ умственнаго и политическаго деспотизма, — и причины всѣхъ этихъ явленій ясно выступаютъ передъ всякимъ, кто умѣетъ читать книгу исторіи. И греки боролись не напрасно. Вся наша новая цивилизація основывается на греческой цивилизаціи; грекамъ мы обязаны всѣми благами, которыя дѣлаютъ нашу жизнь достойной жизни, — нашей наукой, нашимъ искусствомъ, идеалами умственной и политической свободы. И эти блага будутъ существовать даже тогда, когда классическое образованіе въ современномъ смыслѣ слова исчезнетъ. Изслѣдовать исторію такого народа должно было-бы быть одной изъ нашихъ важнѣйшихъ задачъ, если-бы даже ея источники были еще гораздо болѣе скудны. Обязанность историка — проникнуть такъ далеко, какъ позволяютъ находящіяся въ его распоряженіи средства; тамъ, гдѣ этихъ средствъ не хватаетъ, онъ долженъ покориться необходимости и не переступать границъ, поставленныхъ нашему познанію.

ГЛАВА I.

Заселеніе побережья Эгейскаго моря.

Национальная индивидуальность обусловливается, главнымъ образомъ, языкомъ ¹⁾. Греческій народъ началъ существовать лишь тогда, когда греческій языкъ выдѣлился изъ индогерманскаго пра-языка; поэтому первыми нашими свѣдѣніями о греческой исторіи мы обязаны языку. Его близкое родство съ языкомъ индусовъ, персовъ, германцевъ, кельтовъ, италиковъ и другихъ народовъ, которыхъ мы объединяемъ подъ общимъ именемъ индогерманцевъ, свидѣтельствуеть о томъ, что предки всѣхъ этихъ народовъ жили нѣкогда въ сосѣдствѣ другъ съ другомъ на небольшомъ пространствѣ и говорили на одномъ и томъ же языкѣ. Это заставляетъ предполагать—хотя отнюдь еще не доказываетъ, — что они принадлежали и къ одному племени.

Гдѣ именно находилась родина исконнаго индогерманскаго народа, мы до сихъ не въ состояніи опредѣлить. Но сравненіе языковъ показываетъ, что наши предки были бродячимъ или полубродячимъ пастушескимъ народомъ, — а такой образъ жизни, конечно, не могъ выработаться въ покрытыхъ лѣсами горныхъ мѣстностяхъ Южной и Западной Европы. Лишь потребность найти новыя пастбища для возрастающаго числа стадъ заставила индогерманцевъ проникнуть въ эти области и захватывать въ нихъ все болѣе широкія пространства, пока море или сопротивленіе другихъ племенъ не положили, наконецъ,

¹⁾ Одного языка для этого, конечно, недостаточно; негръ, говорящій по-англійски, далеко еще не англичанинъ. Хорошее опредѣленіе понятія національности даетъ Herod. VIII 144 (см. ниже стр. 51).

предѣла ихъ наступательному движенію. При этомъ тѣсная связь между отдѣльными частями народа неминуемо должна была исчезнуть; различіе въ языкѣ и нравахъ становилось все болѣе глубокимъ, и наконецъ, народъ распался на множество племенъ, утратившихъ всякое сознаніе своего прежняго единства.

Греки, если судить по даннымъ ихъ языка, сохраняли тѣсную связь съ остальными индогерманцами Европы еще и въ то время, когда индусы и иранцы уже давно успѣли отдѣлиться отъ общаго ствола. Но такъ какъ страна, которую они занимали въ историческое время, лежитъ на периферіи области распространенія индогерманскаго языка, то можно съ увѣренностью сказать, что и они покинули старую родину сравнительно очень рано ¹⁾. Первой страной, въ которой греки поселились осѣдло и гдѣ они выработали свою національную индивидуальность, была вѣроятно Фессалійская долина; отсюда они позже, по мѣрѣ своего размноженія, заселили горныя области на западѣ и югѣ; тогда какъ отливъ на сѣверъ сдерживался напоромъ слѣдовавшихъ за греками индогерманскихъ племенъ.

Такимъ образомъ, греки оказались запертыми на южной оконечности Балканскаго полуострова, между Эгейскимъ и Ионическимъ морями, до линіи, идущей отъ Олимпа къ Акрокераунскимъ горамъ, т. е. до 40° с. ш. Эта страна занимаетъ около 70 — 75,000 кв. километровъ и, слѣдовательно, по величинѣ приблизительно равна Баваріи и почти въ два раза больше Швейцаріи или Силезіи. Она представляетъ плоскогорье, круто спускающееся къ Средиземному морю; высшая горная вершина, которая именно благодаря этому сдѣлалась въ мѣстопребываніи боговъ, — Олимпъ, на сѣверѣ Фессаліи — достигаетъ высоты почти въ 3,000 метровъ, а многія другія горы возвышаются болѣе, чѣмъ на 2,000 м.; таковы горная система Пинда и Парнасъ въ Средней Греціи, Киллене и Тайгетъ въ Пелопоннесѣ. Между цѣпями горъ остается мѣсто обыкновенно лишь для небольшихъ долинъ или узкихъ низменностей у устьевъ рѣкъ; единственной значительной долиной полуострова является окруженный горами бассейнъ фессалійскаго Пенея. Зато море и суша перерѣзываютъ здѣсь другъ друга, какъ нигдѣ на земномъ шарѣ; если исключить область Пинда, то на всемъ полуостровѣ не найдется ни одного пункта, который отстоялъ бы отъ берега болѣе, чѣмъ на 60 кило-

¹⁾ Унаслѣдованное нами отъ древнихъ представленіе, будто греки находились въ особенно близкомъ родствѣ съ италиками, такъ что составляли вмѣстѣ съ ними отдѣльную этнографическую группу, совершенно опровергнуто новѣйшей лингвистикой.

метровъ, и съ каждой высокой горы видно открытое море. Вслѣдствіе этого не могли образоваться крупныя рѣки; даже бѣлая часть ручьевъ совершенно высыхаетъ въ періодъ лѣтняго бездождья, такъ что мы легко можемъ понять изреченіе греческаго поэта, что вода есть лучшая изъ всѣхъ вещей. Такимъ образомъ почва мало пригодна для земледѣлія и только при упорномъ трудѣ можетъ прокормить населеніе; такова, въ особенности, менѣе плодородная восточная половина полуострова у Эгейскаго моря, гдѣ мѣста, пригодныя для обработки, кажутся оазисами среди обширной каменистой пустыни. Но по красотѣ видовъ Греція можетъ поспорить даже съ побережьями Средиземнаго моря; благородныя контуры горъ, склоны скаль, лишенные растительности, мрачная зелень хвойныхъ лѣсовъ, бѣлая снѣжная пелена, которая бѣольшую часть года покрываетъ высокія горы, и далеко внизу синяя гладь моря, и блескъ южнаго солнца, разлитый надъ всѣми этими красотами, — все вмѣстѣ составляетъ очаровательную картину, которая неизгладимо запечатлѣвается въ душѣ зрителя.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ то время, когда греки заняли эту страну, она была еще почти вся покрыта густымъ дѣвственнымъ лѣсомъ, а ея долины заняты болотами и озерами. Еще и много вѣковъ спустя, во времена Гомера, Греція была чрезвычайно лѣсиста, а горныя области запада и сѣвера—Этолія, Эпиръ, Македонія—были богаты лѣсомъ въ теченіе всей древности. Въ лѣсахъ обитали левъ, медвѣдь и дикій быкъ, въ горахъ—серны и дикія козы, а волкъ, олень и кабанъ водились повсюду въ изобиліи ¹⁾. Но и человѣческихъ обитателей греки должны были найти на полуостровѣ, какъ и повсюду въ Европѣ индогерманцамъ предшествовало болѣе древнее населеніе. Единственный слѣдъ этихъ исконныхъ жителей страны сохранился, повидимому, въ названіяхъ нѣкоторыхъ мѣстностей Греціи; другихъ

¹⁾ О фаунѣ древней Греціи ср. O. Keller *Thiere des klassischen Alterthums in cultugesch. Beziehung*, Innsbruck 1887. Левъ водился въ V вѣкѣ только на Пиндѣ и въ горныхъ областяхъ Македоніи (Herod. VII 125 слл., ср. Paus. VI 5, 5); нѣкоторыя сказанія, какъ напр. мѣны о немейскомъ и кнееронскомъ лѣвѣ, показываютъ, что нѣкогда онъ былъ распространенъ по всему полуострову. Точно такъ же дикій быкъ (въ двухъ видахъ, *βόνασος Bison europaeus* и *βόψ ἀγριός Bos primegenius*) встрѣчался въ историческое время еще только въ Македоніи (Herod. VII 126, [Aristot.] *Περὶ θανμ. ἀκουσμ.* 129); въ доисторическій періодъ граница его распространенія лежала, повидимому, гораздо далѣе къ югу, такъ какъ одинъ ручей въ эпикнемидской Локридѣ назывался *Βούρυγιος* (B 533) и Гомеръ нѣсколько разъ называетъ щить „шкурой дикаго быка“ (*βοῦρυγία*).

слѣдовъ мы не въ состояніи открыть, по крайней мѣрѣ при современномъ состояніи нашихъ знаній, которыя, впрочемъ, именно въ этомъ отношеніи крайне недостаточны. Точно такъ-же мы не можемъ сказать, къ какому племени принадлежали эти первые обитатели Греціи; по всей вѣроятности, они были очень малочисленны и стояли на низкой ступени развитія. И дѣйствительно, греки очень рано отѣснили или поглотили ихъ; уже древнѣйшія преданія изображаютъ всю страну отъ моря до моря занятой одной компактной массой греческаго населенія ¹⁾).

Только по ту сторону Олимпа и Акрокераунскихъ горъ мы встрѣчаемъ народы другого племени: на западѣ иллирійцевъ, на востокѣ—ѳракійцевъ. Отъ языка послѣднихъ сохранились лишь немногіе слѣды, которыхъ, однако, вполне достаточно, чтобы уничтожить всякое сомнѣніе въ принадлежности этого народа къ индогерманской группѣ племенъ ²⁾. То же самое можно сказать объ иллирійскомъ языкѣ, который, какъ извѣстно, продолжаетъ жить въ современномъ албанскомъ. Но если эти народы и были родственны грекамъ по племенному происхожденію, то ихъ нарѣчія сильно отличались отъ греческаго языка и греки могли объясняться съ ними только [черезъ переводчиковъ ³⁾]; такъ же велика была разница между греческой культурой съ одной стороны, и культурой ѳракійцевъ или иллирійцевъ съ другой.

Греческіе писатели V и IV вв. обыкновенно причисляютъ къ варварамъ и южныхъ сосѣдей ѳракійцевъ и иллирійцевъ—эпиротовъ и македонянъ. И дѣйствительно, при своемъ отдаленномъ положеніи, эти народы принимали мало участія въ культурномъ развитіи націи; здѣсь до поздней исторической эпохи уцѣлѣлъ остатокъ доисторической древности Греціи, и мы не можемъ осудить аѳинянина временъ Перикла или Демосоена, который, путешествуя по этимъ странамъ, спрашивалъ себя, дѣйствительно-ли онъ еще въ Греціи. Древній Гесіодъ былъ менѣе нетерпимъ: онъ прямо называетъ македонянъ греками ⁴⁾; и мѣстныя названія, имена лицъ и уцѣлѣвшіе остатки эпиротскаго и македонскаго нарѣчій неопровержимо доказываютъ, что онъ былъ правъ, т. е. что македоняне и эпироты дѣйствительно принадлежали

1) Ниже (гл. V) мы докажемъ, что этихъ коренныхъ обитателей нельзя отождествлять съ пеласгами.

2) Pauli *Eine vorgriechische Inschrift aus Lemnos*, Leipzig 1886, стр. 20 слл.

3) Xen. *Anab.* VII 3, 25, Polyb. 28, 8. 9.

4) Hesiod. fr. 23 Kinkel. Еще Геродотъ называетъ дорянъ *Μακεδόνων ἔθνος* (I 56. VIII 43).

къ греческому племени ¹⁾. Притомъ, Додона не могла - бы уже такъ рано сдѣлаться національнымъ святилищемъ грековъ, если - бы она лежала въ варварской странѣ ²⁾. А между эфиротами и македонянами вообще невозможно провести рѣзкой черты въ этнографическомъ отношеніи ³⁾. Правда, равнина Аксія — позднѣйшая Нижняя Македонія — была первоначально заселена еракійскими племенами и обратилась въ греческую страну лишь съ VII вѣка, благодаря завоеваніямъ македонскихъ царей изъ дома Аргеадовъ. Если, поэтому, примѣсь чужихъ элементовъ должна была быть здѣсь особенно велика, то она все-таки была не больше той, которая встрѣчалась во многихъ другихъ колоніяхъ, считавшихся, тѣмъ не менѣе, истинно-греческими.

На своей новой родинѣ греки вѣроятно еще долго вели бродячій или полубродячій образъ жизни. Но по мѣрѣ того, какъ населеніе увеличивалось, недостатокъ земли принуждалъ его къ болѣе интенсивной эксплуатаціи почвы; земледѣліе все болѣе отодвигало скотоводство на задній планъ, и нація оказалась прикрѣпленной къ землѣ. При этомъ члены одного и того-же рода, державшіеся вмѣстѣ во время переселенія, селились другъ подлѣ друга, какъ это наблюдается и во всѣхъ другихъ странахъ, которыя заняли индогерманцы, — въ Индіи, Германіи, Италіи и т. п. Еще въ историческое время добрая четверть всѣхъ деревень Аттики называлась по именамъ тѣхъ родовъ, которыми онѣ были основаны.

Дѣло въ томъ, что у грековъ, какъ и у всѣхъ остальныхъ индогерманскихъ народовъ, господствовалъ родовой порядокъ, — безъ сомнѣнія, наслѣдіе той эпохи, которая предшествовала раздѣленію племенъ. Человѣка, не принадлежащаго къ такому союзу (*φρήτην, φρατρία* и т. д.), еще Гомеръ представляетъ себѣ не иначе, какъ

¹⁾ Эфиротское нарѣчіе мы знаемъ теперь по надписямъ, найденнымъ въ Додонѣ (Сагаранос *Dodone et ses ruines*, Paris 1878. Collitz *Gr. Dialect-Inschriften* II стр. 1—14). Въ Македоніи до сихъ поръ не найдено эпиграфическихъ памятниковъ изъ временъ до Александра; глоссы, сообщаемыя грамматиками, — въ большинствѣ случаевъ греческія, см. Fick въ Kuhn's *Zeitschrift* XXII (1874) стр. 193 — 235. Возраженія Густава Мейера (*Fleckeisens Jahrbücher* 1875 стр. 186) неубѣдительны, потому что само собою понятно, что въ македонскій языкъ должно было проникнуть не мало еракійскихъ и иллирійскихъ словъ. Ср. также Abel *Makedonien vor König Philipp*, Leipzig 1847. — Совершенно неудачно O. Müller *Ueber die Wohnsitze, die Abstammung und die ältere Geschichte des makedonischen Volkes*, Berlin 1825.

²⁾ По словамъ Геродота (II 56), въ Додонѣ говорили по-гречески.

³⁾ Гекатей, fr. 77, называетъ орестовъ верхней Македоніи *Μολοσσιχὸν ἔθνος*. Ср. Strab. VII 326 сл., IX 434.

беззаконнымъ и безбожнымъ ¹⁾). Въ основѣ этого порядка, повидимому, и здѣсь лежало первоначально материнское право. Это доказывается тѣмъ выдающимся положеніемъ, которое занимаютъ родоначальницы въ генеалогической традиціи; а въ эпизефирскихъ Лограхъ знать даже въ позднее время производила себя не отъ родоначальниковъ, а отъ благородныхъ женщинъ изъ т. наз. «ста домовъ», которыми, по преданію, была основана эта колонія ²⁾). Такой-же характеръ носить легенда объ основаніи Тарента «сыновьями дѣвъ», пареэніями. Во всякомъ случаѣ, этотъ строй былъ оставленъ очень рано. Уже въ самой отдаленной древности, отъ которой до насъ дошли свѣдѣнія, принадлежность къ роду обуславливалась происхожденіемъ со стороны отца; и такъ какъ съ этой точки зрѣнія легенды, возникшія на почвѣ материнскаго права, казались странными позднѣйшимъ поколѣніямъ, то преданіе внесло въ нихъ поправку, давъ въ супруги каждой родоначальницѣ какого-нибудь бога. Такимъ образомъ, всѣ члены рода смотрѣли на себя теперь, какъ на потомковъ одного общаго родоначальника, отъ котораго они производили и самое имя рода; въ дѣйствительности дѣло происходило, конечно, наоборотъ, т. е. мнимый основатель рода былъ ничѣмъ инымъ, какъ персонификаціей родового имени. Происхожденіе со стороны матери не играло при этомъ никакой роли; даже въ то время, когда моногамія достигла уже полнаго господства, сыновья наложницъ и рабынь вступали въ родъ отца наравнѣ съ законными сыновьями и—хотя въ меньшей степени, чѣмъ послѣдніе—принимали участіе въ дѣлѣжѣ наслѣдства ³⁾).

На существованіе въ древности обычая похищать невѣсту указывали еще въ позднее время нѣкоторые свадебные обряды, особенно въ консервативной Спартѣ ⁴⁾), гдѣ сохранились даже остатки полиандрии ⁵⁾). Но уже въ гомеровскую эпоху повсюду господствуетъ обычай погупать невѣсту. Цѣна соразмѣрялась съ красотой, ловкостью въ рукодѣліяхъ и искусствахъ и, главнымъ образомъ, общественнымъ

¹⁾ I 63 ἀφροίτωρ, ἀθέμιστος, ἀνίστιός ἐστιν ἐκείνος ὃς πολέμον ἔφαται. („Тотъ лишь, кто, чуждый законамъ, бездомнымъ живетъ и безроднымъ,—Междоусобную любить любитъ войну“).

²⁾ Polyb. XII 5, 6 слл. Отсюда возникла легенда, которую сообщалъ Аристотель,—будто эти женщины находились въ связи съ рабами и поэтому принуждены были оставить родину; противъ этого сказанія справедливо возражалъ уже Тимей (Polyb. XII 5 слл.).

³⁾ § 208, ρ 201.

⁴⁾ Plut. Lyc. 15. Dionys. Hal. II 30.

⁵⁾ Polyb. XII 6 в, 8.

положеніемъ невѣсты, и для дѣвушки было честью, если женихъ давалъ ей родителямъ большой выкупъ. Путемъ покупки жена переходила изъ рукъ отца во власть мужа; въ случаѣ смерти послѣдняго, его мѣсто занималъ старшій сынъ, какъ опекунъ матери. Но по отношенію къ взрослымъ сыновьямъ греческое право, въ противоположность римскому, не признавало *patria potestas*; по достиженіи совершеннолѣтія юноша становился полноправнымъ, поскольку экономическія отношенія не обуславливали его фактической зависимости отъ отца.

Первоначально всякій родъ составлялъ, повидимому, отдѣльное государство, если можно примѣнить это выраженіе къ условіямъ той эпохи ¹⁾. Но по мѣрѣ того, какъ число родичей возрастало и родственныя отношенія между отдѣльными семьями становились все менѣе тѣсными, родовая связь должна была ослабѣвать; родъ распадался на нѣсколько частей, которыя постепенно начинали смотрѣть на себя, какъ на самостоятельные роды. Когда, вскорѣ затѣмъ, земля, прилегавшая къ самой деревнѣ, оказывалась недостаточной для прокормленія жителей, то безземельные уходили въ другое мѣсто, выкорчевывали лѣсъ, и по близости стараго селенія возникало новое. Такая деревня сохраняла тѣсную связь со своей метрополіей; но легко понять, что сами односельчане сближались между собою еще тѣснѣе и съ теченіемъ времени начинали чувствовать себя отдѣльной частью государства. Такимъ образомъ послѣднее распадалось на рядъ крупныхъ частей—на «племена» или, какъ говорили греки, на филы, каждая изъ которыхъ содержала въ себѣ извѣстное число родовъ. Новая фила могла образоваться также въ случаѣ присоединенія какого-нибудь иноплеменнаго сосѣдняго поселка, или когда толпа кочевниковъ получала разрѣшеніе поселиться на необработанномъ участкѣ общинной земли.

Но и первобытный лѣсъ можно вырубить, и въ странѣ, гдѣ такъ мало удобной для обработки земли, какъ въ Греціи, это должно было случиться очень скоро. Дальнѣйшее распространеніе было возможно только на счетъ сосѣдей, и вотъ началась борьба изъ-за земли. Побѣда обыкновенно оставалась, конечно, на сторонѣ численнаго большинства, т. е. на сторонѣ обитателей тѣхъ долинъ, въ которыхъ обиліе плодородной земли обуславливало болѣе быстрый ростъ населенія. Это была война всѣхъ противъ всѣхъ, безжалостная и беспощадная; побѣжденное племя стиралось съ лица земли, а его область дѣлили между собою побѣдители. Такъ, въ историческое время

¹⁾ Aristot. *Polit.* I 1252 в.

мы находимъ во всей Арголидѣ вплоть до Мегары по ту сторону Иссема, —исключая, можетъ быть, только Герміоны ¹⁾, бесплодная почва которой представляла мало привлекательнаго, —три филы гилеевъ, димановъ и памфиловъ ²⁾. Слѣдовательно, народъ, дѣлившійся на эти три племени, долженъ былъ распространиться по всей области изъ одного центра, и, по всей вѣроятности, этимъ исходнымъ пунктомъ была плодоносная равнина, лежащая между Мигенами и Аргосомъ. Точно такъ же и населеніе всѣхъ или большей части областей Аттики до реформы Клисеена распалось на четыре филы телеонтовъ, гошлитовъ, аргадовъ и эгигоровъ ³⁾. Очень вѣроятно, что тотъ же процессъ совершался и въ другихъ областяхъ, хотя мы не имѣемъ объ этомъ никакихъ свѣдѣній.

Но какъ взрослый сынъ по греческому праву былъ независимъ отъ отца, такъ и эти древнія колоніи устраивали свои дѣла вполне самостоятельно. Каждая долина, а въ большихъ долинахъ — даже каждая терраса, образовала отдѣльное государство, и во многихъ частяхъ Греціи, напримѣръ въ Аркадіи, Ахеѣ и Этоліи, эта организація держалась долго еще и въ историческое время. Поэтому древнѣйшія греческія названія мѣстностей суть имена областей, какъ Элида, Писа, Мессена, Лакедемонъ, Аргосъ, Фөія и многія другія, сохранившіяся лишь какъ названія городовъ, подобно тому какъ тѣ же Аргосъ, Мессена, Элида и Лакедемонъ съ теченіемъ времени утратили свое древнее значеніе въ качествѣ областныхъ названій и обратились въ названія городовъ. Въ виду своеобразнаго устройства поверхности

¹⁾ Такъ, повидимому, надо понимать слова Геродота о томъ, что жители Герміоны принадлежатъ не къ „дорическому“, а къ „дріопскому“ племени (VIII 43. 73).

²⁾ Доказательства — въ руководствахъ по греческимъ древностямъ, напр. у Гильберта II стр. 305, 2. На ряду съ упомянутыми, мы находимъ въ Аргосѣ филу гириатовъ, въ Сикіонѣ — филу эгіаловъ, въ Коринѣ — еще пять другихъ филъ, имена которыхъ до насъ не дошли. Эти филы образовались, повидимому, въ сравнительно позднее время, вслѣдствіе присоединенія чуждыхъ элементовъ; по крайней мѣрѣ гириатовъ до сихъ поръ, насколько инѣ извѣстно, не нашли ни на островахъ, ни въ Малой Азіи.

³⁾ Тѣ же четыре филы мы находимъ и въ Іоніи; очевидно онѣ существовали еще до заселенія Малой Азіи. Между тѣмъ синоикисмъ Аттики относится, безъ сомнѣнія, къ болѣе позднему времени. А такъ какъ мы можемъ представить себѣ филу только какъ часть государства, то слова текста оказываются оправданными; притомъ, они подтверждаются и аналогичнымъ примѣромъ Арголиды. Слѣдовательно, Клисеень, игнорируя, при основаніи своихъ новыхъ филъ, мѣстную связь, опираясь на отношенія, сложившіяся уже задолго до него.

страны, протяженіе этихъ областей было обыкновенно очень ограничено и только въ немногихъ случаяхъ превышало 200—300 кв. километровъ ¹⁾, изъ которыхъ лишь ничтожная часть была удобна для земледѣлія. Слѣдовательно, въ ту эпоху, когда первобытная обработка земли составляла, на ряду съ скотоводствомъ, единственный источникъ существованія, населеніе этихъ областныхъ государствъ должно было быть очень незначительнымъ. Такъ, первоначальная военная организація Спарты была разсчитана приблизительно на 1000 мужчинъ, способныхъ носить оружіе ²⁾; между тѣмъ, Лакедемонъ принадлежалъ, безъ сомнѣнія, къ наиболѣе густо населеннымъ областямъ.

Но одноплеменные сосѣднія области не теряли сознанія своего единства. Это сознаніе выражалось въ общемъ почитаніи священныхъ мѣстъ, куда сходились для празднествъ или для совѣщанія о дѣлахъ, касавшихся гульты; иногда, впрочемъ, въ томъ и другомъ принимали участіе и иноплеменные общины. Но если эти союзы и носили по существу исключительно сакральный характеръ и ни въ чемъ не ограничивали самостоятельности участвовавшихъ въ нихъ государствъ, то они все-таки сильно содѣйствовали укрѣпленію въ послѣднихъ чувства единства. Это вело, въ свою очередь, къ образованію общихъ племенныхъ именъ; такъ напримѣръ, беотійцами назывались всѣ тѣ, которые собирались въ священной рощѣ Посейдона у Онхеста на берегу Копайдскаго озера. Наконецъ, отъ этихъ племенныхъ именъ произошла большая часть названій мѣстностей; это прилагательныя въ женскомъ родѣ, какъ Беотія, Фессалія, Аркадія (при чемъ подразумѣвается *γῆ* или *χώρα*), т. е.: «беотійская, фессалійская, аркадская страна». Племенное имя не образовалось только въ тѣхъ странахъ, гдѣ центральная равнина получила перевѣсъ надъ остальными областями, напр. въ Элидѣ, Мессеніи, Лаконіи, Арголидѣ; здѣсь названіе самой могущественной области служило и для обозначенія всей страны.

Но до IX вѣка областныя государства Греціи не соединялись въ прочные политическіе союзы. Древнѣйшій эпосъ и вообще героиче-

¹⁾ Напримѣръ, всѣ 12 или 13 областей Ахеи занимали пространство въ 2300 кв. кил., 18—19 областей, на которыя распадалась Аркадія до основанія Мегалополиса, — приблизительно 4700 кв. кил., Дорида у Ойты — около 200 кв. кил. Приблизительно такова же была средняя величина областей Аттики, если послѣдняя дѣйствительно распадалась до синоикисма на 12 государствъ, какъ утверждаетъ преданіе.

²⁾ Именно 5 ложовъ по 4 части въ 50 чел. каждая, ср. *Beloch Bevolkerung*, стр. 141.

скія сказанія еще всецѣло проникнуты представленіемъ о полно-властной, политически изолированной отъ сосѣдей областной общинѣ съ укрѣпленнымъ центромъ (*πόλις*). То же самое доказываютъ и уцѣлѣвшіе памятники. Даже въ аргосской равнинѣ, которая по своимъ природнымъ свойствамъ представляетъ рѣзко ограниченное цѣлое, мы находимъ рядомъ двѣ столицы—Микены и Тиринѣ; и едва-ли можно сомнѣваться, что Мидея, Навплия и Аргосъ также уже въ глубокой древности были средоточіями самостоятельныхъ государствъ. Агамемнонъ является въ *Иліадѣ* вождемъ греческаго войска подъ Троей, но отнюдь еще не сюзереномъ остальныхъ греческихъ царей; только тогда, когда походъ противъ Трои сталъ представляться поэтамъ національнымъ предпріятіемъ, они сочли нужнымъ снабдить Агамемнона властью, соответствующей его положенію ¹⁾. Впрочемъ, весьма возможно, что до возвышенія Аргоса Микенамъ дѣйствительно принадлежала гегемонія надъ сосѣдними городами, такъ какъ храмъ Геры близъ Микенъ оставался главнымъ святилищемъ всей страны даже во время владычества Аргоса. Но если когда-нибудь и существовала такая микенская держава, то она могла представлять собою только плохо-сплоченный агрегатъ немногихъ областныхъ государствъ ²⁾.

¹⁾ В 108 *πολλῆσιν νῆσοισι καὶ Ἄργεϊ περὶ ἀνάσσειν* („Многими чтобъ управлялъ островами и Аргосомъ цѣлымъ“), — довольно позднее мѣсто, какъ показываетъ мистическое значеніе, приписываемое *σκήπτρον*, и подробная генеалогія Агамемнона. Еще болѣе поздняго происхожденія I 149 слл. = 291 слл., гдѣ Агамемнонъ является владыкой цѣлаго ряда мессенскихъ или лаконскихъ городовъ. Даже авторъ такой поздней пѣсни, какъ *T*, еще не зналъ этого мѣста; точно такъ же упомянутые здѣсь города не встрѣчаются и въ спискѣ кораблей; напротивъ, въ послѣднемъ царствѣ Агамемнона является гораздо менѣе обширнымъ. *H* 180, *A* 46, ср. I 441, *γ* 304 Агамемнонъ называется только *βασιλεὺς πολυχρῶσσι Μυκῆνης* („царемъ богатыхъ золотомъ Микенъ“).

²⁾ Намъ не должно вводить въ заблужденіе на этотъ счетъ то подавляющее впечатлѣніе, которое производятъ на зрителя колоссальныя стѣны Микенъ и Тиринѣа. Циклопическія стѣны италійскихъ городовъ, которыя по величинѣ отчасти далеко превосходятъ греческія, доказываютъ намъ, что и небольшія общины были въ состояніи возводить такія постройки. То же самое доказываютъ нураги Сардиніи. Въ эпоху борьбы всѣхъ противъ всѣхъ защита отъ непріятельскихъ нападѣній составляетъ самую настойчивую потребность, удовлетворенію которой должны служить всѣ наличныя средства. Притомъ, какъ подтверждаютъ специалисты, постройка сокровищницы Атрея должна была потребовать не больше затратъ, чѣмъ постройка каменнаго до-рическаго храма средней величины; а царскіе дворцы изъ дерева и глины стоили сравнительно очень не дорого. Если во всей Греціи такія обширныя строенія встрѣчаются еще только въ Беотіи, то это свидѣтельствуетъ лишь

Сильное расчлененіе береговъ и многочисленныя острова, разбросанные по морю вблизи материка, должны были очень рано заставить обитателей греческаго полуострова обратиться къ морю. Правда, путешествія на западъ, черезъ открытое Іоническое море, были пока невозможны; это море сдѣлалось доступнымъ лишь спустя нѣсколько столѣтій. Но на востокъ острова тянутся непрерывной цѣпью вплоть до береговъ Малой Азіи, и мореплаватель никогда не теряетъ изъ глазъ твердой земли, а съ вершины Охи на Эвбеѣ открывается свободный видъ черезъ всю поверхность Эгейскаго моря до Пелиннея на Хіосѣ. Такимъ образомъ, уже географическія условія указывали здѣсь путь грекамъ; одинъ за другимъ были заняты острова Эгейскаго моря до самыхъ береговъ Азіи. Это не было переселеніемъ народовъ въ собственномъ смыслѣ слова; ни одно греческое племя не покинуло своихъ старыхъ мѣстъ: уходило лишь молодое мужское поколѣніе, которое не могло получить надѣловъ на тѣсной родинѣ или жаждало добычи и приключеній ¹⁾. Какъ совершались эти завоеванія, — мы видимъ изъ описаній Іліады, хотя они и относятся къ болѣе позднему времени. Греки причаливаютъ, разбиваютъ лагерь на берегу и отсюда опустошаютъ окрестную мѣстность. Небольшія поселенія они берутъ штурмомъ, но для правильной осады сколько-нибудь хорошо укрѣпленнаго города имъ еще не достаетъ военныхъ знаній. Въ такихъ случаяхъ война могла длиться годами, пока какой-нибудь случай бросалъ городъ въ руки осаждающихъ, либо недостатокъ въ припасахъ принуждалъ защитниковъ покинуть родину или сдаться. Если штурмъ удавался, то всѣ способные носить оружіе умерщвлялись; женщины и дѣти обращались въ рабовъ, или вѣрнѣе, — такъ какъ греческіе поселенцы обыкновенно не приводили съ собою женъ, — жены побѣжденных становились женами побѣдителей. Часто бывало конечно, и такъ, что продолжительная осада утомляла самихъ осаждающихъ и они уходили, не взявъ города, какъ едва не случилось съ ахейцами подъ Троею; тогда греки выжидали удобнаго времени и снова повторяли нападеніе, пока не достигали своей цѣли.

о томъ, что аргосская равнина была въ то время, на ряду съ Беотіей, самой богатой и населенной частью европейской Греціи, а вовсе не о томъ, что Микены и Тиринѣ представляли центры могущественныхъ государствъ не только въ нашемъ смыслѣ, но даже съ точки зрѣнія классической эпохи.

¹⁾ Уже изъ этого можно понять, какъ ошибочна общепринятая гипотеза, будто толчея къ этой эмиграціи дали переселенія, происходившія внутри самого полуострова. Вѣдь и колонизація запада и сѣвера въ началѣ исторической эпохи была вызвана, конечно, вовсе не этими переселеніями

Такимъ образомъ, коренное населеніе небольшихъ острововъ, лежащихъ въ южной части Эгейскаго моря, было истреблено такъ-же безслѣдно, какъ прежде населеніе самаго полуострова. Но на обширномъ Критѣ до-эллинскіе обитатели были слишкомъ многочисленны, чтобы ихъ можно было истребить; они были обращены въ крѣпостныхъ (*μυωίται, Φοικῆες*), которые должны были обрабатывать землю для своихъ новыхъ господъ ¹⁾, а сами побѣдители, чтобы упрочить свое положеніе въ странѣ, ввели у себя строгую военную организацію. Мало того: восточная окраина острова, область Итана и Прэса, никогда не была покорена греками; населеніе этихъ двухъ городовъ— «исконные критяне» (*ἔτεοκρηῆτες*), какъ они называли себя—сохранило свою національность и языкъ до V вѣка ²⁾. То же самое можно сказать и объ «этеокарпатійцахъ», обитавшихъ на пустынномъ со-сѣдномъ островѣ Карпатѣ. Немногіе острова сѣверной части Эгейскаго моря, гдѣ господствуетъ уже суровый аракійскій климатъ, греки заселили только въ историческую эпоху; до этого времени ихъ крайними форпостами въ этомъ направленіи были Лесбось и, можетъ быть, Тенедось; Фазось оставался въ рукахъ варваровъ до VII столѣтія, Лемносъ и Имбросъ—до конца VI ³⁾, а гористая Самоэракія, насколько намъ извѣстно, никогда не была заселена греками, хотя съ теченіемъ времени конечно усвоила ихъ культуру ⁴⁾.

Относительно племенного происхожденія этихъ коренныхъ обитателей у насъ нѣтъ никакихъ точныхъ извѣстій. Надписи на какомъ-

1) Изъ этого, конечно, не слѣдуетъ, что между критскими крѣпостными болѣе поздняго времени не было и грековъ; завоеваніе острова положило только начало крѣпостному праву, какъ случилось позже и при заселеніи Сициліи.

2) τ 176, гдѣ подчеркнуто различіе между языкомъ коренного населенія и греческимъ языкомъ. Памятникъ этеокритскаго языка былъ недавно открытъ Halbherr'омъ въ Прэсѣ (*Museo Ital. di Ant. Classica* II, 673). Это надпись въ 5 строкъ, къ сожалѣнію испорченная; алфавитъ отчасти отличается отъ алфавита греческихъ городовъ на Критѣ, но не похожъ ни на карійскій, ни на ликійскій, ни на фригійскій.

3) Herod. V 26, VI 137—140, Thuc. IV 109. Вышесказанное подтверждаютъ и двѣ надписи на туземномъ языкѣ, найденныя недавно на о-вѣ Лемносѣ (*Bull. de Corresp. Hell.* 1886, стр. 1 сл., Pauli *Eine vorgriechische Inschrift aus Lemnos* Leipzig 1886).

4) Herod. II 51, Diod. V 47; послѣдній утверждаетъ, что въ богослуженіи сохранились остатки туземнаго языка. Извѣстіе, что островъ былъ колонизованъ съ Самоса (Paus. VII 4,3. [Skymnus] 692, ср. Herod. VIII 90), основано только на созвучіи именъ. Ср. Rubensohn *Die Mysterienheiligtümer zu Samo-brake und Eleusis*, Berlin 1892, стр. 212 сл.

то не греческомъ нарѣчїи, найденныя недавно на Критѣ и Лемносѣ, до сихъ поръ еще не разобраны. Очень вѣроятно, что острова сѣверной части Эгейскаго моря были первоначально заселены съ сосѣдняго еракійскаго побережья. Дѣйствительно, Гомеръ называетъ жителей Лемноса синтїйцами, и еще въ историческое время на среднемъ Стримонѣ сидѣло еракійское племя, носившее такое же имя ¹⁾. Нельзя также сомнѣваться, что карїйцы нѣкогда заселяли ближайшіе къ нимъ острова; можетъ быть, они проникли и нѣсколько далѣе на западъ и заняли также Критъ и Циклады ²⁾.

Лучше извѣстенъ намъ этнографическій составъ коренного населенія Малой Азіи ³⁾. Обширное плоскогорье, занимающее середину полуострова, было заселено народомъ индогерманскаго племени, фригїйцами. Близкое родство ихъ языка съ греческимъ обратило на себя уже вниманіе древнихъ ⁴⁾, но, повидимому, еще ближе стояли они къ еракійцамъ. Поэтому можно думать, что фригїйцы пришли на свою позднѣйшую родину съ Балканскаго полуострова, чрезъ Босфоръ или Геллеспонтъ ⁵⁾. Ихъ сѣверные сосѣди виоинцы, жившіе у Босфора, представляли еракійское племя ⁶⁾, какъ, вѣроятно, и мисяне на южномъ берегу Пропонтиды ⁷⁾. Возможно, что и лидяне находились въ тѣсномъ родствѣ съ этими племенами, но остатки лидійскаго языка слишкомъ скудны, чтобы можно было придти къ какому нибудь опредѣ-

¹⁾ А 594 и 9 294, гдѣ есть и прямое указаніе на варварскій языкъ этого народа (*μετὰ Σιντίας ἀυριοφόνους*). Уже Гелланикъ (fr. 112) пришелъ къ заключенію, что они были еракійцами. Алфавитъ до-эллиническихъ надписей съ о-ва Лемноса очень близокъ къ фригїйскому (Kirchhoff *Alphabet* ⁴ стр. 54); впрочемъ, собственнo-еракійскій алфавитъ до сихъ поръ неизвѣстенъ. О мнимо́мъ родствѣ языка лемносскихъ надписей съ этрусскимъ см. ниже, гл. V.

²⁾ Herod. I 171 по критскому источнику, и Thuc. I 8.

³⁾ Ср. E. Meyer *Geschichte des Altertums*, I стр. 299—305. Perrot et Chipiez *Histoire de l'Art dans l'Antiquité* vol. V (Paris 1890).

⁴⁾ Plat. *Cratyl.* p. 410 a. По крайней мѣрѣ, уцѣлѣвшіе памятники фригїйскаго языка неопровержимо доказываютъ индогерманское происхожденіе этого народа; ср., напр., надпись *Ατς Αρκις Γαις αλεναολα Γος Μιδαι λα Γαλται Γανακτι εδαες* и надпись на алтарѣ Кибелы *ματαρ Κυβιλε*. Ср. также Ramsay *A Study on Phrygian Art, Journal of Hell. Studies* IX 350—382, X 147—189.

⁵⁾ Таково было единогласное мнѣніе древнихъ историковъ: Herod. VII 73, Xanthos fr. 5, Strab. X 471 etc.

⁶⁾ Herod. VII 75, Thuc. IV 75, Xen. *Anab.* VI 2, 18; 4, 1—2 *Hell.* I 3, 2, III 2, 2 etc. Объ ихъ переселеніи изъ Европы—*Argrian.* fr. 37, Eusebius (Hieronymus) къ 1045 г. отъ Авраама.

⁷⁾ Strab. VII 295, XII 542; впрочемъ, онъ выводитъ это только изъ омонимїи съ мисїйцами (*μυσοί*), обитавшими на нижнемъ Дунаѣ.

ленному выводу на этотъ счетъ ¹⁾. Обь обитателяхъ гористой юго-западной части полуострова, карійцахъ и ликійцахъ, мы до сихъ поръ достовѣрно знаемъ только то, что они говорили на флектирующихъ языкахъ, которые по своему морфологическому строенію представляли большое сходство съ индогерманскими; повидимому также карійцы ²⁾ и ликійцы ³⁾ стояли очень близко другъ къ другу. Но пока не будутъ прочитаны ликійскія надписи, вопросъ о томъ, принадлежали-ли эти народы къ индогерманскому племени, долженъ остаться открытымъ.

Греки также очень рано начали заселять мало-азіатское побережье. Въ началѣ исторической эпохи мы находимъ непрерывный рядъ греческихъ колоній вдоль западнаго берега полуострова отъ Элейскаго залива противъ Лесбоса на сѣверѣ до Іасійскаго залива къ югу отъ Милета. Далѣе на югъ, въ Каріи, греки заняли оба полуострова Галикарнаса и Книдъ; весь остальной берегъ оставался во власти туземцевъ. На сѣверѣ Троада была покорена только въ VII вѣкѣ. Глубже внутрь страны грекамъ вообще не удалось проникнуть до Александра; почти всѣ ихъ города лежатъ на берегу, во всякомъ случаѣ—не дальше одного дня пути отъ него (около 30 километровъ) ⁴⁾. Отсюда можно съ увѣренностью заключить, что греки пришли въ Малую Азію съ запада, черезъ Эгейское море, притомъ лишь въ то время, когда карійцы, лидяне и мисяне уже сидѣли на своихъ мѣстахъ.

Греки проникли и далѣе на востокъ, вдоль южнаго берега полуострова. Въ горной Ликии удержалось туземное население; зато греки заняли плодородную равнину Памфиліи. Здѣсь возникли греческіе города Перга, Силлій, Аспендъ и Сида ⁵⁾; повидимому, очень рано были

¹⁾ По извѣстію Ксанеа (fr. 8 у Страбона изъ Менекрата Элейскаго), языкъ мисянъ занималъ среднее мѣсто между лидійскимъ и фригійскимъ. Дѣйствительно, имена Садіаттъ и Алиаттъ—не арійскія формы, если правда, что вторая половина ихъ представляетъ имя бога Аттиса. Ср. также *Six Numismatic Chronicle* III Serie X, стр. 202 сл.

²⁾ E. Meyer *Karien* въ *Encyklopedien* Эрша и Грубера. Georg Meyer *Die Karier* въ *Bezenberger's Beiträge* X (1886) стр. 147. Sayce *The Karian language and inscriptions* въ *Transactions of the Society of Biblical Archaeology* IX 1 (1887).

³⁾ Moritz Schmidt *The Lycian Inscriptions* Iena 1868, *Neue lykische Studien* Iena 1869, Pauli *Eine vorgriechische Inschrift von Lemnos* Leipz. 1886, Treuber *Geschichte der Lykier* Stuttgart 1887, Deecke въ *Bezenberger's Beiträge* XII—XIV.

⁴⁾ Если оставить въ сторонѣ Магнесію (у Сипила), греческое происхождение которой сомнительно.

⁵⁾ Herod. VII 91, [Skylax] 101, Strab. XIV 667 сл.; извѣстія этихъ пи-

заселены и Нагидъ, Келендерисъ, Солы и Маллъ въ Киликии ¹⁾. Но важнѣе всего то, что обширный и богатый Кипръ почти всецѣло перешелъ во власть грековъ ²⁾; коренное населеніе удержалось только на южномъ берегу, въ Амаунтѣ ³⁾, финикияне—въ сосѣднемъ Китіонѣ и, можетъ быть, также въ Лапееѣ, въ сѣверной части острова ⁴⁾.

Колонизація Кипра совершилась въ то время, когда греки еще не познакомились съ фонетическимъ алфавитомъ ⁵⁾; старинный діалектъ, на которомъ кипрскіе греки говорили еще въ IV столѣтіи, также доказываетъ, что островъ былъ заселенъ въ очень ранній періодъ. Западное побережье Малой Азіи, какъ ближайшее къ Греціи, было заселено, вѣроятно, гораздо раньше ⁶⁾. Поэтому, документальныхъ извѣстій объ этой колонизаціи, конечно, не могло существовать. Правда, азіатскіе греки никогда не забывали, что они чужеземцы въ той странѣ, въ которой живутъ. Такъ, Милетъ называется у Гомера карійскимъ городомъ ⁷⁾, и рассказывая о завоеваніи Ахиллесомъ «прекрасно построеннаго» Лесбоса ⁸⁾, поэтъ, несомнѣнно, исходитъ изъ того представленія, что въ эпоху Троянской войны островъ былъ населенъ еще варварами. Вообще, эпосъ почти совершенно игнорируетъ греческія колоніи на мало-азиатскомъ берегу и прилегающихъ къ нему островахъ ⁹⁾, несмотря на то, что онъ возникъ именно въ этихъ колоніяхъ. Но о ближайшихъ обстоятельствахъ, при которыхъ совершилось переселеніе, въ историческую эпоху уже ничего не было извѣстно. Здѣсь не было и слѣда той тѣсной связи съ роднымъ городомъ, которую такъ усердно поддерживали греческія колоніи болѣе поздняго времени; точно

сателлей подтверждаются надписями на старинномъ греческомъ языкѣ, найденными въ Аспендѣ и Силліѣ (Collitz *Dialekt - Inschr.* I, стр. 365—370, *IGA* 505. 506).

¹⁾ Берозъ у Alex. Polyhist. и Abydenos (Euseb. I 29 и 35 Schoene), Strab. XIV 670 слл., Mela I 13.77, Arrian. *Anab.* II 5, 9.

²⁾ До насъ дошли греческія надписи на туземномъ слоговомъ алфавитѣ почти изъ всѣхъ городовъ острова.

³⁾ [Skylax] 103, ср. Steph. Byz. подъ *Ἀμαθός* и Theopomp. fr. 111.!

⁴⁾ Относительно Лапееа ср. [Skylax] l. c. и Александра Эфесскаго у Steph. Byz. *Λάπηθος*. Напротивъ, Страбонъ XIV 682 называетъ этотъ городъ спартанской колоніей. О Китіонѣ см. біографію Зенона у Діогена Лаэртскаго.

⁵⁾ См. выше, стр. 6.

⁶⁾ Почему здѣсь употреблялся менѣе устарѣвшій языкъ, чѣмъ на Кипрѣ, будетъ объяснено ниже (стр. 49).

⁷⁾ В 868.

⁸⁾ I 129—271.

⁹⁾ Въ спискѣ кораблей упоминаются только дорическія колоніи, лежащія на тѣхъ островахъ, которые расположены вдоль карійскаго берега (В 664).

такъ - же ни одинъ изъ греческихъ городовъ Малой Азіи не зналъ имени своего основателя. Такимъ образомъ, мифъ долженъ былъ дать то, въ чемъ отказывало историческое преданіе.

Эти мифы болѣею частью очень прозрачны ¹⁾. Важную роль въ нихъ играетъ ономимія. Такъ, Эритра въ Іоніи была, по преданію, основана беотійской Эритрой, Фокея—фокейцами, Саламинъ на Кипрѣ—одноименнымъ островомъ, лежащимъ у береговъ Аттики, кипрская Керинія—ахейскимъ городомъ того же имени. Мысъ Акамантъ, образующій сѣверо-западную оконечность Кипра, получилъ названіе будто бы отъ сына Тесея, Акаманта, котораго поэтому считали и основателемъ сосѣднихъ Солъ; позже построеніе этого города приписывали даже Солону. Кефея, мифическаго основателя одного изъ кипрскихъ городовъ (вѣроятно Керинія), безъ дальнѣйшихъ разсужденій отождествляли съ одноименнымъ эіопскимъ царемъ, отцомъ Андромеды, и сообразно съ этимъ полагали, что нѣкогда на островѣ существовала эіопская колонія. Союзное святилище іонянъ на мысѣ Микале было посвящено Посейдону Геликонскому; на этомъ основаніи іонянъ выводили изъ Ахеи, гдѣ въ Геликѣ также существовалъ знаменитый храмъ Посейдона ²⁾. Другія сказанія основывались на родословныхъ царскихъ домовъ. Такъ какъ властители Милета и болѣею частью другихъ іоническихъ городовъ производили свой родъ отъ Нелея, котораго эпосъ по мифологическимъ соображеніямъ помѣщалъ на самой отдаленной западной окраинѣ греческаго міра—въ Трифилійскомъ Пилосѣ, то отсюда будто бы и была заселена Іонія ³⁾. Афродита Пафосская имѣла храмъ и въ Тегеѣ; изъ этого заключали, что Пафосъ былъ основанъ Агапеноромъ и его аркадянами во время ихъ возвращенія изъ-подъ Трои. На основаніи такихъ же соображеній полагали, что островъ Косъ, съ его храмомъ Асклепія, былъ заселенъ изъ Эпидавра или изъ Тессаліи, гдѣ находились наиболѣе извѣстныя святилища бога врачебной науки. Наконецъ, іоняне должны были съ теченіемъ времени все болѣе убѣждаться въ близкомъ сходствѣ своихъ нравовъ и языка съ нравами и языкомъ обитателей Аттики, и результатомъ этого наблюденія было то, что на іоническіе города начали смотрѣть, какъ на

¹⁾ Главные источники для сказаній объ основаніи іоническихъ городовъ—Herod. I 145 сл., Strab. XIV 633, Paus. VII 1—4. Весь матеріалъ сопоставленъ у Германна—*Staatsaltertümer* и Бузольта—*Griech. Geschichte* I. Анализъ легендъ, относящихся къ Кипру—у Енманна—*Kypros*, стр. 38 слл.

²⁾ Schol. Y 404, Strab. VIII 384, Diod. XV 49 etc. Уже Аристархъ замѣтилъ, что это объясненіе невѣрно съ филологической точки зрѣнія.

³⁾ Mimn. fr. 9, Strab. XIV 633.

аеинскія колоніи ¹⁾). Генеалогі VI и V столѣтій задались уже цѣлью привести въ согласіе эти противорѣчивыя преданія. По ихъ свидѣтельству, Нелиды первоначально перешли изъ Пилоса въ Атику, здѣсь къ нимъ пристали изгнанные изъ Ахеи іоняне, и затѣмъ тѣ и другіе совмѣстно двинулись въ Азію. Но для насъ эти противорѣчія служатъ доказательствомъ, что въ историческое время ни іоняне, ни вообще азіатскіе греки не имѣли уже никакихъ опредѣленныхъ свѣдѣній о своемъ переселеніи изъ Европы.

Къ счастью, мы другимъ путемъ можемъ придти къ болѣе точнымъ выводамъ. Очевидно, что распространеніе грековъ на востокъ должно было имѣть своимъ исходнымъ пунктомъ западное побережье Эгейскаго моря. И мы дѣйствительно находимъ въ Милетѣ, Самосѣ, Эфесѣ и Теосѣ тѣ самыя філы, на которыя до реформъ Клизена дѣлилось населеніе Атики, а арголидскія філы гиллеевъ, димановъ и панфиловъ встрѣчаются также на Ферѣ, Калимнѣ, Косѣ и Родосѣ и во многихъ критскихъ городахъ ²⁾). Итакъ, несомнѣнно, что значительная часть Крита, южные Циклады и острова, лежащіе у карійскаго берега, были колонизированы изъ Арголиды, тогда какъ Іонія или, по крайней мѣрѣ, большая часть ея, получила свое греческое населеніе изъ Атики. Возможно, что въ этой колонизаціи принимали участіе и выходцы изъ другихъ областей Греціи; такъ, Критъ былъ, вѣроятно, заселенъ отчасти изъ сосѣдней Лаконіи, а въ Іонію переселялись и эвбейцы и, можетъ быть, также беотяне. Дѣйствительно, рядомъ съ упомянутыми аттическими и арголидскими філами, мы находимъ на Критѣ и въ малоазіатскихъ колоніяхъ другія філы, которыхъ не встрѣчаемъ въ Атикѣ или Арголидѣ. Но въ общемъ порядокъ греческихъ племенъ въ Азіи съ юга на сѣверъ точно соотвѣтствуетъ тому порядку, въ которомъ они сидѣли на западномъ побережьи Эгейскаго моря; поэтому очень вѣроятно, что города сѣверной Іоніи, Лесбосъ и такъ называемые эолійскіе города, лежащіе уже на материкѣ Азіи, были дѣйствительно, какъ утверждаетъ преданіе, заселены изъ Беотіи или, по крайней мѣрѣ, изъ той части восточнаго берега Греціи, которая простирается къ сѣверу отъ Атики. Впрочемъ, точно доказать это предположеніе невозможно, такъ какъ мы не знаемъ беотійскихъ и ессалій-

¹⁾ Такого взгляда придерживается Солонъ, когда называетъ Атику *πρὸς βυτιάτην γαῖαν Ἰωνίας* [древнѣйшей страной Іоніи]. (Arist. *Аеинская Политія* 5,2). Въ виду этого теряютъ значеніе многія опрометчивыя гипотезы.

²⁾ Ссылки—у Гильберта *Staatsallert.* II 305; относительно Родоса ср. В 668, относительно Крита—надписи, открытыя Halbherr'омъ (*Museo ital. di Ant. classica* III, 2).

скихъ филь. Языкъ кипрскихъ грековъ чрезвычайно близокъ къ языку жителей Аркадіи; слѣдовательно, Кипръ былъ заселенъ повидимому изъ Пелопоннеса, хотя, конечно, не изъ самой Аркадіи, лежащей внутри полуострова.

Легко понять, что греки переносили свои старыя, привычныя учрежденія и на новую родину. Здѣсь, какъ и въ метрополи, каждое поселеніе само отвѣчало за себя, будучи вполне независимо отъ сосѣднихъ городовъ. И здѣсь одноплеменные общины съ теченіемъ времени соединялись въ сакральные союзы. Происходившіе главнымъ образомъ изъ Арголиды колонисты острововъ и полуострововъ вдоль карійскаго берега избрали своимъ религіознымъ центромъ храмъ Аполлона на Тріюійскомъ мысѣ близъ Книда; населеніе побережья отъ Милета до Фокеи и обитатели близлежащихъ острововъ, родомъ, большею частью, изъ Аттики, собирались въ храмъ геликонскаго Посейдона на мысѣ Микале; третій подобный союзъ образовали поселенія, расположившіяся въ области нижняго Герма, отъ Смирнскаго до Элейскаго залива. И здѣсь также съ теченіемъ времени выработались общія племенные названія для участниковъ этихъ религіозныхъ союзовъ: всѣ, собиравшіеся на Тріюійскомъ мысѣ, стали называть себя дорьянами, почитатели геликонскаго Посейдона—іонянами, справлявшіе свои празднества въ долинѣ Герма—эолянами ¹⁾. Но при томъ руководящемъ значеніи, какое азіатскіе греки получили съ IX вѣка какъ въ экономической, такъ и въ духовной области, эти племенные имена стали мало-по-малу употребляться въ болѣе широкомъ смыслѣ. Имя іонянъ было перенесено на родственныхъ іонянамъ обитателей большей части Цикладъ, Эвбеи и Аттики; имя дорянъ—на населеніе Крита и южныхъ Цикладъ, которое, какъ мы знаемъ, подобно азіатскимъ дорьянамъ принадлежало къ арголидскому племени, затѣмъ—на обитателей самой Арголиды. Точно также и названіе эолянъ ²⁾ было распространено на Лесбосъ и, далѣе, на Беотію и Фессалію. Это случилось около того времени, когда обѣ великія эпопеи

¹⁾ Въ самой Греціи не было ни іонянъ, ни эолянъ; слѣдовательно, эти племенные названія должны были образоваться уже въ Малой Азіи (ср. E. Meyer *Forschungen* I стр. 127 сл.). То же самое относится и къ дорьянамъ. Правда, у южной подошвы Эты была область, носившая имя Дориды; но лежа внутри полуострова, она никоимъ образомъ не могла принимать участія въ заселеніи Малой Азіи. Мы имѣемъ здѣсь дѣло съ однимъ изъ тѣхъ омонимовъ, которые такъ часто встрѣчаются въ языкахъ, распространенныхъ на большомъ пространствѣ. Подробности—ниже, гл. V.

²⁾ Поэтому города, лежавшіе по теченію Герма, теперь называются уже *Αιολέων πόλεις αἱ ἀρχαῖαι* [древніе эолійскіе города] (Herod. I 149).

заканчивались въ своихъ главныхъ частяхъ, т. е. приблизительно въ концѣ VIII столѣтія. Эпосъ еще не знаетъ дорянъ въ Пелопоннесѣ, но въ одномъ мѣстѣ Одиссеи уже упоминаются доряне на Критѣ ¹⁾, а въ одномъ довольно позднемъ мѣстѣ Илиады аеиняне названы «іаонами» ²⁾. Въ каталогѣ Гесіода, относящемся къ VI вѣку, Доръ, Эолъ и Ксуѳъ называются уже сыновьями Геллена, Іонъ и Ахей—сыновьями Ксуѳа ³⁾. Слѣдовательно мы уже находимъ здѣсь привычное и намъ дѣленіе греческаго народа на три племени дорянъ, іонянъ и эолянъ ⁴⁾, къ которымъ, въ качествѣ четвертаго племени, присоединяются ахеяне, въ виду той выдающейся роли, какую они играютъ въ эпосѣ. Отставшіе въ культурномъ отношеніи обыватели западной части греческаго полуострова были оставлены при этомъ въ сторонѣ; позднѣйшіе ученые безъ всякаго основанія распространили на нихъ имя эолянъ ⁵⁾.

Процессъ, который мы прослѣдили, могъ совершиться только въ теченіе многихъ столѣтій. Когда онъ начался, когда греки пришли въ ту страну, которой они дали имя,—объ этомъ мы не можемъ составить себѣ даже предположенія. Мы знаемъ только, что образованіе племенъ и передвиженія внутри самого полуострова были уже закончены, когда греки начали заселять острова и Малую Азію; по крайней мѣрѣ, въ Аттикѣ и Арголидѣ уже обитали въ это время тѣ же самыя племена, которыя мы находимъ здѣсь въ историческую эпоху. Эллинизация острововъ Эгейскаго моря и западнаго берега Малой Азіи должна была потребовать нѣсколькихъ столѣтій; не надо

¹⁾ τ 177.

²⁾ N 685. По содержанію совершенно ясно, что подѣ Ἰάονες ἐλλεχίτωνες (іаоны длинохитонные) здѣсь разумѣются аеиняне.

³⁾ Hesiod. fr. 25 Kinkel. Ксуѳъ—„желтый“, т. е. Аполлонъ—вставленъ въ родословную потому, что происхождение Іона отъ этого бога, низведеннаго здѣсь на степень героя, было въ это время уже твердо установлено.

⁴⁾ Въ то время, какъ Іонъ, Доръ и Ахей представляютъ собою ничто иное, какъ героевъ-эпонимовъ своихъ племенъ,—Эолъ имѣеть, кромѣ того, еще самостоятельное значеніе. Онъ является у Гомера богомъ вѣтровъ и, какъ таковой, почитался вѣроятно во многихъ частяхъ Греціи. Понятно, что преданіе должно было видѣть въ эолянахъ древнѣйшихъ обитателей этихъ мѣстъ. Такъ, по Гомеру (Z 153 сл.), Сисифъ, сынъ Эола, жилъ въ Коринѣ; на этомъ основано извѣстіе Фукидида, что городъ былъ населенъ эолянами до переселенія дорянъ.

⁵⁾ Было бы хорошо, если бы наши историческіе атласы отказались, наконецъ, отъ традиціонной окраски по племенамъ. Правда, теперь еще невозможно составить карту Греціи по нарѣчіямъ на основаніи эпиграфическаго матеріала.

забывать, что одни только острова занимают поверхность почти въ 18.000 кв. километровъ, т. е. немногимъ менѣе Полопоннеса. Закончился этотъ процессъ, самое позднее, въ началѣ перваго тысячелѣтія до нашей эры, такъ какъ гомеровскій эпосъ исходитъ изъ предположенія, что греки уже давно живутъ въ Малой Азіи, а основная часть Иліады возникла не позже VIII вѣка, вѣроятно еще въ IX¹⁾. Большая часть Кипра была заселена греками уже около 700 г., какъ показываютъ клинообразныя надписи²⁾; въ виду крупныхъ размѣровъ острова (9599 кв. кил.), начало его колонизаціи греками приходится отнести не позже, какъ къ IX вѣку. Во всякомъ случаѣ, покореніе Кипра должно было совершиться въ то время, когда греки еще не знали алфавита и аркадійское нарѣчіе еще не начало отдѣляться отъ нарѣчій пелопоннесскаго побережья. Съ другой стороны, едва ли можно предположить, что послѣ заселенія западнаго берега Малой Азіи и Кипра греческая колонизація приостановилась на нѣсколько столѣтій. Такъ какъ, слѣдовательно, колонизація какъ Запада, такъ и береговъ Фракіи и Геллеспонта могла начаться не ранѣе VIII вѣка, то острова и Малую Азію греки должны были заселить въ теченіе второй половины втораго тысячелѣтія до Р. Х.

Изъ сказаннаго ясно, что со времени переселенія грековъ на Балканскій полуостровъ въ ихъ составъ вошло множество чуждыхъ элементовъ. Тѣмъ не менѣе эта примѣсь была недостаточно сильна, чтобы уничтожить въ ихъ наружности слѣды арійскаго происхожденія. Своихъ любимыхъ героевъ—Ахиллеса, Одиссея, Менелая—Гомеръ изображаетъ бѣлокурыми³⁾; бѣлокуры были и спартанскія дѣвушки, которыхъ воспѣвалъ Алкманъ въ своихъ Пароеніяхъ, и большая часть беотяногъ даже въ III вѣкѣ⁴⁾. Вообще, въ теченіе всей древности свѣтлые волосы считались признакомъ красоты. Это, конечно, показываетъ, что, по крайней мѣрѣ въ болѣе позднее время, въ Греціи преобладалъ темный цвѣтъ волосъ⁵⁾, что, вѣроятно еще въ гораздо

1) См. ниже, гл. IV.

2) См. выше, стр. 4—5.

3) А 197, ν 399, 431; ξανθός, какъ извѣстно, постоянный эпитетъ Менелая. То обстоятельство, что Гомеръ особенно подчеркиваетъ свѣтлый цвѣтъ волосъ своихъ героевъ, объясняется миеологическими соображеніями, какъ и темный цвѣтъ волосъ Посейдона и бровей Зевса. Впрочемъ, по § 231 и ψ 158 и Одиссей имѣетъ черные волосы (βακινθίνω ἄνθει ομοίως—,похожіе на цвѣтъ гіацинта⁴⁾). Волосы дочерей элевсинскаго царя Келея называются κροκεῖοι ἄνθει ομοίαι (похожіе на цвѣтъ шафрана) (Гимнъ Деметрѣ 178).

4) Гераклідъ-крит. *Описаніе Греціи* I, 17.

5) Цвѣтныя статуи изъ временъ до Персидскихъ войнъ, найденныя въ

большей степени, наблюдается и теперь; но чѣмъ объяснить это явление: влияніемъ ли климата, или смѣшеніемъ расъ? Черепа, добытые пзъ древне-греческихъ могилъ, всѣ безъ исключенія долихоцефалическіе, отчасти въ очень рѣзкой формѣ, и имѣютъ поразительно малую емкость ¹⁾ тогда какъ большинство современныхъ грековъ—брахицефалы. Относительно роста древнихъ грековъ у насъ нѣтъ никакихъ точныхъ свѣдѣній; современные греки не принадлежатъ къ числу особенно рослыхъ народовъ и стоятъ въ этомъ отношеніи приблизительно на одной линіи съ французами.

Подобно всѣмъ остальнымъ индогерманскимъ народамъ, древніе греки были богато одарены въ умственномъ отношеніи и способны къ военному дѣлу; эти свойства, вмѣстѣ съ благопріятными внѣшними обстоятельствами, и доставили имъ духовное, а на короткое время даже политическое господство надъ міромъ. Отличительной чертой грековъ является сильно развитое эстетическое чувство, какимъ послѣ нихъ не обладалъ ни одинъ народъ; оно-то и сдѣлало ихъ поэтическія и художественныя произведенія недосыгаемыми образцами для всѣхъ временъ. Напротивъ, худшая нравственная черта ихъ національнаго характера состоитъ въ недостаткѣ честности и уваженія къ данному слову ²⁾; въ этомъ отношеніи греки далеко уступали своимъ западнымъ и восточнымъ сосѣдямъ—италикамъ и персамъ. Уже мнѣи прославляютъ воровскіе подвиги Гермеса; многоопытный Одиссей также не можетъ быть названъ образцомъ честности, а его дѣда по матери, Автолика, эпосъ даже восхваляетъ за то, что онъ былъ искусителемъ всѣхъ людей въ воровствѣ и вѣроломствѣ ³⁾. Гесиодъ жалуется на подкупность знатныхъ судей, Солонъ—на безчестность государственныхъ людей въ Аѣинахъ; и даже въ классическую и эллинистическую эпоху въ Греціи было мало людей, которыхъ деньгами нельзя было бы склонить къ чему угодно. Когда надо было устранить соперника при помощи политическаго процесса, его почти всегда обви-

аѣинскомъ Акрополѣ, имѣютъ большею частью свѣтло-русые волосы; точно такъ же и на сосудахъ для масла изъ Аттики и Эретріи цвѣтъ волосъ чаще всего свѣтло-русый, рѣже бѣлокурый, иногда черныи.

¹⁾ Clôu Stephanos, статья *Grèce* въ *Dictionnaire encyclopédique des sciences médicales* Дешамбра, серія IV, томъ 10, стр. 452 слл. (Paris 1884), Virchow въ *Sitzungsberichte der berl. Akademie* 1891 стр. 819—828, 1893 стр. 677—700. Средній индексъ 90 череповъ, измѣренія которыхъ имѣлъ подъ рукою Clôu Stephanos, равенъ 75,7, средняя емкость—1388,7 куб. сант.

²⁾ Ср. Polyb. VI 56, 13 слл. и рѣчь Цицерона за Л. Флакка 4,9 сл.

³⁾ τ 395.

няли или въ подкупности, или въ утайкѣ общественнаго имущества, потому что почти никто не былъ вполне чистъ на руку. Эту черту, такъ мало гармонирующую съ арійскимъ характеромъ, можно было бы, пожалуй, объяснить смѣшеніемъ грековъ съ тѣмъ населеніемъ, которое они при своемъ прибытіи уже застали на Балканскомъ полуостровѣ, тѣмъ болѣе, что тотъ же недостатокъ, и, повидимому, еще въ большой степени, мы находимъ у карійцевъ. Это предположеніе подтверждается и той дурной славою, которою пользовались критяне, такъ какъ именно на Критѣ примѣсь чуждыхъ, не-эллинскихъ элементовъ была особенно сильна.

Вообще, черты національнаго характера должны были развиваться въ различныхъ областяхъ крайне неравномѣрно, въ зависимости отъ различныхъ географическихъ, а позже и экономическихъ и социальныхъ условій. Населеніе внутреннихъ областей, занимавшееся преимущественно скотоводствомъ и земледѣліемъ и разсѣянное по небольшимъ городамъ и селамъ, было, конечно, тяжеловѣснѣе и консервативнѣе, чѣмъ обитатели оживленнаго побережья. Этимъ объясняется, напримѣръ, разница между подвижными аѳинянами и ихъ беотійскими сосѣдями, тупость которыхъ вошла въ пословицу. Какъ мало такія различія зависятъ отъ племеннаго происхожденія, показываетъ сравненіе консервативныхъ пелопоннесцевъ съ ихъ колонистами въ Сициліи, которые по гибкости ума не уступали аѳинянамъ ¹⁾. Эти условія сильно способствовали выработкѣ и развитію самой пагубной черты греческаго національнаго характера—партикуляризма.

Далѣе, то обстоятельство, что вся страна изрѣзана горами и заливами, сильно затрудняющими сообщеніе между отдѣльными ея частями, имѣло послѣдствіемъ распадненіе греческаго языка на цѣлый рядъ діалектовъ; едва ли еще гдѣ-нибудь можно найти на такомъ небольшомъ пространствѣ такъ много разнородныхъ нарѣчій ²⁾. Этотъ процессъ долженъ былъ въ главныхъ чертахъ закончиться еще до того

¹⁾ Thuc. VIII 96,5. Вѣрныя замѣчанія о мнимомъ „дорическомъ“ племенномъ характерѣ — у Трибера (*Forschungen zur spartanischen Verfassungsgeschichte*, Berlin 1871, стр. 106 сл.), который доказываетъ полную несостоятельность предположеній, высказанныхъ О. Мюллеромъ въ его *Дорянахъ*.

²⁾ Ahrens *De Graecae linguae dialectis* Göttingen 1839 и 1843, Meister *Die griechischen Dialekte* I (Göttingen 1882) II (1889), Joh. Schmidt *Die Verwandtschaftsverhältnisse der indogermanischen Sprachen* Weimar 1872, Collitz *Die Verwandtschaftsverhältnisse der griechischen Dialekte* Göttingen 1885. Книга Hoffmann'a *Die griechischen Dialekte* I Bd. *Der Südachaeische Dialekt* (т. е. аркадійско-кипрскій), Göttingen 1891, воскрешаетъ старую теорію о родствѣ племень, при чемъ исходнымъ пунктомъ являются сказанія о переселеніяхъ; автора

времени, когда греки заселили берега Сицилии и Пропонтиды, потому что каждая из основанных здѣсь колоній употребляла нарѣчіе своего родного города. Напротивъ, въ то время, когда колонизировались западный берегъ Малой Азіи и Кипръ, образованіе діалектовъ было еще въ полномъ ходу. Въ самомъ дѣлѣ, кипрское нарѣчіе обнаруживаетъ самое тѣсное родство съ аркадіимъ, а такъ какъ Кипръ не могъ быть заселенъ изъ Аркадіи, лежащей внутри материка, то очевидно, что нѣкогда на восточномъ или южномъ берегу Пелопоннеса господствовалъ діалектъ, стоявшій очень близко къ позднѣйшему аркадіиско-кипрскому. Въ замкнутой среди горъ Аркадіи и на дальнихъ островахъ это старинное нарѣчіе осталось сравнительно чистымъ; на берегахъ Пелопоннеса, подъ вліяніемъ сношеній съ греками изъ другихъ областей, оно смягчилось и измѣнилось. Такимъ образомъ, здѣсь выработалось два новыхъ діалекта—арголидскій и лаконскій, которые, возникнувъ на одной и той же основѣ, были, конечно, чрезвычайно сходны между собою, но все-таки не настолько, чтобы ихъ можно было соединять подъ именемъ единого «дорическаго» діалекта. Благодаря спартанскому завоеванію въ VIII вѣкѣ, если не раньше, лаконское нарѣчіе распространилось и въ Мессеніи, тогда какъ арголидскія колоніи на островахъ и полуостровахъ вдоль карійскаго берега усвоили діалектъ своей метрополи. Напротивъ, языкъ обширнаго Крита продолжалъ своеобразно развиваться, хотя все еще, конечно, опираясь на діалекты южнаго и восточнаго Пелопоннеса. Совершенно одичалъ греческій языкъ въ изолированной Памфилии, обитатели которой тоже, по всей вѣроятности, пришли изъ Арголиды и Лаконіи. Своеобразный языкъ выработала и бѣдная гаванями Элида на западномъ берегу Пелопоннеса, такъ что мы иногда только съ трудомъ можемъ понять ея письменные памятники; нѣкоторыя особенности этого діалекта, какъ, на примѣръ, ротацизмъ, перешли и въ лаконское нарѣчіе.

Отъ этихъ пелопоннесскихъ нарѣчій рѣзко отдѣляются діалекты, господствовавшіе въ Атикѣ, на Эвбей, на сѣверныхъ и среднихъ Цикладахъ и въ Іоніи. Вся эта область, или, по крайней мѣрѣ, большая часть ея, была занята одноплеменнымъ населеніемъ, которое, какъ мы видѣли, пришло изъ Атики. Отличительная черта этой группы языковъ, сравнительно съ остальными греческими нарѣчіями, состоитъ въ замѣнѣ долгаго *a* долгимъ *e*. Такъ какъ эта особенность сильнѣе

ничуть не смущаетъ, что результаты изученія діалектовъ отчасти рѣзко противорѣчатъ этой теоріи.

всего развита въ Іоніи, то надо думать, что она здѣсь впервые возникла и уже отсюда была перенесена на Циклады и въ Аттику. Такимъ образомъ, и эти діалекты должны были отдѣлиться отъ пелопоннесскихъ нарѣчій отчасти уже послѣ заселенія Малой Азіи.

Киберонъ и Парнесъ, которые съ сѣвера ограничивали Аттику и говорившую по-арголидски Мегару, составляли рѣзкую діалектическую границу. Беотія имѣетъ свое собственное нарѣчіе, которое, сообразно географическому положенію этой страны, занимаетъ среднее мѣсто между арголидскимъ и ѳессалійскимъ, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ примыкаетъ и къ аттическому, но ни съ однимъ изъ этихъ нарѣчій не можетъ быть соединено въ одну группу. Даже населеніе Лесбоса и противолежащаго эолійскаго берега, которое по преданію, а можетъ быть и дѣйствительно, пришло изъ Беотіи, развило свой діалектъ настолько самостоятельно, что уклоненій отъ беотійскаго въ немъ оказывается больше, чѣмъ сходныхъ съ нимъ чертъ. Такъ же изолировано нарѣчіе ѳессалии, окруженной со всѣхъ сторонъ горными хребтами. Наконецъ, македонскій языкъ удержалъ большое количество старинныхъ формъ, а многое заимствовалъ также у фракійцевъ и иллирійцевъ, у которыхъ македоняне отняли бѣольшую часть своей страны; возможно, что самая рѣзкая особенность македонскаго нарѣчія—замѣна придыхательныхъ согласныхъ мягкими—объясняется именно вліяніемъ этихъ языковъ.

Древнѣйшіе діалекты горныхъ областей сѣверо-западной Греціи намъ очень мало извѣстны. Мы знаемъ, что языкъ эвритановъ, обитавшихъ въ средней Этоліи, былъ почти непонятенъ для аеинянина V вѣка ¹⁾; въ прибрежныхъ областяхъ оживленныя сношенія дѣйствовали на языкъ смягчающимъ образомъ, какъ показываютъ локрскія надписи, относящіяся къ этому-же или нѣсколько болѣе раннему времени. Культурными центрами всей этой страны были Коринѳъ и его колоніи на эпиро-акарнанскомъ побережьи; сообразно съ этимъ, коринѳское нарѣчіе такъ сильно повліяло на діалекты областей, лежащихъ между Фокидой и Эпиромъ ²⁾, что, судя по уцѣлѣвшимъ надписямъ IV-го и позднѣйшихъ вѣковъ, эти, такъ называемые «сѣверно-дорическіе» діалекты представляютъ ничто иное, какъ нѣсколько видоизмѣненный арголидскій ³⁾. Такое же вліяніе и, можетъ

1) Thuc. III 94. 5.

2) Предположеніе, что на этомъ „сѣверно-дорическомъ“ языкѣ говорили и жители Феотиды, недостаточно обосновано, такъ какъ дошедшія до насъ феотидскія надписи относятся ко времени этолійскаго союза, когда арголидское нарѣчіе являлось уже „дорической *κοινή*“.

3) Ср. замѣчаніе Бласса у Бузольта *Griech. Geschichte* I стр. 40 сл.

быть, еще въ бѣльшей степени, имѣлъ Коринѣвъ повидимому и на со-
сѣднѣй южный берегъ своего залива—на Ахею, такъ какъ и здѣсь въ
историческое время господствовало нарѣчіе, очень мало разнившееся
отъ арголидскаго.

Но какъ ни глубоки эти различія въ характерѣ и языкѣ отдѣль-
ныхъ племенъ, какъ ни велико вліяніе, которое имѣли эти различія
на весь ходъ греческой исторіи,—они ничтожны въ сравненіи съ
чертами, общими всей греческой націи и отличающими ее отъ всѣхъ
другихъ народовъ. Геродотъ съ полнымъ правомъ могъ сказать, что
греки составляютъ единокровный и единойзычный народъ, что у нихъ
общіе храмы и жертвоприношенія и одинаковые нравы ¹⁾. И, несмотря
на всю политическую рознь, греки очень рано сознали свое единство.

¹⁾ Herod. VIII 144.

ГЛАВА II.

Культура древнѣйшей Греціи.

Въ то время, когда началось раздѣленіе племенъ, наши индо-германскіе предки представляли полубродячій пастушескій народъ ¹⁾. Ихъ богатство состояло, главнымъ образомъ, изъ рогатаго скота, козь и овецъ; остальное имущество они везли съ собою на четырехколесныхъ повозкахъ, запряженныхъ волами, какъ мы это видимъ еще въ историческое время у скифовъ и германцевъ. Была ли уже приручена лошадь, мы не знаемъ; во всякомъ случаѣ, она еще не употреблялась для верховой ѣзды. Къ этимъ древнѣйшимъ домашнимъ животнымъ присоединилась позже свинья, прирученная, повидимому, уже послѣ того, какъ племена арійской группы отдѣлились отъ своихъ европейскихъ родичей.

Лишь только индо-германцы перешли на лѣсистыя пространства Средней Европы, гдѣ было меньше корма для стадъ, чѣмъ въ обширныхъ степяхъ Востока, они должны были, не покидая скотоводства, обратиться къ земледѣлію. Названія плуга и пашни, слова «сѣять», «косить», «молоть», и т. п., — общи всѣмъ языкамъ европейской группы. Воздѣлывали пшеницу, овесъ, просо, ленъ, можетъ быть также горохъ, бобы и лукъ. Но все таки земледѣліе носило чрезвычайно примитивный характеръ и рядомъ съ скотоводствомъ играло лишь второстепенную роль. Даже когда переселенія кончились и племена заняли свои послѣднія мѣста, прошло еще много времени, прежде чѣмъ старыя кочевыя привычки совершенно исчезли. Еще во времена Цезаря земледѣліе считалось у кельтовъ и германцевъ занятіемъ, недостойнымъ свободнаго человѣка; мало того: наши предки едва только начали знакомиться съ осѣдлостью и частной земельной собствен-

¹⁾ Schrader *Sprachvergleichung und Urgeschichte*. 2 Aufl. Iena 1890.

ностью. Что и греки нѣкогда стояли на этой ступени развитія, съ удивительной проницательностью замѣтилъ уже Фукидидъ. «Страна, именуемая нынѣ Элладою», говоритъ онъ, «заселена постоянными жителями лишь съ недавняго времени, такъ какъ раньше происходили въ ней переселенія, и каждый народъ легко покидалъ свою землю, будучи тѣснимъ другими обитателями, всякій разъ въ большемъ числѣ. Дѣло въ томъ, что при отсутствіи торговли и безопасныхъ взаимныхъ сношеній на сушѣ и на морѣ, каждый воздѣлывалъ свои поля лишь настолько, чтобы пропитать себя, никто не имѣлъ средствъ въ избыткѣ, не засаживалъ деревьевъ, потому что не зналъ, когда нападетъ на него другой и по беззащитности жилищъ отниметъ у него имущество; къ тому же каждый рассчитывалъ, что вездѣ добудетъ себѣ дневное пропитаніе» ¹⁾).

Свои орудія и оружіе индо-германцы изготовляли исключительно изъ дерева или камня; единственный извѣстный имъ металл—мѣдь—употреблялся, повидимому, только для украшеній. Съ гончарнымъ искусствомъ они уже были знакомы, но гончарнаго станка не знали. Одеждой служили имъ, вѣроятно, звѣриныя шкуры, которыми и позже нерѣдко пользовались для прикрытія тѣла; но уже очень рано люди научились выдѣлывать нитки изъ шерсти овецъ или волоконъ льна, и изъ этихъ нитокъ изготовлять полотна и ткани. Эта новая одежда состояла изъ широкаго, падавшаго складками плаща, спитаго по образцу звѣриной шкуры. Еще во времена Тацита онъ составлялъ единственную одежду германцевъ; подъ названіемъ «платья» вообще (*ἱμάτιον*), этотъ плащъ въ теченіе всей древности оставался главной частью греческой одежды, а тога италическая также представляла ничто иное, какъ это старое индо-германское одѣяніе. Древнѣйшимъ жилищемъ была, вѣроятно, повозка; при болѣе продолжительныхъ остановкахъ строили изъ дерева и глины круглыя хижины съ очагомъ посрединѣ, дымъ котораго выходилъ въ дверь. Италическія погребальныя урны или храмъ Весты въ Римѣ могутъ дать представленіе о такой хижинѣ. Иногда устраивались и врытыя въ землю жилища, которыя у фригійцевъ, скиѳовъ и германцевъ удержались до очень поздняго времени.

Таково было, въ отношеніи матеріальной культуры, то наследство, которое греки принесли со своей индо-германской родины. Древнѣйшіе археологическіе памятники изъ странъ, прилегающихъ къ Эгейскому морю, обнаруживаютъ степень развитія, во многомъ сходную съ той, которую мы сейчасъ изобразили. Такъ, въ развали-

¹⁾ Thuc. I, 2, пер. О. Г. Мищенко.

нахъ древнѣйшаго поселенія на мѣстѣ Илиона не найдено почти ни одного металлическаго орудія, тогда какъ каменные издѣлія встрѣчаются во множествѣ ¹⁾. Тутъ же находятъ сосуды изъ грубой непромытой глины, блестящаго чернаго или красноватаго цвѣта, иногда украшенные геометрическимъ орнаментомъ и, большею частью, сдѣланные только рукою, безъ помощи какого-либо инструмента. Но все-таки то поколѣніе, которому принадлежатъ эти памятники, сдѣлало крупный шагъ впередъ сравнительно со своими индо-германскими предками: оно уже приобрѣло осѣдлость и научилось защищать свои поселенія каменными стѣнами и возводить свои дома на каменныхъ фундаментахъ.

Надъ остатками этого древнѣйшаго троянскаго поселенія лежатъ развалины второго города. Здѣсь, рядомъ съ многочисленными каменными орудіями, оказалось множество издѣлій изъ мѣди, а найденныя тутъ же формы изъ слюдоваго сланца доказываютъ, что металлъ обрабатывался на мѣстѣ. Кромѣ того, здѣсь было открыто множество золотыхъ и серебряныхъ украшеній и сосудовъ, въ которыхъ Шлиманъ видѣлъ остатки сокровищницы Приама.

Въ общемъ, культура этого «второго города» представляетъ большое сходство съ культурой болѣе древнихъ пластовъ; особенно глиняная утварь выдѣлана изъ того-же грубаго матеріала и часто имѣетъ ту-же форму. Въ постройкѣ укрѣпленій обнаруживается уже довольно большое искусство; городъ окруженъ стѣной, снабженной выступами на подобіе башенъ, и ворота защищены чрезвычайно тщательно. Внутри находился скромный «дворецъ» владыки города, состоявшій изъ мужской комнаты съ примыкающимъ къ ней помѣщеніемъ для женщинъ. А за стѣнами, на равнинѣ и на сосѣднихъ холмахъ, еще и теперь, какъ во времена Гомера, возвышаются огромныя могильныя насыпи троянскихъ царей — зрѣлище, котораго не забудетъ никто, кому удалось переплыть «широкій Геллеспонтъ».

Культура, съ которою мы знакомимся здѣсь, получила широкое распространеніе. Мы находимъ ея остатки на Цикладскихъ островахъ — въ особенности на Аморгосѣ и Тенѣ, въ самой Греціи — на крѣпостномъ холмѣ въ Тиринѣ, подъ развалинами царскаго дворца,

1) Schliemann *Ilios, Stadt und Land der Troianer*. Leipzig 1881. *Troia*, Leipzig 1884. *Bericht über die Ausgrabungen in Troia im Jahre 1890*, Leipzig 1891. Schuchardt *Schliemanns Ausgrabungen* 2. Aufl. Leipzig 1891 — книга, которою надо пользоваться съ осторожностью. О памятникахъ греческой культуры до-металлической эпохи ср. Sp. Lambros *Ιστορικὰ Μελετήματα*, Афины 1884, стр. 12—25.

въ Элевсисѣ—близъ Афинъ и въ беотійскомъ Орхоменѣ, но главнымъ образомъ—на островѣ Кипрѣ ¹⁾). Раскопки, произведенныя въ этихъ мѣстахъ, обнаружили отчасти болѣе развитую культуру, сравнительно съ троянской. Такъ, на Цикладахъ, рядомъ съ грубыми «троянскими» глиняными издѣліями, встрѣчаются уже сосуды изъ промытой глины, изготовленные на гончарномъ станкѣ и украшенные цвѣтной живописью; орнаментомъ служатъ геометрическія фигуры и растенія. Дальше обнаруживаются и первые начатки каменной скульптуры: мраморные сосуды со спиральнымъ орнаментомъ и чрезвычайно грубыя мраморныя статуи обнаженной богини со скрещенными на груди руками,—безъ сомнѣнія, мѣстныя подражанія металлическимъ сосудамъ и идоламъ, завезеннымъ съ Востока.

Но было бы ошибочно заключать изъ этихъ наблюденій объ этнографическомъ единствѣ народовъ, жившихъ на протяженіи отъ Кипра до Трои. Культурное родство и этнографическая близость—двѣ совершенно различныя вещи; они могутъ совпадать, но отнюдь не въ силу необходимости. Каждый народъ въ теченіе своей исторической жизни проходитъ рядъ культурныхъ стадій, и двигательной силой этого развитія бываетъ обыкновенно вліяніе сосѣдей. При этомъ высота культуры у различныхъ племенъ тѣмъ легче уравнивается, чѣмъ первобытнѣе культурная стадія, въ которой они находятся. Такъ напримѣръ, позже, въ началѣ историческаго періода, мы находимъ у грековъ, лидянъ, карійцевъ и ликійцевъ въ общемъ совершенно одинаковыя внѣшнія формы общежитія. Нѣтъ никакихъ основаній предполагать, что въ до-историческое время дѣло обстояло иначе, разъ уже начали развиваться сношенія по Эгейскому морю. Итакъ, если народъ, населявшій Троаду въ каменный и мѣдный періодъ, не принадлежалъ къ греческому племени,—въ чемъ, кажется, нельзя сомнѣваться,—то отсюда нельзя дѣлать никакого вывода о національности обитателей западнаго побережья Эгейскаго моря, стоявшихъ на такомъ же культурномъ уровнѣ, какъ троянцы. Напротивъ, въ виду широкаго распространенія этой культуры на греческомъ полуостровѣ едва ли можно допустить, что ея носителями были не греки. Есть вѣскія основанія думать, что греки перешли въ Малую Азію именно въ пе-

¹⁾ Dümmler *Mitteilungen von den griechischen Inseln*. Athen. Mitteil. XI (1886), стр. 15—46, 209—262, Koehler *Vorgriechisches von den Kykladen*, тамъ же IX (1884), стр. 156—162. Fouqué *Santorin et ses éruptions* Paris 1879, Schlie-mann *Tiryns*, стр. 62 сл., *Orchomenos*, стр. 40 сл., Phillos *Ἐργμ. ἀρχαιολ.* 1889, стр. 171 (объ Элевсисѣ), о Кипрѣ Ohnefalsch-Richter *Archäol. Jahrbuch* 1891 *Anzeiger*, стр. 73; послѣдній готовится къ печати большой трудъ о Кипрѣ.

риодъ этой «троянской» культуры. Въ самомъ дѣлѣ, сказаніе о войнѣ изъ-за Елены могло локализоваться въ Иліонѣ только въ такое время, когда тамъ существовалъ крупный культурный центръ, а такимъ центромъ былъ именно «второй городъ», тогда какъ всѣ позднѣйшія поселенія на этомъ мѣстѣ до эллинистической эпохи имѣли ничтожное значеніе¹⁾. Далѣе, эту борьбу можно было локализовать въ Троѣ лишь послѣ того, какъ греки вступили въ тѣсныя сношенія съ областями, лежащими у Геллеспонта, а это едва-ли могло случиться до заселенія Малой Азіи. Въ такомъ случаѣ, остатки древнѣйшей культуры на Цикладахъ, которые мы выше описали, должны быть, по крайней мѣрѣ отчасти, греческаго происхожденія, потому что культура распространялась вдоль Средиземнаго моря съ востока на западъ и, слѣдовательно, греки, заселяя острова и Малую Азію, ни въ какомъ случаѣ не могли принести съ собою болѣе высокую культуру, чѣмъ та, которую они нашли въ этихъ мѣстахъ²⁾.

Какъ бы то ни было, несомнѣнно, что эгейско-кипрская культура мѣднаго періода находилась уже подъ сильнымъ вліяніемъ Вавилона и Египта. Отсюда были заимствованы спиральный орнаментъ и изображенія обнаженной богини, отсюда ввезены были издѣлія изъ слоновой кости, найденныя во «второмъ городѣ» на Гиссарликѣ, или, по крайней мѣрѣ, матеріаль, изъ котораго они были изготовлены, наконецъ отъ

¹⁾ Теперь, послѣ раскопокъ Шлимана, уже не слѣдовало бы сомнѣваться въ тождествѣ развалинъ Гиссарлика (Новый Иліонъ) съ гомеровской Троей. Во всякомъ случаѣ, гора Бунарбаши, на которой прежде помѣщали Троию, совершенно не соответствуетъ описанію Гомера. Гомеровская Троя лежала на равнинѣ (Ф 217) и недалеко отъ моря.

²⁾ По Фукидиду (I, 8), могилы, открытыя воинами на Делосѣ въ 426 г. при очищеніи острова, были, болѣею частью, карійскаго происхожденія: *γνωσθέντες τῇ τε σκευῇ τῶν ὀπλων ζυγθεθαιμένη, καὶ τῷ τρόπῳ ᾧ νῦν ἐτι θάπτουσιν* (узнавъ ихъ по погребенному съ ними оружію и по способу погребенія, которымъ пользуются еще и теперь)—аргументы, къ которымъ и въ наше время прибѣгаютъ изслѣдователи до-исторической старины. Слова Фукидида наводятъ на мысль, что трупы были похоронены въ полномъ металлическомъ вооруженіи; если такъ, то могилы принадлежали довольно позднему времени, вѣроятно уже послѣ пришествія грековъ. Во всякомъ случаѣ, мы имѣемъ здѣсь дѣло не съ историческимъ свидѣтельствомъ, а съ умозаключеніемъ самого Фукидида или его источника. — Остатки поселенія изъ эпохи „островной культуры“ были найдены на Церѣ подъ слоемъ пемзы, который образовался вслѣдствіе до-историческаго изверженія находящагося тамъ вулкана. Точное хронологическое опредѣленіе совершенно невозможно. Справедливо замѣчаетъ Neumann (*Phys. Geogr. von Griechenland*, стр. 278) о гипотезахъ Фукэ: „сказать, что катастрофа, уничтожившая эту культуру, произошла около 2000 года, значить утверждать болѣе, чѣмъ можно доказать“.

египтянъ греки научились, можетъ быть, и сооруженію каменныхъ построекъ.

Въ началѣ посредницей при этихъ сношеніяхъ была Малая Азія, которая, какъ огромный мостъ, соединяетъ Евфратъ съ Эгейскимъ моремъ. Въ древнѣйшую эпоху существуетъ только сухопутная торговля¹⁾; товары переходятъ изъ рукъ въ руки, отъ племени къ племени, и какъ медленно ни совершается такого рода сообщеніе, оно разноситъ успѣхи цивилизаціи во всѣ углы материка. Этимъ и объясняется то обстоятельство, что греческія колоніи на западномъ берегу Малой Азіи развились скорѣе, чѣмъ самая метрополія: здѣсь, на іонійскомъ побережьи, лежатъ долины Меандра и Герма, естественные пути въ глубь мало-азиатскаго материка и дальше—къ культурнымъ центрамъ Востока.

Напротивъ, море, какъ средство сообщенія, долго играло второстепенную роль. Малые размѣры и плохая конструкція древнихъ судовъ принуждали мореплавателей часто приставать къ берегу; поэтому они всегда держались какъ можно ближе къ берегу и только въ совершенно тихую погоду и въ лучшее время года рѣшались выходить въ открытое море. Кроме того, они ежеминутно должны были быть наготовѣ защищать свою жизнь противъ враждебныхъ береговыхъ жителей и морскихъ разбойниковъ. Такимъ образомъ, правильное морское сообщеніе было возможно въ древности только между сосѣдними городами; далекое путешествіе предпринималъ только тотъ, кто жаждалъ добычи или приключеній. Даже послѣ того, какъ Кипръ и Памфілія были заселены греками, сношенія этихъ колоній съ ихъ метрополіей еще долгое время были очень ограничены. Эти крайніе форпосты греческаго міра ведутъ самостоятельное существованіе. Кипръ въ области искусства идетъ своимъ собственнымъ путемъ, сохраняетъ свое древнее нарѣчіе, въ противоположность всѣмъ остальнымъ областямъ Греціи отказывается усвоить фонетическое письмо и не принимаетъ никакого участія въ томъ политическомъ и социальномъ движеніи, которое съ VIII вѣка охватило греческій міръ. И Памфілія въ этомъ отношеніи не многимъ разнилась отъ Кипра.

Только финикіяне²⁾ или, какъ они сами называли себя на своемъ

¹⁾ Это зналъ уже Фукидидъ (I 13,5).

²⁾ Подробнѣе—въ статьѣ автора *Die Phoeniker am aegaeischen Meer, Rhein. Mus.* 49 (1894), стр. 111 слл. Слово *Φοινίκη* первоначально обозначало царство солнечнаго бога Феникса; когда послѣдній былъ низведенъ на степень героя, то и Финикію стали помѣщать на землѣ, конечно въ странѣ солнечнаго восхода,—начала въ Каріи (такъ еще Коринна, fr. 27), позже въ самой отдаленной восточной части Средиземнаго моря (ср. Crusius въ *Lexikonъ* Рошера, II столб. 883 сл.).

языкъ, сидоняне 1) установили прямое сообщеніе между Греціей и дальнимъ Востокомъ. Они часто упоминаются въ позднѣйшихъ частяхъ гомеровскихъ эпопей; они являются здѣсь въ качествѣ постоянныхъ посѣтителей греческихъ гаваней, въ которыхъ остаются иногда на всю зиму 2) Какъ ловкіе и не совсѣмъ честные купцы, они пользовались дурной славой у грековъ 3), но ихъ терпѣли ради ихъ товаровъ. Въ VIII и VII вѣкахъ въ ихъ рукахъ была, вѣроятно, большая часть торговли на Эгейскомъ морѣ; къ этому времени относится и большая часть произведеній финикійской промышленности, найденныхъ на греческой почвѣ.

Не раньше этого времени начались и торговыя сношенія финикіянъ съ Греціей. Во всякомъ случаѣ, греки были, повидимому, уже опытными мореплавателями, когда финикіянне появились на Эгейскомъ морѣ, потому что вся развитая морская терминологія Гомера—чисто греческаго происхожденія или, по крайней мѣрѣ, не обнаруживаетъ никакихъ слѣдовъ семитическаго вліянія 4). Само собою разумѣется, что съ усовершенствованіемъ мореплаванія шло объ руку постепенное заселеніе острововъ и малоазіатскаго побережья; слѣдовательно, мы должны допустить, что ко времени появленія финикіянъ греки уже пречю основались въ Малой Азіи. Мало того: то обстоятельство, что имя іонянъ (яванъ) обратилось у восточныхъ народовъ въ общее названіе греческаго народа 5), доказываетъ намъ, что финикіянне вступили въ постоянныя сношенія съ греками, жившими у Эгейскаго моря, лишь тогда, когда Іонія въ экономическомъ отношеніи стояла уже во главѣ греческихъ государствъ 6). Даже эпосъ въ

1) Поэтому, если у Гомера финикіянне чаще называются сидонянами, то изъ этого нельзя заключать, что финикійская торговля на Эгейскомъ морѣ развилась еще до возвышенія Тира; ср. E. Meyer *Gesch. d. Altert.* I, стр. 229 и 342 сл.

2) о 455.

3) § 288 *Φοίνιξ ἀνὴρ ἀπατήλια εἶδός, τρώκτης* (лукавый плутъ-финикіянине), ср. π 415. 419.

4) Schrader *Handelsgeschichte und Warenkunde* I (Iena 1886), стр. 43. Ср. римскіе морскіе термины, заимствованные, большею частью, изъ греческаго (Schrader, тамъ же, стр. 46).

5) Правда, относительно финикіянъ мы не имѣемъ въ этомъ смыслѣ прямыхъ свидѣтельствъ, но такъ какъ они говорили на томъ же языкѣ, какъ и евреи, а послѣдніе могли знать о грекахъ только чрезъ финикіянъ, то несомнѣнно, что и финикіянне называли грековъ „яванъ“.

6) Греки, безъ сомнѣнія, уже гораздо раньше приходили въ соприкосновеніе съ финикіяннами на Кипрѣ; но обитатели этого острова, при своей обособленности и своеобразныхъ нравахъ, должны были вначалѣ казаться семитамъ

своихъ древнѣйшихъ частяхъ еще ничего не знаетъ о финикійскихъ купцахъ на Эгейскомъ морѣ ¹⁾. Такимъ образомъ, правильныя сношенія финикіянянъ съ Греціей начались, повидимому, не раньше VIII столѣтія ²⁾, хотя вполне возможно, что отдѣльные мореплаватели изъ финикіянянъ уже раньше доходили до береговъ Греціи и что финикійскія издѣлія попадали на греческій рынокъ сухимъ путемъ черезъ Малую Азію, или черезъ Кипръ ³⁾.

Но финикійскихъ поселеній на берегахъ Эгейскаго моря никогда не существовало. Молчаніе эпоса въ этомъ отношеніи очень краснорѣчиво; о финикіянахъ не упоминаетъ ни троянскій каталогъ, ни списокъ народовъ, населяющихъ Критъ (въ Одиссеѣ) ⁴⁾. Слѣдовательно, въ гомеровскія времена на берегахъ Греціи не было финикійскихъ колоній, и пѣвцы ничего не знали о томъ, чтобы здѣсь когда-нибудь существовали такія поселенія. Очевидно, что и позднѣйшія извѣстія этого рода не могутъ быть основаны на какихъ-нибудь достовѣрныхъ свидѣтельствахъ. Мы имѣемъ здѣсь дѣло съ мифами или, вѣрнѣе, съ полу-учеными комбинаціями, лишенными всякаго

особымъ племенемъ. Еще родословная потомства Ноя въ Бытіи не причисляетъ Кипра къ яванамъ, а называетъ Киттима сыномъ Явана.

¹⁾ Финикіяне-мореплаватели упоминаются только въ *Ψ* 743 сл., *ν* 285, *ξ* 288. 291 и въ разсказѣ Эвмея о 403—484, т. е. исключительно въ позднихъ частяхъ. *Z* 290 сл. и въ Телемахіи (*δ* 83 сл. 618, о 118) говорится о повѣздахъ обитателей побережья Эгейскаго моря въ Финикію. Описание щита, составленное, какъ извѣстно, по роскошному щиту финикійской работы,—также одно изъ самыхъ позднихъ мѣстъ *Иліады*.

²⁾ Египетскія надписи изъ эпохи XVIII династіи (около XV в.), въ которыхъ идетъ рѣчь о „Кетѣ, Асеби, островахъ большого моря и островахъ Тенау“, ничего не доказываютъ, такъ какъ египтяне имѣли очень смутныя представленія о странахъ, лежащихъ за Сиріей, а тѣмъ болѣе за Кипромъ (ср. *Egman Aegypten II* 681). Отождествленіе Тенау съ данайцами—совершенно произвольно.—Исторія алфавита также не даетъ основаній думать, что финикіяне находились въ прямыхъ сношеніяхъ съ греками уже до VIII вѣка. Во первыхъ, мы не знаемъ, перешло ли фонетическое письмо въ Грецію сухимъ или морскимъ путемъ; во вторыхъ, нѣтъ никакихъ доказательствъ въ пользу того, что греки усвоили письменность ранѣе VIII столѣтія.

³⁾ Напр., открытыя въ микенскихъ могилахъ статуэтки Астарты и храмичи изъ листового золота (*Helbig Eros*² стр. 33), которые такъ характерно отличаются отъ остальныхъ металлическихъ издѣлій, найденныхъ вмѣстѣ съ ними.

⁴⁾ τ 175 сл. Только уже новѣйшіе ученые открыли въ упомянутыхъ здѣсь кидонянахъ финикіянянъ—гипотеза, основанная исключительно на мнимомъ тождествѣ рѣки *Ἰαρδανός* (*γ* 292) съ Иорданомъ. Отъ древности до насъ не дошло никакихъ извѣстій о финикійскихъ поселеніяхъ на Критѣ.

историческаго основанія. Особенно важную роль игралъ въ нихъ греческій солнечный герой Фениксъ («крово-красный»), который вмѣстѣ съ своимъ братомъ Кадмомъ былъ обращенъ въ семита ¹⁾. Затѣмъ уже повсюду, гдѣ почитались эти герои, предполагали существованіе финикійскихъ поселеній: въ Фивахъ, гдѣ крѣпость была, по преданію, построена Кадмомъ, на Тербѣ, Родосѣ, Фасосѣ и другихъ островахъ ²⁾. Ни въ одномъ изъ этихъ мѣстъ и вообще нигдѣ въ бассейнѣ Эгейскаго моря не было найдено остатковъ финикійскихъ поселеній ³⁾, напимѣръ, некрополей ⁴⁾, и попытки новѣйшихъ ученыхъ объяснять греческія названія мѣстъ заимствованіемъ изъ финикійскаго языка представляютъ простую игру словъ и не привели ни къ какимъ положительнымъ результатамъ ⁵⁾. Вообще, въ древнегреческомъ языкѣ было очень мало словъ, заимствованныхъ изъ семитическихъ нарѣчій ⁶⁾.

¹⁾ Онъ является еще въ качествѣ бога клятвы въ критской надписи (Cauer ² 121); эпонимы многихъ критскихъ городовъ считались его сыновьями (Steph. Byz. *Ἰτανός*).

²⁾ Критика этихъ миеовъ — у Enmann'a *Kypros und der Ursprung des Aphroditenkultus* (*Mém. de l'Acad. des sciences de St. Pétersbourg* VII Serie, v. 34,13) стр. 14 слл., Studniczka *Kyrene* стр. 52 слл., Crusius, ст. *Kadmos* въ *Лексиконѣ* Рошера, и въ вышеупомянутой статьѣ автора. Ср. уже O. Müller *Orchomenos* ² стр. 109 слл.

³⁾ Раковины пурпуровыхъ улитокъ, разбитыя для добыванія сока, еще теперь встрѣчаются въ большомъ количествѣ на греческихъ берегахъ, напр. у Гисея въ Лаконіи, на Кюверѣ и на небольшомъ островѣ Nagios Georgios въ Саламинскомъ проливѣ. Но такъ какъ производство пурпура процвѣтало въ Греціи до византийскаго періода (Lambros *Μελετήματα*, стр. 23—43), то нѣтъ никакихъ основаній считать эти раковины остатками финикійскихъ красителей.

⁴⁾ Некрополь Камейра, въ которомъ нашли множество привозныхъ финикійскихъ издѣлій (Salzmann *Nekrop. de Cameiros*, Paris 1875, Loescheke Athen. Mitteil. VI 1 слл.), относится къ послѣ-микенской эпохѣ, т. е. къ тому времени, когда Родосъ уже несомнѣнно былъ населенъ греками.

⁵⁾ Olshausen *Ueber phoenikische Ortsnamen ausserhalb des semitischen Sprachgebiets*, *Rhein. Mus.* VIII 310—340 и *Hermes* XIV 142 слл., *Monatsberichte der Berl. Akademie* 1879 стр. 555 слл. Ср. напротивъ E. Meyer *Gesch. d. Altert.* I. стр. 232 и вышеупомянутую статью автора, въ которой сопоставлены мнѣнія выдающихся семитистовъ.

⁶⁾ A. Müller въ *Beiträge* Беценбергера I 273—301. У Гомера можно съ нѣкоторой вѣроятностью признать семитическимъ только слово *χιτών*; это имя, вмѣстѣ съ самымъ предметомъ, могло перейти къ грекамъ черезъ Малую Азію или Кипръ и заимствовано, во всякомъ случаѣ, не изъ хананейскаго, а изъ западно-арамейскаго языка. *Φῶλος* (I 7 Ψ 693, оба раза въ сравненіи), судя по смыслу, едва ли иностранное слово; противъ семитическаго происхожденія слова *χιπάρισσος* (ε 64 ρ 340, какъ названіе мѣста β 519 . 593) говоритъ суф-

Да и не было надобности устраивать такія поселенія и вообще поддерживать прямое сообщеніе по морю. Разъ восточная культура проложила себѣ путь чрезъ Малую Азію въ области, окружавшія Эгейское море, она должна была, въ силу своего превосходства, вліять все сильнѣе и сильнѣе. Съ теченіемъ времени тагъ называемая «микенская» культура совершенно вытѣснила «троянскую». Микены и сосѣдній Тиринѣъ были, дѣйствительно, однимъ изъ ея главныхъ центровъ, но она распространилась и по всему восточному берегу Греціи отъ Лаконіи до Фессаліи, и далѣе—на Критъ, Родосъ и многіе другіе острова Эгейскаго моря до западнаго берега Малой Азіи, а въ своихъ крайнихъ развѣтвленіяхъ—даже до Кипра, т. е. вообще на всемъ пространствѣ, которое было населено греками въ доисторическое время. Только въ западныхъ областяхъ Балканскаго полуострова, которыя поздно начали выходить изъ варварскаго состоянія, до сихъ поръ не найдено слѣдовъ этой культуры ¹⁾.

Отъ культуры каменной эпохи въ это время почти уже не осталось слѣдовъ. Въ могилахъ микенскаго кремля еще встрѣчаются наконечники стрѣлъ изъ обсидіана, но вообще оружіе и орудія уже всѣ бронзовыя. Чистая мѣдь употребляется еще только на сосуды; желѣзо встрѣчается только въ позднѣйшихъ пластахъ этой эпохи, да и то лишь въ небольшомъ количествѣ ²⁾. Большая-же часть украшеній и утвари—изъ драгоцѣннаго металла; даже платья украшаются нашивками изъ золотыхъ пластинокъ, и лица знатныхъ покойниковъ обыкновенно покрыты золотыми масками. Большіе успѣхи сдѣлала и керамика: матеріаломъ служить отлично-промытая блѣдно-желтая глина, гончарный станокъ находится уже во всеобщемъ употребленіи, и совершенно исчезли причудливыя формы троянскихъ сосудовъ. Зато вазы покрываются теперь живописью, и впервые по-

фиксъ. Очень сомнительно и семитическое происхожденіе словъ *ὄθωνη*, *ὄνος*, *πᾶλλαξίς*, *χευρός*.

¹⁾ Ср. особенно Schliemann *Mykenae* Leipzig 1878, *Orchomenos* Leipzig 1881, *Tiryns* Leipzig 1886. Schuchardt *Schliemanns Ausgrabungen* ² Leipzig 1891. *Das Kuppelgrab von Menidi* изд. герм. археолог. института, Аены 1880. Furtwängler und Loeschke *Mykenische Thongefässe* Berlin 1879, *Mykenische Vasen* Berlin 1886. Helbig *Das homerische Epos aus den Denkmälern erläutert* ² Aufl. Leipzig 1887. Кроме того, отчеты о раскопкахъ въ *Ἐφμερίς ἀρχαιολογική*, III серия, *Mitteilungen des deutschen archäologischen Instituts in Athen*, *Bulletin de Correspondence Hellénique* и др. журналахъ по археології.

²⁾ Желѣзные кольца были найдены въ открыткахъ Цунтой т. наз. „народныхъ могилахъ“ близъ нижняго города Микенъ и въ сводчатомъ склепѣ Ваю, близъ Спарты.

является та блестящая лаковая краска, которая съ этого времени остается характернымъ признакомъ греческихъ глиняныхъ издѣлій.

Каменные постройки свидѣтельствуя уже о большомъ искусствѣ. Колоссальныя стѣны, сложенныя изъ огромныхъ плитъ, окружаютъ кремль; внутри возвышается обширный дворецъ со множествомъ комнатъ и съ дворами, которые окружены колоннами. Для погребенія умершихъ царей сооружаются великолѣпныя склепы, иногда огромныхъ размѣровъ, какъ напр., знаменитая «сокровищница Атрея» близъ Микенъ, самый замѣчательный архитектурный памятникъ всей этой эпохи. Объ успѣхахъ декоративной скульптуры свидѣлствуетъ львиная группа, которая до сихъ поръ возвышается при входѣ въ микенскій кремль. Стѣны дворцовъ и сводчатые потолки склеповъ украшаются каменными плитами, покрытыми рельефными изображениями, но изрѣдка появляется уже и стѣнная живопись, которая отчасти беретъ сюжеты даже изъ человѣческой жизни.

Нѣтъ сомнѣнйя, что эта культура развилась изъ троянской или островной культуры. Такъ, тиринескій дворецъ несравненно обширнѣе и роскошнѣе троянскаго, но общій планъ обоихъ—одинъ и тотъ же. Въ микенскомъ орнаментѣ все еще господствуютъ спираль и розетка, которыя мы встрѣчаемъ уже въ Троѣ, и формы растений, какъ на островахъ; къ этимъ видамъ орнамента присоединяются впервые полипы и другія морскія животныя. Керамика Цикладскихъ острововъ подготовила гончарное искусство Микенъ, и переходъ отъ первой ко второму совершался постепенно; на примѣръ, въ Элевсинѣ въ одной и той же могилѣ были найдены рядомъ микенскія и троянскія вазы ¹⁾.

Съ другой стороны, какъ уже было упомянуто, микенская культура находится подъ сильнымъ вліяніемъ Востока. Въ культурныхъ центрахъ этого періода было найдено множество предметовъ несомнѣнно-восточнаго происхожденія: издѣлія изъ плавиковаго шпата, изъ египетскаго фарфора, изъ слоновой кости, египетскіе скараabei; въ одной изъ микенскихъ могилъ нашли даже страусовое яйцо. Металлическія вещи также частью ввезены съ Востока, частью, по крайней мѣрѣ, изготовлены по восточнымъ образцамъ; это доказывается какъ совершенствомъ техники, такъ и характеромъ находящихся на нихъ изображеній, между которыми главное мѣсто занимаютъ листья лотоса, пальмы, папирусы и восточныя животныя, какъ газель и левъ. Глиняные сосуды «микенскаго» стиля были недавно найдены въ Египтѣ,

¹⁾ Philios ²Ефци. *ἀρχαιολ.* 1889, столбецъ 171.

въ пластахъ, относящихся, повидимому, ко времени отъ конца XVIII до начала XX династїи, т. е. приблизительно отъ середины XIV до середины XII столѣтїи ¹⁾. Слѣдовательно, и микенская керамика находится въ зависимости отъ восточныхъ образцовъ, ибо невѣроятно, чтобы уже въ столь раннее время изъ полу-варварской Греціи ввозились вазы въ Египетъ. Гдѣ именно выработался этотъ «микенскій» стиль, до сихъ поръ неизвѣстно. Есть основанія думать, что его родиной была сѣверная Сирія; но опредѣленное рѣшеніе этого вопроса сдѣлается возможнымъ только тогда, когда будутъ изслѣдованы въ археологическомъ отношеніи области Передней Азіи.

Культура, съ которою мы знакомимся по гомеровскимъ пѣснямъ, находится въ ближайшемъ родствѣ съ «микенской». Дворецъ Тиринеа до мельчайшихъ подробностей похожъ на царскіе дворцы, изображенные въ эпосѣ. Въ одной изъ микенскихъ могилъ была найдена, можно сказать, модель золотого кубка Нестора, описаннаго въ Иліадѣ ²⁾. Мозаику изъ разноцвѣтныхъ металловъ, какую мы видимъ на микенскихъ клинкахъ, знаетъ и Гомеръ ³⁾, тогда какъ позже эта отрасль искусства была оставлена. Микенскіе цари, совершенно такъ же, какъ гомеровскіе герои, сражались на боевыхъ колесницахъ ⁴⁾. Наконецъ, важнѣйшими городами Греціи являются у Гомера какъ разъ главные центры микенской культуры: Спарта, «богатая золотомъ» Микены, «минійскій» Орхомень, — и это тѣмъ замѣчательнѣе, что въ историческое время Микены и Орхомень имѣли ничтожное значеніе.

Правда, начало и, вѣроятно, даже расцвѣтъ микенскаго культурнаго періода предшествовали возникновенію нашихъ эпопей. Каменные наконечники стрѣлъ, которые изрѣдка еще встрѣчаются въ Микенахъ, у Гомера уже не упоминаются; зато эпосъ изображаетъ уже переходъ отъ бронзоваго вѣка къ желѣзному, тогда какъ въ Микенахъ, какъ мы видѣли, желѣзо появляется только въ верхнихъ слояхъ. Однако, и у Гомера желѣзо чаще упоминается только въ Одиссеѣ и въ позднѣйшихъ пѣсняхъ Иліады, въ древнѣйшихъ же пѣ-

¹⁾ Flinders Petrie *Kahun Gurob and Hawara* (London 1890) стр. 42, табл. 28. Съ тѣхъ поръ въ Египтѣ были найдены и другіе памятники этого рода. Изображенія сосудовъ „микенскаго“ стиля встрѣчаются также на стѣнныхъ картинахъ изъ эпохи XVIII и XIX династїи среди дани сирійскихъ народовъ.

²⁾ А 632 сл., Helbig *Epos* ² стр. 371 сл.

³⁾ Σ 562, ср. Schuchardt *Schliemanns Ausgrabungen* ² стр. 373 сл.

⁴⁾ Онѣ изображены на стѣлахъ „шахтовыхъ могилъ“ въ микенскомъ кремль, на фрескахъ микенскаго дворца и на позднихъ микенскихъ вазахъ.

сняхъ Иліады о немъ говорится сравнительно рѣдко и, кажется, только въ такихъ мѣстахъ, которыя не принадлежатъ къ первоначальной редакціи ¹⁾. Во всякомъ случаѣ, бронза или мѣдь (*χαλκός*) встрѣчаются у Гомера въ эпитетахъ и въ эпическихъ формулахъ несчетное число разъ, желѣзо (*σίδηρος*)—почти никогда: вѣрный признакъ, что въ эпоху выработки эпическаго стиля греки еще не знали употребленія этого металла. Итакъ, въ этомъ отношеніи они переживали тогда ранній періодъ микенской культуры, тогда какъ древнѣйшія пѣсни Иліады изображаютъ стадію развитія, соответствующую второй половинѣ того же культурнаго періода.

Гомеровскіе герои носятъ полное металлическое вооруженіе: шлемъ, панцырь, поножи и щитъ. Притомъ, это вооруженіе было уже усвоено азіатскими греками въ то время, когда складывался эпическій стиль, потому что уже въ древнѣйшихъ пѣсняхъ Иліады идетъ рѣчь о «закованныхъ въ латы» и «прекрасно-поножныхъ» ахейнахъ. Было ли оно изобрѣтено самими греками или однимъ изъ народовъ западной части Малой Азіи, на примѣръ карійцами,—мы не знаемъ; во всякомъ случаѣ, «всеоружіе» составляетъ характеристическую особенность культурныхъ народовъ, жившихъ въ бассейнѣ Эгейскаго моря ²⁾, и ему они, главнымъ образомъ, обязаны своимъ военнымъ превосходствамъ надъ народами Востока.

Въ европейскую Грецію металлическое вооруженіе проникло до-

1) Ср. статью автора въ *Rivista di Filologia* II (1873) стр. 42—62. Приведенныя тамъ статистическія данныя для желѣза вполне точны, для бронзы (мѣди) не совсемъ полны; вотъ правильный списокъ. Въ А—Г, М—П, Т, Ф желѣзо ни разу не упоминается, въ Е, Z, Θ—Δ, Ρ, Σ, Υ, Χ—по одному разу, въ Δ и Η—по три раза,—итого: въ первыхъ 22 пѣсняхъ Иліады 16 разъ, тогда какъ *χαλκός* встрѣчается около 309 разъ. Въ Ψ и Ω отношеніе желѣза къ бронзѣ равно 7 : 15, въ Одиссеѣ—25 : 104. При раскопкахъ желѣзо начинаетъ встрѣчаться чаще только въ аеинскихъ могилахъ Дипилона (*Dümmler* у *Helbig*'а *Epos* ² стр. 79, *Undset Die ältesten Schwertformen, Zeitschrift für Ethnologie* 1890), которыя относятся приблизительно къ VII вѣку, далѣе—въ Олимпіи, въ нижнемъ слобѣ, подъ фундаментомъ храма Геры (*Furtwängler Bronzefunde* стр. 102, въ *Abhandl. der Berl. Akad.* 1879). Но и этотъ слой не древнѣе VII—VIII вѣка (ср. то, что сказано выше, на стр. 8, о спискѣ олимпіониковъ, и ниже, въ гл. VIII,— о храмѣ Геры); притомъ, въ Олимпіи не нашли ни одного предмета микенскаго стиля. На Кипрѣ желѣзо появляется одновременно съ вазами, украшенными геометрическимъ орнаментомъ, по мнѣнію *Ohnefalsch-Richter*'а, около 1000 года (*Archäolog. Jahrb.* 1891, *Anzeiger* стр. 73); едва ли можно сомнѣваться, что переходъ къ желѣзной эпохѣ совершился на Кипрѣ раньше, чѣмъ въ Греціи (ср. *Undset*, l. c. стр. 23).

2) *Helbig Epos* ² стр. 343 сл.

вольно поздно. Въ гомеровскую эпоху локрійцы еще не употребляли его ¹⁾, а этолийцы сражались въ легкомъ вооруженіи даже въ V вѣкѣ ²⁾. Въ Арголидѣ холщевый панцырь былъ, повидимому, во всеобщемъ употребленіи еще въ VII и, можетъ быть, даже въ началѣ VI вѣка ³⁾; остатки такого панцыря были найдены въ одной изъ могилъ микенскаго кремля ⁴⁾, между тѣмъ какъ металлическое оборонительное оружіе совершенно отсутствуетъ въ могилахъ микенскаго періода. Вполнѣ возможно, конечно, что причину этого явленія надо искать въ погребальныхъ обрядахъ и въ обычаяхъ, по которому отецъ еще при жизни передавалъ свое оружіе сыну ⁵⁾. Какъ бы то ни было, но на нѣкоторыхъ вазахъ послѣдняго періода микенской культуры войны изображены уже въ полномъ вооруженіи гомеровскихъ героев ⁶⁾, и на золотыхъ печатяхъ, найденныхъ въ могилахъ микенскаго кремля, ясно можно различить шлемы и покрытые металлическими пластинками щиты ⁷⁾. Даже если мы признаемъ, что эти предметы были ввезены извнѣ или составляютъ подражаніе чужимъ образцамъ,—во всякомъ случаѣ они свидѣтельствуютъ о томъ, что микенская культура дожила до того времени, когда малоазіатскіе греки уже усвоили металлическое вооруженіе. Вообще, не слѣдуетъ забывать, что азіатская Греція развилась быстрѣе европейской и что, слѣдовательно, въ гомеровскихъ пѣсняхъ, имѣющихъ дѣло, главнымъ образомъ, съ Іоніей, изображается болѣе высокая стадія культурнаго развитія, чѣмъ та, которую въ это самое время переживала Арголіда.

Во всякомъ случаѣ, несомнѣнно, что микенская культура господствовала въ Греціи до VIII столѣтія. Такъ, дворцовый портикъ ми-

1) N 712—721. Поэтому ихъ вождь Аяксъ называется въ спискѣ кораблей *λυοθήρηξ* (съ льнянымъ панцыремъ) (B 529); что Зеводотъ и Аристархъ считали этотъ стихъ подложнымъ, это для нашего вопроса не имѣетъ никакого значенія.

2) Thuc. III 94. 4.

3) Ср. изреченіе оракула въ *Anthol. Pal.* XIV 73, относящееся, во всякомъ случаѣ, къ болѣе ранней эпохѣ, чѣмъ военный расцвѣтъ Спарты въ VI в.; ср. также опущенные въ нашихъ изданіяхъ стихи, которые слѣдовали за B 568 (*Westermann Βιογράφοι*, стр. 44).

4) Studniczka *Athen. Mitteil.* XII (1887) стр. 22.

5) Helbig *Epos* 2 стр. 343. O 529 сл., P 194 сл., Σ 84.

6) Schuchardt 2 фиг. 300—301 (къ стр. 326), Tzuntas' *Εφην. ἀρχαιολ.* 1891 ст. 27. 29, табл. 3, 2. Также и на одной изъ фресокъ на стѣнѣ дворца въ Микенахъ изображенъ, повидимому, воинъ въ гомеровскомъ вооруженіи (*Εφην. ἀρχαιολ.* 1887 ст. 164, таб. 11).

7) Helbig *Epos* 2 стр. 342. Стѣлы „шахтовыхъ могилъ“ сдѣланы такъ грубо, что невозможно разобрать, чѣмъ вооружены изображенные на нихъ воины.

кенской эпохи послужилъ образцомъ для перистилля храма, а капители колоннъ « сокровищницы Атрея » и Львиныхъ воротъ находятся въ тѣсномъ родствѣ съ древнѣйшими дорическими капителями ¹⁾; между тѣмъ каменные храмы начали строить только съ VII или, самое раннее, съ конца VIII столѣтія. Въ живописи на вазахъ за микенскимъ стилемъ слѣдовалъ, съ одной стороны, стиль «дипилона», съ другой — «протокоринескій» стиль, и какъ тотъ, такъ и другой процвѣтали въ VII вѣкѣ ²⁾. Напримѣръ, обломки вазъ дипилонаго стиля были найдены въ развалинахъ тиринскаго дворца въ перемежку съ обломками микенскихъ вазъ ³⁾. Львиная группа у микенскихъ воротъ по стилю и расположенію частей чрезвычайно сходна съ такими же скульптурными произведеніями на фригійскихъ могилахъ, относящихся приблизительно къ VIII вѣку ⁴⁾. Такое же поразительное сходство по формѣ и стилю обнаруживается между геммами микенскаго періода — такъ называемыми «островными камнями», и древнѣйшими монетами, которыя начали чеканить около 700 года ⁵⁾. Высѣченныя въ скалахъ могилы нижняго микенскаго города и Навплии, сводчатая могила въ Менидѣ (Ахарнахъ) близъ Афинъ и другія могилы конца микенскаго періода сохранили намъ предметы изъ плавленнаго металла, обнаруживающіе совершенно такую же технику,

1) Furtwängler und Loescheke *Myken. Vasen* стр. 15, Schuchardt, l. c. стр. 177.

2) О стилѣ дипилона ср. Helbig *Epос* 2 стр. 75 сл., Kroker *Jahrb. des Arch. Inst.* I (1886) стр. 95 сл. Протокоринескія вазы встрѣчаются въ древнѣйшихъ греческихъ некрополяхъ Сициліи, ср. ниже гл. VIII.

3) Schliemann *Tiryns* стр. 94—127.

4) Ramsay *A Study of Phrygian Art, Journal of Hell. Studies* IX (1888), стр. 370.

5) Murray *Handbook of Greek Archaeology* (London 1892) стр. 45. Золотыя кольца-печати и печати, вырѣзанныя на камняхъ, встрѣчаются уже въ шахтовыхъ могилахъ микенскаго кремля. У Гомера, напротивъ, печать упоминается можетъ быть только въ одномъ мѣстѣ (*H* 175 сл.). И все-таки нельзя сомнѣваться, что печати были въ это время уже во всеобщемъ употребленіи, потому что монета есть первоначально ничто иное, какъ кусокъ металла съ государственной печатью, и слѣдовательно, печать должна была существовать до начала чеканки монетъ (около 700 г.) Мы имѣемъ здѣсь поучительный примѣръ того, какъ и пѣвцы эпоса старались сохранять въ своихъ произведеніяхъ черты минувшаго времени. Но такое стремленіе все-таки имѣетъ границу. Если шахтовые могилы, какъ все еще думаютъ многіе, относятся къ XV столѣтію, и слѣдовательно печать уже въ то время была въ употребленіи, то позтамъ VIII вѣка конечно не пришло бы въ голову избѣгать упоминанія объ этомъ предметѣ, какъ нарушающаго эпическій стиль.

какая господствовала въ Египтѣ при XXII и XXIII династіяхъ, т.-е. приблизительно отъ середины X до середины VIII столѣтія ¹⁾). Съ другой стороны, *terminus ante quem* для микенскаго періода опредѣляется тѣмъ обстоятельствомъ, что микенскихъ вазъ не нашли ни въ Олимпіи, ни въ греческихъ некрополяхъ Сициліи и Италіи.

Отсюда слѣдуетъ, далѣе, что носителями микенской культуры на западъ отъ Эгейскаго моря были греки ²⁾), потому что острова и побережье Малой Азіи были заселены греками, какъ мы уже видѣли, не позже послѣднихъ вѣковъ второго тысячелѣтія, и эта колонизація исходила, главнымъ образомъ, именно изъ Арголиды. Но изъ этого, конечно, нельзя заключать, что повсюду, гдѣ видѣ греческаго полуострова встрѣчаются слѣды этой культуры, мы имѣемъ дѣло съ греками. Особенно народы западной части Малой Азіи въ значительной степени усвоили микенскую культуру ³⁾); объ издѣліяхъ микенскаго стиля, найденныхъ въ Египтѣ, мы уже говорили, и вліяніе микенской культуры простиралось до самой Сициліи ⁴⁾). То, что выше было сказано о троянской культурѣ, примѣнимо и къ микенской.

Но микенскіе памятники нѣмы; они знакомятъ насъ только съ внѣшней стороною древне-греческой цивилизаціи. Сущность послѣдней, т.-е. экономической и политической строй эпохи и умственную жизнь народа, мы узнаемъ только изъ эпоса. И хотя онъ рисуетъ намъ быть малоазіатскихъ грековъ—главнымъ образомъ Іоніи,—притомъ въ IX и VIII столѣтіяхъ, но при близкомъ родствѣ гомеровской и микенской культуръ очень многое изъ того, что мы узнаемъ о первой, можно примѣнить и ко второй.

Въ экономической жизни народа первое мѣсто все еще занимаетъ скотоводство, какъ нѣкогда у индо-германцевъ. Стада составляютъ главное богатство народа, мясо остается если не преобладающимъ, то

¹⁾ Flinders Petrie *Notes on the Antiquities of Mykenae. Journal of Hell. Studies* XII (1891) стр. 199.

²⁾ Объ эллинскомъ характерѣ микенской культуры ср. Tzountas 'Εφημ. Αρχ. 1891, ст. 1—44, особенно ст. 41 слл., и Perrot *Bull. de Corr. Hell.* 1891, стр. 493 слл. Правда, однихъ археологическихъ данныхъ недостаточно для рѣшенія этого вопроса.

³⁾ Такъ, въ Троѣ микенскія вазы были найдены въ тѣхъ пластахъ, которые лежатъ надъ остатками такъ наз. „второго города“ (Schuchardt, l. c., стр. 101); то же и въ Миласѣ въ Каріи (Perrot et Chipiez *Histoire de l'Art* V стр. 326 сл., рис. 230). Раскопки дадутъ, вѣроятно, еще немало памятниковъ такого же рода.

⁴⁾ Orsi въ *Bull. Ital. di Paleontologia* 1889, 1891, 1892. Furtwängler und Loeschcke *Myken. Vasen*, стр. 47.

любимымъ предметомъ пищи. Непрiятельскiя нападенiя имѣють цѣлью, прежде всего, похищенiе скота, и для защиты своихъ стадъ гомеровскiй грекъ охотно рискуеть жизнью. Волъ и овца служатъ единицами цѣнности. Такъ, въ Илiадѣ мѣдный треножникъ оцѣнивается въ двѣнадцать быковъ, металлическое вооруженiе — въ девять, рабыня, опытная въ женскихъ работахъ, — въ четыре ¹⁾).

Но земледѣлiе прiобрѣтаетъ постепенно все большее и большее значенiе. Обычной пищей является уже хлѣбъ ²⁾), притомъ, главнымъ образомъ, ячменный (*ἀλφίτα*), — «сила мужей», какъ называетъ его Гомеръ ³⁾). Обширные размѣры принимаетъ и плодоводство. Вино составляетъ обычный напитокъ и употребляется при всѣхъ жертвоприношенiяхъ, — значитъ, оно уже очень давно извѣстно. Но есть указанiя на то, что нѣкогда единственнымъ напиткомъ грековъ былъ медъ ⁴⁾). Масло упоминается въ Илiадѣ сравнительно рѣдко и преимущественно въ позднихъ мѣстахъ, оливковое дерево — только однажды, въ видѣ сравненiя ⁵⁾). Напротивъ, въ Одиссеѣ маслина упоминается часто, а оливковое масло составляетъ такой общеупотребительный продуктъ, что необходимо признать существованiе въ VIII вѣкѣ обширной культуры маслинъ, по крайней мѣрѣ въ Азиатской Греци ⁶⁾). Впрочемъ, прессъ для выжимки оливокъ былъ найденъ уже въ развалинахъ упомянутаго выше до-историческаго поселенiя на Оерѣ, а въ развалинахъ тиринесскаго дворца и въ одной микенской могилѣ, высѣченной въ скалѣ, оказались косточки маслинъ ⁷⁾). Но у Гомера оливковое масло употребляется только какъ мазь, и еще не идетъ въ пищу. То, что плодовые деревья не упоминаются въ Илiадѣ, можно приписать случайности; въ Одиссеѣ плодоводство практикуется уже въ довольно широкихъ размѣрахъ. Въ садахъ Алкиноя растутъ яблоки, груши, гранаты, смоква, а для престарѣлаго отца Одиссея, Лаэрта, уходъ за его фруктовымъ садомъ составляетъ послѣднюю утѣху его одинокой старости ⁸⁾).

1) Ψ 723, Z 236, Ψ 705.

2) N 322 ὅς θνητός τ'εἶη καὶ ἔδοι Δημήτερος ἀκτῆν («если онъ смертно-рожденный, кормящiйся хлѣбомъ Деметры»). Ср. Φ 76.

3) Ἄλφίτα μὲλὸν ἀνδρῶν (ячмень—сила мужей): β 290, ν 108; ἀνδρες ἀλφισαί (искусные, собств. ѣдящiе ячмень мужи): α 349, ζ 8, ν 261.

4) Ср. Hehn: Kulturpflanzen und Haustiere ⁵ стр. 127.

5) P 53.

6) Neumann-Partsch *Geographie von Griechenland* стр. 412.

7) Tzountas *Ἐφημ. ἀρχαιολ.* 1889, ст. 152.

8) η 115, ω 246, 340.

Но обширное плодородство немислимо при отсутствіи земельной собственности; и въ гомеровскую эпоху она, дѣйствительно, уже существуетъ ¹⁾. Воодушевляя свои войска передъ битвой, Гекторъ указываетъ каждому на его надѣль (*κλήρος*), которому грозитъ опасность со стороны враговъ ²⁾; очевидно, поэтъ представлялъ себѣ троянское войско состоящимъ изъ свободныхъ собственниковъ. Приступая къ основанію города феаковъ, Навсиою прежде всего отводитъ каждому поселенцу участокъ земли ³⁾. Наконецъ, въ гомеровскомъ обществѣ существуетъ уже классъ безземельныхъ батраковъ (*θήτες*), которые принуждены служить у землевладѣльцевъ за плату; ихъ участь кажется поэту величайшимъ изъ всѣхъ человѣческихъ бѣдствій ⁴⁾.

Этому строю должна была и въ Греціи предшествовать эпоха, когда вся земля составляла общинную собственность или была раздѣлена между родами. Нѣкоторые слѣды этого порядка существовали еще долго въ историческое время. Даже въ основанной около 580 года колоніи Липарѣ земля первое время находилась въ общинномъ владѣніи; позже главный островъ, Липара, былъ раздѣленъ на надѣльные участки, а остальные острова обрабатывались сообща, наконецъ и они были подвергнуты разверсткѣ, но съ установленіемъ передѣла черезъ каждыя двадцать лѣтъ ⁵⁾. Даже тамъ, гдѣ участки перешли уже въ постоянную собственность своихъ владѣльцевъ, надѣлы нерѣдко еще долго оставались неотчуждаемыми, какъ напримѣръ, въ Спартѣ ⁶⁾ или въ основанной около конца VII вѣка коринтской колоніи Левгадѣ ⁷⁾. Остаткомъ той же древней формы землевладѣнія является и греческое названіе надѣла — *κλήρος* («жребій»). Впрочемъ, лѣсъ и лугъ еще долго оставались въ общинномъ владѣніи ⁸⁾; по-

¹⁾ Ridgeway *The Homeric Land-system (Journal of Heli. Studies VI, 1885, стр. 319)* видитъ въ *M 421*. З доказательство того, что въ гомеровское время господствовало еще общинное землевладѣніе. Мнѣ кажется, что цитированное мѣсто доказываетъ какъ разъ противное; изъ словъ *ἀρούρη ἐπίξυνος* (общественная пашня) слѣдуетъ, какъ антитеза, существованіе частной собственности. Рѣчь идетъ, очевидно, о дѣлѣжѣ наследства между двумя братьями или с чѣмъ-нибудь подобномъ.

²⁾ *O 498.*

³⁾ *ζ 10.*

⁴⁾ *Φ 444. δ 644. λ 489. σ 357.*

⁵⁾ *Diod. V 9, 4—5, ср. Th. Reinach Revue des études grecques III (1890) стр. 86—96.*

⁶⁾ *Aristot. Polit. II p. 1270 a.*

⁷⁾ *Aristot. ibid. II p. 1266 в.*

⁸⁾ Въ гомеровскомъ гимнѣ Афродитѣ, который относится приблизительно

слѣднимъ пережиткомъ общинной собственности были тѣ домены, которые мы потомъ находимъ во владѣніи греческихъ государствъ и общинъ, какъ на примѣръ демовъ Аттики.

Сравнительно съ сельскимъ хозяйствомъ промышленность играла еще ничтожную роль ¹⁾. Почти все, что нужно было для обихода, изготовлялось дома, — прежде всего одежда, выдѣлка которой составляла главное занятіе хозяйки и ея дочерей, а въ богатыхъ семьяхъ—и служанокъ. Поэтому, главное требованіе, которое грекъ того времени предъявлялъ къ своей будущей женѣ, состояло въ томъ, чтобы она была искусной пряхой. Точно такъ же крестьянинъ самъ изготовлялъ себѣ плугъ и телѣгу и самъ строилъ свой домъ. Даже царь, какъ гомеровскій Одиссей, былъ хорошо знакомъ съ плотничьимъ искусствомъ.

Но не все можно было изготовить такимъ образомъ. Особенно металлическія работы требовали специальныхъ знаній и инструментовъ, которыми не всѣ могли обладать; кузнецы и были, вѣроятно, первыми профессиональными ремесленниками. Они были такъ необходимы для гомеровскаго общества, что даже царства боговъ не могли представить себѣ безъ кузнеца, и любопытно, что богъ огня, Гефестъ, является единственнымъ ремесленникомъ Олимпа. Кузнецъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и золотыхъ дѣлъ мастеромъ ²⁾; его мастерская была любимымъ мѣстомъ собранія деревенскихъ жителей, которые въ зимніе вечера сходились сюда погрѣться у очага и обсудить событія дня ³⁾.

Гончарное искусство, при томъ высокомъ развитіи, какого оно достигло уже въ микенскій періодъ, также должно было принять профессиональный характеръ. Далѣе, очевидно, что дворцы, какіе мы находимъ въ Микенахъ и Тиринѣхъ, или гробницы, вродѣ сокровищницы Атрея, могли быть воздвигнуты только технически образованными ремесленниками. У Гомера раздѣленіе труда стоитъ въ общемъ на томъ же уровнѣ; онъ также упоминаетъ о гончарахъ (*κεραμῆες*), о каменщикахъ и плотникахъ (*τέκτονες*) и, кромѣ того,

къ VII столѣтію, обработанной землѣ (*ἔργα ἀνθρώπων*) противопоставляется *ἄλληρος τε καὶ ἄχτιος* (122—4); слѣдовательно, невоздѣланная земля еще не была подѣлена.

¹⁾ Riedenauer *Handwerk und Handwerker in den homerischen Zeiten*. Erlangen 1873.

²⁾ γ 425, 432.

³⁾ σ 328, Hesiod. "Εργα 493.

кожевникахъ (*δρυτοτόμοι*), которые занимались, главнымъ образомъ, изготовленіемъ щитовъ. О другихъ ремесленникахъ въ нашемъ смыслѣ эпосъ не упоминаетъ. Но Гомеръ причисляетъ къ ремесленникамъ (*δημιουργοί*) и врачей, прорицателей и глашатаевъ ¹⁾, потому что они также служили своимъ искусствомъ общинѣ и получали вознагражденіе за свои услуги.

При такомъ строѣ общества не могло быть и рѣчи объ образованіи купеческаго сословія; немногіе предметы, которые не изготовлялись хозяйственнымъ образомъ, пріобрѣтались непосредственно отъ производителя. Правда, потребность въ мѣрѣ и вѣсѣ уже пробудилась ²⁾, но торговля еще не пошла дальше простого обмѣна ³⁾. Поэтому крупныя центры еще не могли образоваться; население было разсѣяно по открытымъ деревнямъ, какъ мы это еще въ историческое время видимъ въ Этоліи, а въ случаѣ непріятельскихъ нападений искало защиты въ горахъ или за валомъ кремля. Но прокладывать дороги начали уже въ этомъ періодѣ. Въ эпосѣ часто упоминается о проѣзжихъ дорогахъ ⁴⁾; и если поэтъ заставляетъ Телемака проѣхать на колесницѣ изъ Пилоса въ Спарту, то это, конечно, отнюдь не доказываетъ, что уже въ то время существовала дорога черезъ Тайгетъ, но даетъ право думать, что въ другихъ частяхъ Греціи и въ Малой Азіи на повозкахъ можно было совершать далекія путешествія. Еще теперь на горахъ Арголиды видны остатки цѣлой системы дорогъ, соединявшихъ святилище Геры съ Микенами, Клеонами, Тинеей и Коринѳомъ. Фундаментъ состоитъ изъ многоугольныхъ плитъ, на извѣстныхъ разстояніяхъ устроены приспособленія для протока воды, и слѣды колеи доказываютъ, что эти дороги были предназначены для ѣзды на колесахъ ⁵⁾. Правда, мы не въ состояніи рѣшить, были-ли онѣ проложены уже въ эпоху разцвѣта Микенъ.

Не смотря на простоту экономическихъ отношеній, имущественное неравенство уже сильно развито. Рядомъ съ сельскимъ рабочимъ, который получаетъ поденную плату, и мелкимъ собственникомъ стоитъ собственникъ - богачъ, владѣлецъ многихъ сотенъ скота и

1) *q* 384, *τ* 135.

2) Мѣры вместимости *H* 471, *Ψ* 268, 741, *β* 355, *ι* 209; мѣры длины и поверхности *Δ* 109, *Θ* 678, *Φ* 407, *λ* 576.

3) Такъ, *H* 472. 5 ахейцы мѣняютъ вино на бронзу, желѣзо, кожи, скотъ и рабовъ.

4) *O* 682, *X* 146 и т. д.

5) *Steffen Karten von Mykenai* (Berlin 1884) текстъ, стр. 8 слл.

обширныхъ помѣстій. Между тѣмъ, въ то время, когда промышленность и торговля были еще въ зачаточномъ состояніи и сельско-хозяйственный трудъ составлялъ почти единственный источникъ пропитанія, бѣднякъ не имѣлъ другихъ средствъ достигнуть обезпеченности, а тѣмъ болѣе богатства, какъ войну или морской разбой; но и здѣсь львиная доля добычи доставалась тѣмъ, кто становился во главѣ такихъ предпріятій, а это былъ обыкновенно знатный чело-вѣкъ. Именно эти условія и заставили такую большую часть греческой молодежи уже въ до-гомеровскую эпоху уйти за море — на острова и въ Малую Азію; но по мѣрѣ того, какъ страна заселялась, на новой родинѣ повторялось то же явленіе. А богатство повсюду и во всѣ времена доставляетъ почетъ и могущество; мало по малу народъ привыкъ относиться къ знатымъ родамъ съ уваженіемъ, за которое они по заслугамъ платили толпѣ презрѣніемъ. Аристократія приняла характеръ касты, члены которой вступали въ бракъ только между собою и которая возводила свою родословную до боговъ. Изобрѣтеніе металлическаго вооруженія и боевой колесницы должно было еще усилить перевѣсъ этого класса, потому что теперь участь битвы рѣшали латники, а только знать была въ состояніи пріобрѣтать дорого стоившее металлическое вооруженіе.

Старѣйшина самой могущественной изъ этихъ знатныхъ фамилій стоялъ во главѣ государства съ званіемъ «царя» (*βασιλεύς*). По возрѣніямъ гомеровской эпохи, онъ получаетъ свою власть отъ Зевса; другими словами, царское достоинство уже съ незапамятныхъ временъ было наслѣдственнымъ въ правящихъ родахъ, и происхожденіе его изъ народнаго избранія уже было забыто. Городскія стѣны, дворцы и сводчатая могилы Микенъ, Тиринѳа, Спарты и Орхомена доказываютъ, что и тамъ господствовалъ политическій строй, совершенно аналогичный тому, который изображенъ въ эпосѣ. Царь былъ вождемъ на войнѣ и верховнымъ судьей (*δικαστὸς*) во время мира, а также посредникомъ между государствомъ и богами. За это ему предоставленъ въ собственность обширный доменъ (*τέμενος*), подданные приносятъ ему богатые подарки, чтобы пріобрѣсти его расположеніе, а на войнѣ ему принадлежитъ лучшая часть добычи.

Въ дѣлахъ правленія царю помогаль «совѣтъ старѣйшинъ» (*δημογέροντες*), который первоначально состоялъ, вѣроятно, изъ главъ всѣхъ отдѣльныхъ родовъ государства, но уже въ гомеровскую эпоху заключалъ въ себѣ только представителей знати. Ихъ главной обязанностью было — помогать царю въ судопроизводствѣ. Всѣ важные вопросы рѣшались собраніемъ мужчинъ, способныхъ носить оружіе;

но по мѣрѣ того, какъ могущество аристократіи возрастало, обращеніе къ вѣчу становилось пустой формальностью и за народомъ оставалось только право соглашаться на предложенія царя и знатныхъ. Что ждало простого человѣка, который осмѣливался противорѣчить, показываетъ намъ поэтъ на примѣрѣ Турсита: палка въ рукѣ знатнаго заставляла тотчасъ умолкнуть всякое возраженіе, и народъ относился къ этому совершенно безучастно или даже смѣялся надъ побитымъ.

Впрочемъ, функціи государства были въ эту эпоху еще весьма ограничены. На судъ царя восходили только споры о правѣ собственности; расправа по уголовнымъ преступленіямъ была предоставлена потерпѣвшимъ и ихъ сородичамъ. Отъ кровной мести можно было откупиться уплатою соотвѣтственной виры ¹⁾; но если такая сдѣлка не состоялась, то убійцѣ не оставалось ничего другого, какъ уйти въ изгнаніе ²⁾, — развѣ только у него были могущественные родственники и друзья, у которыхъ онъ могъ найти защиту. Человѣкъ, не принадлежавшій къ общинѣ, былъ совершенно безправенъ, и каждый могъ ограбить и убить его. Но кто садился у очага съ просьбою о защитѣ, тотъ былъ неприкосновененъ для хозяина дома ³⁾; завязанныя такимъ образомъ отношенія сохранялись всю жизнь и переходили по наслѣдству къ дѣтямъ и внукамъ. Однако, защита, которую домохозяинъ могъ оказать своему гостю за предѣлами своего жилища, была все-таки ненадежна; поэтому жизнь на чужбинѣ была полна униженій и опасностей ⁴⁾. Не удивительно, что изгнаніе казалось грекамъ того времени величайшимъ бѣдствіемъ.

Такъ какъ каждый былъ безопасенъ только въ своемъ государствѣ, то набѣги на сосѣднія общины или разбой считались очень почтеннымъ источникомъ наживы. Ограбленные старались, конечно, отомстить, и такимъ образомъ весь древнѣйшій періодъ греческой исторіи былъ наполненъ непрерывными войнами. Это было дѣйствительно, какъ говоритъ поэтъ, желѣзное время, и оно взростило воинственное поколѣніе. Каждый долженъ былъ ежеминутно быть готовъ съ оружіемъ въ рукахъ отстаивать свою жизнь и имущество; мечъ былъ неразлучнымъ спутникомъ мужчины, и никто не выходилъ

1) I 632, Σ 498.

2) Ω 480, ν 259 сл., υ 118.

3) Θ 546 *ἀντί κασιγνήτου ξείνός θ' ἰκέτης τε τέτυκται ἀνέρι, ὅς τ' ὀλίγον περ ἐπιπράνῃ προκίθεσσιν* (для человѣка, который хотя немного въ состояніи чувствовать, гость и проситель становится вмѣсто родного брата).

4) I 648, Π 59.

изъ дому, не захвативъ копя. Народъ охотнѣе всего слушалъ рассказы о доблестныхъ битвахъ и смѣлыхъ морскихъ походахъ, которые и составляютъ, на ряду со сказаніями о богахъ, главное содержаніе эпоса.

ГЛАВА III.

Мифъ и религія.

Образованіе мифовъ обусловливается стремленіемъ человѣческаго духа уяснить себѣ связь и причины окружающихъ насъ предметовъ и наблюдаемыхъ нами явленій ¹⁾. Такъ какъ въ первобытную эпоху средства къ удовлетворенію этой потребности очень ограничены, то большая часть «разказовъ» (*μῦθοι*), которые пускаются въ обращеніе съ цѣлью объяснить то или другое явленіе, оказываются лишними всякой реальной подкладки; такимъ образомъ, слово «мифъ» получило въ классическій періодъ греческой цивилизаціи то значеніе, которое оно и до сихъ поръ сохраняетъ во всѣхъ европейскихъ языкахъ.

Мифы, — или, какъ теперь обыкновенно говорятъ, когда рѣчь идетъ о болѣе близкихъ къ намъ эпохахъ, — легенды, — возникаютъ во всѣ времена и будутъ возникать до тѣхъ поръ, пока мы не будемъ въ состояніи объяснять всѣ явленія научнымъ образомъ, или пока и массы не перестанутъ требовать отвѣта на тѣ вопросы, которыхъ мы при нашихъ средствахъ не можемъ рѣшить. Но въ періоды высокаго умственного развитія мифическое творчество бываетъ очень ограничено. Тотъ, кто знаетъ истинную причину видимаго движенія солнца вокругъ земли, уже не будетъ рассказывать о Гелиосѣ, который каждое утро на востокѣ всходитъ на свою огненную колесницу, поднимается по крутой небесной дорогѣ и вечеромъ, спустившись къ западу, уходитъ на покой. Кто убѣжденъ въ строгой законмѣрности естественныхъ явленій, тотъ не станетъ сочинять разказовъ о чудесахъ и не будетъ вѣрить имъ, если услышитъ ихъ отъ другого. Мифъ процвѣтаетъ только въ эпохи невѣжества, какъ на-

¹⁾ Ср. особенно Tylor *Primitive Culture* (рус. пер.).

примѣръ въ древности передъ возникновеніемъ наукъ и въ средніе вѣка—передъ ихъ возрожденіемъ, т.-е. въ тѣ самыя времена, когда и религіозное чувство бываетъ наиболѣе сильно. Поэтому несправедливо говорить о «періодѣ миѳическаго творчества», какъ объ одной изъ стадій въ исторіи человѣческаго мышленія; эпохи миѳическаго творчества суть ничто иное, какъ эпохи варварства, и еслибы міръ когда-нибудь снова погрузился въ мракъ невѣжества, то снова наступила бы такая эпоха.

Къ образованію миѳа можетъ подать поводъ всякій предметъ или явленіе, причина котораго не ясна съ перваго взгляда: явленіе природы, какъ и человѣческое учрежденіе,—непонятный обычай, или даже простое однозвучіе двухъ словъ. Такъ какъ по гречески *λαός* значитъ народъ, а *λίθς*—камень, то предполагали, что первые люди были созданы изъ камней, которые Девкаліонъ и Пирра послѣ потопа бросали за спину. Повсюду въ греческомъ мірѣ, гдѣ только было два одноименныхъ города, существовалъ и миѳъ, по которому одинъ изъ нихъ былъ колоніей другого. И почти о каждомъ городѣ, основанномъ въ до-историческое время, существовало особое сказаніе, которое сводилось къ тому, что названіе города персонифицировалось въ лицѣ героя-эпонима, основавшаго городъ или, по крайней мѣрѣ, принимавшаго участіе въ его основаніи. Такимъ же путемъ были созданы миѳическіе родоначальники народовъ, филъ и родовъ; такъ, на примѣръ, Гесіодъ рассказываетъ, что царь Гелленъ имѣлъ трехъ сыновей: Дора, Ксуѳа и Эола, а Ксуѳъ, въ свою очередь, двоихъ: Иона и Ахея (см. выше, стр. 45). На томъ основаніи, что лавръ (*δάφνη*) былъ посвященъ Аполлону и сосна (*πίτυς*)—Пану, придумали миѳы о любви этихъ боговъ къ нимфамъ Дафнѣ и Питисъ, которыя, спасаясь отъ ихъ преслѣдованій, обратились въ одноименныя деревья.

Гораздо важнѣе для исторіи умственнаго развитія тѣ миѳы, которые имѣютъ цѣлью объясненіе естественныхъ явленій. Изъ послѣднихъ ни одно не затрогиваетъ насъ такъ близко, какъ смерть. Какимъ образомъ жизнь, сейчасъ еще столь дѣятельная и могучая, внезапно прекращается? Очевидно, что нѣчто, присущее живому тѣлу, отсутствуетъ въ мертвомъ. Между тѣмъ никто не видѣлъ, какъ удаляется это «нѣчто». Значитъ, то, что вызываетъ жизнь и что покидаетъ насъ при смерти, есть нѣчто безконечно тонкое и, при обычныхъ условіяхъ, недоступное для нашихъ чувствъ.

Миѳъ заимствуетъ свое объясненіе, повидимому, изъ другого явленія. Во снѣ, а иногда и на яву—при сильномъ нервномъ воз-

бужденіи, мы видимъ образы отсутствующихъ или даже умершихъ людей; при этомъ мертвый представляется намъ совершенно въ такомъ же видѣ, какой онъ имѣлъ при жизни ¹⁾. Что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ субъективнымъ впечатлѣніемъ, съ созданиемъ нашей фантазіи,—объ этомъ первобытный человѣкъ думаетъ такъ же мало, какъ большая часть образованныхъ людей нашего времени—о разницѣ между явленіями и сущностью вещей. Для него сновидѣніе—объективная дѣйствительность ²⁾. Слѣдовательно, въ нашемъ тѣлѣ существуетъ его незримое подобіе (*εἶδωλον*), безплотное, какъ дуновение (*ψυχή*). Это подобіе, эта душа, какъ мы говоримъ, можетъ на время оставить тѣло—тогда наступаютъ обморокъ и летаргія; когда же оно покидаетъ тѣло навсегда, то наступаетъ смерть.

Но тотъ, кто приписываетъ душу человѣку, долженъ, оставаясь послѣдовательнымъ, признавать ее и въ животномъ, потому что переходъ отъ жизни къ смерти сопровождается у животнаго и у человѣка одинаковыми явленіями. И Гомеръ дѣйствительно рассказываетъ о смерти животныхъ въ такихъ же выраженіяхъ, какъ и о смерти людей ³⁾. Далѣе, самое поверхностное наблюденіе должно было показать, что духовная жизнь высшихъ животныхъ чрезвычайно сходна съ нашей: наблюденіе, которое, какъ извѣстно, у самыхъ различныхъ націй—между прочимъ, уже въ очень раннюю эпоху и у грековъ—привело къ созданію животнаго эпоса. Точно также засыхаетъ и умираетъ и дерево, когда его срубаютъ; значитъ и въ немъ должна быть душа. Такимъ образомъ явилось представленіе о нимфахъ деревьевъ, дриадахъ, которыя рождаются и растутъ вмѣстѣ съ деревомъ и одновременно съ нимъ должны умереть ⁴⁾. Но на этомъ не остановились. Для первобытнаго человѣка еще не существовало той строгой границы между органическимъ и неорганическимъ міромъ, которую научило насъ проводить современное естествовѣдѣніе. Куда бы онъ ни взглянулъ, онъ повсюду видѣлъ измѣнчивость и движеніе: въ журчащемъ ключѣ, въ бурномъ морѣ, въ теченіи небесныхъ свѣ-

¹⁾ Такъ является Ахиллу тѣнь Патрокла (*Ψ* 66): *πάντ' αὐτῷ μέγεθος τε καὶ ὄμματα καλ' εἰκνία καὶ φωνήν, καὶ τοῖα περὶ χροῦ εἰμῶτα ἔστο*. („Роста такого-жъ, какъ онъ, похожая голосомъ звучнымъ И красотою очей и одѣтая въ тѣ-же одежды.“)

²⁾ *ἜΩ πόποι, ἧ ῥά τις ἔστι καὶ εἰν Ἄϊδαο δόμοισιν ψυχή καὶ εἶδωλον* („Боги! ужели и вправду отъ насъ остается въ Аидѣ Только душа и подобье?...), восклицаетъ Ахиллесъ, пробудившись послѣ этого сновидѣнія (*Ψ* 103).

³⁾ II 468—9, ρ 326.

⁴⁾ *Гимнъ Афродитѣ* 264—292, гдѣ это представленіе отчасти уже антропоморфировано.

тилъ и въ блескѣ молніи. А гдѣ есть движеніе, тамъ должна быть и причина, вызывающая его; и такъ какъ понятіе о механически-дѣйствующихъ силахъ природы было совершенно чуждо первобытной эпохѣ, то это движеніе объясняли такъ-же, какъ движеніе живыхъ существъ, т. е. приписывали его особому духу, который живетъ въ данномъ предметѣ. Еще шагъ, и душу начали находить даже въ неподвижныхъ тѣлахъ, напримѣръ, въ камнѣ, особенно если онъ былъ необычнаго цвѣта и странной формаціи и сверкалъ на солнцѣ ¹⁾. Мало того: если при погребеніи вмѣстѣ съ трупомъ сжигали на кострѣ платье и другіе предметы, то первоначально цѣль этого обычая могла состоять только въ томъ, чтобы дать возможность покойнику пользоваться этими вещами въ загробной жизни; слѣдовательно, и послѣднимъ приписывали душу, которая переживаетъ разрушеніе самой вещи, какъ человѣческая душа переживаетъ разложеніе тѣла. Поэтому если Гомеръ говоритъ о стрѣлахъ и копьяхъ, которыя жаждутъ насытиться человѣческой кровью ²⁾, то мы не должны видѣть въ этихъ словахъ простую поэтическую персонификацію.

Такъ рядомъ съ реальнымъ міромъ возникъ міръ идеальный, который представляли себѣ господствующимъ надъ первымъ, подобно тому, какъ душа управляетъ тѣломъ. Душамъ, живущимъ въ тѣлахъ природы, придавали, конечно, всѣ черты человѣческой души,—да и какъ иначе можно было представить себѣ душу? Поэтому одушевленные тѣла должны были, какъ и люди, принадлежать къ какому-нибудь полу; напримѣръ, небо, которое посредствомъ дождя оплодотворяетъ почву и посылаетъ на землю разрушительную молнію, представляли себѣ въ видѣ мужчины (*οὐρανός*), всерождающую землю—въ видѣ женщины (*γῆ*). Въ языкѣ до сихъ поръ сохранились слѣды этого представленія: оно обусловило родъ нашихъ именъ существительныхъ. Отсюда естественно было заключить, что эти существа находятся въ родственныхъ отношеніяхъ между собою. Солнце и мѣсяцъ считались братомъ и сестрою, или мужемъ и женою, небо—ихъ отцомъ. Сообразно съ этими представленіями, всѣ астрономическія или физическія явленія должны были обратиться въ физиологическіе или психологическіе процессы. Такъ, гроза казалась битвою между свѣтлыми духами неба и силами тьмы. Но особенно побуждало къ созданію такихъ мифовъ стремленіе объяснить движеніе солнца. Когда свѣтило

1) [Orph.] *Lithica* 303 *ἐν γὰρ σφιν μέγα δῆ τι φερέσβιος ἔμβαλε πνεῦμα ἠέλιος.*

2) *Δ* 126, *Δ* 574, *Θ* 317, *Φ* 70. 168.

дня показывается на горизонтѣ, тогда рождается Гелиосъ; его матерью является или ночь, или утренняя заря, или, какъ вѣрили мало-азіатскіе греки,—море. Но съ восходомъ солнца ночь исчезаетъ: сынъ убиваетъ мать. Это представленіе лежитъ въ основѣ нѣкоторыхъ знаменитыхъ греческихъ сказаній, главнымъ образомъ легенды о матереубійствѣ Ореста. Первобытное общество не видѣло въ этомъ ничего предосудительнаго ¹⁾; но потомство постаралось смягчить гнусность такихъ сказаній, сдѣлавъ героя или орудіемъ искупленія за другое убійство, или безумнымъ, или преступникомъ противъ воли.

Солнце на своемъ пути разгоняетъ туманы; на языкѣ миеа это значитъ, что солнечный герой одерживаетъ блестящія побѣды надъ всякаго рода чудовищами или надъ враждебными ему великанами; отсюда подвиги Геракла, Мелеагра, Беллерофонта. Но какъ солнце вечеромъ исчезаетъ во мракѣ, такъ и солнечнымъ героямъ часто суждена лишь короткая жизнь; такова судьба Бальдура и Зигфрида на сѣверѣ и Ахиллеса у грековъ.

Но развѣ солнце дѣйствительно умираетъ вечеромъ? Не то же ли солнце свѣтитъ намъ снова каждое утро? Это представленіе также нашло себѣ выраженіе въ миеѣ. Тотъ, кто живетъ на восточномъ берегу моря, видитъ заходящее солнце отраженнымъ въ водѣ. Отсюда возникло сказаніе о золотомъ челнѣ, въ которомъ Гелиосъ ночью возвращается черезъ океанъ въ страну восхода, чтобы утромъ снова начать свой дневной путь ²⁾. По другой версіи того же сказанія Іасонъ — «спаситель» — похищаетъ у дракона тьмы охраняемое имъ «золотое руно» и увозитъ послѣднее на своемъ «солнечномъ кораблѣ» Арго въ Грецію. То же самое представленіе лежитъ въ основѣ миеа о странствованіяхъ Одиссея: онъ также сходитъ въ подземное царство, и волшебный корабль феаковъ увозитъ его во время сна на родину, гдѣ онъ своими стрѣлами, не дающими промаха, убиваетъ жениховъ, которые во время его отсутствія преслѣдовали его жену.

Но что заставляетъ солнце ежедневно, не зная покоя, совершать свой путь по небу? Очевидно, какая-то принудительная сила; Гелиосъ не свободенъ, онъ служитъ какому-то господину. И эта черта характерна для солнечныхъ героевъ; какъ Зигфридъ служитъ королю

¹⁾ Такъ, напримѣръ, Тимей (fr. 28, 29. Geffcken стр. 171) рассказываетъ, что жители Сардиніи имѣли обыкновение убивать своихъ престарѣлыхъ родителей; этотъ обычай встрѣчается и у другихъ варварскихъ народовъ.

²⁾ Mimn. fr. 12, Stesichor. fr. 8.

Гунтеру, такъ служатъ Гераклъ Эврисею, Иасонъ—Пелію, Ахиллесъ—Агамемнону, Персей—Полидекту; въ сказаніи объ Одиссеѣ также сохранились слѣды этихъ служебныхъ отношеній.

Здѣсь не мѣсто хотя бы вкратцѣ излагать разнообразныя до безконечности космогоническія мифы грековъ, тѣмъ болѣе, что ихъ первоначальный смыслъ лишь въ немногихъ случаяхъ можетъ быть установленъ съ увѣренностью. Дѣло въ томъ, что духи, которыми народная фантазія населяла всѣ тѣла природы, все болѣе отдѣлялись отъ своей матеріальной основы, и въ концѣ концовъ народъ утратилъ всякое представленіе о связи между естественными явленіями и созданными для ихъ объясненія мифами. Уже творцы эпоса не понимали истиннаго смысла мифовъ. Естественно, что въ древнія сказанія проникло множество чуждыхъ чертъ, а изъ старыхъ мифическихкихъ образовъ выдѣлились новыя лица. Геліосъ, напримѣръ, имѣетъ у Гомера эпитетъ «сіяющій» (*φαιέθων*); въ позднѣйшемъ мифѣ Фаэонъ является уже самостоятельной личностью и называется сыномъ Геліоса. Аяксъ изображается въ Иліадѣ съ «широкимъ щитомъ» (*σάκος εὐρύ*), который онъ носитъ, по обычаю того времени, на ремнѣ (*τελαμών*) черезъ плечо; позже у него оказывается уже сынъ Эврисакъ и отецъ Теламонъ. По такимъ же соображеніямъ Телемакъ («сражающійся издали») становится сыномъ стрѣлка изъ лука, Одиссея.

Но вернемся къ той эпохѣ, когда смыслъ мифовъ еще былъ ясенъ. Человѣкъ ежеминутно во всѣхъ своихъ радостяхъ и страданіяхъ чувствуетъ свою зависимость отъ силъ природы, а между тѣмъ онъ безоруженъ противъ нихъ. Надо было придумать средство пріобрѣтать расположеніе духовъ, которые завѣдуютъ этими силами. А такъ какъ духовъ неба, созвѣздія, земли, моря и т. д. представляли себѣ на подобіе нашего собственнаго духа, то ихъ расположеніе естественно старались пріобрѣсти при помощи тѣхъ же средствъ, которыми добиваются милости могущественныхъ людей, т. е. при помощи подарковъ и просьбъ или, какъ мы выражаемся, говоря о сверхъестественныхъ существахъ, при помощи жертвоприношеній и молитвъ. Такъ мифическія образы сдѣлались предметомъ религіознаго поклоненія.

Этотъ шагъ сдѣлали уже наши индо-германскіе предки. *Дьяусъ* индусовъ соотвѣтствуетъ италійскому Юпитеру (*Дювисъ*), германскому *Тіу* или *Дзіу* и греческому *Зевсу*; это, какъ показываетъ имя, «сіяющій богъ неба» (отъ корня *div* «сіять»). Индусскій *Варуна* тождественъ съ *Ураномъ* грековъ, эллинская *Діона*—съ *Юно-*

ной италиковъ. Но именно малочисленность такихъ подобій доказываетъ, что греки выработали свои религіозныя представленія преимущественно уже послѣ отдѣленія отъ остальныхъ индо-германскихъ народовъ.

Извѣстное вліяніе на этотъ процессъ должны были имѣть религіозныя вѣрованія тѣхъ народовъ, съ которыми греки пришли въ соприкосновеніе на своихъ новыхъ мѣстахъ ¹⁾. Правда, вѣрованія до-эллинскихъ обитателей Балканскаго полуострова едва ли оставили глубокіе слѣды въ греческой религіи, потому что культурный уровень этого народа былъ, по всѣмъ даннымъ, очень низокъ. Такъ называемыя «пеласгическія» божества, какъ напримѣръ Зевсъ и Діона Додонскіе,—несомнѣнно индо-германскаго происхожденія и принадлежать, слѣдовательно, самимъ грекамъ.

Иначе обстоитъ дѣло на островахъ и на берегахъ Малой Азіи. Здѣсь греки встрѣтили населеніе, которое стояло уже довольно высоко въ культурномъ отношеніи и которое было, вслѣдствіе этого, слишкомъ многочисленно, чтобы его можно было истребить такъ же безслѣдно, какъ раньше были истреблены обитатели греческаго полуострова. Завоеватели конечно и на новыя мѣста перенесли своихъ родныхъ боговъ и посвятили имъ тѣ храмы, которые раньше принадлежали богамъ покоренной страны; но именно поэтому неизбѣжно должны были уцѣлѣть нѣкоторыя изъ формъ культа, который раньше господствовалъ въ этихъ святилищахъ. Такъ, напримѣръ, служеніе Артемидѣ въ Эфесѣ во многихъ отношеніяхъ сохранило характеръ культа той азіатской богини, которую тамъ замѣнила Артемиды. Это обстоятельство должно было, въ свою очередь, сильно вліять на религіозныя представленія и связанные съ ними миѳы, тѣмъ болѣе, что греки заселили въ Азіи только узкую береговую полосу и находились въ непрерывныхъ сношеніяхъ съ обитателями внутренней части страны. А мало-азіатскія колоніи вліяли уже на греческое населеніе острововъ и Балканскаго полуострова.

Напротивъ, семитическое вліяніе было—если оставить въ сторонѣ Кипръ—очень незначительно. Финикійяне вообще не основали ни одной колоніи на берегахъ Эгейскаго моря, а финикійскіе купцы думали только о сбытѣ своихъ товаровъ и ничуть не заботились о распространеніи своей религіи. Если въ эпоху «микенской» культуры населеніе областей, окружающихъ Эгейское море, охотно покупало

¹⁾ Gruppe *Die griechischen Kulte und Mythen in ihren Beziehungen zu den orientalischen Religionen* I т. (Введеніе) Лейпцигъ 1887.

финикійскихъ и вавилонскихъ идоловъ, то лишь потому, что видѣло въ нихъ особія сверхъ-естественныя силы; это такъ-же мало могло содѣйствовать распространенію семитическихъ вѣрованій, какъ способствовало бы успѣхамъ христіанства, если бы негръ сталъ поклоняться, какъ идолу, изготовленной въ Европѣ иконѣ. Несомнѣнно, что художественныя произведенія, ввезенныя съ Востока, имѣли извѣстное вліяніе на миѳическое творчество ¹⁾; но между миѳомъ и вѣрованіемъ—большая разница.

Лучшее доказательство справедливости сказаннаго представляютъ имена боговъ. Имя есть первая индивидуальная черта, выдѣляющая каждое божество изъ среды его собратій; поэтому повсюду, гдѣ одинъ народъ заимствуетъ у другого религіозныя представленія, онъ заимствуетъ вмѣстѣ съ ними и имена боговъ. Такъ перешли въ италійскую религію Аполлонъ, Асклепій, Гераклъ, Касторъ; такимъ же образомъ египетская Изида, мало-азіатская «великая мать» Кибела и цѣлый рядъ другихъ восточныхъ божествъ почитались въ Греціи въ классическую и александрійскую эпоху подъ своими исконными именами. Но у Гомера и Гесіода нѣтъ ни одного имени бога, которое можно было бы хотя съ нѣкоторой вѣроятностью признать семитическимъ ²⁾. Слѣдовательно, въ древнѣйшій періодъ Востокъ вліялъ на греческую религію исключительно внѣшнимъ образомъ; это вліяніе могло видоизмѣнить нѣкоторыя формы культа и вызвать образованіе нѣкоторыхъ миѳовъ, но въ своихъ главныхъ чертахъ греческая религія является продуктомъ индо-германскаго, а потомъ греческаго духа ³⁾.

1) Perrot et Chipiez *Histoire de l'Art* III стр. 758 сл., по Clermont-Ganneau *Étude d'Archéologie orientale; l'imagerie phénicienne et la mythologie iconologique chez les Grecs*. Partie I. Paris 1880.

2) Это относится и къ Афродитѣ; ср. Eumann *Kypros und der Ursprung des Aphroditenkultus*, *Memoires de l'Acad. de St. Pétersbourg* VII. série, tome 34, n. 13.

3) Здѣсь могутъ быть даны только общія указанія. Къ сожалѣнію, у насъ до сихъ поръ нѣтъ ни руководства по греческой миѳологіи, которое стояло бы на уровнѣ современной науки, ни такой же исторіи греческой религіи. *Лексиконъ* Рошера представляетъ въ большинствѣ случаевъ отличное собраніе матеріала, но имѣетъ тотъ коренной недостатокъ, что выдвигаетъ на первый планъ не самыя миѳы, а ихъ носителей. Новое изданіе *Миѳологии* Преллера, редактированное Робертомъ, лишній разъ доказало, что даже наилучшая переработка не въ состояніи сдѣлать изъ плохой книги хорошую. *Die Homerische Theologie* Негельсбаха давно устарѣла; въ этомъ отношеніи ей не помогла и новая обработка Autenrieth'a (Нюрнбергъ 1884). О болѣе старыхъ работахъ лучше умолчать, какъ и о нѣкоторыхъ трудахъ послѣдняго времени.

Индусъ называлъ своихъ боговъ *dēvas*—«сіяющими»; отъ того же корня произошли и латинское *divus* и греческое *δῖος*, и можетъ быть такое же значеніе имѣетъ слово *θεός*. Слѣдовательно, боги для индо-германцевъ—прежде всего, духи неба. Но самый могущественный между ними, по греческимъ вѣрованіямъ, тотъ, который управляетъ громомъ и молніей; греки называли его Зевсомъ, отцомъ боговъ и людей (*Ζεὺς πατὴρ* = *Dyāus pitār* = *Jupiter*). Второе мѣсто занималъ Аполлонъ. Его эпитеты въ культѣ и эпосѣ доказываютъ, что и онъ былъ божествомъ свѣта, потому что эти эпитеты, которые уже въ гомеровское время сдѣлались постоянными, принадлежатъ вообще къ древнѣйшимъ памятникамъ греческой религіи, какіе мы имѣемъ. Аполлонъ называется «лучезарнымъ» (*φοῖβος*), «издали попадающимъ въ цѣль» (*ἐκείρογος*, *ἐκατηβόλος*), «съ золотымъ мечомъ» (*χρυσάωρ*) или «съ серебрянымъ лукомъ» (*ἀργυρότοξος*), «рожденнымъ отъ свѣта» (*λυκηνεγής*, *λύκιος*). Его стрѣлы поражаютъ людей внезапной смертью, и отсюда древніе производили его имя; но, съ другой стороны, онъ посылаетъ и исцѣленіе отъ болѣзней. Въ избранныхъ имъ мѣстахъ онъ возвѣщаетъ людямъ «непоколебимыя рѣшенія Зевса», и больше всѣхъ другихъ боговъ покровительствуетъ мусическимъ искусствамъ. Какъ бога врачебной науки, Аполлона почитали подъ именемъ Пэона (въ эпосѣ *Παῖών*) или, какъ позже обыкновенно говорили, Асклепія ¹⁾; съ теченіемъ времени послѣдній обратился въ особаго бога, котораго естественно представляли себѣ сыномъ Аполлона. Но его культъ лишь постепенно достигъ всеобщаго признанія.

Къ богу солнца, Геліосу, грекъ обращался съ молитвой во время восхода и заката солнца ²⁾; имя этого бога призывалось и при торжественныхъ клятвахъ, потому что ничто не можетъ скрыться отъ его взора ³⁾. Но культъ Геліоса въ собственномъ смыслѣ слова существовалъ лишь въ немногихъ мѣстахъ—на Родосѣ и на мысѣ Тенарѣ, южной оконечности Балканскаго полуострова, и это объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что, при прозрачности своего имени, Геліосъ сохранилъ слишкомъ много чертъ древняго космогоническаго божества, чтобы его культъ могъ удовлетворять религіозной потребности болѣе развитой эпохи. Тѣмъ шире распространялся его культъ подъ другими именами. Самъ Аполлонъ есть, вѣроятно, не что иное, какъ

¹⁾ Объ Асклепія, какъ богѣ свѣта, и его первоначальномъ тождествѣ съ Аполлономъ ср. Wilamowitz *Isyllos* стр. 93 (*Philol. Unters.* Heft IX).

²⁾ Plat. *Νόμοι* р. 887 е. *Аpolog.* р. 26 d., *Sympos.* р. 220 d.

³⁾ *Г* 277.

солнечный богъ, и несомнѣнно солнечнымъ богомъ является Гераклъ. Это доказывается какъ именемъ его отца—Электріонъ ¹⁾, такъ и мифами о его борьбѣ со всякаго рода чудовищами, о его службѣ, сходженіи въ подземное царство и, наконецъ, самосожженіи на Этѣ. Исходнымъ мѣстомъ его культа была Беотія, въ главномъ городѣ которой—Фивахъ—онъ по преданію родился и гдѣ его всегда почитали съ особеннымъ усердіемъ. Отсюда его культъ распространился по сосѣднимъ областямъ въ то время, когда Малая Азія уже была заселена, а колонизація запада еще не началась ²⁾. Общенациональнымъ божествомъ ему никогда не удалось сдѣлаться.

О Гермесѣ мы можемъ сказать съ увѣренностью только то, что и онъ былъ богомъ свѣта, потому что онъ носитъ золотыя сандалии и его атрибутомъ является золотой жезлъ. Мей («мать») родила его отъ Зевса на снѣжныхъ высотахъ Киллиене, самой высокой горы сѣвернаго Пелопоннеса; и его, дѣйствительно, усердно почитали на его родинѣ, въ Аркадіи. Но и вообще его культъ былъ очень распространенъ, особенно въ Аѣинахъ, гдѣ на улицахъ и площадяхъ стояло множество статуй этого бога въ извѣстной архаической формѣ. Подобно Аполлону, съ которымъ у него есть и другія сходныя черты, онъ былъ покровителемъ стадъ, и такъ какъ послѣднія составляли въ первобытное время главное имущество грековъ, то онъ считался подателемъ всякаго богатства и, какъ таковой, сдѣлался позже покровителемъ купцовъ.—Къ божествамъ свѣта принадлежали, далѣе, близнецы «сыновья Зевса» (Діоскуры), которые почитались въ различныхъ частяхъ Греціи подъ именами Кастора и Полидевка, Амфіона и Зеаа, или даже просто «государей» (*ἀνακτες*) или «великихъ боговъ». Они помогали во всѣхъ опасностяхъ, особенно мореплавателямъ во время бури.

Молнія, атрибутъ Зевса, также получила въ мифологіи, а позже и въ области культа, самостоятельное значеніе и была воплощена въ особомъ божествѣ, подъ именемъ Гефеста. Послѣдній считался, ко-

1) Ср. *ἤλεκτωρ* 'Υπερίων (Т 398); ворота, близъ которыхъ находился храмъ Геракла въ Фивахъ, назывались *Ἠλεκτρίδες πύλαι*. Имя самого бога произведено, конечно не отъ Геры, а отъ того же корня, отъ котораго произошло и имя Геры.

2) Rhein. Mus. 45 (1890) стр. 579 слл. Геракла почитали во всѣхъ халкидскихъ и пелопоннесскихъ колоніяхъ запада, но въ Іоніи—исключая Эритры—его культъ игралъ такую незначительную роль, что у Гомера Гераклъ вовсе не является богомъ. Поэтому его культъ едва ли уже существовалъ въ Атикѣ въ эпоху колонизаціи Іоніи.

нечно, сыномъ владыки неба, который, по преданію, въ минуту гнѣва сбросилъ его на землю ¹⁾. Однако, это первоначальное значеніе Гефеста съ теченіемъ времени отступило на задній планъ; уже для Гомера Гефестъ—только богъ земного огня и, главнымъ образомъ, небесный кузнецъ, покровитель и первообразъ всѣхъ человѣческихъ кузнецовъ. Поэтому его особенно почитали въ промышленной Атикѣ. Другимъ центромъ его культа былъ островъ Лемнось, гдѣ на вершинѣ Мосихла пробивался подземный огонь. Когда позже были открыты вулканическіе Липарскіе острова, они стали считаться однимъ изъ любимыхъ мѣстопробываній Гефеста, и послѣдній былъ признанъ покровителемъ колоній, которыя были основаны на этихъ островахъ около начала VI столѣтія.

Но духовъ свѣта можно было представлять себѣ и въ образѣ женщины. Рядомъ съ Зевсомъ стоитъ его супруга Діона, или, какъ ее называли въ большей части Греціи, Гера, богиня «съ золотымъ трономъ» (*χρυσόθρονος*) и съ «золотыми сандаліями» (*χρυσοπῆδιλος*), возвышенная (*πότνια*) царица неба. Другія божества этого рода— «золотая» Афродита и Артемида «съ золотымъ веретеномъ» (*χρυσήλακτος*), «съ золотымъ трономъ» или, какъ правительница своей небесной колесницы — мѣсяца, «съ золотыми возжами» (*χρυσήμιος*). Сюда принадлежатъ также Аэнея (Аэина), названная такъ по имени Аэинъ, главнаго центра ея почитанія, и цѣлый рядъ богинь, имѣвшихъ только мѣстное и, во всякомъ случаѣ, второстепенное значеніе въ греческой религіи, какъ Геката, Ариадна, Пасифая, критская Бритомартисъ, Елена и сама Селена. Сущность всѣхъ этихъ божествъ— первоначально одна и та же; это богини луны и, какъ таковыя,— покровительницы женской половой жизни, которую, въ виду регуль, ставили въ зависимость отъ луны ²⁾. Съ теченіемъ времени представленія объ ихъ сущности и компетенціи дробились и специализировались. Такъ, въ образѣ Афродиты на первый планъ выступила чувственная сторона отношеній между обоими полами, чему не мало способствовало вліяніе малоазіатскихъ, а позже и семитическихъ религіозныхъ представленій; какъ извѣстно, однимъ изъ главныхъ средоточій ея культа былъ Кипръ, такъ что у Гомера она прямо называется «кипрянкой» (*Κύπρις*). Напротивъ, Артемиду и Аэину представляли себѣ богинями-дѣвственницами. Первая носитъ, какъ братъ ея, Аполлонъ, лугъ съ смертоносными стрѣлами; позже она стано-

¹⁾ А 590.

²⁾ Ср. Roscher *Ueber Selene und Verwandtes* Leipzig 1890.

вится богиней охоты и покровительницей дикихъ звѣрей ¹⁾, и эта сторона ея характера съ теченіемъ времени выдвигается все сильнѣе. Афина является защитницей городовъ (*ἑρυσίπολις*), богиней войны (*λαόσσαος, ληΐτις, ἀγέλειη*), а также мастерицей во всѣхъ женскихъ рукодѣліяхъ. Она, можетъ быть больше всѣхъ другихъ божествъ свѣта, утратила свое первоначальное космогоническое значеніе.

Своеобразное положеніе между этими богинями занимаетъ Гестія, — какъ показываетъ ея имя, — олицетвореніе домашняго очага; культъ ея возникъ, вѣроятно, еще въ до-эллиническое время, потому что мы встрѣчаемъ ее и у италиковъ подъ именемъ Весты. Но какъ разъ въ виду прозрачности своего имени, она никогда не приобрѣла въ греческой мифологіи опредѣленнаго индивидуальнаго облика, почему ея культъ и игралъ только второстепенную роль.

Въ то время, какъ боги свѣта осѣняютъ своими лучами всю землю, дѣятельность водныхъ боговъ ограничена предѣлами ихъ стихій. Поэтому культъ рѣчныхъ боговъ, пользовавшійся, конечно, выдающимся значеніемъ во всѣхъ греческихъ областяхъ, носилъ чисто-мѣстный характеръ, т. е. каждый изъ нихъ почитался только въ той долинь, которую онъ оплодотворялъ, а иногда и опустошалъ своими водами. Еще уже былъ, разумѣется, кругъ поклоненія нимфамъ источниковъ. Святилища бога моря, Посейдона, также находились только на берегу моря или озеръ, какъ на примѣръ въ Онхестѣ у Копайдскаго озера въ Беотіи или близъ горныхъ озеръ Аркадіи. Жертвоприношенія въ его честь совершались преимущественно на мысахъ, каковы Тенаръ на югѣ Пелопоннеса, Микале въ Іоніи, южная оконечность Аттики—Суній, затѣмъ на небольшихъ островахъ, какъ Калаурея у береговъ Арголиды. На Коринескомъ перешейкѣ, гдѣ оба моря, омывающія Грецію, раздѣлены лишь немногими километрами, также существовалъ знаменитый храмъ Посейдона.

Богиню земли, Гею, постигла такая-же участь, какъ Геліоса и Гестію; вслѣдствіе прозрачности имени, ея культъ также имѣлъ ничтожное значеніе, по крайней мѣрѣ въ историческое время. Ея мѣсто заняла «мать-земля» Деметра, которая съ теченіемъ времени все болѣе принимала характеръ богини земледѣлія и поэтому почиталась, главнымъ образомъ, на плодоносныхъ равнинахъ, какъ на примѣръ, на Рарійской равнинѣ близъ Элевсина въ Атикѣ и въ хлѣбородной Сициліи. Поэтому въ эпосѣ эта богиня упоминается сравнительно рѣдко,

1) Ф 470. *πότνια θηρῶν* (владычица дикихъ звѣрей). Богиней охоты она является *Ε 51, ζ 102*.

такъ какъ въ гомеровскую эпоху преобладающимъ занятіемъ было еще скотоводство. Какъ олицетвореніе земли, принимающей въ свои нѣдра умершихъ, Деметра была первоначально и богиней смерти (*Ἀημίτηρ χθονία*). Съ теченіемъ времени эта сторона ея сущности воплотилось въ особое божество, которое слилось съ богиней луны Ферсефассой или Персефоной; послѣднюю представляли себѣ уже, конечно, дочерью Деметры и поэтому называли обыкновенно эвфемистически «дѣвой» (*Κόρη*).

Первоначально и Діонисъ былъ богомъ земли, но такъ-же, какъ и у Деметры, это свойство Діониса все болѣе отступало на задній планъ. Со времени Гесиода и Архилоха онъ является почти исключительно въ роли бога вина ¹⁾, тогда какъ гомеровскому эпосу это представленіе совершенно чуждо ²⁾. На выработку его характера въ мифъ и культъ имѣли большое вліяніе еракійскіе религіозные обряды, съ тѣхъ поръ какъ сѣверный берегъ Эгейскаго моря былъ колонизированъ греками; однако, и представленіе о первоначальной сущности этого бога не было утрачено: оно продолжало жить въ мистеріяхъ, къ которымъ мы еще вернемся.

Но и боги свѣта связаны съ землею; такъ, солнце каждый вечеръ сходитъ въ подземное царство и проводитъ въ немъ столько же времени, сколько здѣсь, на небѣ. Поэтому, рядомъ съ небеснымъ Зевсомъ стоитъ земной (*Ζεὺς χθόνιος*) ³⁾, или Аидъ, какъ его обыкновенно называли, владыка подземнаго царства и, какъ таковой,—супругъ Персефоны. Гермесъ, отводящій души умершихъ въ подземное царство, также считается земнымъ богомъ. Такая же двойственность характера замѣчается и въ другихъ божествахъ свѣта. Мы стоимъ здѣсь на порогѣ, ведущемъ въ область религіозной мистики, и не должны переступать его.

Когда позже греческое мышленіе возвысилось до образованія отвлеченныхъ представлений и когда начали изобрѣтать слова для выраженія такихъ понятій, то въ первое время было еще трудно удерживать въ умѣ ихъ отвлеченный смыслъ. Поэтому греки представляли себѣ эти понятія въ видѣ реальныхъ существъ, какъ это встрѣчается иногда и на гораздо болѣе высокихъ ступеняхъ развитія; достаточно вспомнить споръ между номинализмомъ и реализмомъ. Но такъ какъ по-

1) *Erga* 614, ср. Archil. fr. 77.

2) Маронъ, который даетъ Одиссею превосходное исмарское вино,—жрецъ не Діониса, а Аполлона (*ι* 198). *Ξ* 325—поздній стихъ.

3) *I* 457 *Ζεὺς τε καταχθόνιος καὶ ἔπεινή Περσεφόνη* (подземный Зевсъ и страшная Персефона).

добныя абстракціи не познаются чувственнымъ образомъ, то онѣ должны были принадлежать къ міру духовъ; естественно, что, подобно всѣмъ остальнымъ духамъ, ихъ представляли себѣ въ человѣческомъ образѣ. Поэтому имъ приписывали и половыя отличія: на примѣръ, войну (*πόλεμος*) изображали въ видѣ мужчины, справедливость (*δίκη*)—въ видѣ женщины. Такъ явились богъ войны Аресъ (также и подъ другими именами: Фобъ, и т. д.), богиня побѣды Нике, богъ любви Эротъ, богини судьбы Ате, Немесида, Тихе, Мойра и множество другихъ подобныхъ божествъ. Въ концѣ концовъ этотъ процессъ привелъ къ тому, что каждое несчастье, постигавшее человѣка,—хотя бы это было не болѣе, какъ треснувшій горшокъ ¹⁾—приписывалось особому духу.

Само собою понятно, что эти вѣрованія принадлежатъ сравнительно поздней стадіи религіознаго развитія, и подобныя божества, дѣйствительно, только въ рѣдкихъ случаяхъ получали правильный культъ. Исключеніе составляетъ одинъ Аресъ; но есть основанія думать, что онъ былъ первоначально космогоническимъ божествомъ и только съ теченіемъ времени превратился въ бога войны. Остальные еще у Гомера упоминаются очень рѣдко и играютъ незначительную роль.

На ряду съ этими богами стоитъ множество второстепенныхъ божествъ: духи полей и лѣсовъ, какъ на примѣръ, «негодная порода безпутныхъ сатировъ» ²⁾ или лукавыя куреты и керкопы,—духи горъ, какъ дикіе кентавры,—крошечные духи земли, каковы дактили, карлики грековъ,—духи моря, какъ сѣдовласый Нерей и его дочери, Нереиды. Вѣра въ этихъ духовъ восходитъ до глубокой древности, но для развитія греческой религіи они имѣли ничтожное значеніе и лишь изрѣдка достигали публичнаго культа. Каждому человѣку въ отдѣльности предоставлялось умиловивлять ихъ жертвами и молитвой.

Но въ народныхъ вѣрованіяхъ грековъ удержались до поздняго времени остатки еще болѣе древнихъ религіозныхъ представленій. Въ храмѣ Эрехоея въ аѳинскомъ Акрополѣ жила священная змѣя, которая каждый мѣсяцъ получала медовую лепешку ³⁾, хотя змѣи такихъ вещей не ѣдятъ. Змѣю держали и въ храмѣ Асклепія въ Эпидаврѣ, какъ и во всѣхъ другихъ храмахъ этого бога. Остатокъ животнаго культа слѣдуетъ видѣть и въ томъ, что каждому богу было посвя-

¹⁾ XIV гомеровскій гимнъ содержитъ списокъ злыхъ духовъ, вредящихъ гончарамъ.

²⁾ Hesiod. fr. 42 Kinkel.

³⁾ Herod. VIII 41.

щено известное животное: Зевсу орель, Герѣ корова, Аполлону волкъ, Аѳинѣ сова, Аѳродитѣ голубь. Сюда относятся и столь обычные въ греческой мифологіи превращенія боговъ въ животныхъ.

Повсюду въ Греціи существовали священныя деревья; путники молились передъ ними и украшали ихъ лентами и другими жертвенными дарами ¹⁾. Особенно знаменитъ былъ священный платанъ близъ Гортины на Критѣ, подъ которымъ Зевсъ сочетался съ Европой ²⁾; подъ священной пальмой на Делосѣ Лето родила Аполлона ³⁾, а на Самосѣ, у рѣки Имбра, показывали иву (*λίγος*), подъ которой родилась Гера ⁴⁾. Мѣстопробываніемъ додонскаго Зевса считали стволъ одного стараго дуба ⁵⁾; Аполлонъ и Аѳина садятся въ Илиадѣ «подобно коршунамъ» на вѣтви священнаго дуба, который стоялъ передъ воротами Трои ⁶⁾. Вообще, священныя роци были любимымъ мѣстопробываніемъ боговъ; здѣсь, главнымъ образомъ, служили имъ въ ту эпоху, когда еще не существовало храмовъ. И какъ каждому богу было посвящено известное животное, такъ каждый изъ нихъ имѣлъ и свое дерево; Зевсъ — дубъ, Аполлонъ — лавръ, Аѳина — оливковое дерево, Аѳродита — миртъ, Діонисъ — хмѣль.

Даже священнымъ камнямъ воздавали почести еще въ позднее время; народъ поклонялся имъ, какъ фетишамъ, и смазывалъ ихъ масломъ, а образованные люди почитали ихъ, какъ символы божества. Когда позже боговъ стали изображать въ видѣ людей и животныхъ, то и эти истуканы часто становились предметомъ поклоненія; въ известные праздники ихъ купали и одѣвали въ новыя драгоценныя одежды.

Къ этимъ остаткамъ древнихъ религіозныхъ представленій принадлежитъ и культъ мертвыхъ, который сохранился у грековъ и въ историческую эпоху ⁷⁾. Мы видѣли, какъ образовалась вѣра въ душу, живущую въ нашемъ тѣлѣ и продолжающую жить послѣ его разрушенія. Сновидѣнія доказывали, повидимому, что и души умершихъ продолжаютъ принимать участіе въ судьбѣ живыхъ; очевидно, что

1) Bötticher *Baumkultus der Hellenen*. Berlin 1857.

2) Theophr. *Исторія растений* I 9, 5.

3) Гимнъ Аполлону 117, ср. ζ 163.

4) Paus. VII 4. 4.

5) Hesiod. fr. 150 Kinkel *νατεν δ' ἐν πνθιμένι φηγοῦ* (обиталъ въ стволѣ дуба). Первоначальное значеніе слова *νηός*, вѣроятно, стволъ дерева (*Schraeder Sprachvergleichung und Urgeschichte* ² стр. 403).

6) *H* 58, ср. Φ 549; то же *Ξ* 287 слл. На критскихъ монетахъ также изображаются боги, сидящіе на деревьяхъ (*Gardner Types* IX 1—25, стр. 160—167).

7) Rohde *Psyche. Seelenkult und Unsterblichkeitsglaube bei den Griechen*. I Theil. Freiburg 1890.

это участие носить тотъ-же характеръ, который оно имѣло въ то время, когда душа еще жила на землѣ, заключенная въ видимое тѣло. Слѣдовательно, духъ мертваго будетъ по прежнему питать вражду къ своимъ врагамъ, и эта вражда будетъ тѣмъ опаснѣе, что при обычныхъ условіяхъ духъ незримъ.

Итакъ, надо было найти средство защитить себя отъ мести такихъ привидѣній. Намъ часто удается склонять къ миру нашихъ живыхъ враговъ; нельзя-ли сдѣлать того-же съ духами мертвыхъ? Если мы будемъ давать имъ такіе подарки, которые доставляли имъ удовольствіе при жизни, не вѣроятно ли, что они смирятъ свой гнѣвъ и откажутся отъ мести? Въ такомъ случаѣ (это соображеніе принадлежитъ уже болѣе высокой стадіи религіознаго развитія), не имѣютъ-ли души нашихъ родственниковъ и друзей еще больше правъ на подобныя приношенія? Пренебреженіе къ нимъ можетъ раздражить ихъ и навлечь на насъ ихъ вражду.

Эти соображенія легли въ основу культа мертвыхъ. Но въ историческое время онъ ограничивался въ Греціи преимущественно почитаніемъ предковъ; отъ культа умершихъ враговъ оставались лишь незначительныя слѣды. Въ награду за почести, оказываемыя мертвымъ, отъ нихъ ожидали помощи и защиты; еще у Эсхила Электра молится духу своего покойнаго отца, точно богу ¹⁾. Съ другой стороны, тотъ, кто пренебрегаетъ этой обязанностью, навлекаетъ на себя мечь мертвыхъ или, по позднѣйшему представленію, кару мстящихъ за нихъ боговъ ²⁾.

Очевидно, что душа будетъ имѣть послѣ смерти такія-же потребности, какъ и при жизни, потому что, покидая тѣло, она не измѣняется. Итакъ, ей нужно, прежде всего, жилище, въ которомъ она могла-бы найти покой,—т. е. могила. Поэтому мысль остаться не погребеннымъ, «сдѣлаться добычей собакъ и хищныхъ птицъ», была для грека такъ-же невыносима, какъ для средневѣковаго христіанина—мысль о мукахъ ада. Затѣмъ это жилище надо снабдить всѣмъ, что было мило и дорого мертвому на землѣ: одеждами и оружіемъ, которыя онъ носилъ при жизни, утварью, которою онъ пользовался здѣсь ³⁾. Извѣстно, къ какимъ чудовищнымъ обычаямъ ве-

¹⁾ *Схоерh.* 124 слл.

²⁾ *X* 358, λ 72 сл.

³⁾ Таковъ первоначальный смыслъ формулы: *κτερεα κτερεΐζειν* (совершать погребальныя обряды) (Ω 38, α 291, β 222, γ 285). Гдѣ трупы сжигаются, какъ въ Іоніи въ гомеровское время, тамъ эти предметы сжигаются на кострѣ вмѣстѣ съ покойникомъ, и ихъ пепелъ кладется въ могилу; ср. *X* 512.

детъ это представленіе, — обычаямъ, господствовавшимъ въ первобытное время, а у варварскихъ народовъ господствующимъ и теперь; извѣстно, что и у индо-германцевъ жена слѣдовала за мужемъ въ могилу, и что при погребеніи приносили въ жертву рабовъ, чтобы они служили душѣ господина въ загробномъ мірѣ. Слѣды этого обычая сохраняются еще въ мифахъ и обрядахъ гомеровской эпохи. Такъ, Эвадна бросается на костеръ, на которомъ горитъ трупъ ея мужа Капанея ¹⁾. Но въ гомеровское время этотъ обычай уже былъ оставленъ. Однако, при погребеніи своего друга Патрокла Ахиллесъ убиваетъ двѣнадцать троянскихъ плѣнниковъ и, кромѣ того, четыре лошади, двухъ собакъ и множество быковъ и овецъ, и все это сжигаетъ на кострѣ вмѣстѣ съ трупомъ ²⁾.

Смягченной формой этихъ древнихъ человѣческихъ жертвоприношеній являются кровавыя битвы въ честь мертвыхъ, устраивавшіяся при погребеніи. Въ Италіи изъ этого обычая развились, какъ извѣстно, гладиаторскія игры, въ Греціи-же онъ рано вышелъ изъ употребленія. Его замѣнили гимнастическія состязанія, безъ которыхъ въ гомеровское время не обходилось ни одно большое погребеніе; впрочемъ на похоронахъ Патрокла сражаются еще и острымъ оружіемъ ³⁾.

Трупъ хоронили первоначально не сжигая; въ эпоху «микенской» культуры и въ періодъ диллона этотъ обычай былъ господствующимъ въ европейской Греціи. При этомъ трупъ бальзамировали или клали въ медъ, чтобы предохранить отъ разложенія ⁴⁾. Отсюда, можетъ быть, произошелъ упоминаемый у Гомера обычай ставить на костеръ кувшины съ жиромъ и медомъ ⁵⁾. Дѣло въ томъ, что въ азиатской Греціи, по крайней мѣрѣ—въ Іоніи, въ гомеровскую эпоху перешли уже къ сжиганію труповъ, которое въ эпосѣ является единственнымъ способомъ погребенія. Позже въ Греціи практиковались безъ различія оба способа ⁶⁾.

1) Eurip. *Hiketid.* 990—1071. Жена Мелеагра Клеопатра также, по преданію, слѣдовала за своимъ мужемъ въ могилу ([Apoll.] *Bibl.* I, 8. 3, Раус. IV 2, 7); то же самое рассказывали о ея матери Марпессѣ и дочери Полидорѣ (Раус. I. с.); но послѣдняго извѣстія не знали или не признавали достовернымъ уже авторъ „списка кораблей“ (B 700).

2) *Ψ* 164—176.

3) *Ψ* 798 слл.

4) Helbig *Hom. Epos* 2 стр. 53 слл. Отсюда выраженіе *ταρχύνει* (первоначально=*ταρχιχύνειν*) H 85, Π 456, 674.

5) *Ψ* 170, ω 68.

6) Такъ, въ некрополѣ сицилійской Мегары (съ конца VIII по начало V вѣка) число погребенныхъ труповъ относится къ числу сожженныхъ, какъ

Но душа умершаго нуждается не только въ жильѣ: ей нужна также и пища; доставленіе послѣдней и было первоначальной цѣлью культа мертвыхъ. Поэтому между жертвами, которыя приносили покойному, главное мѣсто занимали стѣстные припасы; на могилѣ убивали животное, кровь выливали на землю, а мясо зарывали. Еще въ Одиссеѣ рассказывается о томъ, какъ мертвый пьетъ кровь жертвенныхъ животныхъ и какъ, благодаря этому, къ нему снова на короткое время возвращается сознание. Когда позже это грубое вѣрованіе, по которому покойникъ нуждается въ пищѣ, уступило мѣсто болѣе чистому представленію, — жертвоприношенія въ честь мертвыхъ все-таки сохранились, принявъ символическій характеръ. Они составляли священный долгъ для живыхъ, и такъ какъ культъ мертвыхъ былъ тѣсно связанъ съ могилой, то послѣдняя была для грека святыней въ гораздо болѣе высокомъ смыслѣ, чѣмъ для насъ могилы нашихъ родныхъ и друзей. Грекъ сражался столько-же за могилы предковъ, сколько за свое имущество и храмы боговъ; и это чувство долго продолжало жить еще и въ классическій періодъ.

При такомъ вѣрованіи особенное значеніе должны были имѣть могилы царей. Какъ царь при жизни защищалъ свое государство отъ непріятельскихъ нападений, такъ и его духъ послѣ смерти тѣла охраняетъ страну отъ бѣдствій; притомъ очевидно, что духъ государя несравненно могущественнѣе, чѣмъ духъ простого гражданина. Итакъ, для всей общины очень важно сохранить расположеніе столь могущественнаго союзника. Поэтому въ погребеніи царя принимаетъ участіе, какъ мы видимъ въ Иліадѣ, весь народъ; всѣ приносятъ жертвенные дары и всѣ носятъ землю для могильнаго холма. Такъ возникли тѣ колоссальныя могилы царей, которыя мы находимъ въ Микенахъ и Малой Азіи. Съ паденіемъ монархіи этотъ обрядъ долженъ былъ, конечно, выйти изъ употребленія; но и тогда удержался обычай оказывать основателямъ новыхъ городовъ божескія или, какъ позже говорили, героическія почести, а обычай хоронить заслуженныхъ гражданъ на счетъ государства былъ остаткомъ тѣхъ-же древнихъ вѣрованій.

Правда, тѣ грубыя представленія, которыя легли въ основу культа мертвыхъ, были отчасти очень рано оставлены. По понятіямъ гомеровскаго времени, душа послѣ погребенія попадаетъ въ мрачное жилище Аида, которое помѣщали на самой отдаленной западной оконеч-

4 къ 1, и въ такомъ же отношеніи находятся количества могилъ того и другого рода (*Orsi Monumenti antichi pubbl. dall' Acad. dei Lincei* I столб. 774).

ности земли; отсюда она болѣе никогда не возвращается ¹⁾. Сообразно съ этимъ, мы не находимъ у Гомера никакихъ слѣдовъ вѣрованія въ воздѣйствіе мертвыхъ на міръ живыхъ; души почившихъ—безсильныя тѣни; въ гомеровскомъ міровоззрѣніи нѣтъ мѣста для вѣры въ привидѣнія ²⁾. Возможно, что это представленіе стоитъ въ связи съ обычаемъ сжигать трупы, который первоначально имѣлъ, вѣроятно, цѣлью—посредствомъ быстрого разрушенія тѣла сдѣлать невозможнымъ возвращеніе души. Можетъ быть также упадку культа мертвыхъ у іонянъ способствовало то обстоятельство, что они покинули родину, гдѣ находились могилы предковъ. Но въ самой Греціи культъ мертвыхъ удержался и оказалъ сильное вліяніе на выработку религіозныхъ представленій.

Вообще, дробленіе націи, обусловленное характеромъ поверхности страны, должно было глубоко вліять на развитіе вѣрованій. Хотя отецъ Зевсъ повсюду считался верховнымъ богомъ, но въ каждой мѣстности выдвигалось, на ряду съ нимъ, свое, мѣстное божество: въ Аргосѣ и Самосѣ—Гера, въ Брауронѣ, Эретріи, Ферахъ и Эфесѣ—Артемида, въ Коринѣѣ и на островѣ Кипрѣ—Афродита, въ Элевсинѣ—Деметра, въ Мегарѣ и Милетѣ—Аполлонъ, въ Фивахъ—Геракль. При томъ, каждое божество имѣло множество прозваній, и послѣднія сплошь и рядомъ должны были вытѣснять въ мѣстныхъ культахъ настоящее имя бога. Такъ, напримѣръ, въ Селинунтѣ, въ V вѣкѣ, богъ войны назывался оффиціально Фобъ («приносящій страхъ»), богиня земли—Малофоръ («дающая плоды»), богиня смерти—Пасикратія («всепокоряющая») ³⁾. Пока смыслъ этихъ прозваній оставался понятнымъ, какъ въ настоящемъ случаѣ, до тѣхъ поръ не могло возникнуть сомнѣній въ ихъ тождествѣ съ общеупотребительными именами боговъ. Но очень часто имя бога, употреблявшееся въ культѣ, исчезало изъ разговорнаго языка. Напримѣръ, уже современники Гомера такъ-же мало понимали буквальный смыслъ имени Геры, какъ и мы,—вслѣдствіе этого они считали ее особымъ божествомъ на ряду съ Діоной, тогда какъ первоначально обѣ составляли одно и то-же лицо. Мы видѣли, что такимъ-же образомъ изъ Діоны—Геры выдѣлились Афродита и Артемида, изъ Аполлона—Асклепій, изъ Геліуса—Геракль, изъ Деметры—Персефона. Ясно, что каждое изъ этихъ новыхъ именъ

1) Ψ 75—6 οὐ γὰρ ἔτ' ἀθις νίσομαι ἐξ Αἴδαο, ἐπὴν με πύρος λελάχητε („Огню приобщенный, Больше къ тебѣ не вернусь изъ подземнаго дома Аида“).

2) Rohde *Psyche* стр. 8 слл. и 26 слл.

3) IGA 515.

должно было первоначально возникнуть въ одной какой-нибудь мѣстности и отсюда распространиться по всѣмъ областямъ, населеннымъ греками. При этомъ могло случаться, что божество называли не тѣмъ именемъ, которое оно носило въ культѣ, а по имени мѣстности, въ которой оно особенно почиталось и которая поэтому считалась его любимымъ мѣстопробываніемъ. Такъ, Афродита, какъ извѣстно, часто называется у Гомера просто Кипридой или Кибереей. Точно такъ же покровительницу Аѣинъ сами аѣиняне называли просто «богиней», а всѣ остальные греки—«аѣинянкой» (*Ἀθηναία*). Такъ какъ Аѣины представляли одинъ изъ древнѣйшихъ центровъ греческой культуры, то покровительницъ другихъ городовъ стали отождествлять съ аѣинской богиней; являются Аѣина Итонская, Алалкоменейская, и т. д. Такимъ образомъ Аѣина сдѣлалась національной богиней, подобно тому какъ аргосская Гера почти во всей Греціи вытѣснила изъ культа древнюю Діону.

Но для того, чтобы культъ получилъ широкое распространеніе, нужны благопріятныя условія. Поэтому культъ бѣльшей части мѣстныхъ боговъ Греціи не вышелъ за предѣлы того города или округа, въ которомъ онъ первоначально возникъ. Между тѣмъ, понятіе божества совершенно субъективно; богъ лишь въ томъ случаѣ богъ, если кто-нибудь ему поклоняется ¹⁾. Даже Гераклъ и Асклецій для Гомера не боги, потому что въ его время имъ не служили въ большей части іоническихъ городовъ; въ его глазахъ они такіе же люди, какъ всѣ остальные герои Илиады. Если Гераклъ—сынъ Зевса, то вѣдь такого же происхожденія и Сарпедонъ. Такъ были разжалованы въ смертные тѣ самыя существа, которыя въ другой части Греціи считались богами. Но они все-таки не обыкновенные люди, подобные намъ; они—сыновья, внуки или правнуки боговъ, ихъ силы далеко превосходятъ силы людей, «которые теперь находятся въ живыхъ» (*οἱοὶ τῶν βροτοῖ εἶσι*), они не страшатся вступать въ борьбу даже съ богами. Итакъ, они стоятъ на серединѣ между богами и людьми; они—полубоги (*ἄνδρες ἡμίθεοι*) ²⁾ или, какъ это выражали однимъ словомъ, которое впрочемъ первоначально имѣло гораздо болѣе широкій смыслъ,—

1) Я говорю здѣсь, конечно, только о богахъ политеистической народной религіи.

2) У Гомера самое понятіе уже встрѣчается, но, за исключеніемъ одного позднѣйшаго мѣста Илиады (*М* 23), еще нѣтъ термина для его выраженія. "*ἦρωες*—каждый доблестный человѣкъ; ср., напр., *ἦρωες Ἀχαιοί*. Уже только у Гесиода мы читаемъ (*Erga* 159) *ἄνδρῶν ἡρώων θεῖον γένος, οἳ καλέονται ἡμίθεοι προτέρῃ γενεῇ κατ' ἀπίρονα γαῖαν*.

герои. Эти герои жили, конечно, въ глубокой древности; такъ возникла та теорія о періодахъ міровой жизни и о постепенномъ вырожденіи человѣчества, которую мы находимъ у Гесіода.

Въ религіозныхъ вопросахъ также, въ концѣ концовъ, одерживаетъ верхъ большинство. Грекъ, видя, что его мѣстное божество за предѣлами его родины не почитается болѣе нигдѣ, или только въ немногихъ сосѣднихъ областяхъ, долженъ былъ наконецъ спросить себя, имѣетъ-ли, въ самомъ дѣлѣ, такое существо право считаться богомъ; а въ этомъ вопросѣ заключался и отвѣтъ на него, ибо кто сомнѣвается, тотъ уже пересталъ вѣрить. Такимъ образомъ, многіе изъ мѣстныхъ боговъ были низведены на степень героевъ даже тамъ, гдѣ возникъ ихъ культъ; изъ безсмертныхъ они обратились въ смертныхъ, а мѣста, гдѣ имъ воздавали почести, стали считаться мѣстомъ ихъ погребенія. Вслѣдствіе этого культъ героевъ долженъ былъ приблизиться къ культу мертвыхъ. Граница между обоготворенными предками и богами, низведенными на степень людей, исчезла, и очень возможно, что среди безчисленныхъ героевъ, которыхъ почитали въ различныхъ частяхъ греческаго міра, было не мало нѣкогда дѣйствительно существовавшихъ людей. Во всякомъ случаѣ, для того, чтобы память о выдающихся людяхъ могла въ первобытное время пережить нѣсколько поколѣній,—нужны особенно благоприятныя условія. У дикаря короткая память; длинная вереница его предковъ и владыкъ его государства скоро сливается въ ней въ одну неопредѣленную массу. И вотъ, на мѣсто дѣйствительнаго родоначальника племени или основателя города становятся фантастическіе герои—эпонимы, въ которыхъ олицетворяется имя рода, племени или города и которымъ воздаются почести, принадлежавшія раньше всѣмъ предкамъ вообще.

Когда позже, подъ вліяніемъ оживленныхъ сношеній и успѣховъ цивилизаціи, число божествъ, въ которыя вѣрилъ грекъ, сильно возросло,—тогда естественно должна была явиться потребность внести какой-нибудь порядокъ въ эту путаницу. При господствующемъ антропоморфическомъ взглядѣ на боговъ, ихъ взаимныя отношенія также должны были представляться подобными тѣмъ, которыя существуютъ въ человѣческомъ обществѣ. По образцу человѣческаго государства, отличительными чертами царства боговъ являются монархическій образъ правленія и родовой строй. Во главѣ его стоитъ самый могущественный изъ боговъ, владыка неба и молніи—Зевсъ; остальные божества неба являются его сыновьями и дочерьми, за исключеніемъ, конечно, царицы неба, Геры, которая, по представленіямъ того времени, когда складывалась эта система, въ качествѣ супруги Зевса не могла быть

его дочерью; поэтому ее сдѣлали, по крайней мѣрѣ, его сестрой. Рѣчныхъ боговъ также можно было представлять себѣ сыновьями Зевса, такъ какъ рѣки питаются дождями ¹⁾; по другому вѣрованію они являются сыновьями морскихъ божествъ—Теѳіи и Океана ²⁾. Напротивъ, съ божествами земли и моря Зевсъ связанъ, очевидно, менѣе тѣснымъ родствомъ; поэтому Аидоней и Посейдонъ считаются его братьями, Деметра—его сестрою. Такимъ же образомъ и остальные божества связываются съ главными богами и другъ съ другомъ при помощи родственныхъ отношеній.

Но и самъ Зевсъ долженъ былъ имѣть отца и мать. Итакъ, кто же были его родители? Гомеръ и Гесіодъ отвѣчаютъ: Кроносъ и Рея. Изъ нихъ Кроносъ есть вѣроятно никто иной, какъ самъ Зевсъ, эпитетъ котораго у Гомера—*κρονίων*; такъ какъ подлинный смыслъ этого слова былъ рано утраченъ, то его стали принимать за имя отца ³⁾. Рея—богиня до-эллинскихъ обитателей Крита, стоящая въ тѣсномъ родствѣ съ мало-азіатской «великой матерью» Кибелой. Именно на Критѣ и возникъ мифъ о происхожденіи Зевса, почему и самое дѣйствіе мифа было локализовано на этомъ островѣ.

Запросы народной религіи были удовлетворены этой системой; но теоретическое богословіе не могло остановиться на ней. Возникалъ вопросъ о томъ, кто были родители Кроноса и Реи; чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, Кроноса и Рею вторично ввели въ генеалогію подъ другими именами. Ихъ отцомъ оказывается Уранъ, богъ неба, т. е. снова тотъ-же Кроносъ-Зевсъ, ихъ матерью—Гея, богиня земли, т. е. та-же Рея. Наконецъ, чтобы добраться до какого-нибудь начала,—Урана, на основаніи древнихъ мифологическихъ представленій, признали сыномъ его собственной супруги Геи, которая, въ свою очередь, вышла изъ «Хаоса». Нескромный вопросъ о происхожденіи самого Хаоса,—вопросъ, которымъ позже ребенокъ Эпикуръ приводилъ въ смущеніе своихъ учителей, тогда еще не возникалъ.

Такъ завершается эта система въ Гесіодовой Теогоніи. По другой версіи, которую мы встрѣчаемъ уже въ Илиадѣ, родоначальниками боговъ были Океанъ и его супруга Теѳіа ⁴⁾. Это вѣрованіе было позже

1) Э 434=Ф 2, поэтому рѣки часто называются *διπλητές*.

2) Ф 195 слл. Hesiod. *Theog.* 337.

3) Welcker *Griech. Götterlehre* I стр. 140 слл. Любопытно, что *Κρονίων* называется у Гомера только Зевсъ,—его братья Аидъ и Посейдонъ не носятъ этого имени.

4) Э 201 *Ὠκεανὸν τε θεῶν γένεσιν καὶ μητέρα Τηθύην* („Чтобъ увидѣть и Океана отца вѣхъ безсмертныхъ и мать ихъ Теѳисы“).

воспринято и развито орфиками и легло въ основу древнѣйшей философской системы грековъ.

Таковы были теогоническія представленія грековъ около начала VII столѣтія. Понятія о сущности божества были еще, конечно, очень грубы, соотвѣтственно культурному уровню того времени; человѣкъ всегда и вездѣ создавалъ себѣ боговъ по собственному образу и подобию. Такъ какъ понятіе о нематеріальномъ духѣ было еще совершенно чуждо этой эпохѣ ¹⁾, то боговъ представляли себѣ или въ видѣ людей, или въ видѣ полу-людей, полу-животныхъ; таковы, напримѣръ, аркадская Деметра съ головой лошади, гомеровская Гера «съ лицомъ коровы» (*βοῶπις*), козлоногій Панъ. Такія изображенія боговъ мы встрѣчаемъ на древнѣйшихъ греческихъ геммахъ, т. наз. «островныхъ камняхъ», а нѣкоторыя изъ нихъ, какъ напримѣръ, фигура кентавра, удержались даже въ искусствѣ классическаго періода. На этихъ представленіяхъ отразилось, съ одной стороны, вліяніе древняго культа животныхъ, съ другой—вліяніе восточныхъ образцовъ.

Но сходство между богами и людьми не ограничивается внѣшностью; тѣ и другіе одинаково мыслятъ и чувствуютъ, одарены одинаковыми недостатками и страстями. Жизнь божественной семьи на Олимпѣ составляетъ точную копію жизни человѣческой семьи, вплоть до супружескихъ ссоръ между Зевсомъ и Герою, играющихъ такую важную роль въ Иліадѣ. Только знаніями и могуществомъ боги далеко превосходятъ людей, да еще тѣмъ, что не подвержены ни старости, ни смерти.

Собразно съ этимъ, грекъ гомеровскаго времени представляетъ себѣ отношенія между богомъ и человѣкомъ по образцу тѣхъ отношеній, которыя существуютъ между царемъ и его народомъ. Какъ царю оказываютъ знаки почтенія и приносятъ подарки, такъ богъ требуетъ молитвъ и жертвъ; въ награду какъ царь, такъ и богъ обязаны защищать своихъ подданныхъ и поклонниковъ. Гекторъ—любимецъ Зевса не за свои нравственныя свойства, которыя до сихъ поръ дѣлаютъ его для насъ самымъ привлекательнымъ изъ всѣхъ героевъ троянскаго цикла, а ради тѣхъ многочисленныхъ жертвъ, которыя онъ приносилъ Зевсу ²⁾. Но вмѣстѣ съ тѣмъ начинаютъ обнаруживаться слѣды и болѣе высокаго представленія о божествѣ. Добрый царь защищаетъ правыхъ и караетъ виновныхъ; того-же грекъ ждетъ и

¹⁾ „Душа“ у Гомера—нѣчто вполне матеріальное, ср., напр., Ψ 100 $\psi\upsilon\chi\eta$ $\delta\epsilon$ $\kappa\alpha\tau\grave{\alpha}$ $\chi\theta\omicron\nu\acute{o}\varsigma$, $\eta\gamma\epsilon$ $\kappa\alpha\lambda\upsilon\acute{o}\varsigma$, $\phi\grave{\eta}\chi\epsilon\tau\omicron$ $\tau\epsilon\tau\rho\iota\upsilon\upsilon\alpha$ („Душа, точно дымъ, опустилась подъ землю съ шелестомъ тихимъ.“)

²⁾ X 170, Ω 34. 69, ср. A 49, Y 298, α 66.

отъ своихъ боговъ. Что это ожиданіе не всегда оправдывается,—съ антропоморфической точки зрѣнія вполне понятно. И такъ какъ боги удѣляютъ людямъ счастье и несчастье по своему произволу, то очевидно, что человѣкъ, котораго безпрестанно преслѣдуетъ несчастье, ненавидитъ богамъ; съ такимъ человѣкомъ не слѣдуетъ быть въ общеніи ¹⁾).

Мысль о загробномъ возмездіи за наши поступки была въ общемъ еще чужда той эпохѣ, когда складывался эпосъ. Въ царствѣ тѣней добрыхъ и злыхъ одинаково ждетъ вѣчный мракъ, въ который не проникаетъ лучъ Геліоса; лучше здѣсь, на землѣ, быть поденщикомъ, чѣмъ тамъ, внизу,—царемъ мертвыхъ. Но если самъ преступникъ остается безнаказаннымъ, то за него несетъ кару его потомство. Эта мысль съ логической послѣдовательностью вытекала изъ солидарности членовъ рода, лежавшей въ основѣ всѣхъ правовыхъ отношеній общества, и представляла, конечно, могущественный стимулъ къ богоугодной жизни.

Такъ какъ расположеніе боговъ пріобрѣтается, главнымъ образомъ, при помощи жертвоприношеній, то соблюденіе обязанностей, налагаемыхъ культомъ, имѣло въ глазахъ грековъ гомеровскаго времени огромное значеніе. При этомъ исходили, естественно, изъ того представленія, что то самое, чѣмъ наслаждаются люди, должно доставлять удовольствіе и богамъ. И вотъ устраиваются жертвенныя пиршества: рѣжутъ быковъ и овецъ, приносятъ поджаренныя ячменныя зерна, совершаютъ возліянія,—и все съ той цѣлью, чтобы боги вкушали отъ этихъ яствъ. Очевидно, что и человѣческія жертвоприношенія, отъ которыхъ осталось такъ много слѣдовъ въ миѳологіи и въ обрядахъ культа и которыя изрѣдка повторялись еще долго даже въ историческомъ періодѣ, составляютъ остатокъ той эпохи, когда наши индо-германскіе предки еще предавались каннибализму. Позже, когда перестали употреблять въ пищу человѣческое мясо, эти жертвоприношенія получили характеръ искупительныхъ жертвъ.

Въ *Иліадѣ* разсказывается, какъ ахеяне, желая умиловить Аполлона, цѣлый день цѣли въ его честь «прекрасный пѣанъ», а Аполлонъ «слушалъ и радовался въ своемъ сердцѣ» ²⁾). Вотъ почему пѣніе, а позже и танцы и гимнастическія состязанія, сдѣлались составными частями культа. Далѣе, божество, какъ и люди, находитъ удоволь-

¹⁾ κ 75 ἐρρ', ἐπεὶ ἀθανάτοισιν ἀπεχθόμενος τὸδ' ἰκάνεις (ступай, ибо ты дошелъ до этого вслѣдствіе ненависти къ тебѣ боговъ).

²⁾ А 472.

ствіе въ драгоценностяхъ; поэтому въ торжественныхъ случаяхъ приносили, какъ жертвенный даръ, драгоценныя вещи. Уже Иліада знаетъ обычай посвящать богамъ лучшую часть военной добычи ¹⁾. Такимъ образомъ святилища наполнялись произведеніями искусства и сокровищами всякаго рода.

Грекъ гомеровскаго времени не представляетъ себѣ своихъ боговъ ни всевѣдущими, ни вседѣствующими, хотя ихъ чувства и гораздо совершеннѣе человѣческихъ. Поэтому жертву надо приносить въ такое время и въ такомъ мѣстѣ, чтобы божество было въ состояніи принять ее. Когда Зевсъ находится въ Эфіопіи или Аполлонъ въ Гиперборейской странѣ, тогда бесполезно приносить имъ жертвы въ Элладѣ. Это представленіе привело позже къ изобрѣтенію календаря. Морскимъ богамъ приносятъ жертвы на берегу моря ²⁾, рѣчнымъ—на берегахъ рѣкъ, въ которыхъ они обитаютъ, при чемъ жертва, по крайней мѣрѣ по древнѣйшему ритуалу, опускается въ воду ³⁾. Жертвы, приносимыя богамъ подземнаго міра, закапываютъ въ землю, какъ и при культѣ мертвыхъ. Тотъ, кто призываетъ этихъ боговъ, становится на колѣни и ударяетъ руками по землѣ ⁴⁾. Богамъ свѣта молятся подъ открытымъ небомъ, обративъ лицо кверху и поднимая руки. Но какъ доставлять этимъ богамъ свои жертвы? Здѣсь посредникомъ является огонь; дымъ отъ сжигаемой жертвы поднимается къ небу ⁵⁾ и, наслаждаясь запахомъ горящаго жира, божество какъ бы вкушаетъ самую жертву. Конечно, это представленіе носитъ грубый, чувственный характеръ, но такой же характеръ носятъ въ большей или меньшей степени всѣ религіозныя вѣрованія первобытныхъ, да и не однихъ первобытныхъ народовъ.

Богу можно приносить жертвы повсюду, куда простирается его власть; но человѣкъ не можетъ быть увѣренъ, что божество услышитъ его молитву и приметъ его жертву. Гораздо безопаснѣе приносить жертвы тамъ, гдѣ божество охотнѣе всего живетъ: богамъ свѣта—подъ старыми деревьями или на вершинахъ горъ и холмовъ, морскимъ богамъ—на мысахъ и небольшихъ островахъ, подземнымъ богамъ—въ пещерахъ, идущихъ вглубь земли. Такія мѣста и становятся центрами культа; ими перестаютъ пользоваться для житейскихъ

1) Н 83.

2) γ 5.

3) Φ 132.

4) Γ 568.

5) А 317 *κρίση δ' οὐρανὸν ἴκεν ἑλισσομένη περὶ καινῶ* („Жертвенный запахъ до неба достигъ вмѣстѣ съ клубами дыма.“)

цѣлей и, отмежевавъ вокругъ извѣстный участокъ земли (*τέμενος*), посвящаютъ его исключительно служенію богу. Такъ какъ жертвоприношенія совершаются всегда на одномъ и томъ-же мѣстѣ, то пепель съ теченіемъ времени образуетъ возвышеніе (*βασιός*), на которомъ съ этого времени и совершаютъ жертвоприношенія; позже, на болѣе высокой ступени культурнаго развитія, оно замѣняется каменной надстройкой.

Таковы были греческія святилища еще въ эпоху расцвѣта эпической поэзіи. Только тогда, когда усилились сношенія съ Востокомъ, начали строить богамъ настоящія жилища, «храмы»; притомъ, послѣдніе были необходимы для храненія драгоценностей, которыя безпрестанно накапливались въ священныхъ мѣстахъ. Уже около того времени, когда складывалась *Иліада*, въ греческихъ городахъ начинаютъ возникать храмы, но своей высшей точки эта строительная дѣятельность достигла уже въ болѣе позднее время.

Каждый грекъ могъ сноситься со своимъ богомъ непосредственно; но такъ какъ формы культа становились съ теченіемъ времени все болѣе сложными и запутанными, то молящемуся постоянно грозила опасность неисполненіемъ какой-нибудь формальности оскорбить божество и тѣмъ лишить жертву ея значенія. Естественно, что простой человѣкъ обращался при жертвоприношеніи за совѣтомъ къ такимъ лицамъ, которыхъ онъ считалъ компетентными въ этомъ дѣлѣ. А всякій, кто былъ посвященъ во всѣ тайны культа, передавалъ свои знанія сыну. Такимъ образомъ, съ теченіемъ времени возникло наследственное жречество, при чемъ каждая жреческая фамилія посвятила себя культу одного какого-нибудь божества и была утверждена въ этомъ званіи государствомъ; за свои труды жрецъ получалъ опредѣленную часть жертвеннаго животнаго. Женскимъ божествамъ служили, хотя и не всегда, жрицы. До образованія настоящаго жреческаго сословія, какія мы видимъ на Востокѣ, грековъ не допустилъ ихъ здравый смыслъ. Культъ грековъ никогда не извратился до такой степени, чтобы обязанности жреца поглощали всѣ силы человѣка; поэтому на ряду съ наследственными жрецами появляются избранные народомъ, и чѣмъ дальше, тѣмъ число послѣднихъ становится значительнѣе. Кромѣ того, жреческія обязанности были всегда связаны съ царскимъ достоинствомъ.

За жрецомъ слѣдуетъ прорицатель (*μάντις*). Люди искони вѣрили, что божество открываетъ человѣку свою волю въ знаменіяхъ: въ полетѣ птицъ, въ шелестѣ листьевъ на священныхъ деревьяхъ, въ молніи, громѣ и т. д. Но не всякій способенъ понимать эти знаменія; для этого нужны особыя знанія, которыя составляютъ даръ бо-

говъ и переходятъ отъ отца къ сыну, какъ всѣ знанія и искусства въ эту эпоху. Такъ какъ къ прорицателю обращались во всѣхъ важныхъ случаяхъ и безпрекословно подчинялись его рѣшенію, то онъ долженъ былъ приобрести большое вліяніе въ государствѣ. Правда, уже въ гомеровское время слышны скептическіе голоса, какъ, напри- мѣръ, знаменитыя слова Гектора, что борьба за отечество есть лучшее изъ предназначеній ¹⁾. Но такихъ скептиковъ было пока немного, и поэтъ ясно показываетъ, что не раздѣляетъ этой точки зрѣнія. Однако, Гомеръ еще ничего не знаетъ о гаданіи по внутренностямъ животныхъ, а оракулы упоминаются только въ немногихъ позднѣй- шихъ мѣстахъ ²⁾. Своего расцвѣта искусство прорицанія достигло уже послѣ завершенія эпоса, въ VII и VI столѣтіяхъ, когда рели- гіозное чувство грековъ приобрѣло наибольшее напряженіе.

¹⁾ *M* 243 εἰς οἰωνὸς ἄριστος, ἀμύνεσθαι περὶ πατρὸς („Доброе знаменье есть лишь одно—за отчизну сражаться.“)

²⁾ *I* 405, § 79 сл., τ 296.

ГЛАВА IV.

Н а р о д н ы й э п о с ь .

Мифъ и религія до VII вѣка почти исключительно занимали мысль греческаго народа, поскольку она не была поглощена борьбою за существованіе; изъ нихъ преимущественно и черпаетъ свое содержаніе поэзія. Съ другой стороны, и поэзія имѣла глубокое вліяніе на развитіе не только мифовъ, но и религіозныхъ представленій; лишь эпосъ выработалъ тѣ индивидуальныя черты каждаго бога въ отдѣльности, съ которыми онъ сохранился въ сознаніи слѣдующихъ поколѣній ¹⁾. Народная религія грековъ не знала священныхъ книгъ, но ихъ до извѣстной степени замѣняли эпопеи.

Начало греческой поэзіи несомнѣнно относится къ эпохѣ до раздѣленія племенъ, потому что эстетическія потребности, которымъ обязаны своимъ возникновеніемъ поэзія и родственныя ей искусства—музыка и оркестрика, въ такой же степени присущи человѣческому духу, какъ стремленіе познать причину окружающихъ насъ явленій; поэтому мы находимъ пѣснь и танцы у всѣхъ народовъ, которые вышли изъ глубочайшаго варварства. Итакъ, при той степени культурнаго развитія, которой индо-германское племя достигло уже передъ своимъ раздѣленіемъ на отдѣльныя вѣтви, мы должны предположить у него знакомство съ этими искусствами, хотя бы и въ самой грубой ихъ формѣ. вмѣстѣ съ языкомъ видоизмѣнялась, конечно, и поэзія, какъ у насъ за старо-верхне-нѣмецкой поэзіей слѣдовала средне-верхне-нѣмецкая, а за послѣдней ново-верхне-нѣмецкая, или какъ въ романскихъ странахъ латинскую поэзію смѣнила простонародная. При полномъ отсутствіи письменности, пѣсни, форма которыхъ устарѣла, должны были въ короткое время безслѣдно исчезать, какъ это случилось и съ нашимъ старо-верхне-нѣмецкимъ героическимъ эпосомъ.

¹⁾ Herod. II 53.

Мы уже видѣли, какъ рано поэзія стала служить культу. И естественно было, что пѣсни, которыя пѣлись для удовольствія какого-нибудь бога, имѣли своимъ содержаніемъ прежде всего прославленіе его подвиговъ. О такихъ гимнахъ упоминается у Гомера и Гесіода. Но со времени Архилоха и Терпандра эти произведенія народной религіозной поэзіи все болѣе и болѣе вытѣснялись изъ культа искусственной религіозной поэзіей и наконецъ почти совершенно исчезли ¹⁾. Дошедшіе до насъ, такъ называемые «гомеровскіе гимны» служили совершенно иной цѣли; это—прелюдіи (*προοίμια*), которыми рапсоды начинали пѣніе большихъ отрывковъ эпическихъ произведеній; въ нихъ прославлялось то божество, которому было посвящено данное празднество. Такимъ образомъ, эти гимны уже всецѣло находятся подъ вліяніемъ эпической техники; впрочемъ, даже древнѣйшіе изъ нихъ относятся къ тому времени, когда эпическая поэзія уже клонилась къ упадку.

Изъ гимна въ честь божества развилась затѣмъ героическая пѣснь, вслѣдствіе низведенія многихъ мѣстныхъ божествъ на степень героевъ. Борьба, которая первоначально велась на небѣ, теперь перенесена была на землю; при этомъ историческая правда легко могла слиться съ мифомъ, какъ въ нашей пѣснѣ о Нибелунгахъ рядомъ съ валькиріей Брунегильдой и героемъ солнечнаго цикла Зигфридомъ стоятъ король гунновъ Аттила и остготъ Теодорихъ. Изъ отдѣльныхъ героическихъ сказаній съ теченіемъ времени составлялись болѣе значительные циклы. Желаніе возбудить интересъ въ слушатель новизной сюжета ²⁾, побуждало затѣмъ поэтовъ вводить все новыхъ героевъ въ излюбленныя сказанія. Такъ, изъ героевъ нашей Илиады Несторъ и его сыновья, троянецъ Эней, ликійцы Сарпедонъ и Главкъ и много второстепенныхъ дѣйствующихъ лицъ совершенно чужды древнѣйшей редакціи поэмы ³⁾; Одиссей и Діомедъ также, по крайней мѣрѣ первоначально, не принадлежатъ къ троянскому циклу сказаній. Позднѣе, какъ извѣстно, введенъ былъ въ сказанія о битвахъ подъ Троею еще цѣлый рядъ другихъ героическихъ личностей, какъ амазонка Пенѳесилея, Мемнонь, Телефъ, Неоптолемъ и многіе другіе. Такимъ же образомъ составлялись и остальные циклы сказаній—о походѣ аргонавтовъ, калидонской охотѣ, походѣ семи противъ Фивъ и др.

¹⁾ Понятіе объ этой религіозной народной поэзіи можетъ намъ дать, напр., гимнъ, который пѣли элейскія женщины въ честь Діониса (*Bergk Lyrici Graeci* III Cap. popul. 6) *Ἐλθεῖν, ἦρω Διόνυσε, Ἄλειον ἐς ναὸν ἄγρον σὺν Χαρίτεσσιν, ἐς ναόν, τῷ βοῒφ' ὑπὸ θύαν. ἄξιε ταῦρε, ἄξιε ταῦρε.*

²⁾ α 351.

³⁾ Сравн. Niese *Hom. Poesie*. стр. 109—118.

Зачатки греческой героической пѣсни должны быть отнесены ко времени, далеко предшествовавшему возникновенію даже самыхъ древнихъ частей дошедшихъ до насъ эпическихъ произведеній, потому что уже авторъ первой книги Иліады предполагаетъ въ своихъ слушателяхъ подробное знакомство со сказаніемъ о Троянской войнѣ и рассчитываетъ на то, что Ахиллесъ, Атриды, Одиссей, Аяксъ, Гекторъ уже знакомы имъ ¹⁾. Эпическая техника уже достигла высокаго совершенства; многія выраженія и эпитеты сдѣлались постоянными, выработался художественный эпическій стихъ, гекзаметръ, которымъ пользуются съ большимъ умѣніемъ. Безъ сомнѣнія, древнѣйшей формой этого рода поэзіи была отдѣльная пѣснь, въ которой подвигъ героя прославлялся такимъ-же образомъ, какъ гимнъ воспѣвалъ дѣянія какого нибудь бога ²⁾. Гомеровскій «разсказъ о Долонѣ» или, еще лучше, Гесіодовъ «Щитъ Геркулеса» могутъ дать намъ понятіе объ этомъ родѣ эпической поэзіи, хотя оба эти произведенія относятся уже къ довольно позднему времени. Мало по малу стали воспѣвать въ болѣе длинныхъ поэмахъ цѣлый рядъ находящихся между собою въ связи дѣяній одного героя, постепенно переходя все къ болѣе сложнымъ подвигамъ.

Но уже въ классическій періодъ древности не существовалъ ни одинъ изъ этихъ зачатковъ греческой героической пѣсни; Иліада затмила всѣ подобныя былины и этимъ способствовала ихъ забвенію. Такимъ образомъ это эпическое произведеніе стоитъ во главѣ греческой, да и вообще европейской литературы. Но Иліада также не представляетъ собою произведенія одного только поэта, или даже одного лишь вѣка. Древнее, сравнительно не очень большое ядро постепенно окружалось позднѣйшими наслоеніями, причемъ въ эпосъ вставлялись и такія сказанія, которыя первоначально были чужды Иліадѣ.

Указанное древнѣйшее ядро Иліады начинается повѣствованіемъ о спорѣ царей въ греческомъ лагерѣ подъ Троей. Агамемнонъ отнимаетъ у Ахиллеса его возлюбленную Брисеиду, послѣ чего послѣдній удаляется отъ участія въ войнѣ и молить Зевса ³⁾ о дарованіи побѣды троянцамъ. Зевсъ внимаетъ его мольбѣ; происходитъ сраженіе и ахеяне оттѣсняются съ большимъ урономъ къ своему лагерю, гдѣ

¹⁾ Совершенно иначе вводятся въ разсказъ Калхасъ А 68 и Несторъ А 247: поэтъ считаетъ нужнымъ предварительно познакомить своихъ слушателей съ ними.

²⁾ *Κλέα ἀνδρῶν*, какъ называется ихъ Гомеръ (I 182).

³⁾ II 236, Σ 75. Авторы этихъ мѣстъ еще ничего не знали о просьбѣ Фетиды.

неприятели окружают их¹⁾. Когда опасность достигает высшей степени, въ сраженіи принимаетъ участіе другъ Ахиллеса Патроклъ, который падаетъ здѣсь отъ руки Гектора. Теперь, наконецъ, Ахиллесъ забываетъ свой гнѣвъ, бросается въ битву и убиваетъ Гектора «у кораблей, въ давкъ ужасной вокругъ мертваго тѣла Патрокла»²⁾.

До насъ дошло отъ этой поэмы лишь очень немного, вѣроятно только вступленіе, ссора царей, т. е. первая половина первой книги нашей Иліады³⁾. Все остальное замѣнено пѣснями позднѣйшаго происхожденія, или, во всякомъ случаѣ, загромождено ими до неузнаваемости. Ближайшій толчекъ къ этому данъ былъ стремленіемъ увеличить и превзойти эффектъ первоначальной поэмы. Такъ, молитва Ахиллеса къ Зевсу замѣнена была мольбою Фетиды, — отрывокъ, высокое поэтическое достоинство котораго заставляетъ насъ забыть о недостойной роли, какую играетъ Ахиллесъ, когда онъ, точно ребенокъ, призываетъ мать на помощь. Такія-же побужденія заставили замѣнить простую осаду греческаго лагеря битвою на стѣнахъ и у кораблей. Далѣе, пораженіе ахейцъ, хотя-бы оно предопредѣлено было Зевсомъ только ради Ахиллеса, служило камнемъ преткновенія для патріотическаго чувства поэтовъ. Въ самомъ фактѣ, конечно, ничего нельзя было измѣнить: постарались, по крайней мѣрѣ, ослабить впечатлѣніе пораженія тѣмъ, что приписали ахейцамъ множество героическихъ подвиговъ. Этому стремленію обязаны своимъ возникновеніемъ VIII и XI книги нашей Иліады; и такъ какъ объ онѣ вошли въ составъ эпоса, то ахейцы теперь подвергаются пораженію дважды, вмѣсто одного раза, какъ было первоначально. Вступленіе Патрокла въ битву также казалось не достаточно мотивированнымъ въ первоначальной поэмѣ. Поэтому дѣло представили такъ, будто Агамемнонъ пытается умиловить разгнѣваннаго героя обѣщаніемъ возратить ему Брисейду и предложеніемъ богатыхъ подарковъ; Ахиллесъ, связанный торжественной клятвой, не можетъ самъ

1) О 722, Σ 259. 446. Только объ этомъ просилъ Ахиллесъ (А 409), и Зевсъ не имѣлъ, слѣдовательно, основанія дѣлать больше. Приведенныя мѣста показываютъ, что предъ ихъ авторами была другая версія сказанія, по которой троянцы долго держали въ осадѣ неприятельское войско, между тѣмъ какъ въ дошедшей до насъ Иліадѣ троянцы остаются на равнинѣ только двѣ ночи.

2) © 475, сравн. Р 207. Являющаяся теперь совершенно излишней миссія, съ которой Антилохъ былъ посланъ къ Ахиллесу, Р 691 слл., показываетъ, что Ахиллесъ еще въ тотъ-же самый день принялъ участіе въ сраженіи.

3) А 1—244, 304—349.

оказать содѣйствія, но по крайней мѣрѣ посылаетъ на помощь ахейцамъ ¹⁾ Патрокла. Въ нашей Иліадѣ эта связь уничтожена вставкой битвы на стѣнахъ и на корабляхъ, къ которой непосредственно примыкаетъ вступленіе въ битву Патрокла. Поэтому посольство, отправленное Агамемнономъ къ Ахиллесу, должно было предшествовать этимъ битвамъ и, слѣдовательно, осталось безъ результата. Истинный мотивъ послышки Ахиллесомъ Патрокла, конечно, мифологическій, какъ мифологически обосновано и преданіе, по которому Патроклъ носитъ оружіе Ахиллеса вмѣсто своего ²⁾. Переходъ этого оружія въ руки Гектора даетъ поэту случай придумать рассказъ о томъ, какъ Гефестъ взаменъ погибшаго вооруженія выковалъ для Ахиллеса новое. И здѣсь опять лежитъ въ основаніи мифологическій мотивъ. По народному преданію Ахиллесъ, какъ и другіе солнечные герои, напр. нашъ Зигфридъ, могъ быть раненъ только въ одно мѣсто; наша Иліада съ тонкимъ тактомъ опускаетъ эту черту и замѣняетъ кожу, которую Тетида сдѣлала непроницаемой въ огненной банѣ, непроницаемымъ ³⁾ золотымъ вооруженіемъ, которое по просьбѣ Тетиды выковалъ богъ огня.

Съ внесеніемъ этого эпизода стало невозможнымъ вступленіе Ахиллеса въ битву тотчасъ послѣ смерти Патрокла, и осталось время для формальнаго примиренія съ Агамемнономъ, какъ оно изображено въ XIX книгѣ—одномъ изъ наиболѣе слабыхъ и безцвѣтныхъ отрывковъ всего эпоса. Возвращеніе Ахиллеса на поле брани украшено участіемъ боговъ въ битвѣ; послѣднее въ своей теперешней формѣ также представляетъ отрывокъ новѣйшаго происхожденія, обработанный, впрочемъ, по древнимъ мифологическимъ мотивамъ. Мѣсто смерти Гектора, которое первоначально, какъ мы видѣли, находилось около кораблей, теперь переносится къ Скейскимъ воротамъ, гдѣ гордость Трои погибаетъ на глазахъ отца и матери. Сдѣлать и жену свидѣтельницей сраженія не рѣшился даже этотъ гонящійся за эффектами поэтъ; она приходитъ, когда уже все кончено. Наконецъ, къ концу

¹⁾ Σ 448. Даже и безъ этого точнаго указанія было бы очевидно, что поэтъ, который впервые вставилъ въ Иліаду *Προεβία*, долженъ былъ преслѣдовать при этомъ опредѣленную цѣль, какою могло быть только оправданіе новой вставки—пѣсни о Патроклѣ. Клятва Ахиллеса—A 233 сл.; въ нашей Иліадѣ этотъ мотивъ опущенъ.

²⁾ Сравни *Н* 137, гдѣ Эреваліонъ, слуга (*Θερσίππων*) солнечнаго героя Ликоорга, также носитъ въ сраженіи доспѣхи своего господина. Относится ли сюда также и *Г* 333?

³⁾ *У* 264, *Ф* 165, *Х* 291.

всей поэмы, въ сравнительно позднее время, были прибавлены рассказы о торжественномъ погребеніи Патрокла и о возвращеніи трупа Гектора, между тѣмъ какъ по первоначальной редакціи убитые герои дѣлались добычей собакъ и птицъ ¹⁾).

Однако, наряду съ этими органическими прибавленіями, въ нашу Илиаду вошли и такіе отрывки, которые первоначально не имѣли ничего общаго съ пѣснью о гнѣвѣ Ахиллеса. Сюда относятся, прежде всего, двѣ отдѣльныя пѣсни: пѣснь о Долонѣ (X книга) и пѣснь о смерти Патрокла (XVI книга). О «Долоніи» еще александрійскіе ученые знали, что первоначально она составляла самостоятельную поэму. Хотя она и предполагаетъ такое положеніе дѣлъ, какое образовалось послѣ пораженія ахеянъ, однако на своемъ теперешнемъ мѣстѣ, послѣ неудачнаго посольства къ Ахиллесу, она совсѣмъ не кстати ²⁾, а въ какомъ-нибудь другомъ мѣстѣ дошедшаго до насъ эпоса—и того менѣе. Напротивъ, она была-бы очень умѣстна въ первоначальной Илиадѣ, гдѣ, какъ мы видѣли, «Патроклія» предшествовало продолжительное заключеніе ахеянъ въ ихъ лагерь. Но «Долонія» не такъ стара; напротивъ всѣ согласны, что это одна изъ новѣйшихъ частей Илиады, можетъ быть новѣйшая изъ всѣхъ, если не считать короткихъ эпизодовъ. Точно также и «Патроклія» въ ея теперешней формѣ чужда нашей Илиадѣ; въ самомъ дѣлѣ, во вступленіи къ ней повторяется рассказъ о спорѣ между Ахиллесомъ и Агамемнономъ, т. е. въ слушатель не предполагается знакомства именно съ тѣмъ событіемъ, вокругъ котораго сосредоточена вся Илиада. Смерть Патрокла несомнѣнно должна была быть описана и въ первоначальной Илиадѣ; но и въ этомъ случаѣ безыскусственный рассказъ вытѣсненъ былъ болѣе яркимъ. Позднѣйшую прибавку къ нашей «Патроклія» составляетъ рассказъ о борьбѣ изъ за трупа героя, въ XVII книгѣ ³⁾).

Если эти отрывки имѣютъ связь съ нашей, или хотя бы съ похожей на дошедшую до насъ Илиадой, то, напротивъ, содержаніе книгъ II—VII находится въ полномъ противорѣчii съ планомъ пѣсни о гнѣвѣ

¹⁾ А 4—5. Той-же цѣли, что Ψ и Ω, служитъ также и *Νεκρῶν ἀναίρεσις* въ Н.

²⁾ Авторъ „Долоніи“ еще не знаетъ о посольствѣ; или по крайней мѣрѣ принимаетъ, что оно еще не отправлено, сравн. К 106.

³⁾ Наша „Патроклія“ заключаетъ въ себѣ много вставокъ для связи съ предыдущимъ: 101—129, 286, 293—351, 358—369, 510—531, 602—632 и, можетъ быть, еще нѣкоторыя другія. Но вычеркнуть рассказъ о Сарпедонѣ значитъ лишить Патрокла его главнаго геройскаго подвига. „Патроклія“ не знаетъ о *Προσβεία*, хотя предполагаетъ изложенныя въ А и М событія, что впрочемъ, ни въ какомъ случаѣ не доказываетъ, что поэтъ имѣлъ передъ собою эти двѣ пѣсни въ ихъ теперешнемъ видѣ.

Ахиллеса. Рѣшеніе Зевса—ради Ахиллеса доставить побѣду троянцамъ—совершенно забыто; несмотря на то, что Ахиллесъ держится въ сторонѣ, ахейцы сражаются съ блестящимъ успѣхомъ, и героемъ этого дня является Діомедь. Съ другой стороны, кромѣ нѣкоторыхъ новѣйшихъ отрывковъ или вставленныхъ мѣстъ, нигдѣ нѣтъ указанія на рассказанныя здѣсь событія, хотя поводовъ къ этому можно было найти не мало. А между тѣмъ эти книги—не продуктъ позднѣйшаго творчества, а принадлежатъ къ наиболее цѣннымъ въ художественномъ отношеніи частямъ эпоса. Такимъ образомъ, необходимо придти къ заключенію, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ пѣснями, которыя были сочинены безъ всякаго отношенія къ пѣснѣ о гнѣвѣ Ахиллеса и вставлены въ нее впослѣдствіи, когда уже остальная Иліада приняла въ общемъ свой теперешній видъ.

Ядромъ этой вставки служитъ замкнутый циклъ (II—VI книги), отрывокъ эпической поэмы, изображавшей паденіе Иліона. Агамемнонъ, безуспѣшно осаждавшій городъ въ теченіе десяти лѣтъ, теряетъ надежду на успѣхъ своего предпріятія и призываетъ войско къ возвращенію ¹⁾. Одиссей убѣждаетъ ахейянъ остаться, и составляется планъ рѣшительнаго нападенія на Трою. Когда войска сходятся, троянцы предлагаютъ посредствомъ поединка между Менелаемъ и Парисомъ рѣшить, кому должна принадлежать Елена. Ихъ предложеніе принимается, и Менелай побѣждаетъ. Теперь боги обсуждаютъ участь города; Зевсъ хотѣлъ бы его спасти, но Гера и Аѣина настаиваютъ на гибели Трои. Наконецъ, Зевсъ уступаетъ, и троянцы, по наущенію Аѣины, нарушаютъ договоръ; они измѣннически ранятъ Менелая и не выдаютъ Елены. Начинается сраженіе, въ которомъ на ахейской сторонѣ передовымъ бойцомъ выступаетъ Діомедь. Троянцы въ большой опасности; тщетно знатныя женщины города обращаютъ свои молитвы къ Аѣинѣ. Гекторъ, пришедшій въ городъ, чтобы устроить это молебствіе, какъ послѣднее средство спасенія, прощается со своей женой Андромахой. Этимъ кончается дошедшій до насъ отрывокъ.

Этотъ эпизодъ вдвигается въ поэму о гнѣвѣ Ахиллеса совершенно внѣшнимъ образомъ. За рассказомъ о томъ, какъ Зевсъ, чтобы исполнить данное Фетидѣ обѣщаніе, побудилъ Агамемнона обманчивымъ сномъ къ нападенію на Трою, непосредственно слѣдуетъ сцена военнаго совѣта, на которомъ царь призываетъ свою армію къ возвра-

¹⁾ Πείραxъ въ той связи, въ какой она дошла до насъ, совершенно бессмысленна; она становится понятною только въ томъ случаѣ, если предположить, что Агамемнонъ въ самомъ дѣлѣ желалъ возвращенія. Сравни. Э 65—81.

щенію на родину,—пробѣлъ настолько глубокой, что онъ бросается въ глаза даже невнимательному читателю. Такъ же неожиданно въ другомъ мѣстѣ вставки внезапно прекращается побѣдоносная дѣятельность Діомеда; ахейцы, включая и самого Діомеда, вдругъ начинаютъ бояться Гектора, и лишь одинъ Аяксъ рѣшается на борьбу съ нимъ, которая затѣмъ описывается совершенно по образцу поединка между Менелаемъ и Парисомъ. Поединокъ не приводитъ ни къ какому результату, такъ какъ онъ прерывается наступленіемъ ночи. Затѣмъ слѣдуетъ перемиріе для погребенія павшихъ—отрывокъ очень поздняго происхожденія, и, наконецъ, первое пораженіе ахейанъ, которое относится уже къ числу эпизодовъ, вставленныхъ въ сказаніе объ Ахиллесѣ.

Конечно и эта часть Иліады заключаетъ въ себѣ множество болѣе позднихъ вставокъ. Онѣ имѣютъ цѣлю, преимущественно, познакомить слушателя съ героями ахейскаго войска. Такова «Тейхоскопія», въ которой Елена показываетъ своему тестю Пріаму нѣкоторыхъ изъ непріятельскихъ военачальниковъ; далѣе смотрѣ, сдѣланный войскамъ Агамемнономъ, и особенно списокъ кораблей, къ которому позже былъ прибавленъ еще списокъ троянцевъ. Кромѣ того, здѣсь, какъ и повсюду въ Иліадѣ, есть много поправокъ, которыя, къ сожалѣнію, вытѣснили не одинъ старый отрывокъ. Дѣло въ томъ, что поэтъ, вставившій отрывокъ изъ поэмы о паденіи Иліона въ пѣснь о гнѣвѣ Ахиллеса, долженъ былъ, разумѣется, позаботиться о томъ, чтобы уничтожить всѣ противорѣчія между вставкой и «Ахиллеидой». И въ отдѣльных мѣстахъ это отлично удалось ему; но онъ не могъ, конечно, устранить противорѣчія во всемъ планѣ обѣихъ поэмъ.

Другое великое произведеніе народнаго эпоса, сохранившееся до нашего времени, Одиссея ¹⁾, въ общемъ моложе Иліады, т. е. относится къ эпохѣ, когда эпическая техника достигла уже большаго развитія. По этой причинѣ уже ядро Одиссеи имѣетъ гораздо больший объемъ, чѣмъ древнѣйшая Иліада, и менѣе затронуто позднѣйшими передѣлками. Ядро это обнимало собою скитанія Одиссея и умерщвленіе жениховъ. Какъ извѣстно, въ нашей теперешней Одиссеей самъ герой рассказываетъ у феаковъ о своихъ приключеніяхъ. Это указываетъ уже на высокую степень поэтическаго творчества; и дѣйствительно, можно доказать, что эта форма ни въ какомъ случаѣ не была

¹⁾ Основными работами являются изслѣдованія Кирхгофа (*Die homerische Odyssee* 2. Aufl., Berlin 1879), дополненные и исправленные въ нѣкоторыхъ пунктахъ Виламовицемъ (*Homeriche Untersuchungen* Berlin 1884). Я придерживался результатовъ этихъ изслѣдованій, поскольку считаю ихъ доказанными.

перво начальной, потому что часть рассказа совершенно механически редѣлана съ третьяго лица на первое, т. е. поэтъ нѣкогда самъ перазказывалъ то, что теперь вложено въ уста Одиссея. Что при этомъ рассказъ все больше украшался, что постоянно придумывались новыя приключенія,—это совершенно въ характерѣ развитія всякой эпической народной поэзіи. Такъ на примѣръ, эпизодъ о Калипсо является позднѣйшею прибавкой, имѣющей цѣлью довести продолжительность скитаній Одиссея до десяти лѣтъ. Первоначально герой лишь разъ терпѣлъ кораблекрушеніе и тотчасъ попадалъ къ феакамъ на Схерію ¹⁾. Въ особенности «Некія», которая въ своей основѣ, эпизодъ о Тиресіѣ, принадлежитъ далекой древности, такъ какъ сошествіе въ подземное царство составляетъ самую главную составную часть всего міаа объ Одиссеѣ,—украшена очень обширными приставками, сдѣланными отчасти уже въ довольно позднее время. Умерщвленію жениховъ предшествовала въ древнѣйшей поэмѣ встрѣча Одиссея съ Пенелопой ²⁾; послѣдняя устраиваетъ, по приказанію мужа, состязаніе въ стрѣльбѣ лукомъ Одиссея и обѣщаетъ побѣдителю свою руку; но никто не въ состояніи натянуть лукъ, кромѣ самого Одиссея, который и направляетъ свои выстрѣлы въ жениховъ.

Къ этому ядру Одиссея въ послѣдствіи, какъ и въ Илиадѣ, примкнули многочисленныя прибавки, матеріалъ для которыхъ давали отчасти другія обработки легенды объ Одиссеѣ. Мы уже видѣли, какъ украшенъ былъ рассказъ о странствованіяхъ. Пребываніе у феаковъ дало поводъ къ подробному описанію празднествъ тамъ въ честь героя. Повѣсть о томъ, какъ Одиссей въ описывается чрезвычайно обстоятельно, и даже падаетъ удовольствіе въ томъ, чтобы до отвращенія подробно нарисовать роль нищаго, которую Одиссей принужденъ играть въ собственномъ домѣ. Сцена встрѣчи съ Пенелопой переносится, ради усиленія эффекта, къ концу поэмы и помѣщается послѣ умерщвленія жениховъ. Но главное — въ образѣ Одиссеева сына Телемаха въ эпосъ вводится новое выдающееся дѣйствующее лицо. Правда, рядомъ съ Одиссеемъ ему нѣтъ мѣста для какого-нибудь рѣшительнаго вмѣшательства въ дѣйствіе; его подвиги ограничиваются лишь совершенно безцѣльною поѣздкой въ Пилосъ и Спарту, гдѣ онъ пользуется гостепріимствомъ Нестора и Менелая; кромѣ того, онъ конечно содѣйствуетъ отцу при умерщ-

¹⁾ τ 273—280, сравн. Wilamowitz *Hom. Unters.* стр. 128.

²⁾ ω 167.

вленіи жениховъ. Наконецъ, уже въ довольно позднее время, для устраненія возможныхъ сомнѣній со стороны слушателей, одинъ рапсодеъ прибавилъ къ Одиссеѣ эпилогъ, въ которомъ изображается свиданіе Одиссея съ его престарѣлымъ отцомъ Лаэртомъ и примиреніе героя съ родственниками убитыхъ жениховъ.

Къ Иліадѣ и Одиссеѣ примыкалъ еще цѣлый рядъ другихъ эпоей, которыя впоследствии объединялись подъ именемъ «эпического цикла». «Кипріи» описывали событія, предшествовавшія троянской войнѣ, до того момента, съ котораго начинается наша Иліада; «Эѳіопида» и примыкающее къ ней «Разрушеніе Иліона» (*Ἰλίου πέρις*) составляли продолженіе Иліады до взятія Трои. То-же содержаніе имѣла и такъ называемая «Малая Иліада». «Носты» разсказывали о возвращеніи героевъ изъ-подъ Трои, а «Телегонія» повѣствовала о послѣднихъ судьбахъ Одиссея.

Никакой другой циклъ сказаній не вызвалъ такой обширной эпической литературы. Пѣсни о путешествіи аргонавтовъ, бывшія уже у всѣхъ на устахъ ¹⁾ въ то время, когда складывалась Одиссея, рано были забыты. Той же участи подверглись и пѣсни, прославлявшія подвиги Геркулеса; онѣ были вытѣснены искусственнымъ эпосомъ, который особенно охотно обращался къ этому сюжету. Долше удержались эпическія произведенія эвванскаго цикла сказаній, повѣствовавшія объ Эдипѣ и его трагической судьбѣ, о походѣ семи противъ *Фивъ* и о покореніи города, которое наконецъ удалось сыновьямъ этихъ героевъ ²⁾. Если эти поэмы и не могли соперничать съ Иліадой и Одиссеей, то онѣ во всякомъ случаѣ имѣли глубокое вліяніе на развитіе пластическихъ искусствъ и драматической поэзіи.

Вся эта масса поэмъ распространялась анинимно, безъ имени авторовъ. Да и могло ли быть иначе въ эпоху, когда еще не существовало письменной литературы? Эти пѣсни пѣлись пѣвцами подъ аккомпаниментъ арфѣ: въ залѣ, во время торжественнаго пиршества, — для князей, и подъ открытомъ небомъ, на рынкѣ, — для народа. Часто пѣвцомъ былъ самъ поэтъ, какъ напр. Фемій или Демодокъ у Гомера; а если онъ имъ и не былъ, развѣ кто-нибудь спрашивалъ объ этомъ? Даже на высотѣ своего культурнаго развитія греки очень мало уважали литературную собственность; что же могло помѣшать пѣвцу въ то отдаленное время присвоить себѣ и публично пѣть пѣснь, имѣвшую успѣхъ? Жажда публики слышать каждый разъ что-нибудь новое

¹⁾ *μ 70 Ἄργω πᾶσι μέλουσα.*

²⁾ *Bethe Thebanische Heldenthaten Leipzig 1891.*

еще способствовала тому, что пѣсни лишь рѣдко оставались безъ измѣненія болѣе или менѣе продолжительное время, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока еще билъ ключемъ живой родникъ эпического творчества.

Когда въ послѣдствіи проснулось желаніе узнать, кто былъ авторомъ упомянутыхъ эпоей, то отвѣтомъ на этотъ вопросъ затруднялись такъ же мало, какъ и отвѣтомъ на вопросъ объ основателѣ какого-нибудь города или объ авторѣ древнихъ законовъ. Поэмы троянскаго и еиванскаго цикла сказаній сочинилъ Гомеръ, герой-эпонимъ фамиліи пѣвцовъ Гомеридовъ, родиной которыхъ былъ островъ Хіосъ ¹⁾, откуда они впрочемъ разсѣялись по другимъ іоническимъ городамъ, благодаря чему и послѣдніе считали себя родиной Гомера. Весьма вѣроятно, что эта фамилія играла особенно выдающуюся роль въ развитіи эпической героической пѣсни, и что *Иліада* и *Одиссея* обязаны ей своимъ возникновеніемъ и дальнѣйшею обработкой. Въ этомъ смыслѣ и мы можемъ сказать, что обѣ великія эпоеи—и не только ихъ ядро—принадлежать Гомеру.

Съ пробужденіемъ науки, въ V вѣкѣ, стали возникать сомнѣнія, дѣйствительно ли Гомеръ былъ авторомъ всей массы эпоей, которыя циркулировали подъ его именемъ и которыя были такъ различны по формѣ и содержанію. Геродотъ старается доказать, что «Кипрій» не могли быть сочинены Гомеромъ, и выражаетъ сомнѣніе въ подлинности «Эпигоновъ» ²⁾. Въ теченіе IV столѣтія этотъ взглядъ сталъ всеобщимъ; отнынѣ только *Иліада* и *Одиссея* считались произведеніями Гомера,—для всѣхъ остальныхъ эпическихъ стихотвореній его авторство отрицалось. Чтобы заполнить освободившееся мѣсто, найдены были другія имена: какой-то Стасинъ былъ будто бы авторомъ Кипрій, Арктинъ сочинилъ Эіопиду, Лесхъ—Малую *Иліаду* и т. д. Характерно, что всѣ эти поэты были лишь теперь открыты, между тѣмъ какъ Геродотъ, по крайней мѣрѣ, о Стасинѣ еще ничего не знаетъ ³⁾.

¹⁾ Акусийай и Гелланикъ у Гарпократіона *Ὀμηρίδαι*; нѣтъ основанія отнестись недовѣрчиво къ этому указанію. Этимологія родового имени конечно такъ же шатка, какъ и вообще во всѣхъ подобныхъ именахъ; возможно, что оно произведено отъ *ὀμηρεῖν* въ томъ значеніи, въ какомъ это слово встрѣчается у Hesiod. *Theogon.* 39, то есть, что и этотъ родъ получилъ имя по своему занятію. Позже всѣ вообще рапсоды называли себя Гомеридами (Pind. *Nem.* II 1, Platon *Ion* 530 d., Suidas), подобно тому, какъ всѣ врачѣ—Асклепіадами.

²⁾ Herod. II 17, IV 32.

³⁾ Wilamowitz *Hom. Unters.* стр. 328 слл.

Во всякомъ случаѣ, не подлежитъ сомнѣнію, что героическій эпосъ получилъ свое развитіе въ Малой Азіи. Возможно, что о похищеніи Елены, о гнѣвѣ Ахиллеса, о странствованіяхъ Одиссея пѣли еще на родинѣ, до переселенія; но группировка всѣхъ этихъ мифовъ вокругъ войны съ Троей могла произойти лишь на азіатской почвѣ. Въ этомъ выражается воспоминаніе о продолжительной борьбѣ, которую пришлось вести греческимъ поселенцамъ съ коренными жителями страны изъ-за обладанія берегомъ¹⁾. Къ тому же поэты отлично знакомы съ Троадой. Они знаютъ множество мѣстныхъ именъ; они изображаютъ Скамандръ и орошаемую имъ равнину совершенно такими, какими мы видимъ ихъ еще въ настоящее время²⁾; они не забываютъ даже обратить вниманіе на многочисленные курганы, которые такъ характерны для этой мѣстности. Картина побережья Геллеспонта, какъ оно изображено во введеніи къ XIII пѣснѣ, могла быть нарисована только очевидцемъ или по разсказу такового³⁾. А что въ томъ мѣстѣ,

1) Борьба велась, конечно, не исключительно и даже не главнымъ образомъ изъ-за обладанія Троей; напротивъ, завоеваніе этой области удалось, повидимому, лишь въ VIII и VII вѣкѣ. Сравн. ниже, гл. VI.

2) Hercher (*Hom. Aufsätze* Berlin 1881) не сталъ бы утверждать противнаго, если бы самъ былъ въ Троѣ. Если Скамандръ въ доисторическое время и протекалъ параллельно Калифатли Асмаку, непосредственно мимо Илиона, то въ то время, когда создавалась Илиада, онъ занималъ уже свое теперешнее русло по западному краю равнины. Дѣйствительно, сраженія происходятъ все время на пространствѣ между городомъ и мѣстомъ стоянки кораблей, и однако мы ни разу не слышимъ о переходѣ черезъ рѣку. Ф 1—11 не доказываетъ противнаго. Ахиллесъ прорывается здѣсь черезъ центръ боевой линіи троянцевъ; одно крыло оттѣсняется по направленію къ городу, другое гибнетъ въ Скамандрѣ; слѣдовательно, поэтъ представлялъ себѣ городъ и рѣку расположенными на противоположныхъ концахъ равнины, совершенно такъ, какъ мы это видимъ теперь. Сообразно съ этимъ въ Δ 498 слл. лѣвое крыло троянцевъ упирается въ Скамандръ, потому что *μάχης ἐπ' ἀριστερά πάσης* непременно должно относиться къ троянскому войску, такъ какъ рѣчь идетъ о Гекторѣ. Если же Приамъ на пути къ Ахиллесу переправляется черезъ рѣку (Ω 692 сравн. 351), то это объясняется тѣмъ, что лагерь Ахиллеса помѣщали на Ахиллеѣ, расположенномъ на лѣвомъ берегу рѣки. Такимъ образомъ, и въ этомъ случаѣ обнаруживается точное знакомство съ мѣстностью. Что при этомъ встрѣчается та или иная подробность, противорѣчающая природѣ страны,—этому не слѣдуетъ удивляться въ эпическомъ произведеніи, надъ которымъ работало столько поэтовъ; но вѣрность картины въ ея цѣломъ этимъ не нарушается. Сравн. особенно Virchow, *Beiträge zur Landeskunde der Troas. Abh. der Berl. Akad.* 1879, который впрочемъ другого мнѣнія о направленіи Скамандра.

3) N 12—14 *ὑποὶ ἐπ' ἀκροτάτης κρηφῆς Σάμου ὑλέσεως Θρηκίης ἐνθεν*

которое въ продолженіе всей древности было извѣстно подъ именемъ Иліона, въ до-историческое время дѣйствительно существовалъ выдающійся культурный центръ,—это, какъ извѣстно, неопровержимо доказано раскопками послѣднихъ лѣтъ.

Далѣе, языкъ эпоса не оставляетъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что послѣдній въ дошедшемъ до насъ видѣ возникъ въ Іоніи, что, кромѣ того, подтверждается нѣкоторыми намеками мѣстнаго характера ¹⁾. Это не исключаетъ возможности, что въ сочиненіи позднѣйшихъ частей Одиссеи и эпоей цикла принимали участіе также поэты изъ другихъ областей Греціи,—какъ, съ другой стороны, сказанія, составляющія содержаніе Иліады, можетъ быть отчасти были занесены къ іонянамъ съ сосѣдняго Лесбоса, который лежитъ такъ близко къ Троѣ.

Точное опредѣленіе времени возникновенія эпоей такъ же мало возможно, какъ и вообще подобныя опредѣленія въ области древнѣйшей греческой исторіи; до-историческая эпоха допускаетъ лишь относительную хронологію. Иліада въ общемъ древнѣе Одиссеи, которая заимствовала у нея множество формулъ и цѣлыхъ стиховъ, да и вообще въ цѣломъ отражаетъ болѣе высокую степень культурнаго развитія. Эпическій циклъ троянскихъ сказаній такъ же, какъ мы видѣли, уже предполагаетъ существованіе нашей Иліады. Поэты VII вѣка, напр. Архилохъ и Тиртей, были уже знакомы по крайней мѣрѣ съ большою частью Иліады и Одиссеи ²⁾; слѣдовательно, ядро обѣихъ эпоей должно было возникнуть никакъ не позже VIII вѣка. Но возможно, что оно восходитъ и къ болѣе раннему времени, и даже вѣроятно, что древнѣйшія пѣсни Иліады принадлежатъ еще IX вѣку. Съ другой стороны, конецъ Одиссеи указываетъ уже на существованіе правильныхъ торговыхъ сношеній съ Сициліей ³⁾, которыя могли развиваться лишь съ началомъ греческой колонизаціи ос-

υὰρ ἐφαίνετο πάσα μὲν Ἴδη, φαίνετο δὲ Πριάμοιο πόλις καὶ νῆες Ἀχαιῶν.
(„Сидя на крайней горѣ Самоеракіи, славной лѣсами; Съ этого мѣста предъ нимъ вдалекѣ открывалась вся Ида, Также весь городъ Приама и флотъ быстроходный Ахеянъ“). Дѣйствительно, вершина Самоеракіи (1600 м.) представляетъ на ряду съ Идой величайшую возвышенность на Геллеспонтѣ и видна изъ-за невысокаго Имбра какъ съ мѣста стоянки греческихъ кораблей, такъ и со стороны Трои.

¹⁾ В 461 упоминается асійскій лугъ у Каистра, Δ 142—меонійская или карійская рабыня, Υ 404—праздникъ геликонскаго Посейдона, Ω 615—Сипиль.

²⁾ Сравн. X 71 слл. съ Turf. fr. 10, 19—30, σ 136 съ Archil. fr. 70, ζ 412 съ Archil. fr. 64.

³⁾ ν 383, ω 211. 307. 366. 389.

трова; слѣдовательно это произведеніе едва - ли было закончено ранѣе VII вѣка. А отдѣльные отрывки, какъ напр. орфійская интерполяція въ «Некіи», относятся, можетъ быть, еще къ болѣе позднему времени. Въ VII столѣтіи—во всякомъ случаѣ, не позже конца его—былъ сочиненъ и списокъ кораблей въ Иліадѣ, потому что между фокейскими городами онъ упоминаетъ «священную Крису», которая была разрушена около 590 г. Когда были впервые записаны эпическія пѣсни, мы не знаемъ; но такъ какъ до IV вѣка онѣ сохранялись, главнымъ образомъ, путемъ устной передачи, то онѣ не могли избѣжать многочисленныхъ мелкихъ измѣненій, которыя затѣмъ попали отчасти и въ писанные экземпляры. Только александрійскіе филологи возстановили текстъ въ томъ видѣ, какъ мы въ общемъ читаемъ его еще теперь ¹⁾).

1) О томъ, какой видъ имѣли тексты, обращавшіеся въ народѣ до александрійской эпохи, даетъ намъ теперь понятіе найденный въ Гуробѣ въ Файумѣ отрывокъ папируса изъ А (*Mahaffy on the Flinders Petrie Papyri. Royal Irish Academy, Cunningham Memoirs VIII 1891, E. Meyer Hermes 27 (1892) стр. 363 слл.*).

Г Л А В А V.

Традиціонная исторія греческой древности.

Пѣвцы эпоса, какъ и ихъ слушатели, не имѣли еще никакого представленія о томъ, какая пропасть отдѣляетъ исторію отъ мифа. Троянская война, походъ Семи противъ Фивъ, странствованія Одиссея и Менелая представлялись имъ историческою дѣйствительностью, и они такъ-же твердо вѣрили, что Ахиллесъ, Діомедъ, Агамемнонъ и всѣ прочіе герои нѣкогда дѣйствительно жили, какъ швейцарскій народъ до недавняго времени вѣрилъ въ своего Телля или Винкельрида. Вообще, до IV вѣка едва-ли кто нибудь въ Греціи рѣшался отнестись скептически къ этимъ преданіямъ. Даже такой критическій умъ, какъ Фукидидъ, еще совершенно находится подъ вліяніемъ эпического преданія — до того, что онъ производитъ статистическое изслѣдованіе относительно величины арміи Агамемнона и старается выяснитъ вопросъ, какимъ образомъ могли быть прокормлены подобныя массы въ продолженіе десятилѣтней осады Трои.

Но изображаемый въ эпосѣ міръ принадлежалъ неизмѣримо-далекому прошлому. Люди были въ то время гораздо сильнѣе, чѣмъ «живущіе теперь»; боги еще спускались на землю и не гнушались рождать сыновей отъ смертныхъ женщинъ. Настоящее и то, что знали изъ устныхъ преданій о недалекомъ прошломъ, теряло всякій интересъ въ сравненіи съ этой великой стариной; и если эпосъ иногда обращался къ историческимъ воспоминаніямъ, онъ переносилъ событія въ героическое время и тѣсно сливалъ ихъ съ мифомъ. Какимъ образомъ настоящее развилось изъ героической эпохи, — этимъ вопросомъ поэты и ихъ современники еще не задавались.

Наступило однако время, когда этотъ вопросъ былъ поставленъ.

Теперь захотѣли узнать, почему Греція въ историческое время была такъ мало похожа на ту, какой она изображена у Гомера, — почему напр. Гомеру еще неизвѣстна Фессалія, почему онъ населяетъ Арголиду ахеянами, а не дорянами, почему у него въ Аргосѣ и Спартѣ царствуютъ потомки Пелопса, а не Геркулеса. Въ этихъ вопросахъ сказывается первое пробужденіе историческаго интереса.

Но въ вопросѣ заключался уже и отвѣтъ. Ясно было, что послѣ Троянской войны большая часть греческихъ племенъ погинула свои старыя мѣста, и что Эллада со времени этой войны стала ареной настоящаго переселенія народовъ. Однако на одномъ этомъ фактѣ не могли успокоиться. Хотѣли знать также и причину переселеній и ближайшія обстоятельства, сопровождавшія ихъ. Народу, одаренному такой живой сообразительностью, не трудно было отвѣтить на это.

Уже безцвѣтность всѣхъ подобныхъ рассказовъ достаточно доказываетъ, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ простымъ умозаключеніемъ, а не съ истиннымъ народнымъ сказаніемъ. Напримѣръ, о переселеніи фессалійцевъ въ долину Пеней передаютъ лишь голый фактъ: его было достаточно, чтобы объяснить, почему «пеласгическій Аргосъ» Гомера назывался въ историческое время Фессаліей. Переселенцы должны были, конечно, имѣть предводителя, и во главѣ ихъ поставили Фессала¹⁾, эпонима племени: одной этой черты достаточно, чтобы весь рассказъ признать позднѣйшей выдумкой. Далѣе, откуда нибудь да должны-же были придти фессалійцы; такъ какъ Гомеръ знаетъ племена, живущія къ югу отъ Термопилъ, уже на тѣхъ мѣстахъ, которыя они занимали въ историческое время, а изъ Фракіи и Иллиріи невозможно было выводить греческое племя, то родину побѣдителей оставалось искать только въ Эпирѣ. Это было тѣмъ естественнѣе, что названіе Фессаліи дѣйствительно принадлежало сначала только Фессаліотидѣ, области, примыкавшей къ Фарсалу и Кіеріи и граничившей съ Эпиромъ, и лишь отсюда распространилось на остальныя части страны (см. ниже глава IX).

Еще характернѣе, пожалуй, рассказъ о переселеніи беотійцевъ. По Гомеру въ Фивахъ жили кадмейцы, въ Орхоменѣ — минійцы; отсюда слѣдовало, что беотійцы, какъ и фессалійцы, переселились сюда лишь послѣ Троянской войны. Между тѣмъ въ Беотіи сплошь и рядомъ встрѣчаются фессалійскія мѣстныя имена и богослужебные обряды; поэтому не было ничего проще, какъ сдѣлать родиной беотійцевъ Фессалію, чѣмъ за одно рѣшался и вопросъ о томъ, что стало съ

¹⁾ Polyaeu. I 12.

кореннымъ населеніемъ Фессаліи послѣ вторженія фессалійцевъ. Правда, другіе видѣли это коренное населеніе въ крѣпостныхъ крестьянахъ (пенестахъ) фессалійскихъ дворянъ; но оба эти взгляда легко можно было примирить—стоило только допустить, что одна часть прежнихъ жителей страны была порабощена, а другая часть выселилась. Между тѣмъ уже Гомеръ знаетъ беотійцевъ на тѣхъ мѣстахъ, которыя они занимали въ историческое время ¹⁾. Это въ свою очередь заставило предположить, что часть народа еще до Троянской войны переселилась въ Беотию ²⁾; нѣкоторые же думали, наоборотъ, что беотійцы послѣ Троянской войны были изгнаны пеласгами и еракійцами изъ Беотіи и вернулись туда черезъ нѣсколько поколѣній ³⁾. Изъ этого примѣра мы ясно видимъ, въ какой зависимости отъ эпоса находятся всѣ подобныя комбинаціи.

Такой же характеръ носить разсказъ о переселеніи элейцевъ. Элида—древнее областное названіе; слѣдовательно, внѣ Элиды никогда не могло быть элейцевъ. Но Гомеръ называетъ жителями этой страны эпейцевъ, и на этомъ основаніи разсказывали, что элейцы пришли въ Пелопоннесъ лишь послѣ Троянской войны изъ Этолїи, гдѣ Оксила, мифическаго родоначальника элейской династіи, также почитали какъ героя ⁴⁾. По другой версіи, наоборотъ, Этолїя была заселена выходцами изъ Элиды; изъ комбинаціи этихъ двухъ преданій и явилось потомъ предположеніе, что элейцы сначала переселились въ Этолїю, а спустя десять поколѣній вернулись на старое мѣсто ⁵⁾. Въ дѣйствительности же гомеровскіе эпейцы были ничто иное, какъ жители Эпея въ Трифиліи, имя которыхъ было перенесено на населеніе окрестной области, подобно названію сосѣднихъ пилосцевъ ⁶⁾—что объясняется скудостью свѣдѣній, которыми обладали іонійскіе рапсоды объ этихъ западныхъ частяхъ Пелопоннеса.

Далѣе, такъ какъ Гомеръ не знаетъ въ Пелопоннесѣ дорянъ, то очевидно населеніе, жившее въ Арголідѣ и Лаконіи въ историческое время, должно было придти туда лишь послѣ Троянской войны; оставалось только рѣшить, откуда. Это было не трудно, такъ какъ въ

¹⁾ E 708 слл., кромѣ того—въ спискѣ кораблей.

²⁾ Thuc. I 12.

³⁾ Diod. XIX 53, Ephor. у Strab. IX 401, сравн. E. Meyer *Forschungen* I. стр. 11.

⁴⁾ Nikandr. *Metam.* fr. 41 Schn. у Anton. Lib. 32, Ovid. *Metam.* IV 331 слл.

⁵⁾ Ephor. fr. 29 у Strab. X 463 сл.

⁶⁾ Meister *Gr. Dial.* II стр. 5.

средней Греции между Этой и Парнасомъ была небольшая горная область, жители которой назывались дорьянами, подобно греческимъ колонистамъ на карійскомъ побережьи. Въ этомъ фактѣ нѣтъ ничего страннаго, потому что, когда одинъ и тотъ же языкъ господствуетъ на обширномъ пространствѣ, одинаковыя мѣстныя имена по необходимости должны повторяться, въ чемъ можно убѣдиться изъ любого топографическаго словаря ¹⁾). Подобныя омониміи однако не доказываютъ, что между жителями такихъ мѣстностей существуетъ особенно близкое родство; но онѣ играли выдающуюся роль при возникновеніи греческихъ племенныхъ преданій ²⁾).

Итакъ, указаннымъ путемъ опредѣлили родину дорянъ. Далѣе нужно было еще найти причину, побудившую ихъ такъ далеко ³⁾ искать новыхъ мѣстъ для поселенія. Въ тѣсной связи съ этимъ стоялъ вопросъ, какимъ образомъ потомки Геракула достигли господства надъ Аргосомъ, Спартой и Мессеной. Отвѣтъ на эти вопросы даетъ мифъ о возвращеніи Гераклидовъ. Преданіе рассказываетъ, что Гераклъ принадлежалъ къ аргосской правящей династіи, но былъ лишенъ своихъ правъ на престолъ и умеръ въ изгнаніи; его сыновья ⁴⁾, или, какъ думали позднѣе по хронологическимъ причинамъ, его пра-

1) Такъ, напримѣръ, ессалийскія мѣстныя имена повторяются почти во всѣхъ остальныхъ частяхъ греческаго полуострова: въ Беотіи *Θῆβαι*, *Κορώνεια*, *Κυρῶνη*, *Ἵουχηστός*, *Ἵορχομενός*; въ Эвбей *Ἐρετρία*, *Ἴστιαία*, *Μητρόπολις*, *Ἵορχομενός* (около Кариста); въ Локридѣ *Ἀλόπη*; въ Фокидѣ *Ἀντίκυρα*, *Ἐλάτεια*; въ Этоліи *Ἄτραξ*; въ Акарнани *Μητρόπολις*; въ Эпирѣ *Ἐύρωμεναί*, *Ἴτωνος*, *Περραιβοί*; въ Македоніи *Ἐπιλεύς*; въ Элидѣ *Ἐπιλεύς*, *Ἵοσσα*, *Πηγεῖος*, *Πτελεών*; въ Мессеніи *Ἰθάμη*, *Κορώνη*, *Μεθώνη*; въ Аркадіи *Ἀλέα*, *Μεθόδιον*, *Ἵορχομενός*; въ Арголідѣ *Ἄργος*, *Ἴναχος*, *Λάρισα*; въ Ахей — самое названіе страны. Этотъ списокъ можно было бы еще значительно пополнить даже на основаніи того скуднаго матеріала, который мы имѣемъ въ своемъ распоряженіи.

2) *Rh. Mus.* 1890 стр. 563. Преданіе о происхожденіи пелопоннескихъ дорянъ отъ дорянъ, жившихъ у подошвы Эты, совершенно аналогично съ преданіями, производившими кипрскій Саламинъ отъ одноименнаго острова у аттическаго берега, іонійскую Фокею — отъ Фокиды, италійскую Пису отъ Писы на Алфей, иберійскій Заканоъ отъ Закинеа. Последніе примѣры доказываютъ, что топографическія омониміи могутъ встрѣчаться и въ областяхъ распространенія совершенно различныхъ языковъ.

3) *Ἐκὰς πάτρης*, какъ говорится въ эпическомъ стихотвореніи *Αεγυῖος* (fr. 8 стр. 85 Kinkel).

4) Тлеполема, родоначальникъ родосской династіи, который основалъ на островѣ колонію изъ аргосскихъ поселенцевъ, называется у Гомера сыномъ Геракла (*E* 628, *B* 657 сл.). Еще Ксенофонтъ (*Agcs.* VIII 7) говоритъ объ *Ἀριστόδημος* ὁ *Ἡρακλέους* (сравн. Grote II 43).

внуки съ помощью дорянь осуществили какъ эти права, такъ и притязанія, которыя предъявлялъ Геркулесъ на владѣніе Лаконіей и Мессеніей; возвращенныя области были раздѣлены между тремя братьями Теменомъ, Кресфонтомъ и Аристомомъ, или обоими близнецами послѣдняго Прокломъ и Эврисееномъ. Это былъ миѳъ, которымъ можно было удобно пользоваться для политическихъ цѣлей. Аргосъ на этомъ законномъ основаніи могъ претендовать на гегемонію надъ всей Арголидой, Спарта—оправдывать подчиненіе своей власти небольшихъ лаконскихъ городовъ и Мессеніи. А это должно было повести къ тому, что сказаніе, разъ возникнувъ, быстро распространилось и вскорѣ получило официальное признаніе.

Но уже одно упоминаніе Мессеніи показываетъ намъ, что мы имѣемъ дѣло съ миѳомъ сравнительно поздняго происхожденія, такъ какъ притязанія на эту область, какъ на наслѣдіе Гераклидовъ, могли быть заявлены лишь послѣ завоеванія ея спартанцами около конца VIII или начала VII вѣка. Кроме того, въ сказаніи о переселеніи дорянь ничего не говорится о родоначальникахъ спартанскихъ династій, Агисъ и Эврипонтъ, — вѣрный признакъ того, что они лишь искусственно связаны съ именемъ Геркулеса ¹⁾. Далѣе, Темень, котораго аргосскіе цари считали своимъ родоначальникомъ, былъ по аркадскому, но несомнѣнно перешедшему изъ Аргоса миѳу, сыномъ Пеласга, или Фегея, или арголидскаго героя Фороней; рассказывали также, что Темень воспиталъ мѣстную богиню Арголиды Геру ²⁾. Слѣдовательно, онъ является древнеаргосскимъ героемъ, который первоначально не имѣлъ ничего общаго съ Геркулесомъ. На о. Косъ точно такъ же ничего не было извѣстно о переселеніи дорянь въ то время, когда опредѣляли генеалогію правившей тамъ династіи, потому что ее вели не отъ Темена, а прямо отъ Геркулеса черезъ его сына Θεссала ³⁾. Да и вообще, какъ мы видѣли, Геркулесъ вовсе не «дорійское», а беотійское божество, культъ котораго лишь послѣ колонизаціи Малой Азіи распространился въ сосѣднихъ съ Беотіей областяхъ (см. выше, стр. 84). Слѣдовательно, миѳъ о возвращеніи Гераклидовъ могъ возникнуть лишь значительно позже того времени, когда, по преданію, доряне пришли въ Пелопоннесъ, а между тѣмъ онъ стоитъ въ неразрывной связи съ этимъ событіемъ. Впервые этотъ миѳъ упоминается у Тиртея ⁴⁾, подъ конецъ

1) E. Meyer *Forschungen* I стр. 283.

2) Paus. VIII 22.1; 24.10.

3) В 679. Нахождение „дорійскихъ“ филъ на Косъ исключаетъ всякое сомнѣніе въ томъ, что островъ былъ заселенъ выходцами изъ Арголиды.

4) Turt. fr. 2.

VII вѣка, и въ приписываемомъ Гесіоду эпосѣ «Эгимій» ¹⁾, который былъ написанъ приблизительно около того же времени или еще нѣсколько позднѣе. Это было время, когда гомеровскія эпопеи сдѣлались популярными также и въ европейской Греціи; Тиртей, какъ и Гесіодъ, находится всецѣло подъ ихъ вліяніемъ. Вообще, очевидно, что разсказъ о переселеніи дорянъ изъ Средней Греціи въ Пелопоннесъ могъ возникнуть лишь послѣ того, какъ названіе дорянъ было перенесено изъ малоазіатскихъ колоній на западное побережье Эгейскаго моря, что произошло только въ послѣ-гомеровскую эпоху (выше стр. 44). Точно такъ же и сказаніе о переселеніи ѳессалійцевъ могло возникнуть лишь послѣ того, какъ жители бассейна Пеня сознали свое племенное единство и стали называть себя общимъ именемъ ѳессалійцевъ. Это произошло, вѣроятно, въ VIII или VII вѣкѣ, такъ какъ Гомеръ, какъ мы уже сказали, еще не знаетъ имени ѳессалійцевъ, а въ позднѣйшемъ отрывкѣ Иліады—Спискѣ кораблей—упоминается герой-эпонимъ этого народа ²⁾. Зависимость всѣхъ этихъ сказаній о переселеніяхъ отъ эпоса видна, наконецъ, также изъ того, что они касаются только тѣхъ областей, которыя по Гомеру были населены другими народностями, чѣмъ въ историческое время; аркадяне и аеиняне, которые уже у Гомера являются на своихъ позднѣйшихъ мѣстахъ, считали себя исконными жителями своихъ областей. Итакъ, Гомеръ создалъ для грековъ не только—какъ говоритъ Геродотъ—ихъ боговъ, но и ихъ первобытную исторію. Но для насъ совершенно очевидно, что сказанія, сложившіяся лишь въ VIII или VII вѣкѣ, не имѣютъ ровно никакого значенія для характеристики положенія, въ которомъ находилась Греція въ эпоху, предшествовавшую заселенію Малой Азіи.

Послѣ всего сказаннаго вопросъ о внутренней достовѣрности этихъ преданій является собственно излишнимъ, потому что даже самый правдоподобный мифъ—далеко еще не исторія. А здѣсь намъ приходится принимать на вѣру самые невѣроятные разсказы. Дорида у горы Эты представляетъ суровую горную долину, площадью не болѣе 200 кв. килом., населеніе которой не могло превышать нѣсколькихъ тысячъ, такъ какъ земледѣліе и скотоводство были единственными источниками пропитанія. Еще во время Гомера восточные локры сражались въ легкомъ вооруженіи, что дѣлало ихъ совершенно неспособными къ рукопашной съ гоплитами ³⁾; доряне, жившіе по сосѣдству съ этими

¹⁾ *Aegimios* fr. 8, стр. 85 Kinkel.

²⁾ В 679.

³⁾ N 712—721.

локрами въ глубинѣ страны, не могли быть болѣе культурны за нѣсколько вѣковъ до этого. И нѣсколько сотъ или даже тысячь такъ плохо вооруженныхъ воиновъ покорили древнія культурныя области Пелопоннеса, съ ихъ многочисленными неприступными крѣпостями и отличнымъ вооруженіемъ ихъ населенія? Одна мысль объ этомъ была бы нелѣпа. Такъ же мало понятно для насъ, почему доряне направились какъ разъ въ Арголиду и Лаконію, а тѣмъ болѣе въ Мессенію, которыя лежали такъ далеко отъ ихъ родины. Правда, миѳъ даетъ удовлетворительный отвѣтъ на этотъ вопросъ; но кто Геркулеса и его сыновей и правнуковъ не считаетъ историческими личностями, тотъ долженъ иначе мотивировать походъ дорянъ.

До и вообще нѣтъ никакихъ доказательствъ въ пользу того, что на греческомъ полуостровѣ произошло переселеніе народностей. «Микенская» культура вовсе не была уничтожена внезапно вторженіемъ нецивилизованныхъ племенъ, какъ думали раньше, но перешла путемъ постепенной эволюціи въ культуру классическаго времени. Вѣдь и Аттика, гдѣ миѳъ не знаетъ никакихъ переселеній, тоже имѣла свой микенскій періодъ культуры. Такъ называемыя «дорійскія» учрежденія распространялись только на Критъ и Лаконію ¹⁾ и въ послѣдней области возникли не раньше спартанскаго завоеванія VIII вѣка (ниже глава IX); слѣдовательно, они не имѣютъ ничего общаго съ переселеніемъ дорянъ. Точно такъ-же и крѣпостное положеніе ессалійскихъ крестьянъ легко могло быть результатомъ экономическаго развитія, какъ колонаты въ императорскій періодъ римской исторіи, или крѣпостное право въ Германіи начиная съ конца среднихъ вѣковъ. Раздѣленіе греческихъ нарѣчій, какъ мы видѣли (выше стр. 49), совершилось также главнымъ образомъ лишь послѣ колонизаціи Малой Азіи и, значитъ, ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть приведено въ связь съ тѣми переселеніями, которыя произошли внутри грече-

¹⁾ Грамматики (Steph. Byz. *Χίος* и изъ того же источника *Polideuc. III 8,83*) безъ всякаго основанія ставятъ на одну линію аргосскихъ *γυμνήσιοι* и сикіонскихъ *χορνήφοροι* съ лакедемонскими гелотами; такъ какъ бѣднѣйшіе классы населенія также несли военную службу въ легкомъ вооруженіи, то такія имена были бы мало подходящими для обозначенія крѣпостныхъ. И если Геродотъ рассказываетъ (VI 83), что послѣ пораженія, нанесеннаго аргивянамъ Клеоменомъ, рабы (*δοῦλοι*) захватили власть надъ городомъ, то съ другой стороны существуетъ указаніе Аристотеля (*Polit. VIII [V] 1303 a*), что части періековъ въ это время было даровано право гражданства; и едва ли нужно еще доказывать, что второе извѣстіе заслуживаетъ предпочтенія. — Относительно „дорійскихъ“ учрежденій сравн. *Trieber Forschungen zur Spartanischen Verfassungsgeschichte* (Berlin, 1871), стр. 106 слл.

скаго полуострова раньше этого времени. И во всякомъ случаѣ, поселившись въ Пелопоннесѣ, доряне должны были бы перенять языкъ коренного населенія, которое значительно превосходило ихъ и численностью, и развитіемъ, какъ это несомнѣнно случилось съ эссалійцами послѣ ихъ переселенія въ бассейнъ Пеней. Что касается «религіи дорійскаго племени», то она существуетъ только въ воображеніи новѣйшихъ изслѣдователей; даже «дорійскій племенной богъ» Геркулесъ— и тотъ беотійскаго происхожденія (выше стр. 84). Да, наконецъ, и вообще очень сомнительно, чтобы аргивяне и лакедемоняне находились въ болѣе близкомъ родствѣ между собою, чѣмъ съ другими греческими племенами; по крайней мѣрѣ, существованіе такъ называемыхъ дорійскихъ филъ можно доказать до сихъ поръ только въ Арголидѣ и въ арголидскихъ колоніяхъ¹⁾. Но даже если бы между обоими сосѣдними народами и существовало болѣе тѣсное родство, то изъ этого еще ни въ какомъ случаѣ не слѣдовало бы, что арголидско-лаконскій народъ переселился въ Пелопоннесъ въ ту эпоху, когда восточная часть полуострова уже достигла сравнительно высокой степени культуры. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что греческое населеніе Пелопоннеса пришло съ сѣвера, слѣдовательно, прежде всего изъ средней Греціи; и весьма вѣроятно, что даже послѣ того, какъ Пелопоннесъ былъ заселенъ греками, въ Греціи еще происходили перемѣщенія племенъ. Но они относятся къ такой ранней эпохѣ, что не оставили никакихъ замѣтныхъ слѣдовъ даже въ мѣѣ. Если даже въ памяти малоазіатскихъ грековъ уцѣлѣлъ лишь голый фактъ ихъ переселенія, то какъ могло сохраниться преданіе о народныхъ передвиженіяхъ, далеко предшествовавшихъ этой колонизаціи? Попытка установить направленіе этихъ передвиженій, а тѣмъ болѣе выяснитъ ближайшія обстоятельства, которыя сопровождали ихъ, была бы лишь потерей времени.

Такимъ образомъ, то, что со времени Геродота считалось первобытнѣйшей исторіей грековъ, оказывается вымысломъ. Но вопросъ, послужившій поводомъ къ возникновенію сказаній о переселеніяхъ, —

¹⁾ Указанія схолій къ Pind. *Pyth.* I 121 и къ Aristoph. *Plut.* 382, и Гесиція подѣ сл. *Δόμη* еще не даютъ права утверждать, что въ Спартѣ существовала фила димановъ (сравн. Gilbert. *Studien zur altspart. Geschichte* Göttingen 1872 стр. 142 сл.). Въ историческую эпоху Спарта дѣлилась на кварталы Питану, Месою, Лимны и Киносуру; къ нимъ нужно, вѣроятно, прибавить еще пятый, названія котораго мы не знаемъ. Но разъ тамъ былъ признанъ мѣѣ о переселеніи дорянъ,—необходимо было допустить, что нѣкогда и въ Спартѣ существовали филы, называвшіяся по именамъ Гилла и сыновей Эгимія.

вопросъ, почему эпосъ даетъ другую картину размѣщенія греческихъ народовъ, чѣмъ историческая эпоха,—существуетъ еще и для насъ. Отвѣтъ на него въ настоящее время будетъ, конечно, другой, чѣмъ двѣ съ половиной тысячи лѣтъ назадъ.

Эпосъ опредѣляетъ войско Агамемнона и вообще всѣхъ грековъ, сражавшихся подъ Троей, названіемъ аргивянъ, ахеянъ или данайцевъ; эти имена уже въ древнѣйшихъ частяхъ *Иліады* употребляются какъ синонимы. Затѣмъ мы знаемъ, что не только въ гомеровское время, но еще нѣсколькими вѣками раньше, до колонизаціи Крита и Малой Азіи, Аргоида была населена тѣмъ же самымъ народомъ, который мы находимъ тамъ еще въ историческую эпоху (выше, стр. 43). По существу не было бы, конечно, ничего невозможнаго въ томъ, чтобы этотъ народъ, у котораго внослѣдствіи не было общаго племеннаго имени, назывался въ доисторическую эпоху ахеянами или данайцами, хотя трудно понять, какимъ образомъ могло утратиться это племенное имя. Однако данайскаго народа никогда не было на свѣтѣ. Данай—древне-аргосскій областной герой, который, по преданію, превратилъ безводный Аргосъ въ хорошо орошаемую страну ¹⁾; его дочери Данаиды—родниковыя нимфы ²⁾; съ Данаемъ тѣсно связана и Даная, мать солнечнаго героя Персея и, слѣдовательно, тоже богиня. Итакъ, данайцы—«люди Даная»; они относятся къ области миѳа, какъ и онъ самъ, и были перенесены съ неба на землю, подобно кадмейцамъ и минійцамъ, о которыхъ еще будетъ рѣчь ниже. Что же касается ахеянъ, то ихъ имя въ историческую эпоху, какъ извѣстно, принадлежало жителямъ сѣвернаго побережья Пелопоннеса и южной части Фессалии, и едва ли оно въ доисторическое время распространялось за предѣлы этихъ областей ³⁾. По древнѣйшему преданію и Агамемнонъ оказывается фессалійскимъ государемъ, какимъ Ахиллесъ остался въ преданіи навсегда. Но въ то время, когда въ Іоніи складывался эпосъ, пелопоннесскій Аргосъ занималъ первое мѣсто между всѣми другими частями греческаго полуострова: естественно, что поэты невольно должны были перенести резиденцію могущественнаго повелителя народовъ изъ Фессалии въ Пелопоннесъ. За нимъ должны были, конечно, послѣдовать и его ахеяне ⁴⁾.

Такъ какъ имя ахеянъ у Гомера обнимаетъ всѣ подвластныя Ага-

¹⁾ Hesiod. fr. 47 Kinkel (стр. 105) *Ἄργος ἄνδρον ἐὸν Δαναὸς ποίησεν ἔνυδρον.*

²⁾ Plut. *Parall.* 33 стр. 313, Schol. Apoll. I 1212, Ant. Lib. 32.

³⁾ Сравн. выше стр. 34 сл., о происхожденіи племенныхъ именъ.

⁴⁾ Niese *Hom. Poesie* стр. 235. Сюда относятся обычные выраженія: *Ἄργος*

мемнону греческія племена, то оно уже, конечно, не могло служить для обозначенія жителей какой-нибудь отдѣльной области. Поэтому въ эпосѣ сѣверное побережье Пелопоннеса не носитъ названія Ахеи: эта область называется просто «прибрежной страной», *Αἰγιαλός* ¹⁾). Отсюда возникло сказаніе, — если подобныя комбинаціи еще могутъ быть названы сказаніями, — будто ахеяне, изгнанные дорянами изъ Лаконіи, направились въ Эгіалось и назвали страну своимъ именемъ ²⁾). Раньше тамъ будто бы жили іоняне; поводомъ къ этому предположенію послужило, какъ мы выше указали (стр. 42), существованіе святилища геликонскаго Посейдона на мысѣ Микале.

Затѣмъ Гомеръ упоминаетъ на греческомъ полуостровѣ и прилежащихъ островахъ нѣсколько народовъ, которыхъ тамъ вовсе не было въ историческую эпоху. Таковы, напримѣръ, абанты, которые въ Спискѣ кораблей являются жителями Эвбеи, между тѣмъ какъ въ остальной Иліадѣ ихъ мѣстожителство нигдѣ не указывается. Возможно, что мы здѣсь дѣйствительно имѣемъ передъ собою древнее племенное имя эвбейцевъ, забытое впоследствии; но такъ же возможно и даже болѣе вѣроятно, что первоначально абанты вообще не имѣли ничего общаго съ Эвбеей и что это были жители Абъ въ Фокидѣ, имя которыхъ затѣмъ вслѣдствіе какой-нибудь комбинаціи было перенесено на сосѣдній островъ ³⁾). Кавконы по Телемахіи должны были жить въ западномъ Пелопоннесѣ, недалеко отъ Пилоса ⁴⁾), тогда какъ

ἐς ἰπλόβοτον καὶ Ἀχαΐδα καλλιγυναΐκα (Т 75, 258) и *καθ' Ἑλλάδα καὶ μέσον Ἄργος* (α 344, δ 726, 816, о 80), которые, во всякомъ случаѣ, гораздо старше, чѣмъ пѣсни, въ коихъ они встрѣчаются. Эллада для Гомера — южно-еессалійская область, и, слѣдовательно, подъ Аргосомъ нужно понимать здѣсь большую еессалійскую равнину, подъ *Ἀχαΐς* — Фтіотиду. Перенесеніе же Агамемнона въ пелопоннесскій Аргосъ должно было произойти до возникновенія нашей Иліады, какъ видно по имени данайцевъ, — хотя впрочемъ Данаиды встрѣчаются и въ Фессаліи. Во всякомъ случаѣ, замѣчательно, что Агамемнонъ называется микенскимъ царемъ лишь въ позднѣйшихъ мѣстахъ (Н 180, I 44, А 46 сравн. у 305). Эпитетъ *ἰπλόβοτον* тоже, повидимому, указываетъ на еессалійскій Аргосъ (сравн. Т 329), такъ какъ пелопоннесскій Аргосъ еще въ V вѣкѣ не имѣлъ конницы и, слѣдовательно, въ доисторическую эпоху коннозаводство здѣсь не могло быть очень развито. Напротивъ того, *πολυδίψιον*, которое, впрочемъ, у Гомера встрѣчается лишь одинъ разъ (А 171), относится къ пелопоннесской области.

1) В 575. *Αἰγιαλεῖς* — названіе одной изъ четырехъ филъ въ Сикіонѣ; но вопросъ, дѣйствительно ли названіе *Αἰγιαλός* обнимало нѣкогда всю Ахею, остается открытымъ.

2) Paus. VII 1.

3) Сравн. Aristot. у Strab. X 445.

4) у 366, сравн. Herod. IV 148, Strab. VIII 345.

Иліада называетъ ихъ союзниками троянцевъ ¹⁾; и дѣйствительно, по преданію, еще въ историческую эпоху на Пафлагонскомъ побережьи жили кавконы ²⁾. Очевидно, слѣдовательно, что это имя было перенесено изъ Малой Азіи въ Пелопоннесъ, чему, вѣроятно, способствовало названіе рѣки Кавконъ близъ Димы въ Ахеѣ ³⁾. Довольно поздній отрывокъ Иліады повѣствуетъ о войнѣ куретовъ съ жителями Калидона въ Этоліи ⁴⁾. Между тѣмъ у Гесіода куреты являются божественными существами, родственными нимфамъ и сатирамъ ⁵⁾. Благодѣтельными демонами рисуетъ ихъ также критское сказаніе ⁶⁾; они научили будто бы человѣка всевозможнымъ полезнымъ искусствамъ, а также воспитали ребенка-Зевса. Такимъ образомъ, они принадлежатъ къ области мифа, а не исторіи. Ихъ помѣстили въ Этоліи, вѣроятно, только потому, что тамъ была гора Куріонъ, и рассказывали, конечно, что они пришли съ Крита. А такъ какъ у подошвы Куріона, на этолійскомъ берегу, находился городъ Халкида, то ихъ перенесли затѣмъ также и въ эвбейскую Халкиду ⁷⁾.

И не мало другихъ фантастическихъ народовъ было еще въ до-гомеровскую эпоху перенесено съ неба на землю. Таковы, напр., данайцы, о которыхъ уже была рѣчь; далѣе, лапионы, которые по преданію жили въ сѣверной части Тессаліи, у подошвы Олимпа и Оссы; ихъ близкія отношенія къ кентаврамъ не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что, какъ и послѣдніе, они принадлежатъ мифологіи. Въ тѣсномъ родствѣ съ ними находятся флегійцы. Иліада изображаетъ Ареса сражающимся въ ихъ рядахъ, но не опредѣляетъ ихъ мѣстожительства ⁸⁾, позднѣйшіе источники помѣщаютъ ихъ въ Тессаліи или въ долину Кефиса, въ Беотіи. Къ этому племени принадлежали Коронида, мать Асклепія, затѣмъ Иксіонъ, пытавшійся совершить насиліе надъ Герой. Наконецъ, флегійцы по преданію сожгли дельфійскій храмъ, и въ наказаніе за это были уничтожены Аполлономъ при помощи молніи и землетрясенія. Къ этому же циклу принадлежатъ и минійцы.

¹⁾ К 429, V 329.

²⁾ Strab. VIII 345.

³⁾ Strab. VIII 342. Въ Лепреѣ, въ Трифиліи, неподалеку отъ гомеровскаго Пилоса, показывали гробъ героя-эпонима Кавкона (Strab. VIII 345, Paus. V 5.5). Это обстоятельство, конечно, не доказываетъ, что тамъ нѣкогда жили кавконы, а только—что впослѣдствіи въ Лепреѣ этому вѣрили.

⁴⁾ I 529 сл.

⁵⁾ Hesiod. fr. 72 Kinkel *Κουρήτες τε θεοὶ φιλοπαίμονες ἀρχηστῆρες.*

⁶⁾ Diod. V 65.

⁷⁾ Archem. у Strab. X 465.

⁸⁾ N 302.

Они составляютъ экипажъ солнечнаго корабля Арго, отправляющагося въ далекую солнечную страну востока, чтобы привезти оттуда «золотое руно»; дочь ихъ племеннаго героя Минія ¹⁾—Персефона, и, значить, не нужно никакихъ другихъ доказательствъ въ пользу того, что онъ самъ—богъ, а его люди—фантастическій народъ. Когда позже исходнымъ пунктомъ экспедиціи аргонавтовъ стали считать Пагасійскій заливъ, минійцы также превратились въ ессалійскій народъ; отсюда они, подобно родственнымъ имъ флегійцамъ, были перенесены въ Беотию, гдѣ Орхомень называется у Гомера «минійскимъ». А такъ какъ Иліада упоминаетъ о рѣкѣ Миніей въ позднѣйшей Трифиліи, то минійцы были перенесены и туда ²⁾.

Гораздо болѣе выдающуюся роль, чѣмъ только что упомянутые народы, въ исторической традиціи грековъ играютъ пеласги ³⁾. Это имя въ продолженіе всей древности принадлежало населенію западной части обширной ессалійской равнины, «пеласгическаго Аргона» Гомера ⁴⁾, Пеласгиотиды историческаго періода. Иліада рассказываетъ объ искусныхъ копейщикахъ пеласагахъ, живущихъ дѣлеко отъ Трои, въ «тучной Ларисѣ», подразумѣвая подъ этимъ названіемъ, вѣроятно, главный городъ Эссалии ⁵⁾. Эссалиецъ Ахиллесъ передъ выступленіемъ въ бой своего друга Патрокла обращается съ молитвой къ пеласгическому Зевсу Додонскому. ⁶⁾ Но Иліада еще не знаетъ пеласговъ—жителей Додоны; напротивъ, Списокъ кораблей причисляетъ этотъ священный городъ къ области эніановъ и перребовъ ⁷⁾, и лишь у Гесиода основателями храма являются пеласги ⁸⁾. Кромѣ ларисскихъ, Гомеръ упоминаетъ еще только о пеласагахъ, жившихъ на Критѣ ⁹⁾.

1) Pheresyd. fr. 56. Иначе она называется еще Клименой, что, какъ извѣстно, есть одно изъ наиболѣе частыхъ прозваній богини смерти.

2) A 722, Herod. IV 145 сл.

3) Сравн. S. Bruck *Quae veteres de Pelasgis tradiderint* Dissert. Breslau 1884, и особенно E. Meyer *Forschungen* I. стр. 1—124, съ результатами которыхъ я во всѣхъ существенныхъ пунктахъ согласенъ.

4) B 681.

5) P 288, 301, K 429, B 843. По крайней мѣрѣ, авторъ Списка кораблей считалъ эту Ларису ессалійскимъ городомъ, такъ какъ онъ не упоминаетъ о послѣднемъ при перечисленіи народовъ, подвластныхъ Агамемнону, поэтому P 301 τῆλ' ἀπὸ Λαρίσης ἐριβάλακος.

6) II 233.

7) B 750. Что здѣсь идетъ рѣчь о знаменитой Додонѣ, а не о какомъ-нибудь другомъ совершенно неизвѣстномъ городѣ того же имени въ Эссалии, на это указываетъ эпитетъ *δυσχείμερος*.

8) Hesiod. fr. 225 Kinkel.

9) τ 177.

Позднѣйшіе авторы были другого мнѣнія: гдѣ только въ бассейнѣ Эгейскаго моря встрѣчается имя Лариса, тамъ нѣкогда должны были жить пеласги—въ пелопоннескомъ Аргосѣ, въ малоазіатской Эолидѣ, на Лесбосѣ, у Каистра вблизи Эфеса. Возможно, что уже Одиссея на этомъ основаніи переноситъ пеласговъ на Критъ, такъ какъ и тамъ около Герапитны была ларисская равнина и Горгина въ древности называлась Ларисой ¹⁾. Изъ Аргоса пеласги позже были перенесены въ миѣы сосѣдней Аркадіи, племенной герой которой, Ликаонъ, уже у Гесіода ²⁾ называется сыномъ Пеласга.

По преданію, пеласги жили нѣкогда и въ Атикѣ. Дѣло въ томъ, что стѣна, защищавшая доступъ къ аѣинской крѣпости, называлась Пеларгиконъ; а такъ какъ никто не умѣлъ объяснить значеніе этого слова, то рѣшили, что оно испорчено изъ Пеласгиконъ и что крѣпость была построена пеласгами. Послѣдніе позже будто бы были изгнаны аѣинянами и переселились на Лемнось ³⁾. Почему именно туда, мы не знаемъ, какъ не знаемъ и того, почему эти лемноскіе пеласги называются также тирренцами ⁴⁾; у Гомера Лемнось населенъ синтійцами, т. е. ѳракійскимъ племенемъ. Остатки древнѣйшаго населенія острова, которое было изгнано отсюда аѣинянами около 500 года, жили еще сто лѣтъ спустя на Аѣонскомъ полуостровѣ и около Плакіи и Скилака на берегу Пропонтиды; они сохранили свой древній языкъ, непохожій на греческій ⁵⁾.

Благодаря этимъ и другимъ подобнымъ сказаніямъ, вполнѣдствіи, приблизительно въ VI вѣкѣ, сложилось представленіе, что элинамъ вообще предшествовало въ Греціи пеласгическое населеніе ⁶⁾. Но такъ какъ нѣкоторые греческія племена, какъ на примѣръ аркадяне и аѣи-

¹⁾ Strab. IX 440, Steph. Byz. Γόργυν.

²⁾ Hesiod. fr. 68 Kinkel.

³⁾ Herod. V 137 слл., въ общемъ по Гекатею.

⁴⁾ Thuc. IV 109.

⁵⁾ Herod. I 57, Thuc. I с. Такъ какъ греки называютъ тирренцами также италійскихъ этрусковъ, то казалось очевиднымъ, что и этотъ народъ—пеласгическаго происхожденія и пришелъ на свое позднѣйшее мѣсто съ греческаго востока. Дѣйствительно, въ найденныхъ недавно на Лемносѣ надписяхъ догреческой эпохи (выше, стр. 39) хотѣли видѣть нѣкоторыя аналогіи съ этрусскимъ языкомъ. Но это не больше, какъ гипотеза; и до тѣхъ поръ, пока этрусскій языкъ остается для насъ загадкой и мы не умѣемъ перевести упомянутыхъ лемноскихъ надписей, лучше воздержаться отъ окончательнаго рѣшенія этого вопроса. А пока наиболѣе вѣроятнымъ все еще остается предположеніе, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ остатками языка синтійцевъ. Въдъ во ѳракіи могли жить народы, говорившіе на самыхъ различныхъ языкахъ.

⁶⁾ Aeschyl. *Niket.* 250 слл., Herod. VIII 44, II 56, сравн. Thuc. I 3.

няне, считали себя исконными жителями страны, то не оставалось ничего другого, какъ признать пеласговъ предками позднѣйшихъ эллиновъ, такъ что весь переворотъ сводился къ замѣнѣ одного имени другимъ. Это противорѣчило, правда, указаніямъ Гомера, который помѣщаетъ пеласговъ въ числѣ союзниковъ Трои и, слѣдовательно, считаетъ ихъ, очевидно, не принадлежащими къ греческому племени; но при тѣхъ средствахъ, которыми располагали древніе генеалоги и историки, они никогда не могли разобраться въ этомъ противорѣчii.

Впрочемъ, даже если бы дѣйствительно нѣкогда существовалъ пеласгическій народъ на такой обширной территорii, какъ объ этомъ повѣствуетъ сказаніе, то греки до-исторической эпохи не стали бы считать этотъ народъ единой націей, такъ какъ они лишь въ VIII в. пришли къ сознанию своего собственнаго національнаго единства; слѣдовательно, они называли бы отдѣльныя пеласгическія племена различными именами. Уже изъ этого слѣдуетъ, что мы имѣемъ здѣсь дѣло не съ дѣйствительнымъ историческимъ преданіемъ, — не говоря уже о томъ, что отъ эпохи, предшествовавшей колонизаціи Малой Азіи, вообще не сохранилось никакихъ историческихъ преданій. Такимъ образомъ, и въ этомъ случаѣ дѣло идетъ лишь о простыхъ комбинаціяхъ, — притомъ такихъ, которыя предполагаютъ уже существованіе даже позднѣйшихъ пѣсенъ нашей Иліады и Одиссеи, и, слѣдовательно, не могутъ быть старше VII или VI столѣтія. Историческимъ путемъ можно доказать существованіе пеласговъ только въ Фессалii. Но Пеласгіотида равнозначуща съ Пеласгіей, какъ Фессаліотида съ Фессаліей или Элиміотида съ Элиміей. А пеласгіоты исторической эпохи принадлежали къ греческому племени, и мы не имѣемъ ни малѣйшаго основанія думать, что въ до-исторической періодъ было иначе. Въ самомъ дѣлѣ, именно фессалійская равнина и была, по всей вѣроятности, тѣмъ мѣстомъ, гдѣ греки впервые прочно основались (выше, стр. 28).

Подобное же мѣсто, какъ пеласги, занимаютъ въ нашемъ преданіи лелеги. Гомеръ упоминаетъ о нихъ, какъ о жителяхъ Педаса въ южной Троадѣ ¹⁾, и еще Алкей называетъ находящійся здѣсь Антандръ лелегійскимъ городомъ ²⁾. Позднѣйшіе авторы считали лелеговъ исконными жителями Карii ³⁾, гдѣ также существовалъ городъ Педасъ; въ этой странѣ они, по преданію, еще въ эллинистическую

1) *Ф* 86, сравн. *У* 96, *К* 429. Въ троянскомъ Спискѣ они не упомянуты.

2) *Alk. fr.* 65; впрочемъ, въ его время городъ, вѣроятно, уже былъ населенъ греками. По *Herod.* VII 42 Антандръ былъ пеласгическимъ городомъ.

3) *Herod.* I 171.

эпоху составляли классъ крѣпостныхъ, подобно гелотамъ въ Спартѣ ¹⁾. Древнія крѣпости и гробницы, о происхожденіи которыхъ ничего не знали, приписывались здѣсь лелегамъ ²⁾, подобно тому, какъ мы теперь говоримъ о «пеласгическихъ» стѣнахъ. Думали также, что нѣкогда все побережье Іоніи и прилежащія острова были населены этимъ народомъ ³⁾. Отсюда нетрудно было путемъ аналогіи сдѣлать выводъ, что и въ европейской Греціи эллинскому населенію предшествовало лелегійское. Основаніе для этого давалъ цѣлый рядъ мѣстныхъ именъ— какъ Фискъ и Ларимна въ Локридѣ, Абы въ Фокидѣ, Педасъ въ Мессеніи, —которыя встрѣчаются въ Каріи въ той же или подобной формѣ. Одинъ изъ двухъ мегарскихъ акрополей назывался Каріей ⁴⁾; культъ Зевса Карійскаго существовалъ во многихъ частяхъ Греціи ⁵⁾. Во всѣхъ этихъ пунктахъ будто бы жили нѣкогда лелеги или карійцы ⁶⁾. И дѣйствительно, какъ мы видѣли, есть нѣкоторое основаніе предполагать, что южная часть греческаго полуострова въ до-эллинскую эпоху была занята народомъ карійскаго происхожденія; однако мы должны остерегаться принимать такія позднія комбинаціи за историческое преданіе ⁷⁾, такъ какъ Гомеръ еще совсѣмъ не знаетъ этихъ мѣровъ, и только Гесіодъ упоминаетъ о Локрѣ, какъ о царѣ лелеговъ ⁸⁾.

Точно такъ же Гомеръ не знаетъ и еракійцевъ внѣ тѣхъ мѣстъ, гдѣ они жили въ историческую эпоху, т. е. внѣ сѣвернаго побережья Эгейскаго моря ⁹⁾. По позднѣйшему сказанію они жили въ фокидскомъ городѣ Давліи и въ Беотіи у Геликона ¹⁰⁾. Ближайшій поводъ къ

1) Philipp. Suang. fr. 1. (*F. H. G.* IV 475 изъ Athen. VI 271 в.). Онъ писалъ послѣ Клитарха (fr. 4) и до Страбона (fr. 2), вѣроятно, около начала періода, ограниченнаго этими двумя датами.

2) Strab. XIII 611, VII 321.

3) Pherecyd. fr. 111.

4) Paus. I 40. 6. Это имя, вѣроятно, чисто греческаго происхожденія и произведено отъ корня *КАР* (голова).

5) Herod. V 66, Hesych. II стр. 410. Schmidt, *Phot. Lex.* I стр. 313 Naber. Это слово, обозначаетъ вѣроятно, то же, что Capitolinus, сравн. Wilamowitz *Kydathen* стр. 143.

6) Busolt *Griech. Gesch.* I 34 прим. 6.

7) Какъ дѣлаютъ Kierpert *Monatsber. der Berl. Akad.* 1861 стр. 114 слл. и Deimling *Die Leleger* Leipzig 1862.

8) Hesiod fr. 136 Kinkel.

9) Даже въ сказаніи объ Авдонѣ (v 66—78, τ 518—23) Гомеръ еще не упоминаетъ о еракійцахъ. Сравн. относительно всего этого вопроса Hiller v. Gaertringen *De Graecorum fabulis ad Traces pertinentibus* Dissert. Berlin 1886.

10) Hellanic. fr. 71, Thuc. II 29, Ephor. у Strab. IX 400 — 403, Strab. X 471 (сравн. IX 410).

этому представлению подалъ, повидимому, родъ Фракидовъ, который занималъ выдающееся положеніе въ Дельфахъ и былъ, вѣроятно, распространенъ также въ другихъ фокидскихъ городахъ ¹⁾; затѣмъ, имя давлійскаго царя Терея, по звуку напоминавшее еракійскій языкъ; наконецъ то обстоятельство, что какъ вблизи Геликона, такъ и вблизи Олимпа, во еракійской Пьеріи, существовали храмы въ честь музъ ²⁾. Съ ихъ культомъ уже въ сравнительно раннюю эпоху были связаны тайныя мистическія ученія, какъ доказываютъ сказанія объ Орфеѣ и Мусеѣ. Поэтому Эвмолпа, мнѣическаго основателя элевсинскихъ таинствъ, считали еракійцемъ; даже если бы онъ не былъ ясно названъ сыномъ Мусея, уже одно его имя показываетъ, что онъ находится въ связи съ культомъ музъ. Это достаточно характеризуетъ значеніе всего сказанія для исторіи.

Разсказывали также о переселеніяхъ въ Грецію съ Востока. Въ основѣ этихъ сказаній лежатъ отчасти миѣи солнечнаго цикла, которые давали поводъ къ развитію подобныхъ сказаній у самыхъ разнообразныхъ народовъ; затѣмъ въ этихъ разсказахъ отразилось сознаніе, что начатки высшей культуры перешли къ грекамъ съ Востока. Въ томъ видѣ, какъ эти миѣи дошли до насъ, это безъ исключенія продуктъ поздняго творчества, такъ какъ они предполагаютъ уже существованіе довольно тѣсныхъ сношеній между Греціею и древними культурными народами Азіи и Египта; поэтому у Гомера еще нѣтъ и намека на эти миѣи.

Такъ, разсказывали, что Пелопсъ пришелъ изъ Лидіи или Фригіи на полуостровъ, который съ тѣхъ поръ называется по его имени. Его можно было-бы принять за героя эпонима Пелопоннеса ³⁾; но Пелопіей назывались также дочь Пелли или Ніобы и мать Кикна, сына Арея ⁴⁾.

¹⁾ Diod. XVI 24, 3. Этотъ родъ встрѣчается и въ іонійскихъ Эритрахъ (Paus. VII 5, 8).

²⁾ Уже Фукидидъ I. с. противопоставляетъ греческихъ еракійцевъ варварскимъ еракійцамъ, жившимъ у Гебра. За это подраздѣленіе снова высказался Вилламовицъ (*Kydathen* стр. 129); но онъ совершенно неосновательно дѣлаетъ различіе между *Θρηάκας* и *Θράκας* (безъ *iota subscriptum*). Беотійско-фокейскіе еракійцы принадлежатъ къ области миѣа, а не исторіи.

³⁾ Недавно открыли новый миѣическій народъ *Πέλοπας*, какъ будто намъ мало было прежнихъ. Но названіе Пелопоннесъ возникло лишь послѣ Гомера; можно ли допустить, что *Πέλοπας* еще въ VII вѣкѣ населяли большую часть полуострова, названнаго будто бы по ихъ имени? а если нѣтъ, то какъ же объяснить это имя?

⁴⁾ Apoll. *Argonaut.* I 326, (Apolloed.) III 5, 6; II 7, 7. Однимъ изъ вѣрнѣйшихъ критеріевъ для того, чтобы отличать генеалогическія фигуры и эпикимовъ отъ другихъ созданій миѣа, является повтореніе тѣхъ же самыхъ

Мать Пелопса — Эврианасса, дочь Діоны ¹⁾; его дѣдъ со стороны отца — Ксанъ («сіяющій»), двое его сыновей назывались Хрисиппомъ и Алкаеомъ ²⁾. Эти имена не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что Пелопсъ первоначально былъ солнечнымъ героемъ; этимъ и объясняется мифъ о его состязаніи съ Эномаемъ изъ-за обладанія Гипподамией. Поэтому названіе Пелопоннесъ, неизвѣстное еще и Гомеру ³⁾, означаетъ «островъ солнечнаго бога»; какъ извѣстно, на крайней южной оконечности полуострова — мысъ Тенаронъ — стоялъ знаменитый храмъ, посвященный Геліосу ⁴⁾. Такимъ образомъ, первоначально Пелопсъ по существу тождественъ съ Геракломъ, который въ значительной степени вытѣснилъ его изъ мифа и культа; и въ самомъ дѣлѣ, генеалогія пелопоннесскихъ династій въ древнѣйшее время примыкаетъ къ Пелопсу, въ позднѣйшее — къ Гераклу. Впрочемъ, первое мѣсто, по крайней мѣрѣ въ Олимпіи, всегда занималъ Пелопсъ.

Мифъ о переселеніи Даная изъ Египта стоитъ въ связи со сказаніемъ о странствованіяхъ Іо, которое въ томъ видѣ, въ какомъ оно дошло до насъ, могло сложиться лишь послѣ того, какъ грекамъ былъ открытъ доступъ въ Египетъ, т. е. не ранѣе конца VІІ вѣка ⁵⁾. Еще гораздо позднѣе, въ IV или III столѣтіи, сложился мифъ о египетскомъ происхожденіи древне-аттического областного героя Кекропса, культъ котораго, впрочемъ, никогда не былъ всеобщимъ ⁶⁾.

Мы уже видѣли (выше стр. 60), какъ превратились въ финикійцевъ Фениксъ и братъ его Кадмъ. Дочь ⁷⁾, или, по позднѣйшему мифу, сестра Феникса Европа была будто бы уведена Зевсомъ изъ Финикіи на островъ Критъ, гдѣ она родила Миноса. Уже отсюда ясно, что

именъ въ другихъ мифахъ, не стоящихъ въ зависимости отъ генеалогіи или соответственной мѣстности, Впрочемъ, возможность мнимости не исключается, сравн. напр. Aeolus (выше стр. 45 прим. 4).

1) Hugin. *Fab.* 83. Эврианасса — повелительница царства тѣней.

2) Тождественъ съ солнечнымъ героемъ Геракломъ (Wilamowitz *Euripides Herakles* I 294).

3) Впервые встрѣчается въ *Кипріяхъ* fr. 9 Kinkel, въ гомеровскомъ *Гимнъ Антолону* 250, 290 и у Tyrt fr. 2.

4) Гомеровская *Θρινακίη*, „трехзубчатый островъ“ (отъ *θρίναξ*), на которомъ паслись священныя стада Геліоса, обозначала въ первоначальномъ сказаніи ничто иное, какъ Пелопоннесъ (Wilamowitz *Hom. Unters.* стр. 168).

5) O. Müller *Prolegomena* стр. 129. 175 сл.

6) O. Müller *Orchomenos* стр. 99 слл.

7) *E* 321. Это позднее мѣсто и александрійскіе ученые отвергли его, но даже такъ назыв. интерполяции въ Иліадѣ большею частью очень древняго происхожденія.

Миносъ не имѣлъ ничего общаго съ финикійцами ¹⁾; напротивъ, онъ чисто-греческій богъ—точно такъ же, какъ Фениксъ, Кадмъ, Европа, его жена Пасифая, «всѣмъ свѣтящая», его дочери Федре «сіяющая» и Ариадна, жена Діониса. Впослѣдствіи и Миносъ былъ низведенъ на степень героя; уже у Гомера онъ является царемъ Кносса, а позднѣе критяне приписывали ему свои законы. Между тѣмъ мѣстное имя Миноя часто встрѣчается на островахъ и побережьяхъ Эгейскаго моря: кромѣ самого Крита, также на Аморгѣ, Сифнѣ, на побережьѣ Мегариды. Изъ этого заключили, что Миносъ владѣлъ всѣми этими мѣстами и, слѣдовательно, былъ сильнымъ морскимъ царемъ, царство котораго обнимало собою Циклады и вообще весь бассейнъ Эгейскаго моря ²⁾. Но въ Сициліи также былъ городъ Миноя, основанный выходцами изъ мегарской колоніи Селинунта и безъ сомнѣнія названный по имени небольшого острова Миною вблизи нисейской Мегары. Поэтому сложилось сказаніе, будто Миносъ переселился въ Сицилію и тамъ погибъ. Такъ какъ Селинунтъ основанъ около 650 г.; то этотъ мифъ не могъ возникнуть ранѣе VI вѣка ³⁾.

Всѣ эти сказанія около начала V вѣка приведены были въ систему и связаны, съ одной стороны, съ мифами, образующими содержание эпоса, съ другой стороны—съ древнѣйшими историческими преданіями. Хронологической основой при этомъ служили генеалогіи героевъ, представленныя отчасти уже Гомеромъ, но полнѣе Гесіодомъ. Вначалѣ Греція была будто бы населена пеласгами, затѣмъ переселились съ востока Данай, Пелопсъ, Кадмъ и другіе. Послѣ этого слѣдуетъ походъ аргонавтовъ, походъ Семи противъ Тивъ, Троянская война и другія подобныя предпріятія, о которыхъ повѣствовалъ эпосъ. Потомъ насталъ вѣкъ великихъ переселеній: прежде всего вторженіе ессалійцевъ въ равнину Пенея и вызванное этимъ беотійское переселеніе, затѣмъ переселеніе дорянъ и союзныхъ съ ними элланъ въ Пелопоннесъ, наконецъ колонизація острововъ и западнаго побережья Малой Азіи.

¹⁾ Минотавръ ни въ какомъ случаѣ не тождественъ съ финикійскимъ Молохомъ, а принадлежитъ просто къ числу чудовищъ; убитыхъ солнечнымъ героемъ Тесеемъ.

²⁾ Herod. III 122, Thuc. I 4. Многіе новѣйшіе авторы считаютъ Миноса „мифическимъ представителемъ“ финикійской морской державы на Эгейскомъ морѣ; вообще мифическое творчество въ области древнѣйшей греческой исторіи продолжаетъ процвѣтать еще и въ наше время.

³⁾ Впервые упоминается у Herod. VII 170, подробнѣе изложенъ у Diod. IV 79. Относительно сицилійской Миною сравн. ниже, стр 146.

Такъ было достигнуто мнимое подобіе прагматизма въ исторіи первобытной Греціи; и если по отдѣльнымъ вопросамъ уже въ древности не было недостатка въ сомнѣніяхъ, то въ общемъ греки смотрѣли на эту систему, какъ на историческую истину. Мало того, въ главныхъ чертахъ ее и теперь еще преподають какъ истину. Вотъ почему традиціонную исторію греческой древности нельзя было обойти и здѣсь.

ГЛАВА VI.

Распространеніе грековъ вдоль береговъ Средиземнаго моря.

Арена первобытной исторіи грековъ ограничивалась, главнымъ образомъ, странами, расположенными вокругъ Эгейскаго моря. Но уже въ то время, когда складывались великія эпопеи, географическій горизонтъ сталъ постепенно расширяться. Въ одной изъ позднѣйшихъ пѣсенъ *Иліады* упоминаются египетскія *Θивы* ¹⁾; пѣсни о странствованіяхъ *Одиссея* упоминаютъ о киммерійцахъ ²⁾, исконныхъ обитателяхъ сѣвернаго побережья Чернаго моря, и о свѣтлыхъ лѣтнихъ ночахъ на сѣверѣ, о которыхъ греки могли узнать только на этомъ берегу ³⁾; *Телемахія* знаетъ на ряду съ Египтомъ и *Ливію* ⁴⁾, а позднѣйшія пѣсни *Одиссея* обнаруживаютъ знакомство съ сикелами и страной *Сиканіей* ⁵⁾. Ни одно преданіе не сохранило именъ смѣльчаковъ, впервые рѣшившихся выйти въ открытое море, которое фантазія населила всевозможными чудовищами и сказочными существами, и которое на самомъ дѣлѣ таило въ себѣ не мало ужасовъ и опасностей; но ихъ подвиги продолжали жить въ пѣсняхъ о походѣ аргонатовъ и о возвращеніи героевъ изъ-подъ *Трои*.

За открытіемъ новыхъ земель вскорѣ послѣдовала колонизація. Нѣкогда, въ сѣдую старину, недостатокъ земли заставилъ грековъ

1) I 381.

2) λ 14; впрочемъ, это мѣсто спорное. Кратесъ читалъ *Κεοβερίων* (по Аристоф. „Лягушки“ 187), другіе (наприм., Протей изъ *Зевгмы*)—*Χειμερίων*; извѣстіе схопій, что и Аристархъ читалъ *Κεοβερίων* (или *Κεοβερεώνων*), очень невѣроятно (Rohde *Rh. Mus.* 36 стр. 562).

3) κ 82—86.

4) δ 85 § 295.

5) ν 383 ω 211, 307, 366, 389.

уйти на острова Эгейскаго моря и на западное побережье Малой Азии; теперь эти области были заняты, и кому на родинѣ становилось слишкомъ тѣсно, тотъ принужденъ былъ переселяться въ болѣе отдаленные края. При этомъ въ первое время торговые интересы еще вовсе не принимались во вниманіе, уже по той причинѣ, что въ Греціи еще не существовало промышленности, которая работала-бы для вывоза. Искали плодородныхъ странъ; а были ли вблизи хорошія гавани, это имѣло второстепенное значеніе. Поэтому первымъ дѣломъ поселенцевъ было—подѣлить между собою землю ¹⁾; еще вначалѣ V вѣка сиракузскіе старожилы называли себя «надѣльщиками» (*γαμόροι*). Въ этомъ заключается основное различіе между греческой и финикійской колонизаціей: каждое финикійское поселеніе было прежде всего торговой факторіей, которая при благопріятныхъ условіяхъ могла развиться въ земледѣльческую колонію; греческія поселенія были съ самаго начала земледѣльческими колоніями, изъ которыхъ, правда, многія съ теченіемъ времени стали крупными торговыми пунктами ²⁾.

Древнѣйшая колонизація этого періода все еще напоминала безпорядочное движеніе тѣхъ переселенцевъ, которые нѣкогда хлынули на острова и берега Малой Азии; таковы, напр., поселенія ахейнъ и локровъ на югѣ Италиі. Но по мѣрѣ того, какъ греки направлялись все въ болѣе и болѣе отдаленныя страны, колонизація должна была принять другой характеръ. Въ самомъ дѣлѣ, плаваніе по лишенному острововъ западному морю и въ особенности путь въ Ливію и по бурному Черному морю требовали опытности въ морскомъ дѣлѣ, которой не обладали жители земледѣльческихъ прибрежныхъ областей греческаго полуострова,—а они то и основывали до сихъ поръ поселенія за моремъ. Поэтому Аттика, Беотія, Арголида перестали

1) § 10.

2) Главными источниками, изъ которыхъ мы черпаемъ свѣдѣнія о греческомъ колонизаціонномъ движеніи въ эту эпоху, являются Страбонъ и землеописаніе такъ назыв. Скимина хіосскаго (у Мюллера *Geographi Graeci Minores* I стр. 196—237); для колонизаціи Сициліи—Thuc. VI 2—5. Не мало извѣстій содержатъ также географическія книги (III—VI) энциклопедіи Плинія; для дати основанія колоній важенъ, кромѣ того, въ особенности Евсевій. Разбросанный по всей древней литературѣ матеріалъ собранъ въ *Griech. Staatsaltert.* Hermann'a § 73—90 (5 Aufl. S. 274—338), въ *Dictionary of ancient Geography* Smith'a и у Бузольта—*Gr. Gesch.* I стр. 222—360. Вопросъ о сицилійскихъ колоніяхъ подробно разбираетъ Гольмъ въ первомъ томѣ своей *Geschichte Siciliens im Altertum* (Leipzig 1870). Для многочисленныхъ монографій объ отдѣльных городахъ, которыя здѣсь не могутъ быть указаны, см. Бузольта и *Grundriss* Hübner'a.

теперь принимать прямое участіе въ колонизаціонномъ движеніи. Ихъ мѣсто заняли города, которые или совсѣмъ еще не упоминаются у Гомера, или только мимоходомъ, но которые, благодаря своему выгодному положенію, стали средоточіями морской торговли: Халкида и Эретрія у пролива Эврипа, который представляетъ наиболѣе удобный путь для сообщенія между Греціей и Фессаліей; Мегара и Коринѳъ на Исемѣ, гдѣ оба моря, омывающія Грецію, отдѣлены другъ отъ друга нѣсколькими километрами; Родосъ, Лесбосъ и другіе острова Эгейскаго моря; наконецъ, прибрежные города Іоніи, особенно Милеть. Это не значить, что всѣ колонисты, вышедшіе отсюда, чтобы въ далекихъ странахъ найти себѣ новую отчизну, были въ самомъ дѣлѣ жителями этихъ городовъ. Эти города служили лишь сборными пунктами, куда стекались выходцы изъ окрестныхъ областей — всѣ тѣ, кто не могъ найти себѣ пропитанія на родинѣ, или кого въ чужой край гнала жажда приключеній или недовольство политическимъ строемъ. Однако, города, изъ которыхъ исходила колонизація, брали на себя организацію этого предпріятія: они давали руководителей и поставляли корабли, и ихъ учрежденія служили образцомъ для колоній.

Но разъ колонія была основана, она обыкновенно становилась въ совершенно независимыя отношенія къ своей метрополіи. Отношенія были такія же, какія, по греческому закону, существовали между отцомъ и взрослымъ сыномъ; гражданину метрополіи оказывали въ колоніи всевозможныя почести ¹⁾, а колонія, въ свою очередь, могла рассчитывать на то, что во всѣхъ тяжелыхъ обстоятельствахъ найдетъ помощь въ метрополіи. Что колонія находилась въ особенно оживленныхъ сношеніяхъ съ метрополіей, — это разумѣется само собою; и съ теченіемъ времени колоніи становились для метрополіи самыми надежными оплотами ея торговли и самыми лучшими рынками для произведеній ея промышленности.

Такимъ образомъ, воспоминаніе объ этой связи сохранялось до поздняго времени. Но ближайшія обстоятельства, которыми сопровождалось основаніе колоній, возникшихъ ранѣе VI вѣка, окутаны мракомъ сказаній. Историческихъ записей въ это время еще совсѣмъ не было, и дошедшія до насъ даты основанія колоній почти всѣ добыты посредствомъ счета поколѣній ²⁾ или путемъ еще болѣе шаткихъ

¹⁾ Thuc. I 25. 4, 38. 2.

²⁾ Такъ, по Фукидиду (VI 4, 2) или, вѣрнѣе, по источнику, которому онъ слѣдуетъ, сицилійская Мегара была основана за 245 лѣтъ до разрушенія ея Гелонемъ, т. е. 7 поколѣній по 35 лѣтъ. Сибарисъ будто бы существовалъ до своего разрушенія 210 лѣтъ ([Scymnus] 358), т. е. 6 поколѣній. Нак-

соображеній. Такого рода извѣстія могутъ дать намъ только самыя общія указанія и должны быть въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ сопоставляемы съ прочимъ содержаніемъ традиціи. Одно не подлежитъ сомнѣнію, — что въ первую половину VII вѣка колонизація южнаго побережья Эракии была въ полномъ ходу и греки уже заселили также берега Тарентскаго залива ¹⁾.

Ни одна страна не представляла столько благоприятныхъ условий для греческой колонизаціи, какъ берега Италіи и Сициліи по ту сторону Іоническаго моря. Находясь на одной широтѣ съ метрополіей, эти страны обладали климатомъ, который былъ совершенно сходенъ съ греческимъ; только зима здѣсь еще нѣсколько мягче, а лѣто менѣе тягостно, чѣмъ у Эгейскаго моря. Дѣвственная почва береговыхъ равнинъ и рѣчныхъ долинъ отличалась баснословнымъ плодородіемъ, а густой высокой лѣсъ, покрывавшій горы, давалъ отличный матеріалъ для постройки кораблей. Къ тому же и поѣздка туда, даже при очень примитивномъ состояніи мореплаванія, не представляла какихъ либо серьезныхъ трудностей, такъ какъ восточная оконечность Япигіи отдѣляется отъ Акрокеравнскаго мыса въ Эпирѣ разстояніемъ въ 75 километровъ, и въ ясную погоду съ одного берега виденъ противоположный.

И дѣйствительно, сношенія между обоими берегами развились очень рано. Въ Мессапіи найдены были черепки вазъ микенскаго стиля, а некрополи до-эллинской эпохи въ восточной Сициліи свидѣтельствуютъ о культурѣ, которая отчасти стоитъ подъ вліяніемъ микенской ²⁾. Кажется даже, что еще въ до-историческую эпоху происходили переселенія съ Балканскаго полуострова въ Италію по Отрантской дорогѣ. По крайней мѣрѣ, есть указанія на то, что нѣкогда на западномъ берегу Тарентскаго залива жили хоны ³⁾; наконецъ тож-

сось въ Сициліи былъ основанъ будто бы въ десятомъ поколѣніи послѣ Троянской войны ([Scymnus] 272 по Эфору; и у Страбона VI 267, который придерживается того же источника, также слѣдуетъ читать *δεκάτη γενεή*). Архій, основатель Сиракузъ, считался десятымъ потомкомъ Темена (*Marm. Par.* 31). Сравни. Mahaffy *Journal of Hellenic Studies* II, стр. 177.

¹⁾ Archiloch. fr. 21. Этотъ поэтъ былъ современникомъ Гигеса.

²⁾ Свѣдѣніями объ этихъ отношеніяхъ мы обязаны почти исключительно раскопкамъ Орси (сообщенія въ *Bulletino Ital. di Paletnologia* 1889, 1891, 1892). Сравни. также Furtwängler und Loescheke *Myken. Vasen.* стр. 47.

³⁾ Antioch. fr. 6 (отсюда Aristot. *Polit.* IV (VII), 1329 в.), Lycophr. 983. Что Антиохъ называетъ этотъ народъ *Οἰωατρίκων ἔθνος*, ровно ничего не доказываетъ, такъ какъ въ его время уже не было хоновъ. Здѣсь не мѣсто останавливаться на вопросѣ о происхожденіи мессапійцевъ; во всякомъ случаѣ они не были греками, такъ какъ ихъ языкъ для насъ не понятенъ.

дество имени этого народа съ именемъ эпирскихъ хаоновъ, жившихъ у Акрокеравнскаго мыса, едва ли случайно. Можетъ быть, именно поэтому италійцы называли эллиновъ греками; а греки по преданію—эпирское племя, которое, впрочемъ, въ историческую эпоху было забыто. ¹⁾

Какъ бы то ни было, во всякомъ случаѣ въ теченіи VIII и уже никакъ не позже начала VII вѣка эллины завладѣли восточнымъ побережьемъ теперешней Калабріи ²⁾. Новые поселенцы сами называли себя ахеянами и считали себя потомками пелопоннесскихъ ахеянъ. И дѣйствительно, ихъ языкъ очень родственъ съ аргондскимъ нарѣчіемъ, а могучій Кратисъ, принимающій въ себя воды съ сѣвернаго склона Силы и несущій ихъ въ Ионическое море, получилъ свое имя отъ одной изъ рѣкъ, орошающихъ пелопоннесскую Ахею ³⁾. Съ этого времени италійскіе хоны исчезаютъ изъ исторіи; вѣроятно они слились съ ахеянами въ одинъ народъ.

Новая родина названа была по имени одного рано исчезнувшаго туземнаго племени Италіей ⁴⁾, и это имя потомъ постепенно рас-

¹⁾ Aristot. *Meteor.* I 353a и уже Hesiod. fr. 22 Kinkel; подложность этого мѣста не доказана Niese *Hermes* XII 409 сл. Итакъ, это имя—не италійскаго происхожденія; кромѣ того, его нельзя отдѣлить отъ названія *Γραική γῆ* по нижнему теченію Асопа между Оропомъ и Танагрой. Впрочемъ, отсюда это имя не могло перейти въ Италію, такъ какъ, если даже танагрійцы и принимали участіе въ колонизаціи Кумъ, то вѣдь сами жители Кумъ никогда не называли себя греками, а всегда халкидцами. Сравни. Wilamowitz *Hermes* 21 (1886). стр. 113 сл. и Nissen *Ital. Landeskunde*, I 120.

²⁾ Относительно времени основанія Сибариса см. выше стр. 137, прим. 2; смотря по тому, считали ли 6 поколѣній, которыя будто бы прошли отъ основанія до разрушенія города, по 33½ или по 35 лѣтъ, дата эта опредѣлялась 710 г. (Euseb. II 84. Schoene, сравни. Dionys. II 59 о Кротонѣ) или 720 г. ([Scymnus] 358). Кротонъ основанъ будто бы въ одно время съ Сибарисомъ (Euseb. l. c.). Метапонтій по одному изъ нашихъ источниковъ основанъ былъ еще двумя поколѣніями раньше (Euseb. Ol. I 4 S. 78 Schoene), тогда какъ по Антиоху (fr. 13) этотъ городъ былъ построенъ лишь послѣ Сибариса. Во всякомъ случаѣ надо думать, что греки поселились на плодородныхъ поляхъ у Тарентекаго залива раньше, чѣмъ въ далекой Сициліи.

³⁾ О случайной омониміи здѣсь едва ли можетъ быть рѣчь, такъ какъ италійскій Кратисъ протекаетъ черезъ область, гдѣ первоначально не былъ извѣстенъ греческій языкъ. Сосѣдній Сибарисъ также получилъ свое имя отъ одного источника вблизи Буры въ Ахей (Strab. VIII 386).

⁴⁾ Названіе *Italia* предполагаетъ существованіе народа *Italoí*, точно такъ же, какъ названіе *Σικελία* — народа *Σικελοί*, или *Ἀρχαδία* — народа *Ἀρχαδῆς*. Уже Гелланикъ (fr. 97) и Тимей (fr. 12) производили это имя отъ

пространилось на весь полуостровъ до самыхъ Альпъ. Въ этой обширной странѣ грекамъ открылось безграничное поле дѣятельности, и сознание этого выразилось въ названіи «Великая Эллада», которымъ приблизительно въ VI вѣкѣ начали обозначать колоніи по ту сторону Ионическаго моря въ противоположность къ тѣснотѣ, какая ощущалась въ метрополиі благодаря чрезмѣрной густотѣ ея населенія ¹⁾). Если даже это и было сильнымъ преувеличеніемъ, то оно въ извѣстномъ смыслѣ было оправдано блестящимъ развитіемъ ахейскихъ поселеній. Весь берегъ Тарентскаго залива покрылся кольцомъ цвѣтушихъ городовъ: на сѣверѣ, у устья Брадана, Метапонтій, красно-рѣчивой эмблемой котораго былъ ржаной колосъ въ его гербѣ; затѣмъ Сирисъ въ плодородной низменности у устья рѣки того же имени, казавшійся поэту Архилоху идеаломъ колоніи; далѣе къ югу, гдѣ Кратисъ впадаетъ въ море, — Сибарисъ, богатство и роскошь котораго скоро вошли въ пословицу. Съ Сибарисомъ соперничалъ Кротонъ, вблизи Лацинскаго мыса, на вершинѣ котораго новые поселенцы воздвигнули храмъ царицы неба Герѣ, — храмъ, сдѣлавшійся главной святыней италійскихъ грековъ. Отъ этого зданія до сихъ поръ сохранилась колонна, которая высоко поднимается надъ синими водами Ионическаго моря, служа маякомъ для кораблей. Наконецъ еще южнѣе, у мыса Стило, находилось послѣднее изъ ахейскихъ поселеній, Кавлонія ²⁾).

vitulus; что оно дѣйствительно начиналось дигаммой, доказывается самнитскими монетами изъ эпохи союзнической войны. Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что народъ получилъ свое имя отъ слова „теленокъ“; такимъ же образомъ названіе „пиценяне“ произошло отъ *picus*, „гиряницы“—отъ *hirpus* (волкъ).

¹⁾ Въ дошедшей до насъ литературѣ это имя впервые встрѣчается у Полибія (II 39, 1) съ замѣчаніемъ, что оно было употребительно въ пиагорейскую эпоху. Дѣйствительно, оно могло появиться лишь въ то время, когда ахейскіе города въ Нижней Италіи стояли на высотѣ своего могущества, т. е. не позже VI вѣка. Общеупотребительнымъ это имя, повидимому, никогда не было; во всякомъ случаѣ въ V вѣкѣ оно было предано забвенію, изъ котораго его извлекли только ученые историки. Съ еессалійской Элладой оно имѣетъ такъ же мало общаго, какъ италійскіе ахеяне—съ ахеянами въ Фтіотидѣ.

²⁾ Strab. VI 261—265 (Scymnus), 318 сл. Преданіе, будто Сирисъ былъ основанъ іонянами изъ Колофона (Tim. fr. 62, сравн. Strab. VI 264), основывается только на сказаніи о Калхасѣ, которое было распространено въ обоихъ городахъ (Lycophr. 978 — 992 со схоліями, Plin. Nat. Hist. III, 104, Strab. XIV 642, сравн. Geffcken *Timaeos Geographie*, стр. 14, который впрочемъ предполагаетъ обратное отношеніе). Алфавитъ надписей на монетахъ этого города — ахейскій; и это имѣетъ рѣшающее значеніе. Въ осно-

Вскорѣ ахеяне проникли также вглубь страны и черезъ узкій полуостровъ на побережьѣ Тирренскаго моря. Здѣсь Сибарисъ основалъ колоніи (Скидръ и Лаосъ ¹⁾), и далѣе къ сѣверу, на равнинѣ нижняго Силара, Посейдонію, храмы которой еще и въ наше время величаво высятся надъ покинутой страной — великолѣпнѣйшій памятникъ греческой архитектуры, какой сохранился до насъ въ западной части Ионическаго моря ²⁾. Колонія Пиксъ, на срединѣ пути между Посейдоніей и Лаосомъ, была основана, по всей вѣроятности, Сирисомъ; она лежала какъ - разъ насупротивъ послѣдняго у Ионическаго моря, и вполнѣдствіи находилась съ нимъ въ тѣсныхъ сношеніяхъ ³⁾. Кротонъ основалъ въ верхней долиинѣ Кратиса Пандосію ⁴⁾ и на Катанзарскомъ перешейкѣ, гдѣ Ионическое море отдѣляется отъ Тирренскаго пространствомъ въ нѣсколько миль, — Терину ⁵⁾ и Скиллетій (Squillace) ⁶⁾. Теперь ахеяне владѣли всей страной отъ Брадана и Силара къ югу до Теринейскаго и Скиллетійскаго заливовъ, на протяженіи около 15000 квадр. килом.

Примѣру ахеянъ послѣдовали вскорѣ локры, жившіе насупротивъ ихъ у Коринескаго залива. Къ югу отъ ахейскихъ поселеній, недалеко отъ мыса Зефирія, они основали новые Локры ⁷⁾. Этотъ городъ также скоро достигъ богатства и могущества и расши-

ваніи этихъ колоній участвовали, по преданію, кромѣ ахеянъ еще и греки изъ другихъ областей, но мы не имѣемъ никакой возможности судить о достовѣрности относящихся сюда сказаній.

¹⁾ Herod. VI 21, Strab. VI 253.

²⁾ Strab. VI 252 (Scymnus) §249. Городъ существовалъ уже во время основанія Элеи (Herod. I 167); а развалины храма доказываютъ, что послѣдняя едва ли была построена позже 600 г.

³⁾ До насъ дошли монеты, приблизительно отъ середины VI вѣка, съ надписью на лицевой сторонѣ *Σιρίνος* и на оборотной сторонѣ — *Πυξόε(ι)ς* (Head *Hist. Num.* стр. 69). Городъ, повидимому, пришелъ въ упадокъ послѣ разрушенія Сириса и въ 471 году былъ снова заселенъ выходцами изъ Регіона (Diod. XII 59, Strab. VI 253).

⁴⁾ Strab. VI 256, (Scymnus) 306. По Евсевію основанъ въ томъ же году, какъ и Метапонтій, т. е. Ol. I, 4, 773 (II стр. 78 Schoene), что въ высшей степени невѣроятно. Или, можетъ быть, это показаніе относится къ Пандосіи близъ Гераклеи?

⁵⁾ (Scymnus) 306, Plin. *Natur. Histor.* III 72, Phlegon fr. 26 (F. H. G. III 608). О положеніи — Пиксъ *Ἀτακτα* стр. 13 сл. (*Annali delle Università Toscane* vol. XIX).

⁶⁾ Strab. VI 261.

⁷⁾ Strab. VI 261, Polyb. XII 8.2, (Scymnus) 313 — 7. Годъ основанія по Евсевію (II 86) — Ol. 26,4 (673). Впрочемъ, уже въ древности шелъ споръ о томъ, былъ ли городъ колоніей озольскихъ или опунтскихъ локровъ.

рилъ свои владѣнія до западнаго берега полуострова, гдѣ основаль колоніи Гишпоній и Медму ¹⁾).

Между тѣмъ и восточная Греція стала обращать свои взоры на новооткрытыя западныя страны; прежде всѣхъ халкидцы, самый храбрый народъ Эллады, какъ они названы въ одномъ древнемъ изреченіи ²⁾). Такъ какъ побережье Тарентскаго залива уже было занято, то они поплыли дальше въ Сицилію, миѳическую страну циклоповъ и лестригоновъ. Этихъ племень они, впрочемъ, тамъ уже не нашли, но за то встрѣтили народъ италійскаго происхожденія, сикеловъ или, какъ они называли себя въ западной части острова, сикановъ—народъ храбрый и воинственный, но лишенный національнаго единства и потому не сумѣвшій отразить чуждыхъ пришельцевъ ³⁾). Здѣсь, у подошвы величественной, покрытой снѣгами Этны, халкидцы основали Наксось—ихъ первое поселеніе и вообще первый греческій городъ на сицилійской почвѣ. Въ благодарность богу, благополучно проводшему ихъ чрезъ море, Аполлону-Предводителю, поселенцы воздвигли ему алтарь, на которомъ позднѣе, когда Сицилія сдѣлалась греческою областью, обыкновенно приносили жертвы всѣ тѣ, кто отпралялся на празднества въ метрополию ⁴⁾).

¹⁾ Thuc. V 5 (сравн. *Jahrb. für Philol.* 123 S. 391), Strab. VI 256, (Scymnus) 308.

²⁾ По преданію, въ изреченіи оракула *Anthol. Palat.* XIV 73.

³⁾ Имена *Σικελοί* и *Σικανοί* — италійскаго происхожденія, сравн. *Rutuli* и *Samniti*; они относятся другъ къ другу, какъ *Aequi* къ *Aequiculi*. Что сикелы говорили на италійскомъ нарѣчій, — доказываютъ глоссы, какъ *λέποις* — *lepus*, *κάτινον* — *catinum*, *γέλα* — *gelu*, и въ особенности обозначенія вѣса посредствомъ *λίτρα τριάς*, *τετραῖς*, *ἑξᾶς*, *ὀβυρία*. Извѣстія о доисторическомъ переселеніи сикеловъ изъ Италіи (*Hellan. fr.* 53, *Antioch. fr.* 1, Thuc. VI 2 etc.) составляютъ лишь умозаключеніе изъ того факта, что и въ позднѣйшее время сикелы еще жили въ южной части теперешней Калабріи (Thuc. VI 2, Polyb. XII 5, 6). Далѣе, сходство именъ не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что сикелы и сиканы были вѣтви одного и того же народа; это подтверждается также результатами могильныхъ раскопокъ. А такъ какъ въ Иберіи существовала рѣка Сиканъ, то сиканы будто бы пришли оттуда (Thuc. VI 2, *Philist. fr.* 3). Что касается иберійской надписи на одной вазѣ, находящейся въ музеѣ Бенедиктинцевъ въ Катаніи и относящейся приблизительно къ первой половинѣ IV вѣка (*Benndorf Gr. Vasenbilder* Taf. 43), то — если только это не поддѣлка новѣйшаго времени — она принадлежала, вѣроятно, какому-нибудь испанскому наемнику Діонисія.

⁴⁾ Thuc. VI 3. Очевидно, именно этотъ алтарь далъ поводъ Наксосу считать себя древнѣйшей эллинской колоніей въ Сициліи, чего никто и не оспариваль. И дѣйствительно, по географическимъ причинамъ вѣроятнѣе всего, что греки прежде всего поселились именно здѣсь. Время основанія этого

Изъ Наксоса халкидцы вскорѣ завладѣли окрестной страной. На югѣ они основали Катану, Леонтины, Каллиполисъ, Эвбею; на сѣверѣ, у пролива, отдѣляющаго Сицилію отъ Италіи, — Занклу, называвшуюся позднѣе Мессеной, и насупротивъ, на материкѣ, — Регій ¹⁾. Отсюда открылось передъ греками обширное Тирренское море. Правда, скалистый западный берегъ теперешней Калабріи и безводные Липарскіе острова представляли мало привлекательнаго; за то на небольшомъ островѣ Пиѳекусѣ (Искія), у берега страны опиковъ, они нашли такое мѣсто для колоніи, лучше котораго нельзя было пожелать: при чрезвычайно плодородной почвѣ, онъ представлялъ полную безопасность противъ непріятельскихъ нападений. Поэтому халкидцы поселились здѣсь уже очень рано, можетъ быть еще въ VIII вѣкѣ ²⁾. Вскорѣ они рѣшились перейти и на сосѣдній материкъ, гдѣ на плоскомъ, открытомъ берегу Гаэтанскаго залива, на крутой трахитовой скалѣ заложены были Кумы, названныя такъ по имени одной деревни на прежней родинѣ — Эвбеѣ ³⁾. Отсюда позднѣе, приблизительно около 600 года, былъ основанъ «Новгородъ» Неаполь ⁴⁾, а въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ Кумами, въ Дикеархіи (Пощуоли)

города Эфоръ, какъ мы видѣли (выше стр. 137 прим. 2), относить къ IX вѣку, между тѣмъ какъ по Фукидиду получается приблизительно 735 годъ (*Holm Gesch. Sic.* I 381). Филистъ (fr. 6, изъ первой книги) давалъ повидимому ол. VI (756/2). По крайней мѣрѣ, непонятно, для какой другой цѣли онъ сталъ бы упоминать о побѣдителяхъ этой олимпиады; эта дата можетъ относиться еще развѣ только къ основанію Сиракузь.

1) *Thuc.* VI 3.4, *Antioch.* fr. 10 у *Strab.* VI 257.

2) *Liv.* VIII 22, *Strab.* V 247 (по Тимею), *Dionys. Hal.* VII 3 (вѣроятно, также по Тимею).

3) *Steph. Byz.* *Κόμη*, сравн. *Bursian Quaest. Euboic. capita selecta* стр. 15. Мѣсто неизвѣстной эвбейской деревни, это имя производили обыкновенно отъ эоійскихъ Кумъ въ Малой Азіи (*Strab.* V 243, (*Scymnus*) 238, оба по Эфору). Затѣмъ предполагаемую дату основанія азіатскихъ Кумъ перенесли на италійскій городъ (*Duncker V*⁵ 485,1), и основаніе послѣдняго относили, сообразно съ этимъ, къ серединѣ XI вѣка (*Vell.* I 4, *Strab.* V 243, *Euseb.* II стр. 60—61 *Schoene*). Между тѣмъ ясно, что Кумы не могли быть основаны раньше древнѣйшихъ сицилійскихъ колоній, и это подтверждено результатами раскопки могилъ (*Helbig Nom. Epos* ² стр. 430).

4) *Lutatius Catulus Hist.* fr. 7 *Peter*, (*Scymnus*) 251, *Strab.* V 246. Пареноепя — не древнѣйшее имя города, а имя богини города, храмъ которой впрочемъ стоялъ здѣсь, можетъ быть, еще до основанія Кумъ (мое *Сатрапіен* ² стр. 439 сл.). Время основанія неизвѣстно; но несомнѣнно, что городъ возникъ не позже VI вѣка (*Сатрапіен.* ² стр. 29). Что города Палеополя (*Liv.* VIII 22) никогда не было, доказано мною I. с. стр. 60—62; неаполитанскій Палеополь — ничто иное, какъ самыя Кумы (*Mommsen CIL.* X p. 350).

поселились самосские бѣглецы (527) ¹⁾. Другой большой островъ Неаполитанскаго залива, Капрея, также былъ заселенъ, вѣроятно, халкидцами, потому что еще въ эпоху царей мы встрѣчаемъ тамъ греческое население ²⁾.

Кумы представляютъ крайній пунктъ на западномъ берегу Италиі, занятый халкидцами и вообще греками. Съ самаго своего основанія и до конца онѣ стояли въ сторонѣ отъ прочихъ колоній; сплошной рядъ греческихъ поселеній въ Италиі кончается у Силара (выше стр. 141). Подобную же позицію занимала на южномъ берегу Тирренскаго моря Гимера, основанная около 650 г. колонистами изъ Занклы ³⁾ и бывшая единственнымъ греческимъ городомъ на сѣверномъ берегу Сициліи. Этимъ закончилась халкидская колонизація на западѣ.

Примѣръ, поданный Халкидой, скоро вызвалъ подражаніе. Еще въ VIII вѣкѣ коринѣяне заселили богатый островъ Корциру у эпирскаго берега ⁴⁾ и затѣмъ также направились въ Сицилію. Такъ какъ полоса около Этны и морскаго пролива была уже занята халкидцами, то они пошли дальше къ югу и на небольшомъ островѣ Ортигіи, у лучшей гавани восточнаго побережья Сициліи, основали колонію Сиракузы ⁵⁾, которой суждено было со временемъ сдѣлаться метрополіей греческаго запада. Отсюда заложены были въ глубинѣ страны Акры и Касмены и затѣмъ, около 600 г., Камарина на обращенномъ

1) Hieron. подъ 1489 г. отъ Авраама (Euseb. II 99 Schoene).

2) Strab. V 248. Сказаніе о заселеніи Капреи телебойцами (Verg. Aen. VII 733) принадлежитъ къ тому же разряду преданій, какъ и всѣ сказанія о колонизаціи Италиі эллинскими племенами въ доисторическую эпоху, сравнимое *Campanien* ². стр. 439.

3) Thuc. VI 5, Diod. XIII 62, по Тимею.

4) Tim. fr. 53, Strab. VI 269. Указаніе, будто раньше поселились на островѣ эретрійцы (Plut. *Quest. Graec.* 11, стр. 293), основано, вѣроятно, только на томъ, что одно село на Корцирѣ называлось *Εἰβοια* (Strab. X 449): это имя и здѣсь, какъ въ Микенахъ, стоитъ вѣроятно въ связи съ культомъ Геры который процвѣталъ также на островѣ Эвбеѣ и, какъ показываютъ монеты, особенно въ Эретріи. На томъ же основаніи Амантію на эпиро-иллирійской границѣ приводили въ связь съ абантами.

5) По преданію основаны одновременно съ Корцирой (Strab. VI 269), на самомъ же дѣлѣ несомнѣнно позднѣе. Сиракузяне, конечно, претендовали на очень древнее существованіе своего города. Старшинство, впрочемъ, пришлось признать за Наксосомъ, но они по крайней мѣрѣ относили основаніе Сиракузъ къ слѣдующему году (Thuc. VI 3, 2). А что Сиракузы дѣйствительно принадлежатъ къ древнѣйшимъ греческимъ городамъ въ Сициліи, доказывается ихъ мѣстоположеніемъ; онѣ были основаны, вѣроятно, около 700 года.

къ Ливіи юго-западномъ берегу Сициліи ¹⁾. Но колонизаторская дѣятельность собственно Коринеа была направлена, главнымъ образомъ, на сѣверо-западную часть греческаго полуострова. Здѣсь въ теченіе VIII вѣка возникла сплошная цѣпь коринескихъ и коринео-корцирскихъ поселеній: Халкида и Моликрія въ Этоліи, у входа въ Коринескій заливъ; ²⁾; Солліонъ ³⁾, Анакторіонъ и особенно Левкада въ Акарнани ⁴⁾; Амбракія въ плодородной равнинѣ по нижнему теченію Арахѳа въ Эпирѣ ⁵⁾; Аполлонія ⁶⁾ и Эпидамнъ ⁷⁾—у входа въ Адриатическое море на иллирійскомъ берегу.

Подобно Коринеу, и сосѣдняя Мегара рано приняла участіе въ колонизаціи Сициліи. Здѣсь, между Сиракузами и халкидскими Леонтинами основана была новая Мегара, по преданію еще въ VIII столѣтіи, во всякомъ случаѣ раньше, чѣмъ Сиракузы достигли большого значенія и начали въ свою очередь высылать колонистовъ въ другія мѣста ⁸⁾. Окруженный могущественными сосѣдами, городъ лишенъ былъ возможности расширяться вглубь страны, вслѣдствіе чего мегаряне, когда собственная область оказалась тѣсной для нихъ, принуждены были двинуться на западъ. Вблизи крайней западной оконечности острова, на берегу Ливійскаго моря, они основали Селинунтъ, приблизительно около того самаго времени, когда халкидцы заложили на

¹⁾ Thuc. VI 3,2; 5, 2.3. Акры по преданію основаны около 664 г., Касмены (мѣстоположеніе которыхъ неизвѣстно)—около 640 г. Основаніе Камарины падаетъ по *Schol. Pind. Ol. V 16* на 45 ол. (600—596), по Евсевію—45, 2 ол.; дата Фукидида (135 лѣтъ послѣ основанія Сиракузъ) совпадаетъ съ этимъ временемъ.

²⁾ Thuc. I 108, III 102. До насъ не дошло никакихъ извѣстій о времени основанія этихъ колоній. Халкида является въ гомеровскомъ Спискѣ кораблей (*B 640*) этолійскимъ городомъ.

³⁾ Thuc. II 30.

⁴⁾ Эти города были будто бы основаны совместно Коринеомъ и Корцирой (Thuc. I 55, Plut. *Them.* 24) въ царствованіе Кипселидовъ, т. е. подъ конецъ VII вѣка (Никол. Дамас. 58, Strab. X 452).

⁵⁾ Основана сыномъ Кипсела, Горгомъ (Strab. VII 325, X 452).

⁶⁾ По Thuc. I 26 коринеская колонія, по Paus. V 22, 4 корцирская, по Strab. VII 316 устроена совместно обоими городами.

⁷⁾ Корцирская колонія, съ ойкисомъ коринейяниномъ (Thuc. I 24), основана по преданію въ 625 г. (Euseb. II 88 Schoene). Такъ какъ Эпидамнъ—самая сѣверная изъ этихъ колоній, то большая часть остальныхъ, вѣроятно, древнѣе. Впрочемъ, на дату основанія, приведенную Евсевіемъ, нельзя полагаться.

⁸⁾ Thuc. VI 4 сравн. выше стр. 137 прим. 2. Cavallari и Orsi *Megara Hyblaea (Monumenti Antichi pubblicati per cura delle R. Accademia dei Lincei I ст. 690—950, Milano 1892).*

противоположномъ берегу Гимеру (около 650 г.) ¹⁾. Новая колонія, благодаря своей плодородной почвѣ, скоро достигла значительнаго благосостоянія и въ свою очередь основала рядъ поселеній, въ томъ числѣ Миною вблизи устья Галика (*Платани*), названную такъ по имени небольшого острова на старой греческой родинѣ ²⁾.

Изъ государствъ греческаго материка еще только Спарта приняла участіе въ колонизаціи запада. Внутреннія смуты, вспыхнувшія тамъ послѣ покоренія Мессеніи, заставили по преданію часть побѣжденной партіи покинуть отечество. Эмигранты отплыли въ Япигію и основали здѣсь, при единственной хорошей гавани на юго-восточномъ побережьи Италіи, колонію Тарентъ (около 700 г.) ³⁾. Спустя два столѣтія, незадолго до Персидскихъ войнъ, спартанцы сдѣлали еще одну попытку укрѣпиться на западѣ; ниже мы вернемся къ этому предпріятію.

Отъ азіатскихъ грековъ Сицилія и Италія были слишкомъ отдалены, вслѣдствіе чего они не принимали почти никакого участія въ заселеніи этихъ странъ. Исключеніе составляетъ Родосъ, жители котораго вмѣстѣ съ критянами около начала VII вѣка основали въ плодородной низменности у устья Гелы колонію того же имени—первый греческій городъ на южномъ берегу Сициліи. Отсюда ⁴⁾ спустя около столѣтія (приблизительно въ 580 г.) основанъ былъ дальше къ западу Акрагантъ на значительной возвышенности, съ которой открывается чудесный видъ на близлежащее море ⁵⁾. Этимъ былъ выполненъ промежутокъ, который оставался въ ряду греческихъ городовъ между Гелой и Селинунтомъ. Приблизительно въ то же самое время выходцы

¹⁾ Thuc. VI 5, Diod. XIII 62, по Тимею.

²⁾ Herod. V 46, сравн. выше стр. 133.

³⁾ Извѣстія объ основаніи этого города (Strab. VI 264, Justin. III 4) носятъ совершенно мѣстическій характеръ. Нѣтъ никакого основанія сомнѣваться въ спартанскомъ происхожденіи города; оно доказывается существованіемъ эфората, какъ высшаго учрежденія, въ тарентской колоніи Гераклеѣ и, можетъ быть, также монетами съ надписью *περιπόλων Πιττανατῶν* (Head *Hist. Num.* 91), которыя, впрочемъ, могутъ указывать и на какія-нибудь другія отношенія. Сисситія удержались въ Тарентѣ до III вѣка; въ мѣстномъ музеѣ хранится tessera того времени. Впрочемъ, по преданію сисситія были въ Италіи исконнымъ мѣстнымъ учрежденіемъ (Arist. *Polit.* IV (VII) 1329 b).

⁴⁾ Thuc. VI 4. По преданію, Сирисъ и Сибарисъ на Треисѣ, вблизи знаменитаго города того же имени, были также родосскими колоніями, равно какъ и Пареенопея на мѣстѣ позднѣйшаго Неаполя (Strab. VI 264, XIV 654). Но достовѣрность этихъ извѣстій очень сомнительна, такъ какъ они связаны съ именемъ Тлеополема (Тимей у [Aristot.] *Περὶ θαλάσσης ἀκρωσι.* 107 и Lycophr. 923).

⁵⁾ Thuc. VI 4, сравн. Pind. *ol.* II 93 со схол.

изъ Родоса и Книда, подъ предводительствомъ гераклида Пентаэла, сдѣлали попытку поселиться на крайней западной оконечности Сициліи, у мыса Лилибея. Но здѣсь эллины встрѣтили сильный отпоръ со стороны элимовъ, исконныхъ жителей этой части острова ¹⁾, и со стороны гражданъ сосѣдней финикійской колоніи Мотиі. Новые поселенцы и ихъ селинунтскіе союзники потерпѣли поражение, самъ Пентаэль былъ убитъ, а остатокъ его людей принужденъ былъ искать убѣжище на пустынныхъ Липарскихъ островахъ, которые, благодаря этому, и были присоединены къ греческимъ владѣніямъ ²⁾.

Еще раньше открылся для греческой торговли далекій западъ. По преданію, самосскій морякъ Колей, занесенный бурей по пути въ Египетъ на Ливійскій берегъ, первый попалъ въ Тартесъ, страну богатую серебромъ, вблизи Геркулесовыхъ столбовъ (около 600 г.) ³⁾. Приблизительно около этого самаго времени іонійскіе фокейцы основали недалеко отъ устья Родана колонію Массалію ⁴⁾, которая вскорѣ сдѣлалась средоточіемъ торговли въ этихъ краяхъ и распространила свое вліяніе далеко въ глубь страны кельтовъ. Сосѣдній берегъ покрылся массалійскими факторіями, какъ Антиполисъ (*Antibes*) и Никея (*Nizza*) у подошвы морскихъ Альпъ, Агате (*Agde*) въ лагунахъ теперешняго Лангедока, Эмпоріи (*Ampurias*) въ Пиренеяхъ. Отсюда фокейцы вдоль

¹⁾ По позднѣйшему сказанію элиміяцы—троянскаго происхожденія; поводомъ къ этому предположенію послужило то, что названіе рѣки, протекающей вблизи Сегесты, звучало для грековъ какъ Скамандръ. Для полноты наши здѣсь, конечно, и Симоентъ. Кромѣ того, уже самое существованіе знаменитаго храма Афродиты на горѣ Эрикесъ наводило на мысль объ Энеѣ. Элимы вѣроятно—остатокъ жившаго здѣсь до прихода сикеловъ исконнаго населенія, о національности котораго мы, правда, ничего не знаемъ. Во всякомъ случаѣ нужно замѣтить, что имена Сегеста, Эрикесъ, Энтелла встрѣчаются также и въ Лигуріи (*Nissen Ital. Landeskunde* I 469). Единственные остатки элиміяскаго языка сохранились въ надписяхъ на монетахъ *Σαυσταζιβ*, *Σευσταζιβειν*, *Ερικαζιβ* и т. п. Предложеніе Kinch'a—B въ этихъ надписяхъ читать какъ η, т. е. *Σαυσταζιβ ηίμ* etc. (*Zeitschr. für Numismatik* XVI стр. 187—207, сравн. Meister *Philol.* 1890 стр. 607—612) я считаю неудачнымъ; непонятно, откуда явилось сюда іонійское нарѣчіе и откуда взять этотъ странный алфавитъ. Къ тому же жители Сегесты на своихъ монетахъ съ греческою надписью изъ эпохи до римскаго завоеванія всегда выпускали начальную Σ, совершенно такъ, какъ это дѣлаютъ греческіе авторы. Поэтому форма *Σαυσταζιβειν* есть, очевидно, мѣстный эквивалентъ греческаго *Ἐυσταίων*,—и дѣйствительно, одновременно чеканились монеты съ обѣими надписями.

²⁾ Diod. V 9 (по Тимею), Antioch. fr. 2 (у Павс. X 11), Thuc. III 88. Евсевій относитъ его основаніе еще къ 627 г. (II 88 Schoene).

³⁾ Herod. IV 152.

⁴⁾ По Тимею (fr. 40) за 120 лѣтъ до битвы при Саламинѣ,

Иберійскаго берега проникли въ Тартесь, гдѣ вступили въ дружественныя сношенія съ туземцами ¹⁾ и основали колонію Менаку: это былъ крайній пунктъ, которымъ завладѣли эллины на западъ ²⁾. На Кирнѣ (Корсика) фокейцы также устроили свои колоніи. Около 565 г. они основали на восточномъ берегу острова Алалію, и когда послѣ паденія Сардъ Іонія принуждена была подчиниться персамъ (545), значительная часть фокейскихъ гражданъ, покинувъ отечество, ушла къ своимъ единоплеменникамъ въ Алалію, которая, такимъ образомъ, изъ простой торговой факторіи превратилась въ могущественный городъ ³⁾.

Но эти успѣхи были большею частію недолговѣчны. Одновременно съ эллинами, можетъ быть даже нѣсколько раньше ихъ, въ западную часть Средиземнаго моря проникли и финикійцы ⁴⁾. Сѣверное побе-

1) Herod. I 163, сравн. Stesich. fr. 5, Anacr. fr. 8.

2) (Scymnus) 145, Strab. III 156. Городъ лежалъ къ востоку отъ Малаги, въ недалекомъ разстояніи отъ послѣдней.

3) Herod. I 165 слл. Antioch. fr. 9 у Strab. VI 252, сравн. Melzer *Geschichte der Karthager* I 485.

4) Хронологія финикійской колонизаціи, разумѣется, еще гораздо болѣе ненадежна, чѣмъ даты основанія эллинскихъ колоній. Даже относительно Картегена нѣтъ никакихъ достовѣрныхъ извѣстій. Тимей (г. 21) годомъ его основанія считаетъ 814. Мы нарушили бы всякую аналогію, если бы допустили, что сосѣднія колоніи, какъ напр. Утика, были основаны цѣлыми столѣтіями раньше. Въ восточной части Сициліи не найдено ни одной финикійской могилы и вообще никакихъ памятниковъ, которые указывали бы на пребываніе здѣсь финикійянъ (*Orsi Bull. Ital. di Paletnologia* XVII, 1891 стр. 135), и въ сицилійскихъ некрополяхъ до-эллинской эпохи почти совершенно отсутствуютъ продукты финикійской промышленности. Точно также сказанія объ основаніи греческихъ городовъ, не разъ упоминающія о сикелахъ, ничего не говорятъ намъ о финикіянахъ. Слѣдовательно финикіяне пришли въ Сицилію, очевидно, лишь послѣ грековъ, и если извѣстіе Θуклида (VI 2, 6) противорѣчитъ этому, то онъ, или вѣрнѣе его источникъ былъ введенъ въ заблужденіе нѣкоторыми мѣстными названіями, какъ *Φοινικοῦσσα*, *Φοινικὸς*, *Φοινίκη*. Основанію Гимеры и Селинунта финикіяне не препятствовали или не были въ состояніи помѣшать; но такъ какъ это крайніе пункты греческихъ владѣній въ Сициліи, то финикійскія колоніи на этомъ островѣ могли быть основаны немногимъ позже, вѣроятно около начала VII вѣка. Римляне называютъ финикійянъ ихъ греческимъ именемъ; кромѣ того, ихъ морская терминологія находится всецѣло подъ вліяніемъ греческой, а не финикійской. Такимъ образомъ, и съ западнымъ побережьемъ Италіи финикіяне завязали сношенія, повидимому, позже грековъ. Мнимая семитическая этимологія имени *Αγύλλα* совершенно такъ же проблематична, какъ подобныя толкованія названій мѣстъ у Эгейскаго моря. Подробнѣе въ *Rh. Mus.* 1894, сравн. также Melzer *Geschichte der Karthager* I (Berl'n 1879).

режье Ливіи отъ Большаго Сирта до Геркулесовыхъ столбовъ покрылось кольцомъ ихъ колоній, между которыми первое мѣсто занялъ со временемъ Карѳагенъ, благодаря своему чрезвычайно благопріятному положенію. Вскорѣ они перешли и на лежащіе насупротивъ Африки острова. Они заселили Мелиту (*Malta*) и Гавль (*Gozzo*) и основали на западѣ Сициліи Мотію, Панормъ и Солунтъ—вѣроятно, въ теченіе VII вѣка. Дальнѣйшему расширенію ихъ владѣній помѣшали греки; напротивъ, въ Сардиніи финикіяне могли безпрепятственно устраивать колоніи, такъ какъ греки, хотя и собирались поселиться здѣсь, но никогда серьезно не приводили въ исполненіе этого намѣренія. Вдоль южнаго и западнаго береговъ острова появился цѣлый рядъ финикійскихъ колоній: Карались, Нора, Сулхи, Фарросъ и другія ¹⁾. Питіускіе острова, по преданію, были заселены въ 654/3 году карѳагенскими колонистами ²⁾. Въ страну серебряныхъ рудниковъ, Тартесъ, финикіяне проникли еще въ VIII вѣкѣ ³⁾; здѣсь главнымъ оплотомъ ихъ сдѣлался Гадесъ, расположенный на небольшомъ островѣ за Геркулесовыми столбами, на берегу океана.

Теперь столкновеніе съ элинами стало неизбѣжнымъ, и, кажется, именно опасность, угрожавшая финикіянамъ съ этой стороны, побудила ихъ разбросанныя колоніи сплотиться вокругъ Карѳагена въ одно государство, или по крайней мѣрѣ значительно облегчила Карѳагену дѣло объединенія ⁴⁾. Прежде всего нужно было вытѣснить фокейцевъ изъ Корсики, гдѣ они поселились незадолго передъ тѣмъ. Для этого финикіяне нашли союзниковъ въ этрускахъ, которые уже давно наводили на грековъ страхъ своими смѣлыми морскими разбоями и не меньше финикіянь видѣли для себя опасность въ томъ, что фокейцы поселились въ такомъ непосредственномъ сосѣдствѣ съ ихъ побережьемъ. Натиску двухъ народовъ, считавшихся въ западной части

¹⁾ Pais *La Sardegna prima del dominio romano* (*Atti dell' Accademia dei Lincei* 1880—81) стр. 47 слл. Какъ пишетъ мнѣ авторъ, — судя по извѣстному до сихъ поръ археологическому матеріалу, нѣтъ основанія думать, что финикійскія поселенія на этомъ островѣ возникли раньше VI вѣка.

²⁾ Diod. V 16 (по Тимею) сравн. Melzer *Gesch. der Karthager* I стр. 154.

³⁾ Древнѣйшее историческое извѣстіе о сношеніяхъ финикіянь съ Тартесомъ мы находимъ у Исаи (2, 16; 23, 6. 10. 14; (60, 9; 66, 19); подлинность глав. 23 также сомнительна). „Фарсійскій корабль“ въ *Книжѣ царей* I 9, 26 слл. конечно ничего не доказываетъ относительно эпохи Соломона; это извѣстіе важно лишь для времени возникновенія Второзаконія (VI вѣкѣ); а дошедшая до насъ дата основанія Гадеса, около 1100 г. (Velleius I 2, 4), заслуживаетъ такъ же мало довѣрія, какъ и дата основанія Утики.

⁴⁾ Melzer *Gesch. der Karthager*. I 142—248.

Средиземнаго моря самыми опытными въ морскомъ дѣлѣ, фокейцы не могли противостоять; хотя они въ открытомъ морскомъ сраженіи и одержали побѣду, даже не смотря на численный перевѣсъ непріятели, однако ихъ потери при этомъ были такъ велики, что они принуждены были отказаться отъ Алаліи. Они ушли въ южную Италію и основали здѣсь, между Пиксомъ и Посейдоніей, колонію Гіелу или, какъ ее позднѣе обыкновенно называли, Элею ¹⁾.

Теперь Массалія была изолирована и предоставлена собственнымъ силамъ. Она не могла уже удержать за собою Менаку, и Кароагенъ безъ сопротивленія завладѣлъ Тартесомъ. Однако въ предѣлахъ своихъ владѣній Массалія побѣдоносно отражала всѣ нападенія финикійцевъ, и кончилось тѣмъ, что между владѣніями обоихъ городовъ установилась какъ бы демаркаціонная линія: къ сѣверу отъ мыса Артемисія (Sard de la Nao) осталось преобладающимъ массалійское вліяніе, къ югу, на восточномъ побережьѣ Иберіи—кароагенское ²⁾.

Кирнъ послѣ удаленія фокейцевъ подпалъ подъ этрусское вліяніе. Еще раньше, кажется, этруски завладѣли плодородной равниной по нижнему теченію Волтурна и основали тамъ рядъ колоній, средоточіемъ которыхъ была Капуя ³⁾. Теперь они обратили свое оружіе противъ эллинскихъ Кумъ (по преданію въ 524 г.) ⁴⁾. Но здѣсь побѣда досталась превосходившимъ ихъ въ военномъ искусствѣ грекамъ; теперь послѣдніе въ свою очередь могли перейти въ наступленіе, чтобы защитить дружественные латинскіе города отъ пораженія этрусками. Но Кумы не могли долго противостоять въ неравной борьбѣ, и только благодаря помощи сиракузянъ греки удержались здѣсь приблизительно до конца V вѣка.

Почти одновременно съ началомъ колонизаціи запада началось распространеніе эллиновъ по направленію къ сѣверу и юго-востоку. На первомъ планѣ и здѣсь стояли халкидцы. Насупротивъ Эвбеи врѣзывается съ сѣвера въ Эгейское море большой полуостровъ, который,

¹⁾ Herod. I, 166 сл. Названіе 'Υέλη—италійское (*Velia*); начальное V сначала было замѣнено черезъ Y (которое въ то время произносилось еще какъ y), а впоследствии совсѣмъ было выпущено.

²⁾ Melzer *Gesch. der Karthager*. I 166 сл.

³⁾ Polyb. II 17, 1, Cato *Origines* fr. 69 Peter. Эти извѣстія подтверждаются тѣмъ обстоятельствомъ, что алфавитъ осковъ взятъ не прямо изъ халкидскаго, а черезъ посредство этрусскаго алфавита, сравн. мое *Samranien* ² стр. 443 сл. Сообщаемая Катономъ дата основанія Капуи заслуживаетъ, конечно, не больше довѣрія, чѣмъ дата основанія Рима и всѣ подобныя извѣстія.

⁴⁾ Dion. Halic. VII 3 - 6 (по Тимею).

благодаря значительному расчлененію берега и плодородію почвы, особенно привлекалъ къ себѣ поселенцевъ. Здѣсь возникъ длинный рядъ греческихъ колоній, большая часть которыхъ была основана выходцами изъ Халкиды; отсюда и позднѣйшее названіе полуострова — Халкидика ¹⁾. Сосѣдняя съ Халкидой Эретрія и островъ Андросъ также приняли участіе въ этой колонизаціи; первая основала нѣсколько городовъ на полуостровѣ Палленѣ ²⁾, Андросу обязаны своимъ происхожденіемъ Стагирь, Аканеѣ и Сана въ восточной части Халкидики ³⁾. Какъ кориняне послѣдовали за халкидцами на западъ, такъ они и сюда пришли за ними. На узкомъ перешейкѣ, соединяющемъ полуостровъ Паллену съ Халкидикой, они основали колонію Потидею (около 600 г.) ⁴⁾, которая до самой Пелопоннеской войны оставалась самымъ значительнымъ городомъ этого края. Коренные жители, еракійцы, сохранили свою независимость только на крутыхъ склонахъ Аэона ⁵⁾.

Дальше къ востоку паросцы въ первой половинѣ VII вѣка завладѣли гористымъ островомъ Фазосомъ, въ то время еще покрытымъ густымъ дѣвственнымъ лѣсомъ ⁶⁾. Новые поселенцы вскорѣ перешли на сосѣдній материкъ, гдѣ они основали рядъ торговыхъ станцій, какъ напр., Эсиму и Галепсъ ⁷⁾, хотя имъ пришлось также вести продолжительную борьбу съ воинственными еракійскими племенами ⁸⁾. Можетъ быть еще раньше хіосцы основали на южномъ берегу Фракіи Маронею ⁹⁾; уже Одиссея восхваляетъ превосходное вино этой мѣстности, которое въ продолженіе всей древности сохраняло свою славу ¹⁰⁾, а Архилохъ рассказываетъ о войнѣ маронейцевъ съ фазосцами изъ-за обладанія портовымъ городомъ Стримой, которая окончилась побѣдой Фазоса ¹¹⁾. Насупротивъ Фазоса, на плодоносной рав-

1) Strab. X 447. О времени этой колонизаціи до насъ не дошло никакихъ извѣстій; она началась, вѣроятно, въ самомъ началѣ VII, если уже не въ VIII вѣкѣ, и окончилась въ VI.

2) Strab. I c., Thuc. IV 123.

3) Thuc. IV 84, 88, 109.

4) Nicol. Dam. 60, Thuc. I 56 сл.

5) Thuc. IV 109.

6) Steph. Byz. *Φάσος*, Archil. fr. 21. Поэтъ или принималъ участіе въ колонизаціи, или по крайней мѣрѣ вскорѣ послѣ этого прибылъ въ Фазосъ; отсюда опредѣляется время основанія этой колоніи.

7) Herod. VII 118, Thuc. I 100, IV 107.

8) Archiloch. fr. 6.

9) [Scymnus] 678.

10) *ι* 195 сл., Plin. *Nat. Hist.* 14, 54, сравн. нумизматическія данныя.

11) Archil. fr. 146, Herod. VII 108.

нинѣ между Нестомъ и Бистонской бухтой, жители Клазомены построили въ 651 году Абдеру, но не могли устоять противъ нападений аракійцевъ. Болѣе счастливы были жители Теоса, которые, послѣ покоренія Іоніи персами (545), переселились сюда и заняли покинутый городъ ¹⁾; теперь Абдера въ короткое время превратилась въ самый значительный и цвѣтушій городъ всего побережья и приняла живое участіе также въ духовной жизни націи.

Область, лежащая къ востоку отъ Абдеры и Маронеи, была покрыта колоніями азіатскихъ грековъ. Изъ городовъ метрополии до эпохи греко-персидскихъ войнъ одна только Мегара основала здѣсь колоніи, подобно тому какъ изъ азіатскихъ городовъ только Родось и Фокея принимали участіе въ колонизаціи запада.

Лесбось и Тенедось долго оставались крайними форпостами эллинскаго міра на сѣверо-востокѣ. Повидимому, только въ теченіе VIII вѣка населенію этихъ острововъ удалось завладѣть южной частью Трояды, отъ покрытыхъ лѣсомъ склоновъ Иды до входа въ Геллеспонтъ ²⁾; впрочемъ ни одна изъ многочисленныхъ колоній, основанныхъ здѣсь, не достигла болѣе или менѣе значительнаго развитія. Затѣмъ лесбосцы перешли также на европейскій берегъ Геллеспонта и построили Сестъ въ самомъ узкомъ мѣстѣ пролива и Алопеконнесъ — на сѣверномъ берегу аракійскаго Херсоннеса ³⁾. Наконецъ, и Эносъ у устья широкаго Гебра, главной рѣки Фракіи, былъ заселенъ митиленцами ⁴⁾. Дальнѣйшему распространенію грековъ на этомъ побережьи положили предѣлъ воинственные аракійскія племена.

За лесбосцами вскорѣ послѣдовали милетцы. Около 670 г. они основали насупротивъ Сеста Абидось ⁵⁾ и приблизительно въ то же самое время (по преданію, въ 675 г.) — Кизикъ, на перешейкѣ, соединяющемъ гористый полуостровъ Арктооннесъ съ азіатскимъ материкомъ ⁶⁾. Вокругъ этихъ колоній возникъ цѣлый рядъ другихъ

¹⁾ Herod. I 168, Strab. XIV 644. Время перваго основанія—по Euseb. II 68 Schoene.

²⁾ Herod. I 151, V 122, Xen. *Hell.* III 1, 10 сл., Thuc. IV 52, Strab. XIII 610. Сравн. Eduard Meyer *Geschichte der Troas* (Leipzig 1877). Такъ какъ милетцы основали Абидось въ эпоху Гигеса (около 680—660), то едва ли можно допустить, что эолійскія колоніи въ южной Троядѣ возникли значительно раньше.

³⁾ [Scymnus] 706—719, Herod. IX 115.

⁴⁾ Ephor. fr. 73 (отсюда Strab. VII 331 fr. 52), Herod. VII 58, Thuc. VII 57. Какъ аракійскій городъ упоминается *l.* 520.

⁵⁾ Strab. XIII 590, XIV 635 см. выше прим. 2.

⁶⁾ Strab. XIII 587, XIV 635. Евсевій даетъ двѣ даты основанія: ол. 6, 1

милетскихъ поселеній, какъ напр., Прогоннесъ на островѣ того же имени вблизи Кизига, Паріонъ, Пріапъ, Кіосъ на южномъ побережьи Пропонтиды ¹⁾, Лимны и Кардію на еракійскомъ Херсоннесѣ ²⁾. Въ колонизаціи этихъ мѣстъ приняли участіе и другіе іонійскіе города. Такъ, фокейцы основали (651) сосѣдній съ Абидосомъ Лампсагъ, сдѣлавшійся позднѣе самымъ значительнымъ городомъ на Геллеспонтѣ ³⁾, теосцы заложили на южной оконечности еракійскаго Херсоннеса Элей ⁴⁾, самосцы—Перинѳъ на сѣверномъ берегу Пропонтиды около (600 г.) ⁵⁾.

Очень рано проникли милетцы и на берега Чернаго моря. Имъ принадлежитъ заслуга, что это море, наводившее страхъ на греческихъ мореплавателей своими негостепримными берегами, занятыми дикимъ варварскимъ населеніемъ, превратилось въ «гостепримное море» (*Πόντος Ἐξέμιος*), съ которымъ лишь немногія другія мѣста могли соперничать въ важности для греческой торговли. Не даромъ Милетъ основалъ, по преданію, въ общемъ не менѣе 90 колоній на берегахъ Геллеспонта и Чернаго моря ⁶⁾. Около 630 г. милетцы построили неподалеку отъ устья Галиса Синопъ ⁷⁾, который скоро превратился въ самый значительный рынокъ этой страны и въ свою очередь основалъ рядъ колоній, какъ Котіора, Трапезунтъ и Керасъ ⁸⁾. Но особенно устремились милетцы на плодоносныя равнины сѣверо-западнаго и сѣвернаго побережій Чернаго моря, которымъ суждено было со временемъ сдѣлаться главною житницей Греціи. Съ половины VII вѣка здѣсь возникъ цѣлый рядъ милетскихъ колоній. Прежде всего основанъ былъ, по преданію въ 656 г., Истръ къ югу отъ устья въ Ду-

(756) и ол. 26, 2 (675). Такъ какъ всѣ остальные греческія колоніи на Геллеспонтѣ и Пропонтидѣ, кромѣ Паріона и Астака, по дошедшимъ до насъ извѣстіямъ основаны не раньше VII вѣка, то вторая дата заслуживаетъ предпочтенія, не претендуя однако на абсолютную вѣрность.

1) Strab. XIII 587 сл., Plin. Nat. Hist. V 144. Для основанія Паріона Евсевій даетъ дату ол. 18, 1 (708).

2) Анаксименъ изъ Лампсака у Strab. XIV 635, [Scymnus] 705.

3) Charon Lamp. fr. 6. Enseb. II 86 (Schoene) ол. 32, 2. Напротивъ, Страбонъ XIII 589 называетъ Лампсагъ милетскою колоніей.

4) [Scymnus] 786.

5) Strab. VII 331 fr. 56, [Scymnus] 715; по Синкеллу, стр. 453, основанъ одновременно съ Камариной (см. выше стр. 144).

6) Plin. Nat. Hist. V 112, сравн. Ephor. fr. 92.

7) Strab. XII 546, (Scymn.) 911, годъ основанія по Евсевію—ол. 37, 4 (629/8) (въ армянскомъ переводѣ городъ названъ *Сидонъ*).

8) Xen. Anab. V 5, 10, сравн. IV 8, 22; V 5, 3. Евсевій даетъ слишкомъ раннюю дату основанія Трапезунта (ол. 6, 1).

ная ¹⁾, и через нѣсколько лѣтъ (644) Ольвія при впаденіи Гипазиса (*Бугъ*) въ лиманъ, образуемый Борисоеномъ ²⁾; позднѣе, въ первой половинѣ VI вѣкѣ, на восточномъ побережьѣ Фракіи Аполлонія, Одессѣи Тома ³⁾; затѣмъ Тиръ при устьѣ рѣки того же имени (*Днистръ*) ⁴⁾ и Θεодосія на южномъ берегу Крыма ⁵⁾. Но наиболѣе густо расположены были греческія колоніи у киммерійскаго Босфора, который соединяетъ Черное море съ Меотійскимъ озеромъ. Здѣсь на западномъ берегу возвышались Нимфей и милетская колонія Пантикапея ⁶⁾, позднѣйшая столица Босфорскаго царства; насупротивъ, на азіатскомъ берегу — основанная выходцами изъ Теоса Фанагорія (ок. 540.) ⁷⁾. Наконецъ, при устьѣ Дона былъ заложенъ Танаисъ — самая сѣверная изъ всѣхъ греческихъ колоній ⁸⁾.

Приблизительно въ одно время съ милетцами стали селиться на берегахъ Пропонтиды и мегаряне. Около 675 г. они основали у входа во фракійскій Босфоръ Калхедонъ, а спустя 17 лѣтъ на противоположномъ, европейскомъ берегу — Византію ⁹⁾. Мегарскими колоніями были также и Селимбрія ¹⁰⁾, расположенная западнѣ Византіи по сосѣдству съ нею, и Астакъ ¹¹⁾ на крайней восточной оконечности Пропонтиды, недалеко отъ того мѣста, гдѣ позднѣе была построена Никомедія. Но на берега самага Понта мегаряне проникли только въ сравнительно позднее время. Первою ихъ колоніей здѣсь была Гераклея, ¹²⁾

1) Herod. II 33, Strab. VII 319; основанъ по Евсевію ол. 31, 1, по (Скимну) 770 слл. — во время вторженія киммерійцевъ, что почти совпадаетъ съ предыдущей датой.

2) Strab. VII 306; по (Скимну) 809 городъ былъ основанъ въ эпоху господства мидянъ, т. е. до Кира, по Герониму — въ 1372 году отъ Авраама, т. е., по счету Евсевія, — ол. 34, 1.

3) (Scymnus) 730—765.

4) (Scymnus) 804.

5) Arrian. *Peripl. Pont.* 30

6) Strab. VII 309. Годъ основанія неизвѣстенъ.

7) (Scymnus) 886 Arr. у Eustath. къ Dionys. *Perieg.* 549 (Müller *Geogr. Gr. Min.* II 324).

8) Strab. XI 493.

9) Herod. IV 144; Strab. VII 320, XII 563, годъ основанія — по Евсевію II 86 Schoene. (ол. 30, 2).

10) (Scymnus) 715 сл.

11) Основана по Мемнону с. 20 (FHG. III 536) — ол. 17, 1, по Евсев. ол. 18, 4, по Герониму — ол. 17, 2. Но правдоподобно-ли, чтобы мегаряне прежде всего поселились именно здѣсь, на берегу Пропонтиды? Никомедійцы, считавшіе себя потомками древнихъ астаконъ, видѣли для себя, кажется, большую честь въ томъ, чтобы ихъ городъ признавался очень древнимъ.

12) Ephor. fr. 83 (отсюда [Scymn.] 973), Xen. *Anab.* VII. 1.

основанная ими совместно съ беотійскими колонистами около 550 г. въ странѣ маріандиновъ, приблизительно въ 200 килом. отъ устья Босфора. Отсюда были основаны Месембрія ¹⁾ и Каллатисъ ²⁾ на восточномъ берегу Фракіи и затѣмъ на южномъ концѣ Таврическаго полуострова Херсонесъ, вблизи теперешняго Севастополя ³⁾.

Но всѣ эти греческіе города на берегу Чернаго моря, за немногими исключеніями, оставались совершенно изолированными среди коренного варварскаго населенія. Настоящая эллинизация страны, какой подверглись Сицилія и Нижняя Италія, здѣсь никогда не удалась. Въ значительной степени это объясняется характеромъ береговъ Чернаго моря, которые, исключая Крима, совершенно не расчленены, такъ что владѣнія греческихъ поселеній, лишеныя всякой естественной защиты, были открыты для нападений племенъ, жившихъ въ глубинѣ страны. Къ этому обстоятельству присоединяется суровый зимній климатъ областей, лежащихъ къ сѣверу отъ Понта. Тамъ, гдѣ виноградъ и масляное дерево не могутъ расти или растутъ только въ защищенныхъ мѣстахъ—тамъ грекъ чувствовалъ себя не хорошо, и только горькая нужда или надежда на богатую торговую прибыль могла заставить его промѣнять свою знойную родину на такую страну. Вотъ почему греческіе города на берегу Чернаго моря никогда не достигли значительнаго народонаселенія; между ними нѣтъ ни одного, который могъ-бы сравниться съ Сибарисомъ, Тарентомъ, Акрагантомъ, не говоря уже о Сиракузахъ. Осужденные на постоянную упорную борьбу за существованіе, греки здѣсь не имѣли досуга предаваться высшимъ интересамъ; замѣчательно, какъ бѣдны были понтійскія колоніи умственными силами. Ихъ роль въ исторіи ограничилась, главнымъ образомъ, тѣмъ, что они снабжали метрополию хлѣбомъ, соленой рыбой и другими подобными сырыми продуктами. Только разъ, когда остальная нація уже подпала подъ чужеземное владычество, они рѣшающимъ образомъ вмѣшались въ крупную политику. Они были послѣдними борцами за свободу Греціи; но и въ этой борьбѣ ими руководилъ эллинизированный варваръ.

Если на италійско-сицилійскихъ и черноморскихъ побережьяхъ эллины могли почти безпрепятственно распространяться, то въ юго-восточной части Средиземнаго моря древнія культурныя государства съ ихъ густымъ народонаселеніемъ оказали непреодолимое сопротивление греческой колонизации. Въ Сиріи греки вообще и не пытались

¹⁾ Strab. VII 319, срав. Herod. IV 93, VI 33.

²⁾ Strab. VII 319, XII 542.

³⁾ Strab. VII 308, XII 542, (Scymn.) 822.

селиться; даже изъ Кипра имъ не удалось совершенно вытѣснить финикянъ. А когда ассирійскій царь Саргонъ въ концѣ VIII вѣка покорилъ Сирію, кипрскіе греки сочли нужнымъ, по крайней мѣрѣ номинально, признать его верховное владычество, и эту зависимость они сохраняли также при его преемникахъ вплоть до Ассурбанипала ¹⁾. Впослѣдствіи, послѣ паденія ассирійскаго царства, островъ подпалъ подъ египетскую власть ²⁾. Сынъ Саргона Санхерибъ (705—681) далъ отпоръ грекамъ, когда они попытались занять киликійскую равнину ³⁾; да и сами воинственные племена суровой Килигii и Ликии не подпускали грековъ къ берегамъ, или по крайней мѣрѣ препятствовали ихъ дальнѣйшему распространенію. Фаселисъ, основанный около 700 г. родосцами на западномъ берегу Памфилійскаго залива, былъ послѣдней греческой колоніей на югѣ Малой Азіи ⁴⁾.

Богатая долина Нила уже рано стала привлекать къ себѣ греческихъ пиратовъ ⁵⁾, тѣмъ болѣе, что политическое раздробленіе страны въ VIII и первой половинѣ VII в. уничтожало всякую возможность энергичной защиты противъ нихъ. Выдающіяся воинскія способности этихъ пиратовъ побудили наконецъ саисскаго царя Псамметиха принять ихъ на службу въ качествѣ наемниковъ; съ ихъ помощью онъ побѣдилъ своихъ соправителей и освободилъ Египетъ отъ ассирійскаго владычества (приблизительно 660 — 645) ⁶⁾. Съ тѣхъ поръ греки сдѣлались ядромъ египетскаго войска, и если Нильская долина была теперь закрыта для пиратства грековъ, за то она открылась для греческой торговли. Милетцы основали колонію у Большитійскаго устья Нила, ниже Саиса (*Μιλησίων τεῖχος*) ⁷⁾; нѣсколько позже въ Навкратисѣ, недалеко отъ Канобійскаго устья, возникъ цѣлый рядъ греческихъ факторій, которымъ царь Амасисъ предоставилъ корпоративныя права. Этотъ городъ вскорѣ сталъ главнымъ торговымъ пунктомъ Египта и въ VI вѣкѣ занималъ, въ малыхъ размѣрахъ, то же самое положеніе, какъ позднѣе Александрія ⁸⁾. Съ теченіемъ

1) E. Meyer *Gesch. des Altert.* I стр. 488 сл.

2) Herod. I 182.

3) Верозъ у Alex. Polyhist. и Abyden. (Euseb. I 29 и 35 Schoene).

4) Aristaenet. Rhod. у Steph. Byz. *Γέλα* (FHG. IV 319), сравн. Herod. II 178.

5) § 257 сл. ρ 426 сл.

6) Herod. II 152. E. Meyer *Geschichte des Altert.* I стр. 561, *Gesch. Aegyptens* 360 сл. Wiedemann *Geschichte Aegyptens von Psammetich I bis auf Alexander den Grossen.* Leipzig 1880.

7) Strab. XVII 801.

8) Herod. II 178, Strab. XVII 801 сл. Свѣдѣнія о раскопкахъ Flinders

времени греки несомнѣнно сдѣлались бы господами этой страны; но персидское завоеваніе отсрочило этотъ успѣхъ на цѣлое столѣтіе и на время положило предѣлъ дальнѣйшему распространенію греческаго вліянія.

Путь изъ Греціи въ Египетъ шель обыкновенно мимо Крита на югъ въ направленіи къ побережью Ливіи ¹⁾; это самое узкое мѣсто восточной части Средиземнаго моря; пространство, которое необходимо здѣсь пройти въ открытомъ морѣ, составляетъ не болѣе 300 кил., т. е. почти равняется средней ширинѣ Эгейскаго моря. Скоро обнаружилась необходимость основать станцію въ томъ мѣстѣ, гдѣ мореплаватель впервые снова встрѣчалъ твердую землю. Поэтому въ 630 г. греки изъ Феры поселились на небольшомъ островѣ Платей, который именно въ этомъ пунктѣ лежитъ впереди Ливійскаго берега. Спустя нѣсколько лѣтъ они почувствовали себя достаточно сильными, чтобы перейти на сосѣдній материкъ. Здѣсь, въ недалекомъ разстояніи отъ берега, въ томъ мѣстѣ, гдѣ плоскогорье спускается къ морю, былъ основанъ городъ Кирена. Плодородная почва и, не въ малой степени, также торговля туземнымъ прянымъ растеніемъ сильфіономъ, которое очень цѣнилось въ Греціи, обеспечивали процвѣтаніе новой колоніи; сосѣднія ливійскія племена были покорены, и побѣдоносно отражено нападеніе египетскаго царя Апрія (570). Спустя короткое время на вершинѣ плоскогорья къ западу отъ Кирены была основана Барка (около 550) и на самомъ берегу — Тевхейра и Эвесперидъ. Дальнѣйшему распространенію на западъ мѣшалъ Карфагенъ, на востокъ — Египетъ, и Киренаика осталась въ южной части Средиземнаго моря единственною областью, заселенной греками ²⁾.

Petrie и Gardner *Egypt Exploration Fund, Naukratis* I. II. London 1888, 1889; сравн. G. Hirschfeld *Die Gründung von Naukratis, Rh. Mus.* 42 (1887) 207 сл. Изъ Solon fr. 28 видно, что Навкратисъ былъ греческой колоніей еще до Амасиса (Koehler *Sitzungsberichte der Berl. Akad.* 1892 S. 345).

1) § 295 сл. Поэтъ наивно думаетъ, что изъ Финикіи такъ же, какъ изъ Іоніи, можно при сѣверномъ вѣтрѣ попасть мимо Крита въ Ливію.

2) Herod. IV 150—160. Thirge *Res Cyrenensium* Kopenhagen 1828. По Евсевію Кирена основана ол. 37,2 (631), по Теофрасту (*Περὶ φυτῶν ιστορίας* VI 3,3) — лѣтъ за 300 до архонта Симонида (311/0). Приблизительно на 630 г. указываютъ также извѣстія Геродота (IV 159). Однако, этимъ показаніямъ противорѣчитъ генеалогія киренской династіи: Баттъ III Хромой, четвертый потомокъ основателя Кирены, умеръ не позже 530 г.; по этому счету на одно столѣтіе пришлось-бы 5 поколѣній, что совершенно невѣроятно. Первый Баттъ, несомнѣнно, мифическая личность, эпонимъ этого рода, или по-просту „царь“, такъ какъ на ливійскомъ языкѣ *βαττος* значитъ царь (Herod. IV 155). Барка была, по преданію, основана при четвертомъ царѣ, Аркесилаѣ II, че-

Такимъ образомъ, въ теченіи двухъ столѣтій греки завладѣли Ионическимъ моремъ, Пропонтидой и Понтомъ; въ Египтѣ и въ Ливіи, на западномъ побережьи Италіи и въ странѣ кельтовъ до далекой Иберіи возникли греческія колоніи. Нація вышла изъ тѣхъ тѣсныхъ рамокъ, въ которыхъ разыгрывалась до сихъ поръ ея исторія; отнынѣ греческое вліяніе становится руководящимъ во всей окружности Средиземнаго моря, что въ свою очередь отражается на всѣхъ областяхъ греческой жизни.

резь нѣкоторое время послѣ войны съ Априемъ (Herod. IV 160). О времени основанія Тевхейры мы ничего не знаемъ; объ Эвесперидѣ Герод. IV 204 упоминаетъ при описаніи похода Дарія. И въ самомъ дѣлѣ, этотъ пунктъ непременно долженъ былъ быть уже заселенъ, когда Доріей основалъ свою колонію при Кивипсѣ. Поэтому, если Θεогимъ (fr. 1) сообщаетъ объ основаніи колоніи послѣднимъ Аркесилаемъ, то вѣроятно здѣсь дѣло идетъ лишь объ укрѣпленіи существовавшаго уже поселенія.

ГЛАВА VII.

Переворотъ въ экономической жизни.

Еще въ началѣ VII вѣка Эллада была по преимуществу земледѣльческой страной. Промышленность хотя и достигла уже довольно значительной степени развитія въ техническомъ отношеніи, служила еще главнымъ образомъ къ удовлетворенію домашнихъ или, по крайней мѣрѣ, мѣстныхъ потребностей ¹⁾. Греческій рынокъ наводнялся произведениями восточной художественной промышленности, и морская торговля также ббльшую частью находилась въ рукахъ финикійскихъ купцовъ ²⁾.

Это положеніе дѣлъ начало измѣняться съ тѣхъ поръ, какъ по западному берегу Ионическаго моря, вдоль южнаго побережья Θρακίи

¹⁾ Helbig *Hom. Epos.*,² стр. 16 сл.

²⁾ Мы еще не имѣемъ „экономической исторіи грековъ“; замѣчательно, что въ нашихъ руководствахъ т. наз. классическихъ древностей и въ литературныхъ отчетахъ даже нѣтъ такой рубрики. Основнымъ сочиненіемъ является Воескh *Staatshaushaltung der Athener* 2. Aufl. Berlin 1851 (3-е изд. обработано Максомъ Френкелемъ, Берлинъ 1886, — безъ измѣненій, но съ нѣкоторыми добавленіями издателя). Büchsenhützel *Besitz und Erwerb im griechischen Altertum* не содержитъ ничего новаго сравнительно съ предыдущимъ сочиненіемъ. Годныя собранія матеріала даютъ: Büchsenhützel *Die Hauptstätten des Gewerbflusses im klassischen Altertum* и Blümner *Die gewerbliche Thätigkeit der Völker des klassischen Altertums* — объ работѣ увѣнчаны преміей Яблоновскаго общества. Лейпцигъ 1869. Много свѣдѣній, также и для послѣ-гомеровской эпохи, даетъ Riedenaуer *Handwerk und Handwerker in den homerischen Zeiten*, Erlangen 1873. Будемъ надѣяться, что новая *Zeitschrift für Social- und Wirtschaftsgeschichte* будетъ способствовать тому, чтобы на эту заброшенную до сихъ поръ область археологіи было обращено побольше вниманія.

и вокругъ Пропонтиды возникъ цѣлый рядъ греческихъ колоній. Колонисты приносили съ собой множество потребностей, которыхъ новая родина въ первое время и еще долго потомъ не могла удовлетворять. Оружіе и металлическіе инструменты, ткани, хорошая глиняная посуда—все это и еще многое другое приходилось получать изъ метрополи. Даже масло, составлявшее для грековъ предметъ первой необходимости, нужно было ввозить извнѣ, такъ какъ только греки стали культивировать оливковое дерево на побережьяхъ Италіи и Сициліи ¹⁾, и прошло, разумѣется, много лѣтъ, прежде чѣмъ эти плантаціи могли покрывать спросъ. Вскорѣ населеніе варварскихъ странъ, окружавшихъ колоніи, также научилось цѣнить произведенія греческой промышленности и греческаго земледѣлія, и для послѣднихъ открылся, такимъ образомъ, обширный рынокъ.

Берега Эгейскаго моря, правда, не принадлежатъ къ мѣстамъ, особенно щедро надѣленнымъ природой; но они представляли всѣ условія для развитія вывозной промышленности. Безчисленныя стада овецъ давали шерсть въ изобиліи, особенно въ области Милета. Море было богато драгоценными пурпуровыми улитками. Во многихъ мѣстахъ были залежи превосходной глины. Мѣдные рудники находились на Эвбеѣ вблизи Халкиды, которая, по преданію, этому металлу (*χαλκός*) обязана своимъ именемъ, и въ горахъ между Коринѳомъ и Аргосомъ; впрочемъ, количество добываемаго здѣсь металла было недостаточно для удовлетворенія нуждъ всей Греціи, и она никогда не могла обойтись безъ ввоза его съ Кипра. Желѣзо, напротивъ, добывалось въ избыткѣ, особенно въ Лаконіи, Беотіи, Эвбеѣ и на Цикладскихъ островахъ ²⁾. Разработка этихъ богатыхъ рудниковъ началась, кажется, въ VIII вѣкѣ ³⁾; этимъ, вѣроятно, и объясняется то обстоятельство, что съ этихъ поръ бронзовые орудія все болѣе и болѣе вытѣсняются оружіемъ и инструментами изъ желѣза. А въ VII вѣкѣ Греція уже была въ состояніи вывозить желѣзо на востокъ ⁴⁾.

1) Въ пользу этого говоритъ его латинское названіе, взятое изъ греческаго. Сравн. также Фенестелла у Plin. *Nat. Hist.*. XV 1 и Hehn *Kulturpflanzen und Haustiere* ² стр. 90 сл.

2) Büchsenschütz *Besitz und Erwerb im griechischen Altert.*, Halle 1869, стр. 98 сл.

3) Эпосъ не упоминаетъ о горной промышленности, но въ позднѣйшихъ своихъ частяхъ предполагаетъ ея существованіе (α 184); кромѣ того еракійскіе мечи N 577, Ф 807 сл. были, конечно, выкованы изъ туземнаго металла.

4) α 184, если только поэтъ, — какъ надо думать, — предполагалъ, то упомянутая тамъ *Τεμίσση* находится на Кипрѣ. Во всякомъ случаѣ, это

На развитіе греческой промышленности особенно сильное вліяніе имѣла сосѣдняя Лидія. Получаемыя отсюда произведенія промышленности уже въ VI вѣкѣ пользовались большой славой на островахъ и въ Европейской Греціи ¹⁾. Отъ своихъ лидійскихъ сосѣдей іоняне переняли обычай носить пурпурныя одѣянія и богатыя золотыя украшенія въ волосахъ и на рукахъ ²⁾. Но и въ самой Іоніи уже рано научились красить въ пурпурный цвѣтъ ³⁾ и стали подражать художественнымъ лидійскимъ тканямъ. Центромъ этого производства сдѣлался Милетъ, узорныя ткани котораго въ VI в. господствовали на всѣхъ рынкахъ вплоть до далекой Италіи ⁴⁾. Металлургія также достигла въ Іоніи значительнаго развитія; именно отсюда исходили важнѣйшіе техническіе успѣхи въ этой области. Такъ, около начала VI вѣка Главкъ изъ Хіоса открылъ способъ паять желѣзо ⁵⁾, а спустя короткое время самосскіе мастера Рекъ и Θεодоръ ввели въ Греціи литейное искусство ⁶⁾.

Второе средоточіе греческой промышленности находилось въ метрополи, на берегахъ Эврипа и Исема. Металлическое производство процвѣтало въ Халкидѣ—«городѣ рудниковъ» ⁷⁾, а также въ Коринѣ и сосѣднихъ Сигіонѣ, Аргосѣ, Эгинѣ, Афинахъ. Въ области ткацкой промышленности видное мѣсто занимала Мегара; позже она приписывала себѣ изобрѣтеніе валянія сукна ⁸⁾. Гончарное искусство достигло

мѣсто, которое написано не позже VII вѣка, доказываетъ, что въ это время желѣзо уже экспортировалось. Сравн. также Езекииль XXVII 16.

1) Alcman fr. 23, 67 *μίτρα Λυδία, κεκρίδων ἰανοσυλεφάρων ἀγαλμα*. Sappho fr. 19 (лидійская обувь). Сравн. Blümner, *Die gewerbliche Thätigkeit der Völker des klassischen Altertums*, Leipzig 1869, стр. 35.

2) Xenophan. fr. 3, сравн. Asius fr. 13, стр. 206 Kinkel. Peisandr. у Lud. *de Magist.* III 64 стр. 258 Bonn. Еще авторъ Списка троянцевъ смотрѣлъ на ношеніе золотыхъ украшеній, какъ на извѣженность, недостойную грека (B 872).

3) A 141, O 538, ζ 53.306, ν 108, ψ 201.

4) Tim. fr. 60 у Athen. XII 519 b, сравн. Herod. VI 21, Diod. XII 21. По преданію, уже Залевкъ запретилъ мужчинамъ носить милетскія матеріи (Diod. l. c.).

5) Herod. I 25. Такъ какъ Аліатъ пожертвовалъ въ Дельфы произведеніе Главка, то ояъ былъ, вѣроятно, его современникомъ: само собой разумѣется, что въ эпоху такого быстрого развитія искусства лидійскій царь не принесъ бы въ даръ произведенія давно умершаго художника. Сравн. *Winn Sitzungsber. der bayr. Akad.* 1871, стр. 542 прим. 1.

6) Overbeck *Griech. Plastik* I 4 стр. 77. На востокѣ оно давно было известно. См. слѣд. главу.

7) Алрей (fr. 15) хвалитъ халкидскіе мечи.

8) Plin. *Nat. Hist.* VII 196. Впервые валяніе упоминается у Архилоха fr. 170

особеннаго развитія въ Коринѣ, который въ продолженіе VII и VI вв. снабжалъ своими глиняными издѣліями весь греческій западъ ¹⁾, а также въ Аѣнахъ, гдѣ существовалъ даже отдѣльный гончарный кварталъ, Керамейкъ, который съ теченіемъ времени сдѣлался торговымъ и политическимъ центромъ города ²⁾.

Правда, произведенія греческой промышленности VII вѣка были отчасти еще очень несовершенны въ сравненіи съ восточными издѣліями. Однако въ предметахъ, предназначенныхъ для употребленія массы, это не имѣло большого значенія. И чѣмъ болѣе крѣпла греческая промышленность, чѣмъ тѣснѣе становились сношенія между Греціей и востокомъ, тѣмъ болѣе должны были исчезать эти техническія несовершенства. вмѣстѣ съ тѣмъ, въ противоположность условнымъ формамъ восточной промышленности, все болѣе обнаруживалась склонность грековъ къ изученію природы. Благодаря этимъ условіямъ, произведенія финикійской индустріи постепенно исчезали съ греческихъ рынковъ. Только относительно нѣкоторыхъ специальныхъ товаровъ, какъ благовонныя мази, стекляныя вещи и т. п., востокъ по прежнему пользовался монополіей; точно такъ же продолжали находить сбытъ въ Греціи восточныя ткани, въ особенности ковры. Но въ общемъ эллинскій міръ въ теченіе VI вѣка освободился отъ зависимости, въ которой онъ находился по отношенію къ восточной промышленности, и получилъ возможность на будущее время самъ удовлетворять своимъ потребностямъ.

Объ руку съ укрѣпленіемъ промышленности шло и развитіе морской торговли грековъ. Хотя финикійскій купецъ и не исчезъ еще съ Эгейскаго моря, но, по крайней мѣрѣ, сношенія между отдѣльными частями греческаго міра находились теперь главнымъ образомъ въ рукахъ грековъ, и уже въ VII вѣкѣ греки начали посѣщать даже восточные рынки. Съ тѣхъ поръ, какъ Псамметихъ съ помощью греческихъ наемниковъ сдѣлался единовластнымъ правителемъ Египта, Греція завязала оживленные торговыя сношенія съ долиной Нила, и въ Навкратисѣ возникла греческая колонія (выше стр. 156). Точно такъ же греки посѣщали и финикійскіе порты ³⁾; греческіе наемники

1) Wilisch *Die altkorinthische Thonindustrie* Leipzig 1892.

2) Аѣины приписывали себѣ изобрѣтеніе гончарнаго искусства (Critias fr. 1, 12—14). — Herod. V 88 упоминаетъ о запрещеніи пользоваться аттической глиняной посудой при извѣстномъ культѣ въ Аргосѣ и Эгинѣ. Однако въ большомъ количествѣ стали вывозить аттическія вазы въ Сицилію и Италію лишь послѣ Персидскихъ войнъ (Робертъ у Н. Droysen'a *Athen und der Westen*. Berlin 1882, стр. 34).

3) Езекииль XXVII 16.

и въ Вавилоніи, какъ въ Египтѣ, вступали въ военную службу ¹⁾. О томъ, какъ на далекомъ западѣ, у Геркулесовыхъ столбовъ, открылся для греческой торговли Тартесъ, страна серебряныхъ рудниковъ, — была рѣчь выше (стр. 147). И если эти сношенія продолжались сравнительно лишь короткое время, то благодаря Мессалии и основаннымъ ею колоніямъ, греки все же удержали въ своихъ рукахъ сношенія со страной кельтовъ и сѣверо-восточной Испаніей. Въ Лаціумѣ и Этруріи финикіяне долго соперничали съ греками, но подъ конецъ VI вѣка должны были уступить имъ поле дѣятельности ²⁾. Наконецъ Адриатическое и Черное моря съ обширными областями, которыя прилегаютъ къ нимъ, сдѣлались, начиная съ VII вѣка, исключительнымъ достояніемъ греческой торговли.

Несмотря на всѣ эти успѣхи, морское дѣло развивалось лишь очень медленно. Полузакрытыя пятидесяти-весельныя суда (*πεντηκόντοροι*), упоминаемая еще въ Иліадѣ, оставались во всеобщемъ употребленіи до Персидскихъ войнъ; ограничились только тѣмъ, что переднюю часть ихъ снабдили мѣдною шпорой, благодаря чему въ морской битвѣ кораблемъ можно было пользоваться какъ оружіемъ. Такого рода корабли впервые появляются на такъ называемыхъ вазахъ Дипилона при переходѣ изъ VIII въ VII вѣкъ, т. е. въ то время, когда греки стали совершать правильные рейсы въ Ионическое и Черное море ³⁾. Хотя уже въ гомеровскомъ Спискѣ кораблей упоминаются и большіе корабли, о 120 веслахъ ⁴⁾, но въ эту эпоху ими рѣдко пользовались. Изъ другихъ усовершенствованій въ области кораблестроенія нужно упомянуть еще развѣ объ изобрѣтеніи якоря, которое относится вѣроятно къ VII вѣку ⁵⁾. Такимъ образомъ, греческіе моряки по-прежнему выходили въ море только въ самое лучшее время года и при совершенно тихой погодѣ, да и тогда держались какъ можно ближе къ берегу. По словамъ автора *Ἐργα καὶ ἡμέραι* (VII в.), плаваніе по морю возможно собственно только позднимъ лѣтомъ, приблизительно съ середины или конца августа, какъ только

¹⁾ Алкей, fr. 33.

²⁾ Helbig *Hom. Epos* ² стр. 32.

³⁾ Безъ сомнѣнія къ такимъ кораблямъ относится извѣстіе Эук. I 13, 3, что коринѳянинъ Аминоклъ около 700 г. построилъ для самосцевъ „триеры“; самъ Эукидидъ говоритъ (I 14, 1), что триера лишь во времена Гелона иThemistокла вытѣснила старый пятидесятивесельный корабль. Сравни. Kroker *Jahrb. des Arch. Instituts* I (1886) стр. 108 слл.

⁴⁾ В 510.

⁵⁾ Якорь, еще совершенно неизвѣстный Гомеру, впервые упоминается у Алкея, притомъ—какъ одна изъ естественныхъ частей корабля.

на Эгейскомъ морѣ прекращаются сѣверные вѣтры, до первыхъ осеннихъ дождей. Правда, можно еще пуститься въ море весною, лишь только зазеленѣютъ верхушки деревь; но путешествіе объ эту пору поэтъ считаетъ безумнымъ рискомъ, отъ котораго онъ настойчиво предостерегаетъ ¹⁾. Въ теченіе слѣдующаго вѣка греки сдѣлались нѣсколько предприимчивѣе; но и теперь еще мореплаваніе прекращалось на всю зиму, и въ это время колоніи оставались совершенно отрѣзанными отъ метрополіи ²⁾.

Тѣмъ сильнѣе было стремленіе къ тому, чтобы по возможности устранить препятствія для морскихъ сношеній. Коринѣяне въ VI вѣкѣ прорыли перешеекъ, соединяющій полуостровъ Левкаду съ материкомъ, благодаря чему значительно сократился путь къ Амбракійскому заливу, въ Корциру и вообще на западъ ³⁾. Періандръ по преданію намѣревался даже прорыть каналъ черезъ Коринескій перешеекъ, но при техническихъ средствахъ того времени это предпріятіе оказалось, конечно, невыполнимымъ ⁴⁾. Поэтому удовольствовались постройкой деревяннаго волока (*διολκός*), по которому суда перетаскивались изъ одного моря въ другое ⁵⁾. Позже Ксерксъ велѣлъ прорыть перешеекъ Аонскаго полуострова вблизи Аканеа; но это сооруженіе должно было служить только военнымъ цѣлямъ, и послѣ изгнанія персовъ изъ Европы пришло въ упадокъ.

По мѣрѣ развитія морскихъ сношеній сухопутная торговля, при географическихъ свойствахъ греческой страны, должна была отступать на задній планъ. Въ самомъ дѣлѣ, на всемъ греческомъ полуостровѣ, исключая Аркадіи и областей вокругъ Пинда, нѣтъ ни одного пункта, который отстоялъ бы отъ морского берега больше, чѣмъ на разстояніе дневного перехода, а колоніи почти всѣ лежали у самаго моря или по крайней мѣрѣ очень близко къ нему. Поэтому искусство постройки дорогъ у грековъ не далеко ушло отъ той степени развитія, какой оно достигло уже въ микено-гомеровское время ⁶⁾.

¹⁾ Hesiod. "Eργα 663—686.

²⁾ Сравн. еще Thuc. VI 21, 2 ἐξ ἧς (Σικελίας) μῆτ' οὐδὲ τεσσάρων τῶν χειμερινῶν αὔρουλον ῥάδιον ἐλάθειν. Для V вѣка эти слова, впрочемъ, заключаютъ въ себѣ очевидное преувеличеніе.

³⁾ Strab. X стр. 452, I стр. 59, Plin. Nat. Hist. IV 5, Partsch Die Insel Leukas, 95-ое добавленіе къ Petermanns Mitteilungen, Gotha 1889.

⁴⁾ Laert. Diog. I 99.

⁵⁾ Strab. VIII 335, Schol. Aristoph. Thesm. 648, Thuc. III 15. VIII 7.

⁶⁾ Для слѣдующаго сравн. Curtius Zur Geschichte des Wegebaus bei den Griechen, Berlin 1855, и Büchschütz Besitz und Erwerb, стр. 445 слл.

Черезъ горныя ущелья обыкновенно вели узкія тропинки, а гдѣ и были устроены проѣзжія дороги, онѣ служили не столько потребностямъ торговли, сколько той цѣли, чтобы сдѣлать удобнымъ сообщеніе между большими городами и выдающимися святынями. Такой характеръ носили «священныя дороги» изъ Аѣинъ въ Элевсинъ и изъ Элиды въ Олимпію, а также широкая дорога для процессій изъ Аѣинъ черезъ Фивы въ Дельфы. Только немногія области, какъ Аттика, Арголида, Лаконія, обладали развитою сѣтью дорогъ. При этомъ обыкновенно въ скалистой почвѣ высѣкались колеи для колесъ, а въ опредѣленныхъ мѣстахъ — двойныя колеи для развѣзда. Сухопутныя путешествія грекъ совершалъ обыкновенно пѣшкомъ, или бралъ съ собою вьючное животное; даже важныя извѣстія еще въ V вѣкѣ обыкновенно отправлялись черезъ курьеровъ, которые, впрочемъ, дѣйствительно дѣлали чудеса ¹⁾. Такъ, скороходъ Фидиппидъ, по преданію, принесъ въ два дня изъ Аѣинъ въ Спарту извѣстіе о высадкѣ мидянъ при Марафонѣ; а о платейцѣ Эвхидѣ рассказываютъ, что онъ въ одинъ день прошелъ путь въ 70 килом. изъ Платей въ Дельфы и обратно—подвигъ, за который онъ поплатился жизнью ²⁾.

Греческая торговля сосредоточилась, конечно, въ тѣхъ же самыхъ мѣстахъ, съ которыми мы уже познакомились, какъ съ центрами промышленной дѣятельности. На первомъ планѣ и здѣсь стоитъ Іонія и въ особенности западное побережье Малой Азіи. Изъ двѣнадцати городовъ, имѣвшихъ въ Навкратисѣ свои факторіи, половина принадлежала Іоніи: Милетъ, Самось, Хиось, Теось, Фокея, Клазомены. Остальные были: эоійская Митилена и Галикарнасъ, Книдъ, Родось, Фаселисъ — изъ малоазіатской Дориды, и изъ европейской Греціи — одна только Эгина ³⁾. Изъ Пропонтиды и Чернаго моря большая часть товаровъ также шла въ Іонію, метрополию почти всѣхъ тамошнихъ колоній. Милетъ поддерживалъ кромѣ того очень оживленныя торговыя сношенія съ Италіей, особенно съ Сибарисомъ ⁴⁾, тогда какъ Фокея и Самось сдѣлались центрами сношеній съ далекимъ западомъ, Тартесомъ и страной кельтовъ. Наконецъ, благодаря своему положенію, іоническіе города держали въ своихъ рукахъ торговлю между Эгейскимъ моремъ и центральной частью Малой Азіи.

Въ восточной части Эгейскаго моря небольшой островъ Эгина

1) Liv. 31, 24.

2) Herod. VI 106, Plut. Arist. 20.

3) Herod. II 178.

4) Herod. VI 21.

первый приобрѣлъ важное значеніе въ морской торговлѣ. По преданію, здѣсь было изобрѣтено кораблестроеніе ¹⁾; во всякомъ случаѣ, жители Эгины принадлежали къ наиболѣе опытнымъ греческимъ морякамъ. Соотвѣтственно своему положенію, Эгина была посредницей, главнымъ образомъ, въ сношеніяхъ греческаго полуострова съ востокомъ; она была единственнымъ государствомъ метрополиі, имѣвшимъ въ Навкратисѣ колонію. Въ связи съ этимъ стоитъ то обстоятельство, что Эгина, собственно говоря, не принимала никакого участія въ колонизаціи; страны, съ которыми она вела торговлю, или были уже заселены греками, или принадлежали великимъ восточнымъ державамъ, которыя не позволили бы устроить на ихъ землѣ греческую колонію. Поэтому уже въ VII вѣкѣ у Эгины явились опасные соперники въ лицѣ колониальныхъ государствъ Халкиды и Коринѳа. Отсюда исходила колонизація запада, и поэтому здѣсь сосредоточивалась торговля съ побережьями Ионическаго, Адриатическаго и Тирренскаго морей, для которой Коринѳъ и помимо того представлялъ естественный рынокъ. Въ этихъ сношеніяхъ принимала дѣятельное участіе также сосѣдняя съ Халкидой Эретрія. Напротивъ, Аѳины сравнительно поздно вступили въ число значительныхъ торговыхъ центровъ; развитіе торговли наступило здѣсь, главнымъ образомъ, лишь какъ слѣдствіе политическаго положенія, которое государство заняло въ эпоху Писистратидовъ.

Эти центры промышленности и торговли, гдѣ представлялось столько случаевъ найти заработокъ, должны были сильно привлекать къ себѣ населеніе областей. Вокругъ древнихъ кремлей возникали промышленныя предмѣстья, и приходилось расширять кольцо, образуемое городскими стѣнами ²⁾. То, что нѣкогда было городомъ, становилось теперь акрополемъ; если аѳинская крѣпость еще въ классическую эпоху называется «городомъ» (*πόλις*), то это лишь остатокъ старины. Древніе центры греческой культуры, расположенные въ глубинѣ страны, какъ на прим. Микены «съ широкими улицами» или «минійскій» Орхоменъ, отошли теперь на задній планъ сравнительно съ приморскими промышленными городами, и если Спарта и

1) Hesiod. fr. 96 Kinkel.

2) Совершенно аналогичное явленіе представляетъ развитіе итальянскихъ городовъ, начиная приблизительно съ X до XVI вѣка, т. е. въ эпоху, которая вообще во многихъ отношеніяхъ напоминаетъ изображаемый здѣсь періодъ. Поэтому изъ такихъ указаній, какъ Herod. I 143—163, вовсе не слѣдуетъ заключать, будто греческіе города до VI вѣка не имѣли укрѣпленій,—мысль, которая и сама по себѣ совершенно неправдоподобна.

Θивы сохранили свое значеніе, то только благодаря тому, что они сумѣли своевременно распространить свою власть на болѣе широкую территорію. Самымъ большимъ городомъ, по крайней мѣрѣ въ азіатской Греціи, но вѣроятно и во всемъ греческомъ мірѣ, оставался до Персидскихъ войнъ Милеть ¹⁾, между тѣмъ какъ въ метрополиі первое мѣсто занималъ Коринѣъ ²⁾, а среди западныхъ колоній—Сибарисъ, богатство и роскошь котораго вошли въ пословицу. Мы не должны однако къ городамъ этой эпохи прикладывать масштабъ позднѣйшихъ періодовъ, хотя бы даже V вѣка. Въ самомъ дѣлѣ, какъ ни были велики успѣхи, которыхъ достигла Греція съ гомеровской эпохи, все таки ея торговля и промышленность, разсматриваемыя безотносительно, и теперь еще находились въ младенческомъ состояніи, и экономическія условія еще не допускали образованія крупнаго городского населенія ³⁾. Наприм., Коринѣъ, при Періандрѣ насчитывалъ вѣроятно не болѣе 20—25.000 жителей ⁴⁾, а населеніе Аѳинъ еще въ концѣ господства Писистратидовъ едва ли превышало эту цифру ⁵⁾.

Подъ вліяніемъ развитія сношеній, теперь, вмѣсто всеобщихъ войнъ, начали устанавливаться мирныя отношенія. Разбойническіе

¹⁾ Herod. V 28.

²⁾ Ἀφνειὸν τε Κόρινθον уже въ Спискѣ кораблей (B 570).

³⁾ Aristot. *Polit.* VIII (V) 1305 a, сравн. VI (IV) 1297 b.

⁴⁾ Сколько-нибудь значительнаго количества рабовъ здѣсь въ то время еще не могло быть, и даже свободное населеніе было, безъ сомнѣнія, менѣе велико, чѣмъ въ V вѣкѣ, когда оно, включая сюда и обширный округъ, равнялось приблизительно 40.000 душъ (мое *Bevölkerung* стр. 121).

⁵⁾ Какъ извѣстно, 500 членовъ Клизееновскаго совѣта распредѣлялись по отдѣльнымъ демамъ соразмѣрно количеству населенія (Arist. *Ἀθ. πολιτ.* 62, мое *Bevölkerung*, стр. 102). Число гражданъ Аттики въ это время можетъ быть принято равнымъ приблизительно 25.000, а количество всего гражданскаго населенія—80—90.000; а такъ какъ Кизаѳенейскій демъ посылалъ въ совѣтъ 11 членовъ (*Bull. Corresp. Hell.* XIII 1889, стр. 346), то онъ насчитывалъ не болѣе 2000 гражданъ. Діомея, Коллитъ, Анкила, Скамбониды, Алопека — имѣли всѣ вмѣстѣ 19 членовъ въ совѣтѣ, соответственно 3000—3500 жителей. Такимъ образомъ, гражданское населеніе города и его предмѣстій, включая и тѣ демы, относительно которыхъ нѣтъ никакихъ свѣдѣній, какъ, наприм., Мелита и Керамейкъ, составляло вѣроятно около 10.000. Гражданъ изъ деревенскихъ демовъ непосредственно послѣ введенія новаго подраздѣленія общинъ могло быть въ городѣ лишь очень мало; что же касается рабовъ и метековъ, то ихъ въ это время было никакъ не больше 10.000, тѣмъ болѣе, что Клизеенъ многимъ изъ нихъ даровалъ право гражданства (Aristot. *Polit.* III 1275 b).

набѣги на владѣнія сосѣдей становились все рѣже, и города формальными договорами (*σύμβολα*) гарантировали другъ другу взаимную защиту своихъ гражданъ и равноправность въ судебныхъ процессахъ ¹⁾. Для охраненія этихъ интересовъ, приблизительно съ VI в., было учреждено что-то въ родѣ дипломатическаго представительства. Это нововведеніе стояло въ связи съ освященнымъ древностью правомъ гостепріимства; знатный иностранецъ назначался государственнымъ «гостепріимцемъ» (*πρόξενος*), приблизительно съ функциями нашего консула, и получалъ за это почетныя привилегіи, а также матеріальныя выгоды. На морѣ было, конечно, труднѣе установить порядокъ, такъ какъ греческія воды, съ ихъ безчисленными скрытыми бухтами и небольшими островами, представляли великолѣпные притоны для пиратовъ ²⁾. Тѣмъ не менѣе усилія морскихъ державъ, особенно Коринѳа, уничтожить пиратство, не остались безъ результата ³⁾, и общественное мнѣніе перестало смотрѣть на морской разбой, какъ на приличное занятіе, по крайней мѣрѣ по скольку онъ былъ направленъ противъ грековъ ⁴⁾. Однако и теперь еще имъ занимались по временамъ даже въ интересахъ государства и въ обширныхъ размѣрахъ; такъ наприм. разбойническій флотъ Поликрата самосскаго былъ при Камбизѣ страшилищемъ Эгейскаго моря ⁵⁾. Но главнымъ образомъ процвѣтало морское разбойничество вдоль западныхъ береговъ Средиземнаго моря, гдѣ между греками, тирренцами и финикіянами безпрестанно шла борьба, и каждый чужой корабль считался хорошимъ призомъ. Лишь въ эпоху Персидскихъ войнъ удалось освободить отъ этрусскихъ пиратовъ по крайней мѣрѣ путь изъ Мессины ⁶⁾.

Установленная система мѣръ и вѣсовъ есть необходимое условіе всякихъ развитыхъ торговыхъ сношеній; и такія системы дѣйствительно существовали въ культурныхъ государствахъ востока уже въ продолженіе нѣсколькихъ тысячъ лѣтъ. Такъ, въ Вавилонѣ единицей вѣса былъ талантъ, который по господствовавшей тамъ сексагези-

1) Такой характеръ носить, напр., договоръ между обоими локридскими городами Халейномъ и Эанееей, приблизительно изъ первой половины V в. (IGA 322). Сравн. Herod. VI 42.

2) Stein *Über Piraterie im Altertum* I Teil. Progr. Coethen 1891.

3) Thuc. I 13, 5.

4) Сравн. Thuc. I 5, 2.

5) Herod. III 39.

6) Strab. VI 257.

мальной системѣ дѣлился на 60 минъ, а мина состояла изъ 60 секелей. Эта система распространилась по всей передней Азіи и оттуда впоследствии перешла къ грегамъ съ тѣмъ измѣненіемъ, что въ минѣ считали вмѣсто 60 только 50 секелей, или вѣрнѣе 100 полусекелей (драхмъ), т. е. на мѣсто сексагезимальнаго дѣленія введено было десятичное. Таковы были системы мѣръ, общія для всѣхъ греческихъ государствъ, за исключеніемъ колоній нижней Италіи и Сициліи, гдѣ талантъ вмѣсто 60 минъ дѣлился на 120 полуминъ или фунтовъ («литровъ»), изъ которыхъ каждая въ свою очередь дѣлилась на 12 унцій; это было соединеніе греко-восточной системы, которую принесли съ собою колонисты, съ туземной, которую они здѣсь нашли. Но при политической раздробленности греческаго міра вѣсъ и мѣра неизбѣжно должны были нормироваться въ отдѣльныхъ государствахъ совершенно различнымъ образомъ. Впрочемъ, двѣ системы получили широкое распространеніе. Изъ нихъ одна, такъ назыв. эгинская система, въ которой единицей служилъ талантъ вѣсомъ приблизительно въ 37 килогр. ¹⁾, господствовала, кромѣ самой Эгины, почти на всемъ Пелопоннесѣ, въ большей части средней и сѣверной Греціи и на многихъ островахъ Эгейскаго моря до Малой Азіи. Другая система господствовала въ Халкидѣ и Эретрії и называлась поэтому эвбейской; она была принята также Коринѳомъ и со времени Солона — Аѳинами, и получила широкое распространеніе на западѣ. Въ основѣ ея лежитъ мѣра длиною приблизительно въ 297 мм.; двойной кубъ этой мѣры (около 52 литровъ) служилъ мѣрой вмѣстимости для сыпучихъ тѣлъ (*μέδιμος*), полуторный кубъ (39 литровъ)—мѣрой жидкихъ тѣлъ (*μετροτής*); вѣсъ одной кубической мѣры воды (около 26 килогр.) назывался талантомъ и служилъ единицей вѣса ²⁾.

¹⁾ Это число колебалось, смотря по времени и мѣсту; происхожденіе этой системы еще совершенно темно.

²⁾ Mommsen *Geschichte des römischen Münzwesens* Berlin 1860, вновь обработано во французскомъ переводѣ Blacas—Парижъ 1865—1875. Brandis *Das Münz—Mass—und Gewichtswesen in Vorderasien* Berlin 1866, Hultsch *Griechische und römische Metrologie*. 2 Aufl. Berlin 1882, Nissen *Griechische und römische Metrologie* (въ *Handbuch* Ивана Мюллера, т. I) 2 Aufl. München 1892, Dörpfeld *Beiträge zur antiken Metrologie* въ *Athen. Mitteilungen* VII, VIII, X, XV, C. F. Lehmann *Verhandl. der berl. anthropol. Gesellschaft* 1889, стр. 245—328, *Hermes* 27 (1892) стр. 530 сл. Заслуга Dörpfeld'a состоитъ въ томъ, что онъ обратилъ особенное вниманіе на связь между мѣрой длины и вѣсомъ и этимъ далъ новое направленіе изслѣдованіямъ; однако, къ его выводамъ нужно относиться чрезвычайно осторожно. Какъ шатки еще всѣ свѣдѣнія въ этой области, доказываетъ сравненіе 1-го (1886) и 2-го (1892) изданій *Metrologie*

Но лучше всего экономическій прогрессъ Эллады въ VIII и VII вв. характеризуется изобрѣтеніемъ и быстрымъ распространеніемъ чеканки монетъ ¹⁾. Уже въ гомеровское время начали пользоваться для мѣновой торговли, кромѣ скота, также металлами—золотомъ и серебромъ, а такъ какъ послѣдніе еще довольно долго составляли рѣдкость въ Греціи, то преимущественно желѣзомъ и мѣдью ²⁾. Остатокъ этого древняго обычая сохранился въ томъ, что Спарта до III вѣка пользовалась исключительно желѣзными деньгами, и что въ Византіи еще во время Пелопоннеской войны была въ ходу желѣзная размѣнная монета ³⁾. Въ Сициліи расчетъ на фунты мѣди также сохранился до поздняго времени, когда уже давно перешли къ чеканкѣ серебряной монеты и расплатѣ ею. Бывшіе въ обращеніи слитки мѣди и желѣза имѣли, повидимому, форму короткихъ и тонкихъ прутьевъ; отсюда названіе «вертелъ» (*δβολός*), которое въ позднѣйшее время носила греческая мелкая монета ⁴⁾. Шестъ такихъ «вертеловъ», то-есть столько, сколько можно обхватить рукою въ одинъ разъ, назывались «горстью» или драхмой (отъ *δραχμοί*); это названіе позднѣе, когда греки перешли къ чеканкѣ монетъ, было перенесено на половину или треть серебрянаго секеля, стоимость которой должна была, поэтому, соответствовать приблизительно «горсти» мѣди или желѣза.

Эти прутья еще конечно не были монетами, какъ и тѣ куски золота и серебра опредѣленнаго вѣса, которые уже цѣлые вѣка были въ обращеніи въ культурныхъ странахъ востока,—потому что кусокъ металла только тогда становится монетой, когда правительство или кто-нибудь другой, кто пользуется довѣріемъ общества, гарантируетъ своей печатью вѣсъ и содержаніе чистаго металла. Это слу-

Nissen'a. Впрочемъ, значеніе этихъ вопросовъ для исторіи греческой торговли сравнительно ничтожно. Что слѣдуетъ, наприм., изъ того, что въ христіанскихъ государствахъ Балканскаго полуострова денежною единицею служить франкъ? Гораздо важнѣе, чѣмъ знать денежную единицу города,—тотъ фактъ, что въ извѣстное время онъ чеканилъ или не чеканилъ монетъ.

1) Сравни., кромѣ вышеуказанныхъ сочиненій, Lenormant *La Monnaie dans l'Antiquité* Paris 1878—79, Head *Historia Numorum* Oxford 1887, и *Catalogue of Greek coins of the British Museum*.

2) Ridgeway *The origin of Metallic Currency and Weight Standards*, Cambridge 1892.

3) Hultsch l. с. Относительно желѣзныхъ монетъ IV вѣка въ Аргосѣ, Теревѣ и Геревѣ сравн. Koehler *Athen. Mitth.* VII 1882, стр. 1 слл., 377 слл.

4) Hultsch *Metrologie* ² стр. 131 слл.

чилось прежде всего около начала VII вѣка въ западной части Малой Азіи, — неизвѣстно, въ одномъ ли изъ прибрежныхъ городовъ Іоніи, напримѣръ Фокеѣ, или въ сосѣдней Лидіи. Какъ бы то ни было, во всякомъ случаѣ изобрѣтеніе монеты было вызвано потребностями греческой торговли, которая въ это время была посредницей для всѣхъ сношеній Лидіи съ моремъ, и въ теченіе столѣтія съ небольшимъ оно распространилось въ бѣльшей части греческаго міра. Значеніе этого изобрѣтенія мы поймемъ, если теперь мысленно извлечемъ изъ обращенія монету и представимъ себѣ, что всякій разъ, когда намъ нужно платить, мы должны прибѣгать къ помощи вѣсовъ и пробирной иглы.

Полезные металлы — желѣзо и мѣдь — были слишкомъ дешевы, чтобы стоило труда и расходовъ чеканить изъ нихъ монету. Поэтому въ началѣ чеканили только изъ благороднаго металла, именно въ Малой Азіи — изъ золота съ большой примѣсью серебра, какъ оно получалось при промывкѣ песка Паптола и изъ лидійскихъ рудниковъ; эту смѣсь греки называли *электронъ*. Единицей служилъ секель, или, какъ греки переводили это слово, статеръ. Каждый городъ придерживался, конечно, собственнаго вѣса, и мы находимъ поэтому большое разнообразіе въ цѣнности монетъ. Но такъ какъ монеты этой эпохи сплошь и рядомъ еще не имѣютъ надписей, то въ большинствѣ случаевъ невозможно рѣшить, гдѣ какія чеканились; только мало-азіатское происхожденіе всего этого класса монетъ не можетъ подлежать сомнѣнію.

Только Крезъ, или можетъ быть Киръ, ставъ царемъ Лидіи, началъ чеканить монеты изъ чистаго золота и, на ряду съ ними, также изъ серебра. Изъ этой лидійской чеканки развилась впоследствии, при Даріѣ, персидская государственная монета. Въ основу ея легъ дарейкъ, золотая монета вѣсомъ въ 8,4 гр., составлявшая секель ($\frac{1}{60}$ легкой вавилонской царской мины вѣсомъ въ 505 гр.) и приблизительно равная статеру эвбейской системы. Затѣмъ слѣдуетъ серебряная монета вѣсомъ въ $\frac{2}{3}$ золотой (5,60 гр.) или $\frac{1}{90}$ вавилонской мины, такъ наз. «мидійскій», т. е. персидскій секель (*σίκλος*), равный $\frac{1}{20}$ дарейка; такимъ образомъ, двоякая цѣнность персидскихъ монетъ основывалась на отношеніи цѣнностей обоихъ металловъ, какъ 3:40, или какъ 1:13 $\frac{1}{3}$. Какъ дарейкъ, такъ и сигль чеканились уже при Крезѣ или Кирѣ въ лидійской монетѣ; отношеніе 1:13 $\frac{1}{3}$ должно было, слѣдовательно, существовать въ Малой Азіи уже до Дарія ¹⁾,

1) Поэтому персидскій золотой талантъ долженъ былъ вѣсить 25,20 кил.,

и онъ только перенесъ его къ себѣ. Дальнѣйшимъ послѣдствіемъ этого обстоятельства было то, что, несмотря на нѣкоторыя колебанія курса въ отдѣльныхъ случаяхъ, это отношеніе оставалось въ силѣ на греческомъ рынкѣ все время, пока существовала двоякая персидская монета ¹⁾.

Новоизобрѣтенная чеканка монетъ очень скоро перешла и въ греческую метрополію. Но такъ какъ въ европейской Греціи нигдѣ, исключая развѣ острова Сифноса, не добывалось золота, то въ ходу была почти исключительно серебряная монета; изъ сплава золота съ серебромъ (*ἤλεκτρον*) здѣсь въ то время чеканили очень рѣдко, а изъ чистаго золота еще вовсе не чеканили. По эту сторону Эгейскаго моря, древнѣйшимъ мѣстомъ, введшимъ у себя монету, была Эгина, которая стала чеканить съ начала VII вѣка ²⁾.

а серебряный, считая *σῦλος* равнымъ драхмѣ,—33,60 килогр.; ихъ цѣнность относилась другъ къ другу, какъ 1:10. По этому серебряному таланту Дарій установилъ дань подвластныхъ ему народовъ. Геродотъ (III 89) смѣшиваетъ его съ легкимъ вавилонскимъ талантомъ въ 30,3 килогр., который онъ справедливо считаетъ равнымъ приблизительно 70 эвбейскимъ минамъ; а такъ какъ его переводъ персидскихъ талантовъ на эвбейскіе приблизительно вѣрнъ (см. Hultsch *Metrologie* ² стр. 483), то онъ, очевидно, весь этотъ расчетъ заимствовалъ у своего источника, не подвергая его провѣркѣ. Предположеніе, что въ Вавилонѣ уже издревле существовали одновременно золотой и серебряный вѣсы, относившіеся другъ къ другу какъ 1:13¹/₃, не доказано и аргію очень невѣроятно.

1) Съ тѣхъ поръ, какъ почти всѣ культурныя государства Европы перешли къ золотой валютѣ, или по крайней мѣрѣ пріостановили свободную чеканку серебра, не слѣдуетъ опредѣлять цѣнность древнихъ серебряныхъ монетъ ни по отношенію 1:15¹/₂, обратившемуся въ фикцію, ни по теперешней цѣнѣ серебра, какъ нельзя опредѣлять стоимость италійскаго *aes grave* по теперешней рыночной цѣнѣ мѣди. Напротивъ, мы должны за исходную точку принять древнюю золотую монету и по ней опредѣлять стоимость серебряной монеты, основываясь на существовавшемъ въ древности отношеніи между цѣнностями обѣихъ металловъ. Поэтому въ настоящей книгѣ всѣ суммы, выраженные въ греческой серебряной монетѣ, переведены на нашъ биржевой курсъ по отношенію 1:13¹/₃. Такимъ образомъ, стоимость аттическаго серебрянаго таланта (26 килогр.) = 5440,5 мар., стоимость эгинскаго таланта (37 килогр.) = 7742,25 мар.—Дарейкъ = 23,44 мар., персидскій золотой талантъ = 70310 мар., персидскій серебряный талантъ = 7031 мар. Обыкновенно золото въ Греціи нѣсколько теряло въ цѣнности сравнительно съ серебромъ (Hultsch *Metrologie* ² стр. 173. 238); въ случаяхъ, когда требовалось особенно много золота, цѣна его конечно поднималась, такъ напр. за золото для статуи Аены въ Паренонѣ (изъ слоновой кости и золота) заплачено было серебромъ въ пропорціи 1:14 (*CIA.* VI стр. 146, сравн. I 301 стр. 160).

2) Что Фейдонъ Аргосскій чеканилъ первыя монеты въ Эгину, — этого

Ея монеты были до V вѣка въ общемъ употребленіи на всемъ греческомъ полуостровѣ къ югу отъ Олимпа, за исключеніемъ только Коринѳа и—со времени Солона—также Аѳинъ. Тѣ немногія остальные государства Пелопоннеса, которыя чеканили монету до Пелопоннесскихъ войнъ, какъ напр. Беотія, Фокида, Аркадія, также при-держивались эгинскаго вѣса, получившаго распространеніе и на Цикладахъ и въ нѣкоторыхъ городахъ малоазіатскаго побережья.

Торговые города при Эврипѣ, Халкида и Эретрія, также стали чеканить уже въ началѣ VII вѣка; они придерживались, разумѣется, своей туземной, эвбейской системы. Послѣдняя была принята также Коринѳомъ и Аѳинами, когда эти города подъ конецъ VII и въ началѣ VI вѣка перешли къ чеканкѣ монетъ, къ чему ихъ побудило, очевидно, соперничество съ Эгиной. Затѣмъ въ теченіе VI вѣка эвбейская система, благодаря халкидской и коринѳской торговлѣ, получила широкое распространеніе въ греческихъ колоніяхъ; мы находимъ ее въ Киренѣ, во еракійской Халкидикѣ и почти повсемѣстно въ Великой Греціи и Сициліи.

Таково, въ общихъ чертахъ, развитіе монетнаго дѣла въ Греціи до конца VI вѣка. Оно служитъ для насъ вѣрнымъ отраженіемъ экономическаго развитія греческаго міра въ этомъ періодѣ. Въ продолженіе всего VII и даже первой половины слѣдующаго столѣтія монету чеканили, главнымъ образомъ, только Іонія и торгово-промышленные города при Эврипѣ и у Сароническаго залива; громадное большинство греческихъ государствъ еще не чувствовало потребности въ собственной монетѣ. И даже въ странахъ, наиболѣе развитыхъ экономически, натуральное хозяйство лишь очень медленно вытѣснялось денежнымъ. Такъ, Солонъ въ основаніе своего распредѣленія податныхъ классовъ положилъ расцѣнку, выраженную не въ деньгахъ, а въ количествѣ мѣръ зерна, которое каждый получалъ

самъ Геродотъ не говоритъ; только Эфоръ истолковалъ такъ слова Геродота (fr. 15). Геродотъ (VI 127) рассказываетъ только, что Фейдонъ „далъ пелопоннессцамъ мѣры“. Но историческая достовѣрность этого извѣстія далеко еще не установлена; оно, можетъ быть, основано лишь на томъ, что мѣра вмѣстимости для жидкихъ тѣлъ называлась въ Аргосѣ *φείδων* (Polydeuc. X 179). По существу конечно не было бы ничего невѣроятнаго въ томъ, если бы Фейдонъ, подобно своему современнику Солону, ввелъ новыя мѣры въ своемъ государствѣ; но въ этомъ случаѣ было очень странно, что Аргосъ началъ чеканить лишь въ V вѣкѣ. По Aristot. *Ἠθ. πολιτ.* 10 Аѳины до Солона пользовались фейдонской мѣрой; но эта глава только доказываетъ, что авторъ не имѣлъ никакого понятія о системахъ мѣръ и вѣсовъ (Lehmann *Hermes* 27).

со своей земли; даже накануне Персидскихъ войнъ Писистратиды взи-мали земельную подать въ Атикѣ натурой ¹⁾, а въ Сициліи эта си-стема удержалась до конца греческой независимости и еще долго въ эпоху римскаго владычества. Землепашцамъ также еще долго платили земледѣльческими продуктами; на примѣръ люди, которыхъ нанимали для сбора урожая, получали въ Атикѣ во время Солона каждый шестой снопь ²⁾. Количество находившагося въ обращеніи благороднаго металла было вплоть до V вѣка очень ограничено, и даже вѣроятно, что въ то время въ европейской Греціи обращалось меньше золота, чѣмъ въ гомеровскую и до-гомеровскую эпохи. Куда оно исчезло, — показываютъ, напр., результаты раскопокъ Шлимана въ Микенахъ. Именно по этой причинѣ законодательство, начиная съ эпохи Солона, и боролось съ обычаемъ хоронить мертвыхъ въ драгоценныхъ украшеніяхъ. Впрочемъ, взамѣнъ этого храмы все больше и больше наполнялись золотыми и серебряными жертвенными дарами. Дошло до того, что когда лакедемоняне около 550 г. захотѣли позолотить статую Аполлона въ Амиклахъ, они во всей Элладѣ не могли собрать нужное количество золота и принуждены были отправить ради этого посольство къ Крезу. А по преданію еще Геронъ I сиракузскій съ трудомъ собралъ золото для треножника и статуи Побѣды, которые онъ пожертвовалъ въ Дельфы изъ добычи, доставшейся ему въ побѣдѣ при Гимерѣ ³⁾.

При такихъ условіяхъ мѣновая цѣнность благородныхъ металловъ въ этомъ періодѣ должна была быть очень высока. Солонъ въ своемъ жертвенномъ тарифѣ считалъ за овцу или мѣру ячменя — одну драхму; быкъ стоилъ 5 драхмъ; впрочемъ, за отборныхъ жертвенныхъ животныхъ платили гораздо дороже. Поэтому штрафы и вознагражденія, которыя Солонъ установилъ въ своихъ законахъ, казались грекамъ позднѣйшихъ вѣковъ низкими до смѣшного. Такъ, за обезчещеніе свободной женщины можно было откупиться 100 драхмами; та-же сумма выдавалась побѣдителю на Исемійскихъ играхъ,

1) Thuc. VI 54, Aristot. 'Αθ. πολιτ. 16.

2) Они назывались поэтому *ἐκτήμεροι* (Aristot. 'Αθ. πολιτ. 2). Арендаторами эти люди не могли быть, потому что изъ $\frac{1}{6}$ части дохода арендаторъ не могъ бы жить, по крайней мѣрѣ въ такой неплодородной странѣ, какъ Атика. Съ другой стороны, если бы они должны были отдавать землевладѣльцамъ лишь $\frac{1}{6}$ дохода, они находились бы въ чрезвычайно благоприятныхъ экономическихъ условіяхъ.

3) Theopomp. fr. 219. Даже въ Дельфахъ, по преданію, до Гигеса не было золотыхъ и серебряныхъ даровъ (Theopomp. у Athen. VI 230 e), что, впрочемъ, противорѣчатъ I 404 слл.

между тѣмъ какъ побѣдитель на Олимпійскихъ играхъ получалъ 500 драхмъ ¹⁾).

Земледѣліе все еще занимало первое мѣсто въ экономической жизни націи, притомъ не только въ тѣхъ областяхъ, которыя, какъ большая часть греческаго материка, не принимали никакого участія въ промышленномъ и коммерческомъ движеніи этого времени. Даже въ Аеинахъ Солонъ могъ еще разграничить политическія права исключительно по количеству недвижимаго имущества. Въ Самосѣ, одномъ изъ первыхъ торгово-промышленныхъ государствъ Греціи, землевладельцы (геоморы) сохранили свое привилегированное положеніе до Пелопоннесской войны ²⁾; точно такъ же обстояли дѣла и въ Сиракузахъ до Гелона.

Техническая сторона земледѣлія и теперь еще находилась на довольно низкой степени развитія. Господствовало двухпольное хозяйство, такъ что поле черезъ годъ оставалось подъ паромъ; въ продолженіе этого времени почву удобряли и трижды вспахивали, а осенью опять засѣвали ³⁾. Очень простой плугъ, еще безъ металлическаго сошника ⁴⁾, тащили волы, рѣже мулы; разрыхленные глыбы земли разбивали топоромъ, жали при помощи кривого серпа (*ἄρπη*), зерно молотили на току посредствомъ рогатаго скота. Воздѣлывали главнымъ образомъ ячмень, какъ въ гомеровскую эпоху, затѣмъ полбу; на лучшей почвѣ, особенно въ колоніяхъ, также пшеницу. Разведеніе оливковаго дерева, еще очень мало развитое у Гомера, въ описываемый нами періодъ получаетъ все большее и большее распространеніе; въ нѣкоторыхъ государствахъ, особенно въ Атикѣ, оно даже поощрялось законодательными мѣрами ⁵⁾ Обычай пользоваться оливковымъ масломъ для приготовления пищи возникъ въ это время. И все-таки названія солонскихъ классовъ ⁶⁾ доказываютъ, что даже въ такой гористой и культурной странѣ, какъ Атика, хлѣбопашество занимало гораздо болѣе важное мѣсто, чѣмъ разведеніе болѣе нѣжныхъ растений.— Постоянный ростъ населенія заставилъ устроить уступы на склонахъ горъ, чтобы сдѣлать послѣдніе годными для обработки; болотистое дно долинъ осушалось посредствомъ водоотводныхъ каналовъ, кото-

1) Plut. *Solon* 23, преимущественно по Димитрію Фалерскому.

2) Thuc. VIII 21.

3) Hermann-Blümner *Privataltert.* стр. 102, прим. 6.

4) Въ описаніи плуга у Гесіода *Ἔργα* 427 слл. 467 сл. сошникъ еще не упоминается.

5) Plut. *Solon* 24.

6) Напр. *πεντακισιομέδωνοι*, а не *πεντακισιομετρέται*.

рые отчасти были устроены еще въ очень древнее время и приписывались мифическимъ личностямъ ¹⁾. Съ другой стороны, вслѣдствіе частыхъ засухъ въ этой странѣ уже рано обнаружилась необходимость въ искусственномъ орошеніи ²⁾, и уже солоновское законодательство обратило вниманіе на его урегулированіе ³⁾.

Скотоводство по прежнему носило пастбищный характеръ; впрочемъ, при постоянномъ возрастаніи народонаселенія, оно—по крайней мѣрѣ въ метрополіи—все больше отступало на задній планъ сравнительно съ земледѣліемъ. Поэтому потребленіе мяса уменьшилось; большая часть народа ѣла мясо еще только во время жертвеннаго обѣда, вслѣдствіе чего грекъ называлъ убойный скотъ просто «жертвенными животными» (*ιερεῖα*). Мясо замѣняли рыбой, которую въ большомъ изобиліи доставляли греческія моря и озера, какъ, напр., Копайдское озеро въ Беотіи. Грекамъ того времени, когда началъ складываться эпосъ, эта пища внушала приблизительно такое же отвращеніе, какъ намъ, сѣверянамъ—*frutti di mare*, которые съ такимъ удовольствіемъ побираетъ неаполитанскій лаццарони ⁴⁾; напротивъ, въ V вѣкѣ мы находимъ свѣжую рыбу, какъ любимое яство, на столахъ богачей, между тѣмъ какъ соленая рыба (*τάριχος*), привозимая съ Чернаго моря, составляла обычную приправу къ хлѣбу для большинства народа.

Въ областяхъ, прилегающихъ къ Эгейскому морю, которыя достигли высокой степени экономического развитія, уже въ VII вѣкѣ обрабатывалась, безъ сомнѣнія, вся годная для земледѣлія почва. Уже въ то время народонаселеніе здѣсь было такъ густо, что Солонъ былъ принужденъ запретить вывозъ изъ Аттики всѣхъ земледѣльческихъ продуктовъ за исключеніемъ лишь оливковаго масла ⁵⁾. Именно этими обстоятельствами и было вызвано начавшееся въ это

1) Hermann-Blümner *Gr. Privataltert.* стр. 15. прим. 2. Наиболѣе замѣчательныя сооруженія этого рода найдены были около Копайдскаго озера въ Беотіи; сравн. сообщеніе о сохранившихся остаткахъ Кампаніа's *Bull. Corr. Hell.* XVI (1892) стр. 121 слл., съ картой.

2) Ф 259 слл.

3) Hermann-Blümner *l. c.* стр. 104 прим. 1.

4) δ 368. μ 330. Въ Микенахъ и Тиринѣхъ не было открыто ни малѣйшаго слѣда употребленія въ пищу рыбы, ни крючковъ отъ удочекъ, ни рыбьихъ костей (Tzoumtas 'Εφ. ἀρχ. 1891 ст. 40). Напротивъ, позднѣйшія части эпоса часто упоминаютъ о рыбной ловлѣ: τ 113, и сравненія Π 406, Ω 81, κ 124, μ 251, χ 384. Въ «Кипріяхъ» Паламедъ отправлялся на рыбную ловлю (Paus. χ 31, 2).

5) Plut. *Solon* 24.

время колонизационное движеніе; но колоніи могли принимать лишь сравнительно небольшую часть избытка народонаселенія. А такъ какъ въ большинствѣ греческихъ государствъ господствовалъ законъ, въ силу котораго наследство послѣ смерти отца дѣлилось по ровну между сыновьями—безразлично, какъ земля, такъ и движимое имущество ¹⁾),—то дробленіе земельной собственности неизбѣжно должно было постоянно возрастать. Если въ обыкновенное время владѣльцы такихъ мелкихъ хозяйствъ кое-какъ перебивались, то при каждомъ неурожаѣ блѣдная нужда стучалась въ дверь. А времена были ужъ не тѣ, когда богатый помѣщикъ охотно дѣлился съ нуждающимся соседомъ своимъ избыткомъ, которымъ онъ, притомъ, вѣроятно и не могъ бы воспользоваться. Теперь и сельскіе хозяева отправляли свои продукты на рынокъ; поэтому за подобныя ссуды стали взимать вознагражденіе. Такимъ образомъ, въ экономическую жизнь грековъ вступилъ новый факторъ: процентъ. Обеспеченіемъ служилъ земельный участокъ, на которомъ кредиторъ ставилъ камень съ высѣченнымъ на немъ закладнымъ актомъ (*ἄρα*); если цѣнность участка была ниже долговой суммы, то должникъ и его семья отвѣчали своимъ тѣломъ. При этомъ размѣръ процентовъ былъ высокъ, какъ всегда бываетъ при первобытномъ экономическомъ строѣ; 18% считались въ Афинахъ во времена Солона умѣренной платой ²⁾. При такихъ условіяхъ заемъ долженъ былъ въ большинствѣ случаевъ разорять крестьянина, тѣмъ болѣе, что послѣ паденія царской власти все управленіе и судопроизводство находились въ рукахъ знати, которая тогда, какъ во всѣ времена, пользовалась своимъ положеніемъ для извлеченія экономическихъ выгодъ.

Преимущества крупныхъ землевладѣльцевъ увеличивались еще тѣмъ, что и оптовая торговля велась почти исключительно ими. Нѣкогда аристократія поставляла предводителей для морского грабежа, затѣмъ она руководила колонизаціей запада и сѣвера, и если прошло еще много времени, прежде чѣмъ въ этихъ кругахъ побѣжденъ былъ предразсудокъ противъ мирнаго заработка ³⁾, то и они, въ концѣ кон-

¹⁾ Сравн. уже *О* 189 слл. § 208 слл. Гесиодъ и его братъ Персъ по смерти отца подѣлили между собою *κλήρος* ("Ерға 37). Поэтому поэтъ совѣтуетъ воспитать только одного сына ("Ерға 376),—совѣтъ, который, впрочемъ, легче было дать, чѣмъ исполнить. Правда, въ нѣкоторыхъ греческихъ государствахъ, какъ, напр., въ Спартѣ, крестьянскіе участки были недѣлимы; но это въ свою очередь порождало другія неудобства въ социальномъ отношеніи.

²⁾ *Воескл Staatsk.* I² стр. 181.

³⁾ *О* 159—165.

цовъ, научились приноравливаться къ условіямъ новаго времени. Ни Баххиды въ Коринѣѣ, ни Гиппоботы въ Халкидѣ не могли бы такъ долго удерживать власть въ своихъ рукахъ, если бы они оставались только помѣщиками и не сдѣлались, вмѣстѣ съ тѣмъ, судовладѣльцами, а знать небольшого и безплоднаго острова Эгины была, повидимому, всецѣло обязана своимъ положеніемъ торговлѣ ¹⁾). Противъ могущества капитала крестьянство было бессильно; предоставленное самому себѣ, оно неизбежно должно было погибнуть.

Такъ дѣйствительно и случилось въ бѣльшей части Греціи. На обширной ессалийской равнинѣ знати удалось превратить крестьянъ въ крѣпостныхъ («пенестовъ»), а въ исходѣ VII вѣка Атика стояла на пути къ такимъ-же социальнымъ отношеніямъ. Всюду на крестьянскихъ земляхъ стояли залоговые камни; многіе хозяева были изгнаны изъ своихъ имѣній, другіе попали въ рабство или покинули страну, чтобы избѣжать этой участи ²⁾). Что въ бѣльшей части остальной Греціи дѣла находились не въ лучшемъ положеніи, это доказываютъ Гесіодовы *”Ерѹа*, главная цѣль которыхъ—научить крестьянъ раціональному веденію хозяйства и этимъ предохранить ихъ отъ нужды и долговъ ³⁾). Но однимъ этимъ средствомъ конечно нельзя было помочь; чтобы спасти греческое крестьянство, нужны были болѣе рѣшительныя мѣры—нужны были такія реформы, какія Солонъ провелъ въ Атикѣ.

Такую печальную картину представляло социальное положеніе Греціи въ VII вѣкѣ; народомъ начало овладѣвать тупое отчаяніе. Уже гомеровскій эпосъ проникнутъ пессимистическимъ духомъ, «потому что изъ всего, что живетъ и дышетъ на землѣ, человѣкъ подверженъ наибольшимъ страданіямъ» ⁴⁾). Еще рѣзче это настроеніе выражено въ миеѣ о пяти вѣкахъ, который мы находимъ въ *”Ерѹа*. Золотой вѣкъ, когда еще царствовалъ Кроносъ, давно прошелъ; время, когда жили герои, павшіе подъ Тивами и Троей, также было далеко лучше настоящаго. Потому что теперь вѣкъ желѣзный, днемъ и ночью—лишь работа и нужда; честнаго человѣка перестали цѣнить, всюду

¹⁾ Сравн. описаніе Пиндара *Нет.* VI 35 (въ честь побѣды эгинянина Алкимида изъ дома Бассидовъ).

²⁾ Солонъ fr. 36.

³⁾ *”Ерѹа* 404. 647. Здѣсь имѣется въ виду, конечно, не денежный заемъ, а ссуды хлѣбомъ, сравн. *”Ерѹа* 396 сл.: *ἐὺν δέ τοι οὐκ ἐπιδώσω οὐδ’ ἐπιμετροῖσσι* „ничего не подарю тебѣ и ничего не отмиѣрю (въ ссуду)“. То же самое относится и къ Атикѣ, гдѣ до Солона еще не чеканили монеты.

⁴⁾ P 446.

господствуютъ насиліе, надменность и черная зависть. Лучше бы я не жилъ среди такихъ людей, восклицаетъ поэтъ, а умерь бы раньше, или родился позднѣе! Мы видимъ, поэтъ не теряетъ надежды на лучшее будущее. И она не обманула его; но спасеніе пришло по совершенно иному пути, тѣмъ ожидалъ поэтъ.

Въ гомеровское время, когда почти все, что нужно было для домашнего обихода, готовилось дома, немногочисленные ремесленники не имѣли большого значенія. Но съ техническими успѣхами, которыхъ достигла промышленность съ VII вѣка, домашнее производство не могло конкурировать ¹⁾; лишь тотъ, кто всецѣло посвятилъ себя ремеслу, могъ быть теперь хорошимъ мастеромъ; къ тому же и въ области ремесла все болѣе становилось необходимымъ раздѣленіе труда. Усиленіе спроса, вызванное особенно вывозомъ въ колоніи, должно было имѣть своимъ послѣдствіемъ то, что все больше людей обращалось къ занятію тѣмъ или другимъ ремесломъ, какъ профессіей. А разъ кто-нибудь изучилъ ремесло, онъ передавалъ свое искусство по наслѣдству своимъ сыновьямъ. Почти всѣ художники до классической эпохи вышли изъ такихъ семействъ ремесленниковъ. Но число этихъ семействъ было еще слишкомъ недостаточно для того, чтобы могла возникнуть даже мысль о цеховой замкнутости. Да и къ чему? вѣдь для всѣхъ былъ хорошій заработокъ; пусть-же всякій, кто хочетъ, занимается ремесломъ. Если греческая промышленность этого времени нуждалась въ чемъ-нибудь, то только въ рабочихъ рукахъ, чтобы имѣть возможность удовлетворять спросъ.

Постепенно начали привозить недостающее число рабочихъ изъ-за границы. Уже гомеровскій эпосъ показываетъ намъ въ домахъ богачей многочисленныхъ рабынь, которыя подъ наблюденіемъ хозяйки занимаются приготовленіемъ матерій; тѣмъ же средствомъ, которое здѣсь служило еще для удовлетворенія домашнихъ потребностей, естественно было воспользоваться и въ промышленномъ производствѣ. Прядильная промышленность Милета въ VI вѣкѣ, безъ сомнѣнія, держалась главнымъ образомъ на работѣ невольницъ, привезенныхъ для этой цѣли изъ сосѣднихъ варварскихъ странъ, многочисленное народонаселеніе которыхъ представляло въ этомъ отношеніи неисчерпаемый источникъ ²⁾. Другія отрасли промышленности, какъ металлургія

¹⁾ Картина *οἶκος ἀττάρχης*, какъ ее нарисовалъ Родбертусъ, вѣрна, пожалуй, для гомеровской эпохи, а также для эпохи римскихъ императоровъ, но ни въ какомъ случаѣ не для промежуточнаго періода. Сравн. Max Weber *Röm. Agrargeschichte*, Leipzig 1892 стр. 241.

²⁾ Сравн. уже *A* 141. Что на ряду съ невольницами находили работу и сво-

и гончарное производство, послѣдовали примѣру Милета, съ той только разницей, что, соотвѣтственно ббльшей трудности работы, они пользовались не рабынями, а рабами. Острову Хиосу принадлежит печальная слава перваго въ Греціи рабовладѣльческаго государства въ собственномъ смыслѣ этого слова ¹⁾. Изъ Іоніи рабскій трудъ перешелъ затѣмъ также и въ Европейскую Грецію, особенно въ Коринѣ; тщетно пытался Періандръ (около 600 г.) законодательными мѣрами ограничить пользованіе несвободнымъ трудомъ ²⁾. Въ Аѣинахъ уже подъ конецъ VI вѣка также было, вѣроятно, сравнительно не малое количество рабовъ ³⁾.

Такъ Греція вступила на тотъ путь, который позже привелъ ее на край гибели. Гомеровскій эпосъ показываетъ намъ, какимъ высокимъ уваженіемъ пользовалось сословіе «деміурговъ», т. е. ремесленниковъ, а по извѣстному изреченію Гесіода ни одинъ родъ работы не постыженъ, а постыдна лишь праздность. Но съ тѣхъ поръ какъ мѣсто свободнаго ремесленника сталъ занимать несвободный фабричный рабочій, общественное мнѣніе все болѣе и болѣе привыкало смотрѣть на ремесленный трудъ, какъ на недостойный свободнаго человѣка; высшій классъ считалъ себя вправѣ относиться съ презрѣніемъ къ «банавсамъ», которые должны были зарабатывать свое пропитаніе трудами своихъ рукъ ⁴⁾. Еще хуже было то, что невольническая работа все болѣе ограничивала средства къ пропитанію свободнаго населенія, что она заставляла неимущаго гражданина работать за ничтожную плату или рисковать жизнью въ качествѣ наемника, что она усилила перевѣсъ капитала и этимъ способствовала увеличенію имущественнаго неравенства. Рабство, можетъ быть больше, чѣмъ что-нибудь другое, содѣйствовало наступленію тѣхъ соціальныхъ кризисовъ, отъ которыхъ Греція въ концѣ концовъ погибла.

Но это относится уже къ позднѣйшему времени. Пока же это искусственное увеличеніе рабочихъ силъ должно было дать могучій толчекъ развитію промышленности, подобно тому, какъ это случилось въ

бодныя наемныя работницы, доказываетъ *M* 433. О фригійскихъ рабахъ въ Милетѣ во второй половинѣ VI вѣка упоминаетъ Гиппокакъ (fr. 46).

1) Theopomp. fr. 134, Poseidon. fr. 39—Nicol. Damasc. fr. 79.

2) Heracl. Pont. *Polit.* 5 и Nicol. Damasc. fr. 59 (по Эору).

3) По Aristot. *Polit.* III 1275 b. Клисеевъ многимъ вольноотпущеникамъ даровалъ права гражданства. Въ битвѣ съ персами при Мараонѣ (490) также участвовали рабы (Paus. I 32. 3).

4) Сравн., напр., Herod. II 167.

нашъ вѣкъ благодаря введенію паровой машины. Безъ рабства культурное развитіе Греціи совершилось бы гораздо медленнѣе. Только примѣненіе невольничьяго труда дало деміургамъ возможность расширять свое производство, накапливать капиталы и такимъ образомъ наконецъ сломить перевѣсъ земледѣльской и торговой аристократіи. Политическое возрожденіе націи исходило именно изъ греческихъ промышленныхъ государствъ.

Г Л А В А VIII.

Умственное развитие отъ Гомера до Персидскихъ войнъ.

Экономическій и умственный прогрессъ взаимно обусловливаютъ другъ друга. Поэтому перемѣна въ экономической жизни націи, происшедшая въ періодъ времени отъ VIII до VI вѣка, должна была произвести переворотъ также въ области греческой мысли, а этотъ переворотъ затѣмъ въ свою очередь повліялъ на экономическія условія и, кромѣ того, далъ сильный толчекъ политическому развитію.

Внѣшнимъ образомъ это умственное движеніе выразилось прежде всего во введеніи фонетической письменности, которое, какъ мы видѣли, произошло приблизительно въ VIII вѣкѣ (выше стр. 6), т. е. въ то время, когда греки начали завязывать болѣе оживленныя сношенія съ востокомъ. Греческій алфавитъ взятъ изъ алфавита сирійскихъ семитовъ; не рѣшено только, перешелъ ли онъ въ Грецію сухимъ путемъ черезъ Малую Азію ¹⁾, или при посредствѣ финикійской морской торговли на Эгейскомъ морѣ, или, наконецъ, не научились ли греки алфавиту въ портовыхъ городахъ самой Финикии. Но какъ на все, что они заимствовали съ востока, греки и на письменность наложили печать своего духа. Семитическій алфавитъ имѣлъ знаки только для согласныхъ, то-есть представлялъ собою собственно лишь не-совершенное слоговое письмо; лишь греки сдѣлали первый шагъ къ тому, чтобы выражать въ письмѣ и гласные звуки. Для изображенія звуковъ *А, Е, І, О* они воспользовались знаками четырехъ семитическихъ придыхательныхъ, отсутствующихъ въ греческомъ языкѣ; для пятой гласной *У* пришлось изобрѣсти новый знакъ, который,

¹⁾ Названія греческихъ буквъ заимствованы изъ арамейскаго, а не изъ кананейскаго языка. Замѣчательно также, что именно на Кипрѣ, гдѣ финикійское вліяніе было болѣе сильно, этотъ алфавитъ не вошелъ въ употребленіе.

былъ заимствованъ, повидимому, изъ малоазійско-кипрскаго слоогового письма. Знаки четырехъ семитическихъ шипящихъ звуковъ также не все могли найти примѣненіе; поэтому знакомъ саде (М) или шинъ (Σ, Ξ) пользовались для изображенія звука с, заиу придали значеніе сложной согласной Z, а самехъ (Ξ) хотя и былъ принятъ въ алфавитъ, но первое время не употреблялся въ письмѣ. Оба придыхательныхъ звука Φ и Χ были переданы посредствомъ соответственныхъ твердыхъ съ приставкой h; для изображенія Θ служилъ семитическій тесъ, къ которому также иногда приставлялось еще h.

Составленный такимъ образомъ алфавитъ изъ 23 знаковъ удержался на Критѣ и сосѣднихъ Цикладскихъ островахъ Мелосѣ и Θерѣ вплоть до V вѣка. Въ остальной Греціи всюду уже очень рано для изображенія губныхъ придыхательныхъ былъ принятъ знакъ Φ. Отсюда развитіе алфавита пошло затѣмъ двумя путями. Въ азіатской Греціи ¹⁾ былъ введенъ для гортанныхъ придыхательныхъ знакъ Χ, самехъ (Ξ) снова былъ принятъ въ письмо въ видѣ ξι, и изобрѣтенъ особый знакъ Ψ для изображенія сложной согласной ps. Этотъ алфавитъ распространился также въ тѣхъ частяхъ европейской Греціи, которыя находились въ особенно тѣсной связи съ Малой Азіей, какъ напр. въ Атикѣ, на іонійскихъ Цикладахъ, въ Аргосѣ, въ городахъ на Исѣмѣ; только въ Атикѣ и на Цикладскихъ островахъ не переняли знаковъ для сложныхъ согласныхъ и продолжали писать ΧΣ и ΦΣ. Напротивъ, въ остальной части европейской Греціи для звука χι былъ созданъ знакъ ψ, тогда какъ Χ получило значеніе ξι, а для ψι вовсе не было введено особаго знака. Кроме того, въ письмѣ выработалось, конечно, и не мало мѣстныхъ особенностей, большая часть которыхъ была вызвана стремленіемъ предотвратить смѣшеніе сходныхъ между собою по формѣ буквъ ²⁾.

¹⁾ Мы теперь знаемъ, что алфавиты эолянъ на Лесбосѣ и въ Троадѣ принадлежали къ іонійской группѣ (Kirchhoff *Monatsberichte der berl. Akad.* 1891 стр. 963), чѣмъ опровергаются многія опрометчивыя гипотезы. Къ той же группѣ относятся и надписи наемниковъ въ Абусимбелѣ, сдѣланныя однимъ родосцемъ изъ Ялуса. Найденная въ Камейрѣ ваза съ надписью ΑΣΤΥ-ΟΨΙΛΑΝΜΙ (*Journal of Hell. Studies* VI 1885, стр. 375), вовсе не доказываетъ, что на самомъ Родосѣ [былъ въ употребленіи алфавитъ западной группы, такъ какъ эта ваза могла быть привезена] сюда или принадлежать иностранцу. Во всякомъ случаѣ, на Родосѣ вѣроятно произошло скрещеніе вліяній восточнаго и западнаго. Мы не должны также забывать, что въ то время, когда еще мало писали, былъ широкій просторъ для личнаго произвола.

²⁾ Kirchhoff *Studien zur Geschichte des griechischen Alphabets*, 4. Aufl., Gütersloh 1887.

Въ какой именно области Элады греческій алфавитъ развился изъ семитическаго,—этого мы до сихъ поръ не знаемъ ¹⁾. Вѣроятность говоритъ въ пользу Іоніи, которая находилась въ самыхъ тѣсныхъ сношеніяхъ съ востокомъ и именно благодаря этому шла впереди всѣхъ остальныхъ частей греческаго міра въ культурномъ развитіи. Здѣсь вѣроятно и было впервые предпринято расширение семитическаго алфавита тремя знаками Φ X Ψ ²⁾. Какова причина различнаго значенія двухъ послѣднихъ знаковъ въ восточной и западной алфавитныхъ группахъ, мы не можемъ сказать; можетъ быть, сходство іонійскаго ψ съ западно-греческимъ χ вообще только случайно.

Въ Іоніи позднѣе, но все еще въ очень древнюю эпоху, сдѣлано было дальнѣйшее нововведеніе. Такъ какъ іонійское нарѣчіе уже рано перестало пользоваться звукомъ h , то и знакъ для изображенія его сдѣлался излишнимъ; поэтому освободившуюся букву H употребили для обозначенія долгаго ϵ . Затѣмъ, также въ Іоніи, изъ O была выдѣлена Ω ³⁾. Однако пользованіе этими знаками не вышло за предѣлы Іоніи и Цикладскихъ острововъ, пока, начиная съ конца V вѣка, іонійскій алфавитъ не былъ принятъ во всемъ греческомъ мірѣ.

Такъ была создана та основа, на которой зиждется все умственное развитіе Греціи и Европы. Правда, въ началѣ и еще долгое время потомъ новое искусство было достояніемъ немногихъ лицъ. Въ VIII вѣкѣ почти еще совсѣмъ не писали, въ VII—очень мало (см. выше стр. 6 сл.). Лишь съ VI столѣтія письмо входитъ во всеобщее употребленіе, а литература—въ нашемъ смыслѣ слова образовалась не раньше эпохи Персидскихъ войнъ.

Рука объ руку съ умственнымъ развитіемъ, выразившимся въ принятіи алфавита, шелъ прогрессъ въ области нравственности ⁴⁾. Если гомеровское общество подъ «добродѣтелью» (*ἀρετή*) понимало всякаго рода духовныя и физическія преимущества, какъ напр. кра-

1) Архаическій характеръ критскаго алфавита доказываетъ только, что Критъ имѣлъ сравнительно мало сношеній съ остальными частями греческаго міра и вообще крѣпко держался старины.

2) Сравн. Wilamowitz *Hom. Unters.* стр. 289.

3) G. Hirschfeld *Rh. Mus.* 42 (1887) стр. 221. Нашъ матеріалъ еще слишкомъ недостаточенъ, чтобы можно было прослѣдить въ деталяхъ развитіе этихъ нововведеній.

4) Leopold Schmidt *Die Ethik der alten Griechen* Berlin 1882. Buchholz *Die sittliche Weltanschauung des Pindaros und Aeschylos* Leipzig 1869. Nägelsbach *Die nachhommerische Theologie des griechischen Volksglaubens* Nürnberg 1857.

соту въ женщинахъ ¹⁾, то съ VII вѣка это слово начинаетъ принимать значеніе нравственнаго совершенства ²⁾, хотя, конечно, еще долго употребляется и въ прежнемъ смыслѣ. Согласно съ этимъ, по понятіямъ той эпохи, ἀρετή можетъ быть приобрѣтена путемъ самосовершенствованія ³⁾, тогда какъ, по представленіямъ гомеровскаго общества, она есть свободный даръ боговъ ⁴⁾. Характерно также, что выше всѣхъ добродѣтелей теперь ставится справедливость ⁵⁾. Рядомъ съ нею стоитъ другая добродѣтель—умѣренность (σωφροσύνη), къ которой впервые призываетъ Архилохъ ⁶⁾.

Можетъ быть лучшимъ мѣриломъ уровня нравственности во всякую данную эпоху служить характеръ господствующаго въ ней права войны. Теперь начинаютъ щадить жизнь побѣжденнаго непріятеля и всегда позволяютъ плѣнникамъ выкупиться ⁷⁾. Послѣ побѣды трупы павшихъ непріятелей выдаютъ родственникамъ и заключаютъ перемиріе на время погребенія: прогрессъ въ сферѣ гуманности, первыя проявленія котораго мы находимъ уже въ позднѣйшихъ частяхъ эпоса (выше стр. 107). Громко ликовать по поводу смерти противника или оскорблять его трупъ въ VII вѣкѣ считалось неблагороднымъ ⁸⁾, и побѣдитель при Платеѣ съ негодованіемъ отвергаетъ предложеніе распять трупъ Мардонія, какъ поступили персы съ трупомъ Леонида послѣ битвы при Термопилахъ ⁹⁾.

Выше (стр. 168) мы уже рассказали, какимъ образомъ непрерывныя войны между сосѣдними государствами уступили мѣсто мирнымъ отношеніямъ, и какъ строго стало смотрѣть общественное мнѣніе на морское разбойничество. Самоуправство между гражданами одного и того же государства все болѣе и болѣе теряетъ свое значеніе; кровная месть исчезаетъ и замѣняется государственнымъ уголовнымъ судомъ. Если по первобытнымъ воззрѣніямъ смерть можетъ быть искуплена денежною пеней, то чувство справедливости, которымъ проникнута новая эпоха, могло быть удовлетворено только смертью или пожиз-

1) Какъ говорить Пенелопа σ 251: ἤτοι ἐμὴν ἀρετὴν, εἶδος τε δέμας τε, ὤλεσαν ἀθάνατοι.

2) Впервые ω 192, 197, у Гесиода "Εργα 289 слл. и Солонъ fr. 15.

3) Hesiod l. c.

4) Υ 242 Ζεὺς δ' ἀρετὴν ἀνδρεσσιν ὀφέλλει τε μινύθει τε ὅπως κεν ἐθέλησιν. ὁ γὰρ κάρτιστος ἀπάντων.

5) Phocylid. fr. 17 ἐν δὲ δικαιοσύνῃ συλλήβδην πάα' ἀρετὴ' σιν.

6) Archiloch. fr. 66 сравн. ψ 13. 30.

7) Herod. VI 79, Thuc. III 58, Eurip. 'Ηρακλείδα 965. 1010.

8) χ 412, Archiloch. fr. 64.

9) Herod. IX 79.

неннымъ изгнаніемъ виновника. Поэтому число преступленій противъ личности должно было уменьшиться, и грекъ могъ теперь въ обыденной жизни обходиться безъ меча, который въ гомеровскую эпоху былъ неразлучнымъ спутникомъ мужчины ¹⁾. Впрочемъ, еще въ VI вѣкѣ доспѣхи служили украшеніемъ мужского отдѣленія во дворцахъ знатныхъ людей ²⁾.

Женщина уже въ гомеровскую эпоху занимала почетное положеніе, какъ подруга мужа, но обычай покупать невѣсть унижалъ ее въ правовомъ отношеніи до уровня вещи. Въ теченіе VII вѣка этотъ старый обычай выходитъ изъ употребленія; дѣвушка получаетъ теперь при выходѣ замужъ приданое и благодаря этому освобождается отъ неограниченной власти мужа ³⁾. Въмѣстѣ съ тѣмъ, дочь получаетъ право участія въ оставшемся послѣ смерти отца наслѣдствѣ, хотя и въ меньшей долѣ, чѣмъ сыновья. Въ умственномъ движеніи своего времени женщина также принимала большое участіе. Это доказываетъ длинный рядъ поэтессъ, которыхъ далъ VI вѣкъ: Саффо изъ Лесбоса, Миртисъ и Коринна изъ Беотіи, Телезилла изъ Аргоса, Праксилла изъ Сигіона и многія другія.

Правда, на ряду съ этими успѣхами обнаруживаются и менѣе утѣшительныя явленія. Въ силу сложныхъ соціальныхъ отношеній стала развиваться проституція; уже Солоново законодательство принуждено было обратить на нее вниманіе. Съ востока перешла теперь въ Грецію педерастія, относительно которой у Гомера встрѣчается еще лишь намекъ; общественное мнѣніе относилось къ этому пороку такъ снисходительно, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напр. на Критѣ, правительство даже покровительствовало ему. Онъ былъ воспѣтъ Ивикомъ и Анакреонтомъ. Какъ общество смотрѣло на подобныя вещи, достаточно характеризуется тѣмъ, что мегарскій поэтъ Теогнидъ со своимъ призывомъ къ добродѣтели обращается именно къ любимому имъ юношѣ Кирну, и что это стихотвореніе сдѣлалось особенно популярнымъ въ греческомъ мірѣ. Наблюдалось и противоположное явленіе—любовь пожилыхъ женщинъ къ красивымъ дѣвушкамъ, хотя по понятнымъ причинамъ этотъ видъ любви достигъ гораздо меньшаго распространенія. Какъ общій обычай, онъ господствовалъ, кажется, только на Лесбосѣ, гдѣ онъ вдохновилъ Саффо на самыя пламенныя изъ ея пѣсенъ.

1) Thuc. 6, 1—3.

2) Алкей fr. 15.

3) Первые слѣды этого обычая встрѣчаются уже въ позднѣйшихъ частяхъ эпоса, I 147, X 51, α 277, β 196. Во время Солона онъ уже очень распространенъ, по крайней мѣрѣ въ Афинахъ.

Вопросы нравственности занимали въ VII и VI вв. первое мѣсто между всѣми общественными интересами. Гесіодовы *"Erga* были первымъ опытомъ кодекса нравственности; съ тѣхъ поръ нравственныя наставленія составляютъ одну изъ главныхъ темъ греческой поэзіи, и даже на пиршествахъ, на ряду съ любовными и застольными пѣснями, пѣли элегіи правоучительнаго содержанія. Пѣсни Симонида и Пиндара въ честь побѣдителей на національныхъ состязаніяхъ полны правоученій, которыя по нашимъ понятіямъ здѣсь очень мало умѣстны, но очевидно соотвѣтствовали вкусамъ той эпохи. А тиранъ Гиппархъ, сынъ Писистрата, велѣлъ написать изреченія нравственнаго содержанія даже на мильныхъ камняхъ, стоявшихъ на большихъ дорогахъ Атики ¹⁾.

Главными представителями этого направленія впоследствии считали рядъ выдающихся людей, жившихъ въ концѣ VII и началѣ VI вѣка,— такъ назыв. семь мудрецовъ: Фалеса изъ Милета, Солонъ изъ Аѳинъ, Біаса изъ Пріены, Питтака изъ Митилены, Клеобула изъ Линда, Періандра изъ Коринѳа и Хилонъ изъ Спарты; вмѣсто послѣднихъ трехъ называютъ иногда другихъ. Большинство изъ нихъ, вѣроятно всѣ, написали поэтическія произведенія этического содержанія. Ихъ изреченія «Познай самого себя», «Все въ мѣру», «Трудно быть честнымъ человѣкомъ» и т. п., написанныя на стѣнахъ дельфійскаго храма, составляли основу народной нравственности грековъ, пока, благодаря софистическому движенію V вѣка, не возникла научная этика.

Однако до сознанія, что хорошее слѣдуетъ дѣлать ради него самого, греки этой эпохи, и даже семь мудрецовъ, еще не поднялись. Ихъ нравственное ученіе покоится всецѣло на утилитарномъ принципѣ. Гесіодъ предостерегаетъ отъ ложной клятвы на томъ основаніи, что потомство клятвопреступника обречено на гибель ²⁾. Солонъ желаетъ для себя богатства, но не хотѣлъ бы приобрести его нечестными средствами, такъ какъ рано или поздно наступаетъ отплата за нечестный поступокъ ³⁾. Онъ отказался отъ тираніи въ Аѳинахъ, чтобы, какъ онъ самъ говоритъ, за короткое время власти не поплатиться собственной гибелью и гибелью своего рода ⁴⁾. И подобныя соображенія постоянно повторяются въ литературѣ этой эпохи.

1) Plat. *Hipparch.* стр. 228 с.

2) Hesiod. *"Erga* 282 слл.

3) Солонъ, fr. 13, 7 сл. Та же мысль у Гесіода 320—326.

4) Солонъ, fr. 29.

Подъ вліяніемъ этого переворота въ нравственныхъ воззрѣніяхъ религіозныя идеи также стали принимать болѣе чистую форму ¹⁾, такъ какъ религія народа есть ничто иное, какъ отраженіе его культурнаго состоянія. У Гомера боги являются, какъ мы видѣли, въ сущности лишь могущественными властителями міра, которые распредѣляютъ счастье и несчастье между смертными по своему произволу, и расположенія которыхъ можно добиться только однимъ путемъ — обильными жертвоприношеніями. Теперь на ряду съ этимъ взглядомъ возникаетъ представленіе о богахъ, какъ охранителяхъ закона и мстителяхъ за всякое преступленіе, и укореняется вѣра, что добродѣтельная жизнь есть вмѣстѣ съ тѣмъ и богоугодная. Не на жертву божество обращаетъ вниманіе, а на то, съ какими мыслями ее приносятъ ²⁾; въ храмъ нужно вступать не только съ чистымъ тѣломъ, но и съ чистой душой ³⁾.

Но разъ возникла такая вѣра, нужно было, прежде всего, самихъ боговъ представить себѣ нравственно чистыми, а это было не легко въ виду грубаго антропоморфизма сохранившейся въ эпосѣ мифологіи. Вѣдь Гомеръ и Гесіодъ рассказали о такихъ поступкахъ боговъ, которые покрываютъ стыдомъ и позоромъ людей на землѣ, какъ напр. кража и прелюбодѣяніе, ложь и обманъ ⁴⁾. Выходъ нашли въ томъ, что объявили ложными тѣ сказанія, которыя оскорбляютъ нравственное чувство, или старались истолковать ихъ аллегорически ⁵⁾. Это было, конечно, жалкое средство, и подъ конецъ этого періода Ксенофанъ и Гераклитъ дошли до отрицанія всей вообще эпической поэзіи, какъ безнравственной. Такія попытки не могли, однако, имѣть большого успѣха, именно потому, что онѣ были слишкомъ радикальны. Гомеръ по прежнему оставался библіей для грековъ, а боги и теперь въ представленіи націи оставались въ общемъ такими-же, какими изобразилъ ихъ эпосъ ⁶⁾. Пластическое искусство, дававшее народу тѣлесныя изображенія его боговъ, также много способствовало укрѣпленію антропоморфическихъ представленій.

1) Naegelsbach *Die nachhomerische Theologie des griechischen Volksglaubens* Nürnberg 1857.

2) Eurip. fr. 940 Nauck, Theopomp. fr. 283, и изреченіе пелійскаго орacula *Anthol. Palat.* XIV 71.

3) Naegelsbach l. c. стр. 204.

4) Xenoph. fr. 7 Mullach.

5) Напр. Xenophan. fr. 1, 22 Bergk, Pindar *Olymp.* I 35, 52, IX 35, Сравн. Naegelsbach l. c. стр. 44.

6) Herod. II 53.

Но эти понятія теперь очищаются. Божеству начинают приписывать всевѣдѣніе и всемогущество, хотя въ массѣ еще долго живутъ прежніе взгляды ¹⁾. Но многобожіе конечно не совмѣстимо съ идеей всемогущества каждаго бога въ отдѣльности. Это противорѣчіе по необходимости должно было повести къ развитію религіи въ монотеистическомъ духѣ. Уже у Гомера Зевсъ сильнѣе всѣхъ остальныхъ боговъ вмѣстѣ; въ послѣ-гомеровскую эпоху этотъ взглядъ все болѣе укореняется въ религіозномъ; сознаниі народа. Зевсъ управляетъ міромъ; остальные боги получаютъ власть отъ него ²⁾, и имъ остается, по крайней мѣрѣ по понятіямъ образованныхъ людей, только исполнять его приказанія. Когда Аполлонъ прорицаетъ, онъ объявляетъ людямъ «непреклонное рѣшеніе Зевса» ³⁾. Аѳина для спасенія своего собственнаго города ничего не можетъ сдѣлать сама, а должна просить заступничества у Зевса ⁴⁾. Если по прежнимъ вѣрованіямъ Зевсъ подчинялся власти судьбы, то теперь рокъ отождествляется съ волею Зевса. Такимъ образомъ дошли наконецъ до того, что правителя міра стали называть просто богомъ (*θεός*), или «божествомъ» (*τὸ θεῖον, τὸ δαιμόνιον*); правда, на ряду съ этими выраженіями и въ одинаковомъ съ ними смыслѣ, употребляютъ также и прежнія политеистическія (*Ζεὺς, θεοί*), а часто оба выраженія встрѣчаются рядомъ, въ одномъ и томъ же предложеніи. До истиннаго монотеизма сѣумѣла возвыситься лишь греческая философія.

Но если божество всемогуще, если оно притомъ охраняетъ нравственный порядокъ на землѣ, то почему же преступленія такъ часто остаются безнаказанными, почему даже добродѣтельная жизнь не можетъ предохранить отъ несчастія ⁵⁾? Эти вопросы во всѣ времена занимали теологическую мысль. Древнее ученіе, что кара, которой избѣжалъ самъ преступникъ, постигнетъ его потомковъ, не могло уже удовлетворять нравственное сознание въ такое время, когда родственныя узы все болѣе и болѣе ослабѣвали ⁶⁾. Поэтому теперь переносятъ въ будущую жизнь тѣ наказанія, которыя не постигли преступника въ этой

¹⁾ Напр. Хер. *Μετοραβ.* 1, I 19 *οἱ πολλοὶ... μὲν γὰρ οἴονται τοὺς θεοὺς τὰ μὲν εἰδέναι, τὰ δ' οὐκ εἰδέναι. Σωκράτης δὲ πάντα μὲν ἤγειτο τοὺς θεοὺς εἰδέναι, τὰ τε λεγόμενα καὶ πραττόμενα καὶ τὰ σιγῇ βουλευόμενα* (Толпа думаетъ, что боги одно знаютъ, другого не знаютъ; Сократъ же полагалъ, что боги знаютъ все—не только слова и дѣла, но и тайныя мысли людей).

²⁾ Hesiod. *Theog.* 74. 885, Aeschyl. *Prometh.* 229 и т. д.

³⁾ *Гимнъ Аполлону* 133.

⁴⁾ Изреченіе оракула у Герод. VII 141.

⁵⁾ *Theogn.* 743—752.

⁶⁾ Соловь, fr. 13. 31, *Theogn.* 731—742.

жизни. Жилище Гадеса, бывшее для гомеровской эпохи лишь царством тѣней, гдѣ души умершихъ—праведныхъ и неправедныхъ—ведутъ одинаковую призрачную жизнь безъ радостей и безъ горя,—становится теперь мѣстомъ расплаты. Зачатки этого представлення находятся уже у самого Гомера, и характерно для грековъ, что, по вѣрованіямъ Иліады, только клятвопреступники должны послѣ смерти нести кару за свои преступленія ¹⁾. Въ Одиссеѣ, правда въ позднѣйшей вставкѣ, описываются муки, которыя переносятъ тамъ, въ подземномъ царствѣ, Титій, Танталъ и Сисифъ за то, что они здѣсь, на землѣ провинились передъ богами ²⁾. Такія представлення могли тѣмъ легче получить распространеніе, что царство мертвыхъ уже и безъ того было для каждаго живущаго мѣстомъ страха. Теперь миѣ постарался нарисовать картину подземнаго міра въ деталяхъ. Перевозчикъ Харонъ перевозитъ души черезъ Ахеронтъ ³⁾; по ту сторону рѣки, у воротъ царства тѣней, ихъ принимаетъ «мѣдногосый» Церберъ, собака Гадеса; онъ ласково встрѣчаетъ каждаго входящаго, но никого не выпускаетъ ⁴⁾. Въ странѣ мертвыхъ душу терзаютъ страхомъ змѣи и всякаго рода чудовища ⁵⁾. Тотъ, кто на землѣ особенно тяжело согрѣшилъ, долженъ лежать въ гниющемъ илѣ ⁶⁾. Такимъ образомъ послѣдовательно пришли къ представленію о судѣ надъ мертвыми; судъ первоначально творитъ самъ Гадесъ, царь подземнаго міра ⁷⁾. По позднѣйшему представленію обязанность судьи была возложена на Миноса, въ примѣненіе къ тому мѣсту Гомера ⁸⁾, гдѣ сказано, что Миносъ, такъ же, какъ и остальные умершіе, продолжаетъ въ царствѣ тѣней исполнять то, чѣмъ занимался при жизни. Радаманѣ и Эакъ помогаютъ ему въ судѣ ⁹⁾. Не слѣдуетъ, однако, забывать, что здѣсь дѣло идетъ вовсе не о религіозныхъ догматахъ, а о мнѣніяхъ, бывшихъ предметомъ индивидуальной вѣры.

1) Г 279, сравн. Т 259.

2) λ 576—600, сравн. Wilamowitz *Hom. Unters.* стр. 199 слл.

3) Впервые упоминается въ *Minyas* fr. I. Kinkel.

4) Гомеръ въ одномъ позднѣйшемъ мѣстѣ (Θ 368) упоминаетъ о собакѣ Гадеса, но имя Церберъ встрѣчается лишь у Гесіода (*Theog.* 311, сравн. 769 слл.).

5) *Aristoph. Βάτραχοι* 144. 278 слл. Такое чудовище, демонъ Эвриномъ, который пожираетъ мясо съ костей мертвецовъ, было изображено Полигнотомъ на его картинѣ подземнаго міра въ Дельфахъ (*Paus.* X 28. 7).

6) *Aristoph. Βάτραχοι* 145, 273 слл. *Plat. Πολιτ.* II стр. 363 d. Это предствленіе происходитъ изъ орафическаго ученія.

7) *Aeschyl. Eumen.* 269, сравн. *Pind. Оλυμπ.* 2, 59.

8) λ 568—71.

9) *Plat. Gorg.* 523e.

Во всякомъ случаѣ, представленіе о загробномъ возмездіи было достаточно сильно, чтобы произвести глубокое вліяніе на духовную жизнь націи. Если наказаніе было неизбежно въ этой или въ той жизни, то нужно было стараться искупить вину, потому что боги доступны примиренію, какъ сказано уже въ Иліадѣ ¹⁾. Самымъ простымъ средствомъ къ этому была жертва ²⁾; но чѣмъ глубже становилось религиозное чувство, тѣмъ менѣе можно было довольствоваться такимъ чисто-внѣшнимъ покаяніемъ—особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда надъ преступникомъ тяготѣло убійство. Поэтому къ жертвѣ присоединили еще церемонію очищенія—обрядъ, еще совершенно чуждый Гомеру и упоминаемый впервые въ эпическомъ стихотвореніи Эеіопидѣ, написанномъ приблизительно около 700 г. ³⁾. Очищеніе можетъ быть совершено всякимъ, кто самъ чистъ; оно достигается окропленіемъ кающагося кровью жертвеннаго животного или проточной водой ⁴⁾.

Но и тотъ, кто былъ свободенъ отъ тяжкаго грѣха или искупилъ его, не могъ ждать послѣ смерти ничего другого, кромѣ пребыванія въ видѣ тѣни среди вѣчной тьмы. Въ виду такой безотрадной перспективы явилась потребность въ искупленіи. Уже Гомеръ воспѣлъ Елисейскія поля, гдѣ на краю земли, вдали отъ зимнихъ бурь, обвѣваемый тихимъ Зефиромъ, жилъ въ вѣчномъ блаженствѣ бѣлокурый Радаманѣъ, и куда были помѣщенъ также Менелай, зять Зевса ⁵⁾. По позднѣйшему сказанію туда приходятъ и другіе герои, какъ Ахиллесъ и Діомедъ ⁶⁾. Однако тѣмъ, что они попали туда, они были обязаны не своимъ заслугамъ, а милости боговъ; отсюда вывели заключеніе, что эта милость можетъ быть оказана и другимъ смертнымъ. Средство, чтобы заслужить ее, нашли въ священныхъ таинствахъ, мистеріяхъ ⁷⁾. Онѣ конечно стояли въ связи съ культомъ боговъ земли, Деметры, ея дочери и Діониса. Изъ многочисленныхъ городовъ, гдѣ справлялись мистеріи, наибольшее значеніе приобрѣлъ, благодаря своему политическому союзу съ Аеинами, Элевсинъ. Священнодѣйствіе, которое совершалось здѣсь ежегодно осенью, состояло

1) I 497 *στρεπτοὶ δὲ τε καὶ θεοὶ αὐτοί.*

2) *Гимнъ Деметрѣ* 367 сл., Herod. VI 91 (*ἐκθύσασθαι τὸ ἄγος*).

3) *Hypothesis* Прокла (Kinkel *Epici* I стр. 33).

4) Naegelsbach *Nachhom. Theolog.* стр. 359 слл.

5) δ 561—569.

6) *Письмо о Гармодіи* у Bergk *Lyrici Graeci Scolia* 10.

7) Lobeck *Aglaophamus, sive de theologiae mysticae Graecorum causis* Kōnigsberg 1829.

въ мистическомъ представленіи, содержаніемъ котораго были страданія Деметры послѣ похищенія Персефоны Гадесомъ и возвращеніе дочери къ богинѣ. При этомъ пѣлись пѣсни, которыя объясняли значеніе церемоніи и сулили зрителямъ блаженную жизнь послѣ смерти ¹⁾. Къ посвященію въ эти мистеріи допускался каждый, кто желалъ этого: туземецъ и иностранецъ, мужчина и женщина, свободный и рабъ. Въ противоположность древнимъ культамъ, эта религія не признавала никакихъ привилегій.

Этой же потребности въ искупленіи обязана была своимъ возникновеніемъ орфическая секта, получившая въ VI вѣкѣ широкое распространеніе. Самымъ знаменитымъ представителемъ ея былъ афинянинъ Ономакрить, который находился въ тѣсной дружбѣ съ сыновьями Писистрата и позднѣе раздѣлилъ съ ними изгнаніе ²⁾. Новая вѣра имѣла свои священныя писанія, авторомъ которыхъ былъ, по преданію, еракійскій пѣвецъ Орфей, сынъ музы Калліопы и Мусея, сына Селены ³⁾. Въ нихъ была развита совершенно своеобразная мѣология, въ которой главную роль игралъ Загрей ⁴⁾ («мощный охотникъ»), сынъ Зевса и Персефоны, повелитель мертвыхъ. Далѣе, орфики вѣрили въ переселеніе душъ и учили, что наша душа въ наказаніе за совершенныя въ прошлой жизни преступленія подвергается заточенію въ тѣлѣ (*τὸ σῶμα σῆμα*) ⁵⁾. Съ этой точки зрѣнія употребленіе животной пищи должно было казаться канибализмомъ ⁶⁾, и кровавыя жертвы были исключены изъ культа. Такимъ образомъ, истинная жизнь начиналась для орфиковъ лишь за гробомъ; средствами для достиженія тамъ блаженства были, на ряду съ нравственно-чистой жизнью, строгое, доходившее подчасъ до аскетизма соблюденіе обрядовыхъ предписаній, но главнымъ образомъ умилоствленіе боговъ при помощи религіозныхъ таинствъ (*τελεταί*) доступное каждому вѣрующему. Этими церемоніямъ приписывали даже силу избавлять умершихъ отъ мукъ Тартара ⁷⁾. Странствующие

1) *Гимнъ Деметрѣ* 480—82, сравн. Soph. fr. 753 Nauck, Isocr. 4, 28.

2) Herod. VII 6.

3) Eurip. *Hippol.* 953. Ὀρφέα τ' ἄρακτ' ἔχων βάκχευε, πολλῶν γραμμάτων τιμῶν κελνοῦς. Фрагменты у Lobeck *Aglaophantus*, Mullach *Fragm. Phil. Graec.* I стр. 166—190, Kinkel *Episc. Graec. fragm.* I стр. 218—230, Abel *Orphica* (Прага и Лейпцигъ 1885).

4) Euripides *Cret.* fr. 475.

5) Plat. *Cratyl.* 400 с, Empedocl. 1 слл.

6) Empedocl. 13. 14 Mullach, слѣдующій въ этомъ вопросѣ всецѣло орфическому ученію, Aristoph. *Vatr.* 1043, Eurip. *Hippol.* 952 слл.

7) Plat. *Polit.* II 364 в, Demosth. *Περὶ στεφάνου* 259 сл., сравн. Strab. X 723.

жрецы, часто весьма сомнительной нравственности, переходили изъ города въ городъ и проповѣдовали свое ученіе, которое дѣйствительно имѣло много послѣдователей.

Подобныя же цѣли преслѣдовалъ и современникъ Ономакрита, самосецъ Пифагоръ. Онъ также принялъ догматъ переселенія душъ со всѣми его послѣдствіями, а предписанные имъ богослужебные обряды имѣли много общаго съ обрядами орфиковъ ¹⁾. Но онъ былъ не только религіознымъ реформаторомъ, но и однимъ изъ самыхъ образованныхъ людей своего времени ²⁾; поэтому темная орфическая мифологія не могла удовлетворять его. Въ основанной имъ школѣ ревностно изучали математику и астрономію, и весьма вѣроятно, что толчекъ къ этому данъ былъ самимъ основателемъ. Знаменитое ученіе о числахъ, на которомъ построена была система позднѣйшихъ пифагорейцевъ, по крайней мѣрѣ въ своихъ основныхъ чертахъ принадлежало, вѣроятно, самому Пифагору. Но на его родинѣ, въ Іоніи, это ученіе встрѣтило мало сочувствія. Поэтому онъ удалился на западъ и основалъ тамъ, въ ахейскихъ колоніяхъ, расположенныхъ при Тарентскомъ заливѣ, тайный религіозный союзъ, къ которому скоро примкнула большая часть знати, и который, благодаря тѣсному единенію своихъ членовъ, былъ въ состояніи даже захватить въ свои руки политическую власть въ Кротонѣ и Метапонтѣ и удержать ее на продолжительное время.

Въ такую религіозно-настроенную эпоху особенно важное значеніе должно было приобрести узнаваніе воли божества ³⁾. Древнее гаданіе по полету птицъ, какъ оно производилось въ гомеровскій періодъ, не могло удовлетворять этой потребности. Уже въ гимнѣ къ Гермесу говорится, что не по всякому появленію птицъ можно узнать судьбу ⁴⁾; точно такъ же и Гесиодъ, подобно гомеровскому Гектору, сомнѣвается въ значеніи искусства прорицанія ⁵⁾. Стали искать болѣе вѣрный методъ и нашли его въ гаданіи по внутренностямъ жертвенныхъ животныхъ. Угодными жертвами для божества были только совершенно безпорочныя животныя; поэтому, если при закланіи оказывалось, что внутренности животнаго представляютъ какія-нибудь отклоненія отъ

1) Herod. II 81.

2) Heraclit. fr. 17 *Bywater Πυθαγόρης Μησαόρχου ιστορίην ἤσκησε ἀνθρώπων μάλιστα πάντων*. Сравн. также Empedocl. 427 слл. Mullach, если только эти стихи дѣйствительно относятся къ Пифагору.

3) Bouché—Leclercq *Histoire de la Divination dans l'Antiquité* 4 тома Парижъ 1879—1882.

4) *Гимнъ къ Гермесу* 546 слл.

5) Hesiod. fr. 187 Kinkel.

нормы, цѣль жертвоприношенія считалась недостигнутой; отсюда естественно было заключить, что божество вообще не одобряетъ предпріятія, при началѣ котораго была принесена ему данная жертва. Это было важное открытіе, такъ какъ этотъ способъ имѣлъ то преимущество, что имъ можно было пользоваться во всякое время и что исключалось всякое сомнѣніе относительно воли божества. Поэтому гаданіе по внутренностямъ жертвенныхъ животныхъ, еще совершенно неизвѣстное Гомеру и Гесіоду, ко времени Персидскихъ войнъ было уже во всеобщемъ употребленіи и достигло высокаго развитія.

Рука объ руку съ этимъ искусствомъ шло развитіе оракуловъ. Вся Греція покрылась мѣстами прорицанія, между которыми Додона и Дельфы уже рано приобрѣли славу наиболѣе священныхъ мѣстъ; это единственные оракулы, упоминаемые Гомеромъ ¹⁾. Изъ всѣхъ частей греческаго міра и даже изъ сосѣднихъ варварскихъ странъ стекались сюда вѣрующіе, чтобы узнать волю божества. Богъ вѣщалъ свою волю или при помощи знаменій, каковы шелестъ священныхъ дубовъ, сновидѣнія, горѣніе жертвеннаго пламени, случайность жребія, — или посредствомъ изреченій, произносимыхъ жрецами и жрицами въ состояніи религіознаго экстаза и затѣмъ облакаемыхъ «пророками» въ соотвѣтствующую форму. При этомъ дѣло шло вовсе не о предсказаніи будущаго — что очень скоро дискредитировало бы оракулы, — а скорѣе о наставленіяхъ для практической жизни, и прежде всего о разъясненіи религіозныхъ церемоній, при помощи которыхъ можно было приобрѣсти расположеніе боговъ или искупить совершенное преступленіе. Такимъ образомъ оракулы служили въ общемъ той же цѣли, какъ и мистеріи и очистительныя жертвы, т. е. успокоенію совѣсти и нравственному воспитанію народа. Кто заходилъ въ своихъ вопросахъ слишкомъ далеко, тотъ долженъ былъ довольствоваться двусмысленнымъ и обманчивымъ отвѣтомъ ²⁾. Особенно дельфійскій оракулъ приобрѣлъ значеніе высшаго авторитета по всѣмъ религіознымъ и этическимъ вопросамъ; а при тѣсной связи, какая существовала между религіей и государственною жизнью, оракулъ не лишенъ былъ также извѣстнаго политическаго вліянія, которое, впрочемъ, всегда было очень ограничено ³⁾. Что Дельфы при этомъ служили иногда орудіемъ въ рукахъ наиболѣе вліятельныхъ государствъ средней Греціи,

¹⁾ Додона § 327 сл. = τ 296 сл., Дельфы I 405 сл.; послѣднія впрочемъ не названы прямо мѣстомъ нахожденія оракула.

²⁾ *Гимнъ къ Гермесу* 546 сл.

³⁾ Это вліяніе еще въ новое время сильно преувеличивали, наивно считая сочиненные *ex eventu* оракулы подлинными.

что временами даже подкупъ прокладывалъ себѣ дорогу къ пиѣи и ея пророкамъ—все это вытекаетъ изъ самаго характера учрежденія и повторялось при подобныхъ условіяхъ во всѣ времена.

Отвѣты оракуловъ, какъ непосредственныя проявленія божественной воли, имѣли значеніе не только для тѣхъ, къ кому они были обращены, но могли служить нравственнымъ руководствомъ и вообще для всякаго вѣрующаго. Поэтому уже рано начали составляться и достигли обширнаго распространенія сборники подобныхъ изреченій ¹⁾. Правда, при этомъ не обошлось безъ благочестиваго обмана, и не мало оракуловъ было поддѣлано изъ чисто мірскихъ побужденій. На ряду съ изреченіями оракуловъ существовали также сборники изреченій, принадлежавшихъ святымъ мужамъ древности, какъ напр. беотійскому прорицателю Бакису. Были люди (*χηρσιολόγοι*), которые дѣлали себѣ ремесло изъ того, что заучивали такія изреченія на память и, переходя изъ города въ городъ, за небольшое вознагражденіе дѣлились съ вѣрующими своею мудростью. Они же отчасти занимались и распространеніемъ орфическаго ученія. Это доставляло имъ хорошей заработокъ, хотя образованная часть общества относилась къ нимъ съ заслуженнымъ презрѣніемъ ²⁾.

Не было, конечно, недостатка и во внѣшнихъ проявленіяхъ благочестія. На религиозныя нужды въ эту эпоху было издержано больше, чѣмъ на всѣ остальные потребности государства вмѣстѣ. Въ особенности постройка храмовъ поглотила, вѣроятно, огромныя суммы. Теперь уже не довольствовались тѣмъ, чтобы, по обычаю предковъ, поклоняться богамъ въ священныхъ рощахъ и приносить имъ жертвы на алтаряхъ, воздвигнутыхъ подъ открытымъ небомъ; богъ долженъ былъ имѣть свой домъ, подобно тому какъ царь или знатный аристократъ имѣлъ свой дворецъ. Начиная съ VII вѣка такія зданія возвышались въ кремляхъ и вблизи рынковъ во всѣхъ греческихъ городахъ. Вошло въ обычай десятую долю дохода съ промышленныхъ или торговыхъ предприятий и военной добычи посвящать богамъ, большею частью въ видѣ какаго-нибудь художественнаго произведенія, которое доставило бы божеству удовольствіе. Такимъ образомъ храмы наполнились драгоценными дарами, а дельфійское и олимпійское святилища скоро не могли уже вмѣстить всю массу накопившихся даровъ, и пришлось построить вблизи храма длинный рядъ сокровищницъ. Одни только

¹⁾ Herod. VII 6, VIII 77, Eurip. *Pleisthenes* fr. 629, Aristoph. *Всадники* 997 сл., *Птицы* 960 сл.

²⁾ Thuc. II 21, сравн. Epicharm. 4 сл. Mullach, Plat. *Полт.* II 364 б.

подарки, пожертвованные Крезомъ въ Дельфы, оцѣнивались, по преданію, приблизительно въ 200 эвбейскихъ золотыхъ талантовъ ¹⁾.

Соотвѣтственно этому празднества въ честь боговъ устраивались съ постоянно возростающимъ великолѣпіемъ. Въ храмъ шли торжественной процессіей, при участіи всѣхъ должностныхъ лицъ и войска; затѣмъ совершали гекатомбу изъ отборныхъ животныхъ, за которой слѣдовали гимнастическія состязанія, хоровые танцы и музыкальныя представленія. На празднества болѣе значительныхъ городовъ, какъ напр. Карнеи, Гіакинеи, Гимнопедія въ Спартѣ, Панаѳінеи и Діонисія въ Аѳинахъ, стекались зрители со всѣхъ концовъ Греціи. Но всѣ эти мѣстныя празднества отступали на задній планъ передъ четырьмя большими національными праздниками, которые устраивались въ Олимпіи, въ Дельфахъ, на Коринескомъ перешейкѣ и въ Немейской долинѣ. Кажется, что раньше всѣхъ, уже въ VII вѣкѣ, приобрѣли всеобщую славу Олимпія, которыя вплоть до эллинистическаго періода занимали первое мѣсто между всѣми греческими празднествами. Черезъ каждые 4 года, послѣ середины лѣта, въ священной рощѣ Альтиса на берегу Алфея, въ области города Писы, приносилась жертва олимпійскому Зевсу, за которой слѣдовали гимнастическія состязанія и бѣга на колесницахъ ²⁾. Въ Дельфахъ первоначально происходили только музыкальныя состязанія; послѣ такъ назыв. священной войны, около 590 г., амфиктіоны преобразовали дельфійское празднество и, по примѣру олимпійскихъ игръ, ввели здѣсь и гимнастическія состязанія ³⁾. Это празднество устраивалось также разъ въ четыре года, именно въ концѣ лѣта третьяго года каждой олимпіады, такъ что олимпійскія и пивейскія празднества чередовались другъ съ другомъ черезъ каждые два года. Исѳемійскія игры по преданію стали націо-

¹⁾ Herod. I 50 сл. Hultsch *Metrologie* ² стр. 577 сл.

²⁾ Исторію олимпійскаго празднества см. у Павс. V 8, Phlegon *Olymp.*, Euseb. I 191 сл. Schoene. Сравн. Krause *Olympia* Wien 1838, Bötticher *Olympia* 2 Aufl. Berlin 1886. Въ противоположность этой традиціи, которая, вопреки всякой исторической вѣроятности, утверждаетъ, что первоначально существовало только состязаніе въ бѣгѣ на стади, а остальные виды состязаній введены лишь въ позднѣйшее время (сравн., напротивъ, ἀθλα ἐπὶ Πατρόκλῳ),—Пиндаръ говоритъ, что съ самаго начала рядомъ съ состязаніемъ въ бѣгѣ существовали единоборство, кулачный бой, бѣгъ на четырехконныхъ колесницахъ, метаніе копья и диска (*Olymp.* XI (X) 64 сл.). Сравн. Mahaffy *Journal of Hellenic Studies* II 167 сл. и выше стр. 8.

³⁾ Первая Пивеиада соотвѣтствуетъ олимп. 49,3=582 г. (сравн. Vogtemann *Philol.* 50, стр. 242 сл.).

нальными празднествами съ 580 г., немейскія—съ 573 г. ¹⁾); однако игры на Исемѣ существовали уже въ эпоху Солона, и само собою разумѣется, что признаніе такого праздника цѣлой націей должно было быть результатомъ продолжительнаго развитія. Здѣсь также на ряду съ гимнастическими состязаніями происходили музыкальныя. Впрочемъ, исемійскія и немейскія игры никогда не достигли того значенія, которымъ пользовались олимпійскія и дельфійскія празднества, тѣмъ болѣе, что они праздновались черезъ каждые два года и, слѣдовательно, здѣсь гораздо легче было одержать побѣду.

Побѣду на одномъ изъ этихъ національныхъ празднествъ общество VI и еще V вѣка считало высшею честью, какая только могла выпасть на долю грека; эта честь переходила и на родъ, и на городъ, къ которымъ принадлежалъ побѣдитель, и память объ этомъ событіи тщательно сохранялась. Хотя непосредственной наградой былъ лишь зеленый вѣнокъ, но отдѣльныя общины заботились и о матеріальномъ вознагражденіи, — на примѣръ законодательство Солона опредѣляло для побѣдителя на олимпійскихъ играхъ значительный по тому времени призъ въ 500 драхмъ, а для побѣдителя на исемійскихъ играхъ призъ въ 100 драхмъ. Сюда присоединялись пожизненные обѣды на государственный счетъ въ булѣ и всякаго рода другія почести ²⁾), какъ наприм. право поставить свою статую въ священной области того божества, на праздникъ котораго одержана была побѣда. Это должно было съ теченіемъ времени повести къ образованію класса профессиональныхъ атлетовъ; да и помимо этого было вопіющею несправедливостью, что человѣка, который верхомъ или на парѣ лошадей въ Олимпіи или Дельфахъ первый пришелъ къ цѣли, чествовали какъ благодѣтеля націи.

Для того, чтобы эти празднества достигали цѣли, ради которой они были установлены, т. е. чтобы они дѣйствительно доставляли богамъ удовольствіе, первымъ условіемъ было устраивать ихъ въ опредѣленное время. Это повело къ упорядоченію календаря. Всякое лѣтосчисленіе имѣетъ своей исходной точкой движеніе солнца и луны, и уже Гомеръ говоритъ о годахъ и мѣсяцахъ, но названіе мѣсяца встрѣчается впервые лишь въ Гесіодовыхъ "Ерѹа" ³⁾), написанныхъ въ VII вѣкѣ. Эти названія обыкновенно заимствованы отъ главнѣй-

1) Euseb. II стр. 94 Schoene (ол. 50,1 и 51,4).

2) Xenophon. fr. 2 Bergk, Plut. Solon 23.

3) Hesiod. "Ерѹа 504 *μῆνα δὲ Ἀργαίωνα, καὶ ἤματα*. Леней и позже былъ названіемъ одного зимняго мѣсяца.

шихъ празднествъ соотвѣтствующаго мѣсяца; а такъ какъ каждая греческая область, даже почти каждый городъ, имѣли свои особыя празднества, то одни и тѣ же мѣсяцы въ разныхъ частяхъ греческаго міра носили самыя различныя названія ¹⁾). Затѣмъ, уже рано должны были обратить вниманіе на то, что солнечный годъ не дѣлится на опредѣленное число лунныхъ мѣсяцевъ. Сначала думали найти выходъ изъ этого затрудненія, считая попеременно одинъ годъ въ 12, другой въ 13 мѣсяцевъ; но такъ какъ при этой системѣ, такъ назыв. триетеридѣ, за каждые восемь лѣтъ набиралось около одного лишняго мѣсяца, то уже очень рано должны были замѣтить, что счетъ по мѣсяцамъ не совпадаетъ съ временами года. Для избѣжанія этого неудобства установленъ былъ восьмилѣтній циклъ, такъ назыв. октетерида; эта система состояла въ томъ, что изъ каждыхъ 8 лѣтъ 5 считали по 12 мѣсяцевъ, остальные три — по 13. Такое рѣшеніе задачи, состоявшей въ томъ, чтобы связать солнечный годъ съ луннымъ мѣсяцемъ, вполнѣ удовлетворяло всѣмъ практическимъ цѣлямъ, такъ какъ сравнительно съ временами года календарь уходилъ впередъ лишь въ 160 лѣтъ на одинъ мѣсяць, и такая разница должна была оставаться незамѣтной на протяженіи многихъ поколѣній. Въ зависимости отъ этого цикла олимпійскія и дельфійскія празднества устраивались черезъ промежутки въ 4 года. Гораздо легче было опредѣлить продолжительность самого луннаго мѣсяца, такъ какъ нужно было лишь наблюдать небо, чтобы знать, когда наступаетъ новолуніе. Такимъ образомъ очень скоро должны были замѣтить, что начало календарнаго мѣсяца опережало дѣйствительное новолуніе, если 30-дневные и 29-дневные мѣсяцы просто чередовались другъ съ другомъ, и что необходимо было время отъ времени вставлять одинъ день. Это долго дѣлалось чисто эмпирически; наконецъ, около конца VII вѣка восьмилѣтній циклъ былъ твердо установленъ дельфійскими жрецами, и этотъ календарь былъ въ 594 г. введенъ Солономъ въ Аѣинахъ, гдѣ онъ оставался въ силѣ до эпохи Пелопоннесской войны ²⁾).

Греки гомеровскаго времени, при несложныхъ условіяхъ ихъ жизни, не чувствовали еще никакой потребности считать годы. Когда затѣмъ начали давать въ помощь царямъ ежегодно смѣняемыхъ выборныхъ

¹⁾ Bischoff *De fastis Graecorum antiquissimis* въ *Leipziger Studien* VII, 1884.

²⁾ Plut. *Solon* 25, Laert. Diog. I 59, подробнѣе у Адольфа Шмидта *Handbuch der griechischen Chronologie* Jena 1888, которое, впрочемъ, какъ и всѣ подобныя сочиненія, заключаетъ въ себѣ очень много недоказанныхъ гипотезъ.

чиновниковъ, или вовсе замѣнять ихъ такими должностными лицами, тогда возникъ обычай обозначать каждый годъ именемъ того высшаго сановника, который въ теченіе этого года управлялъ дѣлами госуде дарства. А такъ какъ около того же времени письмо вошло во всеобще- употребленіе, то скоро перешли къ составленію списковъ этихъ должностныхъ лицъ въ хронологическомъ порядкѣ: Это произошло, какъ мы видѣли,—въ Спартѣ, по преданію, уже около середины VIII вѣка, въ Аѣинахъ—въ началѣ VII в.; можно предположить, что тогда-же или нѣсколько позже и большинство остальныхъ государствъ ввело у себя подобные списки. Такимъ образомъ каждая греческая община имѣла свою особую эру, и это не измѣнилось впослѣдствіи; до общаго для всей націи лѣтосчисленія греки вообще никогда не дошли. Счисленіе по олимпіадамъ нашло примѣненіе только въ наукѣ, да и то не раньше III столѣтія.

Идеи новаго времени должны были выразиться также въ характерѣ литературы и искусства. Не то, чтобы прежніе идеалы были теперь забыты. Напротивъ: великія эпопеи еще надолго сохранили первое мѣсто въ расположеніи народа, и даже именно теперь, когда оживленныя торговыя сношенія привели отдѣльныя племена въ болѣе тѣсное соприкосновеніе, онѣ сдѣлались достояніемъ всей націи. Изъ Іоніи пѣсни Гомера перешли въ метрополию, а отсюда распространились въ западныхъ колоніяхъ. Ихъ теперь не пѣли уже, какъ въ старину, подъ аккомпаниментъ китары во дворцахъ знатныхъ людей; странствующие пѣвцы—рапсоды—переходили изъ города въ городъ, съ посохомъ въ рукѣ, съ вѣнкомъ на головѣ, и въ праздничный день на рынкѣ читали народу отрывки эпическихъ произведеній. Такимъ образомъ ихъ содержаніе сдѣлалось извѣстнымъ каждому греку, и вскорѣ пластическое искусство начинаетъ черпать свои сюжеты изъ Гомера. Дельфійскій оракулъ давалъ свои изреченія въ эпическомъ размѣрѣ и эпическимъ слогомъ; на томъ же языкѣ писалъ свои военныя пѣсни лакедемонянинъ Тиртей въ концѣ VII вѣка. Да и самое эпическое творчество еще далеко не прекратилось. Большіе отрывки Одиссеи возникли, какъ мы видѣли, лишь въ VII столѣтіи, а изъ эпическихъ стихотвореній такъ называемаго «цикла» ббольшая часть была сложена также, вѣроятно, только въ этомъ столѣтіи, а нѣкоторыя даже едва ли раньше VI вѣка. Однако древніе образцы теперь оказываются недосыгаемыми. Уже Одиссея не можетъ сравниться съ Илиадою по поэтическимъ достоинствамъ, и хотя изъ позднѣйшихъ эпопей до насъ дошли лишь скудные отрывки, однако отзывъ древнихъ не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что онѣ стояли

еще далеко ниже Одиссеи. Вѣкъ героической пѣсни прошелъ безвозвратно.

За то теперь возникаетъ пародическій эпосъ. Такого рода эпизодъ вплетенъ уже въ нашу Одиссею, именно рассказъ объ Афродитѣ, которая обманываетъ своего супруга Гефеста и которую при этомъ застагаютъ вмѣстѣ съ ея возлюбленнымъ Ареемъ. Большой популярностью пользовалось эпическое стихотвореніе о приключеніяхъ Маргита, который все, за что онъ брался, дѣлалъ на выворотъ и въ брачную ночь не зналъ, что дѣлать со своей молодой женой, пока послѣдняя сама не наставила его на правый путь. Авторомъ этого стихотворенія считался Гомеръ; во всякомъ случаѣ оно возникло въ Іоніи, приблизительно въ первыя десятилѣтія VII вѣка ¹⁾. Къ гораздо болѣе позднему времени относится дошедшая до насъ «Война мышей и лягушекъ», пародія на войну изъ-за Трои, написанная гомеровскими стихами ²⁾.

Одновременно развился и генеалогическій эпосъ, первоначально вызванный къ жизни потребностью внести систему и порядокъ въ безчисленное множество накопившихся мифовъ. Зачатки такихъ стремленій обнаруживаются уже у Гомера; но полнаго развитія это направленіе достигаетъ въ поэтической школѣ Гесіода. *Κατάλογος γυναικῶν* и *Ἠοίαι* повѣствовали о судьбахъ тѣхъ греческихъ женщинъ, съ которыми боги вступали въ любовную связь, и перечисляли ихъ потомковъ, отъ которыхъ вели свое происхожденіе греческіе знатные роды. Въ аристократическомъ обществѣ, каковымъ было греческое въ VII и особенно въ VI в., успѣхъ такихъ стихотвореній былъ обезпеченъ; и, дѣйствительно, въ этомъ періодѣ возникъ безконечный рядъ подобныхъ произведеній, каковы, на примѣръ, Навпактіи, сходныя по содержанію съ гесіодовскимъ спискомъ женщинъ, Форида и Данаида, рассказывавшія аргивскіе мифы, Генеалогіи Эвмела коринѣскаго, Асія самосскаго и многія другія. Само собою разумѣется, что поэтическое достоинство этихъ произведеній было въ большинствѣ случаевъ совершенно ничтожно; но такъ какъ читающей пуб-

¹⁾ Колофонъ упоминается уже во вступленіи. Архилохъ, по преданію, цитировалъ Маргита (fr. 153) и заимствовалъ у него одинъ стихъ (fr. 118). Съ другой стороны, судя по языку, стихотвореніе принадлежитъ болѣе позднему времени, чѣмъ Одиссея.

²⁾ Авторомъ ея считаютъ Пигрета галикарнасскаго, брата царицы Артемисіи, которая сражалась при Саламинѣ, сравн. Brandt въ *Corpusculum poesis epicae graecae indibundae* II стр. 3, Suidas Πίγρης, Plut. Περὶ Ἠροδότου γαζογράφειας 43.

лики въ то время еще не было, и всѣ знанія распространялись только путемъ устной передачи, то по неволѣ приходилось облекать эти прозаическіе сюжеты въ форму эпического стиха.

Такой же обработкѣ подвергались и мифы о богахъ ¹⁾ (выше стр. 95). Самую знаменитую попытку въ этомъ родѣ представляетъ Теогонія Гесиода, произведеніе VII вѣка ²⁾, которое въ существенномъ стоитъ на почвѣ народной религіи. Совершенно другое направленіе приняла богословская мысль въ VI вѣкѣ. Такъ, орфики учили, что въ началѣ была ночь; она произвела на свѣтъ серебряное міровое яйцо, изъ котораго родился сіяющій богъ Эроть или Фанесъ, создавшій и приведшій въ порядокъ міръ, между тѣмъ какъ изъ скорлупы яйца произошли небо, море и земля. Эроть съ Ночью произвели на свѣтъ Океанъ и Теюю; дѣти послѣднихъ—Кроносъ и Рея вмѣстѣ съ остальными титанами; затѣмъ слѣдуетъ, какъ и въ гесиодовой Теогоніи, Зевсъ. Его сынъ отъ Персефоны—Діонисъ-Загрей, котораго титаны растерзали, а Зевсъ снова вернулъ къ жизни. Приблизительно таково же было, повидимому, содержаніе Теогоніи Эпименида критскаго, жреца и прорицателя, который и вообще придерживался ученія орфиковъ, и въ особенности требовалъ воздержанія отъ мясной пищи. Еще болѣе удалился отъ народныхъ вѣрованій Ферекидъ сирскій (въ концѣ VI столѣтія) въ своемъ сочиненіи «О міровомъ зданіи и его пяти частяхъ» (*Περτέμυχος*). Зевсъ и Кроносъ (время) и Хеонія (богиня подземнаго міра)—училъ онъ—жили вѣчно; Хеонию называли также Землей, такъ какъ Зевсъ подарилъ ей землю. И Зевсъ приготовилъ большую и прекрасную ткань и выткалъ на ней Землю и Океанъ (*Ὠληνός*) и жилище Океана. Эту ткань онъ растянулъ надъ крылатымъ міровымъ деревомъ. Подъ нею находится область Тартара; здѣсь живутъ дочери Борея, Гарпіи и Ураганъ; сюда Зевсъ низвергаетъ согрѣшившихъ боговъ. Мы видимъ, какъ въ мифологическихъ образахъ здѣсь преподаются монотеистическія ученія. Ферекидъ также первый сбросилъ поэтическую оболочку и излагалъ свое ученіе въ простой прозаической формѣ. Такимъ образомъ, мы стоимъ здѣсь на рубежѣ мифологическаго и философскаго мышленія ³⁾.

1) Schoemann *De poesi theogonica Graecorum*, Opusc. II стр. 1 сл.

2) Языкъ и, въ значительной степени, также содержаніе Теогоніи находится всецѣло подъ вліяніемъ Гомера; географическій кругозоръ этого произведенія (*Αἴτλη* 860, въ позднѣйшемъ прибавленіи *Λατίνος* 1113, тирренцы 1116) уже предполагаетъ открытіе запада халхидянами.

3) Abel *Orphica* стр. 168—209. Gruppe *Die griechischen Kulte und Mythen* I стр. 567 — 675, O. Kern *De Orphei, Epimenidis, Pherecydis theogoniis*

Между тѣмъ успѣхи музыки открыли новые пути для поэзіи ¹⁾. Въ то время, когда складывался эпосъ, греки знали лишь одинъ инструментъ—арфу (*κίθαρις* или *φόρμιγξ*) ²⁾. Приблизительно около 700 года отъ мало-азіатскихъ и еракійскихъ варваровъ перешелъ въ Грецію кларнетъ, или, какъ обыкновенно переводятъ соответствующее греческое слово (*αὐλός*)—флейта. Введеніе новаго инструмента произвело переворотъ въ греческой музыкѣ; на ряду съ древне-національнымъ тономъ—«дорическимъ», какъ его по прежнему называли, теперь вошли въ употребленіе фригійскій и лидійскій тоны. Затѣмъ, если до сихъ поръ игра на арфѣ служила исключительно для аккомпанимента пѣнію, то игра на флейтѣ явилась чисто инструментальной музыкой, пока въ представленіи не начали принимать участіе нѣсколько человѣкъ. Греки, желавшіе для всего имѣть творца, приписывали изобрѣтеніе этой такъ называемой авлетики фригійцу Олимпу.

Однако пѣніе и инструментальная музыка были такъ неразрывно связаны въ сознаниі греческаго народа, что одна авлетика не могла долго удовлетворять его музыкальной потребности. Поэтому скоро и новымъ инструментомъ стали пользоваться для аккомпанимента пѣнію. «Авлетика» развила въ «авлэдику». При этомъ оказалось необходимымъ видоизмѣнить размѣръ эпическаго стиха соответственно характеру флейты. Въ началѣ держались по возможности близко къ употреблявшемуся ранѣе размѣру; въ шестистопномъ двустипіи второй стихъ былъ превращенъ въ пентаметръ посредствомъ опущенія обоихъ короткихъ слоговъ вслѣдъ за мужской цезурой и послѣдняго слога; такимъ образомъ создано было элегическое двустипіе, которое получило такое же значеніе въ композиціяхъ для флейты, какое гексаметръ имѣлъ въ композиціяхъ для китары.

Это нововведеніе должно было отразиться также на китаредикѣ. Звучность китары, или, какъ ее теперь обыкновенно называли, лиры ³⁾,

Dissert. Berlin 1888, Diels *Ueber Epimenides von Kreta, Sitzungsberichte der berl. Akad.* 1891, стр. 387 сл. Susemihl *Jahrb. f. Philol.* 1890, стр. 820 сл., Gruppe *ibid.* Suppl. XVII стр. 687 сл.

¹⁾ Westphal *Die Musik des griechischen Altertums* Leipzig 1883, Gevaert *Histoire et théorie de la Musique de l'Antiquité*, 2 тома Гентъ 1875—1881.

²⁾ Только два раза, и при томъ въ довольно позднихъ отрывкахъ, упоминается въ эпосѣ *αὐλός* (*К* 13 и *Σ* 495). Состязаніе авлетовъ и авлэдовъ было введено въ Дельфахъ лишь послѣ священной войны (*Hyppoth.* схолій къ *Pyth.* Пиндара, стр. 298 Bockh).

³⁾ Впервые упоминается въ *Margites* fr. 1 и въ гомеровскомъ гимнѣ Гермесу.

была усилена тѣмъ, что число струнъ увеличили съ четырехъ до семи; это усовершенствованіе впослѣдствіи приписывали лесбосцу Терпандру ¹⁾. Оно дало возможность исполнять на лирѣ мелодіи, даже не сопровождая ихъ пѣніемъ. Такимъ образомъ на ряду съ киваредикой возникла киваристика (*ψιλλή κιθάριστος*), творцомъ которой называютъ аргосца Аристоника, который по преданію также жилъ еще въ VII вѣкѣ ²⁾.

Въ искусство музыка развилась прежде всего на службѣ культу, и особенно культу Аполлона, который больше всѣхъ божествъ покровительствовалъ музыкальнымъ искусствамъ. Въ самомъ дѣлѣ, обычай чествовать боговъ гимнами восходитъ до самой отдаленной древности. На ряду съ этими старыми пѣснями, при которыхъ пѣніе текста отодвигало на задній планъ аккомпаниментъ инструмента, теперь на празднествахъ въ честь боговъ стали исполнять музыкальныя произведенія, причемъ рядомъ съ игрой на инструментѣ текстъ имѣлъ лишь небольшое значеніе, или даже совершенно отсутствовалъ. Такія мелодіи называли «номами» (*νόμοι*—тоны). Эта религиозная музыка была особенно распространена въ Спартѣ, которая, благодаря завоеванію Мессеніи, около конца VIII и начала VII вѣка сдѣлалась одной изъ первыхъ греческихъ державъ,—въ городѣ, «гдѣ процвѣтаютъ копыя юношей и пѣсни музъ, гдѣ царствуетъ справедливость, мать великихъ подвиговъ», какъ говорится въ одномъ стихотвореніи той эпохи ³⁾. Со всѣхъ концовъ стекались сюда музыканты. Здѣсь, по преданію, жилъ Терпандръ, отъ котораго велъ свое происхожденіе самый извѣстный родъ спартанскихъ пѣвцовъ, и который считался творцомъ киварэдійскаго «нома». Нѣсколько позднѣе еиванецъ (или тегеатъ) Клонасъ изобрѣлъ по преданію авладійскій номъ, который затѣмъ былъ усовершенствованъ Полимнестомъ, или какъ его называли въ главномъ мѣстѣ его дѣятельности, въ Спартѣ, Полимнастомъ изъ Колофона (около 600 г.). Но всѣхъ другихъ музыкантовъ этой эпохи затмилъ Сакадасъ изъ Аргоса, который три раза подрядъ бралъ призъ на дельфійскихъ играхъ (582, 578, 574) ⁴⁾. Большою извѣстностью пользовался особенно его «пиеійскій номъ», мотивъ

1) Онъ самъ хвастаетъ этимъ усовершенствованіемъ fr. 5 у Strab. XIII, 618; подлинность этихъ стиховъ, впрочемъ, очень сомнительна, даже помимо вопроса объ историческомъ существованіи самого Терпандра.

2) Менэхмъ изъ Сижіона fr. 6. (*Script. rer. Alex.* стр. 146, у Athen. XIV 637 сл.).

3) Terpanthr. fr. 6.

4) Paus. X, 7, 4, который по ошибкѣ указываетъ годы: 586, 582 и 578.

для флейты безъ пѣнія, содержаніемъ котораго была борьба Аполлона съ пнѣйскимъ дракономъ. Эти музыканты произвели переворотъ въ музыкѣ введеніемъ звуковъ, чуждыхъ гаммъ, — такъ называемаго «энгармоническаго діэза», т. е. повышеніемъ звуковъ діатонической скалы на $\frac{1}{4}$, $\frac{1}{3}$ или $\frac{3}{8}$ цѣлаго тона; новѣйшая музыка, какъ извѣстно, уже не пользуется этими тонами, но въ греческой музыкѣ классической эпохи они играли очень выдающуюся роль. Въ этомъ періодѣ были изобрѣтены также ноты для инструментовъ.

Такъ были созданы художественныя формы, въ которыхъ поэзія могла выражать идеи новой эпохи. Во главѣ всего этого движенія стоитъ Архилохъ Паросскій, около середины VII столѣтія ¹⁾. Въ его пѣсняхъ передъ нами какъ бы непосредственно открывается новый міръ. Здѣсь впервые появляется субъективность въ поэзіи, и Архилохъ — первый грекъ, который, какъ живой человѣкъ, стоитъ передъ нами во всей своей индивидуальности. Онъ пѣлъ обо всемъ, что волновало его въ жизни: о своей любви къ прекрасной Необулѣ

¹⁾ Время жизни Архилоха опредѣляется упоминаніемъ Гигеса, приблизительно 680—650 (fr. 25) и разрушенія Магнесіи киммерійцами, около 650 г. (fr. 20). Упомянутое во fr. 74 солнечное затменіе, судя по описанію поэта, было вѣроятно полнымъ. Такое затменіе произошло на Фасосѣ 6 апрѣля 648 г. (647 по астрономическому счету) въ 9 час. 52 мин. 44 сек. утра. Подобнаго зрѣлища области, расположенныя у Эгейскаго моря, не видѣли въ теченіе болѣе ста лѣтъ; послѣднее полное солнечное затменіе произошло 15 іюня 763 (762 г.), около 9 час. утра, да и то было видно только въ южной части Эгейскаго моря. Слѣдующее полное солнечное затменіе послѣ 648 г. — затменіе, описанное Фалесомъ и наступившее 28 мая 585 (584) г. около 6 час. дня; оно не можетъ быть тождественно съ затменіемъ, о которомъ упоминаетъ Архилохъ, помимо всего другого, уже потому, что послѣднее наступило около полудня. Кольцеобразныя затменія 11 янв. 689 г., 27 іюня 661 г. и 2 дек. 635 г. не могли произвести на народъ такого глубокаго впечатлѣнія, о какомъ говоритъ поэтъ. Затменіе 15 апрѣля 657 (656) г. было полнымъ къ востоку отъ Родоса и въ глубинахъ Малой Азіи, а на Эгейскомъ морѣ оно было частичнымъ; на 27 стр. *Катон*'а Оппольцера кривая нарисована невѣрно. Остается, слѣдовательно, только затменіе 6 апрѣля 648 г., которое было полнымъ по линіи отъ Левкады черезъ Ларису до Фасоса. Въ средней и южной части Эгейскаго моря оно было частичнымъ, и это доказываетъ, что соответственныя стихи дѣйствительно принадлежатъ Архилоху. Такимъ образомъ твердо устанавливается фактъ, что 6 апрѣля 648 г. поэтъ находился на о. Фасосѣ или на сосѣднемъ еракійскомъ побережьи. Сравн. Oppolzer *Sitzungsberichte der Wiener Akad.* 86 (1882), стр. 790 слд., Schwarz *ibid.* 87 стр. 763 слд. Профессоръ Э. Милосевичъ, директоръ астрономическо-метеорологической обсерваторіи въ Римѣ, былъ такъ любезенъ заново вычислить для меня затменія 657 и 648 г., за что я приношу ему здѣсь мою глубокую благодарность.

на паросской родинѣ, какъ и о своихъ военныхъ поѣздкахъ по дикой Фракіи; съ полной откровенностью выражалъ онъ свои страсти, и язвительной насмѣшкой преслѣдовалъ своихъ враговъ. Если онъ и не былъ музыкальнымъ новаторомъ, то вполне усвоилъ себѣ успѣхи, сдѣланные музыкою незадолго до его времени. Онъ пренебрегъ эпическимъ гексаметромъ и вернулся къ размѣрамъ народной поэзіи — къ ямбу и трохею, которые употреблялъ въ самыхъ разнообразныхъ сочетаніяхъ. Такимъ образомъ, Архилохъ указалъ путь позднѣйшей греческой поэзіи, и древность справедливо поставила его на ряду съ Гомеромъ ¹⁾.

Послѣдователями Архилоха въ изобрѣтенной имъ ямбической сатирѣ были его младшій современникъ Симоидъ изъ Аморга и, во второй половинѣ VI столѣтія, эфесянинъ Гиппонаксъ, который для своихъ подчасъ грубыхъ инвективъ изобрѣлъ особый размѣръ — хромой ямбъ (хольямбъ). Эсопъ, который, по преданію, былъ рабомъ и жилъ на Самосѣ около половины этого же вѣка, продолжалъ разработку животной басни, введенной въ литературу уже Архилохомъ. Особенно широкое распространеніе получила элегія. Каллинъ изъ Эфеса, современникъ Архилоха, былъ, повидимому, первымъ поэтомъ, который сочинялъ въ этомъ размѣрѣ военныя пѣсни; по его стопамъ пошли лакедемонянинъ Тиртей и Мимнермъ изъ Смирны, жившіе на рубежѣ VII и VI столѣтій. Тотъ же Тиртей и его младшій современникъ Солонъ съ успѣхомъ пользовались элегическимъ размѣромъ для проведенія въ общество своихъ политическихъ взглядовъ. Далѣе, Мимнермъ, такъ ввелъ въ этотъ родъ поэзіи ту тему, которою элегія позже почти исключительно ограничивалась, — любовь. Въ собраніи элегій, посвященномъ гетерѣ Нанно, онъ воспѣвалъ радости и муки любви и такъ быстро исчезающую красоту и молодость. Охотно пользовались поэты этимъ размѣромъ и для выраженія этическихъ размышленій напр., Солонъ и жившій въ эпоху Персидскихъ войнъ мегарянинъ Теогиадъ, нравоученія котораго, обращенныя къ его молодому другу Кирну, имѣли большой успѣхъ и съ теченіемъ времени обратились въ школьную книгу.

Наконецъ, поэзія совершенно освободилась отъ гнета условности, тяготѣвшаго еще и надъ элегіей. Лесбосскіе поэты Алкей и Сапфо, жившіе около середины VI вѣка ²⁾, пѣли въ простыхъ, болѣею частью

1) Историческое существованіе Архилоха не подлежитъ сомнѣнію; другой вопросъ — много ли изъ того, что носило его имя, дѣйствительно принадлежало ему. То же самое касается большинства лириковъ этой эпохи.

2) Относительно времени см. *Rhein. Mus.* 45 (1890), стр. 465 слл., 50 (1895) стр. 255 слл.

четырёхстрочныхъ строфахъ на эолійскомъ нарѣчїи своей родины. Въ это время въ Митиленѣ между народомъ и аристократіей шла ожесточенная борьба, въ которой Алкей принималъ живое участіе на сторонѣ знати; поэтому первое мѣсто между его стихотвореніями, на ряду съ застольными пѣснями, занимаютъ политическія пѣсни (*στασιωτικά*). Сапфо, какъ истинная женщина, пѣла почти только о любви. Правда, мы не должны прикладывать къ ней мѣрку нашихъ нравственныхъ воззрѣній. Всѣ ея любовныя пѣсни обращены къ красивымъ дѣвушкамъ, и пламенная страстность рѣчи показываетъ, что дѣло идетъ вовсе не о платоническихъ чувствахъ ¹⁾. Но именно это дѣлаетъ Сапфо величайшей поэтессой всѣхъ временъ. И рядомъ съ этой жгучей страстью стоитъ нѣжное женственное чувство, выражающееся особенно въ свадебныхъ пѣсняхъ, которыя она сочиняла для своихъ молодыхъ подругъ. Тѣ же цѣли преслѣдовалъ ея современникъ, уроженецъ Теоса Анакреонъ, который долго жилъ при дворѣ самоссаго тирана Поликрата, а позже—въ Аонахъ при дворѣ Гипсія. Но ему недоставало мужественной силы Алкея. Вся эго поэзія посвящена любви и вину, особенно любви къ красивымъ мальчикамъ. Онъ также пѣлъ въ безыскусственныхъ строфахъ на языкѣ своей родины, и его удобопонятный іоническій діалектъ обезпечилъ ему популяриность, какой не достигли лесбосскіе поэты, стоявшіе несравненно выше его.

Между тѣмъ музыка и поэзія завоевали новую область. Искусственная композиція начала, конечно, съ одноголоснаго мотива; теперь она достаточно окрѣпла, чтобы перейти къ хоровой пѣснѣ. Это движеніе также началось въ Спартѣ, гдѣ на празднествѣ гимназїи издавна выступали хоры мальчиковъ и дѣвочекъ. Фалетъ изъ Гортины, Ксенодамъ изъ Клееры и Ксенокритъ изъ италійскихъ Локръ сочиняли и клали на музыку новые тексты для этихъ представленій.

Своимъ дальнѣйшимъ развитіемъ хоровая лирика была обязана Алкману изъ спартанской области Месои, жившему въ первой половинѣ VI вѣка ²⁾. Его слава основывается, главнымъ образомъ, на его

¹⁾ Попытки „оправдать“ Сапфо, доходившія до искаженія текста, совершенно излишни; cadaго слѣдуетъ мѣрить масштабомъ его времени и страны. Притомъ, онѣ выставили бы Сапфо въ чрезвычайно противномъ видѣ. Въ первой пѣснѣ чтеніе *κωδὴ ἐθέλοισα* установлено теперь по рукописямъ (Piccolomini *Hermes* XXVII 1892, стр. 1 сл.).

²⁾ Онъ, очевидно, моложе Тиртея и старше Стесихора или, въ крайнемъ случаѣ, современникъ послѣдняго; fr. 24, въ которомъ поэтъ говоритъ о своемъ происхожденіи изъ „высогихъ Сардѣ“, т. е. отъ Пелопса, написанъ, не-

композиціяхъ для дѣвичьихъ хоровъ («Пароеніи»). Онъ также вполне свободенъ отъ традиціоннаго эпическаго слога и обнаруживаетъ уже наклонность къ дѣленію пьесъ на строфу, антистрофу и эподъ, которое потомъ сдѣлалось господствующимъ въ греческой хоровой лирикѣ ¹⁾. Содержаніемъ этихъ пьесъ служить, прежде всего, прославленіе боговъ, а затѣмъ изображеніе чувствъ, возбуждаемыхъ въ зрителяхъ видомъ самаго хора. Дѣйствительно, праздничный хороводъ красивѣйшихъ дѣвушекъ «обильной красавицами» Спарты представлялъ, вѣроятно, несравненное зрѣлище; естественно, что Алкманъ въ восторженныхъ пѣсняхъ прославлялъ предводительницъ своихъ хоровъ, Агидо и Мегалострату. Его справедливо причисляли позже къ основателямъ эротической лирики.

Съ незапамятныхъ временъ на празднествахъ Діониса народъ пѣлъ пѣсни въ честь этого бога; уже Архилохъ называетъ себя искуснымъ въ такихъ пѣснопѣніяхъ ²⁾. Эта одногласная пѣснь была позже замѣнена хоровою, при чемъ соучастники являлись въ видѣ сатировъ, одѣтыми въ козлиныя шкуры ³⁾. По преданію, этимъ «диоирамбамъ», какъ они назывались, впервые придавъ художественную форму поэтъ Аріонъ изъ Меоимны на Лесбосѣ, жившій въ Коринѣ при Періандрѣ (около 600 г.) ⁴⁾. Эта поэтическая форма имѣла огромное значеніе для дальнѣйшаго развитія греческой поэзіи. Но важнѣйшій видъ хоровой лирики возникъ въ Сициліи. Здѣсь, около половины VI вѣка, уроженецъ Гимеры Стесихоръ задался мыслью оживить умирающій эпосъ, и съ этой цѣлью замѣнилъ декламацію рапсода хоровой пѣснью и, сообразно съ этимъ, гексаметръ—сложными дактило-трохеическими ритмами. Сюжетами для своихъ стихотвореній онъ бралъ обыкновенно, согласно характеру времени, не битвы и приключенія, а описанія празднествъ и эротическіе мифы; въ одной изъ самыхъ знаменитыхъ своихъ поэмъ, въ Геріонидѣ, Стесихоръ рассказывалъ о странах дальняго запада, которыя сдѣлались доступны грекамъ благодаря открытіямъ послѣдняго столѣтія. Лирика Стесихора скоро приобрѣла большую извѣстность; она имѣла сильное вліяніе на поэзію Симонида и Пиндара и на хоръ трагедіи. На своей собственной сицилійско-

сомнѣнно, до паденія лидійскаго царства. Слѣдовательно, Алкманъ не былъ „деревенскимъ поэтомъ“; напротивъ, подобно Тиртею, и онъ принадлежалъ къ лучшему обществу Спарты; то же самое относится, конечно, и къ дѣвушкамъ, которыя пѣли въ его хорахъ.

1) „Строфы“ сохранившагося Пароенія дѣлятся каждая на два метрически равныхъ четверостишія и одинъ шестистрочный эподъ.

2) Archil. fr. 77 (Philochor. у Athen. XIV, 628).

3) Herod. V, 67.

4) Herod. I, 23, ср. Pind. *Olymp.* XIII, 18.

италійской родинѣ Стесихоръ нашель подражателя въ лицѣ Ибика изъ Регія, который во времена Поликрата (около 530 года) переселился на греческій Востокъ и долго жилъ при дворѣ этого тирана. Его хоровыя пѣсни воспѣвають болѣею частью хвалу красивымъ мальчикамъ и исполнялись, повидимому, хорами мальчиковъ; такимъ образомъ, онѣ въ извѣстномъ смыслѣ составляютъ контрастъ съ Парвеніями Алкмана.

Въ то время, какъ музыка и поэзія освобождались отъ оковъ условнаго стиля и вырабатывали тѣ средства, которыя дали имъ возможность достигнуть совершенства, аналогичное движеніе происходило и въ области пластическихъ искусствъ. «Микенскій» стиль, который въ до-гомеровскую и раннюю гомеровскую эпохи господствовалъ въ странахъ, прилегающихъ къ Эгейскому морю, въ теченіе VIII вѣка пришелъ въ упадокъ и мало по малу былъ совершенно оставленъ; ни въ древнѣйшихъ греческихъ некрополяхъ Сициліи и Италіи, ни въ Олимпіи не было найдено памятниковъ этого рода орнамента. Его замѣняетъ геометрической стиль, называемый обыкновенно стилемъ Дипилона, по имени афинскихъ воротъ, черезъ которыя шла священная дорога въ Элевсинъ и вблизи которыхъ такіе памятники впервые были найдены въ большомъ количествѣ. Этотъ стиль заимствуетъ свои мотивы изъ ткацкаго искусства и рѣзбы по дереву; охотнѣе всего онъ употребляетъ меандръ, зигзагообразную линію и ряды примыкающихъ другъ къ другу кружковъ, которые соединяются касательными. Столь характерная для микенскаго стиля спираль совершенно отсутствуетъ, точно такъ же, какъ и полипы и другія морскія животныя; растительный орнаментъ встрѣчается лишь изрѣдка. Зато на вазахъ дипилона встрѣчаются длинные ряды водяныхъ птицъ и четвероногихъ, а вскорѣ появляются и изображенія сценъ изъ человѣческой жизни—погребеній, состязаній, морскихъ битвъ и т. п. Если рисунокъ отчасти еще очень грубъ, то все-таки прогрессъ сравнительно съ микенской керамикой весьма значителенъ, и гончары, работавшіе въ микенскомъ стилѣ, сами признали это тѣмъ, что пытались перенять мотивы дипилона. Нѣкоторое время оба стиля господствовали рядомъ, но въ концѣ концовъ микенскій стиль долженъ былъ уступить. Такимъ образомъ, около 700 года воцарился стиль дипилона, и въ нѣкоторыхъ отрасляхъ художественной промышленности, какъ напримѣръ, въ обработкѣ бронзы, геометрической орнаментъ удержался до V столѣтія ¹⁾.

¹⁾ Furtwängler *Bronzefunde aus Olympia. Abh. der Berl. Akad.* 1879, Kroker *Jahrb. des archäol. Instit.* I, (1886), стр. 95, Helbig *Epos* ², стр. 75.

Между тѣмъ финикіяне открыли правильное морское сообщеніе между Греціей и дальнимъ Востокомъ (выше стр. 58); вслѣдствіе этого произведенія финикійской промышленности наводнили области, прилегающія къ Эгейскому морю. Въ позднихъ частяхъ эпоса такіе предметы часто упоминаются ¹⁾, да и тѣ художественныя произведенія, которыя тамъ описываются, какъ, напримѣръ, щитъ Ахиллеса, носятъ явные слѣды вліянія финикійскаго искусства ²⁾. Это должно было въ свою очередь отразиться на художественной промышленности грековъ. Первые признаки этого вліянія мы видимъ на протокоринѣскихъ вазахъ ³⁾, фабрикація которыхъ началась въ началѣ VII или уже въ VIII вѣкѣ, вѣроятно въ Коринѣ или Халкидѣ ⁴⁾. Орнаментъ состоитъ большею частью изъ окружающихъ сосудъ полосокъ, между которыми иногда находится животный фризъ; здѣсь впервые появляется въ греческой керамикѣ изображеніе льва. Большое значеніе получилъ этотъ животный фризъ въ другомъ видѣ вазъ, который мы, по одному изъ главныхъ мѣстъ его производства, называемъ обыкновенно коринѣскимъ и который также въ общемъ относится еще къ VII вѣку. Здѣсь на ряду со львами, пантерами и другими дикими животными встрѣчаются и крылатыя чудовища, какія создало ассирійское искусство.

Но греческое искусство не долго довольствовалось простымъ подражаніемъ восточнымъ мотивамъ. Оно вскорѣ перешло къ изображенію сценъ изъ человѣческой жизни, а затѣмъ и мифологическихъ происшествій, причемъ значеніе отдѣльныхъ фигуръ пояснялось особыми приписками. вмѣстѣ съ тѣмъ, и стиль изображеній становится все болѣе независимымъ отъ восточныхъ образцовъ. Въ противоположность восточной условности здѣсь обнаруживается стремленіе къ реализму. Особенно аттическая керамика уже въ VI вѣкѣ сдѣлала въ этомъ отношеніи крупныя успѣхи, хотя фигуры еще изображаются въ профиль и всѣ въ одной и той-же плоскости. Но отъ этихъ приемовъ греческая живопись вообще не освободилась раньше Персидскихъ войнъ ⁵⁾.

1) Z 289 слл. Ч 741 слл. δ 615—9—ο 115—9, ο 415 слл. Helbig *Epos*² стр. 18 слл.

2) Furtwängler l. c., стр. 57 слл. Helbig l. c., стр. 386—416.

3) Для дальнѣйшаго сравн. Dumont et Chaplin *Les ceramiques de la Grèce propre* Paris 1888—1890. Rohden *Vasenkunde* въ Baumeister's *Denkmäl r. Wilisch Die altkorinthische Thonindustrie* Leipzig 1892.

4) Онѣ встрѣчаются уже въ древнѣйшихъ извѣстныхъ намъ некрополяхъ греческихъ городовъ Итали и Сицили, напр., въ Сиракузахъ и Кумахъ.

5) Плиній (35, 55—56), нашъ главный литературный источникъ для исторіи древнѣйшей греческой живописи, даетъ немного; ср. Robert *Archäol. Märchen*

Металлическая техника также приблизительно съ конца VII вѣка перешла къ изображенію мифологическихъ сценъ; ими украшенъ уже щитъ Геракла, описанный въ одномъ гесиодовскомъ стихотвореніи. Знаменитымъ произведеніемъ этого рода былъ ящикъ кедроваго дерева съ рельефными украшениями изъ золота и слоновой кости, который находился въ Олимпіи въ сокровищницѣ коринтянъ и безъ сомнѣнія былъ коринтской работы; по преданію, его пожертвовалъ богу тиранъ Кипселъ. Таковы-же были тронъ Аполлона въ Амиклахъ, изготовленный около 550 г. Баэикломъ изъ Магнесіи, и бронзовые рельефы лакедемонянина Гитіада на храмъ Аѳины Халкіекской въ Спартѣ. О стилѣ этихъ произведеній мы можемъ составить себѣ представленіе по бронзовымъ рельефамъ, найденнымъ въ Олимпіи. Мы видимъ, что и эта отрасль искусства, подобно живописи на вазахъ, стоитъ въ зависимости отъ восточныхъ мотивовъ и съ успѣхомъ стремится достигнуть свободы концепціи ¹⁾).

Гораздо раньше достигла самостоятельности архитектура; насколько можно судить при современномъ состояніи науки, уже сводчатая могила микенскаго періода не имѣетъ аналогіи на Востокѣ. Новое время ставило новыя задачи. Съ тѣхъ поръ, какъ пала царская власть, мѣсто царскихъ дворцовъ заняли простые частные дома; сводчатыя могилы также перестали строить, отчасти потому, что у отдѣльнаго лица не хватало средствъ для такой постройки, но главнымъ образомъ потому, что культъ мертвыхъ вообще терялъ значеніе. А города, возниковашіе подъ вліяніемъ возрастающихъ торговыхъ сношеній и развитія промышленности, какъ ни малы они были по позднѣйшимъ понятіямъ, были все-таки слишкомъ обширны, чтобы ихъ можно было обложить такими же огромными каменными стѣнами, какими были окружены древніе кремли; поэтому обыкновенно довольствовались стѣною изъ глиняныхъ кирпичей, которую подпирали деревянными столбами ²⁾).

Зато, согласно религіозному духу времени, архитектура становится теперь слугою культа. Мысль—построить богу жилище, была

(Berlin 1836) стр. 121 слл. *Studniczka Jahrb. des Instituts II*, стр. 150. Главнымъ нашимъ матеріаломъ являются изображенія на вазахъ.

1) Curtius *Das archaische Bronzerelief aus Olympia. Abh. der Berl. Akad.* 1879.

2) *η 45* сравн. выше стр. 166. Поэтому Helbig *Hom. Epo.* ² стр. 61 слл. 67 слл. неправъ, говоря объ ухудшеніи каменной постройки въ гомеровскую эпоху сравнительно съ микенской. Да и возможно ли это, если вспомнить, что появленіе каменнаго храма, который превосходитъ все, что произвела въ этой области микенская культура, относится къ гомеровскому или, по крайней мѣрѣ, къ непосредственно слѣдовавшему за нимъ періоду?

прежде всего результатом антропоморфических представлений о сущности божества. Но въ томъ же направленіи дѣйствовало, вѣроятно, и восточное вліяніе: постройка храмовъ начинается въ Греціи какъ разъ въ то время, когда ея отношенія къ древнимъ культурнымъ странамъ дальняго Востока становятся болѣе тѣсными. Однако, не слѣдуетъ забывать, что греческій храмъ есть чисто-національное созданіе, ничуть не заимствованное изъ формъ восточнаго храма.

Въ кремляхъ микенскаго времени не было храмовъ. Это, конечно, вовсе не доказываетъ, что тогда еще вообще не существовало храмовъ ¹⁾: такъ какъ богамъ поклонялись первоначально за воротами кремля, въ священныхъ рощахъ, то въ этихъ мѣстахъ должны были находиться и древнѣйшіе храмы ²⁾. Какъ на общеизвѣстные примѣры этого рода, можно указать на храмъ Геры близъ Микенъ, Геракла близъ Фивъ, Артемиды близъ Эфеса. Но когда начали возникать большіе города, то явилась потребность строить богамъ жилища и внутри стѣнъ. Уже *Иліада* упоминаетъ о существованіи храма Аѣины въ троянскомъ кремлѣ ³⁾, а въ Микенахъ и Тиринѣ царскіе дворцы были въ VII вѣкѣ разрушены и на ихъ фундаментахъ построены храмы.

Главную составную часть такого храма была четырехугольная покрытая крышею комната, въ которой жилъ богъ и гдѣ стоялъ его истуканъ. Повидимому, древнѣйшіе храмы состояли только изъ такого ничѣмъ не украшеннаго святилища; подобный храмъ сохранился на горѣ Охъ въ южной части Эвбеи. Но вскорѣ начали выводить крышу за стѣны святилища и подпирать ее колоннами, такъ что вокругъ святилища образовалась та крытая галлерей (перистиль, птеронъ), которая и составляетъ характерную особенность эллинскаго храма; образцомъ для нея послужили, очевидно, колоннады царскихъ дворцовъ. И подобно древнѣйшимъ дворцамъ, храмы возводились первоначально только изъ дерева и глины. Каменный храмъ позднѣйшаго времени — ничто иное, какъ подражаніе этой древней деревянной постройкѣ; столбы, поддерживающіе крышу, замѣняются каменными колоннами, выступающіе впередъ концы поперечныхъ балокъ — обтесанными на подобіе балокъ каменными плитами, такъ наз. тригelifами, а остающіеся между ними промежутки задѣлываются также плитами, метопами. Въ орнаментировкѣ все еще подражаютъ восточнымъ образ-

¹⁾ Въ *Иліадѣ* храмъ упоминается уже въ одномъ изъ древнѣйшихъ мѣстъ (А 39); однако, эпосъ знаетъ также множество святилищъ, состоявшихъ только изъ роши и алтаря, ср. Helbig *Eros*² 416 сл.

²⁾ *Гимнъ Аполлону* 76. 143. 221. 245; Helbig l. с.

³⁾ Z 88. 297.

цамъ; притомъ каннелюры колоннъ и дорическая капитель заимствованы изъ Египта, іоническая капитель — изъ внутреннихъ областей Малой Азіи ¹⁾.

Древнѣйшіе уцѣлѣвшіе каменные храмы едва ли восходятъ ко времени до VII столѣтія ²⁾. Святилище узко и длинно, перистиль широкъ. Короткія и сильно суживающіяся кверху колонны далеко отстоятъ одна отъ другой, капители низки и широки; вся постройка тяжеловѣсна и какъ бы придавлена. Только въ теченіе VI столѣтія конструкція становится легче и гармоничнѣе. Еще большаго развитія достигли эти качества въ архитектурномъ стилѣ, который въ этомъ самомъ вѣкѣ возникъ въ Малой Азіи ³⁾ и который поэтому называется іоническимъ, тогда какъ древне-греческій стиль въ противоположность ему получаетъ съ этихъ поръ имя дорическаго. Въ то время, какъ дорическая колонна поднимается прямо съ земли, колонна іоническаго стиля стоитъ на базисѣ, затѣмъ сама она, въ отношеніи къ діаметру, выше, поперечники легче, безъ триглифовъ и метоповъ, и орнаментовка болѣе изящна. Но въ болѣе раннее время этотъ стиль ограничивался почти исключительно Малой Азіей; въ собственной Греціи іоническая колонна употреблялась только изрѣдка для украшенія внутренней части зданій, какъ напримѣръ при перестройкѣ дельфійскаго храма послѣ пожара 548 года, и даже позднѣе постройки въ этомъ стилѣ воздвигались здѣсь почти въ одной только Атикѣ.

Каменный храмъ открылъ новое поприще декоративной пластикѣ,

1) Krell *Geschichte des dorischen Stils* Stuttgart 1870, Puchstein *Das ionische Kapitell*. Winkelmannprogramm. Berlin 1887.

2) Основное значеніе для хронологіи имѣютъ храмы D и C въ кремлѣ города Селинунта, основаннаго около 650 года или нѣсколько позже. Нѣсколько древнѣе святилище Кодаккіо на Корцирѣ, такъ наз. Tavola dei Paladini въ Метапонтѣ и старый храмъ въ тарентскомъ кремлѣ; но и они уже по историческимъ соображеніямъ едва ли могутъ быть отнесены далѣе, чѣмъ къ VII вѣку. Храмъ Геры въ Олимпіи обнаруживаетъ очень старинную конструкцію; но это было первоначально деревянное зданіе, отдѣльныя части котораго постепенно замѣнялись камнемъ.

3) Древнѣйшіе храмы этого стиля, древность которыхъ можетъ быть установлена, суть храмъ Геры на Самосѣ и храмъ Артемиды близъ Эфеса, которые были построены самосскими архитекторами Рѣкомъ и Θεодоромъ во времена Креза и Поликрата, т. е. около середины VI столѣтія (Herod. I 92, III 60, Laert. Diog. II 103, Vitruv. III, 2, 7, VII *praef.* 12, который несправедливо, какъ показываютъ сохранившіеся остатки, называетъ храмъ Геры дорическимъ зданіемъ). О времени, когда жилъ Θεодоръ, см. Herod. I 51, III 41.

которую, какъ мы знаемъ, пользовались уже въ микенскій періодъ. Теперь начали украшать каменнымъ рельефомъ метопы, фризы, фронтонъ, иногда даже барабаны колоннъ. Въ началѣ конечно и здѣсь подражали восточнымъ образцамъ. Такъ напримѣръ, на фризѣ храма въ Ассѣ, въ южной Троядѣ, мы находимъ изображенія львовъ, быковъ и сфинксовъ, непрерывно слѣдующія другъ за другомъ и образующія длинныя полосы, совершенно такъ же, какъ на коринтскихъ вазахъ VII столѣтія; впрочемъ, здѣсь изображены и мифологическія сцены, какъ и естественно на храмѣ. Какъ весь храмъ, такъ и украшающіе его рельефы были окрашены яркими красками, и открытія, сдѣланныя въ послѣдніе годы въ афинскомъ Акрополѣ, дали намъ живое представленіе о вѣншемъ видѣ этихъ памятниковъ. Неокрашенные мраморныя скульптуры показались бы грекамъ столь же странными, какъ намъ эти остатки изъ эпохи до Персидскихъ войнъ.

Но храмъ былъ немислимъ безъ идола ¹⁾. Старые истуканы, камни, деревяныя колоды и т. п. уже не удовлетворяли религіозной потребности общества; челоуѣкъ хотѣлъ созерцать своего бога въ такомъ же видѣ, въ какомъ представлялъ его себѣ въ воображеніи. Въ началѣ довольствовались тѣмъ, что на кругломъ или плоскомъ кускѣ дерева выдѣлывали голову и иногда также половой членъ; отсюда позже развились гермы. Въ изображенія остальныхъ частей тѣла не представлялось надобности, такъ какъ въ ту эпоху, и отчасти еще до классическаго времени, идола обыкновенно облакали въ драгоценныя ткани. Постепенно начали изображать всю фигуру; первыя попытки въ этомъ направленіи были, конечно, крайне несовершенны и вызывали улыбку на устахъ позднѣйшихъ грековъ. Но современники дивились красотѣ этихъ статуй и приписывали ихъ изобрѣтеніе Дедалу, который первоначально былъ тождественъ съ самимъ богомъ Гефестомъ. Онъ считался родоначальникомъ многихъ родовъ художниковъ въ Греціи.

Правда, первыя попытки дѣлать статуи изъ камня относятся къ отдаленнѣйшей до-исторической древности; это—тѣ грубые женскіе идола съ греческихъ острововъ, о которыхъ мы выше говорили (стр. 55). Но рѣзба по дереву оставалась до VI вѣка господствующимъ видомъ пластики. Еще Дипанъ и Скиллисъ изъ Крита, первые греческіе скульпторы, достигшіе нѣкоторой извѣстности, и даже ихъ ученики, на ряду съ мраморными статуями изготовляли еще и деревянныхъ идоловъ; древнѣйшія статуи побѣдителей въ Олимпіи (около

¹⁾ Для дальнѣйшаго сравн. Overbeck *Geschichte der griechischen Plastik* 4 Aufl. Berlin 1892. Collignon *Histoire de la Sculpture Grecque* I Paris 1892.

500 года) также были вырѣзаны изъ дерева ¹⁾. Вторымъ центромъ мраморной скульптуры сдѣлалась Іонія; здѣсь въ VI вѣкѣ дѣйствовали художники Миккиадъ изъ Хиоса, его сынъ Архермъ и сыновья послѣдняго Бупаль и Аеенисъ; отсюда переселился въ Аѣины Эндой въ то время, какъ здѣсь, подъ покровительствомъ Писистратидовъ, начала развиваться оживленная художественная дѣятельность.

Теперь начали выдѣлывать статуи и изъ металла. При этомъ еще по старой привычкѣ ковали металлъ молотомъ, а затѣмъ склепывали; такимъ образомъ Клеархъ изъ Регія, по преданію ученикъ Дипэна и Скиллиса, приготовилъ для Спарты статую Зевса. Около 550 года самосскіе мастера Рэкъ и Θεодоръ изобрѣли способъ отливки статуй изъ металла, или вѣрнѣе перенесли это искусство, давно извѣстное на востокѣ, въ Грецію, гдѣ оно имѣло огромныя послѣдствія для развитія пластики.

Несмотря на всѣ эти успѣхи, скульптура все еще стоитъ на довольно низкой ступени. Правда, художники обнаруживаютъ замѣчательное знаніе человѣческаго тѣла, какого никогда не достигали восточные народы; но они еще не умѣютъ придавать своимъ фигурамъ естественныхъ позъ. Въ особенности лицо лишено всякаго выраженія; всѣ статуи этого времени носятъ одну и ту же стереотипную улыбку на губахъ; искусство еще совершенно не въ состояніи передавать индивидуальныя черты. Портретную статую можно было отличить отъ идеальной только благодаря надписи. Такимъ образомъ, пластическое искусство въ концѣ VI столѣтія далеко еще не достигло той степени совершенства, какую уже обнаруживаютъ въ это время поэзія и музыка. Но труднѣйшая часть работы была и здѣсь исполнена, техническія трудности большею частью устранены и, благодаря этому, сдѣлалось возможнымъ появленіе въ слѣдующемъ періодѣ такихъ неподражаемыхъ образцовъ искусства, какъ произведенія Фидія, Иктина и Полигнота.

¹⁾ Паус. VI 18,5.

ГЛАВА IX.

Начало объединительнаго движенія.

Какъ всѣ народы, разсѣянные по большимъ пространствамъ, греки поздно сознали свое племенное единство. У Гомера еще нѣтъ общаго имени для всей націи—нѣтъ, сообразно съ этимъ, и отрицательнаго признака греческаго національнаго чувства—обозначенія всѣхъ не-грековъ варварами. Но самое національное чувство уже проснулось. Въ то время, когда заканчивалась наша Илиада, Троянская война уже представлялась обще-греческимъ предпріятіемъ, и въ «Спискѣ кораблей» это представленіе получило видъ законченной системы. Грустно видѣть, что здѣсь, на порогѣ греческой исторіи, былъ въ поэтическихъ образахъ выставленъ идеаль, такъ мало осуществленный дальнейшей исторіей.

Пробуждавшееся національное чувство получило внѣшнее выраженіе прежде всего въ религіозной области. Дельфы и Додона уже въ гомеровскія времена были святынями для всего народа; нѣсколько позже къ нимъ присоединяется Олимпія ¹⁾. Островъ Делось становится религіознымъ центромъ всего іоническаго племени по обѣ стороны Эгейскаго моря. Вокругъ одной изъ этихъ національныхъ святынь—вокругъ дельфійскаго храма—образовался первый постоянный союзъ греческихъ племенъ, вышедшій за предѣлы отдѣльной мѣстности.

Храмъ Деметры близъ Аноелы, при входѣ въ Термопильское ущелье, которое соединяетъ Θεσσαλίю съ южной Греціей, былъ съ давнихъ временъ религіознымъ центромъ для «окрестныхъ жителей» (*ἀμφικτιόνες*), собиравшихся сюда для совмѣстныхъ жертвоприношеній ²⁾.

¹⁾ У Гомера она еще не упоминается, даже въ Спискѣ кораблей.

²⁾ Поэтому собраніе амфиктионовъ, даже когда оно засѣдало въ Дельфахъ, всегда называлось *Πυλαία*.

Позже, когда большое значеніе получилъ храмъ Аполлона въ со-сѣднихъ Дельфахъ, т. е. приблизительно съ VIII вѣка, онъ сдѣлался вторымъ средоточіемъ «союза окрестныхъ жителей» или, какъ его на-зывали греки, — Амфиктіоніи. Съ этихъ поръ кругъ участниковъ сталъ все болѣе расширяться, пока въ него не вошла, наконецъ, вся Гре-ція отъ Исѣма до Олимпа ¹⁾. Здѣсь мы находимъ фокейцевъ, къ об-ласти которыхъ принадлежали Дельфы, сосѣднихъ дорянъ и локровъ, далѣе всѣ племена Ѳессалии, а рядомъ съ Ѳессалійцами даже малійцевъ, эніановъ, долоповъ, фѳіотовъ, магнетовъ, перребовъ, наконецъ, эв-бейцевъ и беотянъ. Каждый изъ этихъ народовъ имѣлъ въ совѣтѣ амфиктіоновъ два голоса; уполномоченные (*ἑρομνημονες*) и ихъ по-мощники (*πυλαγοροι*) собирались два раза въ годъ—осенью и вес-ною. Сначала въ Ѳермопилахъ, затѣмъ въ Дельфахъ совершали жертво-приношенія; потомъ приступали къ обсужденію общихъ дѣлъ, какъ напри-мѣръ, содержаніе храмовъ, завѣдываніе священными сокрови-щами, устройство священныхъ игръ, и проч. При исполненіи своихъ рѣшеній союзъ имѣлъ право, въ случаѣ надобности, требовать во-оруженной помощи отъ своихъ членовъ. Въ политическіе вопросы Амфиктіоніи не вмѣшивалась; участвовавшимъ въ ней государствамъ разрѣшалось воевать другъ съ другомъ, сколько имъ было угодно, но они были обязаны соблюдать при этомъ извѣстныя международныя условія; такъ, ни одинъ изъ принадлежавшихъ къ союзу городовъ не имѣлъ права во время войны разрушить другой союзный городъ или отрѣзать его отъ воды ²⁾.

Какъ ни былъ шатокъ этотъ союзъ, онъ все же долженъ былъ значительно поднять въ участникахъ чувство національнаго единства. Въ самомъ дѣлѣ, весьма вѣроятно, что именно подъ влияніемъ дель-

¹⁾ Уже гомеровскій гимнъ Аполлону, сочиненный до разрушенія Крисы, слѣдовательно еще въ VII вѣкѣ, повидимому предполагаетъ существованіе Амфиктіоніи (v. 274. 538). Очевидно также, что малоизвѣстное анеельское святилище не было бы въ состояніи объединить всѣ племена, занимавшія про-странство отъ Исѣма до Олимпа. Если, далѣе, вмѣстѣ съ Ѳессалійцами къ союзу принадлежали и подчиненныя имъ племена, притомъ формально на рав-ныхъ съ ними правахъ, то Амфиктіоніи должна была достигнуть этихъ раз-мѣровъ раньше, чѣмъ Ѳессалійцы покорили своихъ сосѣдей, слѣдовательно не позже VII вѣка (см. ниже, стр. 220). Съ другой стороны, возникновеніе или, по крайней мѣрѣ, организація Амфиктіоніи должна относиться къ тому вре-мени, когда областныя государства средней Греціи уже сложились въ пле-менные союзы, потому что членами являются именно эти союзы, а не отдѣль-ные города.

²⁾ Bürgel *Die pylaaisch-delphische Amphiktionie*, München 1877.

фійской Амфікціоніи стали обозначать именемъ «эллиновъ» весь греческій народъ, потому что первоначально Элладой называлась только область на югѣ Тессалии, и въ такомъ значеніи это слово встрѣчается еще у Гомера ¹⁾. Только около середины VII вѣка Архилохъ и приблизительно въ то же время Гесіодъ въ *Ἔργα καὶ ἡμέραι* употребляютъ слово «эллины», или, скорѣе, «панэллины», для обозначенія всей націи ²⁾. Въ «спискахъ» Гесіода мы уже находимъ царя Эллина—героя-эпонима греческаго народа ³⁾, и съ этихъ поръ имя «эллины» входитъ во всеобщее употребленіе.

Само собою разумѣется, что объединительное движеніе обнаружилось и въ политической области. Древнія областныя государства доисторическаго періода, утратившія уже всякое значеніе, стали складываться въ болѣе крупныя союзы. Проще всего это дѣлалось такъ, что сосѣднія области вступали между собою въ союзъ для облегченія сношеній и для общей защиты въ случаѣ войны, причемъ каждое изъ участвовавшихъ государствъ сохраняло въ остальныхъ отношеніяхъ полную автономію; въ этихъ случаяхъ основой обыкновенно служили древніе религіозныя союзы. Иногда происходило полное сляніе—*συνολισμός*, какъ говорили греки,—причемъ часть жителей переселялась въ то селеніе, которое было избрано главнымъ городомъ новаго союзнаго государства. Наконецъ, часто болѣе сильная область покоряла сосѣднія, менѣе сильныя области и дѣлала ихъ жителей или своими подданными (періэки), или крѣпостными. Конечно, и эти новыя государства были большею частью невелики, а тамъ, гдѣ основывались болѣе крупныя политическія союзы, какъ наприимѣръ въ Тессалии и Пелопоннесѣ, они представляли собою непрочно соединеніе самостоятельныхъ общинъ, безъ общей организаціи и безъ тѣсной внутренней связи.

Объединеніе областей нигдѣ не было проведено съ такимъ совершенствомъ, какъ въ Атикѣ. Здѣсь тоже нѣкогда существовалъ цѣлый рядъ самостоятельныхъ областныхъ государствъ ⁴⁾, изъ которыхъ нѣкоторые продолжали существовать и въ позднѣйшее время, какъ религіозныя союзы; таковъ, наприимѣръ, Тетраполисъ на мараѳон-

¹⁾ В 684, I 395.

²⁾ Archiloch. tr. 52, Hesiod. *Ἔργα* 653, В 530—стихъ, который Аристархъ призналъ подложнымъ.

³⁾ Hesiod. fr. 25 Kinkel.

⁴⁾ По дошедшимъ до насъ свѣдѣніямъ—12; упоминаютъ Кекропію, Тетраполисъ, Эпакрію, Декелею, Элевсинъ, Асидну, Θορικόσ, Бравронтъ, Клееру, Сеттъ, Кефисію; двѣнадцатое имя неизвѣстно (Филохоръ у Strab. IX 397).

ской равнинѣ, представлявшій союзъ четырехъ «городовъ» — вѣрнѣе, сель: Мараѳона, Пробалинеа, Трикоринеа и Энои ¹⁾). Но здѣсь не было большихъ городскихъ центровъ; население страны было разбросано болѣе чѣмъ по сотнѣ мѣстечекъ и деревень, и это обстоятельство должно было особенно облегчить сліяніе всѣхъ областей въ одно государство. Этому благопріятствовали и географическія условія, такъ какъ орошаемая Кефисомъ центральная равнина соединялась со всѣми остальными частями страны удобными путями сообщенія. Изъ этой центральной равнины и исходило объединеніе страны; средоточіемъ союзнаго государства стала крѣпость Аѳины, расположенная на высокой скалѣ надъ долиной нижняго Кефиса. Какимъ образомъ произошло здѣсь сліяніе — мы не знаемъ, такъ какъ уже въ началѣ историческаго періода мы находимъ жителей всѣхъ областей страны объединенными на равныхъ правахъ въ союзномъ государствѣ ²⁾). Праздникъ Синоикіи, который еще и въ историческую эпоху праздновался ежегодно въ срединѣ лѣта, поддерживалъ воспоминаніе о событіи, которому Аѳины больше всего были обязаны своимъ позднѣйшимъ величіемъ ³⁾). Конечно, присоединеніе всей страны къ Аѳинамъ произошло не сразу; особенно Элевсинъ, благодаря своему обособленному положенію, повидимому долго оставался независимымъ, можетъ быть даже до VII вѣка, между тѣмъ какъ остальная Аттика еще въ VIII вѣкѣ вошла въ составъ аѳинскаго государства ⁴⁾). Однако, еще во

1) CIA. II 601, Lolling *Athen. Mitteil.* III 259. Такого же рода союзы образовали *Μεσσυβιοί* (CIA. II 602, 603) и *Επακρείς* (CIA. II 570, Philochor. fr. 78).

2) Аѳиняне исторической эпохи приписывали объединеніе страны герою солнечнаго цикла Тесею, точно такъ же, какъ лакедемоняне приписывали свое устройство Ликургу.

3) Thuc. II 15, Plut. *Thes.* 24.

4) Остатки древнихъ пограничныхъ укрѣпленій находятся на границѣ между равнинами Аѳинъ и Элевсина, Воспоминаніе объ Элевсинѣ, какъ о самостоятельномъ государствѣ, сохранилось и въ гомеровскомъ гимнѣ Деметрѣ, хотя отсюда конечно нельзя заключать, что во время появленія этого гимна городъ еще не находился въ зависимости отъ Аѳинъ. Съ другой стороны, Суніонъ названъ въ *γ 278 ἄκρον Ἀθηνῶν*; слѣдовательно онъ во время возникновенія этой пѣсни принадлежалъ уже къ области Аѳинъ. Уже гомеровскій Списокъ кораблей знаетъ единую Аттику; впрочемъ, именно эта часть (*B 546—556*) передѣлана аѳинской рукой. Солонъ употребляетъ *Ἀθηναῖος* и *Ἀττικός*, какъ синонимы (fr. 2). То обстоятельство, что наши преданія обходятъ этотъ вопросъ молчаніемъ, ясно доказываетъ, что уравненіе области и города въ политическихъ правахъ произошло еще до законодательства Солона.

время Писистрата отдѣльныя области Аттики весьма энергично преслѣдуютъ свои мѣстные интересы; населеніе равнины въ окрестности Аѳинъ, Педіона, находится во враждебныхъ отношеніяхъ къ жителямъ Паралии, полуострова по ту сторону Гиметта, и къ диакрійцамъ, населяющимъ горную страну насупротивъ Эвбеи. Клизеенъ своимъ новымъ подраздѣленіемъ государства стремился, главнымъ образомъ, именно уничтожить этотъ партикуляризмъ. Дѣйствительно, только его реформа и завершила объединеніе Аттики.

Сосѣдней Беотіи, кажется, еще болѣе, чѣмъ Аѳинамъ, самой природою предназначено было образовать единое политическое цѣлое. Но здѣсь уже рано возникъ цѣлый рядъ значительныхъ городскихъ центровъ; наряду съ знаменитыми Фивами эпосъ прославляетъ богатство минійскаго Орхомена, и еще въ настоящее время на одномъ изъ острововъ Копайдскаго озера, у подошвы Птоона, возвышаются остатки стѣны, окружавшей широкимъ кольцомъ до-историческій городъ, котораго даже имя не дошло до насъ. Кажется, этотъ городъ былъ разрушенъ еиванцами ¹⁾; однако Фивы были недостаточно сильны, чтобы покорить и остальные сосѣдніе города—Танагру, Феспію, Галиартъ. Такимъ образомъ, объединеніе Беотіи могло произойти только въ формѣ федеративнаго государства, развившагося постепенно изъ религіознаго союза, который съ незапятнанныхъ временъ связывалъ города страны со свитынями Аѳины Итонской при Коронѣ и Посейдона при Онхестѣ у Копайдскаго озера ²⁾. Дальше всего держался Орхомень, который еще въ гомеровскомъ Спискѣ кораблей не причисляется къ Беотіи и который даже въ позднѣйшее время постоянно обнаруживалъ сепаративныя наклонности. Во главѣ союза стояли Фивы, имѣвшія, какъ самый значительный городъ, двухъ представителей въ высшемъ исполнительномъ совѣтѣ — коллегіи беотарховъ, между тѣмъ какъ остальные города посылали туда по одному члену ³⁾; вообще Фивы, благодаря своему фактическому превосходству, имѣли обыкновенно рѣшающее вліяніе на политику союза.

Такую же форму приняли и областные союзы остальныхъ племенъ

¹⁾ По крайней мѣрѣ, въ позднѣйшее время владѣнія Фивъ простирались до Акреѳии и Птоона (Paus. IX 23. 5, Strab. IX 413).

²⁾ Strab. IX 411 слл., Paus. IX 34, 1. О священной рощѣ Онхеста упоминается уже въ Спискѣ кораблей (B 506); въ III вѣкѣ Онхестъ былъ средоточіемъ беотійскаго союза. Ср. Gilbert *Staatsalt.* II 53, 3.

³⁾ Thuc. IV 91, извѣстіе, относящееся, впрочемъ, только къ преобразованному послѣ Персидскихъ войнъ союзу. На существованіе же союза уже въ VI вѣкѣ указываютъ, кромѣ монетъ (Head *Hist. Num.* стр. 291), Herod. V 79, VI 108, Thuc. III 61.

Сѣверной Греціи, отъ Фокиды и Локриды вверхъ до Олимпа и Акрокеравнскаго мыса. Изъ этихъ государствъ въ древнѣйшее время прибрѣлъ большое значеніе только ессалійскій союзъ. Обширная, окруженная со всѣхъ сторонъ горами равнина Пеней уже сама по себѣ должна была побуждать жителей къ политическому объединенію; не меньшее значеніе имѣла потребность господствующей аристократіи въ помощи на случай возстанія крѣпостныхъ крестьянъ. Такимъ образомъ, первоначально въ отдѣльныхъ частяхъ страны образовались болѣе крупныя областныя союзы: на востокъ, между нижней частью Пеней и Пагасійскимъ заливомъ,—Пеласгіотида ¹⁾, «пеласгическій Аргосъ» Гомера—вокругъ Ларисы, Краннона и Феръ; на западъ, по верхнему теченію Пеней — Гистіэотида вокругъ Трики и Гомфъ; на югъ, въ области Апидана и Енипея—Фессаліотида вокругъ Фарсала и Кіеріона. Эти три округа вступили затѣмъ въ союзъ между собою—врядъ ли ранѣе VII вѣка, потому что гомеровскій Списокъ кораблей еще не знаетъ единой Фессаліи. Позже къ нимъ присоединились на правахъ четвертаго союзника фѳіотійскіе ахеяне ²⁾. Во главѣ союза стоялъ высшій чиновникъ (*ταυρός*), выбираемый, кажется пожизненно, изъ господствующихъ аристократическихъ родовъ; ему принадлежало главное начальство на войнѣ ³⁾.

Такимъ образомъ, на сѣверѣ Греціи образовалась могущественное государство, близость котораго сильно давала себя чувствовать соседямъ. Всѣ небольшіе горныя народы въ окружности вынуждены были признать верховное владычество Фессаліи и обязались платить дань и выставять войско во время войны: магнеты у Пеліона и Оссы, перребы у южнаго склона Олимпа и Камбунскихъ горъ, долопы по южному

¹⁾ Впервые упоминается у Гекатея fr. 112, ср. Hellan. fr. 28, Herod. I 56 сл. Позднѣйшая легенда приписала это раздѣленіе рыжеволосому Алеву (Aristot. fr. 497 Rose); ясно, что дѣло было какъ разъ наоборотъ, и такъ наз. тетрады должны были существовать ранѣе, чѣмъ сложилось ессалійское союзное государство. См. выше, стр. 117.

²⁾ Что они присоединились позже, видно изъ того, что они имѣли своихъ особыхъ представителей въ дельсійской Амфиктіоніи наряду съ коренными ессалійцами. Thuc. VIII 3, 1 называетъ ихъ подданными ессалійцевъ. Но Фѳіотида представляла одну изъ 4 тетрадъ, на которыя, по преданію, рыжеволосый Алевъ раздѣлил Фессалію (Hagros. *τετράδες* по Гелланику и Аристотелю); такую она является еще въ IV в. (CIA II 88).

³⁾ Главныя источники — Xen. *Hell.* VI 1, 8 сл., 4, 28; подробности см. у Gilbert'a—*Staatsaltert.* II 5—17. Hiller v. Gaertringen безъ всякаго основанія отрицаетъ существованіе ессалійскаго союзнаго государства ранѣе Персидскихъ войнъ (*Das Königthum bei den Thessalern*, въ *Aus der Anomia* Berlin 1890, стр. 1 сл.).

Пинду, малійцы и эніаны у Эты ¹⁾. Фессалійцы обладали теперь большинствомъ голосовъ въ совѣтѣ дельфійской Амфиктіоніи, и они воспользовались этимъ положеніемъ для распространенія своего вліянія и къ югу отъ Фермопилъ.

Въ томъ мѣстѣ, гдѣ дельфійская долина открывается къ морю, находился городъ Криса, достигшій цвѣтущаго состоянія благодаря плодородію прибрежной равнины, и еще болѣе—благодаря торговлѣ въ заливѣ, который получилъ свое имя отъ города ²⁾. Выходцами изъ этого города были нѣкогда основаны Дельфы ³⁾. Когда затѣмъ это священное мѣсто сдѣлалось предметомъ національнаго поклоненія, дѣло не могло обойтись безъ раздоровъ — тѣмъ болѣе, что Дельфы имѣли прочную опору въ Амфиктіоніи. Около начала VI вѣка двинулось на Крису фессалійское войско подъ начальствомъ Эврилоха, изъ рода Алевадовъ; въ этой «священной войнѣ» приняли участіе, по преданію, также Аѣины и тиранъ сикіонскій Клицеонъ. Исходъ борьбы легко было предвидѣть. Послѣ продолжительнаго, по преданію десятилѣтняго сопротивленія, Криса была взята и разрушена, а область ея посвящена дельфійскому богу ⁴⁾. Послѣ этого Амфиктіонія была преобразована; «іонійскія» Аѣины получили участіе въ эвбейскомъ голосѣ, пелопоннескіе «доряне»—въ дорійскомъ; пивійскія игры приобрѣли значеніе національнаго праздника ⁵⁾.

Благодаря этимъ событіямъ, вся Фокида подпала подъ фессалійское владычество ⁶⁾. Но при попыткѣ подчинить себѣ и Беотию, фес-

¹⁾ Xen. *Hell.* VI 1, 9. Thuc. II 101, III 93, IV 78.

²⁾ Крисой называется этотъ городъ въ Иліадѣ (В 519) и въ гомеровскомъ гимнѣ Аполлону; о крисейской равнинѣ упоминаютъ Herod. VIII 32 и Isocr. *Plat.* 31; заливъ вездѣ называется Крисейскимъ. Еще теперь видны обширныя развалины стѣнъ у деревни Хрисо близъ Дельфъ, на высотахъ, окружающихъ долину Плиста, гдѣ рѣка вступаетъ въ долину. Въ историческое время дельфійская гавань называлась Киррой (Paus. X 37,5): такъ какъ она была расположена, конечно, или на мѣстѣ разрушенной Крисы, или очень близко отъ нея, то естественно было имя гавани перенести на городъ, какъ это и сдѣлалъ еще Эсхинъ (с. *Ctes.* 108), а за нимъ и позднѣйшіе авторы. Сравн. Leosrin. *F. H. G.* IV 438 и Polyaeu. III 5. Впрочемъ, Кирра — параллельная форма Крисы.

³⁾ *Гимнъ Аполлону* 438 сл.

⁴⁾ Aeschin. с. *Ctes.* 108, *Hypoth. Schol. Pind. Pyth.* стр. 298. Bockh, *Marmor Par.* стр. 52 сл., *Plut. Sol.* 11, *Strab.* IX 418. Объ участіи Клицеона въ этой войнѣ *Schol. Pind. Nem.* IX 2, *Diod.* IX 16, *Paus.* II 9, 6, X 37, 5, *Polyaeu.* III 5, VI 13. Ср. Niese въ *Histor. Unters. A. Scharfer gewidmet* (Bonn 1882) стр. 15—20.

⁵⁾ *Strab.* IX 421. *Paus.* X 7.

⁶⁾ *Plut. γυναικῶν ἀρεταί* 2, р. 244.

салийцы потерпѣли рѣшительное поражение въ большомъ сраженіи при Керессѣ въ эеспійской области ¹⁾). Съ этого времени могущество Фессалии начинаетъ падать. Фокида вернула себѣ свою независимость и отстояла ее въ продолжительныхъ войнахъ съ могущественнымъ сосѣдомъ. Особенно извѣстна побѣда, одержанная фокейцами надъ эессалийской конницей при Гіамполисѣ незадолго до Персидскихъ войнъ ²⁾). Съ этихъ поръ Фермопилы образуютъ южную границу Фессалии не только въ географическомъ, но и въ политическомъ отношеніи.

Несчастіе Фессалии заключалось въ томъ, что въ ней не было ни одного достаточно большого и сильнаго города, который могъ бы подчинить своему вліянію остальные общины. Наиболѣе значительные города страны—Фарсаль, Краннонъ, Лариса, Феры—были почти равны между собою. Поэтому союзъ, объединявшій Фессалию, былъ постоянно непроченъ, пока наконецъ центральная власть потеряла всякое значеніе и совсѣмъ перестали выбирать *ταυός*. Какъ политическія, такъ и социальныя условія—владычество аристократіи и крѣпостное положеніе земледѣльческаго класса—препятствовали какому бы то ни было прогрессу страны. Фессалия никогда не дала ни одного выдающагося ученаго, поэта или художника; а до IV вѣка мы даже вообще не знаемъ ни одного эессалийскаго писателя. Та изъ греческихъ областей, которая была наиболѣе щедро одарена природою, осталась мертвымъ членомъ въ организмѣ націи.

Инымъ путемъ пошла исторія сѣверной сосѣдки Фессалии, горной Македоніи, орошаемой верхнимъ теченіемъ Галиакмона. Приблизительно въ первой половинѣ VII вѣка царь Пердикка изъ дома Аргадовъ повелъ свой народъ внизъ по теченію рѣки въ Піэрію у подошвы Олимпа ³⁾, изгналъ еракійское населеніе страны и замѣнилъ его ма-

1) По Plut. *Camill.* 19 битва произошла „слишкомъ за 200 лѣтъ“ до сраженія при Левктрахъ (сравн. Paus. IX 14, 2); напротивъ, по Plut. *περὶ τῆς Ἡρόδοτου κακοῦθειας* 33, стр. 866 „незадолго“ (*ἔναυχος*) до похода Ксеркса.

2) Plut. *γυναικῶν ἀρεταί* 2, р. 244, Paus. X 1, 4—10; по Геродоту VIII 27, „за нѣсколько лѣтъ до 480 года“ (*ὄβ πολλοῖς ἔτεσι πρότερον ταύτης τῆς βασιλείας στρατηλασίης*).

3) Годы царствованія древнѣйшихъ македонскихъ царей, которые мы находимъ у хронографовъ (Euseb. I стр. 230 Schoene, Porphyг. fr. 1), совершенно произвольны (сравн. Gutschmid, *Die makedon. Anagraphe* въ *Symbola phil. Bonn.*, стр. 101 сл.). Имена, начиная съ Пердикки I, повидимому исторически вѣрны. А такъ какъ Александръ, царствовавшій въ 480 г. и еще во время покоренія Фасоса Кимономъ (Plut. *Cim.* 14), былъ 6-мъ преемникомъ Пердикки, то очевидно, что послѣдній жилъ въ вышеуказанное время.

кедонскими колонистами. Той же участи подверглись иллирійскіе эорды у Бегорритскаго озера. Въ завоеванной области, въ томъ мѣстѣ, гдѣ дорога изъ плоскогорья спускается въ эмаѳійскую равнину и горныя воды, устремляясь въ долину, образуютъ великолѣпныя водопады, Пердикка основалъ свою столицу Эги. Отсюда въ теченіе двухъ ближайшихъ вѣковъ были отняты у пеонянъ и еракійцевъ равнина по нижнему теченію Аксія и холмистая область Мигдонія по ту сторону рѣки, до границы халкидскихъ колоній ¹⁾. Здѣсь, при рѣкѣ Лудіѣ, въ безопасной, защищенной болотами мѣстности, македонскіе цари построили свою новую столицу Пеллу, тогда какъ Эги оставались мѣстомъ погребенія царской фамиліи и религіознымъ центромъ страны. Кромѣ того, здѣсь возникло много другихъ поселеній, изъ которыхъ наиболѣе значительными были Бероя, Миеза, Аморъ. Тагъ греческая нація тихо и скромно приобрѣла на сѣверѣ область, которая по величинѣ не уступала Фессалии. Этой странѣ суждено было позже спасти Грецію отъ бѣдствій политическаго разъединенія.

Въ Пелопоннесѣ отдѣльные округа также соединялись въ большіе союзы. Микены потеряли теперь то руководящее положеніе, которое онѣ занимали въ до-историческій періодъ. Дѣйствительно, если положеніе древней горной крѣпости во времена всеобщихъ войнъ было очень благопріятно, то оно нисколько не соответствовало потребностямъ новаго времени съ его развитыми сношеніями. Вслѣдствіе этого Микены вскорѣ затмилъ городъ Аргосъ, расположенный вокругъ высокой крѣпости Лариса, вблизи морскаго берега, гдѣ дороги изъ внутренней части Пелопоннеса вступаютъ въ равнину ²⁾. Сосѣдніе мелкіе города скоро должны были подпасть подъ власть аргивянъ. Асина была разрушена, по преданію, еще въ VIII вѣкѣ ³⁾, Навплия—около 600 года ⁴⁾; Орнея, Гисія, Тиринѣъ, Мидея и самыя Микены сдѣлались подчиненными періэжскими городами ⁵⁾.

Къ югу Аргосъ распространилъ свое господство на Кинурію и, по преданію, даже на все западное побережье залива и островъ Киоеру ⁶⁾. Завѣдываніе знаменитымъ въ древности храмомъ Геры возлѣ

¹⁾ Thuc. II 99.

²⁾ О немъ впервые упоминается, при томъ уже какъ о значительномъ городѣ, въ *A* 52, затѣмъ въ Спискѣ кораблей. Вообще же "Αργος у Гомера всегда, исключая, можетъ быть, только φ 108, обозначаетъ область.

³⁾ Paus. II 36, 5, III 7, 4, IV 34, 9. Strab. VIII 373.

⁴⁾ Paus. IV 24, 4; 35, 2. Strab. I. c.

⁵⁾ Strab. VIII 372, Herod. VIII 73, Aristot. *Polit.* VIII (V) 1303 a.

⁶⁾ Herod. I 82 (сравн. VIII 73). Прибавка *καὶ αἱ λοιπαὶ τῶν νήσων* подозрительна. Не сдѣланъ ли этотъ выводъ на основаніи *B* 108?

Микенъ перешло теперь къ Аргосу, который такимъ образомъ приобрѣлъ сакральную гегемонію надъ всей страной ¹⁾. Въ первой половинѣ VI вѣка, въ царствованіе Фейдона ²⁾, аргивянамъ, по преданію, удалось даже заставить Коринѳъ, Эгину и сосѣдніе города также признать ихъ политическое господство; такимъ образомъ они возстановили царство Темена, на долю котораго, по преданію, выпала нѣкогда, при раздѣлѣ дорійскихъ завоеваній въ Пелопоннесѣ, вся Аргонида ³⁾.

Между тѣмъ на югѣ у Аргоса появился опасный соперникъ. Въ равнинѣ по среднему теченію Эвроты, «глубоколежащемъ Лакедемонѣ» Гомера, Спарта, около середины VIII вѣка, по преданію—при царѣ Телеклѣ, покорила сосѣдніе Амиклы и Фарисъ. Скоро затѣмъ была завоевана и долина нижняго Эвроты до самаго моря, съ городами Геронтрами и Геломъ ⁴⁾. Завоеванная область была раздѣлена на равныя части между побѣдителями ⁵⁾; туземцы, обращенные въ крѣпостныхъ (гело-

¹⁾ Это слѣдуетъ изъ Herod. VI 92. Но ни въ какомъ случаѣ нельзя заключить на основаніи Thuc. V 53, что средоточіемъ союза былъ храмъ *Ἀπόλλων Πυθαεῖς* въ Аргосѣ; сравн. примѣчанія Classen'a къ этому мѣсту.

²⁾ Фейдонъ происходилъ отъ Темена, по Эфору (fr. 15) въ 10-мъ, по Теопомпу (fr. 30) въ 6-мъ поколѣніи, и на этомъ основаніи время его царствованія относятся къ VIII (Paus. VI 22. 2) или къ IX вѣку (*Marm. Par.* Ep. 30). Напротивъ, по Геродоту (VI 127) онъ былъ современникомъ Клизеена сикіонскаго, который царствовалъ въ началѣ VI столѣтія. Что Фейдонъ жилъ не ранѣе VII вѣка, на это указываетъ; повидимому, его походъ въ Олімпію, предпринятый, несомнѣнно, въ такое время, когда олімпійскія празднества имѣли уже общенациональное значеніе. Кромѣ того, заведеніе празднествомъ перешло въ руки эленъ, повидимому, не ранѣе VI вѣка, см. ниже стр. 228. Далѣе, въ пользу указанія Геродота говоритъ списокъ аргивскихъ царей—(см. ниже стр. 239 примѣч. 2.) Сравн. примѣчанія автора въ *Rh. Mus.* 45 (1890) стр. 595 сл. и Trieber въ *Histor. Aufs. dem Andenken Georg Waitz gewidmet* (Hannover 1886) стр. 1—16.

³⁾ Ephor. fr. 16 у Strab. VIII 358. и, тоже по Эфору (сравн. Diod. VIII 8), Plut. *De am.* 2, стр. 772.

⁴⁾ Paus. III 2, 6. 7. Время царствованія Телекла опредѣляется на основаніи порядка наследованія въ домѣ Агіадовъ (Herod. VII 204, Paus. I. c.). Во всякомъ случаѣ завоеваніе долины Эвроты относится ко времени до первой Мессенской войны. Гомеровскій Списокъ кораблей называетъ Амиклы, Фарисъ и Гель городами Лакоіи на ряду со Спартой (B 582—4); отсюда не слѣдуетъ, что въ VII вѣкѣ они еще были независимы; но это извѣстіе даетъ право думать, что они не могли сдѣлаться комами спартанской области уже за нѣсколько столѣтій назадъ. Слѣдовательно, ихъ завоеваніе не имѣетъ ничего общаго съ дорическимъ завоеваніемъ, какъ думали во времена Пиндара (*Pyth.* I 65. *Nem.* XI 44).

⁵⁾ Отсюда вполнѣ естественнo возникло сказаніе о раздѣленіи земли Ликургомъ.

товъ), должны были обрабатывать землю для своихъ новыхъ господъ. Послѣдніе, освобожденные такимъ образомъ отъ всякихъ заботъ о средствахъ пропитанія, получили возможность посвятить себя исключительно военному дѣлу. Все гражданское населеніе Спарты получило военную организацію и было подчинено строгой дисциплинѣ; даже мальчиковъ съ ранняго дѣтства готовили только къ этой цѣли. Такимъ образомъ, Спарта, благодаря своему постоянному войску, получила перевѣсъ надъ сосѣдями, которымъ каждый разъ приходилось собирать гражданское ополченіе. Нужно думать, что такая организація создана была по примѣру сосѣдняго родственнаго Крита ¹⁾, гдѣ подобное устройство существовало уже нѣсколько столѣтій (см. выше, стр. 38), такъ какъ Спарта въ это время вообще находилась подъ сильнымъ вліяніемъ Крита.

Ближайшимъ послѣдствіемъ покоренія долины нижняго Эвроты было признаніе господства Спарты небольшими городами полуострововъ Малей и Тенарона. Они уступили ей часть своихъ владѣній ²⁾, выставляли во время войны свой отрядъ, подчинялись спартанскимъ судамъ, получали спартанскихъ намѣстниковъ (гармостовъ) и, въ случаѣ надобности, допускали къ себѣ спартанскіе гарнизоны ³⁾. Въ остальномъ эти общины періэковъ, какъ ихъ называли, сами вѣдали свои дѣла и, повидимому, спартанское господство не было очень тягостнымъ ⁴⁾, такъ какъ періэки, за немногими исключеніями, оставались вѣрны Спартѣ во всѣхъ кризисахъ вплоть до македонскаго періода.

Скоро долина Эвроты оказалась тѣсной для спартанцевъ, и ихъ стала привлекать богатая мессенская равнина по ту сторону Тайгета. Подъ конецъ VIII вѣка царь Теопомпъ перешелъ черезъ горы и послѣ борьбы, продолжавшейся, по преданію, 20 лѣтъ, покорилъ Мессенію. Здѣсь также земля была раздѣлена между побѣдителями, а жители обращены въ крѣпостныхъ, которые обязаны были отдавать

¹⁾ Таково было господствующее мнѣніе въ Спартѣ во времена Геродота (I 65); его раздѣляли также [Plato] (*Minos* 318 d), Эфоръ (у Strab. X 481, сравн. E. Meyer *Rh. Mus.* 41, 562 сл.) и Аристотель (*Polit.* II 1271 b). Во всякомъ случаѣ, это устройство не „дорійское“, какъ думалъ О. Мюллеръ, такъ какъ въ Арголидѣ мы не встрѣчаемъ ничего подобнаго (*Rh. Mus.* 45, 578 прим. I, и выше стр. 122) и сама Спарта только съ VIII вѣка имѣла крѣпостныхъ, безъ которыхъ подобная организація немислима.

²⁾ Xen. *Лакхед. полит.* 15,3, сравн. Plat. *Alcib.*, стр. 123а.

³⁾ Thuc. IV 53, Weil. *Athen. Mitteil.* V (1880), стр. 231.

⁴⁾ Isocr. *Panath.* 181 смѣшиваетъ періэковъ съ гелотами.

своимъ господамъ половину дохода съ полей ¹⁾). Но мессеняне не могли забыть свою прежнюю свободу, и когда во второй половинѣ VII вѣка Спарта была ослаблена внутренними смутами, они возстали противъ своихъ поработителей, поддерживаемые Панталеономъ, царемъ Писы, и Аристократомъ, царемъ Орхомена въ Аркадіи. Въ началѣ союзники одержали нѣсколько побѣдъ, и еще долго потомъ воспѣвались геройскіе подвиги мессенскаго полководца Аристомена ²⁾). Но всякая храбрость оказывалась безсильной противъ спартанской дисциплины; въ сраженіи у «Большого рва» побѣда осталась за спартанцами; наконецъ былъ взятъ и послѣдній оплотъ возставшихъ, крѣпкая Эира. Мессенія снова была поработана, и спартанцы спокойно владѣли ею до самыхъ Персидскихъ войнъ ³⁾).

¹⁾ Turt., fr. 5. 6. Приблизительно время войны опредѣляется на основаніи порядка наследованія въ домѣ Эврипонтидовъ, къ которому принадлежалъ Теопомпъ (Herod. VIII 131, Paus. III 7). Если въ олимпійскомъ спискѣ побѣдителей послѣ 11-ой Олимп. (736 г.) не встрѣчается уже ни одинъ мессенинъ, а въ 16 Олимп. (716 г., слѣдовательно ровно черезъ 20 лѣтъ) появляется первый спартаецъ, то изъ этого можно только заключить, что редакторъ списка помѣщалъ войну между этими годами, и это, можетъ быть, приблизительно вѣрно. Указанія хронографовъ не имѣютъ никакого значенія.

²⁾ Bergk *Lyrici Graeci* Carm. popul. 28.

³⁾ Единственнымъ надежнымъ источникомъ для насъ служатъ фрагменты Тиртея, который самъ принималъ участіе въ этой войнѣ; но неизвѣстно, все ли, что передаетъ Strab. VIII 362, ссылаясь на Тиртея, дѣйствительно взято у послѣдняго. Въ III столѣтіи Ріанъ изъ Бене на Критѣ переложилъ устные мессенскія сказанія въ эпическую поэму, изъ которой заимствована большая часть извѣстій Павсанія IV, 14—24. Относительно времени войны Тиртей говоритъ, что „отцы нашихъ отцовъ“ (*πατέρων ἡμετέρων πατέρες*) покорили Мессену; это ни въ какомъ случаѣ не значитъ—наши дѣды, потому что Тиртей былъ не генеалогъ, а поэтъ. Судя по одному мѣсту въ (Plut.) *Apophtih. Reg.*, стр. 194, возстаніе было подавлено въ 600-мъ году (за 230 лѣтъ, т. е. за 7 поколѣній до возстановленія Мессены Эпаминондомъ; ср. Ael. *Var. Hist.* XIII, 42). Это согласуется со временемъ жизни царя Панталеона (см. ниже стр. 228 прим. 3) и съ родословной родосскихъ Диагоридовъ у Paus. IV 24,3 VI 7,3. Къ тому же заключенію приводитъ родословная Анаксилая изъ Региона (ум. въ 476 г.), прадѣдъ котораго пришелъ изъ Мессеніи и, конечно, послѣ возстанія, въ которомъ отличился Аристоментъ, а не послѣ первой войны, какъ, насилуя хронологию, утверждаетъ Павсаній (IV 23,6 слл.). Strab. VI, 257 и (Heracl. Pont.) 25 также смѣшиваютъ вторую войну съ первой. Nieze (*Hermes* 26, 1891, стр. 1—32), который о большинствѣ этихъ вопросовъ судитъ совершенно правильно, не слѣдовало бы съ такою увѣренностью отрицать существованіе мессенской традиции относительно второй войны; вѣдь еще и въ настоящее время названіе Мессина свидѣтельствуетъ о томъ, какъ живо сохранялось у мессенскихъ эмигрантовъ около 500 года воспоми-

Побѣдоносная Спарта стала теперь распространять свое господство и по направленію къ сѣверу. Первые шаги къ этому сдѣланы были, вѣроятно, еще до возстанія мессенянъ; но крайней мѣрѣ, область у верхняго теченія Эвроты и Энуса—Скиритиду—спартанцы должны были покорить раньше, чѣмъ они могли двинуться на Тегею ¹⁾. Однако храбрые жители горной Аркадіи оказали имъ сильное сопротивленіе, тѣмъ болѣе успѣшное, что и здѣсь отдѣльные округа начали сливаться въ одинъ крупный союзъ. Инициатива въ этомъ дѣлѣ принадлежала, повидимому, Орхомену, царь котораго Аристократъ, какъ мы видѣли, поддержалъ возстаніе мессенянъ и вѣроятно завоевалъ часть южной Аркадіи; сынъ его Аристодамъ, по преданію, въ дѣлѣ упроченія своего могущества слѣдовалъ его примѣру ²⁾. Монеты съ аркадской надписью, которыя чеканились приблизительно съ середины VI вѣка до времени Пелопоннесской войны ³⁾, указываютъ на продолжительное существованіе этого союза. Къ нему принадлежала, вѣроятно, и Тегея ⁴⁾; во всякомъ случаѣ, сосѣди не могли оставаться безучастными свидѣтелями нападенія спартанцевъ на этотъ городъ. Такимъ образомъ, спартанцы подъ предводительствомъ своихъ царей Леона и Агасикла (около 580—550 г.) потерпѣли тяжелое пораженіе, которое на время приостановило ихъ дальнѣйшіе успѣхи ⁵⁾.

Около этого же времени аргосскій царь Фейдонъ сдѣлалъ попытку доставить своему городу руководящее положеніе въ Пелопоннесѣ, на которое Аргось по гомеровской традиціи имѣлъ право. Онъ совершилъ походъ черезъ весь полуостровъ въ Олимпію и отнялъ у элейнъ завѣдываніе національнымъ праздникомъ, незадолго передъ тѣмъ захваченное ими ⁶⁾. Однако, этотъ успѣхъ былъ непроченъ. По пре-

наніе о старой родинѣ. Советѣмъ другой вопросъ, разумѣется, сколько исторической правды было въ этихъ преданіяхъ.

¹⁾ Эгисъ въ области верхняго Алфея былъ покоренъ, по преданію, еще Архелаемъ, отцомъ Телекла (Paus. III 2,5).

²⁾ Heraclid. Pont. у Laert. Diog. I, 94.

³⁾ Head *Hist. Num.*, стр. 372.

⁴⁾ Въ Тегеѣ показывали *κοινὴ ἐστία τῶν Ἀρκάδων* (Paus. VIII 53.9). Монету городъ чеканилъ только съ конца Пелопоннесской войны.

⁵⁾ По легендарному разсказу Геродота (I 65 сл.), основанному большею частью на составленныхъ ехъ events изреченіяхъ оракула, противъ Спарты воевала только Тегея; но трудно допустить, чтобы сравнительно небольшой городъ былъ въ состояніи одинъ, безъ чужой помощи, противостоять спартанской военной силѣ.

⁶⁾ Herod. VI 127, извѣстіе котораго разукрашено Эфоромъ fr. 15 (у Strab. VIII 358). Относительно хронологіи см. выше стр. 224 прим. 2. Впо-

данію, Фейдонъ погибъ во время одного возстанія въ Коринѣхъ ¹⁾, а при его сынѣ Локадѣ могущество Аргоса начало падать. Коринѣхъ и сосѣдніе города вернули себѣ независимость и нашли опору въ Спартѣ, которая теперь начала наступательную войну противъ Аргоса. Киоера и восточное побережье Лаконіи вверхъ до Тиреи были завоеваны, а попытка аргивянъ вернуть себѣ потерянные области окончилась кровавымъ пораженіемъ ихъ около 540 года ²⁾.

Между тѣмъ элеяне снова покорили Писатиду, свергли ея династію и низвели города страны на степень подчиненныхъ періэксскихъ общинъ ³⁾. Подобная же участь постигла жителей горной страны, пограничной съ Аркадіей, — тагъ называемой Акроріи ⁴⁾, а можетъ быть и часть трифилійскихъ городовъ къ югу отъ Алфея ⁵⁾. Послѣ этого никто уже не оспаривалъ у Элиды права завѣдыванія олимпійскимъ празднествомъ. По преданію, Спарта помогала элеянамъ во время этихъ войнъ ⁶⁾; во всякомъ случаѣ, съ этой поры Элида находится въ союзѣ со Спартой.

слѣдствіи элеяне старались представить дѣло такимъ образомъ, будто завѣдываніе празднествомъ принадлежало имъ съ незапамятныхъ временъ, что искажило всю древнѣйшую исторію Олимпіи. Въ противоположность этой версіи, заслуживаетъ вниманія указаніе, по которому завѣдываніе играми съ 30 до 52 олимпіады, 660—572 г. (Euseb. I 198 Schoene) или съ 26 ол. до окончанія второй Мессенской войны (Strab. VIII 355) находилось исключительно въ рукахъ писейцевъ: По этому преданію, элеяне подчинили Пису своему вліянію только около 570 года и походъ Фейдона предпринять былъ, вѣроятно, нѣсколько позже этого года. Это согласуется и со свидѣтельствомъ Геродота относительно времени жизни Фейдона. Однако слѣдуетъ замѣтить, что всѣми подобными указаніями можно пользоваться только съ величайшею осторожностью.

¹⁾ Nicol. Damasc. 41 (по Эфору).

²⁾ Herod. I 82. То, что наши поздніе источники (Euseb. Ol. 15, 3, 82 Schoene, Paus. II 24, 7, III 2, 3, 7; 7, 2 etc.) передаютъ о войнахъ между Аргосомъ и Спартой въ болѣе древнее время, не заслуживаетъ довѣрія, хотя такія войны, по всей вѣроятности, и были.

³⁾ Paus. VI 22, 4. Послѣднимъ царемъ Писы былъ Пирръ, сынъ Панталеона, оказавшаго поддержку мессенянамъ во время ихъ возстанія противъ Спарты.

⁴⁾ Они упоминаются, какъ элейскіе періэки, у Xen. *Hell.* III, 3, 30.

⁵⁾ Paus. I. с. и V 6, 4; но онъ отодвигаетъ, вѣроятно, на цѣлое столѣтіе назадъ покореніе этихъ городовъ, происшедшее только около 470 г. Также изъ IGA. 119 (стр. 180) вовсе не слѣдуетъ, что въ VI вѣкѣ Скиллунтъ находился въ зависимости отъ Элиды — скорѣе наоборотъ; сравн. Blass у Colliz'a *Dial.-Jnschr.* 1151.

⁶⁾ Ephor. fr. 15 у Strab. VIII 358.

Въ Аркадіи около этого времени свергнута была орхоменская династія ¹⁾; затѣмъ сначала Тегея ²⁾, а вскорѣ и Мантинея, Орхомень и вообще восточная и южная части страны должны были признать спартанское господство ³⁾ и обязаться выставять войско во время войны. За исключеніемъ Аргоса и горныхъ округовъ Ахеи и сѣверной Аркадіи, весь Целопоннесъ находился теперь въ зависимости отъ Спарты ⁴⁾. Собственно спартанская область занимала болѣе трети полуострова, свыше 8000 кв. килом.; почти такую же площадь составляли владѣнія союзныхъ государствъ. Такимъ образомъ, къ концу VI вѣка Спарта является первымъ по могуществу государствомъ Греціи, и ей, главнымъ образомъ, нація была обязана сохраненіемъ своей независимости, когда скоро затѣмъ начались Персидскія войны.

Въ то время какъ областныя государства греческаго материка, исключая немногихъ, сливались въ большіе государственные союзы, — острова принимали въ этомъ движеніи только слабое участіе. Правда, на Критѣ болѣе значительные города, Гортина и Кносъ, подчинили своему вліянію слабыя сосѣднія общины ⁵⁾, однако до объединенія всего острова дѣло никогда не доходило; не было внѣшняго врага, который угрожалъ бы независимости Крита. Изъ Цикладскихъ острововъ тоже ни одинъ не былъ достаточно силенъ, чтобы подчинить остальные своему политическому вліянію. Андросъ, Теносъ и Кеосъ по преданію находились нѣкоторое время въ зависимости отъ Эретрії ⁶⁾; впоследствии, съ середины VI вѣка, здѣсь все болѣе стало преобладать вліяніе Аѣинъ. На Эвбеѣ объединенію мѣшало соперничество равныхъ по могуществу торговыхъ городовъ Халкиды и Эретрії. Плодородная лелантская равнина, простирающаяся отъ Эврипа до подошвы Дирфиса, постоянно служила яблокомъ раздора между обѣими сосѣдними общинами; и однажды, около 600 гоца, такой пограничный споръ принялъ характеръ настоящей войны, въ которую, благодаря развитымъ торговымъ сношеніямъ обоихъ городовъ, вовлечена была большая часть Греціи ⁷⁾. Жителямъ Эретрії пришли на помощь милетцы;

1) Сравн. Paus. VIII, 5, 13.

2) Herod. I 68.

3) У насъ нѣтъ никакихъ извѣстій о томъ, когда были присоединены эти города, но во время Персидскихъ войнъ мы находимъ ихъ въ союзѣ со Спартой.

4) Herod. I 68.

5) Strab. X 476.

6) Strab. X 448.

7) Thuc. I 15. 3. Время войны явствуетъ изъ *Theognidea* v. 891—4. Предположеніе, будто триеры, построенныя коринѣяниномъ Амниокломъ для самосцевъ около 700 года (Thuc. I 13, 3), были предназначены для этой войны,

на сторонѣ халкидянъ стояли старые соперники Милета, самосцы ¹⁾, затѣмъ ѳессалійцы; въ войнѣ приняли участіе и коринѳяне подѣ начальствомъ ихъ тирана Періандра ²⁾. По преданію, исходъ войны былъ рѣшенъ ѳессалійскою конницею; памятникъ ея предводителю, Клеомаху изъ Фарсала, павшему въ бою, стоялъ еще въ позднѣйшее время на площади въ Халкидѣ ³⁾. Съ этихъ поръ мелантская равнина оставалась во владѣніи халкидянъ.

Колоніи по ту сторону моря въ это время также вѣроятно еще не начинали складываться въ большія государства. Находясь на довольно далекомъ разстояніи другъ отъ друга, эти города имѣли достаточно простора, чтобы расширяться на счетъ сосѣднихъ варваровъ и на захваченныхъ такимъ образомъ земляхъ въ свою очередь основывать поселенія, которыя въ политическомъ отношеніи обыкновенно сохраняли связь съ метрополіей. Такъ, Акры и Касмены всегда оставались въ зависимости отъ Сиракузъ; тщетно пыталась Камарина около 550 года, съ помощью сицилійцевъ и другихъ союзниковъ, освободиться отъ этой зависимости ⁴⁾. Сибарисъ передъ разрушеніемъ его кротонцами (около 510 г.), имѣлъ подѣ своей властью по преданію, свыше 25 городовъ и 4 туземныхъ италійскихъ племени ⁵⁾; однако монеты его колоній Лаоса и Посейдоніи указываютъ на то, что эти общины уже въ VI вѣкѣ были самостоятельны и, самое большое, находились въ союзѣ со своей метрополіей.

Въ Малой Азіи Митилена, хотя и сохранила до Персидскихъ войнъ, а отчасти даже до Пелопоннесской войны ⁶⁾, господство надѣ своими колоніями въ южной Тroadѣ и у Геллеспонта, не сумѣла подчинить своему владычеству мелкіе города на самомъ Лесбосѣ. Жители

лишено всякаго основанія и опровергается уже Фукидидомъ (I 13,4), по которому первое морское сраженіе между греками произошло только 40 лѣтъ спустя. Да и врядъ-ли можно допустить для конца VIII вѣка столь сложныя политическія комбинаціи.

1) Herod. V 99.

2) Theogn. l. c.

3) Plut. *Erot.* 17, стр. 760 сл.

4) Thuc. VI 5, 3, Philist. fr. 8, Schol. Pind. *Ol.* V 16. 19, (Scyrmn.) 294. По преданію, городъ былъ разрушенъ, но въ 63 олимп. (528 г.) Парменидъ изъ Камарины одержалъ въ Олимпіи побѣду въ бѣгѣ (Euseb. и Diod. I 68). А сомнѣваться въ достовѣрности Списка олимпійскихъ побѣдителей за это время мы не имѣемъ никакого основанія. Камарина была разрушена позже Геллономъ; повидимому, это событіе было перенесено въ болѣе раннее время.

5) Strab. VI 263.

6) Herod. V 94 сл., Strab. XIII 599 сл., Thuc. III 50. IV 52.

Колофона рано, можетъ быть еще въ VIII вѣкѣ, завоевали эолийскую Смирну и такимъ образомъ распространили свое господство отъ одного моря до другого, отъ Каистрскаго до Гермейскаго залива ¹⁾). Самосцы въ VII вѣкѣ заселили Аморгъ и завладѣли лежащимъ насупротивъ ихъ острова мысомъ Микале, что вовлекло ихъ въ продолжительный споръ съ Приэной, имѣвшей притязанія на эту область ²⁾).

Прочіе города мало-азіатскаго побережья оставались въ этомъ періодѣ независимыми другъ отъ друга. Религіозный союзъ, съ давнихъ временъ объединявшій города Іоніи вокругъ храма геликонскаго Посейдона на мысѣ Микале, никогда не былъ преобразованъ въ политическій. Даже подъ давленіемъ внѣшней опасности—сначала со стороны мидійскихъ царей, а позже со стороны персидской монархіи—іонійскіе города не рѣшались пожертвовать своимъ суверенитетомъ; предложеніе, сдѣланное во времена Кира Фалесомъ милетскимъ, — соединить всю Іонію въ одно государство съ главнымъ городомъ Теосомъ, не имѣло никакого успѣха ³⁾). Вотъ почему, какъ только внутри полуострова сложилось болѣе значительное государство, греческіе прибрежные города подпали подъ чуждое владычество.

Объединеніе Малой Азіи исходило изъ плодородной долины Герма—самой обширной плоскости въ западной части страны. Она рано сдѣлалась средоточіемъ сравнительно высокой культуры, о которой еще въ настоящее время свидѣтельствуютъ высѣченныя въ скалахъ Сицила рельефы съ гіероглифическими надписями, статуя Кибелы около Магнесіи и такъ назыв. Сезострисъ около Смирны ⁴⁾). Но около того времени, когда греки упрочили свое владычество въ восточной части

¹⁾ Mimn. fr. 9, Herod. I 149 сл. По Paus. V 8, 6 покореніе Смирны относится къ 688 году.

²⁾ Свидѣн. *Σμωνίδης Κρίνω 'Αμοργίνος* и надпись *Annali dell' Instituto* 36, стр. 96. Въ аттическихъ податныхъ спискахъ этотъ островъ упоминается только послѣ самосской войны, слѣдовательно до этого времени онъ находился въ зависимости отъ Самоса. Относительно владѣній самосцевъ на материкѣ сравн. *Le Bas-Waddington Voyage, Explication des Inscriptions, Asie Mineure* n. 189—207, стр. 73 сл., *Lenschan De rebus Prienensium, Leipz. Stud.* XII 1890 стр. 111 сл. По Thuc. III 32, IV 75 Анея тоже принадлежала Самосу, по крайней мѣрѣ въ первой половинѣ V вѣка.

³⁾ Herod. I 170.

⁴⁾ Впрочемъ, эти памятники вовсе не такъ стары, какъ раньше думали. „По стилю они принадлежатъ времени приблизительно лѣтъ за 800 до Р. X. и могли быть воздвигнуты какимъ нибудь лидійскимъ царемъ, или Гераклидомъ, или даже однимъ изъ древнѣйшихъ Мермнадовъ“. (*Puchstein Pseudo-hethitisch Kunst, ein Vortrag, Berlin 1890* стр. 13). Съ хетитами они не имѣютъ ничего общаго, какъ доказалъ Puchstein l. c.

Эгейскаго моря, въ этой области еще не могло существовать болѣе или менѣе значительнаго государства; иначе чуждымъ поселенцамъ не удалось бы распространиться по всему іонійскому побережью. Еще въ эпосѣ меоняне, какъ называются у Гомера жители долины Герма, ничѣмъ не стоятъ выше остальныхъ народностей Малой Азіи. Кажется, поэтому, что царямъ Сардъ ¹⁾ удалось подчинить своей власти всю націю не ранѣе VIII вѣка, и можетъ быть именно этимъ объясняется то обстоятельство, что отнынѣ имя «лидіане» вытѣсняетъ древнее имя меонянъ.

Около начала VII вѣка, при царѣ Гигесѣ изъ династіи Мермнадовъ, Лидія выступаетъ на историческую сцену ²⁾. Государство должно было тогда обнимать, кромѣ долины Герма, по крайней мѣрѣ еще долину Меандра; оно было достаточно сильно, чтобы стремиться къ обладанію морскимъ побережьемъ. Однако вначалѣ эти попытки оказались безуспѣшными; отъ Милета Гигесъ былъ отбитъ ³⁾, а жители Смирны даже вторглись въ Гермосскую долину и здѣсь побѣдно сражались съ лидійскою конницею ⁴⁾. Зато Гигесу удалось распространить свое владычество на Троаду и южное побережье Пропонтиды, гдѣ онъ, повидимому, основалъ Даскилею, которая остава-

1) О такомъ князѣ въ области Сардъ упоминается V 382.—92. Только въ спискѣ троянцевъ мы встрѣчаемъ Месела и Антифонта, τὼ Γυγαίῃ τεῖκε λίμνη (дѣти... нимфы озерной Гигеи⁴⁾) въ качествѣ царей всего меонійскаго народа (B 864). Но этотъ списокъ представляетъ одну изъ позднѣйшихъ частей нашей Илиады и едва-ли сочиненъ раньше времени Гигеса. Что Лидія и впоследствии оставалась феодальной монархіей, доказываетъ Gelzer *Rh. Mus.* 35 (1880) стр. 519 слл.

2) Историческая достовѣрность личности Гигеса доказывается свидѣтельствомъ Архилоха (fr. 25), надписями Ассурбанипала и дарами, присланными самимъ Гигесомъ въ Дельфы (Herod. I 14). Но уже ближайшій его предшественникъ является настолько легендарной личностью, что наши источники расходятся даже въ показаніяхъ объ его имени. Поэтому естественно было видѣть въ Гигесѣ основателя новой династіи, и весьма возможно, что такъ было на самомъ дѣлѣ. Свѣдѣнія о немъ: Herod. I 8—13, Nicol. Damasc. fr. 49 по Ксанѳу), Plat. *Polit.* II 359, X 612. Греч. *фрагм.* 45, стр. 302. Сравн. Schubert *Geschichte der Könige von Lydien*, Breslau 1884.

3) Herod. I 14. Извѣстіе, будто Гигесъ взялъ Колофонъ, мало вѣроятно; во всякомъ случаѣ, онъ не удержалъ за собою города (Schubert l. c. стр. 47). Рассказъ о взятіи Гигесомъ Магнесіи (Nicol. Damasc. 62) легендаренъ, хотя само по себѣ вполнѣ возможно, что онъ завоевалъ Магнесію у Сипила.

4) Mimn. fr. 14, сравн. Paus IX 29, 4 (-Mimn. fr. 13). Подъ "Ἐρμιον πεδίων несомнѣнно слѣдуетъ понимать равнину между Сардами и Магнесіей, которая черезъ нимфейское ущелье имѣетъ удобное сообщеніе со Смирной

лась столицей геллеспонтской страны вплоть до паденія персидскаго царства ¹⁾.

Въ это время явился у грековъ и лидянъ общій врагъ въ лицѣ дикихъ киммерійцевъ, пришедшихъ съ сѣвернаго берега Чернаго моря, гдѣ Крымъ до сихъ поръ сохранилъ ихъ имя ²⁾. Вмѣстѣ съ ними пришли и треряне, которые были вѣроятно еракійскаго происхожденія. ³⁾. Фригійское царство пало подъ ихъ натискомъ; около 675 г. они воевали въ Каппадокии противъ Ассаргаддона, царя Ассиріи. Въ виду этой опасности Гигесъ обратился за помощью къ Ассурбанипалу, который въ 668 г. смѣнилъ своего отца, Ассаргаддона, на ассирійскомъ престолѣ. ⁴⁾. Сначала онъ дѣйствительно имѣлъ нѣкоторый успѣхъ, но скоро счастье измѣнило ему; Гигесъ потерялъ сраженіе и жизнь, Сарды были взяты, и только кремль, благодаря своему положенію на крутомъ холмѣ, сумѣлъ отстоять себя. Послѣ этого киммерійцы двинулись къ іонійскому берегу; храмъ Артемиды около Эфеса, главное святилище Малой Азіи, былъ сожженъ; богатая Магнесія на Меандрѣ стала добычей варваровъ ⁵⁾.

Однако гроза прошла мимо; киммерійцы ушли, и сынъ Гигеса Ардисъ возстановилъ лидійское царство. Онъ покорилъ также безъ большого труда Фригію, въ которой нашествіе киммерійцевъ разрушило весь государственный строй. Теперь Ардисъ возобновилъ противъ греческихъ городовъ наступательную политику своего отца, однако не съ большимъ успѣхомъ, чѣмъ послѣдній. Если онъ и покорилъ Приену, то сильный Милетъ отражалъ всѣ нападенія какъ самаго Ардиса, такъ и его преемниковъ Садіатта и Алиатта, который наконецъ долженъ былъ признать независимость города. Зато Алиатту удалось завоевать колофонскую колонію Смирну; городъ былъ разрушенъ, и съ тѣхъ поръ

¹⁾ Strab. XIII 590. Отецъ Гигеса назывался Даскиломъ (Herod. I 8), а на востокѣ искони существовалъ обычай называть города по именамъ членовъ царствующей династіи. Другая Даскилея находилась въ Лидіи, на границѣ области г. Эфеса (Steph. Byz. *Δασκυλίειον*; остальные города того-же имени, указанные тамъ, тождественны съ двумя упомянутыми).

²⁾ См. выше стр. 135. Herod. IV 12.

³⁾ Callin. fr. 4 Еще въ концѣ V вѣка треряне жили въ области нынѣшней Соѳии, въ бассейнѣ Искера (Thuc. II 96), сравн. Strab. I 59, Steph. Byz. *Τρηφες*.

⁴⁾ E. Meyer *Gesch. des Alterth.* I стр. 546.

⁵⁾ Callin. fr. 3—5, Archiloch. fr. 20, Theogn. 603, 1103. Herod. I 6. 15. Gelzer *Das Zeitalter des Gyges*, *Rh. Mus.* 30, стр. 230; 35 стр. 514. Время этихъ событій опредѣляется надписями Ассурбанипала, изъ которыхъ видно, что и въ этомъ случаѣ хронографы и даже Геродотъ даютъ слишкомъ раннія даты.

его мѣсто оставалось пустыннымъ въ продолженіе двухъ столѣтій ¹⁾. Алиаттъ воевалъ также и на сѣверѣ и на востокѣ; онъ покорилъ ²⁾ Виоинію, изгналъ изъ Малой Азіи остатки киммерійцевъ ³⁾ и проникъ по ту сторону Галиса въ Каппадокію. Здѣсь онъ столкнулся съ мидійскимъ царемъ Кіаксаромъ, который не задолго передъ тѣмъ разрушилъ ассирійское царство и теперь, какъ преемникъ правъ ассирійскихъ царей, считалъ себя законнымъ владѣльцемъ Каппадокіи. Началась война, продолжавшаяся, по преданію, шесть лѣтъ и окончившаяся договоромъ, по которому впредь границей между Мидіей и Лидіей должна была служить рѣка Галисъ (585) ⁴⁾.

Лидійское царство обнимало теперь всю западную часть Малой Азіи за исключеніемъ горныхъ областей на югѣ и большинства греческихъ приморскихъ городовъ. Первые не имѣли большого значенія; тѣмъ настойчивѣе требовали интересы государства покоренія эгейскаго побережья. При политической разрозненности Іоніи, это легко удалось сдѣлать Крезу, который около 560 г. наслѣдовалъ своему отцу Алиатту. Греческія общины, одна за другой, должны были признать лидійское господство; одинъ только Милетъ и теперь отстаивалъ свою независимость ⁵⁾.

Но въ то время какъ Лидія подчиняла себѣ греческіе приморскіе города, она сама все болѣе поддавалась вліянію греческой культуры. Уже во время Геродота лидяне почти совершенно переняли греческіе нравы ⁶⁾. Какъ рано проникъ въ Лидію греческій языкъ, видно изъ того, что тамъ не было найдено почти никакихъ литературныхъ памятниковъ на мѣстномъ языкѣ. Уже въ V вѣкѣ лидянинъ Ксанѳъ, первый въ длинномъ ряду греческихъ писателей варварскаго происхожденія, написалъ исторію своей страны на греческомъ языкѣ. Царь Алиаттъ, кромѣ своей карійской супруги, имѣлъ еще жену-іонянку, сынъ которой, Панталеонъ, едва даже не наслѣдовалъ своему отцу вмѣсто Креза ⁷⁾. Греческіе боги не имѣли болѣе усердныхъ поклонниковъ,

¹⁾ Herod. I 16—22. Относительно Смирны сравн. Strab. XIV 646; по Nicol. Damasc. fr. 64 городъ былъ взятъ еще Садіаттомъ. Пиндаръ fr. 204 Bergk (сравн. fr. 264) говоритъ о Смирнѣ только какъ о родинѣ Гомера.

²⁾ Steph. Byz. подъ Ἀλιόττα.

³⁾ Herod. I 16.

⁴⁾ Herod. I 74. Этотъ годъ опредѣляется солнечнымъ затменіемъ, время котораго, по преданію, было напередъ вычислено Талесомъ (28 мая 585 г.) и которое заставило обѣ стороны прекратить войну.

⁵⁾ Herod. I 26, Xanth. у Steph. Byz. Σιδῆνη, и Strab. XIII 601.

⁶⁾ Herod. I 94.

⁷⁾ Herod. I 92.

чѣмъ лидійскихъ царей; уже Гигесъ посвятилъ дельфійскому храму драгоценные подарки, а расточительная щедрость, которую обнаруживалъ Крезъ не только по отношенію къ дельфійскому храму, но и по отношенію къ храмамъ Артемиды въ Эфесѣ и Аполлона въ Бранхидахъ близъ Милета, извѣстна всякому.

Однако лидійскому царству не долго суждено было процвѣтать. Только что Крезъ покорилъ морское побережье и принялся за постройку флота, чтобы подчинить своей власти и сосѣдніе острова, какъ въ центрѣ Азіи наступили событія, заставившія его обратить свои взоры на востокъ. Около 550 г. лидійское царство пало подъ натискомъ персидскаго царя Кира, и Крезъ рѣшилъ воспользоваться этимъ моментомъ для осуществленія плановъ своего отца Алиатта, которому помѣшалъ привести ихъ въ исполненіе мидіецъ Кіаксаръ. Перейдя р. Галисъ, онъ вторгся въ мидійскую Каппадокію. Но послѣ нѣсколькихъ удачъ въ началѣ, онъ былъ вынужденъ отступить передъ болѣе сильной арміей Кира назадъ въ Лидію; преслѣдуемый непріятелемъ, Крезъ потерпѣлъ рѣшительное пораженіе подъ стѣнами своей столицы въ долину Герма. Послѣ непродолжительной осады Сарды были взяты штурмомъ, и самъ царь попалъ въ руки побѣдителя (546)¹⁾. Лидійское царство прекратило свое существованіе; сопротивленіе, которое еще оказывали іонійскіе города, съ самаго начала не обѣщало успѣха и вскорѣ было сломлено полководцемъ Кира, Гарпагомъ. Часть жителей Фокеи и Теоса покинула родину и отправилась искать новыхъ мѣстъ для поселенія по ту сторону моря; остальные греки покорились персидскому владычеству, которое едва-ли было болѣе тягостно, чѣмъ прежде владычество лидянъ²⁾. Ликійцы, которые до тѣхъ поръ сохраняли независимость, тоже должны были подчиниться, — и Киръ владѣлъ теперь всей Малой Азіей³⁾. Завоеванная страна была раздѣлена на двѣ сатрапіи съ главными городами Сардами и Даскилеемъ.

Въ послѣдніе годы своего царствованія, занятый другими, болѣе важными задачами, Киръ не имѣлъ времени думать о государствахъ, лежащихъ у Средиземнаго моря. Его сынъ Камбизъ обратилъ свое

1) Herod. I 71—80, 84—86; остальные источники не имѣютъ значенія. Александрійскіе хронографы единогласно относятъ паденіе Сардъ къ 546,3 олимп. (546/5 г.): Аполлодоръ у Laert. Diog. I 38, Сосикратъ — тамъ-же I 95, Евсевій II 96 Schoene. Во всякомъ случаѣ оно произошло до 538 г., такъ какъ въ этомъ году Киръ воевалъ уже въ Вавилоніи (*Annalen des Nabonod*, E. Meyer I стр. 605).

2) Herod. I 161—164. 168—169.

3) Herod. I 174—176.

оружіе противъ Египта, царь котораго Амазисъ незадолго предъ тѣмъ умерь, оставивъ престолъ своему молодому сыну Псамметиху. При Пелусіѣ, близъ устья восточнаго рукава Нила, произошло сраженіе между греческими наемниками и персами: здѣсь оба народа впервые помѣрялись силою въ открытомъ полѣ (525). Побѣда осталась за Камбизомъ, и участь Египта была рѣшена; главный городъ Мемфисъ палъ послѣ продолжительной осады, царь былъ взятъ въ плѣнъ. Нильская долина стала персидскою сатрапіей. Сосѣдняя Кирена добровольно подчинилась персидскому господству; города на Кипрѣ уже въ началѣ войны перешли на сторону Персіи ¹⁾.

Такимъ образомъ, нѣсколько болѣе чѣмъ въ 20 лѣтъ, добрая треть греческой націи подпала подъ персидское владычество. Можно было предвидѣть, что персы не останутся на этомъ; если не жажда завоеваній, то уже самая сила обстоятельствъ должна была толкать ихъ впередъ по пути, на который они вступили, потому что въ области Эгейскаго моря нѣтъ ни одной естественной границы.

¹⁾ Herod. III 1—13, A. Wiedemann *Geschichte Aegyptens von Psametich I bis auf Alexander* (Leipzig 1880), E. Meyer-Kambyzes въ *Encyclopädie von Ersch und Gruber*.

ГЛАВА X.

Господство аристократіи и его паденіе.

Въ то время, какъ въ греческомъ народѣ выработывалось сознание его національнаго единства и отдѣльныя области, по крайней мѣрѣ на самомъ полуостровѣ, соединялись въ политическіе союзы, не менѣе глубокимъ измѣненіямъ подвергалось и внутреннее устройство большинства государствъ. Уже въ гомеровскую эпоху аристократія все болѣе расширяла свое вліяніе въ ущербъ царской власти, и уже авторы *Иліады* и *Одиссеи* считаютъ нужнымъ защищать монархію—притомъ монархію законную—противъ подобныхъ захватовъ:

Не хорошо многовластье. Единый да будетъ властитель,
Царь единый, которому Кроноса хитраго сыномъ
Скипетръ данъ и законы затѣмъ, чтобъ царилъ онъ надъ нами.

Однако, если даже въ этихъ словахъ выразились чувства большей части греческаго народа, это большинство еще не могло оказывать дѣятельнаго вліянія на ходъ общественныхъ дѣлъ. Народъ еще не игралъ никакой роли; политически имѣла значеніе только знать, т. е. крупные землевладѣльцы. *Одиссея* изображаетъ намъ иоакійскій народъ преданнымъ царскому дому; но никто не рѣшается возстать противъ поведенія жениховъ, принадлежащихъ къ знатнѣйшимъ фамиліямъ государства. По отношенію къ этой аристократіи царь былъ только первымъ между равными; при небольшихъ размѣрахъ греческихъ государствъ, положеніе царя должно было быть здѣсь, разумѣется, совершенно инымъ, чѣмъ въ восточныхъ монархіяхъ, или чѣмъ въ позднѣйшее, эллинистическое время. Пока продолжались постоянныя распри между сосѣдними государствами, аристократія подчинялась царю; но по мѣрѣ того, какъ эти распри становились рѣже,

подчиненіе царской власти казалось болѣе ненужнымъ. При такихъ условіяхъ царь могъ сохранять свое прежнее значеніе только въ томъ случаѣ, если обладалъ выдающимися личными качествами, а это конечно не всегда случалось. У Гомера среди народнаго собранія царю бросаютъ въ лицо такія слова,—и нѣтъ сомнѣній, что эта картина взята изъ дѣйствительности:

Пьяница грузный! По виду собака, олень по отвагѣ!
Ты никогда не дерзалъ въ своемъ сердцѣ ни въ бой, ополчившись,
Вмѣстѣ съ народомъ идти, ни спрятаться въ тайной засадѣ
Вмѣстѣ съ вождями Ахейцевъ,—тебѣ это смертью казалось.
Царь—пожиратель народа, надъ трусами царствовать годный!
Ибо иначе, Атридъ, ты-бъ вполсѣдніе нынче былъ дерзокъ 1).

Такимъ образомъ, уничтоженіе царской власти было только вопросомъ времени.

Какъ и естественно, республиканское движеніе началось въ тѣхъ частяхъ греческаго міра, которыя достигли наиболѣе высокаго экономическаго развитія. Въ мало-азіатскихъ колоніяхъ царская власть была уничтожена въ теченіе VII вѣка, а отчасти, можетъ быть, уже въ VIII в. Приблизительно въ это же время монархія была отмѣнена въ Атикѣ и въ городахъ на Исѣмѣ и, вѣроятно, также въ Беотіи и на Эвбей 2). Что касается сицилійскихъ и италійскихъ колоній, то здѣсь, исключая легендарнаго царя Сиракузъ 3), мы находимъ царскую власть только въ лакедемонской колоніи Тарентѣ, гдѣ она удержалась до начала V вѣка 4). На Критѣ также существовала царская власть, по

1) А 225—232. Зенодотъ призналъ эти стихи подложными; и дѣйствительно, по отношенію къ Агамемнону, какимъ его рисуетъ Иліада, эти упреки совершенно неосновательны. Но они характерны для періода упадка царской власти.

2) Достоверныхъ извѣстій объ этихъ событіяхъ нѣтъ, да и не можетъ быть; преданія, относяція паденіе царской власти (напр., въ Аѣинахъ) къ древнѣйшимъ временамъ, лишены всякаго историческаго значенія. Ничего не доказываютъ и списки должностныхъ лицъ,—съ одной стороны потому, что магистраты-эпонимы могли существовать и при монархіи, съ другой стороны—такъ какъ царская власть могла быть уничтожена раньше, чѣмъ начато веденіе дошедшихъ до насъ списковъ. *Terminus post quem* представляютъ гомеровскія эпопеи, которыя еще необходимо предполагаютъ существованіе царской власти; *terminus ante quem*—появленіе первыхъ тирановъ въ VII вѣкѣ, а для Аѣинъ—законодательства Дракона и Солона и килоновское возстаніе.

3) Aristot. fr. 585 Rose изъ *Συρακοσίων πολιτεία*, у Полидевка VI 16. Сравни. Freeman *History of Sicily* II 431—6.

4) Herod. III 136.

крайней мѣрѣ до конца VII вѣка ¹⁾); точно также и на сосѣднемъ островѣ Оерѣ въ это время, повидному, еще держался монархическій образъ правленія, такъ какъ основанная около 630 г. выходцами съ этого острова Кирена управлялась царями до середины V в. Въ земледѣльческихъ областяхъ Пеллопоннеса, какъ, напр., въ Аркадіи и Писатидѣ, царская власть удержалась до конца VII или начала VI вѣка (см. выше стр. 225 сл.), а въ Аргосѣ монархія пала только въ эпоху Персидскихъ войнъ ²⁾. Въ Спартѣ уже въ VIII вѣкѣ, или еще раньше ³⁾, состоялось соглашеніе между аристократіей и царской властью; рядомъ съ древней династіей Агіадовъ, во главѣ города поставленъ былъ на равныхъ съ ней правахъ родъ Эврипontiдовъ ⁴⁾, такъ что главы обѣихъ фамилій ⁵⁾ одновременно носили царское званіе. Необходимое соперничество между обѣими династіями служило гарантіей противъ превышеній власти, и это обстоятельство было одной изъ главныхъ причинъ того, что царская власть удержалась здѣсь въ своей двойственной формѣ до конца III вѣка. Въ отдаленныхъ и сильно отставшихъ въ культурномъ отношеніи частяхъ греческаго міра древняя наследственная монархія также отчасти сохранилась до поздняго времени; такъ, напр., у агрейцевъ въ Этоліи ⁶⁾, у молоссовъ и аеамановъ въ Эпирѣ, въ Македоніи и въ городахъ на Кипрѣ.

Сколько можно судить, первыя попытки не были направлены противъ царской власти, какъ таковой, а имѣли цѣлью только замѣщеніе царствующей династіи другою. Въ такомъ смыслѣ Одиссея представляетъ отношеніе жениховъ къ Телемаху ⁷⁾; и то же самое, какъ мы видѣли, произошло, вѣроятно, въ Спартѣ. Если такая попытка удавалась, то она наносила тяжелый ударъ существованію монархій,

¹⁾ Herod. IV 154 (объ Аксосѣ), сравн. Aristot. *Polit.* II 1271a.

²⁾ По Herod. VII 149 царская власть существовала въ Аргосѣ еще въ 480 г. Это мимоходомъ сдѣланное указаніе не можетъ имѣть абсолютнаго значенія; но легенда, которую передаетъ здѣсь Геродотъ, не могла бы возникнуть, если бы монархія въ Аргосѣ была уничтожена уже задолго до Персидскихъ войнъ. Последнимъ царемъ называютъ внука Фейдона, Мельта (Causs. II 19, 2), который былъ приблизительно современникомъ аеинскаго законодателя Клизеена (сравн. *Rh. Mus.* 45, 1890, стр. 596 и выше стр. 227 сл.).

³⁾ Теопомпъ изъ рода Эврипontiдовъ является царемъ уже во время первой мессенской войны (около 700 г.) (Turg. fr. 5).

⁴⁾ Поэтому родъ Эврипontiдовъ считался болѣе молодымъ и пользовался меньшимъ почетомъ (Herod. VI 51).

⁵⁾ Относительно мнимаго происхожденія обоихъ царскихъ родовъ отъ Геркулеса см. выше стр. 120.

⁶⁾ Thuc. III. 111, 4, сравн. 114, 2.

⁷⁾ Сравн., напр., χ 50—53.

потому что новая династія была лишена той крѣпкой опоры, какую представляетъ только законное престолонаслѣдіе. Въ большинствѣ случаевъ, однако, упраздненіе царской власти достигалось не путемъ революціи, а посредствомъ мирныхъ реформъ. Начиналось съ того, что въ помощь царямъ давали выборныхъ чиновниковъ; ближайшимъ поводомъ къ этому служило расширеніе государственныхъ функций, обусловленное въ VII, а отчасти, можетъ быть, уже въ VIII вѣкѣ экономическимъ прогрессомъ націи. Такъ, въ Спартѣ была учреждена должность эфоровъ, первоначальное назначеніе которыхъ состояло въ томъ, чтобы помогать царямъ въ гражданскомъ судопроизводствѣ ¹⁾; въ Аѣинахъ учреждены были, для замѣщенія царя въ гражданскомъ управленіи, должность «архонта», а въ начальствованіи на войнѣ—должность «военачальника» (*πολέμαρχος*) ²⁾. Власть царя въ уголовномъ судопроизводствѣ также все болѣе ограничивалась «совѣтомъ старѣйшинъ». Уже въ сценѣ суда, изображенной на щитѣ Ахиллеса у Гомера, рѣчь идетъ только о геронтахъ ³⁾; въ Спартѣ уголовное судопроизводство также находилось въ рукахъ герусіи, и хотя цари принимали участіе и пользовались правомъ голоса въ этой коллегіи, однако ихъ компетенція ни въ какомъ отношеніи не была выше компетенціи всякаго другого члена ⁴⁾. Въ Аѣинахъ коллегія эфетовъ вѣроятно уже рано забрала въ свои руки уголовное судопроизводство, предоставивъ царю только предсѣдательство, которое и впослѣдствіи принадлежало выборнымъ царямъ ⁵⁾. Такимъ образомъ, въ большинствѣ государствъ дѣятельность царя была постепенно сведена къ исполненію связанныхъ съ его саномъ жреческихъ обязанностей, пока наконецъ и послѣднія не были возложены на выборныхъ должностныхъ лицъ. Тамъ, гдѣ царскій родъ численностью и богатствомъ превосходилъ всѣ остальные аристократическія фамиліи, управленіе государствомъ переходило ко всему этому роду, такимъ образомъ, что всѣ должности замѣщались членами его. Такъ Бакхіады даже послѣ упраздненія царской власти правили Коринѳомъ, Пенелейды—Митиленой, Басилейды—Эфесомъ, Алевады—многими городами Фессаліи;

¹⁾ Plut. *Cleom.* 10, Dum *Entstehung und Entwicklung des spartanischen Ephorats*, Innsbruck 1878, E. Meyer *Forschungen zur alten Geschichte* I 252.

²⁾ Aristot. *Ἀθηναίων πολιτεία* 3.

³⁾ Σ 503 слл.

⁴⁾ Herod. VI 57, Thuc. I 20 сравн. „Законы“ Платона III 692a.

⁵⁾ Philippi *Der Areopag und die Epheten* Berlin 1874 стр. 199 слл. Это имя происходитъ отъ ἐφίμη — приказывать, сравн. Wilamowitz *Kydathe* стр. 90, прим. 5.

еще во время Пелопоннесской войны существовалъ подобный образъ правленія у хаонянъ въ Эпирѣ ¹⁾. Но въ громадномъ большинствѣ греческихъ государствъ царскимъ фамиліямъ не удалось удержать въ своихъ рукахъ власть; здѣсь монархія была упразднена въ интересахъ всего сословія благородныхъ.

Въ остальномъ прежнее государственное устройство съ упраздненіемъ царской власти не потерпѣло существенныхъ измѣненій. Совѣтъ (*γερονσία, βουλή*) продолжалъ существовать, но его значеніе должно было возрасти, такъ какъ онъ имѣлъ теперь дѣло не съ царемъ, правящимъ по праву наслѣдія и пожизненно, а съ должностными лицами, избираемыми на опредѣленный срокъ — обыкновенно на годъ — и обязанными отдавать отчетъ въ своей дѣятельности. Раздѣленіе обязанностей, которому было положено начало еще во время царей и которое теперь продолжалось, также должно было содѣйствовать ослабленію власти должностныхъ лицъ. Вскорѣ затѣмъ стали замѣнять отдѣльныхъ должностныхъ лицъ коллегіями, каковы напр. пять эфоровъ въ Спартѣ ²⁾, или назначать такія коллегіи имъ въ помощь. Такъ, въ Аѣнахъ, на ряду съ архонтомъ, полемархомъ и замѣнившимъ наслѣдственнаго царя выборнымъ царемъ, учреждена была для судопроизводства коллегія изъ шести ѳесмоѳетовъ. Въ союзныхъ государствахъ, какъ напримѣръ въ Беотіи, высшее правительственное учрежденіе составлялось, естественно, изъ извѣстнаго числа равноправныхъ членовъ, избираемыхъ отдѣльными государствами.

Но общій характеръ государственнаго устройства былъ теперь совершенно иной, чѣмъ въ царскій періодъ. Царь въ своихъ собственныхъ интересахъ долженъ былъ оказывать всѣмъ частямъ населенія одинаковое покровительство; какъ разъ постоянно-возраставшее могущество знати побуждало царей искать поддержки у простого народа. Сословіе, достигшее господства въ государствѣ, рѣдко заботится о чемъ — нибудь другомъ, кромѣ своей временной выгоды; и греческая аристократія того времени, «добрые» (*ἀγαθοί*) и «славные» (*ἑσθλοί*) господа, какъ они себя называли, не составляли исключенія изъ этого правила. Уже въ послѣднія времена царскаго періода значеніе народнаго собранія было довольно ничтожно (см. выше стр. 72 сл.); теперь вѣче окончательно потеряло свое вліяніе. Жре-

¹⁾ Thuc. II, 80.5.

²⁾ Что первоначально былъ только одинъ эфоръ, доказывается, повидимому, тѣмъ обстоятельствомъ, что и впоследствии годъ обозначался именемъ одного только члена коллегіи.

ческія должности и соединенные съ ними крупныя доходы были монополизированы аристократіей и сдѣлались наследственными въ знатныхъ фамиліяхъ; точно также знать забрала въ свои руки и судопроизводство, потому что только господствующій классъ зналъ обычное право. При этомъ судьи безсовѣстно нарушали право въ интересахъ своего сословія, и подкупы были въ порядкѣ вещей ¹⁾. Басня о соловьѣ и ястребѣ, которую Гесіодъ примѣняетъ къ отношеніямъ между народомъ и знатью, вѣрно рисуетъ дѣйствительность. Мы видѣли выше (стр. 178), какъ беспощадно пользовались благородные своимъ экономическимъ превосходствомъ для угнетенія бѣднаго класса, какъ имъ удалось въ Фессалии низвести земледѣльческое населеніе на степень крѣпостныхъ, и какъ Аттика передъ реформами Солона была не далека отъ того, чтобы впасть въ подобное же состояніе.

Прошедшее обыкновенно представляется намъ въ лучшемъ свѣтѣ; не удивительно поэтому, что греческій народъ оглядывался на періодъ царской власти, какъ на золотое время, которое теперь смѣнилъ желѣзный вѣкъ. Если духъ гомеровскаго эпоса въ IX и VIII вѣкахъ былъ рѣшительно монархическій, то эпосъ Гесіода въ VII вѣкѣ не въ меньшей степени проникнутъ противо-аристократической тенденціей. По мѣрѣ того, какъ благосостояніе и образованіе распространялись и въ низшихъ слояхъ общества, все громче раздавались голоса, требовавшіе реформъ. Эта оппозиція была тѣмъ опаснѣе, что знать теперь все болѣе теряла свое прежнее превосходство въ военномъ отношеніи. Тогда какъ въ гомеровское время участь сраженій рѣшалась почти исключительно передними рядами тяжеловооруженныхъ, въ сравненіи съ которыми масса легковооруженнаго и плохо дисциплинированнаго народа не имѣла почти никакого значенія, — теперь успѣхи металлургіи дали возможность и среднему классу приобрѣтать себѣ металлическое вооруженіе. Это произвело совершенный переворотъ въ тактикѣ; съ тѣхъ поръ какъ греческія государства получили возможность выставять сотни и тысячи закованныхъ въ металлъ воиновъ, способъ сраженія въ разсыпную, употреблявшійся въ героическое время, былъ оставленъ, и тяжеловооруженные шли на врага сомгнутыми фалангами, которыя дѣйствовали всею тяжестью своей массы ²⁾. Противъ этой желѣзной стѣны боевая колесница оказывалась бесполезной; она вышла изъ употребленія, и ею пользовались еще только для состязаній. Мѣсто воиновъ,

¹⁾ Hesiod "Eργα 221, 224. Solon fr. 4, 11 сл.

²⁾ Впервые эта новая тактика упоминается въ II 215, сравн. N 130.

сражавшихся на колесницахъ, заняла теперь конница, которою однако на гористомъ греческомъ полуостровѣ можно было пользоваться только въ очень ограниченныхъ размѣрахъ, вслѣдствіе чего она въ древнѣйшее время имѣла значеніе только въ Фессаліи, Беотіи и Эвбеѣ. Такимъ образомъ, господствующее вліяніе въ Греціи должно было перейти къ среднему сословію.

Первое требованіе, предъявленное правящей аристократіи, касалось кодификаціи господствующаго права, шаткость котораго составляла въ то время самое вопіющее зло во всемъ государственномъ строѣ. Реформа въ этой области была тѣмъ болѣе необходима, что государство именно въ ту эпоху начало отнимать у родовъ древнее право кровной мести и передавать уголовныя преступленія публичнымъ судамъ, а нѣсколько позже — и приводить въ исполненіе приговоры чрезъ посредство собственныхъ должностныхъ лицъ. Родственники убитаго сохраняли только право и обязанность поддерживать обвиненіе ¹⁾. Благодаря этой реформѣ, въ рукахъ судей сосредоточилась такая страшная власть, что даже въ интересахъ самого господствующаго сословія чувствовалась необходимость ограничить судопроизводство точно формулированными законодательными постановленіями. Все болѣе распространявшееся знакомство съ письменностью дало возможность собрать въ одинъ сводъ правовыя нормы, освященныя обычаемъ или законодательными актами, и такимъ образомъ охранить ихъ отъ искаженій и довести до свѣдѣнія всѣхъ.

Греки, какъ и всѣ вообще индо-германцы, издревле смотрѣли на право, какъ на божеское постановленіе (*θεῖος*), и главнымъ назначеніемъ боговъ считали именно охрану правового порядка. Поэтому позднѣйшія поколѣнія видѣли въ древнихъ законодательствахъ откровенія боговъ. Критяне приписывали свои законы Миносу, и когда послѣдній изъ бога былъ обращенъ въ героя, то думали, что онъ получилъ свои законы отъ Зевса. Лакедемоняне считали свои законы откровеніемъ бога свѣта; Тиртей полагалъ, что они исходятъ изъ Дельфъ ²⁾, тогда какъ въ представленіи позднѣйшаго времени богъ превратился въ героя Ликурга («носителя свѣта»), который получилъ отъ дельфійскаго оракула только санкцію своего законодательства ³⁾. Такимъ же образомъ

¹⁾ Leist *Griechisch-Italische Rechtsgeschichte*, стр. 334 слл.

²⁾ Turg. fr. 4; сомнѣніе въ подлинности этихъ стиховъ, которое было недавно высказано, я считаю совершенно неосновательнымъ.

³⁾ Относительно культа Ликурга въ Спартѣ см. Herod. I 66, Ephor. fr. 19 у Strab. VIII 366, Aristot. у Plut. *Lyc.* 31. Имя это несомнѣнно происходитъ отъ корня *λυκ* — свѣтить; когда этотъ корень исчезъ изъ языка, „носи-

и италійскіе локры вѣрили, что авторомъ ихъ законодательства былъ Залевкъ, «ярко блистающій» ¹⁾).

Подобныя преданія показываютъ намъ, что кодификація права въ этихъ областяхъ, насколько она вообще имѣла мѣсто, ограничилась главнымъ образомъ записываніемъ господствовавшаго обычнаго права. Но именно тотъ фактъ, что миѣическіе законодатели Крита, Спарты и Локръ превратились во мнѣніи народа изъ боговъ въ людей, достаточно характеризуетъ глубокую перемѣну, которая приблизительно въ VII вѣкѣ произошла въ правовыхъ понятіяхъ грековъ. Положительные законы, господствовавшіе въ отдѣльныхъ государствахъ, были признаны теперь человѣческими постановленіями. На мѣсто установленнаго по откровенію боговъ правового порядка (*θεμία*) гомеровскаго времени, является теперь законъ (*θεσμός*, νόμος) — понятіе, еще чуждое эпосу ²⁾. А постановленіе человѣка можетъ быть отмѣнено другимъ человѣческимъ постановленіемъ. При такомъ возрѣніи начертаніе существовавшихъ законовъ оказалось въ значительной степени реформою этихъ самыхъ законовъ, о виновникахъ которой долго сохранялась память въ потомствѣ.

Къ древнѣйшимъ изъ этихъ законодательствъ принадлежитъ кодификація аттическаго права Дракономъ около конца VII вѣка ³⁾. За нею, спустя нѣсколько десятковъ лѣтъ, послѣдовала обширная законодательная реформа Солона (594). Еще къ VII вѣку, до начала господства Кипселидовъ и, слѣдовательно, можетъ быть также до Дракона, относится законодательство Фейдона въ Коринѣѣ ⁴⁾. Филолай,

тель свѣта“ былъ превращенъ въ „волчій нравъ“ (*λυκό-οργος*, уже у Гомера), точно такъ же, какъ „свѣторожденный“ Аполлонъ (*λυκηνγενής*) — въ ликійца. Какъ бога солнца его характеризуютъ, кромѣ имени и аналогіи съ локрійскимъ Залевкомъ, еще и единственный глазъ и отношенія къ дельфійскому Аполлону. Относительно сказанія о Ликургѣ сравн. Wilamowitz *Hom. Unters.* стр. 280 слл. и въ особенности Е. Meyer *Forschungen* I 211—286.

¹⁾ Историческое существованіе Залевка отрицалъ уже Тимей (fr. 69).

²⁾ Въ дошедшей до насъ литературѣ оно впервые упоминается у Солона fr. 4, 33; 36, 16. Въ другомъ смыслѣ слово *θεσμός* встрѣчается уже ψ 296 и у Гесіода; у послѣдняго встрѣчается также *νόμος*, но еще не въ смыслѣ „закона“.

³⁾ По Aristot. *Ἀθηναίων πολιτεία* 4 при архонтѣ Аристехмѣ, время жизни котораго намъ неизвѣстно. Евсевій помѣщаетъ законодательство подъ Ol. 40, 1 (620), или, по одной рукописи, подъ 39, 4; Suidas *Δράκων*—Ol. 39, точно такъ же Clemens *Stromata* I 309 В и Tatian *ad Graecos* 63; по Diod. IX 17 Драконъ жилъ за 47 лѣтъ до Солона. Изъ Paus. IX 36, 8 вовсе не слѣдуетъ, что Драконъ былъ архонтомъ.

⁴⁾ Aristot. *Politi.* II 1265 в.

по преданію также коринѳянинъ, сталъ законодателемъ беотійскихъ *Θιβъ* ¹⁾. Около того же времени Харондъ далъ законы Катанѣ, въ Сициліи; это законодательство было введено и въ остальныхъ халкидскихъ колоніяхъ запада и, измѣненное соотвѣтственно требованіямъ времени, даже еще въ *Θυρίяхъ*, основанныхъ въ 445 г. ²⁾. Сиракузскій законодатель Діокль также вѣроятно жилъ въ этомъ періодѣ ³⁾. Около середины VI вѣка Питтакъ преобразовалъ законы Митилены ⁴⁾. То же самое происходило, вѣроятно, во всемъ греческомъ мірѣ, поскольку онъ вообще принималъ участіе въ духовной жизни того времени.

Древнее право обращало вниманіе только на внѣшній составъ наказуемаго дѣянія; теперь стали принимать въ расчетъ и внутреннюю сторону преступленія. Уже законы Дракона дѣлали различіе между убійствомъ умышленнымъ и непреднамѣреннымъ (*ἀκούσιος φόβος*) ⁵⁾; тогда какъ искупленіемъ за первое должна была служить кровь виновнаго, — непреднамѣреннаго убійцу постигало только изгнаніе, изъ котораго онъ могъ вернуться, если ему удавалось умиловать родственниковъ убитаго. Къ тѣлеснымъ поврежденіямъ примѣнялся принципъ возмездія: кто выкололъ у другого глазъ, — постановлялъ Харондъ — тотъ долженъ самъ лишиться глаза ⁶⁾. За кражу Драконъ установилъ смертную казнь безотносительно къ цѣнности вещи. Позже Солонъ ввелъ различіе между крупной и мелкой кражей; для первой оставлено было наказаніе смертью, вторая каралась денежнымъ штрафомъ въ двойномъ, а въ извѣстныхъ случаяхъ — даже въ удесятеренномъ размѣрѣ стоимости украденной вещи ⁷⁾. Вообще законодательства этого времени признають, на ряду со смертною казнью и тѣлеснымъ изуродованіемъ или

1) Aristot. *Polit.* II 1274 a.

2) Aristot. *Polit.* II 1274 a. b, Diod. XII 11 слл., сравн. Holm *Geschichte Siciliens* I, 401.

3) Diod. XIII 33—35, онъ смѣшиваетъ древняго законодателя съ государственнымъ дѣятелемъ того же имени, жившимъ во время Пелопоннесской войны, сравн. Holm. I. с., стр. 78.

4) Aristot. *Polit.* II 1274 в.

5) *СІА.* I 61. За умышленное убійство судили на холмѣ Ареса, у подошвы кремля, за непреднамѣренное — у Палладіона, въѣ города.

6) Diod. XII 17. Demosth. с. *Timocr.* 140 приводитъ то же самое постановленіе изъ локрійскаго законодательства. Древнее изреченіе, приписываемое Радаманеу, гласило: *εἴ γε πάθοι τὰ καὶ ἔραξε, δίκη καὶ ἰθάκη γένοιο* (Aristot. *Eth. Nic.* V 1132 в.) „[Если потерпитъ, что учинилъ, справедливость будетъ возстановлена“].

7) Lycurg с. *Leocr.* 65, Gellius XI 13. Plut. *Solon* 17.

наказаніемъ, только денежные пени, или, для не-гражданъ, продажу въ рабство, а для гражданъ кромѣ того атимію, т. е. лишеніе гражданскихъ правъ, которое примѣнялось, напримѣръ, въ томъ случаѣ, когда виновный не былъ въ состояніи уплатить денежный штрафъ. Тюрьма служила только для предварительнаго заключенія или для заключенія за долги. Наконецъ, существенное вліяніе на высоту наказанія имѣло то, совершено-ли преступленіе противъ гражданина или противъ не-гражданина; въ послѣднемъ случаѣ приговоръ былъ гораздо мягче.

Въ то-же время, соотвѣтственно болѣе сложнымъ экономическимъ отношеніямъ эпохи, было выработано и обязательственное право. Наказанія отличались ужасающей строгостью: несостоятельный должникъ вмѣстѣ со своимъ семействомъ становился рабомъ кредитора. Исполненіе приговора было, однако, еще и теперь совершенно частнымъ дѣломъ; истецъ долженъ былъ, напримѣръ, самъ вознаграждать себя посредствомъ захвата части имущества своего противника. Постоянно возроставшее ослабленіе родовой связи повело, далѣе къ тому, что распоряженіе остающимся наслѣдствомъ было предоставлено послѣдней волѣ умирающаго, какъ это въ Аѣинахъ впервые было постановлено Солономъ ¹⁾. Въ тѣхъ государствахъ, гдѣ крестьянскіе надѣлы были недѣлимы и неотчуждаемы, какъ напримѣръ въ Спартѣ, свобода завѣщанія естественно ограничивалась движимымъ имуществомъ и землею, не входившею въ составъ надѣла.

Главнымъ доказательствомъ въ процессѣ, если не было письменныхъ документовъ, являлась клятва, причемъ во многихъ государствахъ до поздняго времени сохранился обычай привлекать соприсяжниковъ ²⁾. Божьи суды, напр. испытаніе огнемъ, рано вышли изъ употребленія ³⁾. У рабовъ дозволялось вынуждать показанія посредствомъ пытки, которая къ свободнымъ примѣнялась только въ исключительныхъ случаяхъ; граждане, по крайней мѣрѣ въ Аѣинахъ, были освобождены отъ нея народнымъ постановленіемъ, изданнымъ вѣроятно вскорѣ послѣ изгнанія тирановъ, въ концѣ VI вѣка ⁴⁾.

¹⁾ Plut. *Solon* 21.

²⁾ Bücheler und Zitelmann *Das Recht von Gortyn* стр. 76 и 106, Aristot. *Polit.* 1269 а (о Кумахъ).

³⁾ О нихъ упоминается еще въ известномъ мѣстѣ *Антигоны* (264 слл).

⁴⁾ Andoc. *Myst.* 43: τὸ ἐπὶ Σκαμανδρίου ψήφισμα (Meier und Schoemann, *Att. Process.* стр. 896). Такъ какъ до насъ дошелъ списокъ архонтовъ начиная отъ 496 г. всего съ двумя пробѣлами, то Скамандрій, по всей вѣроятности, былъ архонтомъ ранѣе этого года; съ другой стороны, едва-ли аѣиня-

Греки никогда не научились ясно различать право отъ конституціи. Поэтому законодательства повсюду вторгались въ область государственнаго управленія; люди стремились организовать и государство на рациональныхъ началахъ. И такъ какъ реформы вызывались преимущественно раздраженіемъ народныхъ массъ противъ ихъ благородныхъ притѣснителей, то законодательства вели обыкновенно къ ограниченію преимуществъ аристократіи. Привилегіи по рожденію теперь замѣняются привилегіями по имущественному положенію, и именно по поземельному владѣнію, соотвѣтственно второстепенной роли, какую въ VII вѣкѣ еще играли торговля и промышленность по сравненію съ сельскимъ хозяйствомъ. На этомъ принципѣ зиждилось ликурговское государственное устройство Спарты; полноправнымъ гражданиномъ былъ лишь тотъ, кто имѣлъ столько земли, что могъ, самъ не обрабатывая ея, жить съ семействомъ на приносимый ею доходъ 1). Въ Халкидѣ и Эретріи на о. Эвбеѣ, а также во многихъ мало-азіатскихъ городахъ, какъ Кумы, Колофонъ, Магнесія на Меандрѣ, активнымъ правомъ гражданства пользовались всѣ тѣ, кто былъ въ состояніи держать боевого коня 2). Въ Афинахъ Солонъ ввелъ сложную систему имущественныхъ классовъ, по которымъ опредѣлялись гражданскія права 3). Въ Самосѣ и Сиракузахъ

нція назвалъ своего сына Скамандріемъ раньше завоеванія Сигея Писистратомъ (см. ниже стр. 262). Въ процессѣ противъ тиранубійцы была употреблена пытка по отношенію къ гражданамъ, чѣмъ, вѣроятно, и было вызвано указанное постановленіе народнаго собранія.

1) Aristot. *Polit.* II 1271 a.

2) Aristot. *Polit.* VI (IV) 1289 v.; относительно Халкиды сравн. также Strab. X 447, Herod. V 77, относительно Кумъ [Heraclid.] fr. 11,6 (FHG. II стр. 217), относительно Колофона тамъ-же (т. 22, стр. 218.

3) По Aristot. *Ἀθην. Πολ.* 4, эти классы существовали уже во время Дракона. Однако всѣ учрежденія, которые приписываются въ этой главѣ Дракону, принадлежатъ гораздо болѣе позднему періоду. Это, такъ называемое „драконово законодательство“ — ничто иное, какъ идеальная конституція афинскихъ олигарховъ конца V вѣка, которую какой-нибудь политическій писатель, ради вящей рекомендаціи ея, выдалъ за твореніе древняго законодателя, точно такъ-же, какъ Солону и Ликургу приписывали всевозможныя учрежденія, къ которымъ они были совершенно непричастны. Что авторъ или, если угодно, интерполяторъ Афинской Политіи былъ введенъ въ заблужденіе поддѣлкой, это совершенно понятно, какъ понятно и то, что нѣкоторые новѣйшіе авторы слѣдуютъ его примѣру (Busolt *Philol.* 50, 393, Max Fränkel *Rh. Mus.* 47, 473). Если принять во вниманіе, какъ мало точныхъ свѣдѣній ученые V и IV вѣка имѣли даже о Солонѣ, то врядъ-ли кто-нибудь станетъ оспаривать, что до-солоновское устройство Афинъ мы можемъ узнать не иначе, какъ путемъ обратныхъ заключеній. Сравни. E. Meyer *Forschungen* I стр. 236.

гражданскимъ полноправіемъ также пользовались только землевладѣльцы (*γεωμόροι*) ¹⁾, и аналогичный режимъ господствовалъ, вѣроятно, во всемъ греческомъ мірѣ, исключая тѣхъ государствъ, гдѣ, какъ на примѣръ въ Фессаліи, еще держалось аристократическое устройство. Вообще-же въ рукахъ знатныхъ родовъ оставалось, въ видѣ единственной привилегіи, отправленіе извѣстныхъ жреческихъ обязанностей, съ незапамятныхъ временъ переходившее въ нихъ отъ отца къ сыну,—право, которое законодательство не рѣшалось поколебать изъ соображеній религіознаго свойства.

Какъ бы велико ни было принципиальное значеніе этихъ реформъ, на практикѣ онѣ мало измѣнили существовавшій порядокъ вещей, такъ какъ почти вся земля принадлежала аристократическимъ семействамъ, которыя, такимъ образомъ, попрежнему сохраняли руководящее вліяніе на управленіе государствомъ. Тѣмъ важнѣе были послѣдствія реформъ. Преграды, дѣлившія до тѣхъ поръ гражданъ на два совершенно обособленныхъ лагеря, теперь рушились. И самому бѣдному дана была закономъ возможность получить все гражданскія права, какъ только онъ, благодаря прилежанію или счастью, достигалъ извѣстнаго благосостоянія; съ другой стороны, благородный, промотавъ свое имѣніе, долженъ былъ выступать изъ привилегированнаго класса. А при блестящемъ развитіи, какого достигли въ Греціи торговля и промышленность въ теченіе VI вѣка, уничтоженіе преимуществъ землевладѣнія сравнительно съ движимостью было только вопросомъ времени. Поговорка, гласящая, что деньги дѣлаютъ человѣка (*χρήματ' ἀνήρ*) ²⁾, возникла въ это время, и она характерна для направленія общественной мысли.

Такая реформа, конечно, не могла быть проведена мирнымъ путемъ. Привилегированныя сословія отказываются отъ своихъ преимуществъ не иначе, какъ по принужденію; дѣйствительно, вслѣдъ за паденіемъ монархіи въ Греціи наступило время революцій. Внѣшній толчекъ къ перевороту давали обыкновенно раздоры въ средѣ самого господствующаго класса, которые были тѣмъ болѣе неизбежны, чѣмъ тѣснѣе была связь между членами каждаго аристократическаго рода въ отдѣльности. Болѣе слабая партія искала помощи у народа, честолюбивые аристократы становились во главѣ недовольныхъ массъ и вели

¹⁾ Plut. *Quaest. Graecae* 57. p. 304, Thuc. VIII 21, Herod. 155, сравн. выше стр. 175.

²⁾ Алкей fr. 50, Pind. *Isthm.* 2, 11. Уже Гесіодъ въ своихъ "Eργα 313 говоритъ: *πλοῦτος δ' ἀρετῇ καὶ κῆδος ἀπληθεῖ* (съ богатствомъ связаны доблесть и слава).

ихъ противъ своихъ собственныхъ товарищей по сословію; и хотя эта борьба съ существующимъ строемъ часто бывала безуспѣшна, но ее снова возобновляли до тѣхъ поръ, пока наконецъ достигали цѣли. Тогда начинались казни, изгнанія, конфискація имущества, отмѣна долговъ, новое раздѣленіе земельной собственности; но и знать—тамъ, гдѣ она одерживала верхъ,—не оставалась въ долгу передъ своими противниками, и нерѣдко даже святость храма не спасала приверженцевъ побѣжденной партіи отъ мести побѣдителей. Однако, при политической незрѣлости массъ, паденіе аристократіи вело въ началѣ не къ созданію свободныхъ конституцій, а къ возстановленію строя царской эпохи; побѣдоносный демосъ предоставлялъ своимъ вождямъ высшую власть, которая, казалось, одна только могла помѣшать возвращенію ненавистнаго господства аристократіи.

Но отжившія учрежденія не воскресаютъ снова, и это новое царство было совершенно не похоже на прежнюю монархію героическаго времени. Это очень хорошо чувствовали и сами новые правители, не рѣшавшіеся принимать имя царя; современники называютъ ихъ «монархами» ¹⁾ или «тиранами»; послѣднее слово тогда еще не имѣло того ненавистнаго смысла, какой оно получило у насъ ²⁾. Вообще тираны вели себя совершенно какъ представители народа ³⁾, и, напримѣръ, никто изъ нихъ не чеканилъ монетъ съ собственнымъ именемъ. Формы республиканскаго устройства были по возможности сохранены, и правители заботились только о томъ, чтобы наиболѣе вліятельныя должности всегда замѣщались ихъ родственниками или приверженцами ⁴⁾. Разумѣется, и положенію самого «тирана» въ государствѣ придавалась какая-нибудь законная форма: обыкновенно ему вручали высшую военную власть—либо на всю жизнь, либо на известное число лѣтъ, по истеченіи которыхъ полномочіе возобновлялось. На основаніи этой компетенціи большинство тирановъ содержало отряды наемниковъ для охраны кремля и другихъ укрѣпленных мѣстъ.

¹⁾ Solon fr. 9. Theogn. 52 и оракулъ у Геродота V 92. 2, сочиненный, конечно, ex eventu, но относящійся, вѣроятно, еще VI вѣку. Подъ упомянутыми здѣсь *ἀνδρες μοῦναρχοι* подразумѣваются не Бакхіады, а тираны, между которыми былъ и Кипсель.

²⁾ Слово *τύραννις* впервые встрѣчается у Архилоха fr. 25, *τύραννος* — у Симонида изъ Аморга fr. 7, 69; властитель, занимающій престолъ не по праву наслѣдства, обозначается именемъ *τύραννος* впервые у Алкея fr. 37 A, Theogn. 1181 и въ аэинской пѣснѣ о Гармодіѣ. Сравни. Plass *Tyrannis* I 123 слл.

³⁾ Сравни., напр., посвященіе Мирона сикіонскаго въ Олимпіи у Paus. VI 19. 4 и надпись Пирона IG A. 510.

⁴⁾ Thuc. VI 54. 6.

Однимъ этимъ, конечно, нельзя было надолго удержать власть въ своихъ рукахъ; поэтому тираны усердно стараются сохранить расположеніе возвысившаго ихъ народа образцовымъ управленіемъ, сооруженіемъ великолѣпныхъ общественныхъ построекъ, устройствомъ блестящихъ празднествъ и, по возможности, славными внѣшними предпріятіями. Такая дѣятельность требовала значительныхъ денежныхъ средствъ, вслѣдствіе чего теперь—впервые въ греческой исторіи—введено было правильное прямое обложеніе.

Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что тиранія дала могущественный толчекъ какъ экономическому, такъ и духовному развитію Греціи. Она освободила народныя массы отъ вѣкового гнета, сломила старые сословныя предрасудки, впервые фактически установила равенство передъ закономъ между знатными и незнатными. Государство въ первый разъ сознало свою обязанность заботиться не только о защитѣ гражданъ, но и объ ихъ матеріальномъ благосостояніи, путемъ покровительства торговлѣ, сельскому хозяйству и промышленности, устройства дорогъ, каналовъ и водопроводовъ. Коринѣ и Самось достигли блестящаго положенія при Періандрѣ и Поликратѣ; Писистратъ и Гелонъ положили основаніе позднѣйшему величію Аѳинъ и Сиракузъ. Художники и поэты были желанными гостями при дворахъ тирановъ и находили для себя выгодныя занятія, первые—при постройкахъ, вторые—на музыкальныхъ представленіяхъ во время большихъ празднествъ. Сами правители съ живымъ участіемъ слѣдили за всѣми духовными стремленіями своего времени, а Періандръ и Питтакъ даже попали въ число семи мудрецовъ.

Но не смотря на этотъ блескъ и на всѣ великія заслуги тирановъ, ихъ господство въ Греціи не могло быть продолжительнымъ. Подчиненіе волѣ одного человѣка, хотя бы и прикрытое подобіемъ республиканскихъ формъ, сдѣлалось, наконецъ, одинаково невыносимымъ для всѣхъ слоевъ населенія. Та глубокая ненависть къ монархическому правленію, которою отличаются греки классическаго періода, представляетъ большею частью послѣдствіе тираніи. Нужно было обладать очень выдающимися политическими дарованіями, чтобы при этихъ условіяхъ отстоять свое единовластіе; а что такія дарованія только рѣдко передаются по наслѣдству сыновьямъ, это было извѣстно уже древнему Гомеру. Такимъ образомъ тиранія обыкновенно лишь на короткое время переживала своего основателя. Только въ немногихъ случаяхъ она удержалась въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній,—дольше всего въ Сикіонѣ, гдѣ въ продолженіе цѣлаго столѣтія (приблизительно 660—560 г.) власть оставалась въ рукахъ фамиліи Ортагора.

Гнетъ тираническаго правленія сильнѣе всего давалъ себя чувствовать аристократіи, и она-то больше всего и способствовала его сверженію. Однако возстановленіе прежняго господства знати было при современныхъ условіяхъ немислимо. Можно было, конечно, изгнать тирановъ, но нельзя было уничтожить тѣхъ глубокихъ слѣдовъ, которые оставило ихъ правленіе. Такъ, сверженное нѣкогда Кипселомъ господство Бакхиадовъ въ Коринѣ не было возстановлено, а замѣнено умѣренной олигархіей ¹⁾; въ Аѣинахъ послѣ паденія Писистратидовъ законы Солона были измѣнены въ демократическомъ духѣ. Только въ тѣхъ государствахъ, которыя не прошли черезъ стадію тираніи, какъ Ѳессалія, Беотія, Элида, древнее аристократическое устройство удержалось до Персидскихъ войнъ, а отчасти еще дольше.

Движеніе, изображенное здѣсь въ своихъ общихъ чертахъ, началось приблизительно около середины VII вѣка. Оно ограничилось только тѣми частями греческаго міра, который въ экономическомъ и духовномъ отношеніи достигли наибольшаго развитія ²⁾, слѣдовательно колоніями на западѣ Малой Азіи, Сициліей, а въ метрополіи Аттикой, Эвбеей ³⁾ и городами при Исѣмѣ. За исключеніемъ этихъ мѣстъ, тиранія до IV столѣтія не привилась нигдѣ на греческомъ полуостровѣ; точно также мы до Персидскихъ войнъ не встрѣчаемъ тирановъ въ колоніяхъ по сѣверному побережью Эгейскаго моря и на Черномъ морѣ, что, впрочемъ, объясняется, можетъ быть, только скудостью дошедшихъ до насъ извѣстій. На Критѣ возникновенію тираніи мѣшала военная организація гражданъ и обособленное положеніе острова; а тамъ, гдѣ удержалась древняя монархія, тиранія вообще не могла возникнуть.

Древнѣйшими тиранами Милета были, по преданію, Ѳоантъ и Дамасеноръ, которые, впрочемъ, скоро были свергнуты знатію ⁴⁾; за ними послѣдовалъ, около начала VI вѣка, Ѳрасибуль, который защитилъ городъ противъ Аліатта лидійскаго и послѣ продолжительной борьбы добился почетнаго мира ⁵⁾ (см. выше стр. 233). Нѣсколько больше мы знаемъ о внутренней борьбѣ въ Митиленѣ около середины VI столѣтія, благодаря пѣснямъ Алгея, который самъ прини-

1) Сравн. Nicol. Damasc. fr. 60 b (FHG, III 394) и Pind. Ol. 13, 6.

2) Уже Ѳукидидъ замѣтилъ эту связь между экономическимъ и политическимъ движеніемъ (I 13, 1).

3) О халкидскихъ тиранахъ упоминаетъ Aristot. Polit. VIII (V) 1304 a, 1316 a; сравн. Plut. Sol. 14.

4) Plut. Quaest. Graecae 32, стр. 298.

5) Herod. I 20, V 92.

малъ дѣятельное участіе въ этомъ движеніи. Попытки Меланхра и Мирсила добиться единовластія увѣнчались только временнымъ успѣхомъ; наконецъ утомленный внутренними смутами демосъ вручилъ диктатуру или, какъ выражались враги, тиранію, человѣку замѣчательнаго ума, Питтагу, который возстановилъ порядокъ и затѣмъ сложилъ съ себя свое званіе ¹⁾). Что касается тирановъ большинства остальныхъ городовъ мало-азиатскаго побережья, то мы знаемъ только ихъ имена, а большею частью не знаемъ и этого. Въ нѣсколько болѣе ясныхъ очертаніяхъ вырисовывается изъ тумана только личность Поликрата. Около 540 года онъ свергъ господство земельной аристократіи на Самосѣ и скоро сдѣлался, благодаря своему флоту, страшилищемъ Эгейскаго моря, на которомъ онъ занимался морскимъ разбоемъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Тщетно пытались милетцы и союзные съ ними лесбосцы положить конецъ его грабегамъ; такъ же безуспѣшно окончился походъ противъ Самоса, предпринятый спартанцами и коринѳянами. Поликратъ вышелъ побѣдителемъ изъ всѣхъ войнъ, и многіе изъ сосѣднихъ острововъ и приморскихъ городовъ должны были подчиниться его господству. Съ египетскимъ царемъ Амазисомъ онъ поддерживалъ дружескія отношенія, что, впрочемъ, не помѣшало ему послать свое войско на помощь персидскому царю для покоренія нильской долины. Награбленная сокровища онъ употреблялъ на великолѣпныя постройки, которыя еще долго потомъ составляли украшеніе Самоса; при его дворѣ жили поэты Ибигъ и Анакреонъ. Наконецъ возрастающее могущество Поликрата начало беспокоить и персовъ, хотя онъ призналъ верховную власть великаго царя и, безъ сомнѣнія, платилъ также дань. Орэть, сатрапъ Сардъ, хитростью заманилъ его въ Магнесію на Меандрѣ, гдѣ велѣлъ умертвить его и трупъ распять на крестѣ. Послѣ этого личный секретарь Поликрата, Меандрій, провозгласилъ себя тираномъ въ Самосѣ и удержалъ въ своихъ рукахъ власть до тѣхъ поръ, пока Силосонтъ, братъ Поликрата, изгнанный послѣднимъ изъ отечества, не вернулся съ персидскою помощью на островъ ²⁾). Вообще персы старались доставлять власть въ греческихъ городахъ Малой Азіи тиранамъ, потому что послѣдніе, будучи связаны съ государствомъ соб-

¹⁾ Arist. *Polit.* III 1285, Strab. XIII 617, Suidas *Πιττακός* и „жизнеописание“ у Диогена λ. Относительно хронологіи сравн. *Rh. Mus.* 45 (1890) стр. 465—473, и ниже стр. 262 прим. 3.

²⁾ Herod. III 39—48, 54—60, 120—125, 139—149. Thuc. I 13. 6, Strab. XIV, 638. Разсказъ Геродота носить въ значительной степени сказочный характеръ.

ственными интересами, служили лучшею порукою въ вѣрности городовъ. Благодаря этому, подъ конецъ VI вѣка тиранія была господствующей формой правленія въ азиатской Греціи.

На другомъ концѣ греческаго міра, въ Сициліи, первымъ тираномъ былъ, по преданію, Панэтіи; приблизительно въ 600 году онъ свергъ господство земельной аристократіи въ Леонтинахъ ¹⁾. Большое значеніе приобрѣлъ около 560 года въ Акрагантѣ энергичный Фаларисъ, который покореніемъ сосѣднихъ сицилійскихъ общинъ положилъ основаніе величію своего города. Преданіе рисуеъ его типомъ жестокаго тирана; и дѣйствительно, только благодаря своей неутомимой энергіи онъ могъ держаться противъ происковъ своихъ враговъ, которыми онъ въ концѣ концовъ и былъ побѣжденъ послѣ шестнадцатилѣтняго правленія ²⁾. Но съ его паденіемъ Акрагантъ только перемѣнилъ правителя; монархія удержалась, или, по крайней мѣрѣ, вскорѣ была восстановлена. Въ большинствѣ остальныхъ городовъ греческаго запада тиранія установилась только подъ конецъ VI вѣка, какъ это будетъ видно изъ дальнѣйшаго изложенія.

Въ греческой метрополіи, по преданію около середины V вѣка, Ортагоръ провозгласилъ себя тираномъ своего родного города Сикіона, и его династія удержала власть до середины слѣдующаго столѣтія. При Клисѣенѣ (приблизительно 590—560 г.) эта тиранія достигла наибольшаго блеска. Сикіонъ принималъ участіе въ «священной войнѣ» противъ Крисы (выше, стр. 221) и въ побѣдоносныхъ войнахъ съ могущественнымъ Аргосомъ отстаивалъ свою независимость. По преданію, руки Клисѣеновой дочери Агаристы искали юноши изъ лучшихъ фамилій всей Греціи; отецъ выдалъ ее за аѳинянина Мегакла изъ дома Алгеонидовъ (около 570 г.). Родившійся отъ этого брака сынъ, названный по имени дѣда съ материнской стороны Клисѣеномъ, положилъ основаніе аттической демократіи послѣ паденія тираніи сыновей Писистрата. Со смертью Клисѣена мужская линія династіи Ортагора повидимому угасла, и въ Сикіонѣ было восстановлено республиканское устройство ³⁾.

¹⁾ Aristot. *Polit.* VIII (V) 8, стр. 1310 в. Polyæn. V 47, Euseb. *Ol.* 43, 1.

²⁾ Polyæn. V 1, [Heracl. Pont.] 37. (*FHG.* II 223) сравн. Holm *Gesch. Sicil.* I 398; время правленія по Евсевію *Ol.* 32, 3—39, 2 (тогда Акрагантъ еще даже не былъ основанъ) или *Ol.* 52,3 — 56, 2, 570 — 554; *Ol.* 52 даетъ также Свидя; возможно, что эта дата вѣрна. Вопросъ о томъ, дѣйствительно ли существовалъ знаменитый быкъ, совершенно празденъ; подробно объ этомъ см. Freeman *Hist. of Sicily* II стр. 458—477.

³⁾ Herod. VI 126—131, V 67—68, Arist. *Polit.* VIII (V) 1315 в. 1316 а. Nicol. Damasc. fr. 61, Diod. VIII 24; оба послѣдніе вѣроятно по Эфору. По

Нѣсколько позднѣе, чѣмъ въ Сигіонѣ, господство аристократіи было низвергнуто въ сосѣднемъ Коринѣ Криселомъ, которому затѣмъ наследовалъ его сынъ Періандръ ¹⁾. Съ воцареніемъ послѣдняго началась для Коринѣа пора расцвѣта. Положено было основаніе цѣлому ряду цвѣтущихъ колоній, какъ Анакторіонъ, Левкада, Амбракія, Аполлонія, Эпидамнъ—на Іоническомъ и Адриатическомъ моряхъ, Потидея на халкидонскомъ полуостровѣ (выше, стр. 145 и 151). Далѣе Періандръ покорилъ могущественную Корциру, основанную около середины VIII вѣка выходцами изъ Коринѣа и успѣвшую съ тѣхъ поръ сдѣлаться соперницею метрополи въ торговлѣ съ западомъ. Во главѣ отдѣльныхъ городовъ поставлены были члены царствующаго дома: въ Амбракіи

Аристотелю и Николаю Дам. Крисеенъ принадлежалъ къ побочной линіи и захватилъ власть силою, послѣ того какъ Миронъ палъ отъ руки своего брата; Геродотъ нисколько не противорѣчитъ этому извѣстію, такъ какъ онъ предковъ Крисеена не называетъ тиранами. Хронологической точкой опоры служить побѣда, одержанная Крисееномъ на пивейскихъ играхъ 582 г. въ состязаніи на колесницахъ (Paus. X 7,7); побѣда Мирона въ Олимпіи на четырехколесной колесницѣ была отнесена къ 33 олимп.—648 г. (Paus. VI 19.2), т. е. за 66 лѣтъ (два поколѣнія) до побѣды Крисеена, такъ какъ этого Мирона отождествляли съ упоминаемымъ у Геродота дѣдомъ Крисеена. Въ дѣйствительности же здѣсь идетъ рѣчь о тиранѣ Миронѣ, непосредственномъ предшественникѣ Крисеена. Время свадьбы Агаристы опредѣляется, во первыхъ, тѣмъ, что около 560 г. Писистратъ женился на дочери отъ этого брака; во вторыхъ, невозможно предположить, чтобы алкмеонидъ Крисеенъ изгналъ тирановъ, будучи уже дряхлымъ старикомъ. Правда, между этими двумя точками остается еще довольно большой промежутокъ. Легенда объ Агаристѣ имѣетъ смыслъ только въ томъ случаѣ, если рѣчь идетъ о дочери-наследницѣ. Трудно понять, какъ можно было придавать серьезное значеніе названіямъ филъ 'Υάται, 'Ονεΐται, Χοιρέϊται (Herod. V 68).

¹⁾ Преданіе о коринѣскихъ тиранахъ разукрашено вымыслами и по большей части лишено всякаго значенія. Главными источниками служатъ Herod. III 40—53, V 92, Nicol. Damasc. 58—60 (Эфоръ), Laert. Diog. I 7, 94—100. Хронологія составлена искусственно; продолжительность правленій Крисела и Періандра считаютъ въ 70 лѣтъ (два поколѣнія), изъ которыхъ Криселъ царствовалъ 30 (Herod. V 92, 6, Arist. *Polit.* VIII (V) 1315 в., Nicol. 58), Періандръ 40 лѣтъ (Laert. Diog. I 7, 98, Arist. l. c. считалъ, повидимому, 40½ л. но это мѣсто дошло до насъ въ плохомъ состояніи). Смерть Періандра относятъ къ Ol. 48, 4—485/4 (Diog. l. c. по Сосикрату) или Ol. 48, 3 (Евсевій) послѣ эры семи мудрецовъ (Diels *Rh. Mus.* 31, 1876, стр. 17 сл., Rohde тамъ-же 33, 1878, стр. 202), которая въ свою очередь вычисляется на основаніи солнечнаго затменія Фалеса (28 мая 585 г.). (Сравни Diels l. c. стр. 15). Въ дѣйствительности-же смерть Періандра нужно отнести, вѣроятно, къ болѣе раннему времени; terminus ante quem служитъ попытка Фейдона завладѣть Коринѣомъ.

сынъ Кипсела Горгъ, въ Корцирѣ сынъ Періандра Лигофронъ. Такимъ образомъ, впервые въ греческой исторіи, основано было обширное колониальное государство. Сосѣдній Эпидавръ также долженъ былъ признать господство Коринѳа. Послѣдній сталъ теперь безспорно самою значительною морскою державою Греціи и однимъ изъ первыхъ греческихъ государствъ вообще; война между Халкидой и Эретріей за обладаніе лелантскимъ полемъ, которая подорвала могущество эвбейскихъ городовъ и въ которой Періандръ принималъ дѣятельное участіе (выше, стр. 230), упрочила положеніе Коринѳа. При такихъ условіяхъ коринѳская торговля быстро достигла значительнаго развитія, и, повидимому, именно Періандръ отчеканилъ въ Коринѳѣ первыя монеты. О процвѣтаніи художественной промышленности свидѣтельствуютъ сохранившіяся во множествѣ коринѳскія вазы и металлическія издѣлія этого времени и знаменитый «ящикъ Кипсела», который, кажется, былъ посвященъ Періандромъ Герѣ въ Олимпіи (выше, стр. 210). Игры въ честь исѳійскаго Посейдона также, вѣроятно, обязаны Періандру если не учрежденіемъ, то во всякомъ случаѣ возведеніемъ ихъ на степень панѳлинскаго національнаго праздника (выше, стр. 197). Періандръ покровительствовалъ также музыкѣ и поэзіи; при его дворѣ жилъ и работалъ сочинитель диѳирамбовъ Аріонъ.

Но послѣ смерти Періандра тиранія держалась въ Коринѳѣ лишь короткое время. Его племянникъ Псамметихъ, наслѣдовавшій ему въ правленіи, уже черезъ нѣсколько лѣтъ былъ убитъ, и затѣмъ введена была умѣренная олигархія (выше, стр. 251), которая съ небольшими перерывами удержалась до македонскаго періода. Въ колоніяхъ также были теперь низвергнуты потомки Кипсела; Корцира и Эпидавръ вернули себѣ независимость. Могущество Коринѳа было глубоко потрясено, и одно время городъ, кажется, принужденъ былъ даже признавать верховное владычество аргосскаго царя Фейдона. Правда, послѣ смерти Фейдона Коринѳъ вернулъ себѣ свободу, и Потидея и колоніи на этолійско-акарнанскомъ побережьѣ вверхъ до Амбракіи остались вѣрны метрополіи; но Корцира отстояла свою самостоятельность, и скоро Коринѳъ былъ вынужденъ броситься въ объятія Спарты (выше, стр. 228).

Приблизительно около того времени, когда Кипсель достигъ власти въ Коринѳѣ, въ сосѣдней Мегарѣ провозгласилъ себя тираномъ Ѳеагенъ ¹⁾. Онъ завоевалъ Саламинъ, или по крайней мѣрѣ отстоялъ

¹⁾ Arist. *Polit.* VIII (V) 1305 а, Thuc. I 126. Время правленія Ѳеагена

этотъ островъ противъ притязаній Аѳинъ; далѣе, онъ возвелъ большія общественныя постройки ¹⁾. Въ концѣ концовъ онъ былъ свергнутъ народомъ, послѣ чего, по преданію, наступило время господства черни, продолжавшееся до тѣхъ поръ, пока и здѣсь, какъ въ Коринѣ, не былъ введенъ олигархическій образъ правленія ²⁾.

Феагенъ выдалъ свою дочь за молодого аѳинскаго аристократа Килона, который прославился побѣдою на олимпійскихъ играхъ (по преданію, въ 640 г.). Килонъ задумалъ послѣдовать примѣру тестя и стать повелителемъ своего родного города. Ему дѣйствительно удалось съ толпой своихъ приверженцевъ занять акрополь; но народнаго возстанія, на которое онъ надѣялся, не произошло. Архонты, съ Алкмеонидомъ Мегакломъ во главѣ, оцѣпили акрополь, въ которомъ скоро наступилъ голодъ. Самъ Килонъ спасся бѣгствомъ, а его приверженцы, искавшіе спасенія у алтаря Аѳины, были убиты по приказанію архонтовъ. Впослѣдствіи Алкмеониды тяжело заплатились за это преступленіе ³⁾.

Можетъ быть, именно эти событія побудили правящій классъ эвпатридовъ сдѣлать уступку требованіямъ демоса въ видѣ законодательства Дракона (выше, стр. 244). При постоянно возрастающей нуждѣ народныхъ массъ, эта уступка могла помочь, конечно, только на короткое время. Въ средѣ самихъ эвпатридовъ существовала партія, которая настаивала на коренной реформѣ, какъ на единственномъ средствѣ для предупрежденія революціи. Во главѣ этой партіи стоялъ Солонъ, самый выдающійся въ умственномъ отношеніи аѳинянинъ того времени, принадлежавшій къ древней, хотя и не очень богатой фамиліи. Будучи талантливымъ поэтомъ, онъ старался вліять на общественное мнѣніе въ духѣ реформы при помощи своихъ элегій — единственный видъ публицистической дѣятельности, который былъ въ то время возможенъ. Наконецъ цѣль была достигнута; въ 594 г. Солонъ, въ качествѣ перваго архонта, сталъ во главѣ государства съ неограниченнымъ полномочіемъ на реформу существующаго порядка ⁴⁾.

опредѣляется хронологіей его зятя Килона, заговоръ котораго относится, по преданію, ко времени до Дракона (Aristot. *'Αθήν. Πολιτ.* 1, Plut. *Solon* 12), и во всякомъ случаѣ до Солона. Впрочемъ, традиціонная дата его побѣды на олимпійскихъ играхъ ничего не доказываетъ, или важна только для той хронологіи, которой слѣдовалъ Гиппій.

1) Paus. I 40, 1; 41, 2.

2) Plut. *Quaest. Graecae* 18, стр. 295.

3) Herod. V 71. Thuc. I 126, Plut. *Sol.* 12.

4) Ol. 46, 3 по Сосиграту у Laert. *Diog.* I 62. Но проведеніе реформы должно было занять нѣсколько лѣтъ.

На первомъ планѣ стояло исцѣленіе социальныхъ золъ, отъ которыхъ страдала Аттіга. Но тутъ могли помочь только очень радикальныя мѣропріятія. Послѣдовала всеобщая отмѣна долговъ, и Солонъ по праву могъ хвалиться тѣмъ, что освободилъ свою страну отъ бремени залоговыхъ камней, которые возвышались повсюду на поляхъ крестьянъ. Далѣе, была дана свобода всѣмъ, кто за долги попалъ въ рабство, и на будущее время отнято у кредитора право на личность должника. Но новому раздѣлу земельной собственности, котораго требовали его единомышленники, Солонъ рѣшительно воспротивился.

Когда, такимъ образомъ, самая неотложная часть работы была сдѣлана, Солонъ приступилъ къ кодификаціи частнаго права, между тѣмъ какъ для уголовного права остались въ силѣ законы Дракона. Въ гражданскомъ процессѣ введена была апелляція (*ἔφεσις*) на приговоръ должностныхъ лицъ къ собранію присяжныхъ (*ἡλιαία*), которые выбирались по жребію изъ всѣхъ гражданъ старше 30 лѣтъ; этимъ устранялась самая вопіющая несправедливость стараго суда. Что касается уголовного судопроизводства, то самая существенная часть его—судъ за умышленное убійство—былъ отнятъ у эфетовъ и возложенъ на особую корпорацію, къ которой пожизненно принадлежали всѣ архонты, безупречно исполнившіе свою должность; рядомъ съ ними засѣдали здѣсь съ правомъ голоса и состоявшіе въ данное время на службѣ архонты. Новое судилище собиралось, какъ нѣкогда эфеты, на холмѣ Ареса, на освященномъ древностью мѣстѣ у подножія акрополя, и получило поэтому названіе «совѣтъ ареопага» ¹⁾.

Государственное устройство также было измѣнено сообразно воззрѣніямъ времени. Родовой цензъ былъ замѣненъ имущественнымъ. Для этой цѣли всѣ граждане были раздѣлены на четыре класса по величинѣ имущества. Къ первому классу (*πενταχοσιομέδωνοι*) принадлежали всѣ тѣ, которые получали со своихъ земель ежегоднаго до-

¹⁾ Афиняне V вѣка думали, что судилище на ареопагѣ существовало съ незапамятныхъ временъ (Эсхиль *Земелиды*), и безъ сомнѣнія были правы; но ошибочно было думать, что ареопагъ уже до Солона имѣлъ такой же самый составъ, какъ въ историческое время (такъ утверждаетъ, напр., Аристотель—*Аф. Полит.* 3, 6). Драконъ въ своихъ законахъ говорилъ только объ эфетахъ (*Plut. Sol.* 19) и ни разу не упоминалъ объ особомъ совѣтѣ ареопагитовъ. Правда, по преданію Солонъ въ своемъ законѣ объ амнистіи упоминалъ объ ареопагѣ, какъ объ учрежденіи, существовавшемъ до него (*Plut. Sol.* 1. с.); но этотъ законъ, несмотря на противоположное утвержденіе Плутарха, сохранился не въ своей первоначальной формѣ, потому что Солонъ не могъ выражаться такимъ позднимъ языкомъ.

хода не менѣе 500 мѣръ хлѣба или масла и вина; только они могли быть избираемы на высшія государственныя должности. Второй классъ (*τριαχοσιμεδικοι* или *ἑπτεῖς*) обнималъ гражданъ, получавшихъ отъ 300 до 500 мѣръ; третій классъ (*ζευγῖται*)—землевладѣльцевъ съ годовымъ доходомъ отъ 200 до 300 мѣръ. Для гражданъ этихъ двухъ классовъ былъ открытъ доступъ къ низшимъ государственнымъ должностямъ. Бѣднѣйшимъ гражданамъ (*θῆτες*), которые не были въ состояніи содержать запряжку воловъ и должны были жить всецѣло или отчасти трудами своихъ рукъ, равно какъ и всѣмъ, владѣвшимъ исключительно движимою собственностью, было предоставлено только участіе въ народномъ собраніи безъ пассивнаго избирательнаго права ¹⁾. Для цѣлей управленія все государство было раздѣлено на 48 округовъ—«навкратій»—по 12 въ каждой изъ четырехъ филъ, на которыя распадалась всѣ граждане. Каждый изъ этихъ округовъ долженъ былъ въ случаѣ войны снаряжать корабль, а на ихъ начальниковъ, навкратовъ, возложено было собираніе прямыхъ имущественныхъ налоговъ, къ которымъ прибѣгали въ случаѣ чрезвычайной надобности ²⁾. Въ остальномъ организація государственныхъ должностей не подверглась существеннымъ измѣненіямъ. Высшею инстанціей для рѣшенія всякихъ политическихъ и административныхъ споровъ сдѣланъ былъ ареопагъ, который такимъ образомъ сталъ важнѣйшимъ учрежденіемъ въ государствѣ ³⁾.

¹⁾ Относительно совѣта 400, учрежденнаго будто бы Солономъ, сравн. Niese *Hist. Zeitschr.* 69 (1892) стр. 60.

²⁾ Arist. *Ἀθ. πολιτ.* 8, 3, сравн. Phot. *ναυκραρία*. По Herod. V 71 навкратіи существовали уже во время возстанія Килона; но противъ этого извѣстія возражалъ уже Фукидидъ (I 126, 8). Напротивъ, весьма возможно, что эта организація создана была только Писистратомъ, потому что отнюдь не доказано, что такъ называемые солоновы законы, упоминающіе о навкратяхъ, дѣйствительно принадлежать Солону.

³⁾ Главными источниками служатъ Aristot. *Ἀθηναίων πολιτεία* 5—12 и біографіи Солона, написанныя Плутархомъ и Діогеномъ Лаэртскимъ. Этотъ матеріалъ достовѣренъ лишь постольку, поскольку онъ опирается на стихотворенія Солона и его законы. Но тѣ законы, которые относились къ соціальной реформѣ и къ преобразованію государственнаго управленія, были утрачены, большей частью, очень рано, такъ какъ потеряли свое практическое значеніе. Такъ напр., въ IV столѣтіи уже не знали, въ чемъ собственно состояла сисахеія; Андротіонъ думалъ, что эта мѣра заключалась только въ уменьшеніи вѣса монеты, такъ что долги уплачивались новою монетой (fr. 40 у Plut. *Sol.* 15), тогда какъ Аристотель (*Ἀθ. пол.* 6) и Филохоръ (fr. 57) видѣли въ ней всеобщую отмѣну долговъ и, очевидно, были правы; сравн. собственные слова Солона fr. 36. Съ другой стороны, не мало законовъ, изданныхъ гораздо позже Солона, приписывалось впоследствии ему.

Солонъ имѣлъ полную возможность удержать въ своихъ рукахъ власть, которую ему вручили для проведенія реформъ, и сдѣлаться аѳинскимъ тираномъ. Онъ не захотѣлъ воспользоваться своимъ положеніемъ; но этимъ онъ только замедлилъ, а не остановилъ теченіе обстоятельствъ, толкавшее и Аѳины въ объятія тираніи, потому что созданный имъ государственный строй, какъ это обыкновенно бываетъ при компромиссахъ, не удовлетворилъ собственно никого, кромѣ самого законодателя. Важнѣйшій недостатокъ этой конституціи состоялъ въ томъ, что она принимала въ расчетъ только поземельную собственность и тѣмъ совершенно устраняла классъ ремесленниковъ, «деміурговъ», отъ участія въ государственномъ управленіи, не смотря на то, что этотъ классъ приобрѣлъ уже огромное значеніе въ экономической жизни страны, и что это значеніе съ каждымъ днемъ возрастало. Броженіе внутри государства возобновилось. Уже въ 590 году не состоялись выборы архонтовъ, что повторилось и четыре года спустя; вскорѣ послѣ этого архонтъ Дамасій сдѣлалъ попытку удержать власть дольше законнаго срока, т. е. низвергнуть конституцію и провозгласить себя тираномъ. Однако его попытка не удалась: послѣ двухлѣтняго господства (582—580) Дамасій былъ свергнутъ и Аѳины снова вернулись къ сословному строю, съ тою только разницею, что теперь доступъ къ государственнымъ должностямъ былъ открытъ и мелкимъ землевладѣльцамъ и деміургамъ. Были выбраны десять архонтовъ—пять изъ эвпатридовъ, три изъ крестьянъ (*ἀ[γρ]οικοι*), остальные два изъ деміурговъ; но эта реформа держалась лишь очень короткое время ¹⁾. Революція продолжалась, поддерживаемая, главнымъ образомъ, раздорами среди самой аристократіи. Одна изъ могущественнѣйшихъ фамилій, Алкмеониды, отдѣлилась отъ большинства знати и стала во главѣ недовольныхъ народныхъ массъ. Главную поддержку они нашли въ жителяхъ прибрежной части Аттики по ту сторону Гиметта, такъ называемой Параліи; отсюда и названіе партіи «Параліи». Противную партію составляли богатые землевладѣльцы аѳинской равнины (*Πεδίον*) со своими приверженцами, такъ называемые Педіи.

Такимъ образомъ, картина политической дѣятельности Солона, какъ рисуетъ ее преданіе, основана главнымъ образомъ на предположеніяхъ. Сравн. Niese *Zur Geschichte Solons und seiner Zeit* — въ *Historische Unters. A. Schaefer gewidmet* Bonn 1882, стр. 1—24, Bruno Keil *Die solonische Verfassung in Aristoteles Verfassungsgeschichte Athens* Berlin 1892.

¹⁾ Arist. *Ἀθ. πολιτ.* 13. Архонтство Дамасія относится по Аристотелю ко времени вскорѣ послѣ 586/5 года, по Магн. Раг. стр. 54—къ 582 году. Показаніе Аристотеля очень странно; любопытно было бы знать, какииъ образомъ сохранилось извѣстіе объ этой реформѣ.

Исходъ этой борьбы рѣшилъ Писистратъ, происходившій изъ очень знатной семьи, которая вела свой родъ отъ Нестора. Но еще болѣе, чѣмъ своему знатному происхожденію, онъ былъ обязанъ собственнымъ военнымъ успѣхамъ. Ему удалось отнять у мегарянъ островъ Саламинъ, на который Аѣины издавна заявляли притязанія, и даже завоевать Нисею, гавань Мегаръ, которая, впрочемъ, была возвращена послѣ заключенія мира ¹⁾. Эти успѣхи доставили ему широкую популярность, и въ особенности мелкое крестьянское населеніе такъ называемой Діакріи, противолежащей Эвбеѣ части Аттики, было предано ему душой и тѣломъ. Общій интересъ сблизилъ его съ Алкмеонидами; глава этого рода Мегаклъ отдалъ за него свою дочь, и соединенными силами имъ удалось отнять у педіеевъ управленіе государствомъ. Для охраны его личности отъ покушеній противниковъ Писистрату было разрѣшено постановленіемъ народнаго собранія набрать отрядъ тѣлохранителей ²⁾; тогда онъ сбросилъ маску, завладѣлъ акрополемъ и сталъ, такимъ образомъ, владыкой Аѣинъ, «тираномъ» (около 560 г.). Это, конечно, не входило въ расчеты Мегакла; онъ примирился теперь со своими старыми противниками, педіеями, — тѣмъ болѣе, что бракъ его дочери съ Писистратомъ остался бездѣтнымъ. Противъ этой коалиціи тиранъ не могъ устоять. Онъ удалился въ изгнаніе, сначала на еракійское побережье, затѣмъ въ Эретрію; его имѣнія въ Атикѣ были конфискованы, и свобода, казалась, была еще разъ спасена ³⁾.

1) Herod. I 59. Позднѣйшіе авторы приписывали завоеваніе Саламина Солону (Plut. Sol. 8—10)—легенда, возникшая на основаніи известной элегіи, въ которой Солонъ призываетъ къ завоеванію острова (fr. 1, сравн. Niese, l. c., стр. 21). Но такъ какъ Солонъ дожилъ еще до начала тираніи Писистрата (fr. 11), то ничто не мѣшаетъ намъ отнести эту элегію къ вышеупомянутой войнѣ. И во всякомъ случаѣ, она отнюдь не доказываетъ, что рекомендуемое Солонемъ предпріятіе дѣйствительно было исполнено, или что оно имѣло успѣхъ. Псефисма СІА. IV 1а, стр. 57 не даетъ право утверждать, что послѣ завоеванія острова Писистратомъ тамъ была основана колонія. Притомъ, по характеру письма этотъ документъ сходенъ съ посвященіемъ СІА. IV 373 ²³¹, въ которомъ упоминается *Τελεσίνοσ Κήτιος*, и которое, слѣдовательно, относится ко времени послѣ Клизеена. На Саламинѣ, повидимому, дѣйствительно была основана клерухія (Schol. Pind. Nem. II, 19), но не ранѣе Клизеена, такъ какъ поселившіеся на островѣ аѣиняне носятъ имена по демамъ (*Τυρόδημος Ἀχαρνεύς*, Pind. Nem. II, *Μνήσαρχος Φλυεύς*, отецъ Эврипида). Возможно, что вышеупомянутая надпись относится къ этой клерухіи.

2) Это постановленіе сохранилось, повидимому, до позднѣйшаго времени, такъ какъ Аристотель (*Ἀθ. Πολ.* 14) и Плутархъ (*Solon* 30) сообщаютъ имя предложившаго этотъ законъ, Аристіона.

3) Главнымъ источникомъ служитъ Herod. I 60, на котораго Arist. Ἀθην.

Однако Писистратъ и теперь не отказался отъ своихъ плановъ. Во многихъ частяхъ Эллады у него были могущественные друзья, которые доставляли ему обильныя денежныя средства для вербовки наемниковъ. Послѣ десятилѣтнихъ приготовленій онъ высадился въ мараѳонской бухтѣ, на берегу преданной ему Діакріи. Здѣсь въ его лагерь стали стекаться со всѣхъ сторонъ его единомышленники; скоро онъ почувствовалъ себя достаточно сильнымъ, чтобы двинуться на Аѣины. У храма Аѣины въ Паллене, близъ сѣвернаго склона Гиметта, онъ встрѣтилъ войско аѣинской знати; оно потерпѣло полное пораженіе, и побѣдитель безпрепятственно вступилъ въ столицу. Вожди противной партіи, преимущественно Алкмеониды, удалились въ изгнаніе.

Писистратъ оставилъ въ силѣ конституцію Солона и заботился только о томъ, чтобы выборы падали, по возможности, на его родственниковъ и приверженцевъ; начальство надъ военными силами онъ, разумѣется, оставилъ за собою, а въ акрополѣ держалъ гарнизонъ изъ своихъ наемниковъ¹⁾. Онъ усердно поощрялъ земледѣліе, устраивалъ дороги и водопроводы, украсилъ городъ великолѣпными постройками, какъ напр. храмами Аѣины Полиады на акрополѣ и Зевса Олимпійскаго у Илиса. Главныя два празднества позднѣйшихъ Аѣинъ,

полит. 14—16 опирается во всѣхъ существенныхъ пунктахъ. Что Писистратъ былъ изгнанъ только одинъ разъ, а Геродотъ слилъ воедино два извѣстія объ одномъ и томъ же событіи, доказано мною въ *Rhet. Mus.* 45 (1890), стр. 469 сл.; кто держится иного мнѣнія, пусть познакомится съ диттографиями Ливія. Хронологія, которую даютъ Eratosth. у Schol. Aristoph. *Осы* 502, Aristot. *Polit.* VIII (V) 1315в (въ *Аθην. полит.* 14 сл. безнадежная путаница), не имѣетъ никакого значенія и, какъ почти всѣ хронологическія извѣстія изъ этой эпохи, основана на расчетѣ по поколѣніямъ: одно поколѣніе ($\frac{1}{3}$ столѣтія)—на отца, половина поколѣнія—на правленіе сыновей, вмѣстѣ полстолѣтія; наконецъ, половину лѣтъ правленія Писистрата отчисляли на изгнаніе. Тѣмъ не менѣе, традиционную дату начала Писистратовой тираніи (архонтъ Комей, 561/0 или 560/59) можно считать приблизительно вѣрной, такъ какъ, съ одной стороны, Соловъ еще дожилъ до начала тираніи, съ другой стороны Гицій, который во время Мараѳонской битвы 490 года былъ уже въ преклонномъ возрастѣ, долженъ былъ родиться около 560—550 года и, слѣдовательно, Писистратъ едва ли могъ родиться ранѣе 600—590 года.

1) Показаніе Фукидида (VI 54, 6) — *τά τε ἄλλα* (исключая поземельной подати) *αὐτῇ ἢ πόλις τοῖς πρὶν κειμένοις νόμοις ἐχρήτο, πλὴν καθ' ὅσον καί τινα ἐπεμέλλοντο σφῶν αὐτῶν ἐν ταῖς ἀρχαῖς εἶναι*—(„въ прочіихъ отношеніяхъ городъ пользовался прежними законами, исключая того, что они всегда старались замѣщать должности кѣмъ-нибудь изъ близкихъ къ нимъ людей“) вѣрно или ошибочно въ такой же степени, какъ если бы кто-нибудь сталъ утверждать это относительно Августа.

большія Панаэинеи и большія Діонисіи, были учреждены Писистратомъ ¹⁾. Тогда въ первый разъ начали ставить на сцену трагедіи, и первые поэты и композиторы того времени, какъ Симонидъ, Анакреонъ, Ласось изъ Герміоны, были съ почетомъ приняты при дворѣ аѳинскаго тирана. Орфическій пророкъ Ономакрить также находился въ дружескихъ отношеніяхъ съ сыномъ Писистрата Гиппархомъ.

Но самую блестящую сторону правленія Писистрата составляла его внѣшняя политика. Онъ доставилъ Аѳинамъ вліяніе на делосскій храмъ Аполлона, сдѣлавшійся въ теченіе VII вѣка общою племенной святыней іонянъ по обѣ стороны Эгейскаго моря ²⁾; правителемъ Наксоса, самага большого изъ Цикладскихъ острововъ, онъ сдѣлалъ своего друга Лигдамиса. Далѣе, Писистратъ обратилъ свои взоры на Геллеспонтъ, важнѣйшую торговую дорогу греческаго міра, обладаніе которою все болѣе становилось жизненнымъ вопросомъ для Аѳинъ. Онъ занялъ здѣсь городъ Сигейонъ при устьѣ Скамандра и отстоялъ его въ многолѣтней войнѣ противъ Митилены ³⁾. Около того же

¹⁾ Большія Діонисіи были учреждены въ 61 олимп.: *Marm. Par.* стр. 58, *Suid. Θέσις*, сравн. *Wilamowitz Hom. Unters.* стр. 248, прим. 13. Относительно Панаэинеи см. *Schol. Aristid. Panath.*, стр. 329 с. *Steph.*

²⁾ Онъ впервые упоминается ζ 162; племенной святыней іонянъ Делось является въ гомеровскомъ гимнѣ Аполлону. Писистратъ велѣлъ очистить окрестность храма отъ могилъ (*Herod. I 64, Thuc. III 104,1*).

³⁾ *Herod. V 94 сл., Alc. fr. 32 у Strab. XIII 600*. Обыкновенно говорятъ, что аѳиняне завладѣли Сигейономъ еще до Солона, въ концѣ VII столѣтія. Это мнѣніе, не подтверждаемое ни однимъ историческимъ показаніемъ (такъ какъ Евсевій къ ол. 43,3 стр. 90 Schoene основывается на свидѣтельствѣ одного александрійскаго хронографа), стоитъ въ прямомъ противорѣчій съ показаніями Геродота; знаменательно также, что Плутархъ въ жизнеописаніи Солона ни однимъ словомъ не упоминаетъ объ этомъ событіи. Въ самомъ дѣлѣ, можно ли повѣрить, что аттическая олигархія, которая даже противъ небольшой Мегары не сдѣлала отстоять своихъ правъ на Саламинъ, воевала съ отдаленной Митиленой за Сигейонъ? И все это допускаютъ только потому, что греческіе хронографы отнесли Питтака, какъ одного изъ семи мудрецовъ, ко времени Солона, и что Алкей, политическій противникъ Питтака, принималъ участіе въ войнѣ съ аѳинянами за Сигейонъ. Очевидно, что мы должны сдѣлать обратное заключеніе: такъ какъ Сигейонъ былъ завоеванъ только Писистратомъ, то Питтакъ и Алкей были его современниками. Памятникомъ аѳинскаго владычества въ Сигейонѣ въ эпоху Писистратидовъ является стѣла IGA. 492. Она, повидимому, старше народнаго постановленія CIA. IV 1а, стр. 57; а такъ какъ послѣднее относится уже ко времени послѣднихъ клисееновыхъ реформъ (выше стр. 260 прим. 1), то эта стѣла нисколько не доказываетъ, что Сигейонъ принадлежалъ аѳинянамъ еще до Писистрата. Подробнѣе *Rh. Mus.* 45 (1890) стр. 465—473.

времени аеинянинъ Мильтиадъ изъ стариннаго аристократическаго дома Филаидовъ основалъ себѣ княжество во ѳракійскомъ Херсонесѣ, на противолежащемъ Сигейону европейскомъ берегу Геллеспонта ¹⁾). Очевидно, что это предпріятіе могло удался только при содѣйствіи Писистрата; если на родинѣ Мильтиадъ былъ его политическимъ противникомъ, то въ Херсонесѣ его собственныя интересы заставили его примкнуть къ аеинскому тирану. Писистратъ уже во время своего изгнанія укрѣпился на южномъ берегу ѳракіи, у нижняго теченія Стримона, гдѣ позже былъ основанъ Амфиполисъ; онъ удержалъ эти владѣнія и по возвращеніи въ Аеины, и изъ рудниковъ Пангея извлекалъ часть финансовыхъ средствъ, нужныхъ для его предпріятій ²⁾). Такимъ образомъ, Писистратъ повсюду намѣтилъ направленіе позднѣйшей колониальной политики Аеинъ и положилъ первое основаніе морскому могуществу своего города.

Но несмотря на весь этотъ блескъ, аеиняне не могли забыть, что расцвѣтъ ихъ города купленъ цѣною свободы; правда, у нихъ былъ хорошій господинъ, но все же это былъ господинъ. Впрочемъ, пока Писистратъ былъ живъ, не обнаруживалось никакой оппозиціи; только когда умеръ старый правитель (по преданію, въ 527 году) и власть перешла къ его сыновьямъ Гиппю и Гиппарху, началось революціонное движеніе ³⁾). Во время большихъ Панаеиней лѣтомъ 514 года Гиппархъ палъ жертвой заговора; но Гиппій спасся отъ ножа убійць, и ближайшимъ послѣдствіемъ неудачнаго покушенія было только то, что тиранія сдѣлалась еще болѣе тягостной. Однако, народъ сохранилъ благодарное воспоминаніе объ этомъ подвигѣ, и когда спустя нѣсколько лѣтъ Аеины освободились отъ тираніи, — тираноубійцамъ Гармодію и Аристокитону были воздвигнуты на площади мѣдныя статуи и ихъ потомки удостоены высшей почести, какую только могло оказать государство гражданину, именно пожизненнаго участія въ обѣдахъ въ Пританеѣ ⁴⁾). И долго еще въ Аеинахъ на праздничныхъ пиршествахъ раздавалась пѣснь свободы: «Я хочу нести мечъ въ миртовомъ вѣнкѣ, какъ Гармодій и Аристокитонъ, когда отъ ихъ

¹⁾ Herod. VI 34—39.

²⁾ Aristot. *Ἀθ. πολιτ.* 15, Herod. I 64.

³⁾ Относительно сверженія Писистратидовъ см. Herod. V 55—56, 62—65, Thuc. I 20, VI 54—60, Aristot. *Ἀθ. πολ.* 18—19. Хронологія основывается на показаніи Ѳукидида (VI 59), по которому Гиппій былъ изгнанъ на 4-ый годъ послѣ покушенія, а на 20-ый годъ послѣ своего изгнанія привялъ участіе въ походѣ персовъ подъ Маравонъ.

⁴⁾ *СИА.* I 8.

руки палъ тиранъ и они завоевали для аѳинскаго народа свободу и право» ¹⁾).

Теперь начали дѣйствовать и аттическіе эмигранты; отрядъ изгнанныхъ эпатридовъ завладѣлъ Лейпсидріономъ, укрѣпленнымъ пунктомъ у южнаго склона Парнеса. Но народъ остался спокойнымъ, Лейпсидріонъ палъ, и много доблестныхъ людей погибло за свободу. Однако Алкмеониды не были обезкуражены этой неудачей; не будучи въ состояніи собственными силами свергнуть тиранію, они стали искать помощи на сторонѣ. Даже въ изгнаніи они располагали значительными денежными средствами, которыя дали имъ возможность, послѣ пожара дельфійскаго храма, взять на себя возобновленіе его и при этомъ сдѣлать больше, чѣмъ они были обязаны по контракту ²⁾. Этимъ они привлекли на свою сторону дельфійскихъ жрецовъ и вообще Амфигтію, и оракулъ употребилъ теперь все свое вліяніе, чтобы побудить Спарту къ вмѣшательству въ дѣла Аттики. Но и собственные интересы Спарты побуждали ее стремиться къ тому, чтобы подчинить могущественныя Аѳины своему вліянію, — тѣмъ болѣе, что Писистратиды находились въ дружественныхъ отношеніяхъ съ Аргосомъ. Поэтому спартанцы послали войско противъ Гиппія; но на помощь послѣдному подоспѣла ѳессалійская конница, и благодаря этому подкрѣпленію, ему удалось разбить на голову высадившихся при Фалеронѣ спартанцевъ и прогнать ихъ обратно къ ихъ кораблямъ. Спарта принуждена была напрячь всѣ свои силы. Царь Клеоментъ повелѣлъ пелопоннесское союзное войско черезъ Исѳмъ, одержалъ побѣду надъ ѳессалійскими всадниками и вступилъ въ Аѳины, гдѣ заперъ Гиппія въ акрополь. Спустя нѣсколько дней тиранъ капитулировалъ подъ условіемъ свободнаго отступленія; онъ удалился въ свое гелеспонтское владѣніе Сигейонъ, гдѣ правилъ съ тѣхъ поръ въ качествѣ персидскаго вассала. Аѳины были свободны (510 до Р. X.).

До сихъ поръ аттическую аристократію объединялъ гнетъ тираніи; теперь опять стали возобновляться старые раздоры. Главная заслуга въ сверженіи тирана принадлежала Алкмеонидамъ, къ которымъ поэтому и перешло въ началѣ управленіе государствомъ. Во

¹⁾ Athen. XV 695a, Bergk *Lyrici Graeci* III Scolia 9—13. Еслибы Гармодій и Аристокитонъ руководились дѣйствительно только личной местию, какъ передаетъ Фукидидъ, то ихъ не стали бы чествовать, какъ героевъ свободы, такъ скоро послѣ ихъ смерти и государство не оказывало бы имъ такихъ необыкновенныхъ почестей. Вообще Фукидидъ, какъ извѣстно, старается выставить Писистратидовъ въ возможно болѣе благоприятномъ свѣтѣ.

²⁾ Pind. *Pyth.* VII 10 слл. Herod. V 62.

главѣ этого рода стоялъ въ то время Клисеенъ, сынъ того самаго Мегакла, который былъ сначала союзникомъ, а потомъ смертельнымъ врагомъ Писистрата и умеръ въ изгнаніи; это былъ очень даровитый государственный человѣкъ, похожій на своего дѣда по матери, сикіонскаго тирана, имя котораго онъ носилъ (выше, стр. 253). Народная политика была традиціей въ его фамиліи; теперь-же она была особенно необходима въ виду того, что Писистратиды все еще обладали въ Аѣинахъ сильной партіей. Поэтому Клисеенъ приступилъ къ реформѣ государственнаго устройства въ демократическомъ духѣ, какъ къ единственному средству предотвратить возстановленіе тираніи и въ то же время упрочить свою собственную власть противъ происковъ многочисленныхъ знатныхъ родовъ, которые, ничему не научившись и ничего не забывъ, стремились къ возстановленію аристократическаго строя ¹⁾.

Итакъ, прежде всего Клисеенъ долженъ былъ сломить ту организацію, на которой до сихъ поръ главнымъ образомъ основывалось вліяніе этихъ родовъ. Съ этою цѣлью онъ ввелъ въ Аттікѣ новое политическое дѣленіе. Пренія родовыя филы, существовавшія съ незапамятныхъ временъ, были уничтожены; ихъ замѣнили десять новыхъ, мѣстныхъ филъ, при чемъ каждый гражданинъ былъ причисленъ къ той филѣ, въ области которой онъ жилъ въ моментъ преобразования. Такимъ образомъ большіе знатные роды, изъ которыхъ каждый раньше принадлежалъ цѣликомъ къ одной какой-нибудь филѣ ²⁾, теперь должны были раздробиться, и въ высшей степени затруднялась совмѣстная дѣятельность ихъ членовъ. И дѣйствительно, цѣль оказалась вполне достигнутой: уже въ ближайшемъ поколѣніи роды, какъ таковыя, теряютъ всякое политическое значеніе, между тѣмъ какъ до этого времени именно они составляли главный факторъ въ партійной жизни Аттіки. Въ то же время было принято въ число гражданъ множество иностранцевъ, жившихъ осѣдло въ Аѣинахъ (метэги), и даже вольноотпущенныхъ рабовъ, что конечно содѣйствовало усиленію демократическаго элемента ³⁾.

¹⁾ Относительно Клисеена и его реформы: Herod. V 66, 69—70, 71—73, Arist. 'Αθ. πολιτ. 20—21, который въ изложеніи событій тѣсно примыкаетъ къ Геродоту, мѣстами дословно повторяя его.

²⁾ Клисеенъ, разумѣется, не сдѣлалъ исключенія и для своего собственнаго рода. Такъ, его племянникъ Мегаклъ принадлежалъ къ филѣ Антиохисъ ('Αλωπεκλήθην, Arist. 'Αθ. πολιτ. 22, 5, сравн. СГА. VI 569, стр. 192), а Леоботъ, сынъ Алкмеона, — къ филѣ Эрехеисъ ('Αγρολήθην Plut. Them. 23).

³⁾ Arist. Πολιτ. III 1275 в. Въ прямомъ противорѣчій съ этимъ показа-

Новыя филы были названы по именамъ наиболѣе знаменитыхъ отечественныхъ героевъ: Эрехою, Эгею, Кекропса, Эанта и другихъ. Каждая фила въ свою очередь распадалась на нѣсколько общинъ (*δημοί*), изъ которыхъ каждая состояла изъ одной деревни или мѣстечка Аттики; только столица и второй послѣ нея по величинѣ городъ страны, Бравронъ, были раздѣлены на нѣсколько демовъ, очевидно съ цѣлью предотвратить возможность образованія изъ нихъ государствъ въ государствѣ. Съ этою-же цѣлью въ одной и той же филѣ соединены были демы изъ различныхъ частей Аттики; такъ напримѣръ, Элевсинъ, Пирей и Азенія у Суніона принадлежали къ филѣ Гиппоонтисъ, Мараеонъ и Фалеронъ къ филѣ Эантисъ; Аѣины и ихъ ближайшія окрестности были раздѣлены между всѣми 10 филами. Этимъ была предотвращена опасность, чтобы новая организациія не послужила оплотомъ для партикуляристическихъ стремленій, которыя такъ рѣзко обнаружались еще въ началѣ эпохи Писистратидовъ.

Для верховнаго руководства государственными дѣлами и для подготовленія вносимыхъ въ народное собраніе проектовъ былъ учрежденъ совѣтъ изъ 500 членовъ, по 50 отъ каждой изъ 10 филъ, причѣмъ каждому дему предоставлялось соотвѣтствующее его величинѣ количество мѣстъ въ совѣтѣ ¹⁾. Это, кажется, первый примѣръ пропорціональнаго населенію представительства, который мы находимъ въ исторіи. Далѣе, чтобы сдѣлать невозможнымъ всякое вліяніе знатныхъ родовъ на составъ совѣта, его члены избирались посредствомъ жребія изъ числа гражданъ, искавшихъ этой должности; а большое число членовъ служило ручательствомъ за то, что господствующее въ данный моментъ среди гражданъ политическое теченіе найдетъ себѣ выраженіе и въ совѣтѣ. По числу 10 филъ совѣтъ распался на 10 секцій, изъ которыхъ каждая въ продолженіе десятой части года имѣла предсѣдательство («пританію») и непрерывно находилась въ зданіи совѣта для разрѣшенія текущихъ дѣлъ. Въ теченіе этого времени члены ея содержались на государственный счетъ, такъ что

нѣмъ стоитъ извѣстіе Аристотеля въ 'АФ. *полит.* 13, 5, что послѣ сверженія тирановъ была устроена провѣрка гражданскихъ правъ (*διαψηφισμός*)—*ὡς πολλῶν κοινωνούντων τῆς πολιτείας οὐ προσήκον*. Но это было бы слишкомъ неудобное время для подобнаго мѣропріятія.

¹⁾ Это было впервые доказано Hauvette-Besnault'омъ на основаніи дошедшихъ до насъ списковъ притановъ (*Bull. Corr. Hell.* IV, 1881, стр. 367); теперь его взглядъ подтверждается извѣстіемъ Аристотеля въ открытой недавно Аѣинской *Политіи* (62, 1).

и бѣдные граждане могли вступать въ совѣтъ. Вѣроятно была также расширена компетенція народныхъ судовъ; но мы не имѣемъ объ этомъ никакихъ точныхъ свѣдѣній. Однако, право быть избираемыми на высшія государственныя должности было и теперь предоставлено только двумъ высшимъ податнымъ классамъ.

Существовавшія учрежденія Клисеенъ въ общемъ оставилъ въ томъ видѣ, какъ онъ ихъ засталъ. Такимъ образомъ архонты по прежнему сохранили свое положеніе во главѣ государства. Правда, теперь, послѣ продолжительнаго періода тиранин, ихъ компетенція представляла уже лишь тѣнь того, чѣмъ она была при Солонѣ. Полемархъ лишился начальства надъ войскомъ и въ сущности былъ только правительственнымъ чиновникомъ, хотя по имени онъ все еще оставался высшимъ военачальникомъ. Военная власть, находившаяся прежде въ рукахъ тирановъ, была теперь возложена на новообразованную коллегію десяти стратеговъ, изъ которыхъ каждый выбирался своею филой и на войнѣ командовалъ ея отрядомъ, между тѣмъ какъ въ главномъ начальствѣ надъ всѣмъ войскомъ стратеги смѣнялись каждый день по очереди. Полемархъ предсѣдательствовалъ въ этой коллегіи и занималъ въ сраженіи почетное мѣсто на правомъ флангѣ ¹⁾.

1) Обыкновенно вовсе не обращаютъ вниманія на то глубокое вліяніе, которое должно было имѣть продолжительное господство тирановъ на развитіе афинскаго государственнаго устройства. Правда, часто указывали на недемократическій характеръ стратегіи; онъ объясняется именно этимъ вліяніемъ, такъ же какъ и то обстоятельство, что *εἰσφορά* взималась подъ наблюденіемъ стратеговъ, такъ какъ этотъ налогъ былъ однимъ изъ краеугольныхъ камней въ финансовой системѣ Писистрата. Что по законодательству Клисеена стратеги чередовались въ главномъ начальствѣ, вытекаетъ изъ Herod. VI 109 сл. и еще больше изъ того, что побѣдителемъ при Мараонѣ считался не полемархъ Каллимахъ, а стратегъ Мильтіадъ. Правда, формально полемархъ и теперь былъ высшимъ военнымъ чиномъ, *τῆς ἀπάσης στρατιᾶς ἡγεμὼν*, какъ говоритъ Аристотель (*Аф. полит.* 22, 2); кто ищетъ въ этихъ словахъ другого смысла, пусть вспомнитъ, что свидѣтельство Аристотеля не имѣетъ большого значенія по сравненію со свидѣтельствомъ Геродота. Во всякомъ случаѣ, въ высшей степени вѣроятно, чтобы Клисеенъ возвратилъ полемарху ту компетенцію, которая принадлежала ему до Писистрата, и чтобы она была снова отнята у него еще до Саламинской битвы. Если Аристотель (l. c.) упоминаетъ о стратегахъ только подъ 501/0 годомъ (или, при исключительномъ счетѣ, 502/1), то эта замѣтка или попала на несоответствующее мѣсто, или относится къ какому-либо измѣненію избирательныхъ порядковъ, или этимъ годомъ былъ помѣченъ древнѣйшій сохранившійся документъ, въ которомъ упоминалось о стратегахъ,—такъ какъ очевидно, что преобразование аттиче-

Наконецъ, чтобы устранить всякую возможность возстановленія тираніи, Клисѣенъ учредилъ остракизмъ. Каждую весною народъ долженъ былъ рѣшать голосованіемъ, представляетъ ли кто-нибудь изъ гражданъ опасность для свободы. Если большинство давало утвердительный отвѣтъ, то созывалось второе собраніе, въ которомъ всякій аѳинянинъ подписывалъ на табличкѣ (*ὄστρακον*) одно имя; для того, чтобы баллотировка считалась дѣйствительной, требовалось присутствіе 6000 гражданъ, т. е. почти четверти всего числа тогдашнихъ гражданъ Аттики. Кто имѣлъ противъ себя большинство голосовъ, долженъ былъ покинуть страну на 10 лѣтъ, но сохранялъ свое имущество и по истеченіи срока изгнанія снова возстановлялся въ правахъ гражданства. Это была мѣра борьбы, продиктованная чувствомъ самосохраненія, и только съ этой точки зрѣнія ее можно понять и оправдывать ¹⁾. Можно, конечно, сомнѣваться, достигла ли бы она своей цѣли, если бы Аѳинамъ еще разъ серьезно угрожала опасность тираніи; но ясно, что эта мѣра открывала полный просторъ всякаго рода злоупотребленіямъ. Для вожаковъ партій, располагавшихъ въ народномъ собраніи большинствомъ голосовъ, это учрежденіе представляло отличное средство приличнымъ образомъ избавиться отъ непріятныхъ противниковъ; и дѣйствительно, почти только съ этой цѣлью и прибѣгали къ остракизму.

Ясно, что реформа Клисѣена была еще очень далека отъ того, что спустя пятьдесятъ лѣтъ называли въ Греціи демократіей. Привилегіи по имущественному цензу, установленныя Солономъ, остались въ силѣ и теперь; поэтому въ послѣдствіи аѳинскіе олигархи ставили себѣ цѣлью возвращеніе къ конституціи Клисѣена. Но въ свое время эта реформа представляла значительный прогрессъ и нанесла тяжелый ударъ консервативной аристократической партіи. Послѣдняя не была въ состояніи собственными силами бороться съ демосомъ, которымъ руководилъ Клисѣенъ; поэтому она прибѣгла къ тому-же средству, которое незадолго передъ тѣмъ употребилъ Клисѣенъ противъ Писистратидовъ, именно обратилась за помощью къ Спартѣ ²⁾.

скаго военнаго устройства должно было быть совершено одновременно съ реформою Филъ.

¹⁾ Древность единодушно понимаетъ остракизмъ въ такомъ смыслѣ; сравн. напр. Aristot. 'Αθ. πολιτ. 22, 3, Polit. III 1284, Diод. XI 55 (по Эфору), Androtion fr. 5 etc. Нѣкоторымъ новѣйшимъ авторамъ это, разумѣется, лучше извѣстно.

²⁾ Геродотъ рассказываетъ о реформѣ государственнаго устройства раньше, чѣмъ о вмѣшательствѣ Клеомена. Если Аристотель, который въ рассказъ объ

Дѣйствительно, спартанская олигархія имѣла полное основаніе смотрѣть подозрительно на демократическое развитіе, которое начало обнаруживаться въ только что освобожденной Атикѣ. Царь Клеоменъ еще разъ предпринялъ походъ въ Аѳины и безъ труда добился изгнанія Клисеена и его главныхъ приверженцевъ (508); поводомъ къ этому послужило старое обвиненіе въ святотатствѣ, тяготѣвшее надъ Алкмеонидами еще со времени возстанія Килона (выше, стр. 256) ¹⁾. Предводитель консервативной аристократіи Исагоръ, въ качествѣ пер-

этихъ событіяхъ близко придерживается Геродота, излагаетъ ихъ въ обратномъ порядкѣ, то онъ дѣлаетъ это только ради удобнаго расположенія матеріала; впрочемъ, и онъ говоритъ, что Клисеенъ непосредственно послѣ сверженія тирановъ *προσηγάγετο τὸν δῆμον, ἀποδιδὼς τῷ πλήθει τὴν πολιτείαν*. Да и по существу очевидно, что вопросъ о государственномъ устройствѣ долженъ былъ быть разрѣшенъ тотчасъ послѣ освобожденія; а *βουλή*, которую хотѣли уничтожить Клеоменъ и Исагоръ (Herod. V 72) и для зацѣпы которой народъ взялся за оружіе, была, безъ сомнѣнія, именно клисеоновскимъ совѣтомъ пятисотъ. Сюда относится, далѣе, то обстоятельство, что обвинитель Алкмеонидовъ Миронъ уже называется по дѣму (см. слѣд. прим.). Исагоръ, архонтъ 508/7 г. очевидно тождественъ съ главой аристократической партіи, враждебной Клисеену, такъ какъ въ высшей степени невѣроятно, чтобы въ то время два выдающихся политическихъ дѣятеля назывались этимъ довольно рѣдкимъ именемъ. Онъ былъ избранъ, вѣроятно, благодаря второму вмѣшательству Клеомена, которое относится къ первой половинѣ 508 года. Атидографъ, у котораго Аристотель взялъ года служенія архонтовъ, отнесъ реформу Клисеена къ этому году, такъ какъ Исагоръ является у Геродота противникомъ Клисеена, а самъ Клисеенъ, какъ приходится думать, не упоминался въ спискѣ архонтовъ. Впрочемъ, очевидно, что реформа государственнаго устройства могла быть доведена до конца только послѣ сверженія Исагора. (Къ тому же выводу приходитъ Niese — *Hist. Zeitschr.* 69 [1892] стр. 50).

1) Thuc. I 127, 12, Herod. V 70, Aristot. Ἀθ. πολιτ. 20. Происшедшее тогда изгнаніе Алкмеонидовъ въслѣдствіи отнесли ко времени до Солона (Aristot. I. с. 1, Plut. *Solon* 12) и оказывалось, что этотъ родъ былъ изгнанъ трижды: до Солона, Писистратомъ и Клеоменомъ. Что первое изгнаніе есть только дубликатъ третьяго, на это указываетъ не только точное совпаденіе ближайшихъ обстоятельствъ, при которыхъ будто бы произошли оба изгнанія (сравн. Saueg *Parteien in Megara und Athen*, Stuttgart 1890, стр. 64), но прежде всего имя обвинителя *Μύρων Φλυεύς* (Plut. I. с.), который только въ силу клисееновой реформы могъ получить демотиконъ. Предложенное имъ народное рѣшеніе вѣроятно сохранилось и затѣмъ какимъ-нибудь атидографомъ было приведено въ непосредственную связь съ килоновскимъ *ἄγος*. Замѣчательно также, что Геродотъ ничего не знаетъ объ изгнаніи Алкмеонидовъ до Писистрата, и что по Фукидиду этотъ родъ былъ изгнанъ только одинъ разъ до Клеомена.

ваго архонта, сталъ во главѣ правительства ¹⁾). Но когда одержавшая верхъ партія сдѣлала попытку уничтожить и клисеоновскую конституцію, демосъ возсталъ: Клеоменъ и Исагоръ были заперты въ крѣпости и уже на третій день вынуждены капитулировать подъ условіемъ свободнаго отступленія. Теперь вернулись Клисеенъ и остальные изгнанники. Ясно было, впрочемъ, что этимъ успѣхомъ достигнуто очень мало. Если бы Спарта взялась теперь за дѣло серьезно и переправила черезъ Исемъ сильное войско, то аттической демократіи, казалось, грозила неминуемая гибель. Въ Греціи не у кого было искать помощи; напротивъ, кромѣ Спарты, Аѣины вели въ это время войну еще со своимъ сильнымъ сосѣдомъ на сѣверѣ, съ беотійскимъ союзомъ, изъ-за Платеи, которая, отложившись отъ Фивъ, искала и нашла помощь у Аѣинъ ²⁾). Поэтому они обратились къ Артафрену, персидскому сатрапу Сардъ; и когда онъ въ награду за свое содѣйствіе потребовалъ подчиненія персидскому царю, аѣинскіе послы, не задумываясь долго, согласились на его требованіе—шагъ, которому народъ въ послѣдствіи отказалъ въ ратификаціи, когда миновала опасность со стороны Пелопоннеса.

Между тѣмъ царь Клеоменъ собралъ войска пелопоннесскихъ со-

1) См. выше, стр. 268 прим. 2. Геродотъ (V 66) говоритъ о немъ *οἰκίτης ἐὼν δοκίμων*, что Аристотель (*АФ. полит.* 20, 1) замѣняетъ словами: *φιλος ὢν τῶν τυράννων*. Очевидно, онъ, или его источникъ, думалъ, что противникъ врага тираніи Клисеена долженъ былъ быть другомъ тирановъ. Излишне доказывать, что это заключеніе совершенно ложно. Впрочемъ, очень возможно, что Исагоръ принадлежалъ къ той части аристократіи, которая оставалась въ Аѣинахъ во время господства Писистратидовъ.

2) Herod. VI 108, сравн. Thuc. III 55. Но Thuc. III 68 присоединеніе Платеи къ Аѣинамъ произошло за 93 года до взятія этого города пелопоннессцами (427), слѣдовательно въ 519 г., при Гиппій. Гротъ IV 94 старается доказать неправильность этой даты и относитъ союзъ къ первому времени послѣ сверженія тирановъ. Но вѣдь молодая, ослабленная раздорами аттическая демократія имѣла слишкомъ много дѣла, чтобы еще начать наступательную войну противъ Беотіи. Между тѣмъ вполне естественно, что аѣянцы воспользовались революціей въ Аѣинахъ для того, чтобы возобновить свои притязанія на Платею, а платейцы, которые въ данную минуту ничего не могли ожидать отъ Аѣинъ, обратились къ Клеомену. Имя Гиппія, можетъ быть, съ умысломъ удалено въ той версіи, которую передаетъ Геродотъ, и выставленная послѣднимъ причина отступленія Клеомена соответствуетъ обстоятельствамъ V вѣка. Однако утвержденіе, будто аѣянне эпохи Писистратидовъ были невоинственны, совершенно невѣрно: какъ разъ наоборотъ. Кромѣ того, Геродотъ не приводитъ въ связь войну за Платею съ беотійскою войною послѣ отступленія Клеомена и рассказываетъ о нихъ въ различныхъ мѣстахъ.

юзниковъ и двинулся черезъ границу Аттики до Элевсина, а беотяне и халкидяне въ то же время напали на Аттику съ сѣвера. Но въ пелопоннескомъ лагерѣ не было большого воодушевленія къ войнѣ, предпринятой для порабощенія Аеинъ, и именно сильнѣйшій изъ союзныхъ городовъ, Коринѣ, находившійся тогда въ очень хорошихъ отношеніяхъ съ Аеинами, отказался отъ дальнѣйшаго участія въ походѣ. Затѣмъ и второй спартанскій царь Дамарать, которому вмѣстѣ съ Клеоменомъ принадлежало главное начальство надъ войскомъ, открыто выступилъ противъ политики своего товарища по власти. Такимъ образомъ армія разстроилась, и Клеоменъ принужденъ былъ вернуться въ Спарту безъ всякаго успѣха ¹⁾.

Теперь аеиняне могли безпрепятственно обратить свое оружіе противъ своихъ враговъ въ средней Греціи. На берегу Эврипа беотяне потерпѣли полное пораженіе; еще въ тотъ же самый день побѣдоносное войско перешло на о. Эвбею и одержало рѣшительную побѣду надъ халкидянами. Вслѣдствіе этого Халкида попала въ зависимость отъ Аеинъ, и часть помѣстій халкидской знати была отдана въ собственность аеинскимъ колонистамъ. Беотяне-же продолжали войну, поддерживаемые Эгиной, флотъ которой опустошалъ берега Аттики ²⁾. Рѣшительнаго успѣха не добились ни одна изъ воюющихъ сторонъ, и наконецъ заключенъ былъ миръ на условіяхъ прежняго владѣнія ³⁾. Молодая аттическая демократія блистательно доказала свою жизнеспособность.

Сверженіемъ Писистратидовъ закончился періодъ тираніи въ самой Греціи. Въ мало-азіатскихъ городахъ тираны держались еще только искусственно, благодаря поддержкѣ персовъ. Правда, въ Сициліи тиранія именно въ это время достигла высшей точки своего развитія; но и здѣсь ей суждено было пасть уже спустя немного десятилѣтій. Нація уже переросла монархію, борьба между знатью и гражданствомъ была окончена. Но оба эти сословія нашли теперь общаго врага въ массѣ безземельныхъ, которые добивались участія въ государственной жизни. Однако въ ближайшее время всякіе внутренніе раздоры отступили на задній планъ въ виду опасности, которая грозила независимости націи съ востока.

¹⁾ Herod. V 74—76, Schol. Aristoph. *Lysistr.* 273. Въ другой версіи рассказываетъ Геродотъ объ этихъ событіяхъ V 90—93; въ обоихъ случаяхъ планы Клеомена разбиваются о сопротивленіе коринянъ.

²⁾ Herod. V 77—81.

³⁾ Границей между Платеей и Фивами остался по прежнему Асопъ: Herod. IX 15, сравн. VI 108.

ГЛАВА XI.

Освободительныя войны.

Греческому народу выпала на долю счастливая возможность развиваться самобытно, почти не подвергаясь насильственнымъ внѣшнимъ вліяніямъ, вплоть до достиженія полной духовной и политической зрѣлости. Ни одинъ чужеземный завоеватель не пытался проникнуть въ Грецію; а когда сами греки начали распространять свое владычество надъ островами и побережьями Средиземнаго моря, они не встрѣчали серьезнаго сопротивленія въ варварскихъ обитателяхъ этихъ странъ. Даже финикіяне въ первое время вездѣ уступали грекамъ и почти безъ борьбы предоставили имъ всѣ торговые округа, которые они до тѣхъ поръ эксплуатировали.

Въ VI столѣтіи эти обстоятельства начали измѣняться. Мало-азіатскіе греческіе города подпали подъ лидійское, Кипръ—подъ египетское владычество; на западѣ финикіяне сплотились вокругъ Карфагена въ единое государство, которое вскорѣ начало наступать на грековъ. Но только расцвѣтъ персидскаго могущества грозилъ серьезною опасностью свободѣ греческой метрополіи.

Древнія восточныя монархіи—Мидія, Лидія, Вавилонія, Египетъ—были одна за другой покорены Киромъ и Камбизомъ. Владѣнія персидскихъ царей простирались отъ Эгейскаго моря и большого Сирта до Яксарта и Инда. Это было государство, равнаго которому міръ не видѣлъ ни раньше, ни впослѣдствіи. Персидская монархія въ исходѣ VI вѣка была не только первой, но и вообще единственною великою державой, на ряду съ которой существовали только незначительныя мелкія государства. Казалось, только отъ воли персидскаго царя зависѣло опредѣлить границы своего владычества.

Въ самомъ дѣлѣ, государство располагало почти неисчислимыми военными силами. Если обширное иранское плоскогорье и было сравнительно скудно населено ¹⁾, то при своемъ громадномъ протяженіи (около 3 милліоновъ кв. килом.) оно все-таки имѣло очень большое абсолютное населеніе. Зато чрезвычайно густо были населены плодородныя равнины по Евфрату и Тигру, Нильская долина и древняя культурная страна Сирія. Царь имѣлъ возможность собрать любое количество войска, какое только онъ могъ прокормить. Кромѣ того, обладаніе морскимъ побережьемъ на протяженіи отъ Нила до Геллеспонта доставляло средства, чтобы снаряжать сотни боевыхъ кораблей, во главѣ которыхъ стоялъ превосходный флотъ финикійскихъ торговыхъ городовъ.

Финансовыя силы государства не уступали его военнымъ силамъ; подъ скипетромъ персидскаго царя были соединены богатѣйшія страны тогдашняго міра. На ряду съ земледѣліемъ процвѣтали торговля и промышленность, особенно въ западной половинѣ государства; еще греки V столѣтія смотрѣли на города въ родѣ Мемфиса, Вавилона, Сузы, Экбатаны съ такимъ же удивленіемъ, какъ средневѣковые путешественники на Каиръ или Багдадъ. Доходы царя простирались при Даріѣ до 7.600 персидскихъ серебряныхъ талантовъ (около 19.000 килогр. золота), къ которымъ присоединялись еще значительныя натуральныя повинности ²⁾. Такъ какъ на текущіе расходы далеко не требовалось такихъ крупныхъ суммъ, то цари могли накоплять большія богатства. По достовѣрнымъ извѣстіямъ, Александръ получилъ въ добычу въ Сузѣ 40—50.000 ³⁾, а въ Персеполь 120.000 талантовъ серебра ⁴⁾. Нужно помнить при этомъ, что афинская государственная казна къ началу Пелопоннесской войны заключала въ себѣ только 6.000 талантовъ, между тѣмъ какъ всѣ доходы аттическаго государства около этого времени не превышали 600 талантовъ.

И всѣ эти неисчислимыя богатства находились въ полномъ распоряженіи одного человѣка. По сравненію съ волей царя не имѣла никакого значенія ни одна другая воля въ государствѣ; знатный сатрапъ, какъ и простой поденщикъ—всѣ въ одинаковой степени были рабами царя, всѣ повергались въ прахъ передъ своимъ владыкой—зрѣлице,

1) Сравни. мое „*Bevölkerung*“ стр. 252.

2) Herod. IV 95. Тѣ 360 талантовъ золотого песку, которые, по преданію, доставляла индійская сатрапія, оставлены здѣсь безъ вниманія, такъ какъ это, очевидно, произвольная оцѣнка (ежедневно 1 талантъ).

3) *Agrian.* III 16, 7, *Strab.* XV 728. 731, *Curt.* V 2, 11, *Plut. Alex.* 36.

4) *Diod.* XVII 71, *Curt.* V 6, 9.

наполнявшее глубокимъ отвращеніемъ всякаго эллина. Такимъ образомъ, политическая сила государства обуславливалась въ значительной степени личностью царя.

Но и помимо этого государство скрывало въ себѣ не мало элементовъ слабости. Уже громадное протяженіе нейтрализовало до известной степени большія матеріальныя средства, которыми оно располагало. Въ самомъ дѣлѣ, требовалось болѣе 4 мѣсяцевъ, чтобы привести войско изъ Вавилона въ Сарды или къ Нилу, и еще больше времени, чтобы стянуть отряды изъ отдаленныхъ провинцій. Поэтому для каждаго большого похода, который предпринималъ царь, нужны были многолѣтнія приготовленія. Да и качества этихъ войскъ оставляли желать многого. Населеніе страны въ громадномъ большинствѣ было невоинственно, не говоря уже о томъ, что оно лишь противъ воли шло на войну за своихъ чужеземныхъ властителей. Правда, сами персы, и вообще арійскія племена Иранскаго плоскогорья, были хорошими солдатами, особенно отличными наѣздниками и стрѣлками изъ лука. Однако, какъ ни полезны были эти роды оружія на обширныхъ равнинахъ Азіи, — на изрѣзанной или гористой мѣстности персы, благодаря недостатку дисциплины и легкому вооруженію, уступали греческимъ гоплитамъ; и еще больше была, въ сравненіи съ свободными гражданами греческихъ городовъ, моральная слабость азіатовъ, которые дрожали передъ кнутомъ своихъ офицеровъ и сражались только за своего царя и господина.

Вообще, самымъ больнымъ мѣстомъ персидской монархіи было то, что она была основана только на грубой силѣ и ею одной держалась. Безчисленные народы, входившіе въ ея составъ, не были связаны между собою какимъ-нибудь общимъ интересомъ; а персидское владычество не сдумѣло, да и не пыталось слить эти народы въ одно цѣлое. Вавилоняне, мидяне, египтяне, жители Малой Азіи во времена Александра были еще такъ же чужды другъ другу, какъ нѣкогда во времена Дарія; всѣ они, исключая, можетъ быть, однихъ мидянъ, привѣтствовали паденіе персидскаго господства, какъ освобожденіе отъ невыносимаго ига.

Уже послѣ смерти Камбиза во время его возвращенія изъ Египта былъ моментъ, когда едва только основанное государство, казалось, опять готово было распасться. Въ коренной провинціи Персидѣ началась гражданская война ¹⁾, и цѣлый рядъ подчиненныхъ народовъ

¹⁾ Официальный рассказъ объ этихъ событіяхъ, возвышенный Даріемъ его народамъ на Багистанской скалѣ и повторяемый въ главныхъ чертахъ

воспользовался этимъ случаемъ, чтобы попытаться свергнуть съ себя чуждое владычество. Только послѣ продолжительной борьбы Дарію, принцу изъ боковой линии дома Ахеменидовъ, удалось утвердиться на престолѣ и снова покорить отпавшія провинціи. Онъ далъ теперь государству болѣе строгую административную организацію и особенно урегулировалъ финансы, точно опредѣливъ размѣръ дани отдѣльныхъ областей.

Новый царь обратилъ свои взоры на западъ, которымъ Киръ и Камбизъ, занятые болѣе важными дѣлами, слишкомъ пренебрегали. Впрочемъ, покореніе европейской Греціи, по крайней мѣрѣ въ началѣ, не входило, кажется, въ его планы. Дарій прошелъ черезъ Босфоръ, Фракію и страну гетовъ до Истра, перешелъ черезъ эту рѣку и проникъ далеко вглубь дикой страны скинскихъ племенъ (въ нынѣшней южной Россіи). Какіе мотивы побуждали его къ этому странному походу, который даже въ случаѣ удачи нисколько не увеличилъ бы его могущества, — не зналъ даже Геродотъ ¹⁾; вѣроятно это была простая жажда завоеваній, соединенная съ незнаніемъ географіи. Однако предпріятіе потерпѣло полную неудачу; скибы удалились вглубь своихъ степей и болотъ, и персидское войско, которое нигдѣ не могло найти непріятели, принуждено было въ концѣ концовъ возвратиться черезъ Дунай вслѣдствіе недостатка въ съѣстныхъ припасахъ ²⁾.

Это пораженіе должно было глубоко поколебать персидское вліяніе въ Малой Азіи. До сихъ поръ персы переходили отъ побѣды къ побѣдѣ, всюду имъ предшествовала слава непобѣдимости; теперь пораженіе произвело тѣмъ болѣе сильное впечатлѣніе, что неудачнымъ походомъ руководилъ самъ царь. Немногого недоставало, чтобы дес-

греческими историками, начиная съ Геродота, въ высшей степени неправдоподобенъ. Такой человѣкъ, какъ Бартія, который ближе всѣхъ стоялъ къ трону, не могъ быть тайно устраненъ, и еще менѣе вѣроятно, чтобы непосредственно послѣ смерти Бартіи какой-нибудь обманщикъ, выдававшій себя за сына Кира, могъ встрѣтить довѣріе, да къ тому еще въ самой Персидѣ, гдѣ жили тысячи людей, знавшихъ истиннаго Бартію. Съ другой стороны ясно, что въ интересахъ Дарія было замаскировать фактъ захвата имъ трона.

1) Если Геродотъ (IV 1) говорить, что царь хотѣлъ отомстить скибамъ за произведенное ими 100 лѣтъ назадъ вторженіе въ Мидію, то это ни въ какомъ случаѣ не могло быть истиннымъ мотивомъ.

2) Herod. IV 83—143. Ctes. Pers. 16. 17. Хронологія сомнительна. Единственное сохранившееся указаніе (на Капитолійской доскѣ *CIG.* 6855 d) относитъ этотъ походъ къ 514/3 году; но мы не знаемъ, основано ли это извѣстіе на истинномъ преданіи.

сантъ греческаго флота, которому было поручено охраненіе моста черезъ Дунай, сломалъ этотъ мостъ и разбѣжался по домамъ, что повело бы къ вѣрной гибели персидскаго войска. Этотъ планъ не удался вслѣдствіе сопротивленія милетскаго тирана Гистіея, который хорошо понималъ, что его собственное положеніе во главѣ его города основывалось только на поддержкѣ персидскаго царя. Такимъ образомъ величайшая опасность была предотвращена. Однако на Геллес-понтѣ вспыхнуло возстаніе, которое, впрочемъ, осталось изолированнымъ и безъ большого труда было подавлено; при этомъ персамъ удалось даже подчинить своему господству еракійское побережье до Стримона ¹⁾. Но во всей западной части Малой Азіи броженіе продолжалось. Даже на Гистіея пало подозрѣніе царя, который подъ почетнымъ предлогомъ призвалъ его въ Сузу и тамъ задержалъ при своемъ дворѣ. При такихъ обстоятельствахъ малѣйшій поводъ могъ вызвать возмущеніе.

Въ Милетѣ послѣ отозванія Гистіея тиранія перешла къ его двоюродному брату и зятю Аристагору. Онъ вознамѣрился подчинить своему вліянію Циклады, поводомъ къ чему должно было послужить возвращеніе изгнанныхъ аристократовъ въ Наксось. Артафрень, сатрапъ Сардъ, одобрилъ это предпріятіе, выгодное и для персидскаго правительства; изъ греческихъ приморскихъ городовъ былъ собранъ флотъ, и на корабли посажено персидское войско. Но Наксось оказалъ неожиданное сопротивленіе, и послѣ того, какъ флотъ четыре мѣсяца простоялъ безъ всякаго успѣха предъ крѣпостью, ему ничего другого не оставалось дѣлать, какъ вернуться въ Азію (въ концѣ лѣта 499 года) ²⁾.

Неудача этой экспедиціи была искрой, отъ которой вспыхнуло давно уже готовившееся возстаніе ³⁾. Аристагоръ самъ сталъ во главѣ движенія; онъ сложилъ съ себя тиранію и призвалъ жителей Милета къ борьбѣ за свободу противъ варваровъ. Греческій флотъ, только

¹⁾ Herod. V 1—10.

²⁾ Herod. V 28—34. Относительно хронологіи см. ниже стр. 281 прим. 3. Возстаніе произошло позднимъ лѣтомъ, такъ какъ ему предшествовала четырехмѣсячная осада Наксоеа (Herod. V 34, сравн. V 31).

³⁾ Геродотъ (V 35) по обыкновенію все сводитъ къ мелкимъ личнымъ мотивамъ. Аристагоръ будто-бы боялся, что въ наказаніе за его неудавшееся предпріятіе его лишатъ тираніи. Но вѣдь онъ началъ возстаніе съ того, что добровольно сложилъ съ себя власть, — слѣдовательно, это не могло служить причиною. Ясно также, что мятежъ не могъ-бы получить такого широкаго распространенія, если-бы въ Малой Азіи все не было подготовлено къ возстанію. Очевидно, Аристагоръ видѣлъ, что онъ не въ силахъ остановить движеніе, и счелъ болѣе благоразумнымъ взять на себя руководство имъ.

что вернувшийся отъ Наксоса и расположившійся насупротивъ Милета, при устьѣ Меандра, съ восторгомъ присоединился къ нему; находившіеся на корабляхъ тираны были схвачены и выданы ихъ городамъ для наказанія. Послѣ этого возстаніе быстро распространилось по всему мало-азіатскому побережью; вездѣ свергали тирановъ и отказывали персамъ въ покорности ¹⁾).

Но Аристагоръ очень хорошо сознавалъ, что движеніе могло имѣть успѣхъ только въ томъ случаѣ, если-бы оно встрѣтило поддержку въ единоплеменникахъ по ту сторону Эгейскаго моря ²⁾). И сами европейскіе греки были сильно заинтересованы въ томъ, чтобы возстаніе не осталось безъ поддержки. Въ самомъ дѣлѣ, не нужно было обладать большой дальновидностью, чтобы понять, что персидское государство не могло на будущее время довольствоваться обладаніемъ азіатскою частью греческаго міра. Еще недавно предпріятіе противъ Наксоса показало, какіе планы составлялись въ Сузѣ и Сардахъ. Чувство самосохраненія заставляло грековъ предупредить нападеніе и начать неизбежную борьбу, пока еще на ихъ сторонѣ были азіатскіе собратья.

А между тѣмъ, изъ двухъ главныхъ греческихъ городовъ Спарта была занята болѣе неотложными дѣлами у себя дома. Ей снова предстояла война съ ея старымъ соперникомъ, Аргосомъ, которая дѣйствительно началась въ теченіе ближайшихъ лѣтъ. Спартанскій царь Клеоменъ перешелъ къ наступательнымъ дѣйствіямъ и, не будучи въ состояніи проникнуть съ юга въ аргосскую равнину, перевезъ свое войско на эгинскихъ и сикіонскихъ корабляхъ изъ Фирей въ Навплию. Близъ сосѣдняго Тиринеа произошла битва, въ которой аргосское войско было почти уничтожено. Правда, Клеомену не удалось завладѣть хорошо укрѣпленнымъ главнымъ городомъ ³⁾, какъ и вообще спартанцы были мало опыты въ веденіи осадъ; но могущество Аргоса было все-таки надолго сломлено. Изъ періекскихъ городовъ Микены и Тиринеъ получили независимость и вступили въ союзъ со Спартой ⁴⁾; другой

¹⁾ Herod. V 36—38.

²⁾ Herod. V 49—55. 97.

³⁾ Herod. VI 76—82. По оракулу у Геродота VI 19 и 77 пораженіе аргивянъ почти совпадаетъ съ паденіемъ Милета (494), между тѣмъ какъ по Herod. VII 148 битва при Тиринеѣ произошла незадолго (*νεωστί*) до 480 г. Во всякомъ случаѣ, она предшествовала началу войны между Эгиной и Аеинями (около 488 г.) (Herod. VI 92) и, по всей вѣроятности, также низложенію Дамарата (491). Болѣе точная датировка невозможна.

⁴⁾ Оба города приняли участіе въ войнѣ съ Кеерксомъ (IGA. 70, Herod. VII 202, IX 27), въ которой Аргосъ оставался нейтральнымъ.

части своихъ подданныхъ Аргосъ долженъ былъ предоставить гражданскія права ¹⁾. Теперь ничто не мѣшало Спартѣ двинуть войска за море; но въ это время Іонія уже была покорена превосходными силами персовъ.

Больше успѣлъ Аристагоръ въ Аѣинахъ, гдѣ тѣсныя родственныя связи и оживленныя торговыя сношенія обезпечивали іонянамъ самыя горячія симпатіи. Да и помимо этого, аѣиняне имѣли полное основаніе принять участіе въ войнѣ съ Персіей, такъ какъ Гиппій, считавшійся, какъ правитель Сигея, персидскимъ княземъ, пользовался большимъ вліяніемъ при дворѣ сатрапа въ Сардахъ, и Артафрентъ уже формально потребовалъ отъ Аѣинъ, чтобы они снова приняли изгнаннаго тирана ²⁾. Не смотря на это, аѣиняне ограничились полумѣрами. Въ помощь іонянамъ было послано только двадцать кораблей; этого было слишкомъ мало, чтобы оказать рѣшительное вліяніе на исходъ борьбы, но вполне достаточно, чтобы Аѣины пріобрѣли въ персидскомъ царѣ непримиримаго врага и навлекли на себя его месть въ случаѣ неудачи возстанія. Кромѣ того, Эретрія, искони находившаяся въ дружескихъ отношеніяхъ съ Милетомъ, прислала 5 триеръ. Вотъ все, что было сдѣлано метрополіей для спасенія ея колоній ³⁾.

При такихъ условіяхъ іоняне поступили совершенно правильно, начавъ наступательныя дѣйствія, прежде чѣмъ непріятель собралъ свои силы (весною 498 г.), и избравъ предметомъ нападенія главный городъ Малой Азіи, Сарды. Персидскій гарнизонъ былъ слишкомъ незначителенъ, чтобы защищать обширный городъ, и заперся въ неприступной крѣпости. Но въ то время, какъ греки вступали въ городъ, вспыхнулъ пожаръ, который съ страшною быстротою распространился на дома, крытые безъ исключенія камышемъ, и превратилъ весь городъ въ пепелъ. На осаду крѣпости греки не рѣшились, въ виду приближавшихся персидскихъ подкрѣпленій. Такимъ образомъ, не оставалось ничего другого, какъ вернуться въ Эфесъ ⁴⁾. Но во всей Малой

¹⁾ Arist. Polit. VIII (V) 1303 а. Herod. VI 83 передаетъ, будто *δοβλοι* захватили въ свои руки власть въ Аргосѣ; но въ то время въ Аргосѣ не могло быть сколько-нибудь значительнаго количества рабовъ, такъ что указаніе Аристотеля во всякомъ случаѣ заслуживаетъ предпочтенія.

²⁾ Herod. V 96.

³⁾ Herod. V 97—99.

⁴⁾ По Herod. VI 62, персы преслѣдовали іонянъ до Эфеса и тамъ нанесли имъ совершенное пораженіе. Харонъ Лампсакскій (FHG, I 33,2 у Plut. Περί 'Ηροδότου κακοῦθ. 24, стр. 861) ничего не знаетъ объ этомъ пораженіи, а онъ заслуживаетъ бѣльшаго довѣрія, не только какъ болѣе древній источникъ, но и по существу его извѣстій. Очевидно, что возстаніе не могло бы

Азіи пожаръ Сардъ произвелъ глубокое впечатлѣніе; города у Геллеспонта, Карія, Ликія и Кипръ присоединились теперь къ возстанію ¹⁾).

Аѳиняне, оставивъ своихъ союзниковъ въ Эфесѣ, отплыли домой; съ тѣхъ поръ они уже не принимали никакого участія въ войнѣ. За то они воспользовались царившею въ Малой Азіи смутой, чтобы сдѣлать пріобрѣтеніе для себя. Съ помощью тирана еракійскаго Херсонеса, аѳинянина Мильтіада, близкаго родственника того Мильтіада, который нѣкогда, при Писистратѣ, основалъ тамъ княжество (см. выше стр. 263), «пеласгическое» населеніе Лемноса и Имбра было изгнано и эти плодородные острова заселены аѳинскими колонистами. Такимъ образомъ Аѳины пріобрѣли господствующее положеніе у входа въ Геллеспонтъ ²⁾).

Между тѣмъ собрались военныя силы персовъ. Весною 497 г. войско двинулось къ Кипру, и хотя на морѣ іоняне одержали побѣду надъ финикійскими кораблями, за то соединенныя силы кипрскихъ

разростись, если бы походъ въ Сарды окончился пораженіемъ. Вообще, весь рассказъ Геродота объ этомъ возстаніи дышетъ нерасположеніемъ къ іонянамъ.

¹⁾ Herod. V 99—104.

²⁾ Herod. VII 136, 140, сравн. Diod. X 19, 6, Nepos. *Milt.* 2. Поэтому оба острова впослѣдствіи были населены аѳинскими гражданами (Thuc. VII 57), которые дѣлились на клисѳеновскія филы (CIA I 443, 444) и, слѣдовательно, сохранили права аттическаго гражданства. Если бы заселеніе Лемноса произошло до Клисѳена, то послѣдній установилъ бы здѣсь особыя дѣмы; между тѣмъ, лемносскія надписи упоминаютъ только извѣстныя аттическія дѣмы. Такимъ образомъ, столь подкупающая на первый взглядъ гипотеза, что аѳиняне упрочились на Лемносѣ еще во времена Писистратидовъ, должна быть отвергнута. А въ первые годы послѣ паденія тираніи Аѳинамъ предстояло рѣшить столько другихъ задачъ, и они находились въ такихъ натянутыхъ отношеніяхъ съ Персіей, что покореніе обоихъ острововъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть отнесено къ этому времени. Остается, слѣдовательно, принять ясное указаніе Геродота, по которому пріобрѣтеніе Лемноса и Имбра относится ко времени іонійскаго возстанія. Послѣ подавленія мятежа персы не имѣли никакого основанія изгонять аѳинскихъ колонистовъ, по крайней мѣрѣ тѣхъ, которые имъ подчинились; возможно также, что за нихъ вступился Гиппій. Предположеніе Кирхгофа (*Die Tributpflichtigkeit der attischen Kleruchen, Abh. der Berl. Akad.* 1873, стр. 30 сл.), что аттическая клерухія была учреждена лишь въ 443/2 году, представляетъ совершенно произвольную гипотезу, сравн. *Rh. Mus.* 39, стр. 46, *Bevölk. der griech.-röm. Welt* стр. 81 и особенно E. Meyer—*Forschungen* I стр. 15. Относительно до-аѳинскаго населенія Лемноса см. выше стр. 39 прим. 1 и стр. 128, E. Meyer I. с. стр. 6 сл.

князей потерпѣли на сушѣ, при Саламинѣ, полное пораженіе со стороны персовъ, и результатомъ этой побѣды было покореніе всего острова. Въ то же самое время персы открыли наступательныя дѣйствія и въ Малой Азіи. Города при Геллеспонтѣ, Эолія, Клазомены въ Іоніи были завоеваны. Правда, въ Каріи полководцы царя, послѣ нѣсколькихъ побѣдъ въ началѣ, потерпѣли рѣшительное пораженіе, которое на время остановило дальнѣйшіе успѣхи персидскаго оружія; но съ потерей Кипра участь возстанія была рѣшена. Самъ Аристагоръ палъ духомъ; притомъ его положеніе въ Милетѣ должно было пошатнуться съ тѣхъ поръ, какъ военное счастье обратилось противъ іонянъ. Онъ покинулъ отечество и отплылъ въ Миркинъ у нижняго теченія Стримона во Фракіи, который нѣкогда былъ подаренъ царемъ Гистіею въ награду за его услуги. При попыткѣ основать здѣсь городъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ позднѣе аѳиняне построили Амфиполисъ, онъ былъ убитъ эдонянами (496 г.) ¹⁾.

Между тѣмъ Дарій послалъ Гистіея въ Сарды, надѣясь при помощи его вліянія побудить іонянъ къ добровольному подчиненію. Въмѣсто этого старый тиранъ вступилъ съ недовольными персидскими вельможами въ заговоръ противъ сатрапа Артафрена, и затѣмъ, когда его участіе въ заговорѣ было обнаружено, спасся бѣгствомъ на Хиосъ. Но его надежда стать во главѣ національнаго движенія не оправдалась; милетцы не хотѣли больше признавать своего прежняго правителя. Наконецъ, получивъ отъ митиленцевъ нѣсколько кораблей, онъ началъ съ ними партизанскую войну въ Геллеспонтѣ ²⁾.

Уже пятый годъ продолжалось возстаніе, а Іонія все еще не была покорена. Попытка разъединить грековъ посредствомъ переговоровъ не удалась, и съ однимъ сухопутнымъ войскомъ ничего нельзя было сдѣлать противъ хорошо укрѣпленныхъ приморскихъ городовъ. Наконецъ, лѣтомъ 494 г. въ Эгейскомъ морѣ появился финикійскій флотъ, къ которому вынужденъ былъ присоединить свою эскадру и покоренный незадолго передъ тѣмъ Кипръ. Съ своей стороны греки собрали всѣ свои морскія силы—по преданію, 353 корабля, большею частью пятидесяти- и тридцативесельныхъ ³⁾. При небольшомъ островѣ Ладѣ,

¹⁾ Herod. V 108—126. По Thuc. IV 102 походъ Аристагора во Фракію предпринять былъ за 32 года до пораженія аѳинянъ при Драбескѣ; на 29-мъ году послѣ этого основанъ былъ Амфиполисъ. Последнее событіе относится къ 437/6 г. (Schol. Aesch. *περὶ παρατρ.* 34 и Diod. XII 32), слѣдовательно пораженіе при Драбескѣ произошло въ 465/4 г., походъ Аристагора—въ 497/6 г. или, если считать оба конечные года, въ 496/5 г.

²⁾ Herod. V 106—7, VI 1—5.

³⁾ Геродотъ (VI 8) говоритъ о тріерахъ, перенося, по своему обыкно-

въ виду Милета, дано было рѣшительное сраженіе, величайшее изъ всѣхъ, какія до сихъ поръ происходили на морѣ; побѣда досталась финикіянамъ, благодаря ихъ численному превосходству. Милеть былъ осажденъ и наконецъ взятъ приступомъ (осенью 494 г.). Онъ дорого заплатилъ за свое отпаденіе; если онъ и не былъ разрушенъ, то уже никогда не достигъ прежняго цвѣтущаго состоянія ¹⁾.

Теперь безъ особеннаго труда была подчинена Карія, а въ слѣдующемъ году возвращены къ покорности острова и приморскіе города до еракійскаго Босфора. Гистіей, провозгласившій себя, послѣ битвы при Ладѣ, тираномъ Хіоса, также попалъ въ руки персовъ и былъ казненъ Артафреномъ, какъ измѣнникъ. Повсюду были снова водворены прежніе тираны, или города получили новыхъ правителей. Налоги были наново распределены на основаніи грубаго размежеванія земель, и ограничена самостоятельность отдѣльныхъ городовъ: у нихъ было отнято, главнымъ образомъ, право веденія войны. Іонія была теперь связана съ государствомъ тѣснѣе, чѣмъ когда бы то ни было ²⁾.

Оставалось еще разсчитаться съ Аеинами и Эретріей за поддержку, которую они оказали возстанію, что и было приведено въ исполненіе въ началѣ слѣдующаго года (492). Войско подъ предводительствомъ Мардонія, зятя царя, перешло черезъ Геллеспонтъ и въ сопровожденіи сильнаго флота двинулось вдоль южнаго побережья Эракіи на западъ. Но при Аеонѣ бѣольшая часть флота была уничтожена бурей, а сухопутное войско понесло въ борьбѣ съ воинственными еракійскими племенами такія тяжелыя потери, что о немедленномъ продолженіи похода нечего было и думать. Мардоній долженъ былъ удовольствоваться тѣмъ, что снова упрочилъ персидское господство во Эракіи и покорилъ Македонію. Въ важнѣйшихъ крѣпостяхъ оставлены были гарнизоны, а остальное войско позднею осенью вернулось въ Азію ³⁾.

венію, условія своего времени на время Персидскихъ войнъ. Но даже Аеины и Сиракузы на высотѣ своего могущества не были въ состояніи собрать такой флотъ въ одномъ пунктѣ. Истина видна изъ Thuc. I 14.

¹⁾ Herod. VI 6—20. Въ словахъ *Μίλητος μὲν οὖν Μιλησίων ἡρώωντο* (VI 22) заключается сильное преувеличеніе; вѣдь самъ Геродотъ (IX 104) упоминаетъ объ отрядѣ милетцевъ въ персидскомъ войскѣ при Микале. Что сраженіе при Ладѣ произошло не за три года до паденія Милета, какъ думаетъ Бузольтъ (II стр. 39),—ясно само собою; оно относится безъ сомнѣнія къ лѣту того самаго года, осенью котораго былъ взятъ Милеть. (Сравн. отвѣтъ Бузольта II² 553 прим. 3. *Прим. перев.*).

²⁾ Herod. VI 25—33. 42.

³⁾ Herod. VI 43—45. Походъ Мардонія былъ предпринятъ въ третьемъ

Если не удалась попытка добраться до Греции сухимъ путемъ, то, можетъ быть, морской путь, поперекъ черезъ Эгейское море, представлялъ больше шансовъ на успѣхъ. Съ тѣхъ поръ какъ іонійскій флотъ былъ уничтоженъ при Ладѣ, не существовало больше такой силы, которая могла-бы въ открытомъ морѣ противостать кораблямъ царя. Правда, на флотъ можно было посадить лишь ограниченное количество сухопутныхъ войскъ; но казалось едва вѣроятнымъ, чтобы подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ страшной кары, только - что постигшей Іонію, греки поднялись для совмѣстныхъ дѣйствій.

Такимъ образомъ, черезъ два года послѣ возвращенія Мардонія, противъ Греціи двинулся сильный персидскій флотъ (490)¹⁾. Начало соотвѣтствовало ожиданіямъ. Циклады подчинились безъ пролитія крови; Эретрія, противъ которой флотъ затѣмъ направилъ свои дѣйствія, хотя и оказала мужественное сопротивление, но черезъ нѣсколько дней была взята штурмомъ. Отсюда персы переправились черезъ узкій проливъ, отдѣляющій Эвбею отъ материка, въ Аттику. Войско высадилось въ Мараѳонской бухтѣ, гдѣ полстолѣтія назадъ, также приплывъ изъ Эретріи, высадился Писистратъ, чтобы открыть отсюда свое побѣдоносное шествіе къ Аѳинамъ²⁾.

Сынъ Писистрата Гишій присоединился къ экспедиціи, успѣхъ которой долженъ былъ имѣть послѣдствіемъ его возстановленіе на аѳинскомъ престолѣ. Еще и теперь въ Аѳинахъ была сильная партія, преданная старой тиранической династіи; прошло лишь нѣсколько лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ (496/5 г.) Гиппархъ изъ Коллита, близкій родственникъ Писистратидовъ, занималъ высшій постъ въ государствѣ³⁾, и даже Алкмеониды, вліяніе которыхъ на управленіе государ-

году до битвы при Мараѳонѣ (Herod. VI 46. 95), слѣдовательно въ 492 г. (*τῷ προτέρῳ ἔτει* VI 95 въ концѣ—или ошибка, или не должно быть принимаемо въ буквальный смыслъ). Годомъ раньше, т. е. въ 493 г., было закончено усмиреніе мятежа (VI 43), еще раньше годомъ (494) былъ покоренъ Милетъ (VI 31). Это произошло на 6 году возстанія (VI 18), которое, слѣдовательно, началось въ 499, а можетъ быть еще въ 500-омъ году (сравни Geizer въ *Jahresbericht* Bursian'a, 1873 стр. 1062). Однако не нужно забывать, что всѣ эти даты только приблизительно вѣрны.

1) Битва при Мараѳонѣ произошла въ архонтство Фениппа, который управлялъ эту должность въ 490/89 г. (Тоерффер — *Quaest. Pisistr.* стр. 135 слл.) Время года не установлено въ точности; вѣроятно, въ концѣ лѣта,—слѣдовательно, въ 490 г.

2) Herod. VI 95—102.

3) Хотя Dionys. VI 1 и не говоритъ, что архонтомъ въ этомъ году былъ сынъ Харма изъ Коллита, это все-таки представляется очень вѣроятнымъ.

ствомъ все болѣе падало, втайнѣ поддерживали дѣло реставраціи ¹⁾. Но большинство гражданъ, по крайней мѣрѣ изъ состоятельныхъ классовъ, вовсе не было склонно купить такой цѣною миръ съ Персіей. Во главѣ ихъ стоялъ Мильтіадъ изъ Лакиады ²⁾, прежній тиранъ Херсонеса, который за участіе въ іонійскомъ возстаніи поплатился своимъ трономъ и теперь нашелъ убѣжище въ Аѣинахъ. ³⁾ Здѣсь онъ сначала, какъ тиранъ, былъ присужденъ къ смерти, но затѣмъ оправданъ судомъ присяжныхъ ⁴⁾; скоро послѣ этого народъ избралъ его въ стратеги (490 г.).

Этотъ выборъ имѣлъ большое значеніе, потому что Мильтіадъ былъ не только отъявленнымъ врагомъ персовъ, но и врагомъ Писистратидовъ, которые сначала заставили его отца Кимона уйти въ изгнаніе, а затѣмъ, позволивъ ему вернуться, избавились отъ него посредствомъ убійства ⁵⁾. О подчиненіи Персіи при такихъ обстоятельствахъ не могло быть рѣчи; напротивъ, тотчасъ по полученіи извѣстія о паденіи Эретріи созвали гражданское ополченіе и послали въ Спарту за помощью. Но тамъ изъ религиозныхъ соображеній медлили съ отправкой вспомогательнаго отряда ⁶⁾; поэтому часть аттическихъ стратеговъ была того мнѣнія, что нужно ограничиться защитою стѣнъ ⁷⁾. Если аѣиняне не приняли этого предложенія, которое, можетъ быть, погубило-бы все дѣло и во всякомъ случаѣ подвергло-бы страну всѣмъ ужасамъ войны, то это была заслуга Мильтіада. По его настоянію, было рѣшено двинуться на встрѣчу врагу и, въ случаѣ необходимости, дать сраженіе даже безъ спартанцевъ ⁸⁾. Войско расположилось на высотахъ въ западной части мараѣонской равнины, прикрывъ такимъ образомъ дорогу въ Аѣины.

¹⁾ Herod. VI 115 считаетъ нужнымъ защищать ихъ противъ этого упрека (VI 121—124). Но и Аристотель (*Аф. полит.* 22,6) причисляетъ Мегакла, племянника Клисеена, къ друзьямъ тирановъ.

²⁾ Aristot. *Аф. полит.* 28, 2.

³⁾ Herod. VI 38—41.

⁴⁾ Herod. VI 104.

⁵⁾ Herod. VI 103.

⁶⁾ Herod. VI 106. Въ добромъ желаніи спартанцевъ нельзя сомнѣваться, такъ какъ черезъ нѣсколько дней они дѣйствительно выступили въ походъ.

⁷⁾ Что Аѣины въ это время были укрѣплены, ясно изъ Thuc. I 89, 3 (*τοῦ τε γὰρ περιβόλου βραχέα εἰστήκει*, послѣ разрушенія Ксерксомъ) и 93, 2 (*μειζων γὰρ ὁ περιβόλος πανταχῆ ἐξήχθη τῆς πόλεως*, Θемистокломъ). Соображенія, выставленныя противъ этого извѣстія, носятъ субъективный характеръ; кромѣ того, главное доказательство падаетъ вмѣстѣ съ легендой о протестѣ спартанцевъ противъ постройки стѣнъ.

⁸⁾ Demosth. *de leg.* 303, Plut. *Quaest. Conv.* 3 p. 628.

Здѣсь было собрано около 9000 гоплитовъ; къ нимъ присоединилось приблизительно такое же количество легковооруженныхъ и небольшой вспомогательный отрядъ союзной Платеи ¹⁾. При трудности, съ какою сопряжена переправка черезъ море большихъ отрядовъ въ одномъ транспортѣ, представляется очень сомнительнымъ, чтобы персидскій флотъ заключалъ значительно большее число солдатъ ²⁾, и именно самая страшная часть персидскаго войска, конница, могла находиться здѣсь лишь въ очень ограниченномъ количествѣ ³⁾; а матросы почти совершенно не годились для битвы на сушѣ. Въ виду этихъ обстоятельствъ персы медлили нападеніемъ; они, очевидно, надѣялись, что въ Аѣинахъ начнется движеніе въ пользу Писистратидовъ. Съ другой стороны, и аѣиняне всѣми силами старались оттянуть битву до прихода спартанскихъ союзниковъ. Именно это соображеніе заставило, наконецъ, персидскаго полководца Датиса принудить аѣинянъ къ битвѣ въ неудобной мѣстности ⁴⁾; но его легковооруженное войско не выдержало натиска греческихъ гоплитовъ; съ большими потерями персы были оттѣснены къ своимъ кораблямъ, гдѣ они съ отчаяннымъ мужествомъ еще разъ взяли за оружіе. Дѣйствительно, имъ удалось спасти флотъ и сѣсть на корабли; только 7 триеръ остались въ рукахъ аѣинянъ. По преданію, 6400 варваровъ легли на полѣ битвы,

¹⁾ Геродотъ совсѣмъ не даетъ числа, а указанія позднѣйшихъ авторовъ основаны, очевидно, только на догадкахъ. Но они приблизительно совпадаютъ съ истиной, сравн. мое *Bevölkerung*, стр. 60.

²⁾ Притомъ Геродотъ VI 111 говоритъ, что греческая боевая линія была одинаковой длины съ персидскою. Delbrück (*Perserkriege* стр. 161) опредѣляетъ численность персидскаго войска въ 10—15000 пѣхотинцевъ и 1000 всадниковъ; я считаю послѣднее число слишкомъ высокимъ, а первое нѣсколько низкимъ.

³⁾ Поэтому въ Геродотовскомъ описаніи сраженія не упоминается о персидской конницѣ (Аѣины въ то время еще почти не имѣли всадниковъ), не смотря на то, что мараеонская равнина могла бы служить для нея отличнымъ полемъ дѣйствій.

⁴⁾ Аттическіе стратеги не могли скрывать отъ своего войска, что спартанцы обѣщали къ полнолунію выступить въ походъ (Herod. VI 107), и черезъ перебѣжчиковъ или плѣнниковъ объ этомъ должны были, слѣдовательно, знать и въ персидской главной квартирѣ. Такъ какъ спартанцы явились тотчасъ послѣ битвы (Herod. VI 120), то ясно, что Датисъ послѣдшилъ нападеніемъ именно съ цѣлью предупредить это усиленіе врага. Такъ понялъ дѣло тотъ авторъ—по всей вѣроятности Эфоръ,—изъ котораго заимствовалъ свой рассказъ Корнелій Непотъ (*Mitt.* 5). Излишне доказывать, что спартанцы не могли пройти въ 3 дня, какъ говоритъ Геродотъ, слишкомъ 200 килом. отъ Спарты до Аѣинъ, отчасти по крутымъ горнымъ тропинкамъ; для этого имъ нужно было по меньшей мѣрѣ 5 дней.

и хотя это число вѣроятно преувеличено, однако обширныя приготовления, сдѣланныя къ слѣдующему походу въ Грецію, доказываютъ, что пораженіе было очень тяжелымъ. Уронъ побѣдителей составлялъ, по преданію, лишь 192 человекъ, но въ числѣ убитыхъ находились полемархъ Каллимахъ изъ Афидны и одинъ изъ стратеговъ, Стесилей ¹⁾.

Послѣ этого Датисъ сдѣлалъ еще попытку завладѣть аѳинскою гаванью Фалерономъ—попытку, которая теперь, послѣ пораженія, конечно не могла увѣнчаться успѣхомъ; кромѣ того, при его приближеніи побѣдоносное войско уже стояло наготовѣ для защиты столицы. Такимъ образомъ, ему не оставалось ничего другого, какъ вернуться въ Азію. Старый Гиппій не перенесъ этихъ неудачъ, разрушившихъ всѣ его надежды; по преданію, онъ умеръ еще раньше, чѣмъ приплылъ въ свой Сигейонъ ²⁾.

Итакъ, Аттика освободилась отъ нашествія, и всѣ планы возстановленія монархіи рушились. Но еще гораздо крупнѣе, чѣмъ матеріальные результаты побѣды, было ея моральное значеніе. Она доказала, что мидійская пѣхота не могла соперничать съ греческими гоплитами; ореолъ непобѣдимости, окружавшій до тѣхъ поръ покорителей Азіи въ глазахъ эллиновъ ³⁾, исчезъ въ этотъ день. Хотя бы варвары возобновили свое нашествіе съ болѣе многочисленнымъ войскомъ, нація могла теперь смотрѣть въ глаза будущему съ увѣренностью въ своихъ силахъ.

Въ Персіи ни минуты не сомнѣвались въ необходимости исправить мараѳонскую ошибку. Въ первый разъ ошиблись въ силахъ непріятели и предприняли походъ съ недостаточными средствами; теперь нужно было повторить попытку въ болѣемъ масштабѣ. Но среди приготовленій къ этому походу Дарій умеръ, на пятомъ году со времени битвы при Мараѳонѣ (486); а его преемникъ Ксерксъ долженъ былъ подавить возстаніе въ Египтѣ, прежде чѣмъ могъ

¹⁾ Herod. VI 109—117, на которомъ основываются всѣ остальные источники; все, что они даютъ сверхъ этого, не заслуживаетъ довѣрія. Правильнымъ пониманіемъ сраженія мы обязаны Deibrück'у — *Perserkriege und Burgunderkriege* стр. 52 — 85. Топографическіе вопросы разбираетъ Lolling — *Mitteilungen des archaeol. Instituts in Athen I* (1876) стр. 88 сл. Въ последнее время раскопка *σωρός* показала, что этотъ холмъ дѣйствительно представляетъ собою могилу мараѳонскихъ воиновъ (*Δελτιον ἀρχαιολ.* 1890 стр. 123—32, Stais 'Ο ἐν Μαραθῶνι τῦμβος, *Athen. Mitteil.* XVIII (1893), стр. 46 сл.); слѣдовательно, сраженіе произошло въ южной части равнины. Этимъ опровергается значительная часть указаній Lolling'a.

²⁾ Suidas 'Ιππίας.

³⁾ Herod. VI 112.

приняться за исполненіе плановъ своего отца противъ Греціи ¹⁾. Такимъ образомъ, Эллада могла отдыхать послѣ Мараѳона десять лѣтъ.

Однако только въ Аѳинахъ, которымъ, правда, грозила ближайшая опасность, воспользовались этимъ временемъ для того, чтобы укрѣпиться противъ угрожавшаго нападенія. Уже въ первомъ году послѣ мараѳонской битвы Мильтіадъ сдѣлалъ попытку, во главѣ всего аѳинскаго флота, принудить Циклады къ отложенію отъ персовъ ²⁾. Ему, дѣйствительно, удалось добиться присоединенія къ Аѳинамъ западной цѣпи острововъ отъ Кеоса до Мелоса ³⁾; остальные-же Циклады оставались вѣрными союзниками персовъ, и осада Пароса, начатая затѣмъ Мильтіадомъ, не увѣнчалась успѣхомъ. По возвращеніи онъ былъ привлеченъ къ суду Ксантиппомъ изъ Холарга, однимъ изъ вожаковъ партіи Алкмеонидовъ, женатымъ на племянницѣ Клисеена, Агаристѣ. Присяжные, хотя не присудили мараѳонскаго побѣдителя къ смерти, какъ этого требовало обвиненіе, но наложили на него непосильный денежный штрафъ. Спустя короткое время Мильтіадъ умеръ отъ раны, полученной при Паросѣ ⁴⁾. Теперь оставили наступательную политику противъ Персіи; не пытались даже вернуть себѣ Лемносъ и Имбръ, которые отпали послѣ іонійскаго возстанія ⁵⁾. Въмѣсто этого ограничились болѣе легкой задачей—изгнать изъ города друзей тирановъ, или тѣхъ, кого считали таковыми. Гиппархъ изъ Коллита (см. выше стр. 282) былъ подвергнутъ изгнанію посредствомъ остракисма (весною 487 г.); эта мѣра была теперь впервые применена ⁶⁾.

Однако торжество Алкмеонидовъ было непродолжительно. Уже въ слѣдующемъ году (487/6) государственное устройство подверглось измѣненію въ демократическомъ духѣ. Высшая государственная должность, архонтство, замѣщалась до сихъ поръ, какъ мы знаемъ, путемъ народныхъ выборовъ; теперь постановлено было бросать жребій между кандидатами, и этимъ была уничтожена привилегія, которою до сихъ поръ фактически пользовались знатныя фамиліи при

¹⁾ Herod. VII 1—8.

²⁾ Herod. VI 132 сл.

³⁾ Они впоследствии выставили корабли для греческаго флота противъ Кееркса, между тѣмъ какъ остальные острова были въ союзѣ съ персами.

⁴⁾ Herod. VI 136.

⁵⁾ Въ 480 году Лемносъ выставилъ для персидскаго флота корабль, который, впрочемъ, при первомъ удобномъ случаѣ перешелъ на сторону аѳинянъ (Herod. VIII 11).

⁶⁾ Arist. *Ἠθ. полит.* 22, 4. По Андротіону у Нагр. *Ἰππάρχος* остракисмъ былъ только теперь введенъ, что представляется очень вѣроятнымъ.

замѣщеніи этой должности ¹⁾). Кажется, Алкмеониды противились этой реформѣ, которая прямо нарушала ихъ интересы и, безъ сомнѣнія, была предложена главнымъ образомъ съ цѣлью сломить ихъ вліяніе въ государствѣ. Но ихъ пѣсня была спѣта. Весною 486 г. глава этого рода, племянникъ Клизеена Мегаклъ, былъ изгнанъ остракизмомъ, а вскорѣ затѣмъ (въ 485 или 484 г.) та же участь постигла его шурина Ксанטיפпа ²⁾).

Теперь управление государствомъ перешло въ руки виновника реформы ³⁾, Аристиды изъ Алопеки. Молодымъ человѣкомъ онъ нѣкогда при Клизеенѣ принималъ участіе въ возстаніи противъ тирановъ ⁴⁾; впоследствии онъ примкнулъ къ Мильтіаду и черезъ годъ послѣ мараонской битвы (въ 489/8 г.) достигъ званія перваго архонта ⁵⁾. Не будучи геніальнымъ ни какъ государственный дѣятель, ни какъ полководецъ, онъ однако всегда обнаруживалъ правильное пониманіе того, что нужно было сдѣлать въ данную минуту; главнымъ же образомъ онъ былъ обязанъ своимъ политическимъ значеніемъ славѣ своей непоколебимой справедливости ⁶⁾.—Къ нему примкнулъ Θεμιστοκλῆς изъ Фреаррій. Онъ тоже принималъ дѣятельное участіе въ борьбѣ съ Алкмеонидами, за что послѣдніе позже отомстили ему непримиримой враждой ⁷⁾. Но онъ былъ дальновиднѣе Аристиды ⁸⁾. Онъ

¹⁾ Arist. 'Αθ. πολιτ. 22, 5. Въ противорѣчій съ этимъ извѣстіемъ Аристотель l. c. 8, 1 приписываетъ введеніе жребія уже Солону; но то, что онъ приводитъ въ подтвержденіе своего мнѣнія, относится, пожалуй, къ *ταμίαι* (именно въ томъ случаѣ, если этотъ законъ дѣйствительно исходилъ отъ Солона), но ни въ какомъ случаѣ не къ архонтамъ. При томъ положеніи, какое занималъ архонтъ во время Солона, нельзя думать о жребіи, даже *ἐκ προορίων*.

²⁾ Aristot. 'Αθ. πολιτ. 22, 5—6. Сравн. Pind. *Pyth.* VII 18. Прославляемая въ этой одѣ пѣйская побѣда Мегакла относится, вѣроятно, къ концу лѣта 486 г. Изгнаніе старшаго Алквивада, который тоже стоялъ очень близко къ Алкмеонидамъ, повидимому также относится къ этимъ годамъ, вѣроятно къ 485 г.; сравн. De Sanctis, *Rivista di Filologia* XX стр. 153.

³⁾ Plut. *Arist.* 22; но онъ не понималъ сущности реформы и отнесъ ее лишь ко времени послѣ Платейской битвы.

⁴⁾ Plut. *Arist.* 2.

⁵⁾ Plut. *Arist.* 5, *Marmor Par.* строка 65. Это избраніе должно было произойти раньше процесса Мильтіада, т. е. въ такое время, когда послѣдній находился на вершинѣ своего могущества. Впоследствии Аристидъ дѣйствовалъ заодно съ сыномъ Мильтіада, Кимонемъ.

⁶⁾ Herod. VIII 79.

⁷⁾ Plut. *Them.* 23. Этимъ объясняется и неблагопріятный отзывъ Геродота, который свои свѣдѣнія черпалъ большею частью изъ традиціи Алкмеонидовъ.

⁸⁾ Thuc. I 138, 3 характеризуетъ его, какъ *τὸν τε παραοήσια δι ἑλα-*

понявъ, что будущность Аѳинъ связана съ моремъ и что государство опять должно вступить на путь политики Писистрата. Въ этомъ направленіи онъ дѣйствовалъ уже и раньше, будучи первымъ архонтомъ; онъ приступилъ тогда (въ 493/2 г.) къ выполнению плана, задуманнаго до него Гиппиемъ ¹⁾,—вмѣсто открытаго и незащищеннаго Фалеронскаго рейда обратить въ военную гавань превосходную Пирейскую бухту ²⁾. Но для созданія большого флота нужны были очень значительныя средства; а возстановленная демократія вовсе не обнаруживала желанія рисковать своей популярностью, напрягая податныя силы народа. Поэтому сборъ поземельной подати, которая взималась во времена тирановъ, прекратился; мало того, стали даже дѣлить между гражданами богатые доходы съ лаврійскихъ серебряныхъ рудниковъ.

Между тѣмъ—кажется, въ 488 г.—Аѳины были вовлечены въ войну съ сосѣдней Эгиной ³⁾. Этотъ небольшой островъ, какъ намъ извѣстно, былъ однимъ изъ главныхъ средоточій греческой промышленности и торговли; его флотъ былъ самымъ сильнымъ и многочислен-

χίστης βουλῆς κράτιστος γνώμων, καὶ τῶν μελλόντων ἐπὶ πλείστον τοῦ γενησομένου ἀριστος εἰκαστής.

¹⁾ Aristot., *Ἀθ. πολιτ.* 19, 2.

²⁾ Thuc. I 93, 3. Весьма вѣроятно, что архонтъ 493/2 г.Themistocle и знаменитый государственный дѣятель того же имени—одно и то же лицо; по крайней мѣрѣ, было бы очень странно, если бы въ это время въ Аѳинахъ было два вліятельныхъ политическихъ дѣятеля по имени Themistocle. Сравн. также Euseb. къ Ol. 71, 1 (496/5) II стр. 100 Schoene. Мнимое архонтство Themistocle въ 482/1 г. основано только на совершенно произвольной комбинаціи; кромѣ того, какъ мы теперь знаемъ, архонты избирались тогда уже по жребию. Если Геродотъ (VII 143) называетъ Themistocle еще въ 480 г. *ἀνὴρ ἐξ πρώτους νεωστὶ παριών*, то онъ очевидно имѣетъ въ виду изданный за три года до того законъ о флотѣ; вѣдь ясно, что за Themistocle должно было быть уже долгое политическое прошлое, если онъ былъ въ состояніи провести столь важный законопроектъ.

³⁾ Война продолжалась до 481 г. (Herod. VII 145); въ 489 г. еще, повидимому, господствовалъ миръ, иначе Мильтиадъ не могъ бы предпринять свой походъ противъ Пароса. Если Геродотъ о началѣ войны повѣствуетъ раньше, чѣмъ о Мараонѣ (VI 93), то это объясняется тѣмъ, что онъ—справедливо или нѣтъ, это здѣсь безразлично—первый поводъ къ войнѣ видитъ въ подчиненіи жителей Эгины царю Дарію и не хочетъ прерывать началаго повѣствованія объ этомъ событіи. Съ другой стороны, до 483 г., когда Themistocle внесъ свой законопроектъ о флотѣ, война должна была продолжаться уже нѣсколько лѣтъ. Къ 488 г. относить эту войну приведенное Геродотомъ въ ненадлежащемъ мѣстѣ изреченіе оракула (V 89), по которому между началомъ этой и слѣдующей войны съ Эгиной (458 г.) прошло 30 лѣтъ. Сравн. Koehler *Rh. Mus.* 46 (1891) стр. 1—8.

нымъ во всемъ греческомъ мірѣ, съ тѣхъ поръ какъ, послѣ изгна- нія Писистратидовъ, пришло въ упадокъ морское могущество Аѳинъ и битва при Ладѣ сломила морскія силы Тонія. Аѳины давно уже смотрѣли съ безпокойствомъ на усиленіе сосѣдняго острова, и уже не разъ оба государства мѣрялись силами, но побѣда всегда доста- валась эгинцамъ. Теперь, наконецъ, внутреннія смуты на Эгинѣ, казалось, давали аѳинянамъ желанный случай одолѣть своихъ старыхъ враговъ.

Эгина еще сохраняла аристократическое устройство; но и здѣсь была многочисленная партія, стремившаяся къ ниспроверженію суще- ствующаго порядка и надѣявшаяся достигнуть своей цѣли съ по- мощью аѳинской демократіи. Однако возстаніе вспыхнуло раньше, чѣмъ пришли аѳиняне, и было безъ большого труда подавлено пра- вительствомъ. Аѳинянамъ удалось высадить на островъ десантный отрядъ и одержать побѣду надъ врагомъ въ открытомъ полѣ; но на морѣ эгинцы скоро опять взяли верхъ, такъ что аѳиняне были вы- нуждены увести свое войско обратно. Война затянулась надолго, на- нося тяжелый ущербъ аѳинской торговлѣ, такъ какъ эгинцы все время держали въ блокадѣ побережье Аттики ¹⁾.

Положеніе Аѳинъ было позорно, и въ аѳинскомъ обществѣ все болѣе распространялось убѣжденіе, что дальше такъ не можетъ про- должаться. Теперь, наконецъ,Themistokles могъ надѣяться осуществить свои великіе планы. Необходимыя средства были на лицо; не было на- добности въ новыхъ налогахъ, — вполне достаточно было только уни- чтожить вредный обычай распредѣленія избытковъ между гражданами. Поэтому Themistokles внесъ предложеніе, чтобы доходы съ лаврійскихъ серебряныхъ рудниковъ были употреблены на постройку кораблей (483/2). Именно, сверхъ тѣхъ 50 военныхъ кораблей, которыми госу- дарство уже владѣло, предполагалось по этому проекту построить боевой флотъ изъ 100 триеръ — большей величины кораблей, которые какъ разъ въ это время начали вытѣснять прежніе 50 - ти весельные корабли ²⁾.

1) Herod. VI 88—93. Эти неудачи въ войнѣ противъ Эгины легко можно было бы привести въ связь съ паденіемъ Алкмеонидовъ; однако хронологія слишкомъ ненадежна, чтобы мы могли позволить себѣ подобнаго рода ком- бинаціи.

2) Herod. VII 144. Arist. *А9. полст.* 22, 7. Въроятно въ силу этого за- кона навкраіи были уничтожены и для завѣдыванія олотомъ замѣнены триттіями; такъ какъ флотъ былъ увеличенъ въ три раза, то каждая триттія дол- жна была теперь выставлять столько кораблей, сколько прежде выставяла цѣлая фила. Сравни. Koehler *Athen. Mitteil.* X (1885) стр. 106.

Это предложеніе встрѣтило, конечно, сильную оппозицію, во главѣ которой сталъ Аристидъ. Онъ опасался политическихъ послѣдствій, которыя должно было повлечь за собою перенесеніе центра тяжести могущества Аѣиныхъ съ суши на море. Однако положеніе, созданное войною съ Эгиной, было такъ тяжело, что большинство народа, не колеблясь, охотно принесло жертву, которой требовалъThemistocles. Аристидъ былъ изгнанъ остракизмомъ (весною 482 г.) ¹⁾, и предложенія Themistocles были приняты. Когда черезъ два года персы снова предприняли походъ противъ Эллады, Аѣины владѣли флотомъ, который превосходилъ не только эгинскій, но вообще флоты всѣхъ другихъ греческихъ государствъ, исключая, пожалуй, только молодого сиракузскаго флота, созданнаго въ это самое время Гелономъ.

Въ то время, какъ Аѣины такимъ образомъ въ тишинѣ упрочивали за собою мѣсто первой морской державы Греціи, преобладающее въ послѣдней государство, Спарта, перенесло тяжелый внутренній кризисъ. И здѣсь, какъ мы видѣли, царская власть уже рано была ограничена совѣтомъ старѣйшинъ, герусіей; съ другой стороны, народное собраніе сохранило за собою право послѣдняго рѣшенія во всѣхъ важныхъ государственныхъ вопросахъ ²⁾,—право, которое оно въ другихъ частяхъ Греціи потеряло, если не формально, то фактически, еще въ гомеровскія времена. Причина этого явленія заключается, очевидно, въ томъ, что завоеваніе нижней долины Эвроты и Мессеніи дало возможность надѣлать землею большое количество бѣднѣйшихъ гражданъ и тѣмъ предотвратило экономическій кризисъ, который въ большей части остальныхъ государствъ привелъ мелкихъ свободныхъ въ зависимость отъ знати. Въ VIII вѣкѣ была учреждена коллегія эфоровъ, выборная должность въ помощь царямъ при гражданскомъ судопроизводствѣ и полицейскомъ надзорѣ за гражданами и подданными ³⁾. Этотъ институтъ долженъ былъ пріобрѣтать все большее вліяніе по мѣрѣ того, какъ цари, вслѣдствіе расширенія

1) Aristot. 'Αθ. πολιτ. 22, 7, Plut. Arist. 7. Нѣтъ прямыхъ указаній на то, что Аристидъ противился принятію закона о флотѣ; но это слѣдуетъ изъ того обстоятельства, что его изгнаніе остракизмомъ и законъ о флотѣ относятся къ одному и тому же году.

2) Tyrst. fr. 4 *δημον δὲ πλῆθει νίκην καὶ κέρτος ἐπεσθαι*; и въ такъ назыв. ликурговой ретрѣ у Плутарха *Luc. 6* сказано: *δάμω δὲ τὰν κυρίαν ἤμεν καὶ κέρτος*.

3) См. выше, стр. 240. Списокъ эфоровъ-эпонимовъ начинался, по преданію, 757 годомъ (выше, стр. 9); такъ какъ мы находимъ эфоровъ въ тарентинской колоніи Гераклея, то мы должны предположить существованіе этой должности и въ Тарентѣ, и такимъ образомъ становится очень вѣроятнымъ,

предѣловъ государства, все менѣе были въ состояніи лично исполнять упомянутыя функціи; впрочемъ, около времени великаго мессенскаго возстанія политическое значеніе эфората было еще, по видимому, довольно ограничено ¹⁾. Тогда въ Спартѣ начались сильныя внутреннія смуты, которыя наконецъ были прекращены формальнымъ договоромъ между народомъ и царскою властью; цари должны были дать клятву соблюдать законы, а эфоры съ своей стороны обѣщали отъ имени народа охранять права царей, пока послѣдніе будутъ исполнять свою клятву. Эта обоюдная присяга возобновлялась каждый мѣсяць ²⁾. Такимъ образомъ, эфоры заняли въ государствѣ равное положеніе наряду съ царями ³⁾.

Съ этихъ поръ цари постоянно стремились къ тому, чтобы разбить эти оковы; и когда Клеоменъ побѣдилъ аргивянъ, казалось, наступилъ для этого благоприятный моментъ. Покоритель Тиринеа началъ съ того, что возбудилъ противъ своего товарища изъ другой династіи, Дамарата, обвиненіе въ незаконномъ происхожденіи, и подъ этимъ предлогомъ добился его низложенія, при чемъ ему оказало помощь изреченіе дельфійскаго оракула (491) ⁴⁾. Дамаратъ искалъ убѣ-

что она существовала въ Спартѣ уже во время основанія этой колоніи. Однако, мы не знаемъ, была ли должность эфоровъ съ самаго начала выборною.

1) Turf. fr. 4 еще не упоминаетъ объ эфорахъ, точно такъ-же, какъ и такъ наз. ликургова ретра (у Плутарха *Лус.* 6) — изображеніе древняго государственнаго устройства Спарты въ формѣ изреченія оракула (сравн. E. Meyer *Forschungen* I 262 сл.), какія были распространены уже во время Тиртея (Turf. fr. 4). Это, разумѣется, ни въ какомъ случаѣ не доказываетъ, что въ VII вѣкѣ еще не было эфоровъ, но свидѣтельствуетъ о томъ, что эта должность имѣла въ то время второстепенное значеніе.

2) Xen. *Аакед. Полит.* 15, 7, Niese *Zur Verfassungsgeschichte Lakedaemons*, въ *Hist. Zeitschr. Zubeля* 62 (N. F. 26), 1889, стр. 69. Позднѣ этотъ договоръ былъ отнесенъ ко времени переселенія дорянъ, см. доказательства у Niese I. c.

3) У Плутарха—*Cleom.* 10—эфоръ Астеропъ, жившій „спустя много поколѣній послѣ Θεοπομπα“, упоминается, какъ основатель могущества эфоровъ, между тѣмъ какъ Laert. *Diog.* I 68 то же самое рассказываетъ о Хейлонѣ, который былъ эфоромъ около 560 г. Царя Анаксандрида, первый бракъ котораго остался бездѣтнымъ, эфоры заставили вступить во второй бракъ (Herod. V 40); царь Клеоменъ долженъ былъ оправдать себя передъ эфорами послѣ своего похода противъ Аргоса (Herod. VI 82). Уцѣлвшій матеріалъ слишкомъ скуденъ, чтобы можно было въ деталяхъ опредѣлить компетенцію эфоровъ по отношенію къ царямъ въ этомъ періодѣ.

4) Herod. VI 51—86. Царь Архидамъ вступилъ на престолъ въ 469 г. (Diod. XII 35, Thuc. III 1 и 89, сравн. Diod. XI 48); его предшественникъ Леотихидъ, который царствовалъ, по преданію, 22 года, сдѣлался, слѣдовательно,

жища въ Персіи, гдѣ Дарій далъ ему въ управленіе горную крѣпость Пергамъ и сосѣдніе города въ плодородной долинѣ Капка въ Мисіи; его мѣсто въ Спартѣ занялъ глава младшей линіи династіи Эврипонтидовъ, Леотихидъ, находившійся, разумѣется, въ полной зависимости отъ Клеомена, которому онъ былъ обязанъ достиженіемъ престола. Такимъ образомъ Клеомень приобрѣлъ такое положеніе, какового давно не занималъ ни одинъ спартанскій царь; но именно это и вызвало реакцію въ общественномъ мнѣніи, и Клеомень былъ вынужденъ покинуть страну. Онъ отправился въ Аркадію и собралъ тамъ войско, чтобы силою добиться возвращенія. Волей-неволей спартанцы принуждены были возвратить ему царское достоинство. Вскорѣ затѣмъ онъ, по преданію, впалъ въ сумасшествіе, и брошенный въ тюрьму по требованію своихъ родичей, самъ лишилъ себя жизни ¹⁾. По всей вѣроятности, онъ былъ убитъ эфорами по соглашенію съ его сводными братьями, Леонидомъ и Клеомбротомъ, изъ которыхъ старшій, Леонидъ, наследовалъ ему во власти. Леотихидъ также лишь съ большимъ трудомъ удержался на престолѣ ²⁾; но призвать опять Дамарата, вассала великаго царя, не могли рѣшиться въ такое время, когда каждую минуту можно было ожидать новаго нашествія персовъ. Царская власть въ Спартѣ уже никогда не оправилась отъ этихъ ударовъ; съ этихъ поръ направленіе политики государства зависить исключительно отъ эфоровъ, между тѣмъ какъ цари все болѣе и болѣе нисходятъ на степень простыхъ исполнительныхъ должностныхъ лицъ, подчиненныхъ эфорамъ.

Между тѣмъ приготовленія персовъ пришли къ концу. На этотъ разъ они задались цѣлью подчинить себѣ всю Грецію, и размѣръ ихъ приготовленій соотвѣтствовалъ такому плану. Во главѣ почти 100000 войска царь Ксерксъ весною 480 г. перешелъ Геллеспонтъ на двухъ понтонныхъ мостахъ, чтобы затѣмъ вдоль сѣвернаго побережья Эгейска-

царемъ въ 491 г. Также и по Геродоту (VI 50—73) изложеніе Дамарата произошло незадолго до битвы при Марафонѣ. Или хронографы опредѣлили время вступленія Леотихида на престолъ именно по этому мѣсту Геродота? Во всякомъ случаѣ, мнимая приверженность эгинцевъ къ Персіи очень похожа на аеинскую выдумку; вообще мало вѣроятно, чтобы Дарій до Марафонской битвы предложилъ черезъ герольдовъ грекамъ подчиниться ему. То обстоятельство, что Клеомень взялъ заложниковъ отъ Эгины (Herod. I. c.), объясняется, можетъ быть, совершенно иными причинами.

1) Herod. VI 61—75. Клеомень умеръ, повидимому, незадолго до начала войны между Аеинами и Эгиной (Herod. VI 85 слл.), слѣдовательно, приблизительно въ 489 или въ началѣ 488 г.

2) Herod. VI 85.

го моря двинуться на западъ. Такой арміи греческій міръ еще никогда не видѣлъ; не удивительно поэтому, что фантазія современниковъ была сильно поражена этимъ зрѣлищемъ и до безконечности преувеличила количество непріятельскаго войска. Надпись на памятникѣ, который впослѣдствіи былъ воздвигнутъ пелопоннесцами въ воспоминаніе о сраженіи при Термопилахъ, опредѣляетъ число непріятельскаго войска въ три милліона ¹⁾; а Геродотъ исчисляетъ сухопутное войско вмѣстѣ съ флотомъ даже свыше пяти милліоновъ человекъ, включая сюда, впрочемъ, и очень многочисленный обозъ ²⁾. Флотъ состоялъ, по преданію, изъ 1207 кораблей ³⁾; эта цифра, вѣроятно, правильна, только нужно понимать подъ нею не тріеры или боевые суда, а вообще корабли.

Въ виду такихъ огромныхъ силъ, всякое сопротивленіе казалось большинству грековъ бесполезнымъ; даже дельфійскій оракулъ считалъ побѣду персовъ несомнѣнной и совѣтовалъ добровольно подчиниться неизбѣжному ⁴⁾. Царь вѣдь не хотѣлъ истребить эллиновъ; онъ требовалъ лишь подчиненія, и, наконецъ, примѣръ азіатскихъ единоплеменниковъ показывалъ, что и подъ персидскимъ господствомъ можно жить. Что касается Аѣинъ, то здѣсь, конечно, нечего было и думать о подчиненіи; послѣ того, что произошло, оставался выборъ только между побѣдой и гибелью. А для Спарты подчиненіе Персіи означало-бы потерю гегемоніи надъ Пелопоннесомъ, которой она добилась въ теченіе послѣдняго столѣтія. Такимъ образомъ, поведеніе обоихъ государствъ было уже заранѣе намѣчено. Политика Спарты, въ свою очередь, опредѣляла образъ дѣйствій членовъ пелопоннесскаго союза; а военныя силы, которыми располагалъ этотъ союзъ, были настолько значительны, что ни одно государство греческаго ма-

¹⁾ Herod. VII 228.

²⁾ Herod. VII 186: 5.283.220 человекъ, изъ нихъ 1.700.000 пѣшихъ воиновъ (VII 60) и 80.000 всадниковъ (VII 87). Такъ какъ Ксерксъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи только одинъ путь, то въ то время, какъ авангардъ достигъ Термопилъ, арріергардъ долженъ былъ только вытупить изъ воротъ Сардъ, если даже не принимать въ расчетъ обоза. Ясно, слѣдовательно, что даже указаніе Ктесія (*Pers.* 23), будто войско состояло изъ 800.000 человекъ, еще сильно преувеличено. Сравни. Delbrück *Perserkriege* стр. 137 слл., который (стр. 164) считаетъ 45—55.000 воиновъ, что опять ниже дѣйствительнаго количества.

³⁾ Aesch. *Pers.* 341 слл. Herod. VII 89, который сообщаемое Эсхиломъ общее число произвольно распредѣляетъ между отдѣльными частями войска. Кроме того, по Геродоту Ксерксъ имѣлъ еще 300 небольшихъ кораблей (VII 97).

⁴⁾ Herod. VII 140. 141. Pomtow *Jahrb. für Phil.* 129 (1884) стр. 253 слл.

терика не рѣшилось примкнуть къ Персіи, пока царь еще былъ далеко. Одинъ только Аргосъ, старый соперникъ Спарты, сохранялъ нейтралитетъ; Беотія и Фессалія присоединили, хотя и неохотно, свои войска къ союзной арміи. Сильная на морѣ Корцира обѣщала помощь, но устроила такъ, что ея флотъ опоздалъ къ сраженію. Властитель восточной Сициліи, Гелонъ, поставилъ свое содѣйствіе въ зависимость отъ невыполнимыхъ условій; онъ готовъ былъ подчиниться царю, если-бы послѣднему досталась побѣда въ предстоявшей войнѣ, что казалось очень вѣроятнымъ ¹⁾.

Даже въ государствахъ, рѣшившихся на борьбу за свободу, настроеніе было весьма невеселое; надѣялись больше на помощь боговъ, чѣмъ на собственныя силы ²⁾. Однако необходимыя приготовленія дѣлались. Еще осенью 481 года депутаты союзныхъ эллиновъ собрались на Исомъ ³⁾. Прежде всего въ Элладѣ провозглашенъ былъ всеобщій миръ, и этимъ положенъ конецъ войнѣ между Аеанами и Эгиной. Въ Аеинахъ и, вѣроятно, также въ другихъ государствахъ были возвращены политическіе изгнанники ⁴⁾. Главное начальство досталось, конечно, лекедемонянамъ. Рѣшено было прежде всего защищать Темпейское ущелье, черезъ которое протекаетъ между Олимпомъ и Оссою рѣка Пеней, впадающая въ Термейскій заливъ, и проходитъ военная дорога изъ Фессаліи въ Македонію. Съ этою цѣлью весной 480 г. отправленъ былъ туда отрядъ изъ 10000 голитовъ. Однако, въ виду подозрительнаго поведенія фессалійцевъ, эта позиція представлялась слишкомъ рискованной; кромѣ того, Темпейское ущелье можно было обойти со стороны сѣвернаго склона Олимпа, а боевыхъ силъ эллиновъ было недостаточно, чтобы защищать всѣ эти переходы. Поэтому, при приближеніи персидской арміи, греки безъ кровопролитія очистили эту позицію. Фессалія теперь открыто перешла на сторону непріятели, которому богатая область служила отличнымъ базисомъ для военныхъ дѣйствій ⁵⁾.

Второю оборонительною линіей представлялись теперь Термопильскія тѣснины, на границѣ между Фессаліей и средней Греціей, въ томъ мѣстѣ, гдѣ лѣсистыя предгорья Эты близко подходили къ Малійскому заливу ⁶⁾. Это тѣсное ущелье можно было съ небольшимъ

1) Herod. VII 145—171.

2) Theogn. 773—782, Herod. VII 138, Thuc. III 56, 5.

3) Herod. VII 145.

4) Arist. *᾽Αθ. πολιτ.* 22, 8, Plut. *Arist.* 8.

5) Herod. VII 173—174.

6) Съ древности здѣсь, благодаря наносамъ Сперхея, образовался широкій мысъ, такъ что весь характеръ мѣстности измѣнился.

войскомъ защитить противъ большой арміи, при томъ условіи, если бы защитникъ владѣлъ моремъ и былъ въ состояніи запереть также горныя тропинки, по которымъ можно было обойти позицію съ лѣваго фланга. Полагаясь на естественную неприступность ущелья, пелопоннесцы послали сначала только одинъ корпусъ изъ 4000 гоплитовъ подъ предводительствомъ лакедемонскаго царя Леонида ¹⁾; къ нему присоединились отряды окрестныхъ областей Беотіи, Локриды и Фокиды, такъ что въ общемъ при Фермопилахъ собралось для встрѣчи непріятеля около 7000 тяжеловооруженныхъ воиновъ ²⁾. Остальная часть союзной арміи должна была подоспѣть, какъ только окончатся Карнейскія и Олимпійскія празднества, отложить которыя не рѣшились изъ религіозныхъ соображеній. Въ то же время флотъ расположился у сѣвернаго берега Эвбеи, вблизи храма Артемиды Просео и въ области Гистіеи, чтобы отрѣзать непріятелю входъ въ греческія воды ³⁾. Начальство принадлежало номинально лакедемонскому наварху Эврибиаду, въ дѣйствительности-же—аѣинскому стратегу Фемистоклу, такъ какъ 127 кораблей, выставленныхъ Аѣинами, составляли почти половину всей греческой эскадры.

Приблизительно въ серединѣ августа персидская армія, подкрѣпленная своими новыми ѳессалійскими союзниками, подошла къ Фермопиламъ. Нападенія на ущелье съ фронта были отбиты съ большимъ урономъ для варваровъ; но въ то время, какъ вниманіе грековъ было сосредоточено здѣсь, Ксерксу удалось черезъ одинъ изъ горныхъ проходоу Эты послать отрядъ въ тылъ непріятеля. Греческое войско, подвергшись нападенію одновременно и спереди, и сзади, было уничтожено; Леонидъ и большая часть его воиновъ умерли смертью героевъ ⁴⁾.

1) Таково было число, судя по надписи на памятникѣ, который былъ здѣсь воздвигнутъ впоследствии въ память павшихъ пелопоннесцевъ (Herod. VII 228).

2) Herod. VII 202—3.

3) Относительно мѣстности сравн. Lolling *Athen. Mitteil.* VIII (1883) стр. 7 сл. Храмъ *Ἄρτεμις Προσῆα* находился недалеко отъ сѣвернаго края острова, между деревнями Потокки (з.) и Курбатеи (в.)

4) Herod. VII 201—233. Разсказъ о томъ, будто Леонидъ передъ катастрофой отослалъ обратно своихъ союзниковъ и самъ со своими спартиатами остался на потерянномъ посту, есть выдумка во славу спартакаго царя; самъ Геродотъ начинаетъ этотъ разсказъ съ *λέγεται* (VII 220) и, опредѣляя потери грековъ (VIII 25), предполагаетъ, что вся пелопоннеская армія погибла. Дѣйствительно, послѣ того какъ обходъ удался, было уже поздно отступать, совершенно такъ же, какъ послѣ обхода римлянами Антиоха въ 191 году. Единичные воины могли, конечно, спастись бѣгствомъ.

Между тѣмъ персидскій флотъ также отплылъ на югъ вдоль береговъ Магнесіи. Тутъ его застигла сильная буря съ сѣверо-востока, отъ которой на скалистомъ, лишенномъ гаваней берегу негдѣ было укрыться. По преданію, погибло 400 кораблей, треть всей эскадры; весь берегъ отъ Мелибеи до мыса Сепіи, на протяженіи 70 километровъ, покрылся обломками и трупами ¹⁾. Однако и послѣ этой потери персидскій флотъ численностью далеко превосходилъ греческій. Какъ только море успокоилось, варвары вошли въ Эвбейскій заливъ и заняли позицію при Афетахъ, на южномъ берегу Магнесіи, насупротивъ Артемисіа, гдѣ стоялъ греческій флотъ. Еще въ тотъ же вечеръ началось сраженіе, которое съ переменнымъ успѣхомъ продолжалось оба слѣдующіе дня. Только когда пришло извѣстіе, что Леонидъ палъ и Фермопилы взяты, греки покинули свою позицію, которую они до тѣхъ поръ мужественно отстаивали, несмотря на численный перевѣсъ непріятеля ²⁾.

Города Беотіи, Локриды и Фокиды успѣшили теперь заключить миръ съ побѣдителемъ; тѣ, которые не сдѣлали этого, какъ Феспія и Платея, были сожжены. Поведеніе оракула еще до прихода персовъ заставляеть предполагать, что Дельфы также подчинились; во всякомъ случаѣ, Ксерксъ долженъ былъ пощадить эту святыню во вниманіе къ своимъ вессалійскимъ союзникамъ. При такихъ условіяхъ нечего было думать о защитѣ Аттики. По предложеніюThemistoclea рѣшено было покинуть страну; мужчины, способные носить оружіе, сѣли на корабли, а женщины, дѣти и движимое имущество были переправлены на Саламинъ, Эгину и Пелопоннесъ. Теперь Ксерксъ могъ безпрепятственно вступить въ Аѣины. Только въ агрополѣ остался небольшой гарнизонъ, который черезъ нѣсколько дней

¹⁾ Herod. VII 188—192.

²⁾ Herod. VIII 1—21. Разсказъ о томъ, будто персы послали эскадру изъ 200 кораблей вдоль восточнаго берега Эвбеи съ цѣлью отрѣзать грекамъ отступление черезъ Эврипъ (Herod. VIII 7), представляетъ ничто иное, какъ дубликатъ маневра, дѣйствительно совершеннаго персами при Саламинѣ; возможно, что нѣкоторые изъ персидскихъ кораблей были прибиты бурей къ *κοίλα τῆς Εὐβοίας* и тамъ потерпѣли крушеніе, что и дало Геродоту поводъ говорить о гибели всего флота, посланнаго въ обходъ. Точно такъ же все, что Геродотъ (VIII 4 слл.) передаетъ о трусости пелопоннесцевъ, которые при приходѣ персовъ будто бы думали только о бѣгствѣ,—скопировано съ исторіи саламинской битвы; пока Леонидъ защищалъ Фермопилы, Эврибиадъ долженъ былъ всѣми силами стараться удержать позицію при Артемисіѣ, что онъ и дѣлалъ. Противъ исторіи о подкупѣ Themistoclea эвбейцами и Эврибиада и Адейманта Themistocleomъ (Herod. VIII 4, 5) полемизируетъ уже Плутархъ (*Περὶ Ἡρόδ. κακοῦθ.* 34).

паль подъ натискомъ персовъ; въ отместку за разрушеніе Сарды побѣдитель сжегъ храмы кремля ¹⁾).

Чтобы сдѣлать возможнымъ оступленіе жителей Аттики и въ то же время прикрыть Мегару и Эгину, греческій флотъ былъ сосредоточенъ у Саламина. Новыми подкрѣпленіями были съ избыткомъ пополнены потери, понесенныя при Артемисиѣ, такъ что теперь подъ начальствомъ Эврибиада находилось свыше 300 кораблей ²⁾). Между тѣмъ непріятельскій флотъ, не тратя времени на покореніе Эвбеи, плылъ въ прямомъ направленіи черезъ Эврипъ и три дня спустя прибылъ въ Фалеронскую бухту, гавань Аеинъ ³⁾). Грекамъ предстоялъ теперь выборъ—принять битву при Саламинѣ, или отступить къ Исѣму, гдѣ было собрано для охраны полуострова пелопоннесское союзное войско. Пелопоннесцы высказались, разумѣется, за послѣднее, тогда какъ аеиняне, эгинцы и мегаряне стояли, конечно, за выжиданіе при Саламинѣ. Въ пользу своего мнѣнія они указывали на то обстоятельство, что въ узкомъ проливѣ между островомъ и берегомъ Аттики персы не сумѣютъ развернуть свои превосходныя силы; съ другой стороны, однако, было очевидно, что въ случаѣ несчастнаго исхода морского сраженія флотъ при Саламинѣ обреченъ на вѣрную гибель, тогда какъ при Исѣмѣ въ худшемъ случаѣ могло бы служить оплотомъ сухопутное войско. Рѣшающее значеніе имѣло то обстоятельство, что аеинская эскадра—110 военныхъ кораблей—сама по себѣ превосходила всѣ пелопоннесскія эскадры, вмѣстѣ взятыя; это придавало мнѣніюThemistocle въ военномъ совѣтѣ такой вѣсъ, что Эврибиадъ по необходимости долженъ былъ подчиниться ⁴⁾).

Итакъ, флотъ остался при Саламинѣ, и вскорѣ нападеніе персовъ положило конецъ всякимъ колебаніямъ. Ксерксъ надѣялся однимъ ударомъ уничтожить греческій флотъ и такимъ образомъ быстро окончить войну, что представлялось тѣмъ болѣе желательнымъ, что благоприятное время года приближалось къ концу. Главную часть своего флота онъ помѣстилъ вблизи небольшого острова Пситтали, при входѣ въ проливъ, отдѣляющій Саламинъ отъ материка; другая эскадра получила приказаніе обойти Саламинъ съ юга, съ цѣлью запереть узкій морской проливъ между островомъ и мегарскимъ берегомъ. Свои передвиженія персы произвели ночью, чтобы непріятель

1) Herod. VIII 31—39, 50—55.

2) Herod. VIII 40—49. Сравни. мое *Bevölkerung* стр. 508 слл.

3) Herod. VIII 66.

4) Herod. VIII 56—64

не могъ воспользоваться темнотою для бѣгства къ Исѣму; когда разсвѣло, греки убѣдились, что они окружены со всѣхъ сторонъ и что безъ битвы для нихъ нѣтъ спасенія. Поэтъ Эсхиль, который самъ сражался въ этотъ рѣшающій день древней греческой исторіи, оставилъ намъ описаніе битвы; вотъ оно:

Ужъ ясный день объялъ собой всю землю, —
Вдругъ шумный крикъ отъ эллиновъ пронесся,
Какъ пѣсни звукъ, и громко въ то-же время
Имъ эхо скаль откликнулось въ отвѣтъ.
Труба у нихъ все къ битвѣ пробудила.
И дружно вдругъ они морскія волны
Ударомъ весель вспѣнили своихъ,
И скоро всѣхъ ихъ видѣть мы могли.
Ихъ правое крыло шло впереди,
Порядокъ соблюдая, а за нимъ
Весь флотъ спѣшилъ, и слышенъ въ то-же время
Былъ громкій крикъ: „Впередъ, сыны Эллады,
Спасайте родину, спасайте женъ,
Дѣтей своихъ, боговъ отцовскихъ храмы,
Гробницы предковъ: бой теперь—за все!“
На встрѣчу имъ неслись и персовъ крики,
И медить дольше было невозможно:
Одинъ корабль ударилъ мѣднымъ носомъ
Въ другой, и началъ эллинскій корабль
Сраженье, сбивши съ судна финикійцевъ
Всѣ украшенья. Всюду бой кипѣлъ.
Сперва стояло твердо войско персовъ;
Когда-же скучились суда въ проливѣ,
Дать помощи другъ другу не могли
И мѣдными носами поражали
Своихъ-же—всѣ тогда они погибли,
А эллины искусно поражали
Кругомъ ихъ. И тонули корабли,
И подъ обломками судовъ разбитыхъ,
Подъ кровью мертвыхъ скрылась гладь морская.
Покрылись трупами убитыхъ скалы
И берега, и варварское войско
Въ нестройномъ бѣгствѣ все отплыть спѣшило 1).

Количественно персидскій флотъ все еще былъ, по меньшей мѣрѣ, равенъ греческому; но онъ уже потерялъ увѣренность въ побѣдѣ.

1) Aesch. *Pers.* 386 — 423 (по перев. В. Г. Апелърота, Москва, 1888, стр. 136 — 138), и вообще весь рассказъ вѣстника 290—471; Herod. VIII 66—96. Для топографіи—Lolling *Die Meerenge von Salamis*—въ *Histor. und*

Ксерксъ не рѣшался возобновить сраженіе. О наступательномъ движеніи противъ Пелопоннеса черезъ неудобные горные проходы Гераніи безъ помощи флота нечего было и думать, тѣмъ болѣе, что пелопоннесцы отлично укрѣпили Исѡмъ. Такимъ образомъ, теперь ничего другого не оставалось, какъ возвращаться назадъ. Флотъ черезъ нѣсколько дней послѣ сраженія ушелъ къ Геллеспонту для охраны мостовъ; сухопутное войско вернулось въ Тессалію и расположилось тамъ на зимнія квартиры. Главное начальство поручено было шурину царя, Мардонію. Самъ Ксерксъ отправился дальше, къ Геллеспонту, куда прибылъ въ срединѣ ноября послѣ тяжелаго перехода черезъ суровую Фракію. Всю зиму онъ оставался въ Сардахъ, чтобы быть близко къ мѣсту военныхъ дѣйствій ¹⁾. Греки не рѣшились помѣшать отступленію непріятеля. Они ограничились тѣмъ, что совершили набѣгъ на восточные Циклады, которые и теперь еще оставались вѣрными союзниками персовъ; затѣмъ армія и флотъ были распущены ²⁾. Населеніе Аттики вернулось въ свое разоренное отечество.

Въ продолженіе зимы и слѣдующей весны Мардоній старался путемъ переговоровъ разъединить союзныхъ грековъ и, особенно, посредствомъ блестящихъ предложеній привлечь на свою сторону Аѣины; но аѣиняне были достаточно благоразумны, чтобы не пойти на эту приманку ³⁾. Итакъ, въ срединѣ лѣта 479 г. персы опять вступили въ Аттику, и такъ какъ пелопоннесцы, вслѣдствіе своей обычной мед-

philol. Aufsätze E. Curtius gewidmet (Berlin 1884) стр. 1 слл. Что сраженіе произошло при входѣ въ проливъ, у Пситталси, доказываетъ занятіе этого острова персами и мотивировка его у Эсхила (450 слл.), а также пророчество у Herod. VIII 77, которое должно было появиться вскорѣ послѣ сраженія. Кромѣ того, въ самый проливъ персы не могли бы пройти незамѣченные греками, и были бы здѣсь совершенно уничтожены въ случаѣ неудачи. Наконецъ, Aesch. 398 показываетъ, что до начала сраженія Киносурекая коса скрывала отъ персовъ греческій флотъ. Такъ какъ битва происходила въ аѣнскихъ водахъ, то аѣиняне, очевидно, стояли на правомъ крылѣ: предположеніе, которое обращается почти въ увѣренность, если принять во вниманіе, что Эсхилъ именно это крыло выдвигаетъ на первый планъ. Расположенные насупротивъ ихъ финикіяне составляли западное крыло персидскаго флота (Herod. VIII 85); слѣдовательно, фронтъ персовъ въ сраженіи былъ обращенъ къ сѣверу. Спустя нѣсколько дней послѣ битвы произошло солнечное затменіе 2-го окт. 480 г. (Herod. IX 10), сравн. VIII 113, Hoffmann *Sonnen- und Mondfinsternisse*, Progr. Triest, 1884, стр. 17.

1) Herod. VIII 97—120, IX 3, 107, Aesch. *Pers.* 480—514

2) Herod. VIII 136, 140—144.

3) Herod. VIII 136, 140—144.

лительности, не пришли во-время, то населеніе принуждено было, какъ и въ предыдущемъ году, покинуть страну, которая теперь во второй разъ была страшно разорена непріателемъ. Самый городъ Аѳины былъ сожженъ. Между тѣмъ пелопоннесское союзное войско начало собираться на Исѣмъ, и Мардоній счелъ неблагоприятнымъ дожидаться атаки въ гористой Атикѣ, гдѣ онъ могъ лишь въ ограниченннхъ размѣрахъ воспользоваться своимъ лучшимъ родомъ оружія, конницей. Кромѣ того, недостатокъ въ сѣстныхъ припасахъ дѣлалъ невозможнымъ продолжительное пребываніе въ опустошенной странѣ. Поэтому персидскій главнокомандующій вернулся черезъ Клееронъ и расположился укрѣпленнымъ лагеремъ на беотійской равнинѣ, между Фивами и Платеей, на берегу Асопа. Онъ имѣлъ подъ своимъ начальствомъ еще около 50—60000 человекъ азіатскаго войска, къ которымъ затѣмъ присоединились отряды его греческихъ союзниковъ ¹⁾.

Союзная греческая армія послѣдовала за непріателемъ и заняла позицію насупротивъ его, на предгорьяхъ Клеерона, гдѣ трактъ изъ Аѳинъ въ Фивы выступаетъ изъ горъ. Она состояла изъ 20—25000 голлитовъ и такого же числа легковооруженныхъ воиновъ ²⁾. Такимъ образомъ, по количеству они были почти равны непріателю; невыгода заключалась лишь въ томъ, что у грековъ почти вовсе не было кавалеріи, тогда какъ непріатель имѣлъ въ своемъ распоряженіи, кромѣ азіатскихъ всадниковъ, еще и превосходные беотійскіе и ессалійскіе эскадроны. Главное начальство поручено было спартанцу Павсанію, который былъ регентомъ за своего малолѣтняго племянника Плейстарха, сына Леонида.

Нѣкоторое время обѣ враждебныя арміи стояли другъ противъ друга въ бездѣйствіи. Греки изъ страха передъ непріательской конницей не рѣшались спуститься на равнину, а Мардоній боялся атаковать высоты, гдѣ онъ не могъ развернуть своей конницы. Наконецъ, греки рѣшились передвинуться навстрѣчу непріателю до праваго берега Асопа. Но эта позиція оказалась слишкомъ рискованной, и Павсаній вынужденъ былъ вернуть свое войско къ Платеѣ. При этомъ передвиженіи отдѣльныя части арміи разъединились, и этотъ моментъ персидскій полководецъ счелъ благоприятнымъ для сраженія.

¹⁾ Herod. IX 1—15.

²⁾ Сравни. мою статью *Das griechische Heer bei Plataeae, Jahrb. f. Philol.* 1888, стр. 324 слл. Дельбрюкъ справедливо замѣчаетъ l. c., что поведеніе Мардонія передъ сраженіемъ можно объяснить лишь въ томъ случаѣ, если на его сторонѣ не было значительнаго численнаго перевѣса.

Его нападеніе на лакедемонянъ, стоявшихъ на правомъ крылѣ греческаго войска, встрѣтило кровавый отпоръ; и здѣсь, какъ при Марафонѣ, безпорядочныя массы легковооруженныхъ азіатовъ оказались безсильными противъ сомкнутыхъ рядовъ закованныхъ въ желѣзо воиновъ. Самъ Мардоній былъ убитъ, и его смерть послужила сигналомъ къ бѣгству варварскаго войска. Въ то же время на лѣвомъ крылѣ аѣиняне отбили беотійскихъ гоплитовъ. Затѣмъ греки перешли къ атакѣ персидскаго лагеря, который послѣ жестокой и очень кровопролитной битвы былъ взятъ; побѣдителямъ досталась несчетная добыча. Однако большей части непріятельскаго войска, по преданію 40,000 человекъ, удалось, подъ начальствомъ Артабаза, отступить въ полномъ порядкѣ; въ виду персидской конницы греки не могли думать о преслѣдованіи, и Артабазъ имѣлъ возможность отвести свое войско обратно въ Азію почти безъ всякихъ потерь ¹⁾).

Въ продолженіе десяти дней побѣдители оставались на полѣ битвы, занятые погребеніемъ павшихъ и раздѣломъ добычи. Изъ десятой части были посланы жертвенные дары въ Дельфы, Олимпію и на Исѣмъ и воздвигнуть на полѣ битвы алтарь Зевсу-освободителю, у котораго черезъ каждые четыре года праздновались игры въ память о побѣдѣ. Платейцамъ отъ имени союзныхъ государствъ была обезпечена неприкосновенность ихъ области. Затѣмъ войско двинулось противъ Фивъ, которыя послѣ двадцатидневной осады принуждены были сдаться. Предводители мидійской партіи, Тимагенидъ, Атагинъ и ихъ сотоварищи, были выданы Павсанію, который приказалъ казнить ихъ на Исѣмѣ, какъ предателей отечества; беотійскій союзъ, во главѣ котораго до тѣхъ поръ стояли Фивы, былъ расторгнутъ. Отряды войска были отпущены каждый на свою родину. Эллада могла, наконецъ, вздохнуть свободно; опасность со стороны персовъ миновала. Въ продолженіе двухъ вѣковъ послѣ этихъ событій ни одинъ внѣшній врагъ не ступилъ на греческую землю ²⁾).

Въ то же время началось и освобожденіе родственныхъ племенъ по ту сторону моря. Весною собрался у Эгины греческій флотъ, 110 кораблей, подъ начальствомъ спартанскаго царя Леотихида и аѣинскаго стратега Ксанטיפа ³⁾). Отсюда флотъ пошелъ сначала къ Делосу, гдѣ онъ, въ ожиданіи непріятеля, нѣкоторое время оставался

¹⁾ Herod. IX 19—85. Критика разсказа о сраженіи—у Дельбрюка *Perseerkriege* стр. 108 слл. Относительно топографіи поля битвы: Hunt—въ *American Journal of Archaeology* 1890, стр. 463—475.

²⁾ Herod. IX 86—88. Thuc. II 71. Plut. *Arist.* 21.

³⁾ Herod. VIII 131.

въ бездѣйствіи. Но о персидскомъ флотѣ ничего не было слышно, а между тѣмъ съ Хиоса и Самоса ихъ настойчиво звали въ Іонію, гдѣ все было готово для возстанія. Поэтому греки отплыли къ Самосу, приблизительно въ то самое время, когда происходила битва при Платеѣ. Персы не думали встрѣтиться съ непріателемъ на морѣ. Большая часть ихъ кораблей разсѣялась по роднымъ гаванямъ; остальные стояли у сѣвернаго берега Латвійскаго залива, насупротивъ Милета, недалеко отъ мыса Микале. Въ этомъ мѣстѣ персы были застигнуты греками и разбиты на голову, а флотъ ихъ сожженъ. Слѣдствіемъ этой побѣды было отпаденіе всей Іоніи; поставленные персами тираны были всюду изгнаны, острова Самось, Лесбось и Хиось примкнули къ греческому союзу; съ городами на материкѣ, охрану которыхъ пелопоннесцы не хотѣли взять на себя, аѳиняне заключили особый союзъ ¹⁾. Затѣмъ греческій флотъ отплылъ дальше къ Геллеспонту, гдѣ Абидось и большинство другихъ греческихъ городовъ тотчасъ перешли на его сторону; понтонные мосты, разрушеніе которыхъ составляло цѣль этой экспедиціи, оказались уже сломанными. Такъ какъ уже наступила осень, то пелопоннесцы вернулись домой; аѳиняне же перешли къ наступательнымъ дѣйствіямъ противъ лежащаго насупротивъ Абидоса Сеста, который былъ занятъ персидскимъ гарнизономъ. Осада этого хорошо укрѣпленнаго пункта затянулась до поздней зимы; наконецъ, голодъ принудилъ городъ сдаться. Теперь Геллеспонтъ былъ всецѣло въ рукахъ грековъ и запертъ для персовъ ²⁾.

Весною 478 г. пелопоннесскій флотъ снова выступилъ въ море, на этотъ разъ, впрочемъ, въ количествѣ только 20 триеръ, подъ начальствомъ побѣдителя при Платеѣ, Павсанія. Къ нему примкнуло 30 аттическихъ кораблей и флоты освобожденныхъ въ предыдущемъ году іонянъ и лесбосцевъ. Заставивъ острова по карійскому берегу отложиться отъ персовъ, флотъ безпрепятственно подошелъ къ Кипру, отнявъ у персовъ большую часть острова и затѣмъ вернулся въ геллеспонтскія воды, гдѣ послѣ продолжительной осады взялъ Византию, послѣднюю крѣпость, которая еще оставалась здѣсь въ рукахъ персовъ ³⁾.

До сихъ поръ аѳиняне и на морѣ добровольно подчинялись спар-

¹⁾ Herod. IX 104. *Leo Verh. der Phil. Vers. in Wiesbaden* 1878, стр. 60 слл.

²⁾ Herod. VIII 131, 132, IX 90—122.

³⁾ Thuc. I 94. Ясно, что греки могли отправиться къ Кипру лишь тогда, когда въ ихъ рукахъ были Родось и сосѣдніе острова. Сравн. также Тимогеон. fr. 1 и мои замѣчанія *Rh. Mus.* 43 (1888) стр. 107 слл.

танской гегемоніи, хотя они одни выставили больше кораблей, чѣмъ всѣ пелопоннесцы, вмѣстѣ взятые; это подчиненіе было единственнымъ средствомъ, которое дѣлало возможной совмѣстную дѣятельность пелопоннескаго и аттического флотовъ. Но съ тѣхъ поръ какъ къ союзу примкнули іоняне, въ пелопоннесцахъ больше не нуждались, тѣмъ болѣе, что они уклонялись отъ всякой сколько-нибудь значительной жертвы для морской войны; тѣ 20 кораблей, которые пришли съ Павсаніемъ, легко можно было замѣнить другими. И развѣ не было безразсудствомъ оставлять флотъ подъ командою офицеровъ, которые въ продолженіе всей своей жизни служили только на сушѣ? Кромѣ того, суровые военные нравы спартанцевъ были очень несимпатичны азіатскимъ грекамъ; а Павсаній, при своемъ крутомъ и высокомѣрномъ обращеніи, былъ менѣе всего способенъ расположить союзниковъ къ Спартѣ. Такимъ образомъ, послѣ взятія Византіи дѣло дошло до открытаго мятежа во флотѣ. Іоняне отказались подчиняться распоряженіямъ спартанскаго адмирала и предложили начальство въ морской войнѣ аѳинянамъ, которые, разумѣется, не заставили долго просить себя (477 г.). По полученіи въ Спартѣ извѣстія объ этихъ событіяхъ Павсаній былъ отозванъ; но и его преемникъ, навархъ Доркисъ, встрѣтилъ у союзниковъ не лучшей пріемъ. Спартанцамъ ничего другого не оставалось, какъ примириться съ совершившимся фактомъ; они отозвали изъ флота пелопоннескіе корабли и въ сущности были очень довольны тѣмъ, что избавились отъ веденія дорого стоящей морской войны ¹⁾. Однако въ Византіи остался пелопоннесскій гарнизонъ подъ начальствомъ эретрійца Гонгила, котораго Павсаній назначилъ комендантомъ города ²⁾.

Теперь аѳиняне приступили къ организаціи своего новаго союза. Было очевидно, что война съ Персіей затянется еще надолго; нужно было, слѣдовательно, заранѣе принять мѣры, чтобы обезпечить себѣ необходимыя финансовыя средства. Кромѣ Аѳинъ, только очень немногія изъ участвовавшихъ въ союзѣ государствъ располагали годнымъ флотомъ; поэтому мелкимъ государствамъ разрѣшено было откупаться отъ обязанности выставлять корабли ежегоднымъ денежнымъ взносомъ (*φόρος*), что значительно сокращало расходы городовъ и освобождало ихъ отъ тяжелой военной повинности. Опредѣленіе величины этихъ взносовъ было поручено Аристиду, который,

¹⁾ Thuc. I 95. По Aristot. 'Αθ. πολιτ. 23, 5 ἐπὶ Τιμοσθένους ἀρχοντος (478/7).

²⁾ Thuc. I 128, 6.

благодаря своей незапятнанной честности, лучше всякаго другого подходилъ для этого дѣла; общая сумма была опредѣлена въ 460 аттическихъ талантовъ. Казна должна была помѣщаться на островѣ Делосѣ, при храмѣ Аполлона — общей святынѣ іонійскаго племени, и находится въ завѣдываніи 10 аттическихъ чиновниковъ, «казначеевъ эллиновъ» (элленотаміи); тамъ же собирался и союзный совѣтъ для обсужденія общихъ дѣлъ. Предводительство на войнѣ принадлежало аеинянамъ ¹⁾.

Тяжелы были налоги, которыми союзъ обложилъ своихъ членовъ, и еще сильнѣе чувствовалось ограниченіе автономіи отдѣльныхъ государствъ, обусловленное союзной организаціей. Но горькій опытъ иноземнаго владычества не прошелъ даромъ; даже этому народу, насквозь пропитанному партикуляризмомъ, стало, наконецъ, ясно, что только путемъ единенія можно было сохранить только-что приобретенную свободу. Поэтому къ союзу примкнули всѣ города, освобожденные отъ персидскаго ига, и, кромѣ того, Эвбея и западные Циклады, которые хотя и оставались независимыми, но очень близко видѣли опасность со стороны персовъ. Объединеніе облегчалось тѣмъ, что большинство этихъ государствъ, какъ и сами аеиняне, были іонійскаго происхожденія и, прямо или косвенно, считали себя аеинскими колоніями.

Самой настоятельной задачей для новаго союза было — очистить южное побережье Фракіи отъ находившихся еще тамъ персидскихъ гарнизоновъ. Съ этой цѣлью союзный флотъ подъ начальствомъ молодого Кимона, сына Мильтіада, двинулся къ Эйону, при устьѣ Стримона, и послѣ упорнаго сопротивленія овладѣлъ крѣпостью (476). Этотъ первый военный успѣхъ союза исполнилъ аеинянь законнаго сознанія своихъ силъ. Теперь Аеины посредствомъ основанія здѣсь аттической колоніи обезпечили за собою этотъ важный пунктъ, на который онѣ предъявляли притязанія еще со временъ Писистратидовъ ²⁾. Изъ остальныхъ фракійскихъ крѣпостей также были изгнаны персидскіе гарнизоны; только Дорискъ, не далеко отъ устья Гебра, держался еще нѣсколько лѣтъ ³⁾.

1) Thuc. I 96. Сравн. *Rh. Mus.* 43 (1888) стр. 104—113. Относительно организаціи союза: U. Köhler *Urkunden und Untersuchungen zur Geschichte des delisch-attischen Bundes, Abh. der Berl. Akad.* 1869.

2) Thuc. I 98, Herod. VII 107, сравн. надписи на гермахъ, которыя были воздвигнуты въ Аеинахъ въ память побѣды, — у Aesch. c. *Ctes.* 183 и Plut. *Cim.* 7. Завоеваніе Эйона произошло при архонтѣ Федонѣ въ 476/5 г. (Schol. Aesch. de leg. 31).

3) Herod. VII 106.

Вскорѣ послѣ паденія Эйона Кимонъ овладѣлъ небольшимъ островомъ Скиросомъ, который до тѣхъ поръ служилъ приютомъ для морскихъ разбойниковъ; теперь онъ былъ раздѣленъ между аттическими влерухами (475) ¹⁾. Каристъ, единственный городъ на о. Эвбеѣ, сохранившій до сихъ поръ свою независимость, также былъ принужденъ присоединиться къ союзу. Возстаніе наксосцевъ было подавлено, и островъ поплатился потерей своей автономіи. Это былъ первый случай возстанія союзнаго государства противъ Аѣинъ — опасный симптомъ того, что единодушіе между союзниками начало колебаться ²⁾.

Приблизительно въ это же время аѣиняне завоевали Византію. При своемъ отозваніи Павсаній, какъ мы знаемъ, оставилъ здѣсь гарнизонъ; потомъ онъ безъ приказанія своего правительства вернулся въ Византію, чтобы на свой страхъ принять участіе въ войнѣ съ Персіей, или скорѣе, — по крайней мѣрѣ такъ говорили тогда, — чтобы завязать тайныя сношенія съ персидскимъ царемъ. Основательно ли было это подозрѣніе или нѣтъ, но оно дало аѣинянамъ желанный предлогъ для вмѣшательства. Они осадили Византію и заставили Павсанія очистить этотъ важный пунктъ. Спартанское правительство не протестовало, такъ какъ усиленіе платейскаго побѣдителя на Геллеспонтѣ было для него, по меньшей мѣрѣ, такъ же нежелательно, какъ для аѣинянъ ³⁾.

До сихъ поръ персидскій царь безучастно слѣдилъ за событіями на Эгейскомъ морѣ и даже не сдѣлалъ попытки остановить оружіемъ

¹⁾ Thuc. I 98. Plut. *Cim.* 8. По преданію, въ архонтство Федона (476/5) оракуль приказалъ аѣинянамъ перенести кости Тесея съ острова Скироса въ Аттіку (Plut. *Thes.* 36); эта дата очевидно опредѣлена по времени покоренія острова. Анекдотъ, будто Кимонъ и его товарищи-полководцы исполняли роль судей на первомъ представленіи трагедіи Софокла при архонтѣ Апсеіонѣ (469/8) (Plut. *Cim.* 8), совершенно произвольно приведенъ въ связь съ покореніемъ Скироса и вообще лишенъ всякаго историческаго значенія.

²⁾ Thuc. I 98. Годъ не установленъ. Нельзя, конечно, основывать хронологію на анекдотѣ, по которому Тимистоклъ на пути въ Азію (въ 465 или 464 г.) былъ занесенъ бурей къ Наксосу, въ то время, когда аѣиняне осаждали городъ (Thuc. I 137. 2).

³⁾ Thuc. I 128—131. По Justin. IX 1 Павсаній владѣлъ Византіей въ продолженіе семи лѣтъ. Въ такомъ случаѣ завоеваніе ея аѣинянами должно было бы относиться къ 471 г.; однако намъ не извѣстно, насколько это указаніе заслуживаетъ довѣрія. Взятый изъ Іона анекдотъ у Plut. *Cim.* 9 указываетъ лишь на то, что *Ἐπίδημιαι* хіоскаго поэта имѣли приблизительно такое же историческое значеніе, какъ Діалоги Платона, такъ какъ Сестъ былъ покоренъ еще Ксантиппомъ, и Кимонъ не могъ при изгнаніи Павсанія изъ Византіи взять въ плѣнъ знатныхъ персовъ.

успѣхи аѳинянъ. Наконецъ въ Сузѣ встрѣнились. Былъ снаряженъ флотъ изъ 200 триеръ, и сильная армія отправлена въ походъ противъ Греціи. Но Кимонъ предупредилъ нападеніе. Непрiятельскій флотъ былъ уничтоженъ при устьѣ Эвримедонта въ Памфіліи; затѣмъ аѳинскій полководецъ высадилъ свои войска на берегъ и еще въ тотъ же день разбилъ персидскую сухопутную армію (около 470 г.) ¹⁾. Благодаря этой побѣдѣ большая часть Каріи присоединилась къ делосскому морскому союзу; Ликія и греческая колонія Фаселисъ также принуждены были согласиться на уплату дани ²⁾. Большинство городовъ на Кипрѣ были уже въ 478 г. освобождены Павсаніемъ; если они еще до сихъ поръ не присоединились къ Аѳинамъ, то это должно было случиться теперь, послѣ битвы при Эвримедонтѣ. Теперь союзъ обнималъ собою все острова Эгейскаго моря, за исключеніемъ Мелоса, Теры и Эгины,—все греческіе города на южномъ побережьи Тракіи, отъ Олимпа до Босфора, и все побережье Азіи отъ Босфора до Памфіліи. Число союзныхъ государствъ равнялось приблизительно 200. Аѳины заняли мѣсто въ ряду первоклассныхъ державъ, и нѣтъ ничего удивительнаго, что это чрезвычайное развитіе ихъ могущества внушало серьезныя опасенія государственнымъ людямъ Спарты. Если добрыя отношенія между обѣими державами пока еще и не были нарушены, то легко было предвидѣть, что уже въ ближайшемъ будущемъ разрывъ неизбеженъ.

Въ то время, какъ въ греческой метрополіи было побѣдоносно отражено нашествіе персовъ, освобождены братья по ту сторону моря и образовался политическій союзъ изъ освобожденныхъ городовъ,—сицилійскія колоніи развивались совершенно аналогичнымъ образомъ.

¹⁾ Thuc. I 100. Надгробная надпись въ честь павшихъ аѳинянъ *Anthol. Pal.* VII 258. Вопросъ о достовѣрности извѣстій *Plut. Cim.* 12—13 (сравн. относительно этого *Klussmann* въ *Festschrift für Herbst.* Hamburg 1891) остается открытымъ. *Diod.* XI 60—62 даетъ совершенно фантастическое описаніе битвы, пользуясь для этого эпиграммой, которая на самомъ дѣлѣ относится къ битвѣ при Саламинѣ на о. Кипрѣ. Годъ сраженія при Эвримедонтѣ невозможно точно опредѣлить; онъ приходится приблизительно между 472 и 467 г. Но такъ какъ Діодоръ повѣствуетъ обо всехъ походахъ Кимона отъ взятія Эйона до Эвримедонта подъ годомъ архонта Демогіона (470/69), то весьма вѣроятно, что въ своемъ хронологическомъ источникѣ онъ нашелъ подъ этимъ годомъ именно сраженіе при Эвримедонтѣ; Сравни. *De Sanctis La Battaglia dell' Eurimedonte in Diodoro (Rivista di Filologia classica XXI 1892).*

²⁾ *Kirchhoff Hermes* XI 1—45, который, впрочемъ, слишкомъ преувеличиваетъ значеніе этой побѣды, сравн. мои замѣчанія *Rh. Mus.* 43 (1888) стр. 104 слл.

Только здѣсь объединительное движеніе исходило отъ тираніи, которая около начала V вѣка была на греческомъ западѣ господствующей формой государственнаго правленія. Такъ, Анаксилай изъ Регія (494—476) ¹⁾ завладѣлъ расположеннымъ насупротивъ городомъ Занклой, который онъ заселилъ новыми поселенцами и назвалъ Мессеной, въ память того, что его собственный родъ былъ мессенскаго происхожденія ²⁾. Еще бѣльшаго могущества достигъ Гиппократъ, который въ началѣ V столѣтія наслѣдовалъ своему брату Клеандру въ тираніи надъ Гелой ³⁾. Онъ покорилъ южныя племена сикеловъ и халкидскія колоніи Наксосъ, Каллиполисъ и Леонтины. Въ большой битвѣ при рѣкѣ Гелорѣ онъ побѣдилъ сиракузянъ и принудилъ ихъ отказаться отъ Камарины, которой онъ далъ теперь новую организацію, какъ колоніи Гелы ⁴⁾. Послѣдствіемъ этого пораженія было то, что олигархія землевладѣльцевъ (гаморовъ) въ Сиракузахъ была низвергнута возстаніемъ демоса и крѣпостныхъ сицилійскихъ крестьянъ, такъ называемыхъ киллиріевъ; гаморы искали убѣжища въ сиракузской колоніи Касменахъ ⁵⁾.

Гиппократъ между тѣмъ палъ во время похода противъ города сикеловъ Гиблы; тиранія перешла къ начальнику его конницы Гелону, сыну Дейномена, изъ знатнаго гелійскаго дома, одаренному выдающимися военными и политическими способностями. Новый правитель возобновилъ предпріятіе своего предшественника противъ Сиракузъ, и при анархіи, господствовавшей теперь въ этомъ городѣ, легко достигъ своей цѣли. Демосъ открылъ ему ворота, и Гелонъ основалъ въ Сиракузахъ свою резиденцію. Гаморы были теперь возвращены, но прежній строй уже не былъ возстановленъ; киллирії сохранили свою свободу. Такое же положеніе дѣлъ, какъ въ Сиракузахъ, господствовало и въ сосѣдней Мегарѣ; и здѣсь крѣпостные свергли олигархію гаморовъ, конфисковали ихъ имѣнія и сами взяли въ свои руки управленіе государствомъ. Поэтому Гелонъ могъ безъ труда подчинить себѣ и этотъ городъ; Мегара была разрушена, гаморамъ да-

¹⁾ Diod. XI 48.

²⁾ Thuc. VI 4, 5 — 6, сравн. Herod. VI 23, VII 164 и выше стр. 226 прим. 3.

³⁾ Клеандръ, Гиппократъ и Гелонъ правили каждый въ теченіе 7 лѣтъ (Herod. VII 154. 155, Arist. *Polit.* VIII (V) 1315 в., Diod. XI 38). Такимъ образомъ, хронологія этихъ событій составлена искусственно.

⁴⁾ Thuc. VI 5.

⁵⁾ Herod. VII 154—155. Относительно битвы при Гелорѣ см. также Pind. *Nem.* IX 40 со схолиями. Относительно киллиріевъ: Aristot. fr. 586 Rose (изъ *Συρακοσίων πολιτεία*) и Tim. fr. 56, сравн. Freeman *History of Sicily* II стр. 436 слл.

ровано сиракузское право гражданства, а прежніе крѣпостные, по преданію, проданы въ рабство. Той же участи подверглась и халкидская колонія Эвбея. Граждане Камарины и большинство гражданъ Гелы также были переселены въ Сиракузы, которыя такимъ образомъ стали самымъ большимъ городомъ запада, да и вообще всего греческаго міра ¹⁾.

Подобнымъ же образомъ тиранъ Акраганта Өеронъ (приблизительно съ 488 г.) ²⁾ распространилъ свое владычество на сосѣдніе города. Даже Териллъ, тиранъ Гимеры, былъ изгнанъ, и эта община соединена съ Акрагантомъ, такъ что владѣнія Өерона простирались теперь поперекъ середины острова отъ Ливійскаго до Тирренскаго моря ³⁾. Со своимъ могущественнымъ сосѣдомъ на востокъ онъ вступилъ въ самыя тѣсныя отношенія; онъ выдалъ свою дочь Дамарету замужъ за Гелона, и самъ женился на племянницѣ Гелона, дочери его младшаго брата Поллизела ⁴⁾.

Карѳагенъ не могъ оставаться равнодушнымъ зрителемъ объединительнаго движенія сицилійскихъ грековъ, такъ какъ ему еще за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ пришлось отразить новое нападеніе грековъ на финикійскія колоніи въ западной части острова. Сводный братъ царя Клеомена, Доріей, не желая быть вторымъ въ Спартѣ, задумалъ основать себѣ на западѣ особое государство. Онъ отправился сначала на сѣверное побережье Ливіи и основалъ здѣсь колонию въ плодородной мѣстности при устьѣ Кинипса, неподалеку отъ нынѣшняго Триполи. Но уже спустя три года онъ былъ вынужденъ вслѣдствіе нападеній карѳагенянъ вернуться въ Пелопоннесъ. Здѣсь онъ снарядилъ новую экспедицію (около 510 г.), цѣлью ко-

1) Herod. VII 155—6, Aristot. *Polit.* VIII (V) 1302 в. Относительно революціи въ Мегарѣ мы имѣемъ свидѣтельство современнаго поэта Өеогнида, который самъ былъ мегаряниномъ и принималъ дѣятельное участіе въ борьбѣ партій (*Jahrb. für Phil.* 1888 стр. 729 сл.), особенно 53—60, сравн. 1109—1114, 833—836, 1197—1202. Такимъ образомъ становится понятнымъ поведение Гелона по отношенію къ городу, тогда такъ по разсказу Геродота оно совершенно непонятно. Уклоняющуюся отъ Геродота версію мы находимъ у Polyaeu. 27, 3; относительно этихъ событій не было, исключая Өеогнида, никакихъ достовѣрныхъ преданій, и Геродотъ просто перенесъ отношеніе къ Гелону сиракузскихъ партій на партіи въ Мегарѣ. — Послѣ Гелона о сиракузскихъ килиріяхъ больше не упоминается; такъ какъ они добровольно подчинились ему, то очевидно, что онъ не могъ опять обратить ихъ въ рабство.

2) Diod. XI 53, хотя его датировка вѣрна только приблизительно.

3) Herod. VII 165.

4) Tim. fr. 86 и 90.

торой было покорение западной оконечности Сициліи, области около горы Эрикса, завоеванной нѣкогда, по преданію, его предкомъ Геракломъ. Но и это предпріятіе постигла неудача. Флукіяне и элимійцы опять дѣйствовали сообща, какъ нѣкогда противъ Пентаола. Самъ Доріей палъ; остатки его войска подъ предводительствомъ спартіата Эврилеона завладѣли селинунтскимъ поселеніемъ Миноей, которая теперь получила названіе Гераклеи. Эврилеону удалось даже подчинить себѣ и самый Селинунтъ; но скоро онъ былъ убитъ во время одного возстанія; Селинунтъ вернулъ себѣ свободу, а Гераклея, вѣроятно Ѳерономъ, была подчинена господству Акраганта ¹⁾.

Въ Каррагенѣ считали необходимымъ предупредить опасность новаго нападенія со стороны грековъ. Когда Ѳеронъ изгналъ Терилла, тирана Гимеры, и послѣдній обратился въ Каррагенъ съ просьбой о помощи, рѣшено было начать войну. Близъ Панорма высадили сильное войско; здѣсь были каррагенскіе граждане, рекруты изъ ливійскихъ подданныхъ, лигурійскіе и иберійскіе наемники. Анаксилай изъ Регія, зять Терилла, заключилъ союзъ съ варварами; къ коалиціи примкнулъ также Селинунтъ, который видѣлъ для себя опасность въ успѣхахъ Ѳерона. Каррагенскій полководецъ Гамилькаръ перешелъ къ наступательнымъ дѣйствіямъ и началъ осаду Гимеры.

На противной сторонѣ Гелонъ съ большимъ войскомъ явился на помощь своему тестю. Подъ стѣнами Гимеры произошло сраженіе, и каррагеняне были разбиты на голову (около 480 г.) ²⁾. Свобода западныхъ грековъ была спасена; эту побѣду справедливо ставили на ряду съ битвой при Саламинѣ ³⁾. Продолжать войну было не въ интересахъ Гелона, такъ какъ все, что удалось-бы завоевать въ карра-

1) Herod. V 42—47, Diod. IV 23. Впослѣдствіи Гераклея вошла въ составъ акрагантской области (Diod. IV 79) и не упоминается у Ѳукидида въ числѣ самостоятельныхъ общинъ острова. Кромѣ того, мы узнаемъ, что Ѳеронъ возвратилъ критянамъ останки Миноса (Diod. IV 79), а гробница послѣдняго находилась, конечно, въ Миноѣ.

2) Herod. VII 165—7, Diod. XI 1. 20—25 (по Тимею), Polyaeu. I 27, 2. 28. У насъ нѣтъ ни одного достовѣрнаго описанія битвы.

3) Уже Геродотъ (VII 166) передаетъ на основаніи сицилійскаго источника, что обѣ побѣды были одержаны въ одинъ и тотъ же день. Въ IV вѣкѣ нашли даже внутреннюю связь между сицилійскими и греческими событіями: каррагеняне будто бы предпріяли походъ въ Сицилію по настоянію Ксеркса. Геродотъ еще ничего не знаетъ объ этомъ; напротивъ, по версіи, которой онъ отдаетъ предпочтеніе въ своемъ разсказѣ, нападеніе каррагенянъ было уже отбито осенью 481 г. (VII 158). Кромѣ того, походъ каррагенянъ вполне мотивируется положеніемъ дѣлъ въ самой Сициліи.

генской Сициліи, досталось бы одному Өерону; притомъ, въ виду нашествія персовъ на Грецію, необходимо было возможно скорѣе покончить конфликтъ съ Кароагеномъ. Поэтому Гелонъ дароваль побѣжденнымъ миръ на условіяхъ сохраненія каждымъ своихъ владѣній, получивъ, по преданію, 2000 талантовъ контрибуціи. Анаксилай и селинунты также успѣшили примириться съ побѣдителемъ, причѣмъ принуждены были заключить съ нимъ союзъ, обязывавшій ихъ выставять войско въ случаѣ войны. Такимъ образомъ, вся греческая Сицилія соединилась подъ властью Гелона ¹⁾.

Гелонъ только на нѣсколько лѣтъ пережилъ свою великую побѣду. Когда онъ въ 478 г. умеръ, оставивъ малолѣтняго сына,— власть перешла къ его брату Өиерону, который до тѣхъ поръ управлялъ Гелой ²⁾. При Өиеронѣ сиракузская тиранія достигла своего высшаго расцвѣта. Богатая добыча, взятая при Гимерѣ, доставила средства для великолѣпныхъ построекъ и блестящихъ празднествъ. Лучшіе греческіе поэты: Симонидъ, Пиндаръ, Бакхилидъ, Эсхиль, Ксенофанъ, Эпихармъ—были привлечены ко двору и соперничали между собою въ прославленіи правящаго дома. Виѣшняя политика Өиерона также представляла непрерывный рядъ успѣховъ. Большая часть нижней Италіи подпала подъ сиракузское вліяніе. Здѣсь ахейскіе города въ продолженіе второй половины VI вѣка страдали отъ тяжкихъ внутреннихъ раздоровъ. Цвѣтушій Сирисъ не устоялъ противъ коалиціи между Кротономъ, Сибарисомъ и Метапонтіемъ (вскорѣ послѣ 550 г.); городъ былъ разрушенъ, и мѣсто его оставалось пустыннымъ въ теченіе цѣлаго столѣтія ³⁾. Затѣмъ кротонцы двинулись противъ эпизефирскихъ локровъ, но, не смотря на значительный численный перевѣсъ, потерпѣли страшное пораженіе при рѣкѣ Сагрѣ, недалеко отъ

¹⁾ Diod. XI 26.

²⁾ Diod. XI 38.

³⁾ Justin. XX 2, 3 сл., Lycophr. 984 сл. со схоліями, Strab. VI 264, который смѣшиваетъ взятіе города кротонцами и ихъ союзниками съ взятіемъ его іонянами. Всѣ эти сообщенія основаны на Тимѣѣ (сравни Geffcken *Geographie des Timaeos* стр. 138). Разрушеніе Сириса должно было произойти вскорѣ послѣ введенія чеканки монетъ въ Италіи (около 550 г.), такъ какъ сиріискія монеты встрѣчаются очень рѣдко. Разсказъ Геродота VIII 62 предполагаетъ, что Сирисъ въ то время уже не существовалъ. Послѣ основанія Өурий онъ былъ вновь заселенъ тарентинцами и Өуринцами и скоро подпалъ всецѣло подъ вліяніе Тарента. Городъ былъ теперь (433) перенесенъ на соcѣднія высоты и переименованъ въ Гераклею (Strab. VI 264, Diod. XII 36, 3; послѣдній не упоминаетъ объ описанномъ у Страбона возстановленіи Сириса).

Кавлоніи ¹⁾. Въ это время стали портиться также добрыя отношенія между Кротономъ и Сибарисомъ; между тѣмъ какъ въ Кротонѣ руководство государственными дѣлами перешло къ сектѣ пнеагорейцевъ (выше стр. 193), въ Сибарисѣ захватилъ власть тиранъ Телисъ, и эта противоположность политическихъ формъ привела къ войнѣ между сосѣдними городами. Побѣда досталась Кротону; Сибарисъ палъ и былъ разрушенъ до основанія (около 510 г.) ²⁾. Въ настоящее время его развалины похоронены глубоко подъ наносами Кратиса, и мы даже не въ состояніи указать мѣсто, на которомъ нѣкогда возвышался богатѣйшій городъ греческаго запада. Тѣ граждане, которые спаслись отъ катастрофы, искали убѣжища въ своихъ колоніяхъ Скидрѣ и Лаосѣ на берегу Тирренскаго моря; когда непріятель и здѣсь напалъ на нихъ (около 476 г.), Геронъ прислалъ имъ подкрѣпленіе ³⁾. Точно такъ же онъ защитилъ италійскихъ локровъ противъ Анаксилая регійскаго ⁴⁾. Но самымъ знаменитымъ его подвигомъ было спасеніе грековъ Кампаніи отъ опасности порабощенія ихъ этрусками. Еще въ концѣ VI вѣка Кумы были въ состояніи собственными силами обороняться отъ нападеній италійскихъ варваровъ; мало того, они даже открыли наступательныя дѣйствія противъ этрусковъ и помѣшали имъ подчинить своей власти Лаціумъ (выше стр. 150): Затѣмъ побѣдоносный военачальникъ этого похода, Аристомъ, низвергъ старое аристократическое устройство города и провозгласилъ себя тираномъ; пока онъ правилъ, Кумы сохраняли свое могущество и славу ⁵⁾. Когда, наконецъ, противникамъ Аристодема удалось его свергнуть, городъ не могъ больше противостоять этрускамъ. Тогда за притѣвленныхъ братьевъ вступился Геронъ; близъ Кумъ его флотъ нанесъ этрусскому пораженіе, отъ котораго послѣдній уже никогда не оправился (474 г.) ⁶⁾. Греческія колоніи Кампаніи были еще разъ спасены. Для упроченія успѣха на Исхія была заложена сиракузская колонія ⁷⁾.

¹⁾ Justin. XX 2, 10, Diod. VIII 32, Strab. VI 261—2. Юстинъ приводитъ это сраженіе въ связь съ войной ахейцевъ противъ Сириса, Діодоръ VIII 32 (*Excerpt. Vat.*) рассказываетъ о немъ между извѣстіями о Тиртеѣ и о Солонѣ. Этимъ время битвы слишкомъ отодвигается назадъ; впрочемъ, очень вѣроятно, что она произошла до разрушенія Сибариса.

²⁾ Herod. V 44, Diod. XI 90, XII 10, Strab. VI 263. Относительно топографіи см. Cavallari—*Notizie degli Scavi* 1879, стр. 49 сл. съ картой.

³⁾ Herod. VI 21, Diod. XI 48, Tim. fr. 90.

⁴⁾ Pind. *Pyth.* II 19 со схолиями.

⁵⁾ Dion. Hal. VII 2—11, Diod. VII 10, Plut. *Mul. virt.* 26, стр. 261 сл.

⁶⁾ Pind. *Pyth.* I 72, Diod. XI 51, IGA. 510.

⁷⁾ Strab. V p. 248.

Такимъ образомъ, менѣе чѣмъ въ одно десятилѣтіе совершенно измѣнилось политическое положеніе при Средиземномъ морѣ. Мечта персовъ о всемірномъ господствѣ рушилась, Карфагенъ былъ возвращенъ въ свои предѣлы. Ни одинъ внѣшній врагъ не угрожалъ болѣе независимости Греціи, и никто не рѣшался оспаривать у грековъ господство на морѣ. На ряду съ пелопоннесскимъ союзомъ Спарты, изъ безпорядочной массы мелкихъ греческихъ государствъ возникли двѣ новыя великія державы: на востокѣ—морской союзъ Аѳинъ, на западѣ—сиракузская военная монархія. Судьба міра зависѣла теперь отъ того, какія отношенія установятся между этими державами.

ГЛАВА XII.

Экономическій расцвѣтъ послѣ Персидскихъ войнъ.

Кто-то сказалъ, что все культурное развитіе приняло бы иное направленіе, если бы персы одержали побѣду при Саламинѣ, такъ что благами современной цивилизаціи мы въ послѣднемъ итогѣ обязаныThemistocle и его закону о флотѣ. Это сужденіе слишкомъ поверхностно. Судьбы народовъ не зависятъ отъ такихъ случайностей; иначе Эллада своимъ спасеніемъ отъ персидскаго ига была бы обязана заслугамъThemistocle ничуть не болѣе, чѣмъ послѣдній—той бурѣ, которая разбила такую большую часть флота Ксеркса на берегу Магнесіи. Напротивъ, греки вышли побѣдителями изъ борьбы съ Персіей именно потому, что они стояли выше своихъ враговъ по нравственному и интеллектуальному развитію. Но даже если бы Ксерксу удалось покорить греческій полуостровъ, эллинская культура ни въ какомъ случаѣ не погибла бы отъ этого удара, такъ какъ главнымъ средоточіемъ ея была тогда еще Іонія, которая, вѣдь, уже болѣе полу-вѣка находилась подъ персидскимъ владычествомъ. Кромѣ того, не можетъ быть никакого сомнѣнія, что Греція очень скоро вернула бы себѣ независимость.

Но нельзя отрицать, что побѣды надъ варварами значительно ускорили развитіе греческой культуры. Не то, чтобы самая война привела къ этому расцвѣту: война не создаетъ, —она только разрушаетъ культурныя блага, и добыча, отнятая у непріятели, не могла идти въ сравненіе съ потерями, которыя понесло благосостояніе Эллады вслѣдствіе персидскаго нашествія. Но война освободила одну половину греческаго міра отъ гнета иноземнаго господства, а другой половинѣ обезпечила внѣшнюю независимость; она внушила грекамъ гордое сознаніе, что они первый народъ въ мірѣ. Дни Саламина и Гимеры нанесли также рѣшительный ударъ финикійской торговлѣ; съ этихъ поръ Греція въ теченіе двухъ столѣтій играла такую же роль, какую въ на-

стоящее время играет Англія. Не послѣднее мѣсто между причинами матеріальнаго подъема занимаетъ также освобожденіе всѣхъ духовныхъ силъ народа, вызванное демократическимъ движеніемъ, которое послѣ побѣды надъ персами охватило почти всѣ греческія государства.

Конечно, не всѣ области Греціи принимали равное участіе въ этомъ подъемѣ. Если до сихъ поръ первое мѣсто по образованности и богатству, по промышленному и торговому значенію занимали азіатскія колоніи, то теперь, вмѣстѣ съ руководящей ролью въ политическомъ отношеніи, къ греческой метрополи перешло и экономическое господство. Уже первое персидское завоеваніе нанесло Іоніи глубокія раны; нѣкогда цвѣтущая Фокея сохраняла съ тѣхъ поръ еще только тѣнь своего прежняго значенія. Еще болѣе пагубныя послѣдствія имѣло возстаніе при Даріѣ; Милетъ, который до того времени былъ первымъ торговымъ и промышленнымъ городомъ греческаго міра, никогда уже не оправился послѣ своего завоеванія въ 494 году, да и остальные города тяжело пострадали подъ рукою побѣдителя. Сраженіе при Микале и слѣдовавшія за нимъ битвы хотя и имѣли послѣдствіемъ освобожденіе отъ иноземнаго господства, но въ то же время политически разъединили побережье отъ внутренней страны. Пока продолжалась Персидская война, до такъ называемаго «Кимонова мира», сообщеніе между іоническими гаванями и внутреннею частью Малой Азіи было, вѣроятно, чрезвычайно затруднено; да и позже, при натянутыхъ отношеніяхъ, какія существовали между Аѳинами и сардскими сатрапами, прежняя связь не могла быть восстановлена. Это парализовало жизненный нервъ іоническихъ городовъ; и, очевидно, именно эти матеріальные интересы привели къ тому, что азіатскіе греки, въ концѣ концовъ, безъ большого сопротивленія вернулись подъ персидское владычество.

Между тѣмъ какъ персидскій востокъ отчасти закрылся для греческой торговли, западныя колоніи достигли цвѣтущаго состоянія, благодаря неисчерпаемымъ богатствамъ ихъ дѣвственной почвы. Поэтому торговыя сношенія съ ними пріобрѣтали все возрастающее значеніе, тѣмъ болѣе, что въ то же время и италійскіе народы развивались въ культурномъ отношеніи и представляли, вслѣдствіе этого, важный рынокъ для сбыта греческихъ промышленныхъ и сельскохозяйственныхъ продуктовъ ¹⁾. А для сношеній съ западомъ гавани греческой метро-

¹⁾ Это доказываютъ италійскіе некрополи V вѣка. Къ сожалѣнію, у насъ до сихъ поръ еще нѣтъ общей работы по этому вопросу.

полні имѣли, благодаря своему положенію, громадное преимущество передъ Іоніей. Особенно Коринѣъ являлся естественнымъ посредникомъ въ этой торговлѣ, не только какъ единственный портъ восточной Греціи, изъ котораго можно было попасть въ Сицилію, не объѣзжая опаснаго мыса Малеи, но и потому, что первый городъ Сициліи былъ коринѣской колоніей, и что коринѣяне находились въ близкомъ племенномъ родствѣ съ большинствомъ западныхъ грековъ. Но даже портовые города Сароническаго залива были все еще на два или три дня пути ближе къ Сициліи, чѣмъ Милетъ или Митилена, между тѣмъ какъ для ѣзды въ Египетъ или къ Понту они занимали не менѣе удобное положеніе, чѣмъ іоническія гавани.

Благодаря этимъ преимуществамъ, Коринѣъ и Эгина ко времени Персидскихъ войнъ сдѣлались первыми торговыми городами греческаго міра ¹⁾. Но скоро у нихъ самихъ явился опасный конкуррентъ въ заложеннойThemistoklomъ новой морской гавани Аѣинъ, Пиреѣ ²⁾. Верфи и доки для перваго флота Греціи, построенные здѣсь, постепенно привлекли массу народа; скоро и торговля перешла изъ стараго незащищеннаго рейда Фалерона въ превосходную гавань Пирея, а могущественное положеніе Аѣинъ во главѣ морского союза довершило остальное ³⁾. Конкуренція Эгины ⁴⁾ была въ значительной степени сломлена покореніемъ острова около 457 г. и окончательно уничтожена изгнаніемъ эгинскихъ гражданъ въ 431 году. Такимъ образомъ, Пирей уже къ началу Пелопоннесской войны былъ тѣмъ, чѣмъ онъ съ тѣхъ поръ оставался до македонскаго періода, — первымъ торговымъ пунктомъ греческаго міра, гдѣ выгружали свои товары корабли съ Понта, изъ Финикіи, Египта, Кирены, Сициліи и Италіи, и гдѣ можно было найти все, что производилъ востокъ и западъ ⁵⁾. Еще въ началѣ IV вѣка, когда аѣинское государство уже распалось и

1) О богатствахъ Эгины въ это время рассказываетъ Геродотъ IX 80, наивно объясняя ихъ происхожденіе. Въ качествѣ члена аѣинскаго союза (съ 457 г.), островъ платилъ подать въ 30 талантовъ—сумма, какою до повышения податей въ 425/4 г. былъ обложенъ еще только Тасосъ съ его богатыми золотыми рудниками. Возможно, что Эгина была высоко обложена, но она все-таки была въ состояніи нести это бремя.

2) Wachsmuth *Ein antiker Seeplatz* въ *Jahrbücher für Nationalökonomie Conrad'a*, XIII (1886), стр. 83, *Stadt Athen* II 1—176.

3) Сравн. (Хенорф.) *Аѣ. полит.* I 17, съ моими примѣчаніями *Rh. Mus.* 39 (1884) стр. 47 сл.

4) Периклъ назвалъ островъ *λήμνη τοῦ Πειραιῶς* (Plut. *Per.* 8).

5) (Хен.) *Аѣ. полит.* II 7, *Hermipp. fr.* 63 Kock, сравн. Wilamowitz *Kydathen* стр. 76 сл., H. Droysen *Athen und der Westen*, Berlin 1882.

Аеины страдали отъ тысячи ранъ, нанесенныхъ имъ продолжительной войной и революціей, сумма годового ввоза и вывоза превышала 2000 талантовъ ¹⁾; до войны она была, безъ сомнѣнія, значительно выше. Что значила такая сумма по условіямъ того времени, мы можемъ видѣть изъ того, что торговый оборотъ всѣхъ остальныхъ портовъ аеинскаго государства около 414 г. равнялся приблизительно 30—40.000 талантовъ ²⁾. Планъ новаго города былъ составленъ первымъ архитекторомъ того времени, Гипподамомъ милетскимъ; трудно представить себѣ большій контрастъ, чѣмъ широкія, пересѣкавшіяся подъ прямыми углами улицы Пирея въ сравненіи съ узкими и запутанными улицами старыхъ Аеинъ.

Вмѣстѣ съ торговлей, изъ Іоніи перешла въ метрополию и промышленность. Правда, здѣсь и прежде не было недостатка въ промышленной дѣятельности, и продукты ея отчасти уже въ VII, еще больше въ VI столѣтіи находили себѣ сбытъ за границей; но настоящая вывозная промышленность развилась на западной сторонѣ Эгейскаго моря только со времени Персидскихъ войнъ. Вслѣдствіе этого теперь начали ввозить въ города при Сароническомъ заливѣ большія партіи невольниковъ. Около середины V вѣка въ Эгинѣ насчитывалось, по преданію, 70.000, въ Коринѣ 60.000 рабовъ, а въ Атикѣ при началѣ Пелопоннеской войны было до 100.000 невольниковъ, такъ что во всемъ промышленномъ округѣ европейской Греціи работало тогда свыше четверти милліона рабовъ, и несвободное населеніе было по числу почти равно свободному, а въ отдѣльныхъ городахъ, какъ, напримѣръ, въ Коринѣ и Эгинѣ, значительно превосходило его ³⁾. Напротивъ, въ остальныхъ частяхъ греческаго полу-

¹⁾ Пошлина въ 2%, взимаемая съ ввозимыхъ и вывозимыхъ товаровъ въ Пиреѣ, вскорѣ послѣ 400 года давала чистаго дохода 30—36 тал. (*Andoc. de Myst.* 133 сл.), что соответствуетъ стоимости оплаченныхъ товаровъ въ 1500—1800 тал. Если мы прибавимъ къ этому расходы по взиманію пошлинъ, контрабанду, предметы, ввозимые беспошлинно и т. п., то получимъ по меньшей мѣрѣ вышеприведенную сумму.

²⁾ Аеиняне постановили тогда замѣнить подать пятипроцентной пошлиной съ ввоза и вывоза и ждали отъ этой реформы увеличенія своихъ доходовъ (*Thuc.* VII 28). Подати въ это время составляли приблизительно 1000 тал., причемъ нужно принять во вниманіе, что Хиосъ, Лесбосъ, Самосъ и большинство клерухій вообще не платили никакихъ податей.

³⁾ Подробнѣе въ моей *Bevölkerung der griechisch-römischen Welt* (Leipzig 1886) стр. 84 сл., гдѣ я доказалъ, что до невѣроятія преувеличенныя показанія Аеенея (VI 272 b—d) относительно числа рабовъ (400.000 для Аеинъ, 460.000 для Коринеа, 470.000 для Эгины) возникли только потому, что этотъ

острова, население которых продолжало заниматься земледѣліемъ, скотоводствомъ и мелкою промышленностью, въ это время еще почти совсѣмъ не было рабовъ ¹⁾, развѣ только для личнаго услуженія богатыхъ людей; здѣсь по прежнему преобладалъ свободный, или, какъ въ Лаконіи и Фессаліи, полусвободный трудъ.

Также и свободное население изъ окрестныхъ мѣстъ, отчасти даже изъ областей, лежащихъ по ту сторону моря, стекалось въ центры промышленности и торговли, гдѣ новыхъ пришельцевъ принимали съ распростертыми объятіями. Особенно Аѣины, вѣрныя традиціямъ Клисеенова времени, были въ первыя десятилѣтія послѣ Персидскихъ войнъ чрезвычайно либеральны въ отношеніи предоставленія правъ гражданства ²⁾, пока Периклъ въ 451/0 году не уступилъ настояніямъ толпы, которая хотѣла одна пользоваться соединенными съ аттическимъ правомъ гражданства матеріальными выгодами, и не установилъ болѣе строгихъ условій для пріема чужестранцевъ въ подданство ³⁾. Но даже и не принятый въ число гражданъ могъ, тѣмъ не менѣе, совершенно такъ же свободно заниматься своимъ дѣломъ, какъ и сами граждане, и наравнѣ съ ними пользовался защитой законовъ; выраженіе Гомера о «безправномъ чужестранцѣ» потеряло въ это время свое значеніе. Только права пріобрѣтать недвижимую собственность не-граждане были лишены, если и это право не предоставлялось имъ въ видѣ специальной привилегіи; но такъ какъ они въ громадномъ большинствѣ принадлежали къ сословію ремесленниковъ, то практически это ограниченіе имѣло ничтожное значеніе. Такимъ образомъ, въ большихъ городахъ рядомъ съ гражданами появился многочисленный классъ осѣдлыхъ иностранцевъ, такъ называемыхъ «метэковъ», число которыхъ, напримѣръ въ Аѣинахъ, при началѣ Пелопоннесской войны доходило, по меньшей мѣрѣ, до 30.000 душъ, при количествѣ гражданъ, приблизительно, въ 100.000 человекъ ⁴⁾.

авторъ, или его источникъ, принялъ знакъ *Μ* (*μυριάς*) въ значеніи 40 и поняты такимъ образомъ числа *Μ*, *ΜΦ*, *ΜΣ* переводилъ міриадами.

1) Thuc. I 141 называетъ пелопоннессцевъ *ἀδούροισι* въ противоположность аѣинянамъ, пользующимся услугами рабовъ. Относительно Фокиды и Локриды сравн. Tim. fr. 67, относительно Беотіи — мои замѣчанія въ *Hermes* 1889, стр. 479.

2) Isocr. *Ο μισθ* 88.

3) Aristot. *Ἠθ. πολιτ.* 26, 4, сравн. Philochor. fr. 90, Plut. *Per.* 37.

4) 3000 метэковъ служили только въ качествѣ тяжеловооруженныхъ (Thuc. II 31), но громадное большинство, вѣроятно, не обладало цензомъ, необходимымъ для вступленія въ ряды голитовъ. Къ нимъ надо причислить еще женъ и дѣтей.

Въ значительной степени это было, конечно, слѣдствіемъ положенія Аѳинъ во главѣ морского союза; въ Коринѣ и Хиосѣ относительное число метѣковъ было, безъ сомнѣнія, гораздо меньше, а въ консервативной Спартѣ правительство даже старалось путемъ періодическихъ изгнаній (*ξενηλασίαι*) ограничить по возможности приливъ иностранцевъ ¹⁾. Однако, весьма характерно, что и здѣсь была надобность въ подобныхъ мѣропріятіяхъ.

Такимъ образомъ, теперь образовались городскіе центры, оставляшіе далеко позади себя все, что видѣлъ въ этой области VI вѣкъ. Во время паденія тираніи Аѳины едва ли насчитывали свыше 20.000 жителей (выше стр. 167); восемьдесятъ лѣтъ спустя, при началѣ Пелопоннесской войны, населеніе города и его гаваней возросло почти до 100.000. Съ Аѳинами соперничали Сиракузы, главный городъ Сициліи. Небольшой островъ Ортигія, на которомъ нѣкогда поселились коринѳяне, уже подъ конецъ VI вѣка оказался слишкомъ тѣснымъ для населенія, и оно основало на противоположащемъ берегу сицилійскаго материка предмѣстье, которое посредствомъ плотины, возбуждавшей въ свое время всеобщее удивленіе, было тѣсно соединено съ островомъ ²⁾. Впослѣдствіи, при Гелонѣ, это предмѣстье, названное Ахрадиной, сдѣлалось центральной частью Сиракузъ, къ которой затѣмъ примкнули съ сѣвера и съ запада новыя предмѣстья Тиха и Теменитъ. Въ это время Сиракузы безспорно были величайшимъ городомъ всего греческаго міра. Правда, этотъ ростъ былъ достигнутъ отчасти искусственными средствами, какъ, напримѣръ, переселеніемъ цѣлыхъ общинъ и водвореніемъ тысячъ выслужившихъ свой срокъ наемниковъ; но и послѣ паденія Дейноменидовъ и распаденія ихъ царства Сиракузы все-таки оставались метрополіей запада и въ эпоху Пелопоннесской войны едва-ли уступали Аѳинамъ по количеству населенія ³⁾. Кромѣ Сиракузъ, въ Сициліи было еще нѣсколько крупныхъ городовъ, какъ Гела и особенно Акрагантъ. Въ Италіи богатый и цвѣтущій Сибарисъ былъ подъ конецъ VI вѣка разрушенъ Кротономъ (выше стр. 311); съ этихъ поръ послѣдній занималъ тамъ первое мѣсто, хотя никогда не достигъ того значенія, которое имѣлъ Сибарисъ. На греческомъ полуостровѣ первыя мѣста послѣ Аѳинъ принадлежали Коринѳу и Эгинѣ; около 450 года они имѣли приблизи-

¹⁾ Thuc. I 144, II 39, Plat. *Protag.* 342 c, Plut. *Lyc.* 27, Müller *Dorier* II² стр. 3.

²⁾ Ibys. fr. 22. Lupus *Die Stadt Syrakus im Altertum.* Нѣм. пер. *Topografia archeologica di Siracusa* Cavallari—Holm'a. Strassburg 1887.

³⁾ Thuc. VII 28, 3.

тельно по 60.000 жителей. Затѣмъ слѣдовали Спарта, Аргось, Фивы, Сикіонъ, Мегара, Корцира—города съ 20—30.000-нымъ населеніемъ ¹⁾. Знаменитые въ старину торговые пункты на Эврипѣ, Эретрія и Халкида, пришли теперь въ упадокъ, отчасти вслѣдствіе политическихъ условій, отчасти благодаря расцвѣту Аѣинъ. Наоборотъ, въ западной части Пелопоннеса, гдѣ до того времени почти вовсе не было городскихъ центровъ, вскорѣ послѣ Персидскихъ войнъ былъ основанъ городъ Элида.

О сравнительномъ значеніи городовъ аттического государства мы можемъ судить по величинѣ податей, которыя они уплачивали Аѣинамъ. При нормировкѣ этихъ налоговъ рѣшающее значеніе имѣла, конечно, финансовая сила города, хотя во многихъ случаяхъ принимались въ расчетъ и другія условія ²⁾. Во всякомъ случаѣ, податные списки представляютъ чрезвычайно важный источникъ для ознакомленія съ экономическимъ положеніемъ Греціи въ V вѣкѣ; поэтому мы считаемъ нужнымъ привести здѣсь слѣдующую таблицу ³⁾.

Взносы.	Общныя.
30 тал.	Эгина, Фасось.
16 ¹ / ₃ „	Парось.
15 „	Абдера, Византія.
12 „	Лампсакъ.
10 „	Эносъ, Халкида (?), Периней.
9 „	Калхедонъ, Кумы, Кизикъ.
7 „	Эритры.
6 ² / ₃ „	Наксось.
6 „	Андрось, Эфесъ, Ялисъ, Камейръ, Линдъ, Потидея, Самоеракія, Скіона, Теосъ, Торона.

¹⁾ Сравн. мое *Bevölkerung der griechisch-römischen Welt*. Leipzig 1886. Спарта и Аргось были, можетъ быть, нѣсколько больше.

²⁾ Первая разверстка податей была произведена Аристидомъ, который ей именно и обязанъ своею славой справедливаго. Притомъ, члены союза вступили въ него добровольно; очевидно, поэтому, что въ началѣ размѣръ взносовъ опредѣлялся исключительно финансовымъ состояніемъ каждаго союзника. Впослѣдствіи первоначальная оцѣнка была въ отдѣльныхъ случаяхъ нѣсколько измѣнена, но до 425/4 г. все-таки удержалось въ общемъ старое аристидовское распредѣленіе податей. Сравн *Rh. Mus.* 43 (1888) стр. 104 сл.

³⁾ По Pedrolì—*I tributi degli alleati d'Atene* въ моихъ *Studi di Storia Antica* I (Roma 1891). Эти цифры относятся къ податному періоду 446/5—440/39 гг., для котораго единственно у насъ есть почти полный матеріалъ. Для Халкиды, Мееоны и Термеры, взносы которыхъ въ этомъ періодѣ неизвѣстны, указаны податныя суммы изъ другихъ податныхъ періодовъ. Взносы Византіи и Тенедоса выражены для круглаго счета въ цѣлыхъ талантахъ. Податными списками пользовались для всевозможныхъ цѣлей, и только съ

Взносы.	О б щ и н ы.
5 тал.	Каристъ, Кось, Менда, Милеть, Селимбрія, Сермилія.
4 „	Абидось, Кеось.
3 „	Энея, Аканфъ, Херсонесь въ Каріи, Гефестея, Книдъ, Киенъ, Меоноа, Пепареель, Фаселись, Проконнесъ, Сифнъ, Тенедось, Тенось.
2½ „	Термера (?).
2 „	Арисба, Олинель, Фокея, Сингъ, Спартоль.
1⅔ „	Галикарнась.
1½ „	Астипалея, Галепсь, Калидна, Керамъ, Клазомены, Колофонъ, Маронея, Мирина на Лемносъ.

Самось, Хиось и Лесбось были свободны отъ податей, иначе они были бы помѣщены въ началѣ списка или тотчасъ послѣ Эгины и Фасоса. Что касается Эретрии, то цифра ея взноса за 425/4 г. случайно не сохранилась. Всѣ остальные города платили по 1 тал. или менѣе.

При первомъ взглядѣ на эту таблицу бросается въ глаза значеніе городовъ, лежавшихъ на водномъ пути Геллеспонта и Пропонтиды, а также колоній южнаго берега Фракіи. Одинъ изъ Цикладскихъ острововъ, Парось, былъ въ V вѣкѣ, по всей вѣроятности, такимъ-же важнымъ торговымъ центромъ, какъ Делось въ эллинистическій періодъ и Сира въ наше время ¹⁾. Напротивъ, города іоническаго материка замѣтнымъ образомъ отходятъ на задній планъ; особенно характерны невысокія податныя суммы Милета и Фокея, двухъ наиболѣе выдающихся торговыхъ городовъ Іоніи въ VI вѣкѣ.

Быстрый ростъ городовъ, по крайней мѣрѣ въ европейской Греціи, заставляетъ предполагать, что и общая сумма народонаселенія значительно увеличилась въ этомъ періодѣ. Правда, распространеніе греческой расы по берегамъ Средиземнаго моря пріостановилось съ конца VI вѣка, встрѣтивъ преграду на востокѣ въ персидскомъ царствѣ, на западѣ въ могуществомъ кароагянъ. Но недостатка въ поселенцахъ никогда не было. Гдѣ только въ предѣлахъ греческаго міра представлялась возможность пріобрѣсти собственный земельный участокъ, они устремлялись туда тысячами; такъ было при основаніи Фурій и Гераклеи у Тарентскаго залива, Этны и Калакты въ Сициліи, Амфиполиса во Фракіи, Гераклеи Трахинской въ самой Греціи. Замѣчательно, что еще въ IV столѣтіи политическая наука, касаясь вопроса о на-

точки зрѣнія экономической исторіи, къ которой они прежде всего относятся ихъ не разработалъ никто. Я надѣюсь еще когда-нибудь вернуться къ этому вопросу.

¹⁾ Высокій размѣръ подати, которою былъ обложенъ Парось, отнюдь не объясняется исключительно находженіемъ на островѣ мраморныхъ ломокъ.

родонаселеніи, останавливается только на опасности перенаселенія; и когда, наконецъ, рушилось персидское господство, западная Азія покрылась густой сѣтью греческихъ колоній.

Особенно густо былъ населенъ, разумѣется, промышленный округъ у Исема и Сароническаго залива. Здѣсь, на протяженіи 2500 кв. километр., которые занимала Аттика, въ началѣ Пелопоннеской войны жило около четверти милліона человекъ ¹⁾, т. е. почти 100 на одномъ квадратномъ километрѣ. Такъ же густо была населена, вѣроятно, и сосѣдняя Мегарида (470 кв. кил.),—и въ Арголидѣ (4200 кв. кил.) съ ея многочисленными торговыми и промышленными городами, какъ Коринѣъ, Сикіонѣъ, Эгина и самый Аргосъ, относительное количество населенія едва ли было значительно меньше ²⁾. Таковую же, а отчасти, можетъ быть, еще большую густоту населенія представляли нѣкоторые большіе острова, какъ Корцира, Хиосъ и Самосъ ³⁾. Зато въ областяхъ преимущественно земледѣльческихъ относительное количество жителей было, разумѣется, гораздо меньше. Такъ, Беотія, занимавшая приблизительно такую же площадь, какъ Аттика, врядъ ли имѣла болѣе 150.000 жителей (около 60 на 1 кв. килом.) ⁴⁾, а населеніе всего Пелопоннеса (22.300 кв. кил.) около 430 г. можно принять, круглымъ числомъ, въ одинъ милліонъ. Фессалія со смежными областями, при своемъ большомъ протяженіи (около 16.000 кв. килом.), должна была имѣть очень большое абсолютное народонаселеніе, хотя, благодаря отсутствію значительныхъ городскихъ центровъ и печальнымъ социальнымъ условіямъ, густота населенія была

1) По указаніямъ Thuc. II 13 относительно боевыхъ силъ Атики въ 431 году, количество гражданъ должно было составлять тогда около 30.000, следовательно все гражданское населеніе—около 100.000 чел.; сюда пужно прибавить 30.000 метэковъ и, круглымъ числомъ, 100.000 рабовъ.

2) По Лисію 34, 7 въ Аргосѣ около 403 года было приблизительно 20.000, по Xen. *Hell.* V 3, 16 во Фліунтѣ около 380 г. болѣе 5000 гражданъ; всѣ города этой области, кромѣ Фліунта и Эгины, могли въ 394 г. выставить 17.500 гоплитовъ (Xen *Hell.* IV 2, 16 сл., который даетъ идеальныя числа, сравн. Wilamowitz *Hom. Unters.* стр. 273). Отсюда слѣдуетъ, что число гражданъ равнялось приблизительно 50 — 60.000, а все гражданское населеніе—200.000 душъ, къ которымъ нужно еще прибавить приблизительно равное число рабовъ. Сравн. мое *Bevölkerung*.

3) Относительно Хиоса—Thuc. VIII 40, относительно Корциры—Partsch *Die Insel Korfu*, *Ergänzungsheft* 88 zu *Petermanns Mitteilungen* (1887).

4) Число мужчинъ, способныхъ носить оружіе, равнялось въ 424 г. 18.500 (Thuc. IV 93), что соответствовало бы свободному населенію въ слишкомъ 100.000 человекъ; сравн. также Xen. *Memorab.* III 5, 2,—указаніе, приводящее почти къ тому же результату.

здѣсь, безъ сомнѣнія, значительно меньше, чѣмъ въ Беотіи. Очень мало были населены горныя области сѣверозападной части Греціи, отъ озольской Локриды вверхъ до сѣверной Македоніи; населеніе было здѣсь разбросано по открытымъ поселкамъ, отдѣленнымъ другъ отъ друга большими пространствами лѣса ¹⁾. Такимъ образомъ, народонаселеніе всего греческаго полуострова вмѣстѣ со смежными островами составляло во второй половинѣ V вѣка около трехъ, самое большее — четырехъ милліоновъ.

Изъ колониальныхъ областей Сицилія занимала почти такую же площадь (25.600 кв. килом.), какъ Пелопоннесъ; но вслѣдствіе болѣе юной культуры острова и преобладанія земледѣлія и скотоводства, населеніе было здѣсь, конечно, менѣе густо, такъ что для конца V вѣка его можно опредѣлить приблизительно въ 800.000 человекъ. Таково же было приблизительно число жителей въ италійскихъ колоніяхъ. Очень густо были населены области при Геллеспонтѣ, Іонія и острова, лежащіе у западнаго побережья Малой Азіи, но по недостатку матеріала мы не въ состояніи опредѣлить въ цифрахъ количество народонаселенія этихъ колоній; то же самое относится къ колоніямъ у Понта, на Кипрѣ и въ Ливіи. Во всякомъ случаѣ, можно предположить, что народонаселеніе колоній, включая сюда и туземныхъ подданныхъ, было въ V вѣкѣ почти равно по количеству народонаселенію метрополи, такъ что все вообще народонаселеніе всѣхъ греческихъ государствъ должно было равняться въ это время приблизительно 7—8 милліонамъ человекъ ²⁾.

Уже во время Персидскихъ войнъ Греція должна была часть потребныхъ для нея сѣстныхъ припасовъ ввозить изъ-за границы ³⁾. При постоянномъ ростѣ населенія этотъ импортъ въ теченіе V столѣтія принималъ все большіе размѣры. Въ особенности промышленные города всячески старались способствовать ввозу хлѣба и поддерживать низкія цѣны ⁴⁾. Больше всего ввозилось изъ плодоносныхъ равнинъ на сѣверѣ Понта, теперешней южной Россіи, затѣмъ изъ Сициліи и Египта. О количествѣ ввезеннаго хлѣба мы имѣемъ свѣдѣнія, впрочемъ, лишь изъ IV столѣтія. Тогда ежегодный ввозъ въ

1) Thuc. III 94.

2) Подробнѣе въ моей *Bevölkerung der griechisch-römischen Welt* (Leipzig 1886); относительно Сициліи сравн., кромѣ того, мои статьи въ *Archivio Storico Siciliano* п. S. XIV (1889) и XX (1895) Palermo.

3) Herod. VII 147, Theopomp. fr. 219 у Athen. VI 232 в. Еще Солонъ будто бы запретилъ вывозъ зерна изъ Аттики (Plut. Solon. 22. 24).

4) Bockh *Staatshaush.* ² стр. 115 слл.

Пирей равнялся приблизительно 800.000 медимновъ (около 400.000 гектолитровъ или 300.000 метрическихъ центнеровъ), изъ которыхъ половина доставлялась съ Понта ¹⁾; а такъ какъ Аѳины передъ Пелопоннесской войной имѣли не меньшее число жителей, чѣмъ во времена Демосфена, то и импортъ въ V вѣкѣ не могъ быть меньше. Правда, ни одинъ другой греческій городъ не нуждался въ такомъ большомъ количествѣ привозного хлѣба; однако общій ввозъ въ гавани Эгейскаго моря все-таки долженъ былъ равняться нѣсколькимъ милліонамъ медимновъ ²⁾.

Мѣстному земледѣлю было тѣмъ труднѣе бороться съ этой конкуренціей, что оно пользовалось еще довольно примитивными средствами. Плугъ въ общемъ сохранялъ еще ту же форму, какую онъ имѣлъ въ гомеровскія времена, съ той разницей, что теперь онъ всегда былъ снабженъ металлическимъ сошникомъ. Точно также зерно по прежнему молотили на току посредствомъ скота. Старая переложная система, по которой поля засѣвались хлѣбомъ лишь годъ черезъ годъ, еще въ началѣ IV вѣка примѣнялась повсемѣстно даже въ Аттікѣ. Если какой-нибудь интеллигентный сельскій хозяинъ дѣлалъ попытку ввести у себя болѣе рациональное хозяйство, люди только качали головами ³⁾. Впрочемъ, громадныя расходы по перевозкѣ дѣйствовали какъ родъ покровительственной пошлины, такъ что хлѣбопашество, несмотря на всѣ эти невыгодныя условія, оставалось прибыльнымъ занятіемъ. Во времена Александра ежегодное производство Аттіки равнялось 400.000 медимновъ (около 200.000 гектол.), почти исключительно ячменя, между тѣмъ какъ плодородный островъ Лемносъ производилъ ежегодно 300.000 медимновъ ⁴⁾.

1) Demosth. g. *Leptin.* 32.

2) Такъ, Аѳины въ 426 году дали сравнительно небольшому городу Меоновъ въ Пѳеріи, обложенному податью въ 3 таланта, привилегію ввозить съ Понта, по меньшей мѣрѣ, 4000 медимновъ пшеницы (дошедшая до насъ цифра не вполне точна; можетъ быть, до 7000 медим.) (*CIA* I 40).

3) Лисій с. *Polem.* у Свиды *ἐπί καλαμῶν ἀροῦν*. Сравни. Xen. *Oecon.* 16, 10, Büchsenenschütz *Besitz und Erwerb* стр. 301 слл. Еще въ одномъ арендномъ договорѣ изъ Аморга, относящемся къ III вѣку, предписывается оставлять поле черезъ годъ подъ паромъ (*Bull. de Corr. Hell.* XVI, 1892, стр. 277 слл.)

4) Foucart *Bull. de Corr. Hell.* VIII (1884), стр. 211. Въ томъ же самомъ году, къ которому относятся вышеприведенныя цифры (329/8), Саламинъ произвелъ 24.525, Скиросъ 38.400, Имбръ 70.200 мед. Мы не знаемъ, впрочемъ, идетъ ли здѣсь рѣчь о хорошемъ, или о дурномъ урожаѣ; однако, по другимъ соображеніямъ представляется вѣроятнымъ, что среднее производ-

Лучшій доходъ приносила культура болѣе нѣжныхъ растений—винодѣліе и приготовленіе оливковаго масла. Въ этомъ отношеніи побережья Эгейскаго моря еще не боялись конкуренціи; напротивъ, масло Аттики, вино Іоніи и южнаго побережья Фракіи служили даже предметомъ значительнаго вывоза. Ввозъ живого скота моремъ на далекихъ разстояніяхъ былъ при тогдашнемъ состояніи мореплаванія почти совершенно невозможенъ; зато соленое мясо, сыръ, сало и другіе животныя продукты ввозились изъ колоній въ большомъ количествѣ и играли важную роль въ народномъ пропитаніи ¹⁾.

Старое натуральное хозяйство теперь исчезло или удержалось еще только въ наиболѣе отдаленныхъ частяхъ греческаго міра. Такъ напримѣръ, Сиракузы до самаго паденія своей самостоятельности взимали со своихъ сицилійскихъ подданныхъ десятую часть урожая натурой; между тѣмъ въ Аѣинахъ солоновскіе цензы были, какъ кажется, около времени Персидскихъ войнъ, переведены на деньги. Пентакосіомедимномъ теперь считался уже не тотъ, кто ежегодно получалъ со своихъ полей 500 мѣръ хлѣба, а тотъ, чье имущество равнялось одному таланту ²⁾. Очень характерно для переворота, происшедшаго въ экономическихъ условіяхъ, то, что при этомъ принималось во вниманіе уже не исключительно поземельное владѣніе, но и движимое имущество. Сообразно съ этимъ налоги, которые еще при Писистратидахъ взимались натурою, теперь уплачивались деньгами; точно также податная организація аѣинскаго морскаго союза, созданная Аристидомъ, всецѣло основывалась на денежной системѣ и исключала всякія натуральныя повинности ³⁾.

При этихъ условіяхъ центры монетной чеканки въ Греціи должны

ство хлѣба въ Аттикѣ въ V и IV вѣкахъ не слишкомъ разнилось отъ вышеуказаннаго количества (сравни мое *Bevölkerung* стр. 90—97). Въ настоящее время пахотная земля на Лемносѣ занимаетъ 250000 стреммъ (=25000 гектар.), т. е. около половины острова (*Conze Reise auf den Inseln des thrakischen Meeres*, Hannover 1860, стр. 106); едва ли она занимала въ древности болѣе широкое пространство. Поэтому, пока господствовала многопольная система, урожай въ обыкновенные годы не могъ на много превышать указанный.

1) Wiskemann *Die antike Landwirtschaft und das von Thünen'sche Gesetz* (*Preisschriften der Jablonowskischen Gesellschaft* VII) Leipzig 1859.

2) Подробнѣе въ моей статьѣ *Das Volksvermögen von Attika* въ *Hermes* XX (1885) стр. 245 слл.

3) Остатки натурального хозяйства сохранились, впрочемъ, и въ Аттикѣ до позднихъ временъ, особенно въ эксплуатаціи храмовыхъ имуществъ. Такъ, ораторъ Гиперидъ заплатилъ элевсинскому храму за аренду рарійской равнины натурою 619 медимн. хлѣба (*Ἐφημ. ἀρχ.* 1883, стр. 123, строка 40, *Bull. de Corr. Hell.* VIII, 195).

были обнаруживать въ V вѣкѣ очень оживленную дѣятельность. Области, которыя до тѣхъ поръ не имѣли собственной монеты, какъ Фессалія, Элида, Критъ, Сицилія, теперь также начали чеканить серебряную монету. Только консервативная Спарта упорно держалась своей старой желѣзной монеты; страннымъ образомъ, отказывались чеканить монету также промышленный городъ Мегара и ея колоніи Византія и Калхедонъ. Съ другой стороны, политическое и экономическое превосходство Аѣинъ заставило Циклады, а съ 446 г. также и города Эвбеи прекратить чеканку. Эгина со времени потери своей независимости въ 457 г. лишь немного чеканила, пока, наконецъ, послѣ изгнанія эгинскихъ гражданъ и замѣны ихъ аттическими клерухами въ 431 году, этотъ нѣкогда важнѣйшій монетный центръ европейской Греціи совершенно прекратилъ свою дѣятельность. Такимъ образомъ, начиная съ середины V вѣка аттическія тетрадрахмы сдѣлались господствующею монетою въ области Эгейскаго моря, и Аѣины были достаточно благоразумны, чтобы чеканить только полную сѣнскую монету изъ чистаго серебра. Даже при самой крайней финансовой нуждѣ во время Пелопоннесской войны Аѣины ни разу не прибѣгли къ ухудшенію своей серебряной монеты. Напротивъ, изъ золота въ европейской Греціи даже въ V вѣкѣ почти вовсе не чеканили, хотя персидскіе дарейки и кизикскіе статеры изъ электра были въ обращеніи въ большомъ количествѣ ¹⁾).

Необходимый для чеканки благородный металлъ доставлялся отчасти восточной торговлей, отчасти рудниками самой Греціи. Серебряные рудники близъ Лавріона, на южной оконечности Аттики, приносили въ эпоху Персидскихъ войнъ очень большіе доходы ²⁾); еще болѣе доходны были рудники, находившіеся на Фасосѣ и на противоположащемъ материкѣ, на границѣ между Фракіей и Македоніей ³⁾). Впрочемъ, большая часть запасовъ металла не попадала въ обращеніе, а скоплялась въ сокровищницахъ. Почти каждый храмъ имѣлъ свою казну; и если она состояла обыкновенно только изъ серебряной утвари вѣсомъ въ нѣсколько мианъ, то все-таки, при большомъ количествѣ храмовъ, об-

¹⁾ Сравн. приведенную выше, на стр. 169 литературу, особенно Head *Historia Numorum*, Oxford 1887.

²⁾ Aesch. *Персы* 238, Herod. VII 144, Aristot. *Аф. полит.* 22, 7.

³⁾ Александръ I Македонскій получалъ будто бы со своихъ серебряныхъ рудниковъ по среднему теченію Стримона ежедневный доходъ въ одинъ талантъ (Herod. V 17); рудники *Σκαπτή ὕλη* приносили, по преданію, 80 талантовъ въ годъ; точно также и фасосскіе рудники давали очень значительный доходъ (Herod. VI 46).

щая сумма сокровищъ была очень велика. Такъ, при началѣ Пелопоннесской войны въ храмахъ Аттики было жертвенныхъ приношеній на сумму 500 талантовъ ¹⁾. Сверхъ того, они владѣли еще очень значительными наличными суммами, изъ которыхъ государство въ первые 10 лѣтъ войны заняло около 800 талантовъ, не говоря уже о тѣхъ деньгахъ, которыя были взяты изъ сокровищницы Аѳины Полиады—самаго богатаго изъ всѣхъ этихъ храмовыхъ казнохранилищъ ²⁾. Делосъ и Олимпія также владѣли крупными богатствами. Дельфійскій храмъ около 360 г. имѣлъ, по преданію, 10.000 талантовъ ³⁾, большая часть которыхъ находилась здѣсь, вѣроятно, уже въ V вѣкѣ; эта цифра едва ли очень преувеличена, такъ какъ впоследствии фокейцы изъ этихъ денегъ покрыли издержки десятилѣтней войны, для которой они пользовались большими наемными арміями. Затѣмъ сюда же нужно отнести и аѳинскую союзную казну, которая, включая храмовыя сокровища страны, располагала по временамъ 10.000 талантовъ и еще въ началѣ Пелопоннесской войны заключала въ себѣ 6000 талантовъ ⁴⁾.

Тѣмъ не менѣе, количество поступавашаго въ обращеніе благороднаго металла было достаточно велико, чтобы вызывать значительное повышеніе цѣнъ. Мѣра ячменя, стойвшая въ Аѳинахъ во время Солона одну драхму, обходилась въ концѣ V и началѣ IV столѣтія вдвое дороже; мѣра пшеницы стоила 3 драхмы ⁵⁾. Еще болѣе повысились цѣны на скоть, такъ какъ въ этой отрасли торговли не было заморской конкуренціи, а въ самой Греціи, вслѣдствіе роста народонаселенія, скотоводство все болѣе уступало мѣсто земледѣлію. Между тѣмъ какъ около 600 г. можно было въ Аѳинахъ купить овцу за

1) Thuc. II 13.

2) Kirchhoff *Abhandl. der Berl. Akad.* 1876, стр. 31, *CIA.* I 273.

3) Diod. XVI 56. Эта цифра, впрочемъ, нѣсколько преувеличена, такъ какъ, напримѣръ, пожертвованные Крезомъ платиновые кирпичи принимаются здѣсь въ расчетъ, какъ чистое золото.

4) Thuc. II 13, 3.

5) Цѣна пшеницы въ V столѣтіи намъ не извѣстна. Въ 389 году Аристотель считаетъ мѣру пшеницы въ 3 др. (*Eccl.* 547); въ жертвенномъ тарифѣ, относящемся приблизительно къ тому же самому времени (*CIA* 631), $\frac{1}{12}$ медимна оцѣнивается въ 3 обола, включая, впрочемъ, и порцію мяса. По анекдоту, который рассказываютъ о Сократѣ (*Plut. de tranquill. an.* 10, стр. 470, *Stob. Floril.* III 211 Mein.) и циникъ Диогенъ (*Laert. Diog.* VI 35), хойникъ ячменной муки (*ἀλφιτα*) стоилъ 2 халкуса, слѣдовательно медимнъ—2 драхмы; эти цифры имѣютъ, конечно, лишь очень условное значеніе. Подробнѣе въ статьѣ Corsetti о цѣнахъ на хлѣбъ въ древности, въ моихъ *Studi di Storia antica*, вып. II, Римъ 1893.

драхму, спустя два столѣтiя цѣна ея поднялась до 10—20 драхмъ; быкъ въ это время стоилъ около 50—100 драхмъ ¹⁾. Напротивъ, въ богатой скотомъ Сицилiи «хорошiй теленокъ» даже послѣ Персидскихъ войнъ стоилъ только 10 литровъ или 2 аттическихъ драхмы ²⁾.

Увеличенiе количества находившагося въ обращенiи благороднаго металла должно было имѣть послѣдствiемъ то, что въ V вѣкѣ гораздо легче было, напримѣръ, достать займы талантъ серебра, чѣмъ въ VI вѣкѣ. То же самое касается большинства остальныхъ товаровъ, которые доставлялись теперь на рынокъ въ гораздо большемъ количествѣ, чѣмъ прежде, отчасти мѣстной промышленностью, отчасти ввозной торговлей. Правда, около 400 года мѣра пшеницы, въ переводѣ на серебро, стоила гораздо дороже, чѣмъ во время Солона, но только потому, что запасы серебра возросли еще быстрѣе, чѣмъ производство сельско-хозяйственныхъ продуктовъ. Зато теперь можно было въ неурожайные годы привозить иностранный хлѣбъ почти въ неограниченномъ количествѣ, и крестьянинъ, нуждавшiйся въ хлѣбѣ для посѣва и для пропитанiя своей семьи до ближайшаго урожая, могъ теперь гораздо легче достать нужное ему количество хлѣба, чѣмъ раньше, когда ему приходилось въ такихъ случаяхъ обращаться къ богатому сосѣду. Вслѣдствiе этого ссуды—какъ натурою, такъ и деньгами—можно было теперь получать на болѣе выгодныхъ условiяхъ, чѣмъ прежде,—другими словами, такса процентовъ должна была понижаться. Впрочемъ, этому процессу противодействовалъ сильный подъемъ промышленности и торговли, вызвавшiй большой спросъ на капиталы. Поэтому процентъ и теперь еще остается сравнительно очень высокимъ. Если въ эпоху Солонъ при хорошемъ обезпеченiи платили среднимъ числомъ 18% (выше стр. 177), то въ IV столѣтiи въ Аѣинахъ платили около 12%; за ссуды, соединенныя съ рискомъ, и во времена, когда чувствовался недостатокъ въ деньгахъ, взимались, конечно, гораздо болѣе высокiе проценты. Какого нибудь опредѣленнаго закона относительно максимальнаго процента, по крайней мѣрѣ въ Аѣинахъ, не было, хотя и здѣсь, какъ повсюду, общественное мнѣнiе осуждало ростовщиковъ, которые пользовались нуждою ближнихъ для наживы, и этимъ все же производило нѣкоторое моральное давленiе ³⁾.

1) Bөөckh *Staatshaush.* I² стр. 105; относительно повышенiя цѣнъ на скоть со времени Солонъ см. Дим. Фалер. у Plut. *Solon* 23.

2) Epicharm. у Polydeвка IX 80.

3) Bөөckh *Staatsh.* I² стр. 175 слл. Отъ V вѣка до насъ дошло только

Такой размѣръ процента указываетъ на значительную прибыльность промышленности, т. е. на высокій уровень цѣнъ и низкій уровень заработной платы. Дѣйствительно, цѣны промышленныхъ продуктовъ, дошедшія до насъ отъ V и IV вѣка, — напримѣръ, платья и оружія — очень высоки по сравненію съ цѣнами на хлѣбъ ¹⁾. Но, что важнѣе всего, — существованіе рабства давало возможность капиталу безжалостно эксплуатировать рабочую силу. Сильный рабъ, какой нуженъ былъ на рудникахъ, могъ быть купленъ за 100—150 драхмъ и давалъ ежедневно чистой прибыли одинъ оболъ; слѣдовательно, считая въ году только 300 рабочихъ дней, деньги, уплаченныя за него, приносили отъ 33¹/₃ до 50%, куда входитъ, впрочемъ, и погашеніе затраченнаго капитала ²⁾. Опытные фабричные мастера (*χειροτέχναι*) приносили, разумѣется, гораздо большій доходъ — ежедневно два обولا и болѣе ³⁾; зато и покупная цѣна ихъ была соотвѣтственно выше, до 5—6 минъ ⁴⁾. 32—33 кузнеца, которыхъ отецъ оратора Демосфена имѣлъ на своей фабригѣ, приносили въ годъ 30 минъ чистаго дохода, т. е. около 100 драхмъ на человѣка; 20 столяровъ, работавшихъ у того же фабриканта, приносили только 12 минъ, т. е. по 60 драхмъ, что составляетъ нѣсколько болѣе одного обولا въ день, — однако и этотъ доходъ равнялся 30% на затраченный капиталъ, такъ какъ они стоили по 2 мины каждый ⁵⁾.

Въ морской торговлѣ капиталы также могли приносить очень высокіе проценты; но здѣсь размѣръ прибыли стоялъ въ прямомъ отношеніи къ величинѣ риска. Дѣйствительно, мореплаваніе все еще находилось въ первобытномъ состояніи, хотя и сдѣлало значительные успѣхи съ гомеровскихъ временъ. Самые большіе военные корабли V столѣтія, тріеры, представляли собою только большія лодки съ неглубокой осадкой, которыя при малѣйшемъ волненіи на морѣ теряли

извѣстіе, что въ 434/3 г. делосскій храмъ давалъ займы деньги по 100% (C.I.A. I 283); но этотъ процентъ былъ, несомнѣнно, ниже обычнаго.

¹⁾ Bockh *Staatsh.* I² стр. 148 слл.

²⁾ Xen. *Περὶ προσόδων*, IV 14—23.

³⁾ Aeschin. *Κατὰ Τιμάρχου* 118.

⁴⁾ О цѣнахъ на рабовъ см. Bockh *Staatsh.* I² стр. 95 слл. и официальные данныя о суммахъ, вырученныхъ изъ имѣній, которыя были конфискованы въ 415 г. вслѣдствіе процесса объ оскорбленіи гермъ и мистерій (C.I.A. I 274. 275. 277, IV 274, стр. 35).

⁵⁾ Demosth. *с. Αφροβ.* I 9, стр. 816. Показанія оратора всюду, гдѣ онъ защищаетъ свои собственные интересы, очень ненадежны; однако, именно въ этомъ случаѣ онъ долженъ былъ оставаться въ предѣлахъ вѣроятнаго, хотя указывалъ, конечно, наивысшій размѣръ доходовъ.

способность маневрировать и по прибытии въ гавань вытаскивались на берегъ. Изъ торговыхъ кораблей самые большіе могли поднять, повидимому, около 10.000 талантовъ (360 тоннъ) ¹⁾. Если теперь и рѣшались чаще, чѣмъ прежде, на путешествія по открытому морю ²⁾, то все же обыкновенно держались по возможности близко къ берегу, такъ что, напримѣръ, корабль, направлявшійся изъ Греціи въ Сицилію, сначала поднимался къ Корцирѣ и Таренту, а затѣмъ вдоль берега нынѣшней Калабріи снова спускался на югъ. Да и теперь еще болѣе или менѣе продолжительныя морскія путешествія предпринимались только въ благоприятное время года ³⁾. Сюда присоединилось отсутствіе всякихъ вспомогательныхъ средствъ, безъ которыхъ мы теперь едва можемъ представить себѣ сообщеніе по морю, — морскихъ картъ, компаса, маяковъ, знаковъ, указывающихъ фарватеръ и т. п.; и, особенно, опасность со стороны пиратовъ, отъ которыхъ даже морское господство Атики не было въ состояніи совершенно очистить Эгейское море. Слѣдовательно, шансы на прибыль должны были быть очень велики, если морская торговля все-таки существовала. При поѣздкахъ въ дальнія моря, какъ напримѣръ въ Понтъ или пользовавшуюся дурной славою Адриатику, эта прибыль доходила часто до 100% и болѣе ⁴⁾; но и при поѣздкахъ по Эгейскому морю можно было заработать 20—30%. Величинѣ этой прибыли соответствовалъ и размѣръ вознагражденія за капиталы, которые отдавались въ ссуду подъ такъ называемый «морской процентъ» (*ναυτικός τόκος*), при чемъ кредиторъ дѣлилъ рискъ съ судовоозяиномъ ⁵⁾.

Землевладѣніе было, конечно, менѣе прибыльно: не говоря уже о связанныхъ съ нимъ социальныхъ выгодахъ, оно представляло въ это время почти единственное вполнѣ вѣрное приложеніе капитала. Тѣмъ не менѣе, земельная рента была все-таки очень высока по нашимъ понятіямъ. Такъ, въ первой половинѣ IV столѣтія аренда помѣстій въ Атикѣ составляла около 8% дохода, и приблизительно такъ же высока была, повидимому, доходность домовъ ⁶⁾.

Если земельная рента и проценты за капиталъ поглощали такую

1) Thuc. VII 25, 6 (*ναβν μισφοδρον*). Я имѣю въ виду аттический торговый талантъ въ 36 килогр.

2) Thuc. VI 88, 9, VII 31, 1; нужно замѣтить, что въ обоихъ случаяхъ движеніе вдоль берега было приостановлено.

3) Сравн., напр., цитированное выше мѣсто Thuc. VI 21, 2.

4) Lys. c. *Diogit.* 25.

5) Воеckh *Staatsh.* I² стр. 184 слл. По Xen. *Περὶ προσόδων* обычный морской процентъ въ Аѣинахъ около середины IV столѣтія равнялся 20%.

6) Воеckh *Staatsh.* I² стр. 198 слл.

значительную часть дохода, приносимаго національнымъ трудомъ, то доля рабочихъ въ этомъ доходѣ должна была быть соотвѣтственно очень невелика. Рабъ получалъ лишь то, что было безусловно необходимо для его существованія, а конкуренція массы рабовъ, въ свою очередь, понижала заработную плату свободныхъ работниковъ. Нѣтъ, можетъ быть, болѣе тяжелой и неприятной работы, чѣмъ служба гребца на галерѣ, даже помимо опасности въ случаѣ морского сраженія или кораблекрушенія; и однако во время Пелопоннеской войны нашлись десятки тысячъ людей, которые были готовы взять на себя эту работу за ежедневную плату въ 3 обола ¹⁾. За ежемѣсячное жалованье въ одинъ дарейкъ персидскіе сатрапы могли найти сколько угодно наемниковъ, притомъ людей, которые были въ состояніи вооружиться на собственный счетъ ²⁾. При вознагражденіи въ 2—3 обола за каждое засѣданіе аѳинскіе ремесленники и рабочіе стремились къ исполненію должности присяжныхъ. Это вознагражденіе соотвѣтствовало, приблизительно, подневной платѣ за черную работу ³⁾, тогда какъ трудъ ученыхъ ремесленниковъ оплачивался, разумѣется, лучше. Такъ напримѣръ, пильщики камней и каменщики при постройкѣ Эрехейона въ Аѳинахъ въ послѣдніе годы Пелопоннеской войны получали по драхмѣ въ день ⁴⁾. Греческій рабочій велѣ, конечно, очень умѣренный образъ жизни, да иначе и невозможно было прожить на три обола. При такихъ условіяхъ нельзя было особенно осуждать рабочее сословіе, если оно—всякій разъ, когда власть попадала въ его руки,—стремилось улучшить свое положеніе при помощи государства. Однако, эти попытки всегда начинались не съ того конца, съ котораго слѣдовало начинать. Въмѣсто того, чтобы приняться за корень социальныхъ бѣдъ,—за рабство,—рабочіе добивались пособій изъ государственныхъ средствъ, въ формѣ ли вознагражденій за отправленіе функций верховной власти, или въ видѣ подачегъ деньгами и хлѣбомъ, или, наконецъ, въ видѣ даровыхъ развлеченій; послѣдствіемъ этихъ мѣръ была только все большая и большая деморализація рабочаго класса. Еще пагубнѣе вліяли насильственные перевороты въ области

1) Thuc. VIII 45, Xen. *Hell.* I 5, 7 сравн. Thuc. VIII 29. При экспедиціяхъ въ далекія моря плата была, конечно, выше; такъ, въ 415 г. аѳиняне платили каждому гребцу снаряженнаго въ Сицилію флота драхму въ день (Thuc. VI 31, сравн. VI 8). Указанія въ интерполированной главѣ Thuc. III 17 не имѣютъ значенія.

2) Xen. *Anab.* I 3, 21 сравн. VII 2,36; 6,1.

3) Aristoph. *Eccl.* 310.

4) CIA. I 324.

собственности, которые иногда производились послѣ революцій, — всеобщая отмѣна долговъ и новый раздѣлъ поземельной собственности; впрочемъ, въ V столѣтіи къ такимъ крайнимъ мѣропріятіямъ прибѣгали лишь изрѣдка.

Умственный трудъ, не требовавшій большихъ знаній, оплачивался не выше, чѣмъ трудъ технически-образованнаго ремесленника. Такъ, архитекторъ (*ἀρχιτέκτων*) при постройкѣ Эрехейона получалъ только драхму въ день, т. е. столько же, сколько пильщикъ камней ¹⁾; жители Эпидавра также платили архитектору при постройкѣ храма Асклепія только одну эгинскую драхму (около 1½ аттическихъ драхмъ) ²⁾. Жалованье субалтернъ-офицера было обыкновенно лишь вдвое больше жалованья простого солдата ³⁾; жалованье низшихъ правительственныхъ чиновниковъ также было невелико, — напримѣръ въ Афинахъ члены совѣта получали по драхмѣ въ день. Высшія должности всегда отправлялись за честь, и только сопряженные съ ними расходы возмѣщались государствомъ. Зато выдающіяся заслуги на поприщѣ умственной дѣятельности оплачивались очень щедро. Такъ, по Геродоту, врачъ Дамокадъ изъ Кротона во второй половинѣ VI столѣтія получалъ на о. Эгинѣ годовой окладъ въ одинъ талантъ, позже въ Афинахъ — 100 минъ и впослѣдствіи у самоссаго тирана Поликрата — два таланта ⁴⁾. Если даже эти данныя преувеличены, онѣ все-таки доказываютъ, что врачи, пользовавшіеся извѣстностью, получали во время Геродота очень высокіе оклады, изъ которыхъ они, впрочемъ, должны были содержать свою клинику (*ιατρείον*), платить своимъ помощникамъ и выдавать лѣкарства. Знаменитые поэты, какъ Симонидъ и Пиндаръ, получали за свои пѣсни крупный гонораръ ⁵⁾; поэты, произведенія которыхъ ставились на сценѣ, также получали вознагражденіе отъ государства ⁶⁾. Точно также и музыканты и выдающіеся актеры зарабатывали большія деньги ⁷⁾. Когда, затѣмъ, въ серединѣ V вѣка началъ пробуждаться въ обществѣ интересъ къ философіи и риторикѣ, учителя этихъ наукъ тоже получали сравнительно очень высокую плату. Однако извѣстіе, будто Протагоръ и Горгій брали по 100 минъ за курсъ ученія, крайне преувеличено; напротивъ, послѣ смерти Горгія

1) CIA. I 324.

2) Collitz *Griech. Dialekt-Inscr.* 3325.

3) Xen. *Anab.* VII 2, 36; 6, 1.

4) Herod. III 131.

5) Pind. *Isthm.* II 1 слл., Schol. Aristoph. *Murp* 697.

6) Schol. Aristoph. *Лягушки* 367, *Eccl.* 102, Boeckh *Staatsh.* I² стр. 339.

7) Boeckh l. c. стр. 169 сл. Isocr. *Antid.* 157.

осталось лишь очень умеренное состояніе, а Исократъ, самый знаменитый ораторъ своего времени, хотя и былъ довольно состоятельнымъ человѣкомъ, вовсе не былъ очень богатъ ¹⁾). Плата за полный курсъ реторики, продолжавшійся, однако, нѣсколько лѣтъ, равнялась въ IV столѣтіи тремъ, четыремъ, и въ исключительныхъ случаяхъ десяти минамъ ²⁾).

Относительно величины народнаго богатства мы имѣемъ точныя данныя только для Аѳинъ, да и здѣсь лишь изъ начала IV столѣтія. Въ 378/7 году произведена была перепись всей движимой и недвижимой собственности въ Атикѣ, и общая сумма была опредѣлена въ 5750 талантовъ ³⁾). Сюда не вошло государственное имущество, равно какъ и имущество бѣднѣйшаго класса гражданъ, которое было освобождено отъ прямыхъ налоговъ. Ни то, ни другое не могло представлять крупной цѣнности; зато нужно принять во вниманіе, что всякая податная оцѣнка далеко ниже дѣйствительной стоимости имущества. Полстолѣтія назадъ, до начала Пелопонесской войны, экономическое положеніе Аѳинъ было гораздо лучше; однако сомнительно, чтобы народное имущество, выраженное въ деньгахъ, было тогда значительнѣе, такъ какъ покупательная сила драгоценныхъ металловъ въ этотъ промежутокъ времени вѣроятно упала. Впрочемъ, въ 431 году многіе аѳинскіе граждане владѣли помѣстьями внѣ Атики, которыхъ они лишились вслѣдствіе войны. Такъ какъ Аѳины, начиная съ середины V столѣтія, были самымъ богатымъ городомъ европейской Греціи и остались имъ также въ слѣдующемъ вѣкѣ, несмотря на ударъ, нанесенный имъ Пелопонесской войной, то мы съ полной увѣренностью можемъ сказать, что народное богатство не достигло даже приблизительно такой высоты ни въ одной другой греческой области равнаго протяженія, исключая развѣ мало-азіатскихъ колоній.

Въ отношеніи распредѣленія собственности отдѣльныя части греческаго міра представляли большія различія. Въ Лаконіи и Тессаліи, съ ихъ крѣпостнымъ сельскимъ населеніемъ, преобладало крупное землевладѣніе. Долина Эвроты и почти вся Мессенія, площадь почти въ 5000 квадр. килом., принадлежали, за исключеніемъ государственныхъ имѣній, лишь 1500 собственникамъ, такъ называемымъ спартанскимъ «равнымъ» (*δμοῖοι*); но и между ними, наряду съ немно-

¹⁾ Isocr. I. c. 155 слл., Blass. *Att. Beredsamkeit* II 63.

²⁾ Isocr. c. *Sophist.* 3, Demosth. c. *Lacrit.* 16. 42.

³⁾ Polyb. II 62, 6, Demosth. 14, 18, Philoch. fr. 151. Затѣмъ Voeckh *Staatsh.* II стр. 636 слл., и мои замѣчанія противъ его толкованія въ *Hermes* XX (1885) стр. 237 слл. XII (1887) стр. 371 слл.

гими владѣльцами латифундій, огромное большинство было такихъ, которые владѣли только небольшимъ «лигуровымъ» участкомъ ¹⁾. Громадные богатства ессалийскихъ аристократическихъ фамилій вошли въ пословицу ²⁾; нѣкоторые изъ ессалийскихъ помѣщиковъ были въ состояніи на собственные средства снарядить цѣлый отрядъ войска ³⁾. Въ этой области, занимающей около 10.000 кв. килом., было, по преданію, 6000 человекъ, которые могли на собственные средства служить въ конницѣ, — больше, чѣмъ во всей Греціи къ югу отъ Термопилъ, взятой вмѣстѣ. Вслѣдствіе этого, средняго сословія не существовало, и Фессалія могла выставить лишь небольшое, сравнительно съ ея величиной, число гоплитовъ ⁴⁾. Въ Беотіи крупное землевладѣніе также было, повидимому, очень распространено, если эта область могла выставить 1000 всадниковъ; но такъ какъ беотійскіе крестьяне остались свободными, то рядомъ съ крупными собственниками здѣсь существовалъ также многочисленный классъ среднихъ землевладѣльцевъ, которые были въ состояніи вооружаться на собственный счетъ ⁵⁾. Такія-же условія господствовали въ Македоніи и Сициліи; Сиракузы, напримѣръ, выставили въ Пелопоннесской войнѣ такое-же количество всадниковъ, какъ Беотія ⁶⁾, а Филиппъ и Александръ своими побѣдами были обязаны не столько фалангѣ, сколько македонской конницѣ. Напротивъ, въ Атикѣ земельная собственность была очень раздроблена. Уже по конституціи Солона къ первому классу принадлежалъ каждый гражданинъ, получавшій со своихъ земель 500 мѣръ хлѣба, и законодательство старалось предупредить скопленіе въ однихъ рукахъ большихъ земельныхъ участковъ ⁷⁾. Поэтому во время Пелопоннесской войны участокъ земли цѣною въ одинъ талантъ считался уже большимъ, и даже помѣстья старинныхъ аристократическихъ фамилій рѣдко превышали 300 плеоровъ (30 гект.) ⁸⁾, тогда какъ меньшіе участки цѣною до нѣсколькихъ сотъ драхмъ упоминаются очень часто ⁹⁾. Въ концѣ V столѣтія изъ общаго числа

1) Plat. *Alcib.* стр. 122 д, а относительно числа гражданъ въ Спартѣ — мое *Bevölkerung*, стр. 138.

2) Critias fr. 5.

3) Demosth. с. *Aristocr.* 199.

4) Xen. *Hell.* VI 1, 8, сравн. 1, 19; Isocr. *o miry* 118, мое *Bevölkerung* стр. 199.

5) Thuc. IV 93, подробности въ моемъ *Bevölkerung* стр. 162 слл.

6) Thuc. VI 67.

7) Aristot. *Polit.* II 1266 в.

8) Plat. *Alc.*, стр. 123 с; онъ указываетъ на противоположность между Аѣнами и Спартой въ этомъ отношеніи.

9) Boeckh *Staatsh.* I² стр. 89 слл.

гражданъ, доходившаго въ то время приблизительно до 20.000 человекъ, безземельныхъ было, по преданію, только 5000 ¹⁾). Когда послѣ Персидскихъ войнъ приступили къ увеличенію конницы, это оказалось возможнымъ только подъ тѣмъ условіемъ, что государство давало большія субсидіи отдѣльнымъ рекрутамъ; зато почти половина гражданъ была въ состояніи отправляться на войну въ собственномъ вооруженіи ²⁾). И какъ въ Атикѣ, такъ и въ большей части остальныхъ областей греческаго полуострова, граждане, обязанные по своему имущественному положенію нести службу въ тяжеломъ вооруженіи, т. е. главнымъ образомъ средній классъ, составляли очень значительную часть населенія ³⁾).

О размѣрахъ богатства отдѣльныхъ гражданъ въ это время мы имѣемъ свѣдѣнія только для Аѳинъ. Состояніе въ 8—10 талантовъ считалось здѣсь во время Пелопоннесской войны очень большимъ; болѣе богатыхъ людей было немного ⁴⁾). Кононъ, который происходилъ изъ стариннаго аристократическаго рода и въ продолженіе своей долгой службы въ званіи полководца неоднократно имѣлъ случай обогатиться, оставилъ, умирая (въ 392/1 г.), около 40 талантовъ; его сынъ Тимофей, унаслѣдовавшій изъ нихъ 17 талантовъ, съ этимъ состояніемъ считался однимъ изъ богатѣйшихъ людей Аѳинъ ⁵⁾). Сынъ Никія Никерать, «почти первый аѳинянинъ по знатности и богатству», будучи казненъ по приговору Тридцати, оставилъ послѣ себя не болѣе 14 талантовъ. Его фамилія понесла, вѣроятно, крупныя потери во время войны; но если въ Аѳинахъ говорили, что Никій имѣлъ 100 талантовъ, то это лишь новое доказательство того, что толпа во все времена склонна преувеличивать большія состоянія. То же самое относится и къ извѣстію, будто Каллій, сынъ Гиппоника, имѣлъ состояніе въ 200 талантовъ. Правда, онъ былъ богатѣйшимъ человекомъ въ Аѳинахъ время Перикла; но для этого достаточно было имѣть 50 талантовъ. Его внукъ, того же имени, впрочемъ извѣстный мотъ, подъ конецъ жизни имѣлъ не болѣе двухъ талантовъ ⁶⁾).

1) Dionys. Hal. во введеніи къ рѣчи Лисія о государственномъ устройствѣ.

2) Мое *Bevölkerung* стр. 72 слл.

3) Это видно изъ дошедшихъ до насъ извѣстій о военныхъ силахъ греческихъ государствъ по сравненію съ ихъ гражданскимъ населеніемъ, даже если количество послѣдняго преувеличено (сравн. мое *Bevölkerung* стр. 24 сл.)

4) Xen. *Oecon.* 2, Исей о наследствѣ Дикеог. 35 слл., Boeckh *Staatsh.* I^o стр. 624 слл.

5) Lys. 19, 39 сл. Demosth. c. *Aphob.* 1 7 слл.

6) Lys. 1. c. 47.

Какъ ни малы по нашимъ понятіямъ эти состоянія, даже сравнительно съ цѣнами на хлѣбъ въ V столѣтіи,—не слѣдуетъ забывать, съ другой стороны, что капиталы приносили въ то время почти втрое большій доходъ, чѣмъ теперь, и что грекъ, не исключая аѳинянина, былъ гораздо менѣе требователенъ въ смыслѣ комфорта, чѣмъ мы. Частные дома были еще очень невзрачны, строились обыкновенно изъ дерева, прутьевъ и глины, самое большее—съ однимъ верхнимъ этажемъ. Если, тѣмъ не менѣе, на 585 гектарахъ, заключенныхъ между укрѣпленіями Аѳинъ и Пирея, помѣщалось до 100.000 жителей ¹⁾, т. е. около 170 на одномъ гектарѣ,—густота почти такая же, какую представляетъ въ настоящее время Берлинъ съ его многоэтажными домами,—то это показываетъ, какъ скученно жило населеніе греческихъ городовъ въ эту эпоху. Жить въ собственномъ домѣ было еще правиломъ, особенно у состоятельныхъ семействъ; но въ большихъ городахъ этого времени, какъ Аѳины и Корцира, мы находимъ уже многочисленные наемные дома (*συνοικίαι*). Извѣстный банкиръ Пасіонъ имѣлъ такой домъ цѣною въ 100 минъ ²⁾,—высшая стоимость дома, дошедшая до насъ изъ IV столѣтія. Даже такой богатый человѣкъ, какъ Демосѳенъ, отецъ оратора, довольствовался домомъ стоимостью въ 30 минъ, и это зданіе заключало въ себѣ, кромѣ квартиры, еще обширныя фабричныя помѣщенія. Семьи, принадлежавшія къ среднему сословію, довольствовались, конечно, еще гораздо меньшими жилищами, и источники показываютъ, что въ Аѳинахъ существовали дома стоимостью до 5 и даже до 3 минъ ³⁾. Въ другихъ греческихъ городахъ цѣна недвижимой собственности была, вѣроятно, еще ниже. Напротивъ, сельскіе дома богатыхъ аѳинянъ передъ Пелопоннесской войной были лучше построены и роскошнѣе отдѣланы, чѣмъ городскія жилища ⁴⁾. Внутреннее убранство дома было, большею частью, весьма скудно; только очень богатые люди имѣли мебелировку стоимостью больше 1.000 драхмъ ⁵⁾.

Въ одеждѣ, подъ вліяніемъ демократическаго движенія, обнаруживается стремленіе къ простотѣ. Ниспадавшій до земли льняной хитонъ, пурпурные плащи, золотыя «цикады» въ волосахъ, бывшія въ

1) Аѳины имѣли предмѣстья за стѣнами города, какъ напримѣръ внѣшній Керамейкъ, но зато очень значительная часть окруженной стѣнами площади, особенно въ Пиреѣ, оставалась незастроенной.

2) Demosth. c. Steph. I 28, стр. 1110.

3) Boeckh Staatsh. I² стр. 94 сл.

4) Thuc. II 65.

5) Lys. 19, 30 сл.

употребленіи у богатыхъ гражданъ Аѳинъ и Іоніи еще во время Персидскихъ войнъ, теперь выходятъ изъ моды, и во всей Греціи получаетъ распространеніе короткая шерстяная рубашка пелопоннесцевъ ¹⁾. Затѣмъ слѣдовало верхнее платье, безъ котораго не показывался публично ни одинъ мужчина изъ хорошаго общества; оно представляло четырехугольный кусокъ шерстяной матеріи, который, какъ показываютъ дошедшія до насъ статуи, перекидывался черезъ лѣвое плечо и затѣмъ протягивался подъ правой рукою, такъ что послѣдняя оставалась свободной. Такая верхняя одежда стоила во время Пелопоннесской войны около 16—20 драхмъ; блуза (*ἐξωμίς*), какую носили рабочіе, стоила около 10 драхмъ ²⁾. Женскій костюмъ обходился, вѣроятно, дороже; въ особенности украшенія женщинъ представляли часто значительную цѣнность,—въ знатныхъ домахъ, можетъ быть, до 5.000 драхмъ ³⁾. Много тратили также на благовонныя мази, которыя привозились съ востока, но приготовлялись и въ самой Греціи и стоили, сравнительно, очень дорого ⁴⁾.

Какъ и всѣ южане, греки вели очень умѣренный образъ жизни. Главною пищею служили зерновые продукты, которые мололись обыкновенно дома и употреблялись или въ видѣ каши, или въ формѣ плоскихъ лепешекъ (*μάζα*); затѣмъ стручковые плоды и всякаго рода овощи. Приправой (*ὄφρον*) служили оливки, сыръ, винныя ягоды и особенно соленая рыба (*τάριχος*), привозимая въ большихъ количествахъ изъ Понта, а въ прибрежныхъ областяхъ, конечно, и свѣжая рыба. Для однодневнаго пропитанія взрослого человѣка считался достаточнымъ одинъ хойникъ (около 1 литра) ячменной муки ⁵⁾, который въ Аѳинахъ стоилъ приблизительно $\frac{1}{4}$ оболы ⁶⁾. Такимъ образомъ, при дневномъ заработкѣ въ 3 оболы рабочая семья могла во всякомъ случаѣ прожить; но когда цѣны на хлѣбъ поднимались, нужда была, конечно, очень велика. Впрочемъ, на такую жизнь была осуждена лишь небольшая часть гражданскаго населенія Аѳинъ, такъ какъ большинство семействъ, какъ мы видѣли, владѣло земельными участками и ремесленный трудъ лучше оплачивался.

Высшіе слои общества тратили, разумѣется, гораздо больше. Солидный, но довольно простой столъ гомеровскихъ временъ съ его чудовищ-

¹⁾ Thuc. I 6.

²⁾ Bockh *Staatsh.* I² стр. 148.

³⁾ Plat. *Alcib.*, стр. 123 с.

⁴⁾ Bockh. *Staatsh.* I² стр. 149.

⁵⁾ Bockh I. с. стр. 128.

⁶⁾ См. выше стр. 326 прим. 5.

ными жаркими изъ говядины и свинины давно уступилъ мѣсто болѣе тонкому столу; приготовленіе яствъ сдѣлалось даже настоящимъ искусствомъ (*μαγειρικὴ*), которое находилось въ рукахъ специальныхъ поваровъ и уже въ V столѣтіи трактовалось въ особыхъ учебникахъ ¹⁾. Но даже въ богатыхъ семьяхъ мясо, за исключеніемъ дичи, лишь рѣдко употреблялось въ пищу; первое мѣсто занимали морскія рыбы, любимое кушанье аттическихъ гастрономовъ, въ приготовленіи котораго на пиршествахъ обнаруживали большую роскошь. Такой обѣдъ стоилъ тогда, вѣроятно, до 100 драхмъ; во столько же обходились и тонкія вина, которыя пили при этомъ ²⁾. Впрочемъ, это были исключенія; вообще же даже знатный афинянинъ тратилъ на пищу не болѣе 3—4 оболовъ въ день ³⁾. Еще болѣе простой образъ жизни вели въ Спартѣ, гдѣ древній столъ былъ искусственно сохраненъ въ сисситіяхъ, естественнымъ послѣдствіемъ чего было то, что, попадая за предѣлы своего государства, спартанцы тѣмъ охотѣе поддавались соблазнамъ чужеземной роскоши. Напротивъ, дома ессалійской аристократіи, а также богатыхъ гражданъ въ западныхъ колоніяхъ, славились своей изысканной кухней; правда, и жизнь тамъ была несравненно дешевле, чѣмъ въ Афинахъ.

Для ознакомленія съ экономическимъ состояніемъ страны особенно поучительно бросить взглядъ на ея финансовую систему. Въ древности, при несложныхъ условіяхъ тогдашней жизни, расходъ на общественныя нужды ограничивался содержаніемъ царя и жертвоприношеніями безсмертнымъ богамъ. Эти издержки покрывались доходами съ государственныхъ имуществъ. Для веденія войнъ и сооруженія общественныхъ построекъ привлекался весь народъ, при чемъ отдѣльный гражданинъ не получалъ за эту службу особеннаго вознагражденія. Все это должно было измѣниться, когда, начиная съ VII вѣка, функціи государства расширились, когда натуральное хозяйство стало все болѣе вытѣсняться денежнымъ и вслѣдствіе усложненія соціальныхъ условій сдѣлалось невозможнымъ привлекать гражданъ къ обязательнымъ работамъ. Такимъ образомъ, уже въ періодъ тираніи, въ VI столѣтіи, государственныя нужды значительно возросли, и обнаружилась необходимость приступить къ взиманію правильныхъ податей, которыя вскорѣ сдѣлались главнымъ источникомъ государственныхъ доходовъ (выше стр. 250).

¹⁾ Платонъ *Горій*, стр. 518, упоминаетъ о знаменитой поваренной книгѣ сицилійца Миеэка.

²⁾ Eupolis fr. 149 Kock.

³⁾ Boeckh *Staatsk.* I² стр. 143.

Демократія пошла дальше по этому пути. Правда, расходъ на содержаніе царскаго двора былъ устраненъ; но чтобы сдѣлать возможнымъ активное участіе въ управленіи государствомъ для тѣхъ классовъ, которые должны были личнымъ трудомъ добывать себѣ дневное пропитаніе, необходимо было отказаться отъ стараго принципа, что каждый гражданинъ обязанъ безвозмездно служить государству въ качествѣ чиновника. Поэтому уже Клисѳенъ постановилъ, чтобы постоянная секція совѣта, «пританы», содержалась въ Пританеѣ на общественный счетъ; позднѣе — вѣроятно, только послѣ Персидскихъ войнъ — каждому изъ 500 членовъ совѣта было положено ежедневное жалованье въ одну драхму, что составляло ежегодный расходъ почти въ 30 талантовъ. Еще больше денегъ поглощало жалованье судей, съ тѣхъ поръ какъ Эфіальтъ расширилъ компетенцію народныхъ судовъ и Периклъ заставилъ союзниковъ обращаться за разрѣшеніемъ своихъ тяжбъ къ аѳинскимъ судамъ. Каждый присяжный получалъ по два обола за засѣданіе, пока Клеонъ во время Пелопоннесской войны не повысилъ жалованье до полудрахмы. А такъ какъ, при массѣ накопившихся процессовъ и многочисленности судей, ежедневно было занято нѣсколько тысячъ присяжныхъ, то расходъ на нихъ едва ли могъ быть меньше 60, а со времени повышенія жалованья — 90 талантовъ въ годъ; впрочемъ, ббольшая часть этой суммы покрывалась судебными издержками ¹⁾. Въ остальныхъ демократическихъ государствахъ расходъ на совѣтъ и особенно на суды былъ, конечно, гораздо ниже, а въ олигархіяхъ оба эти расхода или совершенно отсутствовали, или были ничтожны.

Расходы на культъ и на всѣ связанныя съ нимъ потребности также постоянно возрастали, не потому, что люди становились религіознѣе, а потому, что народъ требовалъ все болѣе роскошныхъ жертвенныхъ пировъ и все болѣе блестящихъ зрѣлищъ. Кроме того, съ повышеніемъ цѣнъ на скоть поднялась и стоимость жертвъ. Впрочемъ, часть этихъ расходовъ храмовыя кассы покрывали изъ собственныхъ средствъ; такъ, напримѣръ, делосскій храмъ въ теченіе трехъ лѣтъ 376—374 издержалъ около шести талантовъ на устрой-

1) Аристот. *Осы* 663 считаетъ послѣ повышенія жалованья 150 талантовъ — максимум, какого вообще могъ достигнуть этотъ расходъ. Выше мы приняли, что въ каждой изъ 10 секцій геліеи ежедневно засѣдало среднимъ числомъ 300 судей, или 400, если считать только 300 судебныхъ дней въ году. При такомъ приблизительномъ расчетѣ 10—20 талантовъ больше или меньше, конечно, не имѣютъ значенія. Подробнѣе: *Rh. Mus.* 39 (1884) стр. 239 слл.

ство празднествъ въ честь Аполлона ¹⁾. Но и государства давали значительныя пособія, — Аѣины уже со времени Солона ²⁾. Даже при стѣсненныхъ финансахъ во время декелейской войны, въ 410 году, ассигновано было 6 талантовъ на устройство большихъ Панаѣиней ³⁾, правда, главнаго праздника Аѣинъ, который справлялся только разъ въ четыре года. Сюда присоединялись еще издержки отдѣльныхъ гражданъ, которые занимали на празднествѣ почетныя должности и особенно должны были заботиться о подготовкѣ хоровъ, участвовавшихъ въ драматическихъ и музыкальныхъ представленіяхъ ⁴⁾. Даже небольшія деревни тратили крупныя суммы на свои празднества; напримѣръ, Плоея въ Атикѣ, которая едва ли насчитывала болѣе 100 гражданъ, подъ конецъ V столѣтія расходовала на игры отъ 2 до 3 тысячъ драхмъ ежегодно ⁵⁾.

Но какъ ни велики были издержки на культъ, — онѣ были ничтожны въ сравненіи съ расходами на постройку храмовъ. Въ этой области главная работа, какъ мы видѣли, была сдѣлана уже въ VI вѣкѣ, но и въ V было воздвигнуто не малое количество храмовъ. Особеннымъ оживленіемъ отличалась эта строительная дѣятельность въ Аѣинахъ, гдѣ приходилось возстановить храмы, разрушенныя персами, и гдѣ въ то же время располагали болѣе большими финансовыми средствами, чѣмъ въ какомъ бы то ни было другомъ мѣстѣ. Однѣ только постройки Перикла на акрополѣ обошлись въ 2012 талантовъ ⁶⁾.

Тѣмъ менѣе тратили на другія общественныя работы, за исключеніемъ сооруженій для войска и флота. Ни аѣинянамъ, ни какой

1) *СГА*. II 813.

2) *Lys. c. Nicom.* 20 сл.

3) *СГА*. I 188.

4) О величинѣ этихъ издержекъ: *Lys.* 19, 42, и особенно *Ἀπολογία δωροδοκίας* 1—5; авторъ послѣдней рѣчи утверждаетъ, будто онъ въ теченіе 9 лѣтъ (411/0—403/2) издержалъ на это 20.600 др.; онъ, впрочемъ, сдѣлалъ больше, чѣмъ долженъ былъ по закону.

5) Именно, проценты съ капитала въ 22.200 др. и доходъ съ нѣкоторыхъ земельныхъ участковъ, *СГА*. II 570. Надпись относится, безъ сомнѣнія, ко времени незадолго до занятія Декелей.

6) Геліодоръ у *Harpor.* и *Suidas* *Περσύλαα*. Что здѣсь имѣются въ виду не одни только расходы на постройку Пропилей, какъ утверждаютъ наши источники, доказалъ R. Schoene (*Im neuen Reich* 1871); даже во время Александра постройка большого храма обходилась не дороже 1500 тал. (*Diod.* 18, 4, сравн. *Plut. Per.* 12). *Herod.* II 180, V 62 для VI вѣка ничего не доказываетъ, но свидѣтельствуетъ о томъ, что около середины V столѣтія постройка большого храма стоила около 300 талантовъ.

либо другой изъ греческихъ общинъ этого времени ни разу не пришла мысль воздвигнуть хотя бы монументальное зданіе совѣта. Для народнаго просвѣщенія государство еще ничего не дѣлало, если не считать гимнастическихъ заведеній (палестры, гимназіи), которыя основывались и содержались на общественный счетъ, или государственныхъ призовъ, которые выдавались побѣдителямъ на гимнастическихъ состязаніяхъ. Расходы по вѣдомству иностранныхъ дѣлъ ограничивались очень умѣреннымъ содержаніемъ (около 2—3 драхмъ въ день), которое получали посланники, отправляемые въ чрезвычайныхъ случаяхъ за границу ¹⁾. Государственный кредитъ былъ еще очень мало развитъ, и поэтому расходы на общественный долгъ въ эту эпоху еще не составляли особой статьи въ нормальныхъ бюджетахъ греческихъ государствъ. Наконецъ, взиманіе косвенныхъ налоговъ всюду сдавалось на откупъ частнымъ предпринимателямъ, между тѣмъ какъ прямыя подати, какъ земельная и имущественная, собирались органами самоуправленія, такъ что государственный бюджетъ заключалъ въ себѣ только чистые доходы.

Военное дѣло первоначально требовало лишь очень небольшихъ издержекъ, такъ какъ каждый воинъ обязанъ былъ вооружаться и содержать себя на собственный счетъ. Даже регулярная армія Спарты ничего не стоила государству, какъ таковому; издержки по ея содержанію всецѣло покрывались взносами отдѣльныхъ гражданъ. Но съ VIII или VII вѣка вошло въ обыкновеніе въ случаѣ войны принимать на службу наемниковъ (*ἐπίχοροι*) ²⁾, которымъ, конечно, приходилось платить изъ государственной казны; уже въ Иліадѣ отношенія троянцевъ къ ихъ союзникамъ представляются иногда въ такомъ видѣ ³⁾. Затѣмъ тираны отчасти даже въ мирное время содержали наемныя войска, правда, въ незначительномъ количествѣ; такъ на примѣръ, постоянное войско Поликрата состояло, по преданію, только изъ 1000 стрѣлковъ изъ лука ⁴⁾. Этотъ обычай удержался — по крайней мѣрѣ, въ болѣе крупныхъ государствахъ — и послѣ паденія тираніи. Такъ, Аѣины въ V вѣкѣ имѣли полицейскій отрядъ изъ 1000 скиѣскихъ стрѣлковъ, купленныхъ государствомъ на невольничьихъ рынкахъ у Понта ⁵⁾. Около этого же времени Аѣины

1) Aristoph. *Acharn.* 65 и 602.

2) Archiloch. fr. 14, 24.

3) P 225 сл., сравн. Σ 288 слл.

4) Herod. III 39. Періандръ содержалъ, по преданію, 300 тѣлохранителей (*δορυφόροι*) (Nicol. Damasc. fr. 59).

5) Boeckh *Staatsk.* I² 290.

организовали отрядъ конницы, который постепенно былъ доведенъ до 1200 лошадей ¹⁾; расходы на его содержаніе составляли въ первой половинѣ IV столѣтія 40 талантовъ, и въ V вѣкѣ, вѣроятно, не менѣе ²⁾. Позже Аѣинамъ пришлось, для пополненія флота, снабдить на государственный счетъ тяжелымъ вооруженіемъ большое число гражданъ изъ класса ѳетовъ ³⁾. Другія государства, какъ Аргось, Элида, Сиракузы, содержали отборные корпуса гоплитовъ (*ἐπιλεκτοί*), которые были особенно тщательно вооружены и обучены и всегда готовы къ походу ⁴⁾. Наконецъ, съ тѣхъ поръ, какъ войны сдѣлались болѣе продолжительными и велись нерѣдко въ отдаленныхъ областяхъ, оказалось необходимымъ принять содержаніе дѣйствующей арміи на счетъ государства. Въ концѣ V вѣка платили пѣхотинцу приблизительно 3 эгинскихъ (=около 4 аттическихъ) оболовъ въ день, всаднику—двое или даже вчетверо больше ⁵⁾. Крупныхъ расходовъ требовали также укрѣпленія, особенно такія громадныя сооруженія, какъ стѣна, возведенная Ѳемистокломъ вокругъ Пирея, или «длинные стѣны», которыми Периклъ соединилъ Аѣины съ ихъ гаванями; впрочемъ, въ мирное время объ укрѣпленіяхъ часто заботились меньше, чѣмъ слѣдовало, такъ что они приходили въ полный упадокъ.

На содержаніе флота приходилось тратить гораздо больше, чѣмъ на сухопутное войско; поэтому въ теченіе V вѣка, съ тѣхъ поръ какъ всѣ военные флоты состояли изъ триеръ, большинство греческихъ государствъ вовсе не держало собственныхъ флотилій. Сооруженіе

1) Воескh I. с. стр. 351.

2) Xen. *Hipp.* 1, 19. Въ 410/9 году въ 4 пританіяхъ вмѣстѣ было ассигновано изъ государственной казны свыше 16 талантовъ на содержаніе конницы (CIA. I 188); въ остальные 6 пританій средства на это добывались, вѣроятно, изъ другихъ источниковъ, а можетъ быть и въ первомъ случаѣ дѣло идетъ только о субсидіяхъ изъ государственной казны. Такимъ образомъ, весь расходъ на конницу составлялъ, по меньшей мѣрѣ, 40 талантовъ.

3) Thuc. VI 43 (*ὅπλαίαι θῆτες*), Antiphon с. *Philin.*, у Нагросг. *θῆτες*, сравн. мое *Bevölkerung* стр. 62 сл.

4) Thuc. V 67, 2. *Ἀργείων οἱ χίλιοι λογάδες, οἷς ἡ πόλις ἐκ πολλοῦ ἄσκησιν τῶν ἐν τοῖς ὅλοις δημοσίᾳ παρεῖχε*. Относительно 300 *λογάδες* Элиды: Thuc. II 25, 3; о 600 отборныхъ гоплитахъ Сиракузъ: Diod. XI 76, Thuc. VII 43, 4.

5) Xen. *Hell.* V 2, 21, Thuc. V 47. Передъ осадой Потидеи аѣиняне будто бы платили каждому гоплиту 2 др.: одну за него, другую за его слугу; но это извѣстіе находится въ интерполированной главѣ Thuc. III 17. Совершенно невѣрно мнѣніе, будто каждый гоплитъ бралъ съ собою на войну своего слугу. Что „жалованье“ въ отношеніи къ гражданскому войску обозначаетъ лишь „деньги на прокормленіе“ (*σῖτος*), кажется, ясно само собою.

триеры въ V столѣтіи обходилось, повидимому, въ одинъ аттическій талантъ ¹⁾; экипажъ состоялъ приблизительно изъ 200 матросовъ и солдатъ, изъ которыхъ каждый получалъ въ день по 3 обола (выше стр. 330), такъ что расходъ на отправляющій свою службу военный корабль доходилъ почти до половины таланта въ мѣсяць. Впрочемъ, въ мирное время однѣ только Аѣины держали на морѣ летучія эскадры ²⁾. Постройка арсеналовъ (*νεώρια*) въ Пиреѣ, по преувеличенному, впрочемъ, указанію, обошлась въ 1000 талантовъ ³⁾. По числу кораблей Аѣины со времени Персидскихъ войнъ занимали первое мѣсто между всѣми греческими государствами; при началѣ Пелопоннеской войны онѣ имѣли свыше 300 годныхъ къ плаванію триеръ ⁴⁾; не считая флота союзныхъ острововъ Лесбоса и Хиоса, изъ которыхъ послѣдній одинъ владѣлъ 60 триерами ⁵⁾. Сиракузскій флотъ, который при Гелонѣ состоялъ, по преданію, изъ 200 триеръ ⁶⁾, послѣ паденія тираніи пришелъ въ упадокъ, но ко времени аѣинской экспедиціи 415 года все еще состоялъ изъ 80 боевыхъ судовъ. Флотъ Эгины, заключавшій въ себѣ болѣе 70 триеръ, былъ уведенъ аѣинянами послѣ покоренія острова (457 г.); та-же участь постигла въ 439 году самосскій флотъ, который по числу кораблей вѣроятно не уступалъ эгинскому. Такимъ образомъ, въ началѣ Пелопоннеской войны Корцира со своими 120 триерами занимала второе мѣсто въ ряду греческихъ морскихъ державъ; за нею слѣдовалъ Коринѣ, снарядившій въ 432 году, съ напряженіемъ всѣхъ своихъ силъ, 90 триеръ, къ которымъ присоединилось еще 38 триеръ отъ его колоній на западномъ побережьи Греціи. Мегара имѣла 40 триеръ; флоты всѣхъ остальныхъ греческихъ государствъ были незначительны ⁷⁾.

При такихъ условіяхъ войны, особенно морскія, должны были обходиться сравнительно очень дорого. Правда, сухопутныя войска, благодаря дороговизнѣ вооруженія гоплитовъ, были немногочислены; даже первая сухопутная держава Греціи, пелопоннесскій союзъ, была въ состояніи выставить на войну не болѣе 25.000 человекъ ⁸⁾, да и

1) Aristot. *Ἀθ. πολιτ.* 22, 7.

2) Plut. *Per.* 11, Aristot. *Ἀθ. πολιτ.* 24, 3.

3) Isocr. *Areopag.* 66.

4) Thuc. II 13, 8.

5) Thuc. VIII 6, 4.

6) Herod. VII 158, сравн. Thuc. I 14, 1.

7) Относительно Сиракузъ: Thuc. VII 22, 38,—Эгины: Thuc. I 105, 2; 108, 7,—Самоса: Thuc. I 116,—Корциры: Thuc. I 29,—Коринѣа: Thuc. I 46, Мегары: Thuc. II 93.

8) Мое *Bevölkerung* стр. 115 слл.

это войско она могла содержать лишь нѣсколько недѣль. Беотія располагала приблизительно 8000 гоплитовъ и 1000 всадниковъ; Аргось, который въ V вѣкѣ еще не держалъ конницы,—7000 гоплитовъ. Аѣины въ началѣ Пелопоннесской войны имѣли 13.000 годныхъ для военной службы гражданъ-гоплитовъ, кромѣ того 1200 всадниковъ и 1600 пѣшихъ стрѣлковъ; однако, при чрезвычайной обширности аттического государства, эту армію невозможно было сосредоточить въ одномъ пунктѣ, и еще менѣе—держать подъ оружіемъ въ теченіе «продолжительнаго времени»). Напротивъ, экипажи во флотахъ были очень значительны. Такъ, напримѣръ, аѣинская эскадра, отправленная въ Сицилію, заключала въ себѣ 40.000 человекъ²⁾; не менѣе велики были, вѣроятно, и экипажи обояхъ флотовъ, стоявшихъ въ Геллеспонтѣ лѣтомъ 405 г. Величинѣ эскадръ соотвѣтствовали и расходы на ихъ содержаніе. Такъ, двухлѣтняя осада Потидея аѣинянами (съ 432 до 430 г.) потребовала 2400 талантовъ³⁾, осада Самоса, продолжавшаяся нѣсколько болѣе 9 мѣсяцевъ (440/39),—свыше 1200 талантовъ⁴⁾, оборона Сиракузъ въ теченіе 415—413 гг.—далеко больше 2000 талантовъ⁵⁾. Первые 10 лѣтъ Пелопоннесской войны (431—421) стояли аѣинской казнѣ, по приблизительному расчету, около 12.000 талантовъ⁶⁾.

Эти расходы должны были покрываться почти исключительно налогами, такъ какъ изъ прежнихъ государственныхъ имуществъ къ V вѣку уцѣлѣло лишь немного. Царскіе домены при уничтоженіи монархіи обыкновенно оставались въ рукахъ царскихъ фамилій или распадались на мелкіе участки; а въ болѣе крупныхъ государствахъ, образовавшихся путемъ синонѣисма, какъ Атика и Элида⁷⁾, каждая изъ самостоятельныхъ прежде общинъ сохранила свое земельное владѣніе. И впоследствии въ Аѣинахъ земельные участки, переходившіе къ государству вслѣдствіе конфискаціи или другимъ путемъ, продавались съ публичныхъ торговъ и вырученныя деньги употреблялись на текущія потребности. Напротивъ, критскіе города владѣли обшир-

1) Относительно Беотіи: Thuc. IV 93, Аргоса: Xen. *Hell.* IV 2, 17 и мое *Bevölkerung* стр. 116 сл., Аѣинъ: Thuc. I 13.

2) Thuc. VII 75, 5. См. ниже, т. II, гл. 2.

3) Isocr. *Antid.* 113, Thuc. II 70 даетъ круглую цифру 2000 тал.

4) CIA I 177, Nep. *Timoth.* 1, по которому нужно исправить Diod. XII 28, сравн. Isocr. *Antid.* 111. Подробнѣе: *Rh. Mus.* 39 (1884) стр. 58.

5) Thuc. VII 48, 5.

6) *Rh. Mus.* 39 (1884) стр. 244, гдѣ, впрочемъ, доходы отъ *εἰσφορᾶ* и, вѣроятно, также союзнической дани, преувеличены.

7) Сравн. *IGA.* 113.

ными имѣніями, доходы съ которыхъ шли на покрытие издержекъ по устройству общихъ обѣдовъ для гражданъ ¹⁾; очень значительно также было еще въ IV столѣтіи государственное имущество Македоніи. Большое значеніе имѣли рудники ²⁾. Серебряные рудники Лавріона на южной оконечности Аттики Эсхиль называетъ «сокровищницей страны» ³⁾; и дѣйствительно, они далиThemistocle средства для сооруженія флота. Однако, доходъ съ нихъ сильно уменьшился уже въ V столѣтіи ⁴⁾. Финансы Фасоса и македонскихъ царей также опирались, главнымъ образомъ, на доходы съ горныхъ промысловъ. Но это и были единственные греческія государства, располагавшія такими естественными вспомогательными средствами.

Прямые налоги взимались съ гражданъ еще въ гомеровскія времена въ формѣ натуральныхъ повинностей при исключительныхъ обстоятельствахъ ⁵⁾, и Солонъ своимъ подраздѣленіемъ гражданъ на классы имѣлъ въ виду столько-же урегулировать податную систему, сколько установить градацію политическихъ правъ ⁶⁾. Во время тираніи эти налоги сдѣлались регулярными; такъ, напримѣръ, Писистратъ и его сыновья взимали въ Атикѣ ежегодно 5% съ дохода земельной собственности ⁷⁾. Демократія снова вернулась къ старой системѣ и взимала такія подати только въ случаяхъ особенной нужды, преимущественно въ военное время, такъ какъ греки во всякомъ прямомъ обложеніи видѣли ограниченіе личной свободы, — характерный контрастъ съ нашей новѣйшей демократіей, которая въ этомъ отношеніи еще не отрѣшилась отъ возрѣній физиократовъ. Членскіе взносы, взимаемые Аѣинами съ союзныхъ городовъ, вовсе не были прямою податью въ точномъ смыслѣ этого слова, потому что отдѣльнымъ государствамъ предоставлялось добывать потребныя на это суммы посредствомъ косвенныхъ налоговъ или изъ дохода со своихъ доменовъ.

Такимъ образомъ, все хозяйство греческихъ государствъ держалось въ это время, собственно говоря, на косвенныхъ налогахъ. Они

1) Aristot. *Polit.* II 1272 a.

2) Plut. *Alex.* 15.

3) Aesch. *Pers.* 238.

4) Xen. *Memorab.* III 6, 12.

5) τ 197; женихи тоже хотѣтъ такимъ путемъ вознаградить Одиссея за отнятое у него имущество (χ 55).

6) Возможно, что въ отношеніи сбора податей раздѣленіе на классы существовало еще до Солона; но Aristot. *Аф. полит.* 4, 3 не представляетъ для этого достаточно вѣскаго доказательства.

7) Thuc. VI 54; по Aristot. *Аф. полит.* 16, 5—10%, сравн. Laert. *Diog.* I 53.

еще въ значительной степени носили характеръ уплатъ, которыя, впрочемъ, иногда достигали уже такихъ размѣровъ, которымъ совершенно не соответствовали взаимныя услуги государства. Первое мѣсто между ними занимали пошлины, т. е. плата за пользованіе гаванями (*ἐλλιμένιον*). Онѣ развились изъ подарковъ, которые иноземные купцы подносили царямъ за право заниматься торговлей¹⁾. По преданію, жители Крисы, гавани Дельфъ, еще въ 600 году притѣсняли пошлинами паломниковъ, которые шли къ этой святынь²⁾; о Періандрѣ также рассказываютъ, что онъ покрывалъ государственные расходы не прямыми налогами, а исключительно доходами съ портовыхъ и рыночныхъ пошлинъ³⁾. Какова-бы ни была достовѣрность этихъ показаній,—во всякомъ случаѣ греческая торговля была въ этомъ періодѣ достаточно развита, чтобы взиманіе пошлинъ представлялось выгоднымъ. Трудно также понять, на чемъ иномъ могло основываться регулярное государственное хозяйство Аеинъ во время Солона, какъ не на подобныхъ повинностяхъ. Въ V вѣкѣ онѣ должны были существовать повсюду; пошлина была, впрочемъ, очень умѣренная, отъ 2 до 5% стоимости, притомъ безразлично для всѣхъ товаровъ, для ввоза и вывоза. А въ Пиреѣ, до занятія Декелеи лакедемонянами, пошлина составляла даже только 1%⁴⁾. При такихъ условіяхъ было мало соблазна для контрабанды, и греческія государства не имѣли надобности окружать себя замкнутыми таможенными линіями. На сухопутныхъ границахъ, повидимому, вообще не взимали никакихъ пошлинъ. Настоящую финансовую пошлину представляла десятина (*δεκάτη*), которую во время Пелопоннеской войны аеиняне взимали во еракійскомъ Босфорѣ съ судовъ, входившихъ въ Понтъ и приходившихъ изъ него⁵⁾. Не смотря на низкія ставки, таможенные доходы были сравнительно велики. Такъ, 2%-ная пошлина въ Пиреѣ въ первые годы послѣ Пелопоннеской войны, когда экономическое значеніе Аеинъ низко пало, все таки давала чистаго дохода слишкомъ тридцать талантовъ; а когда аеиняне послѣ взятія Декелеи замѣнили подати 5%-ною

1) Ψ 745.

2) Strab. IX 418.

3) (Heraklid.) *Polit.* 5.

4) (Xen.) *Ἄθ. πολιτ.* I 17, сравн. *Rh. Mus.* 39, стр. 47 слл.

5) Xen. *Hell.* I 1, 22 (Diod. XII 64); взиманіе этой пошлины было возобновлено во время коринтской войны Эрасибуломъ (Xen. *Hell.* IV 8, 27, 31). Упоминаемая *СГА.* I 32 *δεκάτη*, кажется, тождественна съ нею (*Rh. Mus.* 39, стр. 38). Это народное постановленіе относится ко времени вскорѣ послѣ Никиева мира, какъ я доказалъ *Rh. Mus.* 43, стр. 113 слл.; такимъ образомъ, намъ неизвѣстно, существовала ли эта пошлина уже до войны.

пошлиною съ ввоза и вывоза въ портахъ союзныхъ государствъ, они ожидали отъ этой мѣры увеличенія своихъ доходовъ, хотя еще за нѣсколько лѣтъ сумма податей была повышена почти до 1000 талантовъ ¹⁾).

Рыночная торговля также была обложена пошлиной (*ἀγορᾶς τέλος*); въ Афинахъ во время Пелопоннесской войны дошли даже до того, что стали взимать эту пошлину у городскихъ воротъ (*διακλίον*) и такимъ образомъ придали ей характеръ потребительнаго налога ²⁾. Далѣе, пошлинѣ подлежали всея продажныя сдѣлки, которыя заключались въ присутствіи должностныхъ лицъ, — слѣдовательно, главнымъ образомъ, продажа недвижимостей. Налоговъ на промыслы обыкновенно не было, такъ какъ съ гражданъ вообще не взымали никакихъ прямыхъ податей; но нѣкоторыя профессіи, требовавшія особаго полицейскаго надзора, какъ занятія фокусниковъ, предсказателей и публичныхъ женщинъ, были привлечены къ уплатѣ налоговъ. Сюда же относилась и подать, которую должны были платить осѣдлые иностранцы за защиту, оказываемую имъ государствомъ. Съ тяжущихся взымались очень высокія судебныя издержки. Наконецъ, довольно постоянное мѣсто въ бюджетѣ греческихъ государствъ занималъ доходъ съ продажи конфискованныхъ имѣній несостоятельныхъ государственныхъ должниковъ или политическихъ преступниковъ: самый слабый пунктъ во всемъ финансовомъ строѣ, открывавшій полный просторъ безчисленнымъ злоупотребленіямъ.

При небольшихъ размѣрахъ большинства греческихъ государствъ въ ту эпоху, общая сумма всѣхъ этихъ доходовъ не могла быть велика. Геродотъ рассказываетъ, что Фасосъ въ V столѣтіи получалъ въ годъ 300 талантовъ дохода, и считаетъ это, очевидно, большою суммою ³⁾, да и это указаніе, вѣроятно, преувеличено. Общая сумма всѣхъ доходовъ, которые получали Афины со своего обширнаго государства, передъ началомъ Пелопоннесской войны не превышала 600 талантовъ ⁴⁾; а въ Греціи не было другого государства, которое рас-

1) См. выше стр. 316.

2) *Woeskh Staatsh.* I² стр. 438.

3) *Herod.* VI 46.

4) *Thuc.* II 13. Дань союзниковъ, какъ видно изъ дошедшихъ до насъ списковъ, составляла въ это время лишь около 436 талантовъ (*Pedrolì I tributi degli alleati d'Atene*—въ моихъ *Studi di Storia antica*, вып. I); по этому, если Фукидидъ опредѣляетъ доходъ съ *φόρος ἀπὸ τῶν ἑταίρων* въ 600 талантовъ, то въ эту сумму вошли, вѣроятно, и остальные союзные доходы, т. е. все вообще деньги, которыя стекались въ кассу элленотаміевъ, какъ, напримѣръ, доходы съ Самоса (*CIA.* I 188) и Амфиполиса (*Thuc.* IV

полагало бы хотя приблизительно такими же финансовыми средствами. Напримѣръ, пелопоннескій союзъ, какъ цѣлое, не получалъ никакихъ доходовъ, а финансовое положеніе отдѣльныхъ государствъ, входившихъ въ его составъ, также было очень незавидно, исключая развѣ Коринѳа и Сигіона ¹⁾. Сиракузы, въ правленіе Дейноменидовъ, когда онѣ стояли во главѣ большей части Сициліи, должны были получать сравнительно большіе доходы; послѣ паденія тираніи ихъ главнымъ финансовымъ источникомъ являлась, на ряду съ косвенными налогами, десятина отъ сельскихъ произведеній подданныхъ имъ сикеловъ, и хотя величина этого дохода и вошла въ пословицу, но въ данную эпоху онѣ едва ли могъ превышать 200.000 медимновъ (около 100.000 гектол.), что по аттическимъ рыночнымъ цѣнамъ составляло около 100 талантовъ, а по сицилійскимъ, конечно, гораздо меньше ²⁾. Тессалійскій союзъ также нѣкогда взималъ дань съ подчиненныхъ ему областей; но со времени Персидскихъ войнъ центральная власть пришла въ упадокъ, и зависимость сосѣднихъ областей существовала еще лишь номинально.

Не слѣдуетъ, однако, забывать, что еще и теперь греческія государства въ самыхъ широкихъ размѣрахъ привлекали своихъ гражданъ къ бесплатнымъ почетнымъ должностямъ. Даже въ демократическихъ государствахъ никто изъ высшихъ чиновниковъ не получалъ жалованья, а многія изъ этихъ почетныхъ должностей были сопряжены съ значительными расходами. Такова была, напримѣръ, хорегія, или обязанность снабдить хоръ всѣмъ необходимымъ для театральнаго представленія, позаботиться объ его обученіи, платить ему жалованье и кормить его въ продолженіе всего времени, какое понадобится для этого; или гимнасіархія, возлагавшая подобныя же обязанности по отношенію къ участвующимъ въ гимнастическихъ состязаніяхъ. Издержки колебались между нѣсколькими сотнями и нѣ-

108), съ *δεκάτη* во еракійскомъ Босфорѣ, если она уже существовала тогда, и т. п.—сравн. *Rh. Mus.* 39 (1884) стр. 34 слл. Суммы доходовъ одной Атики мы не знаемъ; оцѣнка Бѣна основана на незаконной комбинаціи совершенно разнородныхъ данныхъ.

¹⁾ Thuc. I 80, 4; 141, 3.

²⁾ Strab. VI стр. 269. При этомъ расчетъ предположено, что Сиракузы съ ихъ округомъ имѣли около $\frac{1}{4}$ милліона населенія (мое *Bevölkerung* стр. 281), на содержаніе котораго, включая и посѣвъ, нужно было около 1.750.000 медимновъ, такъ что для экспорта оставалось еще 250.000 медимновъ. Если главнымъ продуктомъ сельскаго хозяйства былъ ячмень, то количество медимновъ пришлось бы нѣсколько увеличить, а цѣнность нѣсколько уменьшилась бы.

сколькими тысячами драхмъ, смотря по роду игръ и по доброй волѣ лица, бравшаго на себя эту обязанность. Гораздо дороже обходилась триерархія, т. е. обязанность снарядить построенный государством военный корабль и въ продолженіе всей кампаніи содержать его въ боевой готовности, за что исполнявшему эту обязанность предоставлялась честь командовать кораблемъ. Триерархія во время Пелопоннесской войны стоила около 50 минъ ¹⁾,—сумма достаточная, чтобы разстроить, а при частомъ повтореніи—совершенно истощить даже крупное состояніе. Поэтому уже рано пачали прибѣгать къ раскладкѣ издержекъ по содержанію одного корабля на двухъ гражданъ, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда дѣло шло объ очень богатыхъ людяхъ; но и теперь распредѣленіе этой повинности оказывалось чрезвычайно неравномѣрнымъ. Триерархія и была одной изъ главныхъ причинъ, обусловившихъ разореніе столькихъ знатныхъ афинскихъ фамилій во время Пелопоннесской войны.

Такимъ образомъ, податная система греческихъ государствъ оставляла, конечно, желать многого, да и вообще въ ихъ экономическомъ устройствѣ было не мало недостатковъ. И все-таки V вѣкъ, въ отношеніи народнаго хозяйства, какъ и во многихъ другихъ отношеніяхъ, представляетъ собою періодъ расцвѣта въ исторіи греческаго народа. Это объясняется, въ значительной степени, тѣмъ, что пятидесятилѣтіе послѣ Платеи и Микале было для греческой націи въ общемъ эпохою мира, какая уже не повторялась впослѣдствіи до времени римскаго владычества.

¹⁾ Ораторъ въ 21 рѣчи Лисія (*Απολογία δωροδοκίας*), будучи семь лѣтъ триерархомъ во время декелейской войны (411—405), израсходовалъ въ общей сложности 6 талантовъ. Сравн. рѣчь противъ Диогитона 26 сл.

ГЛАВА XIII.

Демократія.

Поколѣніе, выросшее подъ впечатлѣніями Персидскихъ войнъ, всю жизнь лелѣяло въ душѣ идеаль свободы. Замѣнивши въ области мысли прежнюю вѣру въ авторитетъ свободнымъ изслѣдованіемъ, стараясь всюду провести разумное право вмѣсто такъ называемаго историческаго права, оно и въ области политики стремилось уничтожить существовавшія преграды. Люди, шедшіе во главѣ націи на поприщѣ науки и литературы въ теченіе большей части V вѣка, почти всѣ безъ исключенія отличались демократическимъ образомъ мыслей. Эмпедокль занималъ одно изъ первыхъ мѣстъ между основателями демократіи въ своемъ родномъ городѣ Акрагантѣ; Горгіи за свои демократическія убѣжденія долженъ былъ удалиться въ изгнаніе; Эврипидъ былъ рѣшительнымъ противникомъ какъ монархіи, такъ и олигархіи ¹⁾; Демокритъ предпочиталъ жить бѣднякомъ въ демократической странѣ, чѣмъ въ «такъ называемомъ благополучіи» при дворѣ царя ²⁾; старый Геродотъ восторгался свободой и равенствомъ (*ισονομία* и *ισογυοσίη*) еще въ то время, когда образованное юношество въ громадномъ большинствѣ держалось совершенно иныхъ взглядовъ. Протагоръ первый сдѣлалъ попытку теоретически оправдать демократію. Для того, чтобы вообще могло существовать человѣческое общество, — говоритъ онъ, — необходимо, чтобы каждый изъ насъ уважалъ права другого; кто этого не дѣлаетъ, долженъ быть удаленъ изъ государства, какъ больной членъ. А обладаніе общественными добродѣтелями — справедливостью (*δίκη*) и добросовѣстностью (*αἰδώς*) — дѣлаетъ чело- вѣка вполне способнымъ участвовать въ обсужденіи общественныхъ

¹⁾ Сравн., наприм., fr. 277, fr. 628 Nauck.

²⁾ Democr. fr. 211.

дѣль. Слѣдовательно, для осуществленія политическихъ правъ не нужно никакого другого ценза, кромѣ этихъ нравственныхъ качествъ, и совершенно нелѣпо требовать для этого особой технической подготовки ¹⁾).

VI вѣкъ значительно подготовилъ почву для практическаго осуществленія этихъ требованій. Въ большей части греческаго міра преимущества по происхожденію были уничтожены, и ихъ мѣсто заняли привилегіи по имущественному положенію. Теперь, въ виду новаго направленія общественной мысли, и эти послѣднія не могли удержаться, или, по крайней мѣрѣ, должны были быть значительно ограничены. Обыкновенно реформа достигалась законодательнымъ путемъ, съ помощью всеобщей подачи голосовъ, которая сохранилась отъ періода царей и снова приобрѣла реальное значеніе послѣ паденія господства знати. Благодаря этому, движеніе почти повсюду ограничилось политической областью и не вызвало никакихъ переворотовъ въ экономическомъ строѣ. Правда, не было недостатка и въ подобныхъ стремленіяхъ. Такъ, Фалеасъ Калхедонскій требовалъ, чтобы всѣ граждане владѣли равнымъ имуществомъ и получали одинаковое воспитаніе ²⁾); а комедія Аристофана *Ἐκκλησιαζουσαι* показываетъ, что въ періодъ, слѣдовавшій за Пелопоннесской войной, нерѣдко обсуждались даже коммунистическія ученія. Впрочемъ, дальше теоріи дѣло не шло. Но гдѣ существовавшій раньше порядокъ вещей былъ измѣненъ путемъ насильственной революціи, какъ въ Сициліи по смерти Гіерона, тамъ нельзя было, разумѣется, избѣжать коренныхъ перемѣнъ и въ экономическихъ отношеніяхъ ³⁾. Когда затѣмъ неимущая масса сдѣлалась руководящимъ факторомъ въ государствѣ, она не преминула, конечно, извлечь изъ этого положенія и матеріальныя выгоды, и вытекавшее отсюда притѣсненіе состоятельныхъ классовъ не мало способствовало паденію демократіи. Впрочемъ, эти злоупотребленія начали рѣзко обнаруживаться лишь подъ конецъ вѣка.

Въ политической области греческая демократія этого времени также еще далеко не достигла абсолютнаго равноправія всѣхъ гражданъ государства. Даже въ Аѣнахъ граждане третьяго имущественнаго класса, зевгиты, лишь въ 457 г. добились доступа къ архонтату—

1) Plat. *Protag.* 322 с слл. Это ученіе содержитъ въ себѣ столько вѣрнаго и стоитъ въ такомъ противорѣчьи съ собственными взглядами Платона, что послѣдній самъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть его авторомъ; поэтому несомнѣнно, что оно дѣйствительно проповѣдывалось Протагоромъ, хотя, вѣроятно, и не въ той формѣ, въ какой оно изложено у Платона.

2) У Aristot. *Polit.* II 1266 а слл.

3) Diod. XI 76.

формально все еще высшей государственной должности, — а граждане низшаго класса, оеты, и теперь не были допущены къ нему ¹⁾. Въ стратеги могли быть избираемы только землевладѣльцы, а доступъ къ высшимъ финансовымъ должностямъ по прежнему былъ открытъ только пентакосиомедимнаъ. Не трудно было понять, что только имущественный достатокъ представлялъ необходимое обезпеченіе за добросовѣстность въ отправленіи столь отвѣтственныхъ должностей. При томъ, пассивное избирательное право по отношенію къ такимъ должностямъ не имѣло бы для неимущихъ классовъ никакого практическаго значенія ²⁾. Стремленія демократовъ были направлены преимущественно къ тому, чтобы по возможности ограничить полномочія чиновниковъ. Всѣ сколько нибудь важныя правительственныя дѣла должны были поступать на разрѣшеніе народнаго собранія, или, по крайней мѣрѣ, его постоянной комиссіи, совѣта; въ области суда должностнымъ лицамъ предоставлялось только руководство процессомъ, а приговоръ произносился присяжными, избранными по жребію изъ народа, если, какъ это бывало въ важныхъ государственныхъ процессахъ, не являлось судьей само народное собраніе. Противъ возможныхъ превышеній власти гарантировала обязанность отдавать отчетъ по истеченіи служебнаго года; кромѣ того, народное собраніе имѣло право во всякое время лишить должности провинившагося чиновника.

Во время Персидскихъ войнъ мы встрѣчаемъ въ Греціи демократическую форму правленія почти только въ Атикѣ и въ нѣкоторыхъ сосѣднихъ областяхъ; въ Малой Азіи и Сициліи господствовала тиранія, на значительно бѣльшей части греческаго полуострова — олигархія или аристократія. Но чрезвычайно важныя послѣдствія имѣло то обстоятельство, что во главѣ союза, который образовали освобожденные отъ персидскаго ига морскія государства для своей взаимной защиты, стали демократическія Аѣины. Само собою разумѣется, что примѣръ руководящей державы долженъ былъ сильно вліять на союзниковъ. Когда во время изгнанія персовъ была свергнута тиранія въ азіатскихъ городахъ, многіе изъ нихъ измѣнили свою конституцію по образцу аѣинской, и Милеть, напримѣръ, пошелъ въ этомъ отношеніи такъ далеко, что перенялъ даже названія клисѣеновыхъ филъ ³⁾. Часто также подобныя реформы предписывались изъ Аѣинъ ⁴⁾, особенно при

1) Aristot. 'Аѣ. полит. 26, 2.

2) (Хен). 'Аѣ. полит. I 3.

3) Le Bas *Asie Mineure* 238. 242.

4) Сравни аттическое народное постановленіе о преобразованіи государственнаго устройства въ Эрирахъ *СГА* I 9.

вторичномъ подчиненіи отпавшихъ союзниковъ; въ самомъ дѣлѣ, было очевидно, что общее демократическое устройство государствъ является наилучшею связью между членами союза. Впрочемъ Аѳины умѣли соблюдать мѣру въ демократической пропагандѣ. Такъ, въ важнѣйшемъ союзномъ городѣ, въ Самосѣ, олигархія землевладѣльцевъ (геоморовъ) удержалась до возстанія 440 года ¹⁾, а въ Митиленѣ еще въ 428 г. господствовала умѣренно-олигархическая форма правленія ²⁾. Однако съ теченіемъ времени аѳинская гегемонія неизбежно должна была привести къ господству демократіи на островахъ и побережьяхъ Эгейскаго моря.

Въ западной части греческаго міра распространенію демократическаго движенія мѣшали прежде всего обѣ великія военныя монархіи, Сиракузы и Акрагантъ. Чтобы упрочить свое могущество, еще Гелонъ даровалъ право сиракузскаго гражданства тысячамъ отставныхъ наемниковъ ³⁾; его преемникъ Геронъ пошелъ дальше по этому пути. Въ 476 году жители Катаны были переселены въ Леонтины, а покинутый городъ превращенъ въ военную колонію подъ именемъ Этны ⁴⁾. Кромѣ того, всегда стоялъ на готовѣ сильный отрядъ наемниковъ и въ арсеналѣ находился многочисленный военный флотъ. Такимъ образомъ Сиракузы были похожи на большую казарму ⁵⁾. Все это терпѣли, пока карфагеняне угрожали національной независимости; побѣдитель при Гимерѣ пользовался громадной популярностью, и еще долго послѣ его смерти народъ сохранялъ о немъ благодарное воспоминаніе. Но уже при Геронѣ отношенія между правителемъ и народомъ начали разстраиваться; характерно, что тиранъ принужденъ былъ учредить тайную полицію и не пренебрегалъ даже услугами *agents provocateurs* ⁶⁾. Само по себѣ это начинающееся недовольство, правда, не имѣло бы большого значенія, въ виду военныхъ силъ, которыми располагало правительство, и его успѣховъ во внѣшней политикѣ. Гораздо опаснѣе было то, что послѣ смерти Гелона стало обнаруживаться разногласіе между членами самого царствующаго дома. Дѣло въ томъ, что

1) Thuc. I 115.

2) Thuc. III 27. 47.

3) Diod. XI 72.

4) Diod. XI 49 (Ol. 76, 1—476/5), Pind. *Pyth.* I 31. 60—70, III. 69. При своей побѣдѣ на пивійскихъ играхъ позднимъ лѣтомъ 470 г. Геронъ велѣлъ провозгласить себя этнійцемъ; между тѣмъ во П пивійской одѣ (477 г.?) еще пѣть и намекъ на Этну.

5) Pind. *Pyth.* II 1. *Συράκοσαι, βαθυπολέμων τέμενος Ἄρεος, ἀνδρῶν ἰππῶν τε σιδάροχαρμῶν δαιμόνιαι τροφαί.*

6) Aristot. *Polit.* VIII (V) 1313 в.

форма правленія, господствовавшая въ Сиракузахъ при Дейноменидахъ, была не монархіей въ настоящемъ значеніи этого слова, а скорѣе главенствомъ одного рода надъ всѣми остальными, причѣмъ верховная власть всегда находилась въ рукахъ старѣйшаго члена, а остальные дѣлили между собою прочія отрасли управленія ¹⁾,— совершенно такъ, какъ это было въ Аѣнахъ въ правленіе Писистратидовъ и вообще во многихъ тираніяхъ того времени, когда солидарность родовъ еще не была поколеблена. Поэтому, по смерти Гелона ему наслѣдовалъ не сынъ, а братъ— Геронъ; третій братъ, Полизелъ, получилъ начальство надъ наемными войсками. Но вскорѣ между братьями произошло столкновеніе; Полизелъ долженъ былъ бѣжать изъ Сиракузъ и искать защиты у своего тестя, Ферона акрагантскаго. Эта ссора едва не привела къ войнѣ между обѣими великими военными державами Сициліи; но Геронъ не рѣшился довести дѣло до крайности и согласился, наконецъ, вернуть брата въ Сиракузы ²⁾. Однако, когда Феронъ чрезъ нѣсколько лѣтъ умеръ и престолъ перешелъ къ его сыну, Фрасидею, война все-таки вспыхнула. Хотя Фрасидей имѣлъ въ своемъ распоряженіи очень значительную армію, по преданію 20.000 человекъ, но въ рѣшительномъ и очень кровопролитномъ сраженіи побѣду одержалъ Геронъ. Послѣ этого народъ въ Акрагантѣ и Гимерѣ возсталъ противъ ненавистнаго тирана; Фрасидей принужденъ былъ удалиться въ изгнаніе, и въ обоихъ городахъ было восстановлено республиканское устройство. Они признали себя зависимыми союзниками Ферона (около 473 г.) ³⁾.

Паденіе монархіи въ Акрагантѣ неминуемо должно было повліять на Сиракузы. Правда, пока жилъ Геронъ, все было спокойно; но какъ

¹⁾ Сравн. надпись на треножникѣ, который былъ пожертвованъ въ Дельфы Гелономъ и его братьями послѣ побѣды при Гимерѣ (Simon. fr. 141 Bergk) и Pind. *Pyth.* I 79. Уже Аристотель (*Polit.* VIII (V) 1312 в) не понималъ этихъ отношеній,—новѣйшіе писатели и того менѣе. Совершенно аналогичный порядокъ наслѣдованія мы находимъ въ спискѣ жрецовъ Галикарнасса, выше стр. 8 прим. 2.

²⁾ Diod. XI 48, Tim. fr. 90.

³⁾ Diod. XI 53, сравн. Diod. XI 68. 1, 76. 4. Къ освобожденію Гимеры относится, вѣроятно, Pind. *Ol.* XII 1 *Δίσομαι καὶ Ζηνός' Ἐλευθερίων, Ἰμέραν εὐφροσθένε' ἀμφιπόλει. Σώτεια Τύχα.* Такъ какъ воспѣваемая въ этой одѣ побѣда относится, по схоліямъ, къ 77 Ол. (472 г.), то сверженіе Фрасидея не могло произойти позже 473 г. Diod. XI 53 рассказываетъ о немъ, какъ и о смерти Ферона, подъ *Ol.* 77, 1. Побѣда Ферона на олимпійскихъ играхъ, воспѣтая Пиндаромъ во II и III олимпійскихъ одахъ, относится къ *Ol.* 76.

только старый тиранъ закрылъ глаза (467) ¹⁾, вспыхнула революція. Раздоры въ царской семьѣ благопріятствовали ей. Такъ какъ Полизела уже не было въ живыхъ, то верховная власть перешла теперь къ Θрасибулу, послѣднему изъ четырехъ сыновей Дейномена; но при дворѣ существовала сильная партія, желавшая доставить престоль, вмѣсто него, молодому сыну Гелона ²⁾. Это вызвало возстаніе народа въ Сиракузахъ, изъ другихъ городовъ государства пришли подкрѣпленія, и спустя короткое время тиранъ со своими наемниками оказался запертымъ во внутренней части города Сиракузъ—въ кварталахъ Ортигія и Ахрадина, между тѣмъ какъ повстанцы расположились въ предмѣстьяхъ. Разбитый на морѣ и на сушѣ, Θрасибулъ принужденъ былъ въ концѣ концовъ капитулировать подъ условіемъ свободнаго отступленія, на одиннадцатомъ мѣсяцѣ своего царствованія (466) ³⁾. Но междоусобная война въ Сиракузахъ продолжалась. Коренные граждане вступили въ борьбу съ наемниками, поселенными въ городѣ Гелономъ; Ортигія и Ахрадина снова подверглись осадѣ, и лишь послѣ продолжительнаго сопротивленія ветераны были побѣждены ⁴⁾. Теперь побѣдоносная демократія обратила свое оружіе противъ Этны, военной колоніи Герона, правителемъ которой послѣдній сдѣлалъ своего сына Дейномена ⁵⁾; послѣ продолжительной борьбы наемники принуждены были уйти и отсюда, и прежніе обитатели вернулись въ свой родной городъ (около 461 г.), опять получившій теперь имя Катана, которое онъ сохраняетъ до настоящаго времени. Повсемѣстно на островѣ введено было демократическое устройство, изгнанники водворены на своихъ старыхъ мѣстахъ; Кама-

1) По Diod. XI 38, 7 Геронъ вступилъ на престоль въ Ol. 75, 3 (478/7) и умеръ (XI 66, 4) въ Ol. 78, 2 (467/6). По первому изъ цитированныхъ мѣствъ онъ правилъ 11 лѣтъ и 8 мѣсяцевъ, по второму—11 лѣтъ; по Aristot. *Polit.* VIII (V) 1315 в—10 лѣтъ. Очевидно, что у Diod. XI 38, 7 слѣдуетъ читать 10 лѣтъ 8 мѣсяцевъ. Геронъ одержалъ побѣду на четырехконой колесницѣ въ Ol. 78 (468) и умеръ, вѣроятно, вскорѣ послѣ этого, такъ какъ памятникъ въ честь его побѣды былъ воздвигнутъ лишь его сыномъ Дейноменомъ (Paus. VIII 42, 8; VI 12, 1, Schol. Pind. *Ol.* I, 1). По Аристотелю l. c. Θрасибулъ царствовалъ 11 мѣсяцевъ, которые Diod. XI 66. 4 округляетъ въ одинъ годъ.

2) Arist. *Polit.* VIII (V) 1312 в, сравн. Tim. fr. 84.

3) Diod. XI 67—68.

4) Diod. XI 71—73. 76. Aristot. *Polit.* VIII (V) 1303 а. в.

5) Сравн. Paus. VIII 42, 9; VI 12, 1. Pind. *Pyth.* I 58 слл. называетъ его при жизни отца *Ατνας βασιλεύς*; вѣроятно, его нужно разумѣть подъ *ἡρωόμενος* Этны, котораго черезъ нѣсколько лѣтъ приказалъ убить Дукетій (Diod. XI 91, 1).

рина, населеніе которой Гелонъ переселилъ въ Сиракузы, вновь была отстроена ¹⁾). Однако, за свою свободу Сиракузамъ пришлось заплатить потерей своего господствующаго положенія на островѣ; отдѣльные города государства вернули себѣ независимость, какою они пользовались до Гелона.

Прошло еще, разумѣется, много времени, прежде чѣмъ новое положеніе дѣлъ упрочилось. Въ Сиракузахъ одинъ вліятельный гражданинъ, Тиндаридъ, опираясь на неимущую чернь, сдѣлалъ попытку провозгласить себя тираномъ; когда правительство хотѣло его арестовать, произошла уличная свалка, въ которой претендентъ и многіе изъ его приверженцевъ были убиты (около 454 г.) ²⁾). Чтобы предупредить повтореніе подобныхъ событій на будущее время, сиракузская демократія ввела у себя учрежденіе, подобное аттическому остракисму, — петализмъ, названный такъ потому, что голосованіе производилось при помощи оливковыхъ листьевъ ³⁾). Дѣйствительно, въ послѣдствіи попытки возстановить тиранію, кажется, не повторялись; но какъ сильна была еще и теперь партійная борьба, объ этомъ свидѣтельствуютъ многочисленные процессы военачальниковъ, разбиравшіеся въ Сиракузахъ въ теченіе ближайшихъ лѣтъ ⁴⁾).

Демократическое движеніе захватило и сосѣднюю Италію. Въ Регіѣ и Мессенѣ вскорѣ послѣ паденія Дейноменидовъ было свергнуто владычество сыновей Анаксилы ⁵⁾). Въ Тарентѣ тяжелое пораженіе въ войнѣ съ япигами (около 473 г.) послужило поводомъ къ замѣнѣ стараго монархически - аристократическаго строя демократіей ⁶⁾). Въ ахейскихъ городахъ нынѣшней Калабріи, гдѣ тайному союзу пиагорейцевъ удалось захватить въ свои руки управленіе государствомъ (выше стр. 193), — этому полу-аристократическому, полу-теократическому режиму былъ положенъ теперь кровавый конецъ; послѣдователи секты были умерщвлены или изгнаны ⁷⁾). Въ Кумахъ, какъ намъ

1) Diod. XI 76.

2) Diod. XI 86.

3) Diod. XI 87.

4) Diod. XI 88. 91.

5) Diod. X 76.

6) Herod. VII 170. Diod. XI 52, Arist. *Polit.* VIII (V) 1303 a.

7) Aristoxen. fr. 11, Dicaearch. fr. 31, Laert. *Diog.* VIII 30, Justin. 20, 4, сравн. Polyb. II 39. Время катастрофы невозможно опредѣлить точно; во всякомъ случаѣ она предшествовала основанію Фурій. Время жизни учителя Эпаминонда, Лисиса, не имѣетъ никакого значенія для этого вопроса. Чрезвычайно странно, что въ спискахъ олимпійскихъ побѣдителей послѣ ОI. 75 (480) вдругъ исчезаютъ имена кротонцевъ, тогда какъ изъ побѣдителей въ

известно, тиранія Аристодема была свергнута уже нѣсколько лѣтъ назадъ (выше стр. 311). Такимъ образомъ, и въ италійскихъ колоніяхъ почти повсюду установилась демократія; старая аристократическая форма правленія удержалась только въ Локрахъ.

Одновременно съ этимъ движеніемъ и, хотя не имъ вызванная, но подъ сильнымъ его вліяніемъ, стала обнаруживаться среди туземцевъ Италіи національная реакція противъ эллинизма, притомъ — въ одинаковой степени у племенъ континента и Сициліи. Началомъ ея является упомянутое кровавое пораженіе, нанесенное япигами тарентійцамъ. Скоро затѣмъ луканцы въ нынѣшней Базиликатѣ, — народъ, лишь впервые теперь упоминаемый, — начинаютъ беспокоить города при Тарентскомъ заливѣ ¹⁾. Около того же времени самниты спускаются въ такъ называемую съ тѣхъ поръ кампанскую равнину, завоевываютъ этрусскую Капуя и приходятъ, благодаря этому, въ непосредственное соприкосновеніе съ Кумами, которымъ вскорѣ суждено было подпасть подъ ихъ владычество ²⁾.

Менѣе успѣшна была національная реакція въ Сициліи, гдѣ туземцы со всѣхъ сторонъ были окружены греческими колоніями и отрѣзаны моремъ отъ своихъ единоплеменниковъ на материкѣ. Здѣсь во главѣ движенія сталъ Дукетій, царь Менъ (Минсо у Калтаджироне) ³⁾. Въ качествѣ союзника сиракузской демократіи, онъ принялъ участіе въ походѣ противъ сына Герона, Дейномена изъ Этны, и значительно способствовалъ успѣху экспедиціи. Вскорѣ послѣ этого ему удалось покорить важный городъ Моргантію, и результатомъ этого успѣха было сплоченіе всей сицилійской націи въ одно государство подъ главенствомъ Дукетія. У священнаго озера Паликовъ, недалеко отъ Менъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ герейское плоскогорье спускается къ плодородной катанской равнинѣ, была основана столица новаго государства, названная, въ честь упомянутыхъ національныхъ божествъ, Паликой.

бѣгъ на протяженіи 28 олимпіадъ, отъ 48-ой до 75-ой, не менѣе 13 принадлежали Кротонѣ. Стоитъ-ли это явленіе въ связи съ демократической революціей въ Кротонѣ, которая, слѣдовательно, должна была произойти вскорѣ послѣ 480 г.? Или есть какая-нибудь доля истины въ показаніи Тимея у Athen. XII 522 с?

1) Polyaeu. II 10, 2. 4 (скоро послѣ основанія Θυρίи).

2) По Діодору Капуя была завоевана въ 438/7 г. (XII 31), Кумы — въ 421/0 (XII 76); если эти даты римскаго происхожденія, то ихъ нужно замѣнить 445 и 428 гг. Ливій рассказываетъ о взятіи Капуи подъ 423 г. (VI 37), о взятіи Кумъ подъ 421 г. (IV 44).

3) Diod. XI 88. *Μένας* — конъектура Клювера изъ *μὲν Νέας*, какъ читается въ большинствѣ рукописей; Lex. Patm. даетъ *μνέας*.

Теперь Дукетій обратилъ свое оружіе противъ остатка тѣхъ ветерановъ, которыхъ Геронъ поселилъ въ Катанѣ и которые удалились въ Инессу и заложили здѣсь новую Этну; это укрѣпленное мѣсто было взято, и вмѣстѣ съ тѣмъ окончательно уничтожено владычество Дейноменидовъ. Теперь сицилійскій царь чувствовалъ себя достаточно сильнымъ, чтобы начать освободительную войну противъ грековъ. Ему дѣйствительно удалось разбить въ открытомъ сраженіи акрагантійцевъ и ихъ союзниковъ - сиракузянъ и взять акрагантійскую пограничную крѣпость Мотіонъ; но продолжительная борьба съ греческими городами оказалась ему не по силамъ. Слѣдующею весною Дукетій потерпѣлъ отъ сиракузянъ тяжелое поражение. Мотіонъ былъ снова взятъ акрагантійцами, и царь, покинутый своими приверженцами, принужденъ былъ, наконецъ, сдаться сиракузянамъ на капитуляцію (около 450 г.). Его царство распалось; южная часть, плодородная катанская равнина съ Моргантіей, Менами и Инессой отошла къ Сиракузамъ; сѣверныя области, долина верхняго Симеа и Небродскія горы сохранили свою независимость, такъ что каждый городъ снова, какъ прежде, представлялъ собою небольшое самостоятельное государство ¹⁾. Дукетій былъ сосланъ въ Коринѣ; отсюда онъ черезъ нѣсколько лѣтъ вернулся на родину и основалъ на сѣверномъ берегу острова городъ Калакту (Каронія). Онъ все еще надѣялся поднять національное возстаніе противъ грековъ; но скоро смерть разрушила эти планы. Участъ сицилійской націи была рѣшена. Тщетно возсталъ противъ Сиракузъ Піакъ, одинъ изъ крупнейшихъ сикелійскихъ городовъ; это движеніе осталось изолированнымъ, и послѣ храбраго сопротивленія городъ былъ покоренъ (около 440 г.) ²⁾.

¹⁾ Diod. XI 76. 78. 88. 91—92, сравн. мое изслѣдованіе *L'Impero Siciliano di Dionisio*, въ *Atti dell' Accademia dei Lincei* 1881. Хронологія основывается только на Діодорѣ.—Упомянутый у Павсанія (V 25. 2) жертвенный даръ, работы Каламиса, воздвигнутый акрагантійцами въ Олимпіи, относится къ завоеванію Мотіона въ этой войнѣ, а не къ побѣдѣ надъ финикійской Мотіей.

²⁾ Diod. XII 8. 29. *Τριωνία*, какъ читается въ нашихъ рукописяхъ Діодора, несомнѣнно испорчено; въ оглавленіи XII книги сказано *Πικινόυς*. Слѣдуетъ, вѣроятно, читать *ΠΙΑΚΙΝΟΥΣ*, которое, благодаря опискѣ, легко могло обратиться въ *ΤΡΙΑΚΙΝΟΥΣ*, а отсюда уже сама собою вытекала „поправка“ *Τριωνία*. Піакъ, упоминаемый у Стеф. Виз., принадлежитъ къ числу немногихъ сикелійскихъ городовъ, которые уже въ V вѣкѣ чеканили монету (*Head Hist. Num.* стр. 143 сл.); судя по изображеніямъ на его монетахъ, онъ лежалъ вблизи Катаніи, слѣдовательно въ той самой мѣстности, въ кото-

Около того же времени, когда пала монархія въ Сициліи, была свергнута въ Киренѣ династія Баттіадовъ, которая правила городомъ со времени его основанія. Вслѣдствіе раздоровъ въ царской семьѣ, здѣсь уже въ срединѣ VI столѣтія, при Баттѣ III Хромомъ, была произведена реформа въ демократическомъ духѣ; мантинеецъ Демонаксъ, призванный въ законодатели по указанію дельфійскаго оракула, далъ государству новую организацію, при которой царю были представлены лишь немногія почетныя права. Когда позже сынъ Батта, Аркесилай, сдѣлалъ попытку возстановить прежній порядокъ вещей, его лишили царскаго званія, и онъ принужденъ былъ уйти въ изгнаніе на островъ Самось; здѣсь онъ обѣщаніемъ новаго раздѣла земли привлечь къ себѣ многочисленныхъ приверженцевъ и, вернувшись на родину, при ихъ помощи снова овладѣлъ престоломъ. Наконецъ, онъ былъ убитъ въ Баркѣ киренскими изгнанниками, и Баттіады снова были изгнаны изъ Кирены. На этотъ разъ они обратились въ Египетъ, который съ недавняго времени входилъ въ составъ персидской монархіи; верховную власть Персіи признавала, какъ мы видѣли, и Кирена (см. выше, стр. 236). Дѣйствительно, персидское войско вернуло сыну Аркесилая, Батту Красивому, престолъ его предковъ, на которомъ онъ и удержался до самой смерти; послѣ него власть перешла къ его сыну Аркесилаю. Но когда, послѣ смерти Ксеркса, персидское владычество на Нилѣ пало и страна была занята афинянами, Кирена снова возстала противъ ненавистой династіи. Аркесилай былъ убитъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ окончательно прекратилось господство Баттіадовъ, продолжавшееся почти два вѣка. Кирена обратилась въ демократическую республику ¹⁾.

Болѣе значительныя препятствія встрѣтило демократическое движеніе на самомъ греческомъ полуостровѣ. Экономическое и умственное развитіе еще не достигло здѣсь той высоты, какъ въ Іоніи или Сициліи; еще важнѣе было то, что здѣсь консервативные элементы находили твердую опору въ Спартѣ, которая всей силой своего воен-

рой надо искать и *Тримакію* Діодора. Къ тому же выводу приходитъ Ettore Pais, *Studi Italiani di Filologia classica* I стр. 117.

1) Herod. IV 160—7, 200—5, ср. Menecles Barc. *Libyca* fr. 2 (FHG. IV 479). Источники не сообщаютъ, въ которомъ году пали Баттіады; мы знаемъ только, что въ 462 г. Аркесилай IV еще былъ царемъ (Pythias 31, Pind. *Pyth.* IV и V со схоліями) и что послѣ его смерти монархія въ Киренѣ была свергнута ([Heracl. Pont.] 4, ср. Herod. IV 163); само собою разумѣется, что извѣстіе о ея двухвѣковомъ существованіи (*Hypoth.* Pind. *Pyth.* IV) вѣрно лишь приблизительно.

наго могущества и нравственного авторитета вступалась за существующий порядок вещей. Однако демократическія идеи и здѣсь одержали рядъ побѣдъ. Событія 479 года сокрушили въ Фивахъ господство аристократіи, антинаціональная политика которой привела государство на край гибели. Павшій строй смѣнила демократія ¹⁾, и отчасти этотъ примѣръ, отчасти вліяніе сосѣднихъ Аѣинъ способствовали торжеству демократіи и въ остальныхъ городахъ Беотіи. Около того же времени въ Аргосѣ были уничтожены послѣдніе остатки монархическаго строя и установленъ демократическій образъ правленія ²⁾. За Аргосомъ послѣдовала сосѣдняя Мантинея; съ помощью аргивянъ, обитателей сосѣднихъ деревень принудили переселиться въ городъ, и такимъ образомъ былъ созданъ сильный центръ для аркадской демократіи ³⁾. Отсюда движеніе распространилось по всей странѣ; Аркадія отпала отъ Спарты и примкнула къ Аргосу. Съ помощью своихъ новыхъ тегейскихъ союзниковъ аргивяне покорили небольшіе сосѣдніе города, Микены и Тиринь, прославленные эпосомъ центры древнѣйшей греческой культуры; эти города были разрушены и ихъ жители изгнаны ⁴⁾. Около этого же времени установилась демократія и въ Элидѣ, которая послѣ Коринѣа была самымъ значительнымъ государствомъ пелопоннескаго союза. Старый родовой строй былъ уничтоженъ и государство раздѣлено на 10 филъ, очевидно по образцу клисѣеновой реформы въ Аѣинахъ ⁵⁾. Здѣсь, какъ и въ Мантинеѣ, съ преобразованиемъ былъ соединенъ синоикисмъ; на берегу Пеней, у подножія

¹⁾ По Arist. *Polit.* VIII (V) 1302 в. демократія въ Фивахъ существовала уже во время битвы при Энофитахъ (ср. Kirchhoff *Abh. d. Berl. Akad.* 1878 стр. 6); она могла быть введена только непосредственно послѣ битвы при Платеѣ. Предположеніе, что демократическое правительство организовалось въ Фивахъ уже послѣ битвы при Энофитахъ, не только противорѣчитъ словамъ нашего источника, но и само по себѣ невѣроятно, такъ какъ въ этомъ случаѣ Фивы примкнули бы къ Аѣинамъ.

²⁾ Во время Пелопоннеской войны въ Аргосѣ господствовала демократія (Thuc. V 29, 31), а въ 480 г., по словамъ Геродота (VIII 148), еще существовала монархія; ср., однако, выше стр. 239, прим. 2.

³⁾ Strab. VIII 337, ср. Xen. *Hell.* V 2, 7, Ephor. fr. 138, Diod. V 12. По словамъ Фукидида (V 29), Мантинея въ 421 г. была демократіей.

⁴⁾ Herod. VI 83, Diod. XI 65, Strab. VIII 373. 377. Такъ какъ тегейцы, въ качествѣ аргосскихъ союзниковъ, приняли участіе въ войнѣ противъ Микенъ (Strab. VIII 377), то очевидно, что этотъ городъ былъ разрушенъ раньше, чѣмъ спартанская гегемонія въ Аркадіи была восстановлена битвами при Тереѣ и Дипеѣ; поэтому дата Діодора—468/7—приблизительно вѣрна.

⁵⁾ Aristot. *Polit.* VIII (V) 1306 а, Paus. V 9, 5, ср. мою статью *Sulla costituzione politica dell' Elide* въ *Rivista di Filologia* IV 1875 стр. 225 слл.

древняго кремля Оксила, была заложена новая столица, которая, впрочемъ, въ первое время оставалась неукрѣпленной (471) ¹⁾. Вскорѣ послѣ этого элейцы предприняли походъ на югъ и завоевали всѣ города Трифилии вплоть до мессенской границы ²⁾.

Спарта принуждена была оставаться безучастной зрительницей всѣхъ этихъ событій, потому что у нея было достаточно дѣла дома, гдѣ ей самой грозило революціонное движеніе. Въ самомъ дѣлѣ, нигдѣ не накопилось столько горючаго матеріала, какъ здѣсь, гдѣ надъ болѣею частью населенія тяготѣло крѣпостное право безъ всякой гарантіи хотя бы только личной безопасности; гдѣ другая значительная часть населенія—обитатели областныхъ городовъ—если и пользовалась личной свободой и извѣстною долей самоуправленія, то въ политическомъ отношеніи всецѣло зависѣла отъ Спарты; гдѣ, наконецъ, между гражданами самой столицы господствовало величайшее неравенство имуществъ и всѣми правами гражданства пользовались только состоятельные, да и это меньшинство распадалось на множество партій. Царская власть была съ теченіемъ времени значительно ограничена, но ореоль, которымъ все-еще былъ окруженъ престоль, огромныя богатства царскихъ домовъ, ихъ родственныя связи съ знатнѣйшими фамиліями города и, главнымъ образомъ, право верховнаго начальства на войнѣ, котораго не могла отнять у царей никакая реформа,—все это составляло такую силу, которая въ рукахъ способнаго человѣка легко могла сдѣлаться гибельной для свободы государства. Такимъ образомъ, между двумя высшими властями въ государствѣ—между престоломъ и эфоратомъ—безпрестанно шла тайная борьба, и нуженъ былъ лишь ничтожный поводъ, чтобы она прорвалась наружу. Мы видѣли (стр. 291), что Спарта перенесла такой кризисъ непосредственно передъ началомъ Персидскихъ войнъ; въ теченіе короткаго времени царь изъ одного дома былъ лишень власти, а царь изъ другого дома—брошенъ въ темницу и тамъ убитъ. Если эти событія нанесли тяжелый ударъ авторитету царской власти, то успѣхи 479 года должны были въ свою очередь снова упрочить ее. Удачная война всегда доставляетъ полководцу политическое вліяніе; естественно, что побѣдители при Платеѣ и Микале, Павсаній и Лео-

¹⁾ Diod. XI 54, Strab. VIII 337.

²⁾ Herod. IV 148. Лепрей, въ 479 г. еще независимый (СІА. 70), былъ въ началѣ Пелопоннесской войны элейскимъ періекскимъ городомъ (Thuc. V 31). На средства, доставленныя военной добычей, элейцы построили храмъ Зевса въ Олимпіи съ знаменитой статуей Зевса изъ золота и слоновой кости, ср. Paus. V 10, 2.

тихидъ, пріобрѣли въ государствѣ такое значеніе, какого не имѣлъ ни одинъ царь со времени паденія Клеомена. Можно ли удивляться тому, что они постарались воспользоваться удобной минутой? Начальство надъ греческимъ союзнымъ флотомъ, ввѣренное Павсанію въ 478 году, дало ему въ руки тѣ средства, въ которыхъ онъ нуждался для осуществленія своихъ цѣлей. Въ эту минуту отпаденіе Іоніи (стр. 303) свергло Павсанія съ его высоты. Онъ былъ отозванъ въ Спарту, и его враги воспользовались случаемъ, чтобы обвинить его въ измѣнническихъ сношеніяхъ съ персидскимъ царемъ. Однако Павсаній вышелъ изъ процесса побѣдителемъ, и хотя правительство не имѣло въ виду продолжать войну, тѣмъ не менѣе оно не рѣшилось воспрепятствовать регенту, когда онъ на собственный рискъ снова отправился къ Геллеспонту. Но прежняго положенія ему уже не удалось занять; изгнанный аѳинянами изъ Византіи, онъ удалился въ Колону въ Тroadъ. Отсюда онъ будто бы вступилъ въ сношенія съ персами, хотя мы не можемъ понять, какой помощи онъ могъ ожидать отъ державы, которая не въ состояніи была защитить отъ аѳинянъ даже свои собственныя владѣнія. Вскорѣ онъ снова былъ отозванъ эфорами въ Спарту. Онъ задумалъ добиться своей цѣли революціоннымъ путемъ и началъ подстрекать гелотовъ къ мятежу обѣщаніемъ свободы и гражданскихъ правъ. Только теперь эфоры рѣшили открыто напасть на регента; мнимыя сношенія съ Персіей представляли для этого удобный предлогъ. Павсаній зналъ, что предстоитъ ему на этотъ разъ, и уклонился отъ ареста, бѣжавъ въ храмъ Аѳины Халкіойкосъ; но эфоры велѣли замуровать входъ, и побѣдитель при Платеѣ умеръ отъ голода (около 470 г.)¹⁾. Приблизительно въ одно время съ Павсаніемъ палъ и его товарищъ по власти, Леотихидъ (469). Онъ былъ посланъ съ пелопоннесскимъ войскомъ въ Тессалію, чтобы наказать за сочувственную персамъ политику знатную фамилію Алевадовъ, которая господствовала надъ Ларисой и другими городами. Но несмотря на то, что онъ достигъ значительныхъ военныхъ успѣховъ, онъ ограничился заключеніемъ договора, который въ общемъ оставлялъ за Алевадами ихъ прежнія права. За это онъ былъ при-

1) Thuc. I 128—134 передаетъ официальную версію спартанскаго правительства, возбуждающую большія сомнѣнія. Письмо къ персидскому царю (I 128,7) несомнѣнно подложно (ср. Herod. V 32), а рассказъ объ аргилійцѣ (I 132, 5) болѣе чѣмъ наивенъ. Для хронологіи *terminum ante quem* даетъ бѣгство Оемистокла въ Азію (ок. 465—4 г.), см. ниже, стр. 365. Процессы противъ Павсанія и Леотихида очевидно стоятъ въ связи другъ съ другомъ и относятся приблизительно къ одному и тому же времени.

влеченъ къ суду, признанъ виновнымъ въ лихоимствѣ и лишенъ царскаго достоинства; онъ умеръ изгнанникомъ въ Тегеѣ ¹⁾.

Такимъ образомъ, эфоратъ одержалъ побѣду въ борьбѣ съ царской властью; герои Персидскихъ войнъ были устранены. Престолъ занимали теперь двое юношей—внукъ Леотихида, Архидамъ, и сынъ Леонида, Плейстархъ; значить, съ этой стороны существующему строю не грозило никакой опасности. Прошло еще два столѣтія, прежде чѣмъ спартанскій царь рѣшился возстать противъ могущества эфоровъ.

Только теперь Спарта могла снова подумать о томъ, чтобы упрочить свою колеблющуюся гегемонію въ Пелопоннесѣ. Лакедемонское войско вступило въ Аркадію и при Тегеѣ на голову разбило соединенныхъ аргивянъ и тегейцевъ. Подъ впечатлѣніемъ этой побѣды Мантинея снова примкнула къ Спартѣ, за что послѣдняя согласилась признать синоиксизмъ и демократическую конституцію Мантинеи. Послѣ второй большой побѣды спартанцевъ при Дипеѣ у южнаго склона Мэнала подчинились и всѣ остальные аркадскіе города. Гегемонія Спарты въ Пелопоннесѣ была восстановлена въ томъ же объемѣ, какого она достигла въ эпоху Персидскихъ войнъ; и въ продолженіе поколѣнія съ лишнимъ, вплоть до великой войны съ Аѳинами, пелопоннесскіе союзники не сдѣлали уже ни одной попытки свергнуть съ себя эту зависимость ²⁾.

¹⁾ Herod. VI 72 (откуда Раув. III 7, 8), Plut. *περί 'Ηρόδ. κακοῦθ.* 21 p. 859. Годъ низверженія Леотихида опредѣляется по Diod. XI 48, XII 35, сравн. Thuc. III 1, III 89; если Діодоръ рассказываетъ объ этомъ событіи уже подъ 476 годомъ, то это происходитъ, вѣроятно, отъ того, что онъ смѣшалъ ессалийскій походъ со смѣщеніемъ Леотихида. Анекдотическій рассказъ Геродота отнюдь не доказываетъ, что процессъ произошелъ тотчасъ послѣ ессалийской войны.

²⁾ Herod. IX 35, ср. Isocr. *Archid.* 99; о Мантинеѣ Xen. *Hell.* V 2, 3. Для хронологіи изъ геродотовскаго рассказа вытекаетъ только то, что эти событія произошли между битвой при Платеѣ и мессенскимъ возстаніемъ; но очень невѣроятно, чтобы при Тегеѣ и Дипеѣ спартацами командовалъ Леотихидъ, а тѣмъ болѣе Павсаній. Очевидно, обѣ битвы произошли въ началѣ царствованія Архидама, что, кажется, прямо подтверждаетъ Полиэнъ I 41, 1; но его извѣстіе можетъ относиться и къ младшему Архидаму. Едва ли также могъ совершиться послѣ спартанскихъ побѣдъ демократическій переворотъ въ Элидѣ. Къ этой же войнѣ относится вѣроятно и Polyaeu. II, 10, 3, гдѣ Тегею принуждаетъ къ сдачѣ тотъ самый Клеандридъ, котораго мы позже, въ аттической экспедиціи, находимъ при молодомъ царѣ Плейстоanaxѣ въ качествѣ военнаго совѣтника. Невѣроятно, чтобы сраженія при Тегеѣ и Дипеѣ были раздѣлены долгимъ промежуткомъ времени, такъ какъ для Спарты было чрезвычайно важно, разъ она приступила къ дѣлу,

Между тѣмъ волненіе среди гелотовъ не прекращалось, несмотря на энергическія мѣры правительства, которое не стѣснялось извлекать виновныхъ и подозрительныхъ даже изъ храмовъ, пренебрегая правомъ убѣжища. Въ это время въ Спартѣ произошло сильное землетрясеніе, которое разрушило почти всѣ общественныя и частныя зданія и похоронило подъ развалинами значительную часть населенія (около 464 г.) ¹⁾. Гелоты воспользовались катастрофой, чтобы начать давно подготовлявшееся возстаніе. Въ самой Лаконіи мятежъ не могъ широко распространиться, такъ какъ періекскіе города остались вѣрны Спартѣ; тѣмъ большій успѣхъ имѣлъ онъ по ту сторону Тайгета: старая Мессенія, вся, какъ одинъ человекъ, поднялась противъ спартанскаго владычества. Но если въ первыя минуты смятенія гелоты и одержали здѣсь нѣсколько побѣдъ, то продолжительное сопротивленіе спартапцамъ, въ виду ихъ превосходной военной дисциплины, было немислимо. Мятежники принуждены были покинуть долины и удалиться на гору Иѳому, которая, подобно крѣпости, возвышается въ центрѣ Мессеніи и уже однажды, болѣе двухъ вѣковъ назадъ, послужила убѣжищемъ ихъ предкамъ въ войнѣ со Спартою. Здѣсь, гдѣ всѣ выгоды позиціи были на ихъ сторонѣ, они съ успѣхомъ отбивали приступы спартапцевъ. Война затягивалась, и при исконномъ неумѣннн спартапцевъ вести осады, невозможно было предсказать, сколько времени еще пройдетъ, прежде чѣмъ возстаніе будетъ подавлено. Между тѣмъ, мѣшкать было опасно, потому что пока мессенцы держались на Иѳомѣ, спартапцы ничего не могли предпринять внѣ государства. Поэтому они рѣшили не только пустить въ ходъ противъ мессенцевъ всѣ силы пелопоннескаго союза, но и просить помощи у союзныхъ Аѳинъ ²⁾.

Здѣсь въ первые годы послѣ Саламинской битвы самымъ вліятель-

покорить Аркадію какъ можно быстрѣе. Поэтому война едва ли продолжалась больше двухъ лѣтъ. *Terminus ante quem* является бѣгство Ѳемистокла изъ Аргоса, около 465 г. Притомъ, выдачи Ѳемистокла потребовали отъ Аргоса вѣроятно тотчасъ послѣ побѣдъ въ Аркадіи.

1) *Thuc.* I 128. *Diod.* XI 63 сл. *Herod.* IX 64. По *Plut. Cim.* 16 землетрясеніе произошло въ 4-мъ году царствованія Архидама, т. е. въ 466/5 (см. выше стр. 362 прим. 1). *Rapp.* IV 24, 5 помѣщаетъ начало мессенскаго возстанія, а слѣдовательно и землетрясеніе, въ архонство Архедемида 464/3 г. Во всякомъ случаѣ, оно произошло только послѣ бѣгства Ѳемистокла въ Азію, значитъ не ранѣе 465 г. (см. ниже стр. 365), такъ что извѣстіе Павсанія, повидимому, вѣрно. Оно подтверждается и хронологіей еѳесскаго возстанія (см. ниже, стр. 366 прим. 3).

2) *Thuc.* I 101 сл.

нымъ изъ государственныхъ людей былъThemistokles. Онъ руководилъ возстановленіемъ города послѣ удаленія персовъ ¹⁾, и онъ же закончилъ укрѣпленіе Пирея, которое началъ когда-то въ званіи архонта ²⁾; нѣтъ сомнѣній, что и организація морского союза была въ значительной степени дѣломъ его рукъ ³⁾. Но именно это положеніе во главѣ государства не позволяло ему надолго покинуть Аѣны и взять на себя руководство военными дѣйствіями противъ персовъ, съ тѣхъ поръ какъ театръ войны былъ перенесенъ въ Азію и Фракію ⁴⁾. Такимъ образомъ, слава саламинскаго побѣдителя постепенно меркла передъ свѣжими лаврами Кимона. Сюда присоединялось еще то обстоятельство, что добрыя отношенія со Спартою, установившіяся во время персидскаго нашествія, естественно начали колебаться, съ тѣхъ поръ какъ Аѣны, благодаря основанію морского союза, заняли мѣсто рядомъ со Спартою, какъ равная ей держава. Понятно, что въ Спартѣ причину этой перемѣны искали не въ новомъ положеніи Аѣинъ, а въ политикѣ государственнаго человѣка, руководившаго Аѣинами; и дѣйствительно,

1) Thuc. I 89 — 93. То обстоятельство, что до сихъ поръ повторяютъ разсказъ Фукидида о протестѣ спартанцевъ противъ укрѣпленія Аѣинъ, лишній разъ показываетъ, какъ недостаточна наша критика Фукидида. Въ 479 году Спарта находилась въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ съ Аѣинами (Thuc. I 92. 95, 7), и вообще для такого протеста не было никакого основанія. Онъ имѣлъ бы еще смыслъ, еслибы дѣло шло объ укрѣпленіи Пирея. Источникъ Діодора, болѣе послѣдовательный, чѣмъ новѣйшіе ученые, очень хорошо понималъ это (Diod. XI 43). Разсказъ Фукидида — ничто иное, какъ одинъ изъ многочисленныхъ анекдотовъ, которые имѣли цѣлью показать дипломатическую ловкость Themistokles. Онъ былъ записанъ по окончаніи Пелопоннесской войны (ср. I 93, 5 *τὸ πᾶχος τῶν τεύχεων ὄψεσιν ἔτι δὴ λόγον ἔστι περὶ τὸν Πειραιᾶ*) и возникъ, повидимому, около этого же времени, потому что онъ переноситъ условія Пелопоннесской войны въ эпоху Персидскихъ войнъ. Кромѣ того, онъ долженъ былъ пояснить, почему въ стѣны было замуровано столько надгробныхъ камней и другихъ скульптурныхъ обломковъ (I 93, 2).

2) Thuc. I 93.

3) Ср. Timotheon. fr. 1 съ моими примѣчаніями въ *Rhein. Mus.* 43 (1888) стр. 108 сл.

4) Этимъ объясняется тотъ на первый взглядъ странный фактъ, что Themistokles не принялъ никакого участія въ походѣ 479 года. Уже древніе ломали себѣ головы надъ этимъ вопросомъ, но ихъ объясненія (Diod. XI 27, 3) нелѣпы. Въ Іонію онъ не могъ отправиться, и очевидно не имѣлъ никакой охоты играть при Павсаніи вторую роль подъ Платеей. Впрочемъ, традиція вѣроятно преувеличиваетъ значеніе Ксантиппа и Аристида, потому что несомнѣнно, что рядомъ съ ними стояли лица, облеченныя такими же полномочіями. Ср. Plut. *Arist.* 20.

такой проницательный политикъ, какъThemistoklъ, долженъ былъ раньше всякаго другого придти къ убѣжденію, что миръ между Аѣинами и Спартой не можетъ долго продолжаться. Вслѣдствіе этого спартанцы употребили все свое вліяніе въ Аѣинахъ на то, чтобы свергнуть Themistokla, а это вліяніе все еще было могущественно. Участь Themistokla была рѣшена, когда къ его противникамъ примкнулъ молодой, увѣнчанный военной славою Кимонъ. Онъ считалъ себя вправѣ занять первое мѣсто въ государствѣ и видѣлъ единственный исходъ для Эллады въ тѣсной связи Аѣинъ со Спартою. Эта коалиція все сильнѣе и сильнѣе оттѣсняла Themistokla. Наконецъ—повидимому въ 471 г.—дѣло дошло до ostracisma, и осужденнымъ оказался Themistoklъ. Основатель аѣинскаго могущества принужденъ былъ удалиться въ изгнаніе въ Argosъ ¹⁾.

Но онъ и здѣсь не нашелъ убѣжища. Лакедемоняне обвинили его передъ аѣинянами въ томъ, что онъ принималъ участіе въ измѣнѣ Павсанія; и дѣйствительно, очень вѣроятно, что онъ былъ не совсѣмъ чуждъ планамъ, направленнымъ къ ниспроверженію господствующаго порядка въ Пелопоннесѣ. Партія, которая въ это время стояла въ Аѣинахъ у кормила власти, съ радостью ухватилась за этотъ предлогъ, чтобы окончательно погубить своего врага ²⁾. Въ Argosѣ потребовали выдачи Themistokla, и затѣмъ гнались за нимъ по всей Греціи, пока онъ не сдѣлался наконецъ тѣмъ, чѣмъ хотѣли его сдѣлать противники, и не обратился къ единственному средству спасенія, какое еще осталось ему на свѣтѣ,—къ защитѣ персидскаго царя (465/4 г.). Артаксерксъ, только что унаслѣдовавшій отъ своего отца Ксеркса престолъ Ахеменидовъ, ласково принялъ Themistokla и пожаловалъ ему княжество Магнесію на Меандрѣ ³⁾.

1) Thuc. I 135. Относительно подробностей этого событія у насъ нѣтъ никакихъ достовѣрныхъ извѣстій. Дату даетъ Діодоръ, XI 55; во всякомъ случаѣ, ostracisma долженъ былъ произойти за нѣсколько лѣтъ до 465 г. (см. ниже, прим. 3). Разсказъ Аристотеля (*Ἄθ. πολ.* 25) объ участіи Themistokla въ эвѣльтовой реформѣ 462/1 г. есть не болѣе, какъ анекдотъ, и для историка не имѣетъ никакого значенія.

2) Обвинителемъ былъ *Λεωβώτης Ἀλκμέωνος Ἀγρολήθην* (Plut. *Them.* 22).

3) Thuc. I 135—138; отсюда, съ нѣкоторыми добавленіями, которыя болѣею частью не имѣютъ никакой цѣны, Diod. XI 55—58, Plut. *Them.* 22—31. Разсказъ о бѣгствѣ Themistokla уже у Фукидида украшенъ анекдотическими чертами. Несомнѣнно, что Themistoklъ былъ изгнанъ изъ Греціи до спартанскаго землетрясенія (464 г.), а въ Азію прибылъ послѣ воцаренія Артаксеркса, которое произошло въ томъ же году. Будучи княземъ Магнесіи, Themistoklъ чеканилъ дидрахмы аттическаго вѣса (Head *Hist. Num.* стр. 501).

Послѣ изгнанія Фемистокла Кимонъ былъ безспорно первымъ чело-
вѣкомъ въ Аѣинахъ, тѣмъ болѣе, что Аристидъ и Ксантиппъ около
этого времени умерли или, по крайней мѣрѣ, покинули политическое
поприще ¹⁾). Настоящій «юнкеръ» съ головы до ногъ, съ рыцарскимъ
характеромъ, но нѣсколько ограниченнымъ умомъ, преданный вину и
любви можетъ быть болѣе, чѣмъ слѣдовало бы, онъ былъ обязанъ
своею популярностью столько же своей привѣтливости въ обращеніи
съ людьми, хотя бы стоящими неизмѣримо ниже его по обществен-
ному положенію, и почти безграничной щедрости, какую позволяло
ему его княжеское богатство, сколько своимъ военнымъ подвигамъ ²⁾).
Заслуживаетъ ли онъ имени выдающагося полководца,—невозможно
рѣшить, потому что ему никогда не случалось выступать противъ дру-
гихъ враговъ, кромѣ персовъ и отпавшихъ союзниковъ; какъ бы то ни
было, всѣ его предпріятія были увѣнчаны успѣхомъ. Именно теперь
его вліяніе должно было еще болѣе усилиться, благодаря блестящей
побѣдѣ при Эвримедонтѣ (выше стр. 306). Но для государства эта по-
бѣда имѣла тотъ результатъ, что дружественныя отношенія между
Аѣинами и ихъ союзниками начали теперь разстраиваться: опасность
со стороны персовъ казалась надолго отсроченной,—поэтому подчине-
ніе Аѣинамъ уже не являлось теперь такой настойчивой необходи-
мостью, тогда какъ Аѣины, съ другой стороны, начали сильнѣе затя-
гивать поводья. И вотъ въ 465 году возсталъ Фасосъ ³⁾, самый могу-
щественный изъ союзныхъ городовъ въ сѣверной части Эгейскаго моря.
Но возстаніе осталось изолированнымъ; Спарта, на поддержку которой
расчитывали фасосцы, не прислала помощи, потому что всѣ силы го-
сударства были заняты борьбою съ возставшими въ это время гело-
тами. Кимонъ безъ труда разбилъ фасосскій флотъ, затѣмъ осадилъ

1) Анекдотъ, приведенный Плутархомъ (*Cim.* 25 изъ Теофраста), вовсе не доказываетъ, что Аристидъ еще былъ живъ во время перенесенія союзной казны изъ Делоса въ Аѣины.

2) См. *біографію Кимона* Плутаржа.

3) Дата возстанія представляетъ одинъ изъ немногихъ твердыхъ пунктовъ въ хронологіи этого времени. Фасосъ отложился незадолго до землетрясенія въ Спартѣ, которое, какъ мы видѣли, относится къ 465 или 464 году (выше, стр. 363 прим. 1). Война продолжалась около трехъ лѣтъ; въ теченіе этого времени аѣиняне сдѣлали попытку основать колонію на нижнемъ Стримонѣ, за 29 лѣтъ до основанія Амфиполиса (*Thuc.* IV 102), которое произошло въ 437/6 году (*Schol. Aesch. п. т. парафраза.* 34, *Diod.* XII 32), слѣдовательно въ 465/4 году. Покореніе Фасоса *Diod.* XI 70 помѣщаетъ подъ 464/3 г., слѣдующа, повидимому, своему хронологическому источнику. Поэтому отложеніе Фасоса слѣдуетъ отнести къ 466/5 году.

городъ и на третьемъ году послѣ отложенія принудилъ его къ сдачѣ. Фасосъ долженъ былъ отказаться отъ своихъ континентальныхъ владѣній съ ихъ богатыми золотыми рудниками, срыть свои укрѣпленія, уплатить военныя издержки и обязаться платить постоянную дань. Владычество Аѳинъ на еракійскомъ берегу было снова упрочено, но попытка основать колонію на нижнемъ Стримонѣ, гдѣ позже возникъ Амфиполисъ, потерпѣла неудачу: окрестныя еракійскія племена взяли за оружіе и уничтожили большую часть аѳинскаго войска. Самъ Кимонъ былъ по возвращеніи съ Фасоса привлеченъ къ суду, обвиненный въ томъ, что далъ подкупить себя македонскому царю Александру, который, очевидно, заступался за фасосцевъ; въ качествѣ обвинителя выступилъ молодой Периклъ, но процессъ окончился, какъ и слѣдовало ожидать, полнымъ оправданіемъ Кимона ¹⁾.

Таково было положеніе дѣлъ въ Аѳинахъ, когда Спарта обратилась къ аѳинянамъ съ просьбою о помощи противъ гелотовъ, занявшихъ Иѳому. Если съ формальной стороны Аѳины едва-ли были обязаны оказать ей эту поддержку ²⁾, то не могло быть сомнѣній, что отказъ съ ихъ стороны повлечетъ за собою разрывъ со Спартою, котораго Аѳины во что-бы то ни стало должны были избѣгать, пока еще продолжалась борьба съ персами. Такъ-же несомнѣнно было и то, что Спарта и собственными силами рано или поздно справится съ мессенцами. Но и помимо всѣхъ этихъ соображеній, личныя симпатіи Кимона къ Спартѣ должны были побуждать его пустить въ ходъ все свое вліяніе, чтобы склонить аѳинянь къ исполненію просьбы спартанцевъ. Тщетно противился этому Эфіальтъ, вождь преобразовательной демократической партіи; рѣшено было послать вспомогательный отрядъ, и самъ Кимонъ двинулся въ Мессенію во главѣ 4000 гоплитовъ (около 462 г.) ³⁾

Но результаты не соотвѣтствовали ожиданіямъ спартанцевъ. Передъ иѳомскими скалами оказалось безсильнымъ и прославленное осадное искусство аѳинянь. Далѣе, въ аѳинскомъ войскѣ было не мало людей, которые раздѣляли убѣжденіе Эфіальта, что для Аѳинъ ничего не можетъ быть выгоднѣе побѣды мессенцевъ. Какъ-бы то ни было, въ Спартѣ возникло подозрѣніе противъ аѳинскихъ союзниковъ, и

1) Thuc. I 101—2, Plut. *Cim.* 14, Diod. XI 70, Aristot. 'Аѳ. пол. 27, 1.

2) Müller-Strübing *Aristophanes* 279 сл.

3) Число по Aristoph. *Lysistr.* 1143; Thuc. говоритъ только: *πλήθει ὄχι δλίγῳ*. Походъ былъ предпринятъ послѣ покоренія Фасоса (463) и, безъ сомнѣнія, до демократическихъ реформъ Эфіальта (461); поэтому можно съ достаточной степенью достовѣрности отнести его къ 462 году.

такъ какъ для простаго оцѣпленія непріятельской позиціи было достаточно и пелопоннесской арміи, то спартанцы дали знать Кимону, что болѣе не нуждаются въ его услугахъ ¹⁾.

Это оскорбленіе вызвало полный переворотъ въ политической жизни Аѣинъ. Негодованіе, охватившее общество, естественно обратилось противъ виновника иѳомской экспедиціи и противъ партіи, которой онъ былъ вождемъ. Кимонъ потерялъ свое руководящее положеніе, которое онъ занималъ со времени изгнанія Ѳемистокла. Союзъ со Спартою былъ расторгнутъ ²⁾ и во главѣ государства сталъ Эфіальтъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ—четверть вѣка назадъ—было введено замѣщеніе должности архонтовъ посредствомъ жребія, демократическое движеніе въ Аѣинахъ пріостановилось ³⁾. Народъ былъ пока доволенъ достигнутымъ; притомъ, все его вниманіе было поглощено Персидской войною. Но существующій строй не могъ долго держаться. Обширныя полномочія, которыя Солонъ предоставилъ ареопагу и которыхъ не рѣшился отнять у послѣдняго и Клисеенъ, оправдывались тѣмъ соображеніемъ, что эта коллегія состоитъ изъ лучшихъ людей государства,—изъ тѣхъ, кто безукоризненно исполнилъ высшую государственную должность; но они сдѣлались нелѣпностью, съ тѣхъ поръ какъ жребій открылъ всѣмъ безъ исключенія доступъ къ званію архонта и самая эта должность потеряла, вслѣдствіе этого, послѣдніе остатки своего прежняго значенія. И помимо этого, предоставленіе столь широкихъ полномочій учрежденію, члены котораго оставались въ своемъ званіи всю жизнь и, слѣдовательно, фактически были свободны отъ всякой отвѣтственности,—противорѣчило самому духу конституціи. И вотъ Эфіальтъ предложилъ ограничить компетенцію ареопага уголовной юрисдикціей, которой у него невозможно было отнять изъ сакральныхъ соображеній; всѣ-же политическія функціи ареопага должны были быть переданы совѣту, народному собранію и, особенно, суду присяжныхъ (геміеѣ), которые, какъ мы знаемъ, избирались по жребію изъ всѣхъ аѣинскихъ

1) Thuc. I 102, Plut. Cim. 16 сл., Diod. XI 64.

2) Thuc. I 102, 4.

3) По свидѣтельству Аристотеля *АѢ. пол.* 23, власть въ государствѣ послѣ Персидскихъ войнъ перешла къ ареопагу, потому что онъ былъ виновникомъ саламинской побѣды, тогда какъ стратеги (значить, и Ѳемистоклъ) растерялись. Этотъ доводъ опредѣляетъ цѣну всего извѣстія; послѣднее должно объяснить, почему Эфіальтъ направилъ свои нападки противъ ареопага. Впрочемъ, тотъ же самый анекдотъ рассказывалъ уже Клидемъ (fr. 13 у Plut. Them. 10) о Ѳемистоклѣ. Притомъ, само собою понятно, что именно послѣ саламинской битвы меньше всего могла наступить политическая реакція; ср. Aristot. *Polit.* II 1274 а, VIII (V) 1304 а.

гражданъ, достигшихъ 30 лѣтняго возраста. Большое число судей— въ важныхъ случаяхъ до 1500—и переменъ ихъ состава для каждаго новаго дѣла ручались за то, что рѣшеніе геліеи будетъ соотвѣтствовать общественному мнѣнію ¹⁾).

Понятно, что Кимонъ и его приверженцы должны были оказать этимъ планамъ сильнѣйшее противодѣйствіе. Ихъ вліяніе все еще было такъ велико, что дѣло пришлось рѣшить остракизмомъ ²⁾. Народъ высказался противъ Кимона; побѣдитель при Эвримедонтѣ принужденъ былъ уйти въ изгнаніе, и предложенія Эфіальта получили силу закона (461 г.) ³⁾. Напрасно консерваторы прибѣгли съ послѣднему средству—къ убійству. Правда, Эфіальтъ палъ ⁴⁾, запечатлѣвъ смертью идею, которой посвятилъ свою жизнь; но его дѣло пережило его, и народные суды оставались съ тѣхъ поръ палладіумомъ аѳинской свободы.

Руководство партией и, вмѣстѣ съ тѣмъ, управленіе государствомъ перешли теперь къ Периклу, сыну Ксантиппа изъ Коларга, побѣдителя при Микале. Онъ былъ еще сравнительно молодъ, лѣтъ тридцати или нѣсколько старше ⁵⁾, и еще ни разу не имѣлъ случая отличиться на войнѣ, да и вообще не обладалъ выдающимся военнымъ талантомъ ⁶⁾. Можно даже сомнѣваться въ томъ, былъ-ли онъ великимъ государственнымъ человѣкомъ; по крайней мѣрѣ, мы напрасно

¹⁾ Aristot. 'Αθ. πολ. 25. Polit. II 1274 a. Philochor. fr. 141 b. Plut. Cim. 15. Diod. XI, 77. Анекдотъ, приводимый Аристотелемъ въ указ. мѣстѣ, по которому главную роль при низверженіи ареопага игралъ рядомъ съ Эфіальтомъ Θεμιστοκλῆς, — подобно всѣмъ анекдотамъ, не имѣетъ никакого историческаго значенія. Притомъ, онъ противорѣчитъ хронологіи, потому что Θεμιστοκλῆς, какъ мы знаемъ изъ Фукидида (выше, стр. 365), задолго до 462 года отправился въ изгнаніе. Вауэръ, который основываетъ на этомъ анекдотѣ новую хронологическую систему, самъ того не замѣчая, блестяще доказалъ этимъ ошибочность защищаемаго имъ мнѣнія (*Forschungen zu Aristoteles 'Αθηναίων Πολιτεία*, München 1891, ср. мой отзывъ въ *Hist. Zeitschr.* N. F. 34 стр. 292).

²⁾ Plut. Cim. 17, Per. 9, ср. Cim. 15. Очевидно, что остракизмъ долженъ былъ предшествовать реформѣ.

³⁾ Годъ (архонтъ Кононъ, 462/1) даетъ Arist. 'Αθ. πολ. 25, 2. Такъ какъ вопросъ объ остракизмѣ рѣшался весной, то реформа была произведена, вѣроятно, въ концѣ аттическаго должностнаго года.

⁴⁾ Aristot. I. с. 25, 4 (отсюда Plut. Per. 10), Diod. XI 77, Antiphon *объ убійствѣ Герода* 67. Изъ Aristot. I. с. 26, 2 слѣдуетъ, что Эфіальтъ былъ убитъ въ самый годъ реформы.

⁵⁾ Aristot. 'Αθ. πολ. 27, 1. Онъ родился, вѣроятно, въ первомъ десятилѣтіи вѣка, во всякомъ случаѣ—до изгнанія своего отца Ксантиппа (487/6 г.).

⁶⁾ Ср. Pfugk-Harttung *Perikles als Feldherr* Stuttgart 1884.

стали-бы искать въ его дѣятельности какихъ-нибудь дѣйствительно-творческихъ идей. Ему не удалось также удержать аѳинскую державу на той высотѣ, на которую возвели ееThemistocle и Кимонъ, и сходя съ политической сцены, онъ оставилъ въ наслѣдство Аѳинамъ войну, которая въ концѣ концовъ привела ихъ къ гибели. Но онъ былъ, какъ мы сказали-бы теперь, великимъ парламентскимъ дѣятелемъ. Какъ никто изъ его современниковъ, онъ умѣлъ силою своей рѣчи руководить массами и увлекать ихъ за собой¹⁾, и очень тонко чувствовалъ, чего требуетъ общественное мнѣніе. Семейныя связи открыли ему путь къ власти, и онъ-же опредѣлили его положеніе въ борьбѣ партій. Его мать Агариста была племянницей великаго Клисеена, основателя аѳинской народной свободы; такимъ образомъ, Периклъ былъ воспитанъ въ традиціяхъ партіи Алкмеонидовъ и во враждѣ къ Кимону, и это должно было заставить его примкнуть къ преобразовательной партіи, даже если-бы онъ не понималъ, что ей принадлежитъ будущее.

Итакъ, Периклъ продолжалъ дѣло, начатое Эфιάлтомъ. Чтобы демократизація народныхъ судовъ не осталась мертвой буквою, надо было дать бѣднѣйшимъ классамъ населенія матеріальную возможность принимать участіе въ засѣданіяхъ геліеи. По предложенію Перикла было рѣшено выдавать присяжнымъ жалованье²⁾ въ размѣрѣ двухъ оболъвъ за каждое засѣданіе—вознагражденіе, приблизительно равное низшему дневному заработку аѳинянина въ V столѣтіи. Эта мѣра была тѣмъ болѣе необходима, что иначе было-бы невозможно собрать нужное число судей, которое сильно возросло съ тѣхъ поръ, какъ въ аѳинскихъ судахъ стали разбираться и важнѣйшіе процессы союзниковъ. Результатомъ было то, что значительная часть аѳинскаго населенія скоро отвыкла отъ всякаго производительнаго труда и начала смотрѣть на судейское жалованье, какъ на свой главный источникъ пропитанія.

Отсюда было уже недалеко до мысли, что государство вообще должно заботиться о пропитаніи своихъ гражданъ. Громадныя общественныя постройки, возведенныя въ Аттікѣ въ правленіе Перикла (см. выше, стр. 339), были предприняты отчасти именно съ цѣлью дать заработокъ бѣднѣйшему классу³⁾. Нерѣдко также гражданамъ

¹⁾ Thuc. I 139, 4. Aristoph. *Acharn.* 530. Eupolis *Ἀἴμοι* fr. 9 Kock. Plut. *Per.* 5 и 8. Ср. Blass *Att. Beredsamkeit* I² стр. 34 сл. Но великіе ораторы рѣдко бывають великими государственными людьми: οἱ γὰρ ἐν σοφοῖς φαῖλοι παρ' ὀλίγῳ μονοκώτεροι λέγουσιν (Eur. *Hipp.* 988).

²⁾ Aristot. *Ἀθ. πολ.* 27, 4. *Polit.* II 1274 a, Plut. *Per.* 9.

³⁾ Plut. *Per.* 12.

раздавали хлѣбъ ¹⁾. Но что важнѣе всего, — политическое положеніе Аѳинъ давало возможность надѣлять землею за предѣлами Аттики тысячи аѳинскихъ гражданъ. Если нѣкоторыя изъ этихъ т. наз. клерухій были основаны, главнымъ образомъ, съ цѣлью обезпечить надежными гарнизонами важные стратегическіе пункты, то большею частью при устройствѣ колоній на первомъ планѣ стояли социальное-политическіе интересы, какъ на примѣръ при наръзкѣ земельныхъ участковъ аѳинскимъ гражданамъ въ Халкидѣ и Эретріи послѣ усмиренія Эвбеи въ 446 году, или на Лесбосѣ въ 427, потому что большинство гражданъ, получившихъ эти надѣлы, оставались жить въ Аѳинахъ, отдавая свои участки въ аренду туземцамъ ²⁾. Далѣе, неспособные къ работѣ граждане получали изъ казны пенсію, правда, очень скудную, — всего по оболу въ день, т. е. ровно столько, сколько было необходимо для покрытія самыхъ насущныхъ потребностей ³⁾. Дѣти павшихъ на войнѣ гражданъ также до совершеннолѣтія содержались на счетъ государства ⁴⁾.

Но этого мало. Уже тираны считали своимъ долгомъ увеселять народъ роскошными зрѣлищами, и въ этомъ отношеніи демократія не отставала отъ нихъ. Празднества, которыя устраивались въ Аѳинахъ во время правленія Перикла, по количеству и великолѣпію обстановки оставляли за собою все, что до тѣхъ поръ видѣли греки ⁵⁾.

Насколько остальные современные демократіи слѣдовали въ этомъ отношеніи примѣру Аѳинъ, мы не знаемъ, какъ не знаемъ и того, не подражалъ-ли самъ Периклъ въ своей политикѣ другимъ городамъ. Во всякомъ случаѣ, можно думать, что остальные государства, въ виду ограниченности своихъ финансовыхъ средствъ, тратили гораздо меньше на помощь «обездоленному» классу. Не слѣдуетъ также забывать, что и въ самыхъ Аѳинахъ правительство заботилось только о гражданахъ, т. е. о сравнительно небольшой части населенія Аттики, причемъ средства для этихъ расходовъ доставлялись союзниками. Слѣ-

¹⁾ Напр., въ 445 году 30,000 медимновъ, которые прислалъ въ подарокъ аѳинянамъ ливійскій князь Псамметихъ (сынъ Инара?) (Philochor. fr. 90, Plut. Per. 37). Для эпохи Пелопоннесской войны ср. Aristoph. *Осы* 717.

²⁾ Thuc. III 50 о лесбосской клерухіи. Что въ Эвбее (за исключеніемъ Орея) дѣло обстояло такимъ же образомъ, доказываетъ отпаденіе острова отъ Аѳинъ въ 411 году.

³⁾ Луз. *περὶ τοῦ ἀδυνάτου* 13, Aristot. *Ἀθ. πολ.* 49, 4. Позже пенсія была увеличена, очевидно потому, что въ IV вѣкѣ цѣны возросли и на одинъ оболъ невозможно было прожить, ср. Aristot. l. c., Philochor. fr. 68.

⁴⁾ Thuc. II 46.

⁵⁾ (Xenoph.) *Ἀθ. πολ.* 3, 1. 8; Plut. *Per.* 11.

довательно, и эта радикальная демократія фактически сводилась къ эксплуатаціи большинства меньшинствомъ.

Но все-таки демократическая идея была достаточно сильна, чтобы отразиться и на положеніи неполноправной и даже юридически безправной части населенія. Мы видѣли, что въ общемъ чужеземцы пользовались въ Аѣинахъ той-же защитой законовъ и такой-же свободой, какъ и граждане, и что они даже безъ большого труда могли приобрести право гражданства, пока, около середины вѣка, величина матеріальныхъ выгодъ, связанныхъ съ правомъ аттическаго гражданства, не заставила положить конецъ расширенію привилегированнаго класса. Даже рабы пользовались въ Аѣинахъ свободой, которой могли позавидовать небогатые граждане многихъ олигархическихъ государствъ. Никто не имѣлъ права обидѣть чужого раба ¹⁾, рабъ не долженъ былъ избѣгать гражданина на улицѣ, и въ одеждѣ не было никакой разницы между свободнымъ рабочимъ и рабомъ ²⁾. Рабъ, съ которымъ его господинъ дурно обращался, находилъ убѣжище въ Тесейонѣ и другихъ храмахъ, и могъ требовать, чтобы его продали другому господину ³⁾. Что могли позволять себѣ рабы въ домѣ, показываетъ комедія. Затѣмъ, рабы, знавшіе какое-нибудь ремесло, обыкновенно получали право работать самостоятельно подъ условіемъ уплаты господину умѣренной подати (*αποφορά*); такіе рабы фактически пользовались свободой и при нѣкоторой бережливости легко могли добиться полного освобожденія. Тѣмъ не менѣе, положеніе рабовъ въ Аѣинахъ было разумѣется очень печально; ихъ участь все-таки была въ рукахъ господина, а передъ судомъ можно было вынуждать у нихъ показанія пыткой.

И въ Греціи находились люди, которые требовали уничтоженія всего института. «Богъ всѣхъ насъ создалъ свободными; природа никого не сдѣлала рабомъ», говоритъ ораторъ Алкидамъ ⁴⁾, ученикъ Горгія, у котораго онъ несомнѣнно заимствовалъ этотъ взглядъ, представляющій логическій выводъ изъ ученія софистовъ о превосходствѣ естественнаго права надъ человѣческими законами. Правда, это радикальное требованіе не могло рассчитывать на успѣхъ въ такую эпоху, когда промышленность основывалась почти исключительно

1) Demosth. *prot. Mud.* 46, Aesch. *prot. Tim.* 17.

2) (Xenoph.) *'Aθ. πολ.* I 10.

3) Plut. *Thes.* 36, Polydeuc. VII 13.

4) Alcidas. *Messen.* fr. 1 у Schol. Aristot. *Rhet.* I 13. 2, Что не онъ одинъ держался такого мнѣнія, показываетъ Aristot. *Politi.* I 1253 в. Ср. *Опскен Staatsl. des Aristoteles* II 32.

на рабскомъ трудѣ, — тѣмъ болѣе, что большая часть рабовъ въ греческихъ государствахъ состояла изъ варваровъ, которыхъ считали низшими существами, самой природою обреченными на рабство. Но въ одномъ отношеніи агитація въ пользу человѣческихъ правъ не осталась безуспѣшной. То жестокое военное право, которое обращало врага въ раба побѣдителя, начало терять почву въ общественномъ мнѣніи, по крайней мѣрѣ поскольку дѣло шло о грекахъ. Когда въ 427 году отложившійся союзный городъ Митилена снова покорился Аѣинамъ, то въ первую минуту ожесточенія народъ постановилъ казнить взрослыхъ гражданъ города, а женщинъ и дѣтей продать въ рабство, но на другой же день отмѣнилъ это рѣшеніе и оставилъ митиленцамъ жизнь и свободу ¹⁾. Спартанскій адмиралъ Калликратидъ послѣ взятія Меѣимны въ 406 году не лишилъ свободы ни одного изъ гражданъ города ²⁾. Такъ же поступилъ въ слѣдующемъ году Лисандръ, взявъ Лампсакъ ³⁾. Правда, эти начала далеко еще не достигли всеобщаго признанія, но первый шагъ къ выработкѣ болѣе гуманнаго военнаго права былъ сдѣланъ.

Демократическое движеніе должно было отразиться и на положеніи женщинъ. Совершенно неправильно думать, что положеніе греческой женщины въ классическую эпоху было унижительно или даже ухудшилось со времени Гомера. Напротивъ, мы уже видѣли, что въ VII вѣкѣ покупка невѣсты вышла изъ употребленія и что, наоборотъ, невѣсту стали снабжать приданымъ. Но до V столѣтія обращали вниманіе только на законное происхожденіе невѣсты и не придавали никакой цѣны тому, пользовалась ли семья ея матери правомъ гражданства въ государствѣ. Какъ у Гомера микенянинъ Агамемнонъ предлагаетъ свою дочь въ жены феіотійцу Ахиллесу, какъ Гекторъ женится на дѣвушкѣ изъ мисійскихъ Фивъ, такъ еще мать Клизеена была родомъ изъ Сикіона, а мать Кимона — дочерью еракійскаго князя, и, однако, никому не приходило въ голову оспаривать принадлежность того или другого къ числу полноправныхъ аѣинскихъ гражданъ ⁴⁾. Теперь дѣло измѣнилось. Въ 451/0 году по предложенію Перикла было

1) Thuc. III 36—49.

2) Xenoph. *Hell.* I 6. 14.

3) Xenoph. *Hell.* II 1, 19. Характерно, что въ этомъ случаѣ Ксенофонтъ только констатируетъ фактъ, тогда какъ поступокъ Калликратиды въ Меѣимнѣ онъ необыкновенно восхваляетъ, въ чемъ конечно подражаютъ ему и новѣйшіе ученые.

4) Поэтому, если матьThemistocle действительно была чужестранкой, то это еще не даетъ права признавать побѣдителя при Саламинѣ *иѳотос*.

постановлено, что правомъ аѳинскаго гражданства долженъ пользоваться только тотъ, чьи отецъ и мать были полноправными гражданами ¹⁾; такіе же законы были изданы и въ остальныхъ греческихъ государствахъ, такъ что съ этихъ поръ нужны были особые договоры, чтобы браки между гражданами различныхъ государствъ могли считаться законными.

Если въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ эти законы и носятъ реакціонный характеръ, то съ другой стороны они свидѣтельствуютъ о томъ, что женщина стала пользоваться большимъ уваженіемъ. Дѣйствительно, въ Спартѣ женщины задавали тонъ въ обществѣ, и значительная часть имущества находилась въ ихъ рукахъ ²⁾. Свободное обращеніе между полами, которое господствовало здѣсь, представляло большой соблазнъ для грековъ изъ другихъ областей ³⁾. Въ Аѳинахъ, въ Іоніи и вообще въ бѣльшей части Греціи дѣятельность женщинъ ограничивалась преимущественно домашнимъ хозяйствомъ; но въ этой области онѣ отлично умѣли отстаивать свое господство, и не одна изъ нихъ держала мужа подъ башмакомъ ⁴⁾. Кто женился на богатой женщинѣ, тотъ не разъ имѣлъ случай убѣдиться, что потерялъ свою свободу ⁵⁾. Въ рѣзкомъ противорѣчій съ этими фактическими отношеніями стояла юридическая зависимость женщины отъ мужчины, и это противорѣчіе сильно давало себя чувствовать ⁶⁾. Многие сознавали необходимость эмансипировать женщинъ, и этотъ вопросъ, очевидно, часто обсуждался въ Аѳинахъ, если Аристофанъ могъ сдѣлать его предметомъ своей прелестной пародіи въ *Экклесіадзусахъ*. Просвѣщенные люди понимали, что прежде всего необходимо преобразовать систему женскаго воспитанія, потому что именно то новое образованіе, которое распространяли софисты, способствовало увеличенію пропасти между полами. Характерно, что V столѣтіе уже не произвело ни одной выдающейся поэтессы. Правда, это требованіе легче было поставить, чѣмъ осуществить, потому что, при господствовавшихъ социальныхъ предразсудкахъ, греческая дѣвушка не имѣла никакой возможности пріобрѣсти высшее образованіе, если не хотѣла переступить границъ

¹⁾ Aristot. *Ἀθ. Πολ.* 26, 4. Изъ вышесказаннаго ясно, что въ этомъ законѣ нельзя видѣть возобновленія стараго и забытаго постановленія, и что объясненіе Аристотеля, будто законъ былъ изданъ *διὰ τὸ πλῆθος τῶν πολιτῶν*, совершенно не соотвѣтствуетъ дѣйствительности.

²⁾ Aristot. *Polit.* II 1269 в. Plut. *Лyc.* 14, *Agis* 7.

³⁾ Eurip. *Andr.* 595 слл.

⁴⁾ Ср. напр. анекдотъ, приведенный у Plut. *Them.* 18.

⁵⁾ Eurip. *Melanippe Desmotis* 504, и т. п.

⁶⁾ Eurip. *Med.* 230 слл.

общепринятой морали,— шагъ, котораго ни одна женщина не можетъ сдѣлать безнаказанно.

Однако находились женщины, которыя имѣли достаточно мужества, чтобы пренебречь этими предразсудками и вступать въ школы софистовъ; общество смотрѣло на нихъ, конечно, какъ на гетеръ, и въ извѣстномъ смыслѣ онѣ обыкновенно оправдывали это названіе. Мужчины были, разумѣется, очарованы этимъ новымъ явленіемъ; здѣсь они находили то, чего напрасно искали дома— развитое и интересное женское общество. Такимъ образомъ, эти «гетеры» сдѣлались оживляющимъ элементомъ греческаго и, въ особенности, аѳинскаго общества; въ ихъ пріемныхъ собиралась не только «золотая молодежь», но и великіе философы, художники и государственные люди; даже самъ Сократъ не пренебрегалъ ихъ знакомствомъ. Конечно, мы не должны прилагать къ этимъ женщинамъ мѣрки общепринятой морали; онѣ дѣйствительно были эмансипированы во всѣхъ отношеніяхъ; но не слѣдуетъ также забывать, какое могущественное вліяніе онѣ имѣли на культурное развитіе Греціи. Онѣ впервые снова показали грекамъ идеаль образованной женщины, и если гречанка эллинистической эпохи снова сдѣлалась подругой и сотрудницей мужа, то это была опять-таки заслуга гетеръ; разъ эта цѣль была достигнута, ихъ руководящая роль въ обществѣ должна была кончиться.

Самой знаменитой изъ этихъ эмансипированныхъ женщинъ V вѣка была красивая и талантливая милетянка Аспасія. Она переселилась въ Аѳины между 450 и 440 гг. ¹⁾ Здѣсь она съумѣла настолько привязать къ себѣ правителя государства, Перикла, что онъ ради нея бросилъ свою знатную жену. Дѣло, конечно, не обошлось безъ большого скандала, и комедія безпрестанно возвращалась къ этой благодарной темѣ; но Периклъ все-таки добился того, что большая часть аѳинскаго общества признала Аспасію равной себѣ и что даже женщины изъ лучшихъ фамилій города не стѣснялись посѣщать ея собранія. Правда, при господствующихъ предразсудкахъ, это подвергало опасности ихъ доброе имя, и обвиненіе, которое позже предъявилъ противъ Аспасіи Гермиппъ, основывалось отчасти именно на томъ, что она склоняла свободныхъ аѳинянокъ къ безнравственному образу жизни ²⁾. Во всякомъ случаѣ, Периклъ не могъ сдѣлать ее

¹⁾ Ея сынъ, младшій Периклъ, уже давно былъ взрослымъ человекомъ, когда Эпюполисъ поставилъ на сцену свои *Ἀἴμοι* (между 420 и 416 гг., см. fr. 98 Kock), значить онъ родился, вѣроятно, до 440 года; въ 410 году онъ сдѣлался *ἑλληνοταμίης*, въ 406—стратегомъ.

²⁾ Plut. *Per.* 24, Aeschin. *Socrat.* у Cic. *de inv.* I 31.

своей законной женою, потому что между Аѳинами и Милетомъ не существовало эпигаміи; но сынъ, котораго родила ему Аспасія, былъ позже признанъ законнымъ и, несмотря на сильное противодѣйствіе, достигъ высшей должности въ государствѣ—стратегіи.

Характерно, съ какой легкостью Периклъ переступилъ границы общепринятой морали. Онъ дѣйствовалъ въ этомъ отношеніи совершенно въ духъ своего времени; передъ естественнымъ правомъ любви должны были отступить всѣ права брака, основанныя на человѣческихъ законахъ. Вообще, основное стремленіе этого вѣка — освободиться отъ всякаго принужденія, въ какой бы формѣ оно ни проявлялось, и можетъ быть никогда болѣе этотъ идеалъ не былъ осуществленъ въ такой степени, какъ въ Аѳинахъ IV вѣка. Здѣсь господствовала, прежде всего, неограниченная свобода слова (*παρρησία* и *ἰσχυρία*); аѳиняне справедливо гордились ею и предоставляли ее отчасти даже метѣкамъ и рабамъ ¹⁾. Даже на сценѣ долгое время можно было поносить и осмѣивать любого гражданина, каково бы ни было его общественное положеніе; законъ 440 года, ограничившій эту свободу, былъ отмѣненъ уже черезъ три года ²⁾. Но позже (426 г.?) было запрещено, по крайней мѣрѣ, выводить на сцену подъ собственными именами магистратовъ, еще находящихся въ должности ³⁾; въ общемъ же комедія попрежнему сохраняла право критиковать существующіе порядки. И вообще законъ лишь настолько вмѣшивался въ частную жизнь гражданъ, насколько это было безусловно необходимо. Вольность, которая вытекала отсюда, имѣла, конечно, и дурныя стороны ⁴⁾, но она была во всякомъ случаѣ несравненно лучше мелочной полицейской регламентаціи олигархическихъ государствъ, не говоря уже о военной дисциплинѣ Спарты ⁵⁾.

Несмотря на все это, власть, даже въ Аѳинахъ, еще долго оставалась въ рукахъ знати. На должность стратеговъ до начала Пелопоннесской войны избирались почти исключительно знатные ⁶⁾, хотя доступъ къ этому званію былъ открытъ для каждаго гражданина, который имѣлъ дѣтей отъ законнаго брака и недвижимое имущество.

1) Demosth. *вр. Филиппа* 3.

2) Schol. Aristoph. *Acharn.* 67.

3) Schol. Aristoph. *Acharn.* 1150 *ср.* Schol. *Птими* 1297, [Xenoph.] 'Aθ. *Πολ.* II 18, Keck *Quaest. Aristoph. hist.*, Halle 1876.

4) *Ср.* довольно впрочемъ безобидную каррикатуру *ἀνὴρ ἰσωνομικός* у Платона *Polit.* VIII p. 561.

5) *Ср.* Thuc. II 37. 2.

6) [Xenoph.] 'Aθ. *Πολ.* I 3, Eupolis fr. 117 Kock, Aristot. 'Aθ. *Πολ.* 26, 1.

Точно такъ же обстояло дѣло въ остальныхъ греческихъ демократіяхъ, напримѣръ въ Сиракузахъ ¹⁾). И могло ли быть иначе, когда крупныя богатства заключались еще главнымъ образомъ въ землѣ и сосредоточивались въ рукахъ знатныхъ фамилій?

Этотъ порядокъ вещей конечно вызывалъ противъ себя оппозицію. Геродотъ насмѣхается надъ логографомъ Гекатеемъ, который въ одномъ мѣстѣ своего сочиненія перечислялъ своихъ 15 предковъ, включая и божественнаго родоначальника своего рода ²⁾). Эврипидъ не упускаетъ случая доказать всю нелѣпость притязаній знати ³⁾, а софистъ Ликофронъ полагаетъ, что красота знати очень сомнительна, а ея вліяніе основывается только на предразсудкѣ ⁴⁾.

Успѣху этой агитаціи значительно содѣйствовало экономическое развитіе, которое поставило богатства, пріобрѣтенныя посредствомъ торговой или промышленной дѣятельности, наравнѣ съ землевладѣніемъ. Кроме того, политическія бѣдствія послѣднихъ десятилѣтій V вѣка способствовали объединенію значительной части знати, причемъ каждый могъ собственными глазами видѣть, чего стоитъ «благородное» происхожденіе безъ богатства. И вотъ въ 425 году кожевникъ Клеонъ достигаетъ въ Афинахъ той самой должности, которую раньше занимали Кимонъ и Перикль. Аѳинской аристократіи и ея приспѣшникамъ это казалось началомъ конца—не потому, чтобы Клеонъ былъ неспособнымъ государственнымъ человѣкомъ: онъ не былъ имъ, или, по крайней мѣрѣ, въ гораздо меньшей степени, чѣмъ его аристократическій противникъ Никій,—а потому, что онъ собственными силами выбился изъ народа. Но ничто не помогло—ни язвительныя насмѣшки, которыми комедія безпрестанно осыпала Клеона, ни даже то, что его политика, наконецъ, потерпѣла полную неудачу при Амфиполисѣ. Когда онъ палъ, его мѣсто заняли другіе люди изъ народа, и со времени попытки олигархической реакціи 404/3 года знать была почти совершенно устранена отъ правленія государствомъ. Съ этихъ поръ въ Афинахъ существуетъ только противоположность между зажиточнымъ и неимущимъ классомъ, и то же самое наблюдается во всѣхъ греческихъ государствахъ, которыя усвоили демократическій строй или прошли чрезъ школу демократіи. Каждый образованный и состоятельный

1) Diod. XIII 91. 5.

2) Herod. II 143.

3) Напр. *Electra* 385. 351, fr. 22. 53. 54, 345. 514.

4) У Аристотеля, fr. 91 Rose.

человѣкъ претендуетъ, по выраженію той эпохи, на имя «джентльмена» (*καλὸς καγαθός*) или знатнаго (*γνώριμος*) ¹⁾. Этимъ была завершена демократизація греческаго общества.

¹⁾ См. мою *Att. Politik*, стр. 2—6.

ГЛАВА XIV.

Періодъ политическаго равновѣсія.

Во времена Дарія и Ксеркса Спарта была единственной великой державой Греціи; никто не пытался оспаривать у нея предводительство въ борьбѣ съ персами, и даже на морѣ аѣиняне добровольно подчинились ея начальству, несмотря на превосходство своего флота. Это положеніе вещей измѣнилось со времени основанія делосскаго союза. Спарта скоро замѣтила, какую большую ошибку она сдѣлала, отказавшись отъ дальнѣйшаго участія въ Персидской войнѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и отъ господства на морѣ; и, по крайней мѣрѣ, одна партія настойчиво требовала, чтобы Спарта исправила свою ошибку, пока еще не поздно. Удобный случай для этого представился въ ту минуту, когда могущественный Фасосъ возсталъ противъ Аѣинъ и обратился за помощью къ Спартѣ. Дѣйствительно, есть извѣстіе, что спартанцы готовились уже двинуть войско въ Аттику, когда возстаніе гелотовъ принудило ихъ употребить всѣ силы на защиту своей собственной страны ¹⁾).

Такимъ образомъ, до поры до времени миръ между обоими передовыми государствами Греціи оставался ненарушеннымъ; мы видѣли, что аѣиняне отправили даже войско противъ засѣвшихъ въ Иѣомѣ мессенянъ, и только оскорбленіе, которое нанесли имъ спартанцы, отославъ обратно ихъ вспомогательный отрядъ, заставило Аѣины измѣнить свою политику. Крайняя демократическая партія, въ руки которой перешло теперь управленіе государствомъ (см. выше, стр. 368), объявила расторгнутымъ союзъ со Спартою, заключенный во время Персидскихъ войнъ, и вмѣсто того вступила въ союзъ съ заклятыми врагами Спарты, аргивянами. Къ Аѣинамъ и Аргосу вскорѣ примкнула и Фессалія, гдѣ еще жива была память о походѣ Леотихида ²⁾).

¹⁾ Thuc. I 101, ср. выше стр. 366.

²⁾ Thuc. I 102.

Отъ словъ тотчасъ перешли къ дѣлу. Между Мегарою и Коринѳомъ, которые оба были въ союзѣ со Спартою, изъ-за пограничныхъ споровъ вспыхнула война; такъ какъ Спарта не хотѣла или не могла подать помощь Мегарѣ, то послѣдняя отложила отъ пелопоннескаго союза и обратилась къ Аѳинамъ, съ которыми ее связывала не только общность демократическаго устройства, но и экономическіе интересы. Аттическіе гарнизоны заняли главный городъ области и портъ Паги на Коринѳскомъ заливѣ; самый городъ, отстоявшій отъ моря приблизительно на 1½ километра, былъ соединенъ со своей гаванью Нисеей двумя рядами укрѣпленій, чѣмъ предотвращена была опасность быть запертымъ съ суши ¹⁾).

Такимъ образомъ, война между Коринѳомъ и Мегарою превратилась въ войну между Коринѳомъ и Аѳинами. Коринѳъ заключилъ союзъ съ городами арголидскаго побережья, Эпидавромъ, Герміоной и Галикою. Попытка аѳинянъ высадиться въ области Галики, на южной оконечности Арголиды, была отбита; зато аѳиняне одержали морскую побѣду при небольшомъ островѣ Кекрифалии вблизи Эпидавра. Теперь на сторону Коринѳа перешла и Эгина, старая соперница Аѳинъ. Однако, несмотря на испытанное морское искусство эгинетовъ и хотя 200 триеръ Аѳинъ и ихъ союзниковъ были заняты въ Египтѣ борьбой съ персами, — аѳиняне и на этотъ разъ одержали верхъ. Неподалеку отъ Эгины пелопоннесскій флотъ былъ разбитъ на голову и побѣдителямъ досталось 70 триеръ; съ этого дня значеніе Эгины, какъ морской державы, падаетъ. Аѳиняне тотчасъ-же отправили войско на островъ и осадили его столицу. Коринѳяне, которые попытались отвлечь ихъ набѣгомъ въ Мегариду, были отбиты съ большимъ урономъ (458) ²⁾).

Спарта не могла долѣе оставаться безучастной зрительницей аѳинскихъ побѣдъ. Иѳома все еще держалась; но мятежники были уже настолько ослаблены, что по крайней мѣрѣ часть пелопоннескихъ

1) Thuc. I 103.

2) Thuc. I 105—6; отсюда чрезъ вторыя руки Diod. XI 78. 79. Списокъ павшихъ въ этихъ сраженіяхъ изъ филы Эрехеисъ—CIA. I 433; надпись доказываетъ, что все эти событія произошли въ одномъ и томъ же году (*τοῦ αὐτοῦ ἐνιαυτοῦ*), притомъ въ одномъ и томъ же *естественномъ* году, потому что торжественныя похороны павшихъ въ битвѣ воиновъ совершались въ Аѳинахъ обыкновенно поздней осенью (Thuc. II 34, 1), а памятники были, конечно, воздвигнуты именно при этомъ случаѣ. Это—годъ, предшествовавшій битвѣ при Танарѣ, которая въ надписи не упоминается, но которая не могла произойти позже слѣдующаго года. См. ниже стр. 382, прим. 1.

силъ можно было употребить на какое-нибудь другое предпріятіе. Въ 457 г. около половины союзной арміи—11.500 тяжеловооруженныхъ—двинулось въ среднюю Грецію. Команду вручили брату Павсанія, Никомеду, который былъ въ это время регентомъ за своего малолѣтняго племянника, сына Павсанія, Плейстоанакса, только что смѣнившего на престолѣ Агіадовъ своего двоюроднаго брата, Плейстарха. Пока мессенское возстаніе не было окончательно подавлено, Спарта хотѣла избѣгнуть открытой войны съ Аѣинами; поэтому предлогомъ для вторженія въ Среднюю Грецію была выставлена распря между дорями, жившими въ долинѣ Кефиса, и фокейцами. Дориду удалось отстоять безъ единой битвы, потому что фокейцы были слишкомъ слабы, чтобы противостоять такой арміи. Теперь стали обнаруживаться истинныя цѣли спартанской политики. Никомедъ перешелъ беотійскую границу и сталъ лагеремъ близъ Фивъ, которыя встрѣтили его съ открытыми объятіями. Онъ находился въ сношеніяхъ съ представителями олигархической партіи въ Аѣинахъ и ждалъ повода для набѣга.

Аѣиняне поняли опасность и рѣшили предупредить ее. Все гражданское ополченіе было призвано къ оружію, изъ Аргоса, Фессаліи и городовъ морского союза были вытребованы вспомогательные отряды. Несмотря на то, что значительная часть аттическихъ силъ находилась въ Египтѣ и на Эгинѣ, образовалось войско въ 14.000 гоплитовъ, по количеству почти равное соединенной арміи пелопоннесцевъ и ѳиванцевъ. Аѣиняне рѣшили дѣйствовать наступательно. Враги встрѣтились между Танагрою и Фивами; здѣсь аѣиняне и лакедемоняне впервые помѣрялись силами въ открытомъ полѣ. Битва была очень кровопролитна, и побѣда осталась за пелопоннесцами,—какъ говорили аѣиняне—вслѣдствіе измѣны ѳессалійской конницы, которая во время сраженія перешла на сторону враговъ. Однако, побѣжденнымъ удалось отступить изъ Беотіи безъ большихъ потерь, а сами пелопоннесцы были настолько ослаблены, что Никомедъ не рѣшился вторгнуться въ Аттику. Аѣинскіе олигархи тщетно ждали обѣщанной помощи. Побѣдители удовольствовались тѣмъ, что принудили областные города Беотіи возобновить свой союзъ съ Фивами, расторгнутый двадцать лѣтъ назадъ, послѣ битвы при Платеяхъ. При этомъ имѣлось въ виду создать противовѣсъ для Аѣинъ, который впредь мѣшалъ бы послѣднимъ дѣйствовать наступательно противъ Пелопоннеса. Отсюда Никомедъ двинулся на югъ чрезъ Мегариду и проходы Гераніи; отрѣзать ему отступление аѣиняне не рѣшились ¹⁾).

¹⁾ Thuc. I 107. 108. Diod. XI 79—81. Paus. I 29, 6. 9. Надпись на па-

Такимъ образомъ средняя Греція была снова предоставлена самой себѣ, и Аеины не замедлили воспользоваться удобнымъ моментомъ. Какъ только разбитое при Танагрѣ войско оправилось, аеиняне, подъ предводительствомъ Миронида, снова перешли беотійскую границу. Основанный недавно союзъ не былъ въ состояніи собственными силами выдержать натискъ, противъ котораго только съ трудомъ устояли пелопоннесцы. Въ «Виноградникахъ» (Энофиты) аеиняне на голову разбили беотійское союзное войско, на 62-й день послѣ битвы при Танагрѣ. Послѣдствіемъ этого удара было распаденіе союза. За Фивами снова осталась только ихъ собственная область, а всѣ остальные города Беотіи вступили въ тѣсный союзъ съ Аеинами; ихъ примѣру послѣдовали Фокида и опунтская Локрида, первая—добровольно, вторая—по принужденію. Такимъ образомъ, вся область отъ Исѣма до Фермопиль, за исключеніемъ однихъ только Фивъ, подчинилась аеинской гегемоніи ¹⁾. Зато попытка овладѣть и Фессаліей, сдѣланная аеинянами въ слѣдующемъ году, осталась безуспѣшной ²⁾.

Другимъ послѣдствіемъ битвы при Энофитахъ была капитуляція Эгины, осада которой не была прервана несмотря на опасность, угрожавшую самой Атикѣ. Условія сдачи были очень тяжелы: Эгина принуждена была выдать аеинянамъ свой военный флотъ, скрыть стѣны и вступить въ морской союзъ, причемъ обязывалась вносить ежегодно по 30 талантовъ, сколько не платилъ въ это время ни одинъ изъ

мятника, который пелопоннесцы воздвигли въ Олимпіи въ память этой побѣды,—у Павсанія (V 10, 4); обломки этого памятника были найдены при раскопкахъ (IGA. 26 а). Такъ какъ Плейстоанаксъ вступилъ на престолъ въ 458 г. (Diod. XIII, 75), то битва при Танагрѣ не могла произойти раньше этого года. Діодоръ помѣщаетъ ее въ архонтство Габрона (458/7), а битву при Энофитахъ въ архонтство Мнесееида (457/6); и дѣйствительно, очень вѣроятно, что оба эти сраженія произошли въ два различныхъ аттическихъ года, такъ какъ оба они произошли, очевидно, въ хорошее время года и между обоими лежалъ промежутокъ въ 60 дней (Thuc. I 180. 2, ср. *Rivista di Filol.* V стр. 453). Итакъ, Діодоръ, повидимому, заимствовалъ эти свѣдѣнія изъ своего хронологическаго источника; поэтому мы и будемъ придерживаться ихъ. Повидимому, и Теопомпъ помѣщалъ сраженіе въ годъ Габрона, такъ какъ, по его словамъ, Кимонъ былъ призванъ изъ изгнанія „прежде, чѣмъ прошло пять лѣтъ“, и притомъ именно вслѣдствіе пораженія при Танагрѣ (fr. 92, *Neros Cim.* 3; ср. *Plut. Cim.* 17). Вполнѣ точной даты при современномъ состояніи матеріала невозможно получить; остается выборъ между тремя годами: 458, 457 и 456.

1) Thuc. I 108, Diod. XI 81—83. Что Фивы сохранили свою независимость, это прямо говоритъ Діодоръ и косвенно подтверждаетъ Фукидидъ (III 62, 5).

2) Thuc. I 111, Diod. XI 83.

городовъ союза ¹⁾. Сосѣдній Трезенъ также перешелъ теперь на- сторону аеинянъ ²⁾.

Около этого-же времени было исполнено громадное предпріятіе, которое должно было завершить оборонительную систему Аеинъ: городъ былъ соединенъ со своими гаванями двойной линіей укрѣпленій. Это была грандіозная постройка, какой до тѣхъ поръ не существовало въ Греціи; достаточно сказать, что разстояніе отъ Аеинъ до Пирея было равно 40, до Фалерона 35 стадіямъ, т. е. въ первомъ случаѣ 7, во второмъ 6 километрамъ. Теперь Аеинамъ при всякихъ обстоятельствахъ было обезпечено сообщеніе съ моремъ, хотя бы въ Атику вторгся сильнѣйшій непріятель; въ этомъ случаѣ уже не пришлось-бы покидать городъ и искать убѣжища въ Пиреѣ—отчаянное средство, къ которому думалъ прибѣгнуть ещеThemistocle.

Впрочемъ, опасность непріятельскаго нашествія казалась пока надолго отсроченной. Напротивъ, теперь сами аеиняне, получивъ, благодаря паденію Эгины и завоеванію Беотіи, полную свободу дѣйствій, рѣшили перейти въ наступленіе. Подъ начальствомъ Толмида былъ отправленъ флотъ къ берегамъ Лаконіи, очевидно съ цѣлью отвлечь вниманіе спартанцевъ отъ мессенянъ, которые все еще держались на высотахъ Иеомы. Дѣйствительно, Толмиду удалось разрушить спартанскій арсеналь въ Гиеѣ и овладѣть Мееоной на мессенскомъ берегу; однако, когда явились спартанцы, Мееону пришлось оставить. Такимъ образомъ, главная цѣль похода не была достигнута. Толмидъ предоставилъ мессенянъ ихъ собственной участи и обратился въ Этолію, гдѣ овладѣлъ коринѳской колоніей Халкидой и сильнымъ Навпактомъ въ области озольскихъ логовъ (456 или 455) ³⁾. Около этого же времени примкнула къ Аеинамъ и Ахея ⁴⁾.

1) Thuc. I 108. По Діодору (XI 78) осада продолжалась 9 мѣсяцевъ, что противорѣчитъ свидѣтельству Фукидида.

2) Этотъ городъ оставался во власти аеинянъ до мира 446 г. (Thuc. I 115); въ какое время онъ вступилъ въ союзъ съ Аеинами, объ этомъ источники не сообщаютъ.

3) Thuc. I 108, Diod. XI 84, Schol. Aesch. *περὶ παρακρ.* 78, который, согласно съ Діодоромъ, относитъ экспедицію къ 456/5 н. Совершились ли эти событія въ первой или второй половинѣ года, т. е. въ 456 или 455,—рѣшить невозможно. Навпактъ былъ взятъ незадолго (*νεωστί*) до капитуляціи Иеомы (455; Thuc. I 103, 3); а такъ какъ наши источники не сообщаютъ о какихъ-либо предпріятіяхъ Аеинъ въ этихъ областяхъ до похода Толмида, и кромѣ того, въ предшествующіе годы аеинскія силы были заняты въ другихъ мѣстахъ, то нѣтъ никакихъ основаній сомнѣваться въ правильности извѣстія Діодора, по которому Навпактъ былъ взятъ Толмидомъ. Молчаніе Фукидида не доказываетъ противнаго, потому что онъ уже раньше говорилъ о взятіи города—

4) Едва ли Ахея могла войти въ союзъ раньше этого времени; съ дру-

Дольше мессеняне не могли держаться на Иеомѣ; послѣ десятилѣтняго сопротивленія всѣмъ военнымъ силамъ Спарты, они капитулировали въ 455 году на условіи свободнаго пропуска. Аѣиняне отвели имъ мѣста для поселенія въ только-что завоеванномъ Навпактѣ ¹⁾. Чтобы упрочить аѣинское вліяніе въ этихъ областяхъ, Периклъ въ слѣдующемъ году (454) предпринялъ изъ Пагъ въ Мегаридѣ экспедицію по Коринескому заливу и осадилъ крѣпкія Эніады, расположенныя среди болотъ у устья Ахелоя; но городъ оказалъ мужественное сопротивленіе, и Периклъ принужденъ былъ уйти ни съ чѣмъ ²⁾.

Между тѣмъ персидская война шла своимъ порядкомъ. Радикальная демократія, смѣнившая Кимона въ правленіи государствомъ, была не менѣе убѣждена въ необходимости энергичной наступательной войны противъ персидскаго царя, чѣмъ самъ Кимонъ ³⁾. И какъ разъ въ то время, когда въ Аѣинахъ совершался политическій переворотъ, представился для этого необыкновенно благоприятный случай. Въ 465 году умеръ Ксерксъ, и его сыну Артаксерксу только послѣ долгихъ неурядицъ удалось упрочить за собой престолъ. Въ это время, какъ нѣкогда послѣ смерти Дарія, въ Египтѣ вспыхнуло возстаніе (463). Во главѣ движенія сталъ ливіецъ Инаръ, князь Марей (вблизи позднѣйшей Александріи). Сатрапъ Ахемень, дядя царя, потерпѣлъ сильное пораженіе при Папремидѣ въ западной части Дельты, и самъ палъ въ битвѣ. Нижній Египетъ былъ освобожденъ отъ персидскаго владычества; но Инаръ хорошо понималъ; что только въ союзѣ съ Аѣинами онъ могъ надѣяться удержать за собою страну и совершенно очистить ее отъ персовъ. Въ это время 200 триеръ аѣинянь и ихъ со-

гой стороны, во время прохода Перикла черезъ эту страну (454), ахейцы являются уже аѣинскими союзниками (Thuc. I 111, 3, Plut. Per. 19).

1) Thuc. I 103. Его извѣстіе, что возстаніе кончилось *δεκάτω ἔτει*, пытались посредствомъ произвольной конъектуры измѣнить въ *τετάρτω ἔτει*. Но уже источникъ Діодора (XI 64, ср. XI 84) читалъ такъ же, какъ и мы. Притомъ, вѣдѣвшая политика Спарты во время аѣино-коринео-египетской войны понятна только въ томъ случаѣ, если предположить, что Иеома тогда еще держалась. И вообще нелѣпо искать въ краткомъ разсказѣ Фукидида о Пентеконтаэтии строго-анналистическаго расположенія фактовъ.

2) Thuc. I 111, Diod. XI 85 (=XI 88), Plut. Per. 19. Походъ былъ совершенъ за три года до заключенія пятилѣтняго перемирія (Thuc. I 112), срокъ котораго истекъ уже до лѣта 446 г.; слѣдовательно, экспедицію Перикла можно отнести — самое позднее — къ 454 г.; а такъ какъ Фукидидъ разсказываетъ о ней послѣ египетскаго похода, то она вѣроятно произошла именно весною этого года.

3) Каллизеень (у Плутарха *Cim.* 14) упоминаетъ объ экспедиціи Эсіальта противъ персовъ; она относится, вѣроятно, ко времени асосской войны.

юзниковъ стояли на якорѣ близъ Кипра; по приглашенію египетскаго царя этотъ флотъ вошелъ въ Нилъ (около 460 г.) и очистилъ рѣку отъ персидскихъ кораблей. Затѣмъ была занята столица государства, Мемфисъ; только въ сильно-укрѣпленной цитадели, въ «бѣломъ замкѣ» (*λευκὸν τεῖχος*), еще держались остатки непріятельской арміи ¹⁾).

Теперь Артаксерксъ сдѣлалъ попытку побудить лакедемонянъ къ войнѣ съ Аѳинами; но хотя его посолъ Мегабазъ не жалѣлъ денегъ, Спарта не рѣшилась вступить въ союзъ съ національнымъ врагомъ. Между тѣмъ было снаряжено новое персидское войско подъ начальствомъ Мегабиза, сына того Зопира, которому Дарій былъ обязанъ завоеваніемъ Вавилона; и на этотъ разъ счастье оказалось болѣе благопріятнымъ. Египтяне и ихъ греческіе союзники были разбиты въ открытомъ полѣ (456), мемфисская крѣпость освобождена, греки заперты на нильскомъ островѣ Просопитидѣ въ западной части Дельты и послѣ восемнадцатимѣсячной осады принуждены къ сдачѣ (весною 454 г.). Только жалкіе остатки войска спаслись въ Ливію и черезъ Кирену вернулись въ отечество. Вспомогательный флотъ въ 50 триеръ, посланный изъ Кипра, пришелъ слишкомъ поздно и самъ большею частью попалъ въ руки побѣдителей. Царь Инаръ былъ взятъ въ плѣнъ и распятъ; Египетъ снова покорился персидскому царю ²⁾).

Такого пораженія еще никогда не терпѣла ни одна греческая армія; не удивительно, что оно произвело глубокое впечатлѣніе на весь греческій міръ. До сихъ поръ персидская война была непрерывнымъ рядомъ побѣдъ; теперь, казалось, Греціи грозила опасность снова потерять все то, что было добыто цѣною столькихъ усилій. Въ первую

¹⁾ Thuc. I 104, Herod. III 12, VII 7, 97, Ctes. 32, Diod. XI 71, 74, 75. Такъ какъ Геродотъ ничего не говоритъ объ участіи аѳинянъ въ битвѣ при Папремидѣ, то надо думать, что она произошла еще до ихъ прибытія, хотя Діодоръ сообщаетъ противное. Аѳиняне предприняли свою экспедицію въ Египетъ конечно прежде, чѣмъ началась война съ Коринеомъ и Эгиной (Thuc. I 105, 3), слѣдовательно не позже 459 г. Катастрофа произошла 6 лѣтъ спустя (Thuc. I 110, 1), значитъ не позже 453 г.; Фукидидъ рассказываетъ о ней послѣ похода Перикла противъ Эниадъ (не позже 454 г., ср. выше, стр. 384 прим. 2) и передъ походомъ Толмида (456 или 455 г.). Аѳиняне были разбиты, вѣроятно, весною 454 г., одновременно съ походомъ Перикла (см. слѣд. прим.). Очевидно, неудача и произошла отъ того, что Аѳины, занятые войною въ Греціи, не могли во время прислать подкрѣпленій въ Египетъ. А военныя дѣйствія въ Греціи кончатся походомъ Перикла, что въ свою очередь объясняется египетскою катастрофой.

²⁾ Thuc. I 109, 110. Ctes. 33 сл. Diod. XI 77. Просопитида была взята въ сухое время года (Thuc. I 109, 4), вѣроятно между апрѣлемъ и іюнемъ, когда вода въ Нилѣ имѣетъ самый низкій уровень; осада началась за 18 мѣ-

минуту смятенія собраніе аѳинскихъ союзниковъ, по предложенію Самоса, рѣшило перенести союзную казну съ открытаго Делоса въ аѳинскій акрополь ¹⁾. Сами аѳиняне успѣли вернуть изъ изгнанія Кимона; это былъ не только испытанный полководецъ, который не потерпѣлъ ни одного пораженія отъ персовъ, но и единственный человекъ, который могъ устроить миръ со Спартою, въ чемъ Аѳины теперь такъ сильно нуждались въ виду грозной опасности съ Востока ²⁾.

Страхъ передъ персами подѣйствовалъ и на Спарту. Военныя дѣйствія противъ Аѳинъ были прекращены, и Кимону удалось наконецъ добиться перемирія на пять лѣтъ (451) ³⁾. Этимъ Спарта показала, что она вовсе не склонна признать современное положеніе дѣлъ въ Греціи окончательнымъ, но хочетъ дать Аѳинамъ время отразить персидское нашествіе. Оставляя за собою, такимъ образомъ, свободу дѣйствій по отношенію къ Аѳинамъ, Спарта заключила въ то-же время тридцатилѣтній миръ съ Аргосомъ ⁴⁾, чѣмъ разрушила коалицію, съ которою ей приходилось бороться въ послѣдніе годы. Такъ дорого обошлось Аѳинамъ перемиріе.

Однако, Греція не подверглась персидскому нашествію. Даже Египетъ былъ еще не вполне покоренъ; мятежники еще держались на ливійской границѣ подъ предводительствомъ Псамметиха, сына Инара,

саяцевъ до этого, значитъ послѣ разлива, въ ноябрѣ или декабрѣ. Персы вступили въ Египетъ, вѣроятно, предшествующей весной. Если перенесеніе союзной казны изъ Делоса въ Аѳины (лѣтомъ 454 г.) было обусловлено, какъ очень вѣроятно, египетскою катастрофой, то послѣдняя должна была произойти въ этомъ самомъ году. Очевидно, Мегабазъ прибылъ въ Спарту тотчасъ послѣ битвы при Танагрѣ.

1) Plut. *Per.* 12, *Arist.* 25 Diod. XII 38, Justin. III 6. Такъ какъ записи о передачѣ извѣстной части взносовъ (*ἀπαρχή*) въ казну Аѳины Полиады начинаются съ 454/3 г., то перенесеніе союзной казны должно было послѣдовать въ томъ же году, ср. Koehler, *Abh. d. Berl. Akad.* 1869, стр. 102. О причинѣ перенесенія казны въ Аѳины см. Plut. *Per.* 12.

2) Для призванія Кимона тотчасъ послѣ битвы при Танагрѣ, какъ сообщаетъ Плутархъ (*Cim.* 17), не было никакого повода; кромѣ того, въ этомъ случаѣ Кимонъ несомнѣнно принималъ бы участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ ближайшихъ лѣтъ. Такая мѣра могла быть вызвана только египетскою катастрофой.

3) Thuc. I. 112, спустя три года послѣ пелопоннеской экспедиціи Перикла, слѣдовательно въ 451 г. Походъ спартанцевъ противъ Аѳинъ (446 г.) былъ предпринятъ, очевидно, тотчасъ по истеченіи срока перемирія.

4) Thuc. V 14, 4. Зимю 422/1 г. миръ былъ *ἐπ' ἑξῆσιν*; очевидно, что онъ былъ заключенъ одновременно съ пятилѣтнимъ перемиріемъ.

и въ болотахъ у береговъ Дельты—подъ начальствомъ Амиртея ¹⁾. Греческіе города на Кипрѣ также отказывались признать персидское владычество. Такимъ образомъ войско и флотъ великаго царя были пока заняты на востокѣ; но Кимонъ лучше всякаго другого понималъ, что необходимо приложить всѣ усилія, чтобы не дать персамъ овладѣть этими передовыми постами греческаго міра. Какъ только перемиріе со Спартою окончательно вошло въ силу, онъ двинулся къ Кипру съ флотомъ въ 200 триеръ. Здѣсь, при осадѣ финикійскаго города Китія, онъ заболѣлъ и умеръ. Между тѣмъ съ восточной стороны подошелъ къ острову персидскій флотъ и высадилъ на берегъ сильный отрядъ войска. Узнавъ объ этомъ, афиняне сняли осаду Китія и двинулись моремъ на встрѣчу непріятелю. У кипрскаго Саламина произошла послѣдняя битва Персидской войны, и снова побѣда, какъ на морѣ, такъ и на сушѣ, осталась за греками. По размѣрамъ и важности эта побѣда была почти равна эвримедонтской; афиняне захватили 100 непріятельскихъ кораблей, отомстили за поражение въ Египтѣ и блистательно доказали, что Афины все еще являются первой морской державой міра ²⁾.

Но войны съ варварами онъ не продолжали. Со смертью Кимона управленіе государствомъ снова перешло въ руки Перикла, а онъ держался того взгляда, что Афины нуждаются прежде всего въ спокойствіи, которое дало-бы имъ возможность собраться съ силами для неизбежной войны съ пелопоннесцами. Войны послѣднихъ лѣтъ до крайней степени истощили военныя силы государства. Случайно-сохранившійся списокъ павшихъ въ битвѣ гражданъ одной изъ десяти филъ, на которыя дѣлилось населеніе Аттики, отъ 458 года, когда афиняне воевали при Мегарѣ, Эгинѣ и въ Египтѣ, содержитъ 177 именъ ³⁾; если потери остальныхъ филъ были такъ-же велики, то одинъ этотъ годъ обошелся государству въ 1700 человекъ, тогда какъ общее число мужчинъ, способныхъ нести оружіе, едва-ли превышало 25—30,000.

¹⁾ Thuc. I 112, Herod. III 15, Philoch. fr. 90. Wiedemann *Gesch. Aegyptens von Psammetich I bis auf Alexander*, Leipzig 1880, стр. 252. Сынъ Ивара Фаниръ, котораго персы позже признали царемъ (Herod. I. c.),—или тождественъ съ Псамметихомъ, или былъ его братомъ и наследовалъ ему послѣ 445/4 г.

²⁾ Thuc. I 112, Diod. XII 3. 4, Plut. *Cim.* 18. 19. Къ этой побѣдѣ относится эпиграмма, приводимая Діодоромъ XI 62, *Anthol. Palat.* VII 296, *Agistid.* II 209 d.

³⁾ CIA. I 433, ср. выше стр. 380 прим. 2.

Еще значительнѣе были, вѣроятно, потери, понесенныя аѳинянами при Танагрѣ и въ египетской экспедиціи ¹⁾; и несмотря на все эти жертвы, египетской походъ окончился полной неудачей. Было ясно, что Аѳины не въ состояніи вести войну одновременно на два фронта— противъ Пелопоннеса и Персіи, и передъ этимъ фактомъ должны были умолкнуть все другія соображенія. Периклъ отозвалъ флотъ отъ Кипра и вступилъ въ переговоры съ персидскимъ царемъ ²⁾.

Привели-ли эти переговоры къ формальному миру между Аѳинами и Персіей, это открытый и, въ сущности, праздный вопросъ. Во всякомъ случаѣ, враждебныя дѣйствія между обѣими державами съ этихъ поръ прекращаются. Аѳины отказываются отъ попытокъ отнять у персидскаго царя Кипръ и Египетъ, а царь не оспариваетъ у Аѳинъ верховной власти надъ греческими городами азіатскаго побережья. Въ теченіе ближайшихъ пятидесяти лѣтъ ни одинъ персидскій флотъ не входилъ въ Эгейское море ³⁾.

Опасенія Перикла насчетъ новыхъ осложненій въ Греціи послѣ окончанія пятилѣтняго перемирія были вполне оправданы событіями. Движеніе началось среди самихъ членовъ аѳинскаго союза. То обстоятельство, что послѣ побѣды при Энофитахъ аѳинянамъ не удалось подчинить своему вліянію и Фивы, оказалось роковымъ для Аѳинъ. Фивы представляли собою непріятельскую область внутри аѳинскаго союза и естественный центръ для всехъ элементовъ, стремившихся къ ниспроверженію существующаго порядка. И Фивы были тѣмъ опаснѣе, что демократія, установившаяся здѣсь со времени Персидскихъ войнъ, вслѣдствіе битвы при Энофитахъ пала и ея мѣсто заняла олигархія ⁴⁾; такимъ образомъ было устранено послѣднее пре-

¹⁾ Ср. Aristot. 'Аѳ. Пол. 26.

²⁾ Herod. VII 151. Eratosth. у Strab. I p. 47.

³⁾ О заключеніи формальнаго мира сообщаютъ Isocr. Paneg. 118, Demosth. 19, 273, Diod. XII 4, Plut. Cim. 13 и др.; Фукидидъ молчитъ. Текстъ договора былъ приведенъ Кратеромъ въ его *ψφισμάτων συναγωγή* (у Плутарха, Cim. 13); Теопомпъ (fr. 167 и 168) считалъ этотъ документъ подложнымъ, такъ какъ онъ былъ написанъ іоническимъ алфавитомъ. За существованіе договора говоритъ Thuc. VIII 56, и вообще трудно представить себѣ, какъ могли обходиться безъ формальнаго договора два государства, которыя граничили другъ съ другомъ на такомъ большомъ протяженіи и были связаны столь многообразными отношеніями. То обстоятельство, что миръ часто нарушался, не свидѣтельствуетъ объ отсутствіи договора; на такомъ же основаніи можно было бы отрицать и существованіе Никіева мира.

⁴⁾ Aristot. Polit. VIII (V) 1302 в, ср. выше стр. 359 прим. 1. Аѳиняне, повидимому, приняли участіе въ этомъ переворотѣ ([Хен.] 'Аѳ. Пол.

пятствіе къ союзу между Фивами и олигархами, изгнанными изъ беотійскихъ и эвбейскихъ демократій. Пока продолжалось перемиріе между Аѣинами и Спартою, все оставалось спокойнымъ; но какъ только его срокъ окончился, немедленно начались военныя дѣйствія. Изгнанники заняли Херонею и Орхомень (446 г. до Р. Х.); аѣинское войско подъ начальствомъ Толмида, которое тотчасъ-же вступило въ Беотію, овладѣло Херонеей, но отъ Орхомена было отбито и на обратномъ пути совершенно уничтожено въ битвѣ при Коронѣ у Копаидскаго озера. Самъ Толмидъ палъ; чтобы выкупить многочисленныхъ плѣнныхъ, аѣиняне принуждены были очистить всю Беотію. Теперь повсюду былъ введенъ олигархическій образъ правленія и возобновленъ старый союзъ съ Фивами; только Платеи остались вѣрны аѣинскому союзу. Локрида и Фокида также отпали отъ Аѣинъ ¹⁾.

Отпаденіе Беотіи было сигналомъ для возстанія Эвбеи и Мегары; аѣинскіе гарнизоны удержались только въ портовыхъ городахъ Нисеѣ и Пагахъ. И въ эту минуту, когда перемиріе только что окончилось, пелопоннеское союзное войско, подъ предводительствомъ молодого царя Плейстоанакса, при которомъ, въ качествѣ военнаго совѣтника, находился опытный военачальникъ Клеандридъ, двинулось черезъ Исѣмъ, и перейдя границы Аттики, проникло до Элевсина. Въ виду непріятеля Периклъ съ гражданскимъ ополченіемъ Аттики занялъ горныя высоты, отдѣляющія элевсинскую равнину отъ аѣинской. До битвы дѣло не дошло, потому что Периклъ былъ готовъ купить миръ хотя-бы цѣною тяжкихъ жертвъ. Аѣины отказались отъ Мегары и отъ всѣхъ своихъ владѣній въ Пелопоннесѣ: Ахея и Трезенъ были выпущены изъ аѣинскаго союза, Нисея и Паги очищены отъ гарнизоновъ; за это пелопоннесцы признали морскую гегемонію Аѣинъ. На этихъ условіяхъ былъ нѣсколько позже заключенъ тридцатилѣтній миръ между Аѣинами и Спартою (зимою 446/5 г. ²⁾

Такимъ образомъ, хотя и дорогой цѣною, непосредственная опас-

П 10), можетъ быть въ надеждѣ привлечь Фивы на свою сторону или, по крайней мѣрѣ, поставить ихъ во враждебныя отношенія къ остальнымъ городамъ Беотіи; результатъ показалъ, что эта политика была совершенно ошибочна.

1) Thuc. I 113, III 62, Diod. XII 6.

2) Thuc. I 114 сл., Diod. XII 7, Plut. *Per.* 22. Такъ какъ Гистіея еще весною 446 г. платила союзнической взносъ (CIA I 233), то Эвбея могла отложиться только лѣтомъ этого года. Миръ со Спартою былъ заключенъ послѣ осени 446 г. (Thuc. I 87) и до начала весны 445 г. (Thuc. II 2); ср. Raus. V 23. 4.

ность была предотвращена. Перикль могъ теперь обратиться противъ Эвбеи, и во главѣ 5000 гоплитовъ онъ безъ большого труда принудилъ ее къ повиновенію; островъ былъ жестоко наказанъ за свою измѣну. Жители Гистіеи были изгнаны и область роздана аттическимъ переселенцамъ; остальные общины, правда, остались на своихъ мѣстахъ, но также принуждены были уступить значительную часть своей земли и были поставлены въ полную зависимость отъ Аѣинъ ¹⁾).

Если положеніе Перикла было поколеблено уже египетской катастрофой, то теперь оно пошатнулось еще гораздо сильнѣе: по его винѣ Аѣины утратили свое вліяніе на греческомъ материкѣ. Противная партія не замедлила извлечь выгоду изъ этого обстоятельства. Во главѣ оппозиціи стоялъ теперь, послѣ смерти Кимона, его родственникъ Фукидидъ, сынъ Мелесія, изъ Алопеки, происходившій изъ знатной семьи, превосходный ораторъ и—что, какъ извѣстно, не часто встрѣчалось между государственными людьми Греціи—человѣкъ, личная безукоризненность котораго признавалась всѣми,—по свидѣтельству Платона и Аристотеля, одинъ изъ лучшихъ гражданъ, которыхъ произвели Аѣины. Правда, лишенный ореола военной славы, онъ не могъ замѣнить своей партіи Кимона; но при современномъ положеніи вещей и Фукидидъ былъ для Перикла чрезвычайно опаснымъ противникомъ ²⁾).

Однако, большинство населенія Аттики не поддавалось реакціи. Весною 445 г. Фукидидъ подвергся остракизму; теперь Перикль не имѣлъ соперниковъ въ управленіи государствомъ ³⁾). Изъ года въ годъ его избирали стратегомъ; въ совѣтѣ и народномъ собраніи его слово было закономъ. Такимъ могуществомъ не пользовался ни одинъ аѣинскій гражданинъ со временъ Гиппія, и оппозиція не замедлила провести параллель между ними ⁴⁾). Это была, какъ говоритъ историкъ Фукидидъ, «демократія только по имени,—въ дѣйствительности-же Перикль правилъ государствомъ самовластно» ⁵⁾). Но эта власть основывалась

¹⁾ Thuc. I 114, Plut. *Per.* 23, Diod. XII 22, CIA. IV 27a; о клерухии въ Орѣѣ см., кромѣ того, Philoch. fr. 89 и Theopomp. fr. 164.

²⁾ Plut. *Per.* 11, Plato *Laches* p. 179 сл., Aristot. *ῬΑΘ. Πολ.* 28, 2. 5., Androtion fr. 43, Philoch. fr. 95.

³⁾ Plut. *Per.* 14, по гл. 16: за пятнадцать лѣтъ до паденія Перикла (430 г.), слѣдовательно, въ 445 г. Дата, конечно, не совсѣмъ точна; но очень вѣроятно, что нападки на Перикла начались тотчасъ послѣ тридцатилѣтняго мира.

⁴⁾ Plut. *Per.* 16, ср. гл. 7.

⁵⁾ Thuc. II 65 *ἐγγίνεται τε λόγῳ μὲν δημοκρατία, ἔργῳ δὲ ὑπὸ τοῦ πρώτου ἀνδρός ἀρχή*; Plut. *Per.* 15 сл., и приведенные у него стихи Телеклейда (fr. 42 Kock.).

исключительно на добровольномъ подчиненіи гражданъ. Для тираніи Периклу не доставало преданнаго ему лично войска; поэтому, когда онъ потерялъ довѣріе народа, достаточно было одного голосованія, чтобы свергнуть его съ высоты величія.

При томъ глубокомъ мирѣ, который — впервые послѣ похода Ксеркса—господствовалъ теперь повсюду, Перикль могъ посвятить все свое вниманіе укрѣпленію морского союза ¹⁾. Если послѣдній первоначально представлялъ собою основанную на добровольномъ соглашеніи федерацію вполнѣ самостоятельныхъ государствъ для совмѣстной защиты противъ персовъ, то уже вскорѣ самый ходъ событій долженъ былъ усилить значеніе руководящей державы. Было естественно, что у мятежныхъ членовъ союза—у Наксоса, Фасоса, Халкиды, Эретрии— послѣ ихъ усмиренія отнимали возможность повторить возстаніе. Они должны были выдать свои военные корабли, срыть свои стѣны и вмѣсто военныхъ отрядовъ, которые они до сихъ поръ поставляли, вносить дань въ союзную казну. Если въ такомъ городѣ господствовала олигархія, она замѣнялась теперь демократическимъ образомъ правленія.

Обыкновенно онъ лишался и извѣстной части своей земли, которую часто раздавали гражданамъ Атики. Въ особенно тяжелыхъ случаяхъ изгоняли все населеніе возмущавшагося города; впервые такъ поступилъ Перикль съ Гестіей, а во время Пелопоннесской войны эта мѣра примѣнялась очень часто. Изгнанное населеніе замѣнялось аттическими гражданами, которые для завѣдыванія мѣстными дѣлами составляли отдѣльную общину, но во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ по прежнему принадлежали къ аѣинскому государству. Точно такъ же поступали иногда и при завоеваніи областей, ранѣе не принадлежавшихъ къ союзу, напримѣръ послѣ покоренія Кимономъ Скироса; уже во время возстанія іонянъ варварское туземное населеніе Лемноса и Имбра было изгнано и замѣщено аѣинскими поселенцами. Эти «клерухіи» являлись, конечно, самыми надежными опорными пунктами аѣинскаго владычества ²⁾.

Но и кромѣ возстаній, было не мало поводовъ для вмѣшательства руководящей державы во внутреннія дѣла союзныхъ городовъ. При частыхъ неисправностяхъ въ уплатѣ дани, приходилось взыскивать ее въ исполнительномъ порядкѣ ³⁾; для этой цѣли Аѣины держали

¹⁾ Ссылки—въ руководствахъ по государственнымъ древностямъ Греціи, напр. у Гильберта.

²⁾ Foucart *Mémoire sur les colonies atheniennes*, въ *Mém. présent. à l'Acad. des Inscript.* 1878.

³⁾ Thuc. I 99.

на Эгейскомъ морѣ постоянныя эскадры (*ἀργυρολόγοι νῆες*) ¹⁾. При столкновѣнiяхъ союзныхъ государствъ между собою, равно какъ и при партiйныхъ раздорахъ внутри отдѣльныхъ городовъ, Аѣины являлись естественнымъ посредникомъ, и слабая сторона дѣйствительно почти всегда обращалась къ нимъ съ просьбою о помощи или вмѣшательствѣ ²⁾. Для поддержанiя внутренняго порядка Аѣинамъ въ такихъ случаяхъ нерѣдко приходилось посылать въ союзные города военные отряды, и начальникъ гарнизона (*φοῦραρχος*) прiобрѣталъ, конечно, руководящее влiянiе на внутреннiя дѣла города; впрочемъ, въ большинствѣ случаевъ Аѣины довольствовались посылкой гражданскихъ комиссаровъ (*ἐπίσκοποι*) ³⁾.

Но главнымъ образомъ вмѣшательство Аѣинъ вызывалось несовершенствомъ судебныхъ порядковъ. Если мы вспомнимъ, въ какомъ положенiи находилось судопроизводство въ самыхъ Аѣинахъ, то намъ легко будетъ составить себѣ представлѣнiе о характерѣ юрисдикцiи въ среднихъ и небольшихъ городахъ союза, изъ которыхъ лишь немногiе насчитывали 10,000 жителей. Судопроизводство неизбежно должно было обращаться въ орудiе личныхъ и политическихъ интересовъ и, слѣдовательно, повсюду, гдѣ управленiе находилось въ рукахъ враждебной Аѣинамъ партiи, друзья Аѣинъ были беззащитны противъ произвола своихъ противниковъ ⁴⁾. Чтобы положить конецъ этимъ беспорядкамъ, существовало при тогдашнихъ условiяхъ только одно средство: лишенiе союзныхъ государствъ права высшей уголовной юрисдикцiи и передача всѣхъ процессовъ этого рода на судъ аѣинскихъ присяжныхъ. Впервые эта мѣра была примѣнена къ нѣкоторымъ отпавшимъ союзнымъ городамъ, какъ, напримѣръ, къ Халкидѣ послѣ усмиренiя Эвбеи въ 446 г. ⁵⁾, но постепенно принудительная юрисдикцiя была распространена на большую часть союзныхъ государствъ. Такъ какъ аѣинскiе присяжные руководились, конечно, аттическими законами, то эта мѣра привела, прежде всего, къ объединенiю большей части союза въ отношенiи уголовного права; но и помимо этого успѣха, рѣшенiе чужихъ судей—по крайней мѣрѣ тамъ, гдѣ не были замѣшаны въ дѣло политическiе интересы Аѣинъ—безъ сомнѣнiя, гораздо вѣрнѣе обезпечивало справедливость приго-

1) Aristot. 'Αθ. πολιτ. 24, 3. Plut. Per. 11.

2) Ср. напр. Thuc. I 115, 2.

3) См. особенно постановленiе аѣинскаго народнаго собранiя о реформѣ конституцiи въ Эриерахъ CIA I 9.

4) (Xenoph.) 'Αθ. πολ. 1, 16.

5) CIA. IV 27 а.

вора, чѣмъ судъ согражданъ. Правда, судебныя издержки союзниковъ сдѣлались, благодаря этому, очень велики: тяжущіеся принуждены были совершать далекое путешествіе въ Аѣины и здѣсь, въ виду огромнаго накопленія дѣлъ въ судахъ, ждать рѣшенія иногда по цѣлымъ мѣсяцамъ ¹⁾). И если мы вспомнимъ, какъ смотрѣли на народныя суды образованные люди въ самихъ Аѣинахъ, то мы легко поймемъ, какія чувства должна была возбуждать въ союзникахъ принудительная юрисдикція этихъ судовъ.

Чѣмъ больше государствъ приходило такимъ образомъ въ зависимость отъ Аѣинъ, тѣмъ ничтожнѣе должно было становиться значеніе союзническаго совѣта; съ того времени, какъ казна была перенесена въ аѣинскій акрополь, собранія союзниковъ происходили все рѣже и рѣже и, наконецъ, прекратились совсѣмъ ²⁾). Теперь Аѣины управляли дѣлами союза совершенно по своему произволу; вопросы о войнѣ и мирѣ рѣшались въ аѣинскомъ народномъ собраніи, и его постановленія были обязательны для всѣхъ союзныхъ государствъ. Величина взносовъ опредѣлялась аѣинскими податными коммиссіями (*taxtai*); если какой-нибудь городъ былъ недоволенъ раскладкой, онъ долженъ былъ обращаться со своей жалобой въ аѣинскій народный судъ, который и рѣшалъ дѣло въ послѣдней инстанціи. Пока во главѣ государства стоялъ Перикль, размѣры податей оставались въ общемъ тѣ же, какіе были установлены еще Аристидомъ; только уже финансовыя затрудненія во время Пелопоннесской войны принудили аѣинянъ удвоить и утроить союзническіе взносы, пока, наконецъ, не было рѣшено совершенно оставить старую податную систему и замѣнить дань портовыми пошлинами. Съ цѣлью упорядочить сборъ податей, союзъ былъ въ 442 году раздѣленъ на пять округовъ: Іонію, геллеспонтскія области, Фракію, Карію и «острова» (то есть Циклады, Эгина, Эвбея, Лемносъ и Имбръ ³⁾).

Относительно способовъ употребленія союзныхъ денегъ также самовластно рѣшало аѣинское народное собраніе. Перикль не постѣснился открыто заявить, что въ этомъ отношеніи Аѣины не обязаны отдавать союзникамъ никакого отчета, разъ онѣ исполняютъ взятыя ими на себя обязанности—защищать союзниковъ противъ Персіи и поддерживать порядокъ на морѣ ⁴⁾). Естественно, что съ теченіемъ

¹⁾ (Хер.) 'Аѣ. пол. 3, 1 слл.

²⁾ Въ послѣдній разъ постановленіе союзнаго совѣта упоминается именно по поводу перенесенія казны: Theophr. у Plut. *Aristid.* 25.

³⁾ *Rhein. Mus.* 43 (1888) стр. 104 сл.

⁴⁾ Plut. *Per.* 12.

времени все бѣльшая и бѣльшая часть союзныхъ денегъ тратилась на удовлетвореніе чисто-аѣинскихъ нуждъ. Жалованье судьямъ, — насколько не хватало для этого доходовъ самого суда, — содержаніе конницы, дорогія постройки, которыми Перикль украсилъ Аѣины, — всѣ эти расходы покрывались изъ союзническихъ взносовъ. Для финансовой силы союза эта система имѣла роковыя послѣдствія: тогда какъ до сихъ поръ, несмотря на войны, казна постоянно возрастала, теперь, въ мирное время передъ Пелопоннеской войной, она уменьшилась на пѣтую треть, съ 9700 до 6000 талантовъ ¹⁾.

Но всячески урѣзывая права союзныхъ государствъ и превращая союзъ въ аѣинскую державу (*ἀρχή*) ²⁾, Аѣины не дѣлали ничего, чтобы внутренне связать съ собою союзниковъ. Только съ трудомъ добилась Эвбея права эпигаміи, которое Аѣины все равно должны были бы даровать ей въ виду многочисленности поселившихся на островѣ аѣинскихъ гражданъ ³⁾. Но ни Кимонъ, ни Перикль, ни какой-либо другой государственннй человѣкъ Аѣинъ, не имѣли въ виду даровать союзникамъ или, по крайней мѣрѣ, населенію Эвбеи и Цикладовъ, которое находилось въ такомъ близкомъ родствѣ съ аѣинянами, право аттического гражданства. Эта мысль возникла только послѣ сицилійской катастрофы, когда было уже поздно приводить ее въ исполненіе ⁴⁾. Страхъ передъ персами, который первоначально заставилъ союзниковъ сплотиться вокругъ Аѣинъ, съ теченіемъ времени все болѣе ослабѣвалъ; и если демократическій режимъ, введенный въ большинствѣ союзныхъ городовъ, обезпечивалъ Аѣинамъ симпатіи немущей части населенія ⁵⁾, то онъ возстановилъ противъ нихъ образованные и состоятельные классы, и эта вражда все болѣе усиливалась, по мѣрѣ того какъ возрастали злоупотребленія демократіи и общественное мнѣніе въ Греціи все громче требовало ограниченія необузданнаго народовластія. Союзники съ горечью сравнивали собственную участь со свободнымъ положеніемъ пелопоннескихъ союзниковъ Спарты и ждали только благоприятной минуты, чтобы свергнуть ненавистное владычество Аѣинъ. Даже демократы не могли

¹⁾ Thuc. II 13, 3.

²⁾ Въ постановленіи народнаго собранія относительно Эриеры (СІА. I 9, около 460 г.) союзъ называется еще *ἑσμμαχία*, а во время Пелопоннеской войны—*ἀρχή*, даже въ официальныхъ документахъ, какъ напримѣръ у Фука. V 18, 7; V 47.

³⁾ Lysias 34, 3.

⁴⁾ Ср. Aristoph. *Lysistr.* 582 сл. Послѣ битвы при Эгоспотамосѣ самосцамъ было даровано право гражданства: *Δελτίον ἀρχαιοῦ*. V, 1889, p. 25.

⁵⁾ Thuc. III 47, 2 [Xen.] *Ἀθ. πολ.* III 10.

найти въ себѣ мужества, чтобы энергично дѣйствовать въ пользу Аѳинъ, которыя поработили ихъ городъ; поэтому отложение союзныхъ городовъ лишь въ рѣдкихъ случаяхъ встрѣчало противодѣйствіе со стороны демоса.

Въ Аѳинахъ хорошо понимали, что только грубая сила держать союзниковъ въ покорности. Нерѣшительный образъ дѣйствій Перикла въ началѣ Пелопоннесской войны былъ обусловленъ, главнымъ образомъ, увѣренностью въ томъ, что поражение тотчасъ повлечетъ за собою отпаденіе союзныхъ государствъ ¹⁾, и Клеонъ открыто заявляетъ у Фукидида, что Аѳины стоятъ къ союзникамъ въ такомъ же отношеніи, въ какомъ стоитъ тиранъ къ своимъ подданнымъ ²⁾. Естественно, что Аѳины систематически стремились къ обезоруженію союзниковъ; это удалось имъ безъ труда, потому что невоинственные обитатели острововъ и азіатскаго побережья съ самаго начала предпочли платить дань, чѣмъ поставлять во флотъ корабли. Насколько было возможно, союзные города лишили стѣнъ. Около 440 года изъ всѣхъ союзныхъ государствъ только три могущественныхъ острова — Самось, Хіосъ и Лесбось — сохраняли еще полную независимость, не платили дани и сами поставляли суда во флотъ ³⁾. Здѣсь-то и произошло первое возстаніе, которое подвергло серьезной опасности существованіе союза.

Самось съ самаго начала занималъ первое мѣсто между государствами аѳинскаго союза. Здѣсь въ 479 году вспыхнуло возстаніе Іоніи противъ персидскаго владычества, и основаніе морского союза было преимущественно дѣломъ самосцевъ. Это былъ самый могущественный изъ союзныхъ городовъ; кромѣ собственнаго острова, онъ владѣлъ Аморгомъ и значительной областью на іонійскомъ материкѣ ⁴⁾. Изъ-за этихъ-то континентальныхъ владѣній Самось въ 440 году объявилъ войну сосѣдней Триенѣ, къ которой вскорѣ примкнулъ Милеть ⁵⁾. Такъ какъ Самось и теперь былъ гораздо сильнѣе своихъ противниковъ, то Милеть принужденъ былъ обратиться къ посред-

1) Thuc. I 143, 5.

2) Thuc. III 37 *ὅτι τῶσαννίδα ἔχετε τὴν ἀρχὴν καὶ πρὸς ἐπιβουλεύοντας αὐτοὺς καὶ ἄλλοιτας ἀρχομένους.*

3) Thuc. I 19, III 10; о Самосѣ I 115—117. Aristot. 'Αθ. πολ. 24, 2.

4) См. выше, стр. 231 прим. 2.

5) Въ шестомъ году тридцатилѣтняго мира (Thuc. I 115), слѣдовательно, если считать по аттическимъ годамъ, — въ 441/0 г., а если считать по естественнымъ, то въ 440 г. Діодоръ также помѣщаетъ возстаніе въ архонтство Тимогла (441/0).

ничеству Аѳинъ. Дѣйствительно, предупрежденіе столкновѣній между членами союза составляло если не формальное право, то нравственную обязанность Аѳинъ. Но Перикль полагалъ, что простого посредничества недостаточно. Во главѣ эскадры въ 40 триеръ онъ неожиданно явился передъ Самосомъ, овладѣлъ городомъ съ помощью демократической партіи и замѣнилъ олигархическую конституцію, которая до тѣхъ поръ господствовала на островѣ, демократической. Это было, можетъ быть, самое вопіющее нарушеніе автономіи союзнаго государства, какое до сихъ поръ позволили себѣ Аѳины, и оно не осталось безнаказаннымъ. Какъ только отплылъ аѳинскій флотъ, новооснованная демократія пала, и на Самосѣ началось открытое возстаніе. Вскорѣ къ Самосу примкнула Византія и нѣсколько карійскихъ городовъ. Сатрапъ Сардъ, Писсуонъ, прислалъ помощь и обѣщавъ снарядить вспомогательный финикійскій флотъ.

Аѳинамъ снова предстояла опасная война, и никто не могъ сказать, какіе размѣры она приметъ. Только быстрыя и энергичныя дѣйствія могли предотвратить катастрофу; и дѣйствительно, тотчасъ по полученіи извѣстія о возстаніи на Самосѣ, Перикль вышелъ въ море съ 60 триерами. Самосцы, которые съ 70 кораблями двинулись было противъ Милета, теперь, при приближеніи аѳинскаго флота, немедленно вернулись обратно. Тщетно Перикль пытался перерѣзать имъ путь, надѣясь кончить войну однимъ ударомъ; при небольшомъ островѣ Трагеѣ между Милетомъ и Самосомъ самосцы прорвали неприятельскую линію ¹⁾. Значительныя подкрѣпленія изъ Аѳинъ, изъ Хіоса и Лесбоса скоро дали Периклу возможность запереть городъ Самосъ и съ моря, и съ суши.

Не было сомнѣнія, что возстаніе Самоса, если только оно останется изолированнымъ, постигнетъ такая же участь, какъ и всѣ прежнія возмущенія союзниковъ противъ аѳинскаго владычества. Надежда на общее возстаніе членовъ союза не оправдалась; Хіосъ и Лесбосъ, единственныя значительныя морскія державы, остались вѣрны Аѳинамъ; здѣсь страхъ передъ персами еще превозмогалъ опасенія передъ возрастающимъ могуществомъ Аѳинъ. Оставалась надежда только на государства, не принадлежавшія къ союзу,—на Спарту и Персію. Дѣйствительно, въ Спартѣ, тотчасъ по заключеніи тридцатилѣтняго мира, власть перешла къ военной партіи. Она добилась того, что виновники мира, царь Плейстоанакъ и его совѣтникъ Клеандридъ, были обвинены въ подкупѣ со стороны Перикла и осуждены; Плей-

¹⁾ Pflugk-Harttung *Perikles als Feldherr* (Stuttgart 1884) стр. 133 сл.

стоанаксъ и Клеандридъ отправились въ изгнаніе, первый—въ Аркадію, второй—въ только что основанные Фуріи; освободившійся престолъ занялъ сынъ свергнутого царя, Павсаній ¹⁾). Возстаніе Самоса представляло, повидимому, удобный случай наверстать то, что было упущено 6 лѣтъ назадъ. Но на собраніи пелопоннесскихъ союзниковъ, которое было созвано для рѣшенія вопроса о войнѣ или мирѣ, коринѳяне такъ энергично воспротивились разрыву съ Аѳинами, что Спарта принуждена была отказаться отъ всякихъ военныхъ плановъ ²⁾), тѣмъ болѣе, что, вѣроятно, и въ самой Спартѣ многіе не рѣшались нарушить только что заключенный миръ безъ вызова съ противной стороны.

Теперь самосцамъ оставалась одна надежда—на персовъ, но и ей не суждено было осуществиться. Правда, сардскій сатрапъ поддержалъ возстаніе противъ Аѳинъ; но дѣйствительную помощь могъ доставить только финикійскій флотъ. Обѣ стороны ожидали, что персидскій царь воспользуется случаемъ, чтобы нанести ударъ морскому союзу Аѳинъ. Въ виду этой опасности Периклъ рѣшился раздѣлить флотъ и съ 60 кораблями пойти на встрѣчу финикиянамъ, оставивъ 65 триеръ передъ Самосомъ. Этимъ моментомъ воспользовались самосцы; подъ предводительствомъ своего полководца Мелисса, который былъ извѣстенъ и какъ философъ, они неожиданно бросились на эскадру, осаждавшую городъ, и принудили ее снять блокаду. Самосъ снова могъ запасться провіантомъ. Но это былъ минутный успѣхъ. Ожидаемый финикійскій флотъ не явился; Периклъ, получивъ извѣстіе о пораженіи осаднаго флота, тотчасъ вернулся къ Самосу, а изъ Аѳинъ, Лесбоса и Хиоса подошли подкрѣпленія. Теперь, когда Периклъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи 200 кораблей, объ открытой морской битвѣ нечего было и думать; самосцамъ не оставалось ничего другого, какъ запереться въ своихъ стѣнахъ. Городъ держался до послѣдней возможности; наконецъ, ни откуда не получая помощи, онъ принужденъ былъ сдаться послѣ восьмимѣсячной осады (439 г.). Самосъ потерялъ свою самостоятельность и господство надъ Аморгомъ; демократія была восстановлена, зачинщики возстанія изгнаны, военный флотъ выданъ аѳинянамъ и стѣны города срыты. Военныя издержки—1200 талантовъ—Самосъ обязался уплатить по частямъ ³⁾).

1) Thuc. II 21, V 16, Ephor. fr. 118, Plut. *Per.* 23. Лѣтомъ 427 г. Плейстоанаксъ былъ еще въ изгнаніи (Thuc. III 26); повидимому, онъ былъ возвращенъ въ слѣдующемъ году (ср. Thuc. V 16, 1), черезъ 18 лѣтъ послѣ своего изгнанія (Thuc. V 16, 3), которое поэтому надо отнести къ 444 году.

2) Thuc. I 40. 5, 41. 2.

3) Thuc. I 115—117, Diod. XII 27, 28, Plut. *Per.* 25—28.

Аѣины побѣдили; но своей побѣдою онѣ были обязаны, главнымъ образомъ, лойяльности пелопоннесцевъ и вялости персидской политики. Притомъ, возстаніе самосцевъ повлекло за собою тяжкія потери для морской державы Аѣинъ. Правда, Византія покорилась тотчасъ послѣ паденія Самоса; но множество союзныхъ городовъ на азіатскомъ материкѣ — особенно Анэа въ Іоніи, гдѣ утвердились самосскіе изгнанники, и рядъ общинъ въ Каріи ¹⁾ — съ помощью персовъ удержали свою независимость. Ликія также съ этихъ поръ перестала платить дань; остатки карійскаго податного округа были теперь включены въ іоническій округъ. Тѣмъ не менѣе, въ общемъ могущество Аѣинъ вышло изъ борьбы невредимымъ, и Периклъ имѣлъ полное основаніе быть довольнымъ побѣдой, которая упрочивала какъ его собственное положеніе въ Аѣинахъ, такъ и авторитетъ Аѣинъ среди союзныхъ государствъ.

Внѣ союза миръ обезпечивался добрымъ согласіемъ съ пелопоннесцами, которое только-что счастливо выдержало тяжелый искусъ; и если дружественныя отношенія съ персидскимъ царемъ во время самосской войны на минуту поколебались, то въ концѣ концовъ и Персія не рѣшилась предпринять противъ Аѣинъ какого-либо серьезнаго шага. Такимъ образомъ, ничто не мѣшало Периклу искать на сѣверѣ вознагражденія за тѣ потери, которыя союзъ понесъ въ послѣдніе годы въ Греціи и Малой Азіи. Фракійскій Херсонесъ уже въ 447 г. былъ заселенъ аттическими клерухами ²⁾; теперь (437 г.) удалось занять и область Нижняго Стримона, которую тщетно пытался покорить уже Кимонъ. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ рѣка выступаетъ изъ Керкнитидскаго озера, аттическіе и халкидскіе поселенцы основали колонію Амфиполисъ, новую столицу аѣинской Фракіи (437) ³⁾. Новая крѣпость господствовала надъ единственной дорогой, которая

1) Съ этихъ поръ ихъ имена уже не встрѣчаются въ податныхъ спискахъ; ср. Loescheke *De titulis aliquot atticis* (Dissert. Bonn 1876), Busolt *Philologus* 41, стр. 685.

2) Diod. XI 88. 3, Plut. *Per.* 11. 19. Поэтому сумма взносовъ херсонесскихъ городовъ была уменьшена съ 18 талантовъ до 2¹/₂; ср. Kirchhoff *Abhandl. d. Berl. Akad.* 1873, стр. 25.

3) Thuc. IV 102, Schol. Aesch. *de leg.* II 34, Diod. XII 32. Плутархъ въ біографіи Перикла ничего не говоритъ объ основаніи Амфиполиса, но упоминаетъ объ отправкѣ въ страну бисальтовъ клерухія въ 1000 гражданъ (гл. 11). Затѣмъ въ надписяхъ упоминается клерухія Бреа (CIA. I 31), которая находилась въ той же области (Theoromp. fr. 157 у Steph. Byz.); больше это имя нигдѣ не встрѣчается, даже у Фукидида, который непременно долженъ былъ бы упомянуть о ней при описаніи похода Брасида. Не тождествена ли

вела изъ Македоніи въ геллеспонтскія области; золотые рудники со-сѣдняго Пангея сдѣлались для Аѳинъ крупнымъ источникомъ доходовъ. Около этого же времени самъ Периклъ предпринялъ экспедицію въ Понтъ; въ Синопѣ и Амисѣ на Пафлагонскомъ берегу были основаны аѳинскія колоніи, важнѣйшія изъ греческихъ поселеній на сѣверномъ берегу Чернаго моря были включены въ составъ союза и обложены данью ¹⁾.

Еще нѣсколько ранѣе Аѳины начали распространять свое владычество на западъ. Въ 453 году потомки бѣжавшихъ сибаритовъ сдѣлали попытку возстановить свой городъ, но черезъ 5 лѣтъ (448) были изгнаны кротонцами ²⁾. Они обратились за помощью къ Греціи, приглашая всѣхъ, кто пожелаетъ, поселиться въ ихъ странѣ. Слухъ о плодородности равнинъ Кратиса и Сириса скоро привлекъ сюда множество колонистовъ со всѣхъ концовъ Эллады; Аѳины стали во главѣ предпріятія, и на высотахъ вблизи разрушеннаго Сибариса возникла колонія Θυρίи (445). Впрочемъ, сами сибариты скоро принуждены были отказаться отъ надеждъ, которыя они возлагали на основаніе города; новые поселенцы вовсе не были склонны признать за старыми владѣльцами страны правъ на лучшіе участки земли и вообще на привилегированное положеніе въ общинѣ. Это привело къ междоусобной войнѣ, и сибариты снова были изгнаны изъ отечества. Они поселились у подошвы Треиса (Тріонто), на границѣ владѣній Кротоны и Θυрій; но новый Сибарисъ никогда не достигъ большого значенія ³⁾.

Вреа съ Амфиполисомъ? Вѣдь несомнѣнно, что послѣднее имя возникло лишь во время или послѣ постройки города.

1) Plut. *Per.* 10. Нимфей, лежавшій у киммерійскаго Босфора, платилъ 1 талантъ (Crater. fr. 12); повидимому, понтійскіе города подверглись обложенію и при переверсткѣ податей 425/4 г. (CIA. I 37). Но въ дошедшихъ до насъ податныхъ спискахъ взносы этихъ городовъ не отмѣчены. Дата экспедиціи опредѣляется тѣмъ, что Ламахъ былъ здѣсь однимъ изъ главныхъ военачальниковъ. Въ 425 г. Аристофанъ называетъ его *νεανίας* (*Acharn.* 600), подъ Сиракузами, въ 415 г., онъ былъ, сравнительно съ 36—37-лѣтнимъ Алкивиадомъ, *ἡλικία προήκων* (Plut. *Alc.* 18), т. е., принимая во вниманіе слова Аристофана, лѣтъ 50-ти или немногимъ старше (ср. *Att. Polit.* автора, стр. 325). Поэтому нельзя относить понтійскій походъ Перикла ко времени до самосскаго возстанія, какъ дѣлаетъ Дункеръ (*Abh. der Berl. Akad.* 1885 стр. 540, *Gesch. d. Alt.* IX стр. 104) и вслѣдъ за нимъ Busolt (*Gr. Gesch.* II 538 сл.) Ламахъ не былъ ни богатъ, ни знатенъ (Plut. *Nic.* 15), и слѣдовательно не могъ сдѣлать исключительно-быстрой карьеры.

²⁾ Diod. XI 90. 3, XII 10.

³⁾ Diod. XII 10 сл. 22. Strab. VI 263 сл. Aristot. *Polit.* VIII (V) 1303a.

Понятно, что близость Θυρίи не могла быть по сердцу ни Кротонѣ, ни Таренту, ни туземнымъ луканцамъ, и новой колоніи пришлось вынести долгую борьбу за существованіе. Тарентинцы удержали за собою Сиритиду и въ 433 году основали здѣсь колонію Гераклею ¹⁾. По отношенію къ Аѣинамъ Θυρίи также отстаивали свою полную независимость; и дѣйствительно, аѣинскіе граждане составляли едва десятую часть населенія, тогда какъ пелопоннесцы и беотяне — добрую треть. Даже почетное званіе метрополіи города не было признано за Аѣинами; дельфійскій оракулъ, который былъ избранъ третейскимъ судьей въ этомъ дѣлѣ, объявилъ, что основателемъ города долженъ считаться самъ Аполлонъ (434) ²⁾.

Большіихъ успѣховъ добилась аѣинская политика въ Сициліи и въ халкидскихъ городахъ Италіи. Съ элимійцами Сегесты и Галикіи Аѣины уже около 450 г. вступили въ дружественныя сношенія ³⁾; въ 433 г. были заключены союзные договоры съ Леонтинами и Регіемъ ⁴⁾. Неаполь (въ Кампаніи) также примкнулъ къ Аѣинамъ и былъ усиленъ аттическими колонистами ⁵⁾. Въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи эта политика неизбѣжно должна была привести Аѣины къ столкновенію съ Сиракузами; точно такъ же и пелопоннесцы, которые на востокѣ уже были окружены владѣніями аѣинскаго союза, не могли безусловно относиться къ стремленію Аѣинъ распространить свое вліяніе и на западъ. Такимъ образомъ, въ поводахъ для войны не было недостатка, и она не заставила долго ждать себя.

Въ 435 году между Коринѣомъ и Корцирой вспыхнула война изъ-за обладанія ихъ совмѣстной колоніей Эпидамномъ ⁶⁾. Въ началѣ по-

Съ выводами новѣйшаго спеціальнаго изслѣдованія — Papritz *Thurii* Berlin 1891 — я въ большинствѣ случаевъ не могу согласиться.

1) Polyaeu. II 10, Diod. XII 23. 36, Strab. VI 264 (Antioch. fr. 12).

2) Diod. XII 35.

3) CIA. IV 22 κ. стр. 58. *Δελτίον ἀρχαιολογικόν* 1891 стр. 105. Ср. Koehler *Mitteil. des Inst. in Athen*. IV (1879) стр. 30 слд. и мои замѣчанія въ *Hermes* 1893.

4) CIA. I 33. IV 33 α стр. 13. Ср. Thuc. III 86, 3, по которому халкидскіе города въ 427 г. воспользовались своей *παλαιὰ ξυμμαχία* съ Аѣинами. Поэтому вѣроятно, что въ 433 году такіе же договоры были заключены и съ Катаной и Наксосомъ.

5) Tim. fr. 99, ср. Strab. V 246, Diod. XIII 44, гдѣ подъ *Χαλκιδαίς* едва ли можно разумѣть что-нибудь иное, какъ неаполитовъ; на связь съ Аѣинами и Θυρίями указываютъ и монеты. Ср. *Satrapien* автора, стр. 30.

6) Война продолжалась все лѣто (Thuc. I 30), затѣмъ коринѣяне цѣлыхъ два года дѣлали военныя приготовленія (Thuc. I 31), и весною 432 г. (см. ниже стр. 401 прим. 2) во второй разъ напали на Корциру.

бѣда осталась за корцирянами; у мыса Левкимма коринескій флотъ потерпѣлъ тяжелое пораженіе, и одновременно Эпидамнтъ сдался осаждавшему его корцирскому войску. Коринѣе не могъ примириться съ этимъ пораженіемъ, которое грозило подорвать все его вліяніе на Ионическомъ морѣ. Съ величайшимъ напряженіемъ силъ онъ началъ готовиться къ войнѣ, и черезъ два года могъ выставить внушительный флотъ въ 150 военныхъ кораблей, изъ которыхъ самъ Коринѣе снарядилъ 90, колоніи у Амбракійскаго залива—38, соединенныя государства Мегара и Элида—22. Корцира не чувствовала себя въ силахъ противостоять такому врагу, и такъ какъ Коринѣе не хотѣлъ и слышать о мирномъ соглашеніи, то корцирянамъ не оставалось ничего другого, какъ обратиться за помощью къ единственному государству, которое могло оказать имъ дѣятельную поддержку,—къ Аѣинамъ. Корцира дѣлала этотъ шагъ очень неохотно, потому что она тѣмъ самымъ отказывалась отъ своей политической независимости, которую ей до сихъ поръ удавалось сохранить при всѣхъ превратностяхъ судьбы; но она не имѣла другого выбора. Съ другой стороны, для Аѣинъ было чрезвычайно важно воспрепятствовать переходу Корциры подъ коринеское владычество, потому что морская сила Корциры—первая въ Греціи послѣ аѣинской и пелопоннеской—сдѣлалась бы тогда опаснымъ орудіемъ въ рукахъ Коринѣе. Не менѣе важно было обладаніе Корцирой и съ точки зрѣнія отношеній Аѣинъ къ Италіи и Сициліи. Въ виду этихъ выгодъ всѣ другія соображенія должны были отступить на задній планъ. Аѣинское народное собраніе, хотя и послѣ оживленныхъ споровъ, приняло предложеніе корцирянъ, но, чтобы не раздражить пелопоннесцевъ, стороны ограничились заключеніемъ оборонительнаго союза (лѣтомъ 433 г.). Къ Корцирѣ тотчасъ была послана эскадра изъ 10 триеръ; очевидно думали, что нравственной поддержки Аѣинъ будетъ достаточно, чтобы удержать Коринѣе отъ продолженія военныхъ дѣйствій¹⁾.

Формально Аѣины, безъ сомнѣнія, имѣли полное право заключать союзъ съ Корцирой, и пелопоннесцы позже сами признали это, не включивъ этого договора въ число поводовъ къ войнѣ. Но такъ какъ Корцира воевала съ Коринѣемъ, то фактически заключеніе союза являлось нарушеніемъ тридцатилѣтняго мира, и именно въ этомъ смыслѣ оно было истолковано въ Коринѣѣ. Тѣмъ не менѣе, коринѣяне не отказались отъ своего рѣшенія продолжать войну. Весною 432 года коринескій флотъ вышелъ въ море²⁾. Корциряне ожидали

¹⁾ Thuc. I 24—45. СІА. I 179.

²⁾ Битва при Потидеѣ произошла осенью 432 года (Thuc. II 2); Потидея

врага при входѣ въ проливъ, отдѣляющій ихъ островъ отъ материка, у Сиботскихъ острововъ; противъ 150 коринескихъ кораблей стояло 110 кораблей Корциры и 10 аеинскихъ тріеръ. Въ происшедшей здѣсь битвѣ аеиняне оставались въ началѣ праздными зрителями; но когда численный перевѣсъ враговъ заставилъ корцирянъ отступить, аеиняне сочли нужнымъ вмѣшаться въ сраженіе, чтобы не дать возможности побѣдителямъ высадиться на союзный островъ. Правда, при малочисленности аеинскихъ судовъ, ихъ вмѣшательство могло принести мало пользы, но какъ разъ въ эту минуту подоспѣло изъ Аеинъ подкрѣпленіе въ 20 тріеръ, появленіе которыхъ заставило коринейнъ прекратить битву и направиться обратно къ материку. Такимъ образомъ, это морское сраженіе, величайшее изъ всѣхъ, какія до сихъ поръ происходили между греками, осталось нерѣшеннымъ; впрочемъ, корцирскій флотъ понесъ гораздо большія потери, чѣмъ коринескій.

На слѣдующее утро соединенный корциро-аеинскій флотъ попытался возобновить битву съ пелопоннесцами. Численный перевѣсъ все еще оставался на сторонѣ послѣднихъ, но они не рѣшились вступить въ сраженіе, такъ какъ аеиняне, благодаря подкрѣпленію, располагали болѣе свѣжими силами. Съ другой стороны, аеинскіе военачальники были связаны своей инструкціей, согласно которой они должны были ограничиться защитой корцирскихъ владѣній, по возможности избѣгая враждебныхъ столкновеній съ коринейнами. Поэтому пелопоннесскій флотъ могъ безпрепятственно совершить отступление; онъ ушелъ, заявивъ протестъ противъ нарушенія мира аеинянами. Корцира была спасена ¹⁾.

Какъ бы то ни было, со времени заключенія тридцатилѣтняго мира это была первая битва между аеинянами и пелопоннесцами; можно было спорить о томъ, на кого падаетъ отвѣтственность за нарушеніе мира, но никто не могъ отрицать, что миръ, если не формально, то фактически, былъ нарушенъ. Въ Аеинахъ хорошо понимали, что Кориней не оставитъ ихъ вызова безъ отвѣта, потому что усиленіе аеинскаго вліянія въ Корцирѣ грозило опасностью самымъ жизненнымъ интересамъ Кориней. Периклъ рѣшилъ предупредить ударъ.

На плоскомъ перешейкѣ, соединяющемъ плодоносный полуос-

отложилась лѣтомъ того же года, притомъ тотчасъ послѣ морской битвы при Корцирѣ (Thuc. I 57). Ср. Nissen *Hist. Zeitschr. N. F.* 27 стр. 402, Holzappel *Beiträge zur Griech. Gesch.* (Berlin 1888) стр. 47 сл.

¹⁾ Thuc. I 45—55.

тровъ Паллену съ Халкидикой, коринѣяне во времена Періандра основали колонію Потидею (см. выше, стр. 151). Стѣны тянулись отъ моря къ морю, отъ Ѳермейскаго до Торонейскаго залива, и такимъ образомъ совершенно отдѣляли Паллену отъ материка. Благодаря выгодамъ своего географическаго положенія, Потидея скоро заняла первое мѣсто между городами этой области. Она одна во Ѳракіи рѣшилась тотчасъ послѣ Саламинской битвы примкнуть къ защитникамъ національнаго дѣла, не испугавшись несмѣтныхъ полчищъ персидскаго царя, которыя тщетно пытались взять городъ осадю ¹⁾. Затѣмъ Потидея вступила въ аѣинскій морской союзъ, потому что собственными силами она не могла бы изгнать персидскіе гарнизоны изъ Ѳракійскихъ укрѣпленій. Тѣмъ не менѣе, она не порвала своихъ связей съ метрополіей, и по прежнему ежегодно получала изъ Коринѣа своего высшаго чиновника, «эпидеміурга». Понятно, что вслѣдствіе осложненій между Аѣинами и Коринѣомъ двойственное положеніе Потидеи сдѣлалось крайне ненормальнымъ, и теперь Периклъ рѣшилъ, что настало время положить ему конецъ. Постановленіемъ аѣинскаго народнаго собранія потидейцамъ было приказано изгнать изъ города коринѣскаго эпидеміурга и срыть стѣну, обращенную къ Палленѣ.

Трудно было придумать болѣе дѣйствительное средство, чтобы побудить потидейцевъ къ возстанію. Невоинственные и предоставленные самимъ себѣ города Іоніи безъ сопротивленія подчинились аналогичному требованію Аѣинъ и выдали свои укрѣпленія; населеніе Потидеи было иного характера, и, кромѣ того, она могла опереться на Коринѣозъ и на македонскаго царя Пердикку, который недавно вступилъ въ войну съ аѣинянами. Поэтому, когда попытка Потидеи склонить Аѣины къ отмѣнѣ ихъ требованій осталась безуспѣшной, она заявила о своемъ выступленіи изъ союза. Ея примѣру послѣдовали сосѣдніе боттійцы и халкидяне. Они покинули свои небольшіе приморскіе города и переселились въ Олинѣозъ (лѣтомъ 432); это событіе положило основаніе позднѣйшему могуществу Олинѣа ²⁾.

Аѣиняне были такъ увѣрены въ успѣхъ, что извѣстіе объ отложеніи Потидеи застало ихъ совершенно врасплохъ. Флотъ изъ 30 триеръ съ командой въ 1000 гоплитовъ, посланный ими въ Македонію, былъ слишкомъ малъ, чтобы одновременно дѣйствовать и противъ Пердикки, и противъ мятежныхъ городовъ Халкидики; съ такими ничтожными силами невозможно было даже предпринять блокаду Потидеи,

¹⁾ Herod. VIII 126—129. Поэтому потидейцы отмѣнены и на памятникѣ победы въ Дельфахъ.

²⁾ Thuc. I 56—58.

какъ ни очевидна была необходимость не дать городу времени приготовиться къ осадѣ. Пришлось ограничиться набѣгами на македонское побережье; Фермы были взяты, Пидна осаждена. Только теперь—это было уже въ концѣ лѣта—прибыли подкрѣпленія изъ Аѳинъ, 2000 гоплитовъ и 40 триеръ подъ начальствомъ стратега Каллія ¹⁾. Но и этихъ силъ оказалось недостаточно. Не оставалось ничего другого, какъ заключить миръ съ Пердиккой, чтобы можно было сосредоточить все вниманіе на Потидеѣ. Между тѣмъ на помощь мятежникамъ подоспѣли 1600 пелопоннесскихъ гоплитовъ, наемники и коринѳскіе добровольцы, такъ что силы противниковъ были почти равны, тѣмъ болѣе, что Пердикка, тотчасъ по удаленіи аѳинянъ изъ его страны, порвалъ недавно заключенный договоръ и отправилъ на помощь халкидянамъ отрядъ конницы. Въ открытой битвѣ передъ стѣнами Потидеи аѳиняне одержали побѣду ²⁾, но ихъ наличныхъ силъ хватило только на то, чтобы запереть городъ съ сѣвера; южная сторона, обращенная къ Палленѣ, осталась пока открытой, и только новое подкрѣпленіе въ 1600 гоплитовъ, прибывшее слѣдующей весной (431 г.) ³⁾, дало возможность аѳинянамъ оцѣпить городъ и съ этой стороны. Теперь передъ Потидеей стояло 5000 аѳинскихъ гоплитовъ, множество союзниковъ и 70 триеръ; такого войска Аѳины еще никогда не высылали въ заморскую экспедицію ⁴⁾. Численный перевѣсъ аѳинянъ заставилъ Пердикку снова заключить съ ними миръ; онъ получилъ обратно Фермы и за это выставилъ отрядъ противъ халкидянъ (лѣтомъ 431 г.) ⁵⁾.

Между тѣмъ коринѳяне еще и въ другомъ направленіи дѣйствовали противъ Аѳинъ. Съ самаго начала было ясно, что возстаніе Потидеи можетъ рассчитывать на успѣхъ только въ томъ случаѣ, если городъ получитъ изъ Пелопоннеса значительную помощь; и Потидея, дѣйствительно, отложила лишь послѣ того, какъ спартанскіе эфоры обѣщали ей посламя такую поддержку ⁶⁾. Теперь надо было добиться ратификаціи этого обѣщанія спартанскимъ народнымъ собраніемъ. Это было не легко, потому что, какъ ни велики были опасенія, которыя возбуждало въ Спартѣ могущество Аѳинъ, какъ ни сильно было желаніе оказать Коринѳу просимую помощь, но тридцатилѣтній миръ

1) СІА. IV 179 а, стр. 30—32.

2) Надгробная надпись въ честь павшихъ аѳинянъ СІА. I 442.

3) Относительно времени см. Holzapfel l. с., стр. 79 сл.

4) Thuc. I 59—66.

5) Thuc. II 29, 6.

6) Thuc. I 58.

съ Аѳинами еще не кончился, и спартанцы не рѣшались нарушить свои клятвы. На защиту мира выступилъ никто иной, какъ престарѣлый царь Архидамъ, по своему положенію и личному авторитету самый вліятельный человѣкъ въ Спартѣ.

При такихъ условіяхъ народное собраніе едва ли поддержало бы военные замыслы эфоровъ, если бы сами Аѳины не дали къ тому желаннаго повода. Какъ разъ въ это время аѳинское народное собраніе, по предложенію Перикла, постановило запретить мегарцамъ прибываніе въ Аттікѣ и какія бы то ни было сношенія съ портами всего аѳинскаго союза. Эта мѣра, наносившая смертельный ударъ мегарской торговлѣ, была мотивирована небольшими злоупотребленіями мегарцевъ, въ какихъ никогда не бываетъ недостатка между сосѣдями, находящимися во враждебныхъ отношеніяхъ; истинной же причиной ея была злоба противъ Мегары, накоплявшаяся въ Аѳинахъ со времени возстанія 446 года и усиленная участіемъ Мегары въ коринѣской экспедиціи противъ Корциры. Какъ бы основательно ни было это чувство само по себѣ, но очевидно, что принятіе «мегарской псефисмы» было со стороны аѳинянъ крайне несвоевременнымъ поступкомъ. Мегара принадлежала къ пелопоннесскому союзу, и хотя договоръ 446/5 года не содержалъ никакого прямого постановленія относительно сношеній между обѣими договаривающимися сторонами ¹⁾, но во всей Греціи считалось несомнѣннымъ, что самый фактъ мира обезпечиваетъ свободу сношеній ²⁾. То обстоятельство, что аѳиняне до сихъ поръ не рѣшались отнять у Мегары право торговли съ аѳинскимъ союзомъ, лучше всего доказывало, что и они сами держались такого взгляда. Мегарская псефисма рѣшила дѣло. Спарта не могла не вступить за свою союзницу Мегару, не рискуя потерять свое руководящее положеніе въ Пелопоннесѣ. Это соображеніе, вмѣстѣ съ значеніемъ могущественнаго Коринѳа, заставило сначала спартанское народное собраніе, а затѣмъ и пелопоннесскій союзный совѣтъ объявить, что Аѳины нарушили миръ (осенью 432 г.) ³⁾. Правда, это еще не было объявленіемъ войны, но въ случаѣ дальнѣйшаго упорства Аѳинъ война становилась неизбежной.

Въ Аѳинахъ какъ разъ около этого времени положеніе Перикла начало замѣтно колебаться. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ освободился отъ соперниковъ въ управленіи государствомъ, онъ пересталъ считаться

1) Thuc. I 144. 2. Текстъ Никіева договора также не содержитъ такого параграфа.

2) Thuc. I 67. 4.

3) Thuc. I 67—88, 119—125

исключительно съ интересами неимущей части населенія. Демагогія всегда была для него только средствомъ къ достиженію власти; теперь, когда цѣль была достигнута, его политика приняла болѣе умѣренный характеръ ¹⁾). Этотъ поворотъ привлечь къ нему симпатіи состоятельныхъ и образованныхъ классовъ; даже такой консервативный человѣкъ, какъ историкъ Фукидидъ, не задумывается отозваться о правленіи Перикла съ восторженной похвалой. Зато среди массъ Периклъ потерялъ значительную долю своей популярности. Здѣсь все болѣе распространялось убѣжденіе, что въ борьбѣ за расширение народныхъ правъ самый плодъ борьбы былъ постепенно утраченъ. Можно ли было даже назвать демократіей государство, въ которомъ одному и тому же человѣку изъ года въ годъ предоставлялось неограниченное право распоряжаться военной силою и финансами и по собственному усмотрѣнію руководить отношеніями къ союзникамъ и другимъ державамъ?

Во главѣ оппозиціи снизу стоялъ богатый кожевникъ Клеонъ изъ городского дема Кидаэенея ²⁾), человѣкъ безъ всякаго серьезнаго образованія и по грубости характера настоящей выскочка ³⁾), но въ то же время одаренный энергіей, не останавливавшейся ни передъ чѣмъ, и тѣмъ природнымъ краснорѣчіемъ, которое вдохновляетъ массы и увлекаетъ ихъ за собою. Сама по себѣ эта оппозиція была бы не очень опасна, но она нашла многочисленныхъ сторонниковъ среди состоятельнаго класса, который никогда не могъ простить Периклу того, что онъ первый сдѣлалъ демосъ руководящей силой въ государствѣ и приучилъ его жить и веселиться на общественный счетъ.

Сюда присоединялось еще то, что Периклъ обращалъ на религиозные и социальные предразсудки своихъ согражданъ меньше вниманія, чѣмъ это было разумно въ его положеніи. Онъ былъ приверженцемъ новаго умственнаго направленія и находился въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ его корифеями ⁴⁾); а большинство аэинянъ, и не одна только чернь, относилась къ этимъ людямъ съ величайшимъ недоумѣніемъ, не

¹⁾ Thuc. II 65 *κατείχε δὲ τὸ πλῆθος ἐλευθέρως, καὶ οὐκ ἤγετο μᾶλλον ἢ π' αὐτοῦ ἢ αὐτὸς ἦγε*, ср. Plut. *Per.* 15.

²⁾ Hermipp. fr. 46 Kock.

³⁾ Thuc. III 36 *βιαιότατος τῶν πολιτῶν*; ср. рѣчь, которую вкладываетъ въ его уста Фукидидъ по поводу Митилены (III 37—40), и *Всадниковъ* Аристофана. Пафлагонецъ, выведенный въ этой пьесѣ, безъ сомнѣнія—карикатура, но карикатура хорошая, въ которой должны быть переданы характерныя черты оригинала.

⁴⁾ Plut. *Per.* 4—6. 36. Ср. Protagor. fr. 3 Mullach у Плутарха *Consolatio ad Apoll.* 33 p. 118.

безъ основанія опасаясь, что они разрушаютъ старую вѣру въ боговъ. Еще бѣльшій соблазнъ представляли отношенія Перикла къ Аспасіи, въ которой общественное мнѣніе видѣло только гетеру и которая, кромѣ того, также принадлежала къ кружку просвѣтителей. Противъ этого кружка и были направлены первыя нападенія враговъ; самъ Периклъ стоялъ слишкомъ высоко, чтобы прямая борьба съ нимъ могла общать какой-нибудь успѣхъ. Престарѣлый философъ Анаксагоръ былъ привлеченъ къ суду по обвиненію въ безбожіи, и принужденъ былъ погннуть Аѣины. Въ томъ же преступленіи и, сверхъ того, въ совращеніи свободныхъ женщинъ къ безнравственному образу жизни была обвинена Аспасія, и только пустивъ въ ходъ все свое вліяніе, Периклъ могъ спасти ее отъ обвинительнаго приговора. Затѣмъ очередь дошла до Фидія. Обвиненный въ утайкѣ части золота и слоновой кости при изготовленіи статуи богини Аѣины, онъ былъ заключенъ въ темницу, гдѣ умеръ еще до суда. Метѣкъ Меновъ, который донесъ на него, былъ постановленіемъ народнаго собранія освобожденъ отъ податей, что было равносильно осужденію Фидія ¹⁾. Въ то же время это былъ ударъ и противъ Перикла, который, въ качествѣ комиссара, руководилъ постановкою статуи и слѣдовательно былъ отвѣтственъ за израсходованныя на нее суммы; но до формальнаго обвиненія Перикла дѣло на этотъ разъ еще не дошло ²⁾.

Периклъ чувствовалъ, что почва подъ его ногами колеблется, и рѣшилъ отклонить приближающуюся грозу наружу. Первымъ его шагомъ въ этомъ направленіи было заключеніе союза съ Корцирой въ 433 году. Съ тѣхъ поръ онъ систематически стремился къ разрыву съ пелопоннесцами; осада Потидеи и мегарская псефисма были открытыми вызовами Спартѣ и ея союзникамъ. И когда, вслѣдъ за тѣмъ, въ Аѣины прибыло спартанское посольство, которое должно было заявить протестъ противъ нарушеній договора, Периклъ всѣмъ вліяніемъ своего все еще безграничнаго авторитета и своего должностнаго положенія воспротивился тому, чтобы Спартѣ была сдѣлана

¹⁾ Plut. *Per.* 31 сл. Diod. XII 39 (Эфоръ), Philochor. fr. 97. Что между процессомъ Фидія и началомъ войны прошло сравнительно мало времени, объ этомъ свидѣлствуетъ показаніе современника Аристофана (*Εἰζήνη* 605). Ср. Nissen *Hist. Zeitschr.* N. F. 27 стр. 406 сл., гдѣ этотъ вопросъ, вызвавшій множество споровъ, рѣшенъ окончательно.

²⁾ Когда былъ изгнанъ остракизмомъ другъ Перикла Дамонъ изъ Ои, мы не знаемъ (Aristot. *Ἀθ. Πολ.* 27, 4 [отсюда Plut. *Per.* 9], Plut. *Per.* 4, Nic. 6, ср. Wilamowitz *Hermes* XIV 1879, стр. 318).

хотя бы малѣйшая уступка ¹⁾). При тогдашней группировкѣ партій въ Спартѣ отмѣны мегарской псефисмы было бы достаточно, чтобы предотвратить грозящую бурю ²⁾), потому что остальные требованія спартанцевъ—именно, чтобы аеиняне отказались отъ Потидеи и дали свободу Эгинѣ—едва ли имѣли серьезный характеръ и формально были совершенно незаконны, такъ что сами спартанцы скоро оставили ихъ. Четырнадцать лѣтъ назадъ Аеины купили миръ гораздо болѣе дорогой цѣною, и все-таки ихъ могущество не потерпѣло ущерба; если теперь Периклъ заявлялъ, что достоинство государства не позволяетъ отмѣнить мегарскую псефисму, то это была только фраза. Но этотъ языкъ былъ отлично рассчитанъ на страсти толпы, и въ Аеинахъ ему почти всегда былъ обеспеченъ успѣхъ. Требования Спарты были, по предложенію Перикла, отвергнуты; зато Аеины выразили готовность передать спорные вопросы на разсмотрѣніе третейскаго суда ³⁾). Этимъ они съ формальной стороны становились вполне на почву договоровъ ⁴⁾), но послѣ всего, что произошло, отвѣтъ аеинянъ долженъ былъ показаться пелопоннесцамъ насмѣшкой. Гдѣ можно было найти третейскаго судью, если вся Греція дѣлилась на сторонниковъ той или другой изъ враждующихъ партій? Переговоры были прерваны, и Пелопоннесъ началъ готовиться къ войнѣ.

Несомнѣнно, что война между двумя передовыми державами Греціи, между демократіей и олигархіей, рано или поздно должна была сдѣлаться неизбежной. Но то, что она вспыхнула именно въ эту минуту, было дѣломъ рукъ Перикла. Нельзя сказать, чтобы моментъ былъ выбранъ удачно. Какъ разъ теперь Аеины были совершенно изолированы; единственное государство, на поддержку котораго онѣ могли бы рассчитывать,—Аргосъ—было еще на десять лѣтъ связано договоромъ со Спартою. Кромѣ того, цѣлая треть аеинскаго сухопутнаго войска была занята во еракійской войнѣ. И помимо всего этого, каждый лишній годъ мира былъ бы неоцѣнимымъ благодѣяніемъ для Аеинъ и Эллады. Все это Периклъ зналъ, конечно, не хуже всякаго другого ⁵⁾); если онъ все-таки стремился къ войнѣ, то къ этому побуждали его, очевидно, соображенія внутренней политики, и обще-

1) Thuc. I 127 *ὡν γὰρ δυνατότατος τῶν καθ' ἑαυτὸν καὶ ἄγων τὴν πολιτείαν ἤναντιοῦτο τοῖς Λακεδαιμονίοις καὶ οὐκ εἰς ὑπείκεν, ἀλλ' ἐς τὸν πόλεμον ὄρμα τοῖς Ἀθηναίοις.*

2) Thuc. I 139. 1, Plut. *Per.* 29.

3) Thuc. I 139—145.

4) Это признали позже сами спартанцы: Thuc. VII 18, 2.

5) Theophrast. у Plut. *Per.* 23.

ственное мнѣніе Греціи очень ясно сознавало это ¹⁾). Периклъ никогда не отличался разборчивостью при выборѣ средствъ, и какъ въ началѣ своей карьеры онъ содѣйствовалъ возбужденію социальной борьбы въ Аѣинахъ, такъ онъ теперь зажегъ въ Греціи междоусобную войну.

Ближайшая цѣль Перикла была достигнута; теперь все зависѣло отъ того, сумѣетъ ли онъ провести войну съ успѣхомъ. Самъ онъ говорилъ объ этомъ въ народномъ собраніи съ большою увѣренностью, и безъ сомнѣнія, таково было его искреннее убѣжденіе; онъ не довелъ бы дѣла до войны, если бы не былъ увѣренъ въ побѣдѣ. Дѣйствительно, Аѣины все еще располагали огромными силами ²⁾). Ихъ власть распространялась на всѣ острова Эгейскаго моря къ сѣверу отъ Крита, исключая лишь Мелоса и Теры; на эракійскомъ берегу имъ еще и теперь, послѣ отпаденія Потидеи и Олинеа, была подчинена большая часть Халкидики и всѣ греческіе города отъ Стримона до Босфора, затѣмъ почти всѣ греческіе города Азіи отъ Калхедона до Книда. На западѣ въ союзѣ съ Аѣинами были Закиноѣ ³⁾, Корцира, мессенское населеніе Навпакта, акарнанцы и амфилохійцы, Регій и Неаполь въ Италіи, Леонтины и Сегеста въ Сициліи. Ежегодный доходъ государства составлялъ около 600 талантовъ,—сумма, какой, за исключеніемъ Персіи и, можетъ быть, кареагенской республики, не получало въ то время ни одно государство. Изъ остатковъ бюджета образовался запасный капиталъ въ 6000 талантовъ. Въ арсеналахъ

1) Такъ думали уже Аристофанъ (*Ахарн.* 515 сл., *Мирь* 609), Авдокидъ (*Пері της πρός Ακκ. εἰρήνης* 8) и позже Эфоръ (у Діодора, XII 39). По моему мнѣнію, другими мотивами невозможно объяснить политику Перикла. Высказанное недавно мнѣніе, будто Периклъ вызвалъ войну съ цѣлью пріобрѣсти Мегару, напоминаетъ рассказъ о томъ крестьянинѣ, который поджегъ свой домъ, чтобы прогнать изъ него клоповъ; разница лишь въ томъ, что крестьянинъ по крайней мѣрѣ избавился отъ клоповъ, а Аѣины все-таки не пріобрѣли Мегары. Поклонники Перикла, культъ котораго до сихъ поръ процвѣтаетъ, не могутъ, конечно, допустить, чтобы великій государственннй человѣкъ Аѣинъ вызвалъ Пелопоннесскую войну ради своихъ личныхъ интересовъ. Фукидидъ былъ менѣе щепетилень; онъ считаетъ вполне естественнымъ, что государственннй человѣкъ руководится эгоистическими мотивами, и сообразно съ этимъ приписываетъ подобныя побужденія даже людямъ, наиболее возбуждающимъ его удивленіе, напримѣръ Брасиду (V 16, 1), Никію (I. с.), Фриниху (VIII 50, ср. VIII 27, 5).

2) См. обзоры Фукидида, II 9 и 13.

3) Этотъ островъ былъ въ союзѣ съ Корцирой (Thuc. I 47), а слѣдовательно косвенно и съ Аѣинами. Акарнанія перешла на сторону Аѣинъ изъ вражды къ коринѣской Левкадѣ; возможно, что это случилось уже около того времени, когда Периклъ тщетно осаждалъ Эніады.

Пирея находилось 300 триеръ; кромѣ того, Аѣины располагали флотами Лесбоса, Хиоса и Корциры; и еще важнѣе, чѣмъ количество кораблей, были испытанныя достоинства аѣинскаго флота, съ которымъ въ этомъ отношеніи не могъ сравниться ни одинъ флотъ въ мірѣ. Менѣе значительны были сухопутныя силы Аѣинъ. Правда, по количеству населенія аѣинская держава превосходила пелопоннесскій союзъ болѣе, чѣмъ вдвое, и тѣ 13000 гоплитовъ и 1000 всадниковъ, которыхъ выставляли сами Аѣины, могли смѣло выдержать сравненіе съ любой греческой арміей, исключая, можетъ быть, лишь спартанской и ѳиванской. Зато населеніе малоазіатскихъ и островныхъ городовъ было крайне невоинственно и, что было еще важнѣе, — совершенно ненадежно въ политическомъ отношеніи. Слѣдовательно, главной сухопутной силой Аѣинъ являлась ихъ собственная милиція и отряды ихъ клеруховъ съ Лемноса, Имбра, Скироса и Ореоса; онѣ не имѣли никакой возможности выставить тяжеловооруженное войско, которое если не качественно, то хотя бы только количественно могло бы сравниться съ арміей пелопоннескаго союза.

Периклъ былъ такъ твердо убѣжденъ въ превосходствѣ Спарты на сушѣ, что съ самаго начала отказался отъ мысли защищать Аттику. Его планъ состоялъ въ томъ, чтобы перевести все населеніе вмѣстѣ съ его движимымъ имуществомъ въ Аѣины, блокировать флотомъ Пелопоннесъ и безпрестанно тревожить его высадками. При несомнѣнномъ морскомъ перевѣсѣ Аѣинъ и неприступности ихъ укрѣпленій этотъ планъ обѣщаль, казалось, вѣрную побѣду. Вопросъ былъ только въ томъ, кто долѣе выдержитъ. Вредъ, который аѣинскій флотъ могъ причинить Пелопоннесу, опустошая его берега, былъ ничтоженъ въ сравненіи съ разореніемъ всего сельскаго населенія Аттики, — неизбежнымъ послѣдствіемъ вторженія въ нее пелопоннесцевъ; ядро непріятельской силы было неуязвимо для Аѣинъ. Затѣмъ, какъ ни великъ былъ запасный фондъ, накопленный Перикломъ, но нѣсколько лѣтъ войны должны были истощить его, и тогда Аѣины были бы принуждены повышать союзническіе взносы и слѣдовательно подвергать тяжкому испытанію вѣрность союзниковъ. Можно ли было рассчитывать съ увѣренностью, что они выдержатъ это испытаніе? И что должно было бы произойти, если бы Аѣины постигло какое-нибудь непредвидѣнное несчастіе? Но даже въ томъ случаѣ, если бы предположенія Перикла вполнѣ осуществились, если бы Аѣины удержали всѣ свои владѣнія и война съ теченіемъ времени утомила пелопоннесцевъ, лучшимъ результатомъ военнаго плана Перикла былъ бы гнилой миръ на условіи сохраненія обѣими державами своихъ

прежнихъ владѣній. Стоила ли эта награда такихъ огромныхъ жертвъ? ¹⁾).

Между тѣмъ Пелопоннесъ дѣятельно готовился къ войнѣ. Онъ заключилъ союзъ съ Беотіей и тѣмъ не только значительно увеличилъ свои наличныя военныя силы, но, главнымъ образомъ, приобрѣлъ прочный опорный пунктъ для предполагаемаго ближайшимъ лѣтомъ вторженія въ Аттику. Точно такъ же теперь примкнули къ пелопоннесцамъ Локрида и Фокида, которыя въ 446 году, одновременно съ Беотіей, освободились отъ аѣинскаго владычества ²⁾). Отъ западныхъ пелопоннесскихъ колоній, которымъ завоевательная политика Аѣинъ грозила не меньшею опасностью, чѣмъ самому Пелопоннесу, ожидали помощи кораблями ³⁾. Аргось еще на десять лѣтъ былъ связанъ тридцатилѣтнимъ миромъ, заключеннымъ въ 451 году. Вообще, симпатіи большей части націи были всецѣло на сторонѣ Спарты, побѣда которой должна была освободить аѣинскихъ союзниковъ отъ рабства, а остальные греческія государства—отъ страха въ свою очередь подпасть подъ иго Аѣинъ ⁴⁾). И дѣйствительно, аѣиняне въ теченіе войны почти ничего не достигли политической пропагандой, тогда какъ пелопоннесцы были обязаны послѣдней своими главными успѣхами. Выразителемъ этого взгляда явился дельфійскій оракулъ, который объявилъ, что пелопоннесцы одержатъ побѣду, если будутъ настойчиво вести войну, и что во всякомъ случаѣ имъ обезпечена помощь боговъ ⁵⁾).

Неудивительно, что пелопоннесцы шли на войну съ воодушевленіемъ и увѣренностью въ побѣдѣ. Они были убѣждены, что пе-

¹⁾ Ср. Pflugk-Harttung, *Perikles als Feldherr*, Stuttgart 1884. Такой же взглядъ на военный планъ Перикла я одновременно выразилъ въ моей *Attische Politik* (Leipzig 1884) стр. 22 сл.; таково же мнѣніе Дункера, *Gesch. des Alterth.* IX стр. 417 сл. (Leipzig 1886). Этотъ взглядъ вызвалъ длинную полемику, которая совершенно не соотвѣтствуетъ ничтожному значенію вопроса и нисколько не обогатила науку. Что Периклъ поступилъ разумно, не давъ ни одного сухопутнаго сраженія для защиты Аттики, этого не станеть отрицать ни одинъ человекъ, знакомый съ тогдашнимъ положеніемъ военныхъ дѣлъ; но онъ не будетъ отрицать и того, что въ первый годъ войны можно было сдѣлать гораздо больше, чѣмъ предпринять бесплодную морскую демонстрацію передъ Пелопоннесомъ и совершенно ненужное въ военномъ отношеніи опустошеніе Мегариды.

²⁾ Thuc. II 9.

³⁾ Thuc. II 7.

⁴⁾ Thuc. II 8, 4—5.

⁵⁾ Thuc. I 118, 3.

средствомъ опустошенія Аттики имъ удастся въ два - три похода сломить могущество Аѳинъ ¹⁾, и вполне естественно, что послѣ легкихъ успѣховъ 446 года будущее должно было представляться имъ въ розовомъ свѣтѣ. Впрочемъ, опытные воины, какъ напримѣръ старый царь Архидамъ, не раздѣляли этихъ надеждъ ²⁾; они предвидѣли, что предстоящая война будетъ очень продолжительна, и понимали, что для того, чтобы сокрушить силу Аѳинъ, надо побѣдить ихъ въ ихъ собственной стихіи—на морѣ. А такая война требовала прежде всего огромныхъ денежныхъ средствъ, какихъ самъ Пелопоннесъ не могъ доставить. Правда, богатые храмы Дельфъ и Олимпіи лежали въ предѣлахъ пелопоннескаго союза, но лакедемоняне были слишкомъ благочестивы, чтобы рѣшиться тронуть священныя сокровища ³⁾. Далѣе, былъ ли пелопоннескій союзъ внутренне настолько проченъ, чтобы онъ могъ перенести всѣ превратности долгой войны? Онъ и теперь былъ тѣмъ же, чѣмъ былъ столѣтіе назадъ при своемъ основаніи, т. е. непрочнымъ соединеніемъ независимыхъ государствъ, которыхъ не связывало со Спартою ничто другое, кромѣ ихъ доброй воли и страха передъ ея военнымъ превосходствомъ. Уже однажды, послѣ Персидскихъ войнъ, союзъ распался, и только послѣ долгой борьбы удалось сплотить его снова. Военный энтузіазмъ, охватившій теперь Пелопоннесъ, долженъ былъ съ теченіемъ времени остынуть; если бы тогда Спарта подверглась серьезной опасности,—кто могъ поручиться за вѣрность союзниковъ? Какъ бы то ни было, но пелопоннесцы все-таки имѣли гораздо больше основаній надѣяться на успѣхъ, чѣмъ аѳиняне, потому что флотъ могли въ нѣсколько лѣтъ создать себѣ и пелопоннесцы, а Аѳины никогда не могли бы выставить сухопутную армію, равную пелопоннеской. Если, несмотря на это, прошло еще 27 лѣтъ, прежде чѣмъ аѳинская держава была разрушена, то причину этого надо искать, главнымъ образомъ, въ неспособности спартанскихъ государственныхъ людей или, вѣрнѣе, въ негодности спартанскаго строя, который соединялъ въ себѣ всѣ недостатки монархіи и олигархіи и какъ будто съ умысломъ былъ разсчитанъ на то, чтобы преграждать талантливимъ людямъ путь къ власти. И этою-же причиной объясняется то, что, достигнувъ наконецъ цѣли, Спарта была не въ состояніи удержать плоды своей побѣды.

1) Thuc. V 14, 3.

2) Thuc. I 81, 6.

3) Однако, болѣе развитые коринѳяне и аѳиняне, повидимому, ожидали этого, Thuc. I 121. 3, 143. 1.

ГЛАВА XV.

Пелопоннесская война.

Итакъ, война была рѣшена; въ Пелопоннесѣ приготовления приближались къ концу, и лѣтомъ 431 г. союзное войско должно было вторгнуться въ Аттику. Въ Греціи господствовало то томительное затишье, которое обыкновенно предшествуетъ большимъ катастрофамъ. Суевѣрная толпа повсюду тѣснилась вокругъ прорицателей; землетрясеніе на Делосѣ, священномъ островѣ Аполлона, — первое на памяти людей — считали многозначащимъ предзнаменованіемъ, и даже просвѣщенный историкъ этой эпохи счелъ нужнымъ сообщить потомству объ этомъ событіи ¹⁾.

Военныя дѣйствія начались въ Беотіи. Здѣсь, какъ мы уже знаемъ (выше стр. 270), Платея еще до Персидскихъ войнъ отдѣлилась отъ остальныхъ городовъ этой области и вступила въ тѣсный союзъ съ Афинами, которому она впоследствии оставалась вѣрна при всѣхъ превратностяхъ судьбы. Эта аттическая крѣпость внутри Беотіи, въ разстояніи не болѣе двухъ часовъ пути отъ Фивъ, постоянно угрожала послѣднимъ; тѣмъ опаснѣе было это сосѣдство теперь, наканунѣ войны. Поэтому рѣшено было завладѣть городомъ еще до начала войны. Олигархическая партія въ самой Платеѣ предложила свое содѣйствіе для осуществленія этого предпріятія; съ ея помощью въ дождливую ночь, приблизительно въ началѣ марта 431 г., проникъ въ городъ отрядъ изъ 300 афинскихъ гоплитовъ. Но громад-

1) Thuc. II 8. Отношенія положенія дѣлъ въ Афинахъ во время этой войны сравн., кромѣ упомянутыхъ выше на стр. 12 работъ Мюллеръ-Штрюбинга, G. Gilbert *Beiträge zur inneren Geschichte Athens im Zeitalter des peloponnesischen Krieges*, Leipzig 1877 и мою *Attische Politik seit Perikles* (Leipzig 1884). Здѣсь, конечно, кое-что заимствовано изъ послѣдней книги.

ное большинство гражданъ не хотѣло и слышать о присоединеніи къ беотійскому союзу. Подгрѣшеніе изъ Фивъ опоздало, и на разсвѣтъ фиванскіе гоплиты были побѣждены и принуждены сдатьсь. Плѣнники, числомъ 180, и между ними люди, принадлежавшіе къ лучшимъ фамиліямъ Фивъ, были тотчасъ умерщвлены; отмѣна казни пришла изъ Аѣинъ слишкомъ поздно. Виновники этого кроваваго дѣла впослѣдствіи страшно поплатились за него ¹⁾).

На нарушеніе мира Аѣины отвѣтили заключеніемъ подъ стражу всѣхъ находившихся въ Атикѣ беотянъ; аттическое войско перешло черезъ Клееронъ, поставило Платею въ оборонительное положеніе и перевело неспособную къ войнѣ часть населенія въ Аѣины, гдѣ она была въ полной безопасности ²⁾). Однако отъ наступательныхъ дѣйствій противъ Беотіи аѣиняне воздержались; сознавая, что онъ вызвалъ войну, Периклъ именно поэтому всѣми силами старался свалить формальную отвѣтственность за начало военныхъ дѣйствій на противниковъ.

Спустя два мѣсяца послѣ нападенія на Платею, въ маѣ, царь Архидамъ собралъ на Коринѣскомъ перешейкѣ пелопоннесскія союзныя войска, двѣ трети способнаго къ войнѣ населенія, — приблизительно 20—25,000 гоплитовъ. Прежде, чѣмъ выступить въ походъ, онъ сдѣлалъ еще послѣднюю попытку предотвратить войну; онъ надѣялся, что въ Аѣинахъ въ виду непріятельской арміи еще въ послѣднюю минуту одержитъ верхъ партія мира. Повидимому Периклъ опасался чего-то въ этомъ родѣ; онъ даже не впустилъ въ городъ лакедонскаго посла и тотчасъ отослалъ его подъ военнымъ конвоемъ къ границѣ ³⁾).

Теперь Архидамъ двинулся со своей арміей и, подгрѣшенный приблизительно 5,000 беотійскихъ гоплитовъ, вступилъ въ Аттику. Вѣрный своему рѣшенію строго держаться оборонительнаго образа дѣйствій, Периклъ еще за нѣсколько недѣль до нашествія пелопоннѣсцевъ послалъ отрядъ изъ 1,600 гоплитовъ въ Потидею (выше стр. 404). Онъ не хотѣлъ даже двинуться въ Мегариду, чтобы завладѣть тѣснинами Гераніи и такимъ образомъ отрѣзать пелопоннѣсцамъ путь въ Аттику; правда, въ военномъ отношеніи эта операція была бы опасна, такъ какъ въ тылу находились беотяне. Но и въ самой Атикѣ онъ не оказалъ непріятелю ни малѣйшаго сопро-

¹⁾ Thuc. II 2—6.

²⁾ Thuc. II 6.

³⁾ Thuc. II 10—12. О величинѣ пелопоннесской арміи см. мою *Bevölkerung*, стр. 8.

тивленія, несмотря на то, что высоты, отдѣлявшія аѳинскую равнину отъ элевсинской, представляли превосходную оборонительную линію. Онъ зналъ, какъ многого оставляла желать дисциплина его гражданскаго ополченія, и боялся быть противъ вели вовлеченнымъ въ открытое сраженіе, которое, при вдвое большей численности непріятеля, непременно повело бы къ пораженію аѳинянъ.

Такимъ образомъ, Архидамъ могъ безпрепятственно подвигаться впередъ и опустошать поля, на которыхъ только что созрѣлъ хлѣбъ. Между тѣмъ сельское населеніе устремилось въ главный городъ; возы съ домашнимъ скарбомъ, стада быковъ и овецъ тѣснились на улицахъ ¹⁾. Немногіе нашли пристанище у родныхъ и друзей; громадное же большинство расположилось въ храмахъ или въ баракахъ, которые были построены на всѣхъ свободныхъ площадяхъ города ²⁾. Не трудно представить себѣ, какое настроеніе господствовало между бѣглецами. Когда затѣмъ пелопоннесцы подошли къ Ахарнамъ, находящимся приблизительно въ разстояніи 10 килом. отъ города, и начали на глазахъ гражданъ опустошать поля и сжигать деревни, въ Аѳинахъ едва не дошло до открытаго мятежа. Годная къ войнѣ часть населенія бурно требовала, чтобы ее повели противъ врага. Но Перикль твердой рукою правилъ государствомъ. Съ тѣхъ поръ какъ непріятель находился въ Атикѣ, онъ пользовался диктаторскими полномочіями; дѣятельность народнаго собранія и суда была временно приостановлена, и народъ былъ слѣдовательно лишенъ возможности принять какое-нибудь необдуманное рѣшеніе. Видя, что противникъ уклоняется отъ битвы, Архидамъ покинулъ свою позицію при Ахарнахъ и, перейдя черезъ Парнесъ, двинулся мимо Оропа, черезъ Беотію, къ Коринескому перешейку, гдѣ и распустилъ свою армію. Весь походъ продолжался меньше мѣсяца ³⁾.

Между тѣмъ Перикль отправилъ противъ Пелопоннеса флотъ въ 300 триеръ съ 1,000 голлитовъ. Съ такими ничтожными силами, конечно, нельзя было достигнуть серьезныхъ успѣховъ. Нѣкоторыя прибрежныя области были опустошены, но въ виду подкрѣпленій, которые подходили изъ глубины страны, аѳинянамъ каждый разъ приходилось успѣшно удаляться на свои корабли. Впрочемъ, аѳинянамъ удалось присоединить къ своему союзу важный островъ Кефалленію и овладѣть небольшою коринеской колоніей Солліонъ въ Акарнани ⁴⁾.

1) Andoc. fr. 4 у Suid. *σχάνδις*.

2) Thuc. II 17.

3) Thuc. II 18—23.

4) Thuc. II 23—25. 30.

Такимъ образомъ, результаты военныхъ дѣйствій были очень скудны; зато Перикль постарался удовлетворить самолюбіе народа инымъ путемъ. Беззащитные жители Эгины были изгнаны изъ своего города по обвиненію въ томъ, что они вступили въ измѣнническій союзъ со Спартой; ихъ землю подѣлили между собою аттичскіе клерухи. Лакедемоняне дали изгнанникамъ убѣжище въ Ойреѣ, на аргивской границѣ. Осенью Перикль со всѣмъ аѳинскимъ ополченіемъ предпринялъ походъ въ Мегариду, чтобы отомстить врагу; аѳиняне сильно опустошили открытую страну, но не сдѣлали даже попытки завладѣть укрѣпленнымъ городомъ ¹⁾.

Въ общемъ Перикль все же могъ быть доволенъ результатами этого перваго похода. Если военные успѣхи и не были велики, то по крайней мѣрѣ дѣло обошлось безъ сколько-нибудь серьезныхъ неудачъ. Непрiятельское нашествіе ограничилось сѣверными округами Аттики; подойти къ стѣнамъ столицы или, оставивъ Аѳины въ сторонѣ, пройти въ Паралию—для этого у непрiятеля не хватало смѣлости. Но, что было важнѣе всего, въ виду внѣшней опасности затихли всякіе раздоры внутри государства; тѣснѣе, чѣмъ когда либо, граждане сплотились вокругъ того, кто въ данную минуту стоялъ во главѣ государства. Но Периклу скоро пришлось убѣдиться, какъ опасна была игра, которую онъ затѣялъ.

Слѣдующей весною (430) царь Архидамъ во главѣ союзной пелопоннеской арміи снова перешелъ черезъ границу Аттики. Если онъ въ предшествовавшемъ году шадилъ непрiятеля, чтобы съ самаго начала не сдѣлать разрывъ непоправимымъ, то теперь онъ рѣшился дѣйствовать энергично. Цѣлыхъ 40 дней оставалось его войско въ Атикѣ, которую оно совершенно разорило до крайней южной границы. Но Перикль и теперь твердо держался своего плана—избѣгать сраженія, и предоставилъ южную часть Аттики на произволь судьбы, какъ въ предыдущемъ году—сѣверную ²⁾.

Какъ ни силенъ былъ ударъ, нанесенный Аѳинамъ этимъ опустошеніемъ, онъ былъ ничтоженъ сравнительно съ тѣмъ бѣдствіемъ, которое произвела въ городѣ чума. Эпидемія уже давно опустошала Египетъ и области передней Азіи; затѣмъ она была занесена въ Лемносъ, и къ тому времени, когда пелопоннесцы вторглись въ Аттику, появилась въ Пиреѣ, откуда вскорѣ перешла въ верхнюю часть города. Большой греческій городъ той эпохи уже самъ по себѣ

¹⁾ Thuc. II 27—31.

²⁾ Thuc. II 47. 55. 57.

представлялъ очень благопріятную почву для распространенія заразы, благодаря тѣснымъ, немощнымъ улицамъ и отсутствію простѣйшихъ гигиеническихъ приспособленій ¹⁾. Но вдвойнѣ благопріятную почву представляли теперь Аѣины, гдѣ въ тѣсныхъ и нездоровыхъ жилищахъ скучилось все сельское населеніе Аттики—вмѣстѣ съ населеніемъ самого города почти 200,000 человекъ. При такихъ условіяхъ чума должна была производить страшныя опустошенія; за три года (430, 429, 426), въ которые эпидемія цоявлялась въ Аѣинахъ, она унесла почти четверть всего населенія Аттики ²⁾. Подъ потрясающимъ впечатлѣніемъ этого несчастія общественный порядокъ минутами, казалось, готовъ былъ рухнуть. На улицахъ и даже въ храмахъ лежали непогребенные трупы; народомъ овладѣло тупое отчаяніе; надежда на боговъ, которые не посылали никакого спасенія, начала исчезать. Какъ всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, на ряду съ великодушнымъ самопожертвованіемъ и любовью къ ближнему, обнаруживался, съ другой стороны, самый безсердечный эгоизмъ ³⁾.

Узнавъ о появленіи чумы въ Аѣинахъ, непріятель удалился ⁴⁾; и дѣйствительно, болѣзнь пощадилъ Пелопоннесъ ⁵⁾. Господствовавшее военное положеніе оказалось самымъ дѣйствительнымъ карантинномъ, такъ какъ пелопоннесцы безопадно убивали каждаго аѣинянина или аѣинскаго союзника, который попадалъ въ ихъ руки. Между тѣмъ Периклъ, чтобы дать исходъ возбужденію народа, предпринялъ большую экспедицію противъ Пелопоннеса. Но чума, принесенная войскомъ, парализовала всякій успѣхъ. Въ концѣ концовъ аѣинскіе военачальники сдѣлали почти невѣроятную ошибку, передвинувъ войско отъ Пелопоннеса къ Потидеѣ, благодаря чему зараза была, конечно, занесена и въ осадный отрядъ. Впрочемъ, они и здѣсь ничего не успѣли, и принуждены были вернуться въ Аѣины, напрасно потерявъ болѣе 1,000 гоплитовъ ⁶⁾.

Негодованіе противъ Перикла, грозившее разразиться два года назадъ, вспыхнуло теперь съ удвоенной силой. Въ самомъ дѣлѣ, его

¹⁾ Улица служила отхожимъ мѣстомъ (Aristoph. *Eccl.* 317 сл.); въ Эпвахъ, изобиловавшихъ садами, по преданію подлѣ каждаго дома лежала навозная куча (Eubul. *Cercop.* fr. 2).

²⁾ Изъ 20,000 гоплитовъ и всадниковъ умерло, по Оук. III 87, 4,700 человекъ; сравн. мою *Bevölkerung*, глава III.

³⁾ Thuc. II 47—54.

⁴⁾ Thuc. II 57.

⁵⁾ Thuc. II 54—55.

⁶⁾ Thuc. II 56. 58.

политика привела Аѣины къ войнѣ и, значить, косвенно была отвѣтственна также за появленіе чумы. Всѣ классы населенія, зажиточные и чернь, соединились, чтобы низвергнуть правителя. При выборахъ въ стратеги на 430/429 г., произведенныхъ тотчасъ послѣ отступленія пелопоннесцевъ ¹⁾, Периклъ не былъ избранъ, послѣ того какъ въ теченіе 15 лѣтъ непрерывно занималъ эту должность. Фактически неизбраніе было равносильно отставкѣ. Личный режимъ былъ устраненъ. Предъявленное вслѣдъ затѣмъ противъ Перикла обвиненіе въ растратѣ общественныхъ денегъ имѣло цѣлью обезпечить побѣду оппозиціи и навсегда закрыть Периклу доступъ къ политической дѣятельности. При господствовавшемъ настроеніи нельзя было сомнѣваться въ исходѣ процесса; присяжные признали Перикла виновнымъ и присудили его къ большому штрафу. Немногого недоставало, чтобы произнесенъ былъ смертный приговоръ надъ человѣкомъ, который еще вчера почти единовластно управлялъ половиной Греціи ²⁾.

Итакъ, ближайшая цѣль оппозиціи была достигнута; но скоро обнаружилось, что настоящія затрудненія начинались лишь теперь. Попытка придти къ соглашенію со Спартой не удалась ³⁾; ходъ событій превзошелъ самыя смѣлыя ожиданія пелопоннесской военной партіи, и было вполне естественно, что она соотвѣтственно этому повысила свои требованія. А между тѣмъ Аѣины и теперь еще отнюдь не были склонны принять миръ на какихъ бы то ни было условіяхъ; поэтому ничего другого не оставалось, какъ продолжать политику Перикла, за которую еще недавно на него роптали. Но результаты были очень неутѣшительны. Правда, Потидея послѣ двухлѣтней геройской обороны, сдалась въ теченіе зимы 430/429 г., доведенная до крайности голодомъ; начальники аѣинскаго отряда разрѣшили гражданамъ свободное отступленіе. Земля была роздана аттическимъ клерухамъ, и Потидея сдѣлалась съ этихъ поръ главнымъ оплотомъ Аѣинъ на ѳракійскомъ побережьи ⁴⁾. Но радость по поведи

¹⁾ Изъ *Ἀθην. πολ.* Аристотеля (44, 4) мы теперь знаемъ, что выборы стратеговъ производились въ седьмую пританію, если дурныя предзнаменования не заставляли отсрочить ихъ. Пока непріятель находился въ странѣ, не происходило вообще никакихъ народныхъ собраній и, слѣдовательно, также никакихъ выборовъ (Thuc. II 22).

²⁾ Thuc. II 59—65. Plut. *Per.* 32. 35, сравн. мою *Attische Politik*, стр. 330—335.

³⁾ Thuc. II 59, 2.

⁴⁾ Thuc. II 70.

этого успѣха была омрачена тяжкимъ пораженіемъ, которое ближайшей весною (429 г.) потерпѣло подъ Спартоломъ только что освободившееся осадное войско въ сраженіи съ халкидянами. Эта битва интересна въ военно-историческомъ отношеніи тѣмъ, что аттические гоплиты, одержавъ верхъ надъ непріятельскими гоплитами, были разбиты халкидскими всадниками и легковооруженными; это былъ одинъ изъ первыхъ признаковъ того, что древняя тактика гоплитовъ, которой аеиняне были обязаны побѣдами при Марафонѣ и Платеѣ, пережила себя ¹⁾).

Въ это время аеиняне получили неожиданную помощь. Съ тѣхъ поръ какъ Фракія освободилась отъ персидскаго владычества, одризы, жившіе въ плодородной долинѣ Гебра, стали распространять свою власть надъ сосѣдними племенами; при царѣ Ситалкѣ, около начала Пелопоннесской войны, ихъ владѣнія простирались отъ Абдеры и верхняго Стримона до Истра и Чернаго моря, на протяженіи почти 130,000 кв. килом. Греческіе города вдоль побережья Понта также должны были признать ихъ владычество и согласиться на уплату дани; годовой доходъ царя при преемникѣ Ситалка, Сеуѣѣ, равнялся по преданію 800 талантамъ серебра, кромѣ значительныхъ натуральныхъ повинностей ²⁾). Въ 431 году Ситалкѣ вступилъ въ союзъ съ аеинянами, и отчасти его вліянію нужно приписать переходъ македонскаго царя Пердикки съ пелопоннесской стороны на аеинскую ³⁾). Съ тѣхъ поръ фракійскій царь ничего больше не сдѣлалъ для аеинянъ; теперь паденіе Потидеи пробудило его наконецъ отъ бездѣйствія. Но осень настала раньше, чѣмъ онъ выступилъ въ походъ со своимъ войскомъ. Это была огромная армія, а молва еще безмѣрно преувеличила ея численность; въ Греціи говорили, что Ситалкѣ везетъ съ собою 100,000 пѣхотинцевъ и 50,000 всадниковъ. Перейдя черезъ горы у верхняго теченія Стримона, онъ вступилъ съ сѣвера въ Македонію, царь которой, Пердикка, хотя находился въ мирѣ съ Аеинами, поссорился съ Ситалкомъ. Послѣдній завладѣлъ Идоменой при рѣкѣ Аксіѣ и разорилъ всю низменность до Пеллы; въ Фессаліи начали уже опасаться вторженія фракійцевъ и дѣлали

¹⁾ Thuc. II 79.

²⁾ Thuc. II 97. Это государство обнимало приблизительно нынѣшнюю Болгарію съ Восточной Румеліей и турецкій вилайетъ Адрианополь. Фукидидъ опредѣляетъ сумму податей въ 400 талантовъ; столько же стоили будто бы подарки, которые получалъ царь. Относительно исторіи государства одризовъ сравн. Нёск *Hermes* 26 (1891) стр. 76—117.

³⁾ Thuc. II 29; сравн. Aristoph. *Acharn.* 134 слл.

приготовленія къ ихъ встрѣчѣ. Однако, для осады укрѣпленныхъ мѣстъ варвары были совершенно непригодны, и Ситалкъ двинулся въ Халкидику, куда аѳиняне обѣщали прислать ему въ помощь флотъ. Но варварь-союзникъ сталъ, повидимому, возбуждать опасенія и въ Аѳинахъ; во всякомъ случаѣ, флотъ не былъ посланъ. Недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ и наступленіе зимы принудили Ситалка вернуться, спустя 30 дней послѣ вступленія въ Македонію ¹⁾). Вся эта экспедиція не имѣла никакого успѣха, и владѣнія аѳинянь на Халкидикѣ по прежнему ограничивались полуостровами Палленой, Спѳоніей и Актой и городами Энеей, Аканѳомъ и Стагиромъ ²⁾).

Дѣятельность враговъ Перикла за то короткое время, которое прошло со времени его паденія, какъ нельзя лучше доказала, что безъ него невозможно было обойтись. Какъ бы плоха ни была система Перикла, она все же была наименьшимъ изъ золъ, между которыми приходилось выбирать. И вотъ весною 429 года въ общественномъ мнѣніи произошла реакція. Противоестественная коалиція, которая годъ назадъ свергла Перикла, теперь распалась. Демосъ снова соединился вокругъ своего стараго вождя, и Периклъ вновь былъ избранъ въ стратеги на 429/8 г. ³⁾).

Но силы его были надломлены ударами послѣднихъ лѣтъ. Къ этому присоединилось семейное горе; оба его законныхъ сына, Ксантиппъ и Паралъ, одинъ за другимъ въ короткое время пали жертвами чумы. Едва онъ въ срединѣ лѣта 429 г. вступилъ въ отправленіе должности стратега, какъ болѣзнь сразила и его, и онъ умеръ въ августѣ или сентябрѣ этого года ⁴⁾). Кто могъ занять освободившееся мѣсто? Въ Аѳинахъ, какъ и вездѣ, единовластіе дало возможность возвыситься только посредственностямъ; помощники Перикла были въ умственномъ отношеніи ничтожествами, совершенно неспособными къ личной инициативѣ. Таковъ былъ, напримѣръ, Лисиглъ, «скотопро-

¹⁾ Thuc. II 95—101.

²⁾ Размѣры аѳинскихъ владѣній на Халкидикѣ въ эту эпоху опредѣляются по податнымъ спискамъ CIA. I 256 (отъ 428/7 г.), 257 и 259. Что послѣдняя надпись относится не ко времени послѣ повышенія налоговъ 425/4 г., какъ думаетъ Кирхгофъ, а къ эпохѣ, предшествовавшей этому году,—это очевидно и теперь всеми признано. Списокъ сохранился вполне; сумма всѣхъ податей равняется 87 тал. 3835 др., тогда какъ до войны еракійскій округъ платилъ около 139 тал.

³⁾ Thuc. II 65. 4, сравн. Gilbert *Beiträge* стр. 121, Isler *Jahrb. f. Philol.* 1871, стр. 381.

⁴⁾ Thuc. II 65. 5, Plut. *Per.* 36 сл., Protagor. fr. 3 Mullach у Plut. *Consolatio ad Apollonium* 33 p. 118.

мышленникъ», какъ его называетъ комедія ¹⁾, — человекъ, который въ послѣдніе годы стоялъ, можетъ быть, ближе всѣхъ къ Периклу, и заботамъ котораго онъ, умирая, поручилъ свою Аспасію. Къ тому же онъ еще осенью 428/7 г. погибъ въ походѣ противъ Каріи ²⁾. Руководство демосомъ перешло теперь къ Клеону, который, какъ мы знаемъ, оказывалъ когда-то сильную оппозицію политикѣ Перикла и былъ однимъ изъ главныхъ виновниковъ его паденія, а теперь держался того мнѣнія, что разъ война начата, нужно употребить всѣ усилія, чтобы довести ее до конца. Но общественное положеніе кожевника было таково, что онъ не могъ рассчитывать на избраніе въ стратеги; да онъ и самъ былъ еще пока очень далекъ отъ такихъ честолюбивыхъ мыслей. Такимъ образомъ, онъ могъ имѣть лишь косвенное вліяніе на управленіе государствомъ и особенно на ходъ войны. Вообще же смерть Перикла должна была способствовать усиленію мирной партіи. Во главѣ ея стоялъ теперь Никій, сынъ Никерата, изъ Кидантидскаго округа. Человекъ во всѣхъ отношеніяхъ достойный уваженія и, подобно большинству членовъ высокой аттической знати, искренно преданный существующему порядку, притомъ очень дѣльный офицеръ, онъ былъ однако лишень выдающихся военныхъ и государственныхъ способностей. Его вліяніе основывалось, главнымъ образомъ, на его огромномъ богатствѣ, въ которомъ съ нимъ могли сравниться лишь немногіе афиняне. Ничто, можетъ быть, не свидѣтельствуетъ лучше о томъ недостаткѣ въ талантахъ, который ощущался въ это время въ Афинахъ, чѣмъ то обстоятельство, что такой человекъ могъ занять руководящее положеніе въ государствѣ и съ небольшими перерывами удержатъ его до смерти. Нечего и говорить, что при такихъ условіяхъ нельзя было и думать о твердой и цѣлесообразной политикѣ какъ внѣ, такъ и внутри государства ³⁾.

Въ 429 году пелопоннесцы не повторили своего вторженія въ Аттику; тамъ уже больше нечего было разорять, а все еще свирѣпствовавшая чума заставляла ихъ быть осторожными. Въмѣсто этого царь Архидамъ предпринялъ походъ въ область Платей, и такъ какъ попытки убѣдить городъ добровольно перейти на сторону Спарты не увѣнчались успѣхомъ, то началась осада. Хотя платейцы и отбили

1) Aristoph. *Всадники* 132. 765 со схол., Aeschin. Socrat. у Plut. *Гер.* 24, Harpocr. подъ *Ἀσπασία*. Сравн. Müller-Strübing *Aristophanes*, стр. 620 слл.

2) Thuc. III 19.

3) Сравн. Thuc. II 65. 10.

всѣ приступы, однако, рано или поздно голодъ долженъ былъ бросить городъ въ руки беотянъ и пелопоннесцевъ ¹⁾. Такой результатъ похода далеко нельзя было назвать блестящимъ. Лучшихъ успѣховъ ожидали отъ другого предпріятія, которое было осуществлено во второй половинѣ лѣта. Предшествовавшей зимой (430/29) аѣиняне наконецъ сдѣлали то, что имъ слѣдовало бы сдѣлать уже въ самомъ началѣ войны, именно послали въ Навпактъ эскадру, которая заперла входъ въ Крисейскій заливъ и тѣмъ парализовала всю морскую торговлю Коринѳа. Поэтому снаряженъ былъ сильный пелопоннесскій флотъ для прекращенія этой блокады, и въ то же время посланъ отрядъ изъ 1,000 гоплитовъ въ Амбракію, чтобы, въ соединеніи съ войсками союзниковъ изъ той области, заставить Акарнанію отложиться отъ Аѣинъ. Но при Стратосѣ акарнанцы принудили пелопоннесско-эпирскую союзную армию къ отступленію, между тѣмъ какъ въ то же самое время аттичeskій стратегъ Форміонъ въ двухъ сраженіяхъ при Навпактѣ разбилъ на голову далеко болѣе многочисленный пелопоннесскій флотъ ²⁾.

Война продолжалась уже три года, не приводя ни къ какому окончательному результату. Но Аѣины сумѣли сохранить свое положеніе лишь при помощи очень тяжелыхъ жертвъ, тогда какъ силы противника оставались почти нетронутыми. Военная казна, на которую главнымъ образомъ опиралось морское превосходство Аѣинъ, была уже въ значительной степени исчерпана. Чума похитила гораздо больше способныхъ къ военной службѣ людей, чѣмъ самыя кровавыя пораженія. Еще несравненно опаснѣе былъ тотъ ущербъ, который, благодаря всѣмъ этимъ событіямъ, потерпѣлъ нравственный авторитетъ Аѣинъ въ глазахъ союзныхъ государствъ. Поэтому, хотя пелопоннесцы и не могли похвастать ни однимъ рѣшительнымъ военнымъ успѣхомъ и не были даже въ состояніи предотвратить потерю Потидеи, — хотя ихъ попытки одолѣть Аѣины на морѣ окончились полной неудачей, — тѣмъ не менѣе отношеніе силъ воюющихъ сторонъ значительно измѣнилось въ ихъ пользу. Аттичeskое государство колебалось въ своихъ основахъ; приближался кризисъ.

Весною 428 г. пелопоннесцы снова вторглись въ Аттику. Непосредственно вслѣдъ за этимъ противъ Аѣинъ возсталъ Лесбосъ, — кромѣ Хиоса, единственный островъ на Эгейскомъ морѣ, сохранившій

1) Thuc. II 71. 78. Относительно осады см. Müller - Strübing *Jahrb. f. Phil.* 131, стр. 289 слл.

2) Thuc. II 80. 92.

свою автономію и самостоятельный флотъ. Опасность была страшная, во первыхъ потому, что Лесбось располагалъ значительными морскими силами и богатыми финансовыми средствами; во вторыхъ, — кто могъ сказать, какіе размѣры приметъ возстаніе? Но Аѣины оказались на высотѣ своего положенія. Сильный флотъ съ сухопутнымъ войскомъ, отправленный подъ командой стратега Пахеса къ Лесбосу, разбилъ непріятеля въ морскомъ сраженіи и заперъ главный городъ острова, Митилену, съ суши и съ моря. Такимъ образомъ удалось локализовать возстаніе. Въ то же самое время предприняли съ сотней тріеръ демонстрацію противъ Пелопоннеса, которая дѣйствительно произвела впечатлѣніе на лакедемонянъ; послѣ потерь, причиненныхъ чумой, они уже не считали Аѣины способными на такія предпріятія. Вслѣдствіе грозившаго истощенія государственной казны, теперь—впервые въ теченіе этой войны—наложена была на населеніе самой Аттики прямая имущественная подать въ 200 талантовъ, которой хватило, впрочемъ, лишь на удовлетвореніе самыхъ неотложныхъ потребностей ¹⁾).

Между тѣмъ лакедемоняне продолжали дѣйствовать со своей обычной медлительностью. Въ продолженіе всего лѣта 428 г. и слѣдующей зимы Митилена была предоставлена собственнымъ силамъ; наконецъ весной 427 г. туда былъ отправленъ вспомогательный флотъ изъ 42 тріеръ, тогда какъ сухопутное войско одновременно предпріяло обычное вторженіе въ Аттику. Но было уже слишкомъ поздно. Когда съѣстные припасы въ Митиленѣ стали истощаться, въ городѣ вспыхнулъ мятежъ, результатомъ котораго была сдача города аѣинянамъ на полную ихъ волю. Послѣ этого мелкіе города на Лесбосѣ и митиленскія владѣнія въ Троядѣ ²⁾ подчинились безъ сопротивленія. Пелопоннесскій флотъ уже пришелъ въ Іонію, гдѣ онъ распространялъ всеобщій страхъ; возможно, что быстрымъ движеніемъ къ Митиленѣ удалось бы отнять этотъ городъ у аѣинянъ. Но спартанскій навархъ Алкидъ не хотѣлъ и слышать о такомъ рискованномъ предпріятіи и поспѣшно отплылъ домой.

Такимъ образомъ, кризисъ, вызванный возстаніемъ Лесбоса, благополучно миновалъ, правда, не столько благодаря заслугамъ самихъ аѣинянъ, сколько благодаря вялому и неумѣлому образу дѣйствій ихъ противниковъ. Авторитетъ Аѣинъ снова былъ упроченъ и теперь можно было спокойно смотрѣть въ глаза будущему. Чтобы на

¹⁾ Thuc. III 19.

²⁾ Thuc. IV 52.

будущее время отбить у союзных государств охоту къ подобнымъ попыткамъ, Клеонъ предложилъ примѣрно наказать покоренную Митилену: все взрослое мужское населеніе казнить, женщинъ и дѣтей продать въ рабство, а землю раздѣлить между аттическими клерухами. И такъ велико было въ Аѣинахъ озлобленіе противъ вѣроломнаго города, что Клеону удалось провести свое предложеніе. Но какъ только былъ отосланъ соотвѣтствующій приказъ генералу, командовавшему митиленскимъ отрядомъ, аѣиняне сами устрашились своего поступка. Очень многіе изъ тѣхъ, которые въ народномъ собраніи дали себя увлечь краспорѣчію Клеона, пришли теперь къ сознанію, что они собирались совершить жестокость, безпримѣрную въ греческой исторіи,—что поголовное избіеніе гражданъ одного изъ величайшихъ и знаменитѣйшихъ городовъ Эллады вызоветъ во всей націи взрывъ негодованія и лишитъ Аѣины послѣднихъ симпатій, которыми онѣ еще пользовались. И развѣ лесбосцы заслужили такой страшной участи? Въ продолженіе пятидесяти лѣтъ они бокъ-о-бокъ съ аѣинянами сражались противъ варваровъ и эллиновъ, и если они теперь отложились, то вѣдь вина падала на правящіе классы, а не на народную массу, которая никогда не переставала быть преданной Аѣинамъ и въ концѣ концовъ принудила знатныхъ къ сдачѣ города. Правительство ¹⁾ воспользовалось этой перемѣной въ настроеніи общества, чтобы на слѣдующій день еще разъ поднять въ народномъ собраніи вопросъ о Митиленѣ; но и теперь лишь съ большимъ трудомъ удалось добиться отміны принятаго наканунѣ рѣшенія. Участь, постигшая Лесбосъ, была и безъ того достаточно тяжела: автономія была отнята, стѣны городовъ разрушены, флотъ уведенъ въ Аѣины, земля конфискована и раздѣлена между 2,700 аттическими клерухами; всѣ тѣ, кто во время возстанія чѣмъ-либо скомпрометировалъ себя и не спасся бѣгствомъ, — числомъ свыше тысячи—были казнены. Только Мееимна, которая одна изъ всѣхъ городовъ острова осталась вѣрной Аѣинамъ, сохранила свою прежнюю независимость ²⁾.

Весьма понятно, что во время лесбосскаго возстанія, которое потребовало напряженія всѣхъ силъ, Аѣины въ самой Греціи строго придерживались оборонительнаго образа дѣйствій. Даже для спасенія Платеи, которую съ лѣта 429 г. осаждали пелопоннесцы и беотяне (выше стр. 421), они не сдѣлали ни малѣйшаго усилія, не-

¹⁾ Thuc. III 35, 5 (онъ употребляетъ выраженіе: τοὺς ἐν τέλει).

²⁾ Thuc. III 2—50.

смотря на то, что нужда достигла тамъ крайней степени. Лѣтомъ 427 г., вскорѣ послѣ паденія Митилены, городъ долженъ былъ сдаться. Половина гарнизона уже въ теченіе зимы пробилась черезъ непріятельскія линіи. Остальныхъ, 200 платейцевъ и 25 аѳинянъ, побѣдители казнили въ отместку за избіеніе ѳиванскихъ плѣнниковъ, совершенное платейцами въ началѣ войны. Городъ былъ разрушенъ, а область его перешла къ ѳивамъ ¹⁾.

Въ это самое время аѳиняне едва не лишились своего важнѣйшаго союзника на западѣ, Корциры. Противъ воли и только подъ давленіемъ тяжелой необходимости островъ въ 433 году присоединился къ Аѳинамъ; теперь, когда опасность миновала и въ то же время могущество Аѳинъ было сломлено войною съ Лесбосомъ, состоятельные классы рѣшили воспользоваться удобнымъ моментомъ, чтобы порвать заключенный тогда союзъ и снова занять нейтральное положеніе по отношенію ко всѣмъ эллинскимъ дѣламъ, составлявшее традиціонную политику Корциры. Изъ-за этого вопроса вспыхнула междоусобная война между зажиточными классами и демосомъ. Нѣсколько дней продолжался ожесточенный уличный бой, во время котораго часть города сдѣлалась жертвой пламени; побѣда клонилась уже на сторону толпы, когда прибытіе изъ Навпакта аттической эскадры въ 12 тріеръ положило конецъ междоусобицѣ. Четыреста олигарховъ было заключено въ тюрьму, прежній оборонительный союзъ съ Аѳинами замѣненъ наступательно-оборонительнымъ. Но всѣ эти успѣхи едва не были уничтожены появленіемъ пелопоннескаго флота, который только что вернулся изъ экспедиціи къ Лесбосу и былъ увеличенъ подкрѣпленіями до 55 тріеръ. Въ виду города произошло морское сраженіе, въ которомъ пелопоннесцы безъ большого труда одержали побѣду надъ совершенно разстроеннымъ корцирскимъ флотомъ; аттическая эскадра была слишкомъ слаба, чтобы предотвратить пораженіе. Лакедемонскій адмиралъ имѣлъ возможность высадить свое войско на берегъ и завладѣть Корцирой; но у неспособнаго Алкида и теперь не хватило силы для рѣшительнаго шага. Между тѣмъ на высотѣ Левкады показался аттическій флотъ въ 60 тріеръ, и пелопоннесцамъ ничего другого не оставалось, какъ поспѣшно удалиться. Корцира была спасена для Аѳинъ. Подъ защитою аттическихъ кораблей корцирскіе демократы произвели жестокую расправу надъ своими противниками; всѣ олигархи, взятые въ плѣнъ, были казнены или сами лишили себя жизни; 500 гражданъ изъ по-

¹⁾ Thuc. III 20—24. 52—68.

бѣжденной партіи бѣжали на материкъ и отсюда продолжали борьбу съ демократіей ¹⁾).

Для Аѣинъ было тѣмъ важнѣе упрочить свою власть въ Корцирѣ, что какъ разъ теперь наступили событія, дѣлавшія необходимымъ ихъ вмѣшательство въ Сициліи. Дѣло въ томъ, что какъ только демократическое устройство пустило глубокіе корни въ Сиракузахъ, послѣднія начали возвращаться къ политикѣ Дейноменидовъ и стремиться къ восстановленію своей гегемоніи надъ островомъ. Тотчасъ послѣ сверженія Дукетія вспыхнула изъ-за этого война съ Акрагантомъ (около 446 г.), въ которой принялъ участіе весь островъ—одни за Сиракузы, другіе противъ нихъ; при рѣшѣ Гимерѣ акрагантинцы были разбиты, понесъ большой уронъ, и принуждены просить мира ²⁾). Сиракузы опять сдѣлались самой могущественной державой греческаго запада; поэтому халкидскимъ городамъ, если они хотѣли сохранить свою независимость, не оставалось ничего другого, какъ броситься въ объятія аѣинянъ (выше стр. 400). Теперь настало время, когда аѣиняне должны были исполнить тѣ обязательства, которыя они взяли на себя. Въ Сициліи вспыхнула всеобщая война. На одной сторонѣ стояли халкидскіе города Наксосъ, Катана, Леонтины, Регій, дорійская Камарина и значительная часть туземныхъ сикеловъ; на другой сторонѣ—Сиракузы, Гела, Селивунтъ, Мессена, Гимера, Липара и эпизефирскіе Локры; Акрагантъ, повидимому, сохранялъ нейтралитетъ. Сиракузяне имѣли большой перевѣсъ надъ своими противниками, и Аѣины принуждены были осенью 427 г. отправить на помощь своимъ западнымъ союзникамъ эскадру въ 20 триеръ подъ начальствомъ стратега Лаксеса изъ дема Айксоны. Несмотря на незначительность своихъ силъ, аѣиняне достигли крупныхъ успѣховъ и, что самое главное, заставили Мессену перейти на свою сторону. Если въ началѣ войны пелопоннесцы разсчитывали на содѣйствіе своихъ западныхъ колоній, то осуществленіе этихъ надеждъ было теперь надолго отсрочено ³⁾).

Неудачи, которыя постигли пелопоннесское оружіе, не могли остаться безъ вліянія на внутреннія дѣла Спарты. Надежда принудить Аѣины къ миру посредствомъ опустошенія ихъ территоріи не оправдалась. Разсчитывали на возстаніе аѣинскихъ союзниковъ,—но Потидея пала, а лесбосское возстаніе осталось изолированнымъ и

1) Thuc. III 69—85.

2) Diod. XII 8, сравн. 26.

3) Thuc III 86.' 88. 90.

скоро было подавлено. Всѣ попытки одолѣть аѳинянь на морѣ вели только къ позорнымъ пораженіямъ. Надежда на внутренній переворотъ въ Аѳинахъ тоже обманула спартанцевъ. Периклъ былъ свергнутъ, а его противники продолжали его политику; даже его смерть не измѣнила положенія дѣлъ. При этихъ условіяхъ и въ Спартѣ стали подумывать о прекращеніи войны. Внѣшнимъ выраженіемъ этого настроенія было возвращеніе царя Плейстоанакса (426), который 19 лѣтъ назадъ былъ лишенъ своего сана и изгнанъ за то, что онъ увелъ обратно свое войско отъ границы Аттики, не разоривъ страну, и тѣмъ побудилъ аѳинянь купить миръ со Спартой цѣною самыхъ тяжкихъ жертвъ ¹⁾. Событія послѣднихъ лѣтъ блестяще оправдали тогдашнюю политику. Плейстоанаксъ старался теперь восстановить старыя отношенія съ Аѳинами. Весной 426 г. пелопоннесцы не произвели обычнаго вторженія въ Аттику ²⁾, и переговоры были возобновлены. Главное требованіе Спарты состояло въ возвращеніи эгинцевъ на ихъ островъ ³⁾.

Никій и его друзья были готовы принять эти условія; но, къ сожалѣнію, они сами все болѣе и болѣе теряли почву подъ ногами. Какъ ни велики были ихъ заслуги передъ Аѳинами во время митиленскаго кризиса,—они оказались совершенно неспособными одержать какія-нибудь рѣшительныя побѣды надъ пелопоннесцами. Какъ разъ тѣ самыя обстоятельства, которыя обезкураживали военную партію въ Спартѣ, должны были способствовать усиленію военной партіи въ Аѳинахъ. Сознаніе, что государство нуждается въ энергичномъ руководителѣ, проникало все въ болѣе широкіе круги населенія, и благодаря этому вліяніе оппозиціи должно было усиливаться. Уже при обсужденіи участи Митилены правительство лишь съ большимъ трудомъ воспрепятствовало принятію предложеній Клеона. Послѣдній, будучи въ это время членомъ совѣта, обнаруживалъ неутомимую дѣятельность въ добываніи необходимыхъ для войны средствъ, нисколько не смущаясь тѣмъ озлобленіемъ, которое вызывала въ состоятельныхъ классахъ его неумолимая строгость при взысканіи податныхъ недоимокъ ⁴⁾. На слѣдующій годъ (427/6) онъ былъ избранъ союзническимъ казначеемъ (*Ἐλληνοταμίης*) и, благодаря этому, приобрѣлъ руководящее вліяніе на управленіе союзными

1) Thuc. V 16. 3, сравн. выше стр. 397, прим. 1.

2) Thuc. III 89. 1.

3) Aristoph. *Acharn.* 653 сл.

4) Aristoph. *Всадники* 774 слл.

финансами ¹⁾. Оппозиція съ успѣхомъ выступила противъ правительства и въ судѣ. Даже такой человекъ, какъ Пахесъ, завоеватель Митилены, былъ привлеченъ къ суду и только посредствомъ самоубійства избѣгъ обвинительнаго приговора ²⁾. Точно также и отправку вспомогательнаго флота въ Сицилію, безъ сомнѣнія, нужно приписать инициативѣ Клеона; завоеваніе запада и въ послѣдствіи всегда было излюбленнымъ планомъ аѳинскихъ радикаловъ. При выборахъ на 426/5 г. перевѣна въ общественномъ мнѣніи обнаружилась съ полною силою. Почти ни одинъ изъ бывшихъ тогда на службѣ стратеговъ не былъ вновь избранъ; ихъ мѣсто заняли представители военной партіи, и между ними племянникъ Перикла, Гиппократъ изъ Холарга ³⁾.

Новое правительство вступило въ должность въ серединѣ лѣта 426 г.; было уже слишкомъ поздно, чтобы оно могло еще въ этомъ году предпринять какой-либо серьезный шагъ. Поэтому сколько-нибудь значительныя военныя дѣйствія произошли только въ сѣверо-западной части Греціи. Аѳинскій стратегъ Демосеенъ изъ Аѳидны потерпѣлъ здѣсь полное пораженіе при попыткѣ вторгнуться въ Этолію изъ Навпакта; но не лучшая участь постигла и пелопоннесцевъ, когда они осенью этого года, опираясь на Амбракію, попытались отвлечь Акарнанію отъ союза съ Аѳинами. Демосеенъ блистательно расплатился здѣсь за пораженіе, которое онъ понесъ въ Этоліи; потери Амбракіи были такъ велики, что только поспѣшнымъ заключеніемъ мира съ Акарнаніей она могла спастись отъ гибели ⁴⁾. Въ слѣдующемъ году (425) акарнанцы и аѳиняне завладѣли также коринѳской колоніей Анакторіемъ; прежніе жители принуждены были покинуть городъ и были замѣнены акарнанскими поселенцами ⁵⁾. Впрочемъ, благодаря основанію Гераклеи Трахинской у сѣвернаго выхода Термопилъ, спартанцамъ удалось пріобрѣсти точку опоры въ Средней Греціи ⁶⁾, — слишкомъ ничтожный, правда, результатъ цѣлаго года войны.

¹⁾ По весьма правдоподобному предположенію Бузольта (*Hermes* 25, 1890, стр. 640), основанному на недавно найденномъ отрывкѣ документа C1A. IV 179 в (*ibid.* стр. 161). Занимая эту должность, Клеонъ сдѣлалъ попытку уменьшить расходъ на содержаніе конницы (*Aristoph. Acharn.* 6, *Theoromp. fr.* 100, *Gilbert Beiträge* стр. 133 сл.), что, впрочемъ, не удалось ему. Значить, членомъ совѣта онъ былъ годомъ раньше.

²⁾ *Plut. Nic.* 6, *Arist.* 26, моя *Att. Polit.*, стр. 33, прим. 1.

³⁾ *Aristoph. Acharn.* 1078, моя *Att. Polit.*, стр. 34 сл. 302.

⁴⁾ *Thuc.* III 94—98. 100—102. 105—114.

⁵⁾ *Thuc.* IV 49.

⁶⁾ *Thuc.* III 92 сл.

Между тѣмъ въ Сициліи сиракузяне постепенно снова взяли верхъ; оказалось, что оперировавшая тамъ аѳинская эскадра была слишкомъ слаба для возложенной на нее задачи. Поэтому рѣшено было весной 425 г. отправить на западъ подкрѣпленіе еще изъ 40 триеръ ¹⁾. Въ то же время аѳиняне втайнѣ готовили ударъ Пелопоннесу. Демосѳенъ, только что вернувшійся въ Аѳины во всемъ блескѣ своихъ недавнихъ агарнанскихъ побѣдъ, былъ прикомандированъ къ экспедиціи съ полномочіемъ пользоваться по своему усмотрѣнію эскадрой во время ея плаванія мимо пелопоннесскихъ береговъ. Онъ вѣрно угадалъ самое уязвимое мѣсто враждебной державы. На мессенскомъ берегу открывается къ западу Пилосская бухта (Наварино), защищенная отъ волнъ Іоническаго моря узкимъ и длиннымъ островомъ Сфактеріей,—лучшая естественная гавань на всемъ полуостровѣ. Спартанцы, которымъ принадлежала эта отдаленная область, мало заботились о ней; берегъ былъ покрытъ обширными лѣсами; кругомъ на большомъ пространствѣ не было ни одного поселенія. Такимъ образомъ, Демосѳенъ могъ безпрепятственно осуществить свой планъ. У сѣвернаго входа въ гавань сооружено было небольшое укрѣпленіе, для защиты котораго здѣсь оставили пять триеръ подъ начальствомъ Демосѳена; къ нимъ присоединился еще мессенскій разбойничій корабль изъ Навпакта съ 40 гоплитами. Изъ этого пункта надѣялись поднять возстаніе гелотовъ въ древней Мессеніи. Остальная часть флота отплыла дальше, въ Сицилію.

Какъ разъ въ это время союзное пелопоннесское войско опять вторглось въ Аттику, подъ предводительствомъ сына Архидамы, Агиса, который въ 427 году унаслѣдовалъ отъ своего отца престолъ Эврипонтидовъ ²⁾; извѣстіе о событіяхъ въ Пилосѣ заставило армию спѣшно вернуться на родину. Въ то же время былъ отозванъ и посланъ въ Пилосъ флотъ въ 60 триеръ, который отплылъ—было къ Корцирѣ. Аѳиняне были окружены съ моря и съ суши; чтобы отрѣзать имъ выходъ со стороны моря, отрядъ изъ 400 лакедемонскихъ гоплитовъ занялъ островъ Сфактерію. Положеніе Демосѳена было очень опасно, такъ какъ наскоро сооруженное укрѣпленіе едва удовлетворяло самымъ элементарнымъ требованіямъ. Тѣмъ не менѣе, аттическому и мессенскому гарнизону удалось удержать позицію, пока подоспѣлъ отправленный въ Сицилію флотъ, который между тѣмъ,

1) Thuc. III 115, IV 2.

2) Архидамъ весной 428 г. въ послѣдній разъ предводительствовалъ арміей (Thuc. III 1); въ слѣдующемъ году командовалъ Клеоменъ, опекунъ Павсанія (Thuc. III 26), весной 426 г.—Агисъ (Thuc. III 89).

благодаря подкрѣпленіямъ, увеличился до 56 тріеръ. Аѳиняне проникли въ гавань, воспользовавшись тѣмъ, что непріятель оставилъ входъ въ нее незапертымъ; несмотря на свой численный перевѣсъ, пелопоннескій флотъ былъ разбитъ, а островъ Сфактерія, съ находившимся на немъ гарнизономъ, отрѣзанъ отъ материка.

Какъ ни незначителенъ былъ этотъ успѣхъ съ чисто-военной точки зрѣнія, его было достаточно, чтобы радикально измѣнить все положеніе дѣлъ. Тѣ 400 человекъ, которые находились на Сфактеріи, составляли почти десятую часть всѣхъ гоплитовъ Спарты, и лакедемоняне были готовы для ихъ спасенія принести всякую жертву, совмѣстимую съ достоинствомъ государства. Если до сихъ поръ всѣ попытки къ возстановленію мира исходили отъ Аѳинъ, то теперь переговоры были начаты лакедемонянами. По ихъ настоянію заключено было пока перемиріе, на время котораго аѳинянамъ былъ переданъ весь пелопоннескій флотъ, собранный передъ Пилосомъ; аѳиняне взамѣнъ разрѣшили снабдить съѣстными припасами сфактеріискій гарнизонъ.

Аѳиняне имѣли теперь возможность заключить выгодный миръ; лакедемоняне готовы были вести переговоры даже на условіяхъ возвращенія къ тому положенію, которое существовало до тридцатилѣтняго мира. Но Клеонъ не хотѣлъ и слышать о мирѣ, пока гарнизонъ Сфактеріи не будетъ въ рукахъ аѳинянь; и несмотря на все сопротивленіе состоятельныхъ классовъ, его предложенія были приняты большинствомъ народнаго собранія. Послѣ этого переговоры были прерваны.

Аѳиняне, конечно, не были такъ наивны, чтобы возвратить пелопоннескій флотъ, разъ онъ уже находился въ ихъ рукахъ; скоро нашли и благовидный предлогъ, чтобы оправдать нарушеніе договора. Но надежда голодомъ принудить гарнизонъ Сфактеріи къ сдачѣ совершенно не оправдалась; непріятель нашелъ средства доставлять на островъ съѣстные припасы черезъ блокирующій флотъ. Конецъ хорошаго времени года все болѣе приближался, а съ наступленіемъ зимы невозможно было бы продолжать блокаду, и гарнизонъ могъ бы безпрепятственно уйти на континентъ. Было ясно, что при томъ планѣ дѣйствій, котораго держались до сихъ поръ, нельзя было ничего добиться, и что единственную надежду на успѣхъ обѣщала высадка на островъ. И Демосеенъ ни минуты не сомнѣвался въ этомъ; онъ готовъ былъ сдѣлать этотъ рискованный шагъ, какъ только получилъ бы изъ Аѳинъ необходимыя подкрѣпленія. Но высшая военная администрація не хотѣла и слышать о такомъ смѣломъ планѣ.

Выборы, происшедшіе весною 425 г. подъ впечатлѣніемъ неудачъ, которыя до сихъ поръ постигали всѣ предпріятія военной партіи, имѣли неблагопріятный результатъ для послѣдней; Гиппократъ и большинство его политическихъ друзей были побѣждены, и Никій снова пріобрѣлъ руководящее вліяніе на военныхъ дѣла. Вскорѣ послѣ прекращенія мирныхъ переговоровъ Никій вступилъ въ отправленіе своей новой должности, а онъ былъ слишкомъ твердо убѣжденъ въ непобѣдимости спартанцевъ, чтобы рѣшиться высадкой на Сфактерію подвергнуть риску свою славу полководца. Напротивъ, Клеонъ изъ всѣхъ силъ настаивалъ на рѣшительныхъ мѣропріятіяхъ, утверждая, что если бы стратеги дѣйствовали энергично, Сфактерію можно было бы взять въ 20 дней. Въ увлеченіи спора Никій поспѣшилъ предложить своему противнику лично принять начальство надъ пилосскимъ флотомъ, въ полной увѣренности, что предпріятіе окончится неудачей и что, благодаря этому, Клеонъ навсегда лишится вліянія на политическія дѣла. Клеонъ ни разу въ жизни не командовалъ войскомъ, и неудивительно, что онъ боялся принять это опасное порученіе; но у него не оставалось выбора. Вѣдь на немъ лежала отвѣтственность за то, что въ Аѣинахъ отвергли мирныя предложенія лакедемонянъ. Не медля долго, онъ во главѣ потребованныхъ Демосееномъ подкрѣпленій отправился въ Пилосъ и, по прибытіи туда, тотчасъ открылъ атаку, веденіе которой онъ благоразумно предоставилъ Демосеену. На второй день послѣ прибытія Клеона, приблизительно въ началѣ августа, рано утромъ аѣиняне высадились на берегъ. Демосеень и Клеонъ имѣли подъ своимъ начальствомъ около 10,000 человекъ, и хотя бѣльшая часть войска состояла изъ гребцовъ, почти негодныхъ для военнаго дѣла, однако 1,000 гоплитовъ и 1,000 пельтастовъ и стрѣлковъ изъ лука уже сами по себѣ представляли подавляющій перевѣсъ надъ 400 лакедемонянами. Но дѣло не дошло до рукопашной. Демосеень оставилъ своихъ гоплитовъ въ резервѣ и ограничился тѣмъ, что приказалъ стрѣлкамъ изъ лука и пельтастамъ обстрѣливать врага. Противъ этого оружія спартанцы въ своемъ тяжеломъ вооруженіи были совершенно безпомощны; послѣ тяжелыхъ потерь имъ ничего другого не оставалось, какъ отступить въ свой укрѣпленный лагерь, гдѣ они, запертые со всѣхъ сторонъ, принуждены были наконецъ сдаться; оставалось въ живыхъ еще 292 гоплита. Клеонъ блестяще исполнилъ свое обѣщаніе; въ теченіе 20 дней онъ завладѣлъ Сфактеріей и привелъ ея гарнизонъ въ Аѣины плѣннымъ ¹⁾).

¹⁾ Thuc. IV 3—41.

Теперь онъ пожалъ плоды своего успѣха. Правда, заслуга военнаго руководства при нападении на Сфактерію принадлежала Демосоену, но подкрѣпленія, сдѣлавшія возможною эту атаку, были приведены Клеономъ, и общественное мнѣніе справедливо чествовало его, какъ побѣдителя. Онъ былъ награжденъ высшими почестями, какія государство могло оказать гражданину: пожизненнымъ правомъ обѣдать въ Пританеѣ и почетнымъ мѣстомъ въ театрѣ. Въ совѣтѣ и въ народномъ собраніи его слово имѣло теперь рѣшающее значеніе ¹⁾; его противникъ Никій своимъ вялымъ образомъ дѣйствій въ пилосскомъ дѣлѣ самъ лишилъ себя всякаго вліянія, и ему мало помогло, что онъ теперь вдругъ воспрянулъ отъ своей прежней бездѣятельности. Высадка на Исѣмъ, предпринятая имъ непосредственно вслѣдъ за взятіемъ Сфактеріи, повела лишь къ бесплодной побѣдѣ надъ коринѣскимъ ополченіемъ ²⁾; и если слѣдующей весною (424) Никій отнялъ у лакедемонянъ островъ Киѳеру, то это былъ, правда, блестящій успѣхъ, но самъ собою напрашивался вопросъ, почему Никій не сдѣлалъ этого уже давнымъ давно ³⁾.

Клеонъ предоставилъ своему противнику эти дешевые лавры, а самъ всецѣло посвятилъ себя административнымъ дѣламъ. Главное затрудненіе, съ которымъ приходилось бороться Аѣинамъ въ послѣдніе годы, заключалось въ недостаткѣ денежныхъ средствъ; съ тѣхъ поръ какъ казна почти истощилась, регулярныхъ доходовъ государства оказывалось далеко недостаточно для энергическаго веденія войны. Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ побѣды при Сфактеріи, которая снова упрочила авторитетъ Аѣинъ на протяженіи всей державы, Клеонъ увеличилъ теперь налоги больше, чѣмъ вдвое противъ прежняго, и довелъ этимъ доходы почти до 1.000 талантовъ ⁴⁾. Небольшую часть добытыхъ такимъ путемъ средствъ онъ употребилъ на упроченіе своей популярности въ Аѣинахъ, повысивъ вознагражденіе судьямъ съ двухъ оболовъ въ день до трехъ — мѣра, которая, впрочемъ, можетъ быть оправдана вздорожаніемъ всѣхъ съѣстныхъ припасовъ въ Аѣинахъ, вызваннымъ войною ⁵⁾.

1) См. *Всадники* Аристофана, поставленные зимою 425/4 г.

2) Thuc. IV 42—44.

3) Thuc. IV 53—55.

4) CIA. I 37 Koehler *Urkunden und Unters. zur Geschichte des delisch-attischen Bundes* (*Abh. der Berl. Akad.* 1869) стр. 150 сл. Pedrolì *J tribut degli alleati d'Atene* въ моихъ *Studi di Storia antica* выпускъ I (Римъ 1891). Сравн. Aristoph. *Всадники* 313.

5) Müller-Strübing *Aristophanes* стр. 149 слл.

При такихъ условіяхъ избраніе Клеона на должность стратега весною 424 г. было обезпечено, несмотря на усилія противной партіи. Даже солнечное затменіе, случившееся передъ выборами, не произвело впечатлѣнія на толпу ¹⁾). Конечно, и второй побѣдитель при Пилосѣ, Демосеенъ, попалъ въ число новыхъ стратеговъ; точно также и Гиппократъ изъ Холарга, побѣжденный на выборахъ предыдущаго года, былъ теперь снова избранъ. Такимъ образомъ, аѳиняне могли возлагать большія надежды на военныя дѣйствія ближайшаго лѣта. И дѣйствительно, правительство обнаружало замѣчательную энергію. Тотчасъ по вступленіи въ должность, Гиппократъ и Демосеенъ съ ядромъ аттической арміи, 4.600 гоплитовъ и 600 всадниковъ, двинулись противъ Мегары, гдѣ они вступили въ переговоры съ вождями демократической партіи о выдачѣ города аѳинянамъ. Въ длинныхъ стѣнахъ, соединявшихъ городъ съ моремъ, были отперты ворота для аѳинянъ, пелопоннескій гарнизонъ былъ отброшенъ въ Нисейскую гавань и здѣсь запертъ со всѣхъ сторонъ; на слѣдующій день онъ капитулировалъ на условіи свободнаго отступленія. Самая Мегара, раздираемая партійной борьбой, была неспособна къ какому-либо серьезному сопротивленію и, казалось, безъ труда должна была достаться аѳинянамъ ²⁾).

Между тѣмъ и у пелопоннесцевъ на этотъ разъ нашелся подходящій человѣкъ. — Потеря Пилоса и Киѳеры разбудила наконецъ лакадемонянъ отъ бездѣйствія. Опытъ семи лѣтъ показалъ, что постоянно повторявшіяся вторженія въ Аттику не приводили ни къ какому результату; кромѣ того, мысль объ участи сфактерійскихъ плѣнниковъ удерживала спартанцевъ отъ новаго похода противъ Аѳинъ, такъ какъ тамъ было рѣшено казнить плѣнныхъ, какъ только пелопоннесская армія перешагнетъ черезъ границу Аттики. Аѳины можно было обезсилить только ударами, направленными противъ ихъ союзниковъ, и не трудно было понять, кого изъ послѣднихъ слѣдовало

¹⁾ Моя *Attische Politik* стр. 269 сл. 305 сл. Aristoph. *Облака* 581 — 6. Упомянутое здѣсь солнечное затменіе приходится на 21 марта, т. е. первый день Элафеболія, такъ какъ 425/4 г. былъ простой годъ (СІА. I 173), а лунное затменіе 9/10 окт., по схоліямъ къ цитируемому мѣсту Аристофана, произошло въ Боздроміонѣ; въ достовѣрности этого указанія мнѣ не слѣдовало бы сомнѣваться I. с. стр. 270. Но 1. Элафеболій въ простомъ году приходится на 7. пританію, а, какъ мы теперь знаемъ изъ Аристотелевой 'АФ. поол. 44, 4, выборы стратеговъ происходили именно въ эту пританію, если не было какого-нибудь неблагопріятнаго предзнаменованія. Послѣднее имѣло мѣсто въ нашемъ случаѣ, и, слѣдовательно, Клеонъ былъ избранъ не раньше, чѣмъ въ 8. пританію. Поэтому Аристофанъ говоритъ *ῥοεῖσθε στρατηγόν*.

²⁾ Thuc. IV 66 — 69.

выбрать для этой цѣли. При безусловномъ господствѣ аѳинянь на морѣ, острова и Юнія были недоступны для нападенія пелопоннесцевъ; въ предѣлахъ аѳинскаго союза была только одна область, куда могла попасть сухопутная пелопоннеская армія,—побережье Фракіи. И вотъ пелопоннесцы наконецъ рѣшились на тотъ шагъ, который имъ слѣдовало предпринять еще до сдачи Потидеи,—именно на походъ во Фракію. Но и теперь для этого предпріятія было командировано не болѣе 700 вольноотпущенныхъ гелотовъ и 1.000 аркадскихъ наемниковъ. Впрочемъ, малочисленность войска вознаграждалась достоинствами полководца: во главѣ отряда сталъ Брасидъ, сынъ Теллиса, самый способный изъ спартанскихъ офицеровъ, человѣкъ, который уже въ подчиненныхъ должностяхъ оказалъ государству очень важныя услуги.

Брасидъ какъ разъ находился на Коринескомъ перешейкѣ, занятый сборомъ и организаціей своей небольшой арміи, когда пришло извѣстіе о нападеніи аѳинянь на Мегару. Онъ тотчасъ собралъ въ сосѣднихъ городахъ Коринѣ, Сикіонѣ и Фліунтѣ 3.700 гоплитовъ и повелъ это войско вмѣстѣ съ своимъ собственнымъ отрядомъ черезъ Геранію. Въ то же время съ сѣвера спустились черезъ Клееронъ 2.200 беотійскихъ гоплитовъ съ 600 всадниковъ и подъ Мегарой соединились съ Брасидомъ, который теперь имѣлъ подъ своимъ начальствомъ около 8.000 человѣкъ и, слѣдовательно, по численности войска значительно превосходилъ аѳинянь. Послѣдніе дѣйствительно не рѣшились вступить въ сраженіе, на которое вызывалъ ихъ Брасидъ, и такимъ образомъ Мегара была спасена для пелопоннесцевъ. Вожди демократіи спаслись бѣгствомъ въ Аѳины, изгнанники вернулись, и въ городѣ было введено олигархическое устройство. Однако Нисея осталась въ рукахъ аѳинянь ¹⁾.

Брасидъ окончилъ свои приготовленія и въ концѣ лѣта двинулся во Фракію. Форсированнымъ маршемъ онъ прошелъ Фессалію, жители которой хотя болѣею частью держали сторону аѳинянь, однако не оказали пелопоннесскому войску никакого серьезнаго сопротивленія. Какъ только Брасидъ перешелъ черезъ македонскую границу, царь Пердикка открыто примкнулъ къ пелопоннесцамъ; его примѣру тотчасъ послѣдовали города аѳинскаго союза Аганѣ и Стагира. Затѣмъ, уже въ началѣ зимы, Брасидъ направился противъ Амфиполя, главнаго города аѳинской Фракіи. Жители послѣдняго, среди которыхъ аѳиняне составляли только незначительное меньшинство, были отчасти склонны

¹⁾ Thuc. IV 70 — 74.

къ отпаденію, отчасти мало расположены сражаться изъ-за аттическихъ интересовъ. Нападенія въ это время года такъ мало ожидали, что аѳинскій стратегъ Ѳукидидъ изъ Галимунта, начальникъ этой области, отправился со своей эскадрой изъ 7 триеръ въ Ѳасось. Хотя при извѣстіи о появленіи Брасида подъ Амфиполемъ онъ успѣшно вернулся, но было уже поздно; Амфиполь уже сдался пелопоннесцамъ. Только крѣпость Эйонъ при устьѣ Стримона, нѣкогда отнятую у персовъ Кимономъ, Ѳукидиду удалось спасти для Аѳинъ, которыя такимъ образомъ сохранили по крайней мѣрѣ точку опоры для будущихъ предпріятій противъ Амфиполя ¹⁾).

Въ то время какъ Брасидъ наносилъ эти удары аѳинскому могуществу во Ѳракіи, аѳинское оружіе потерпѣло тяжелое пораженіе также въ Беотіи. Исходя изъ вѣрной мысли, что на успѣшное окончаніе войны можно надѣяться только въ томъ случаѣ, если бы удалось отвлечь беотянъ отъ союза съ Пелопоннесомъ, Гиппократъ завязалъ сношенія съ демократической партіей въ Беотіи. Предполагалось напасть на страну одновременно съ трехъ сторонъ: беотійскіе изгнанники должны были овладѣть Херонеей; Демосеенъ, который послѣ взятія Нисеи отправился съ 40 триерами въ Навпактъ, долженъ былъ высадиться съ акарнанскимъ отрядомъ около Сифъ, въ области Ѳеспій, а самъ Гиппократъ въ то же самое время долженъ былъ во главѣ всего аттического ополченія вторгнуться въ Беотію съ востока. Этотъ планъ вѣроятно казался его творцамъ образцомъ стратегическаго искусства и дѣйствительно былъ очень хорошъ въ теоріи; но, къ сожалѣнію, онъ былъ слишкомъ сложенъ, чтобы даже только съ нѣкоторою вѣроятностью можно было рассчитывать на успѣхъ. Прежде всего, при большомъ количествѣ участниковъ, невозможно было сохранить тайну; беотійское правительство узнало о непріятельскихъ замыслахъ и приказало занять намѣченные заговорщиками пункты, Херонею и Сифы. Благодаря этому предполагавшееся возстаніе демократіи разстроилось. Да и аѳинскіе стратеги дѣйствовали недостаточно аккуратно; Демосеенъ слишкомъ рано пришелъ въ Сифы, и вслѣдствіе этого безъ большого труда былъ отбитъ беотянами. Такимъ образомъ, когда Гиппократъ черезъ нѣсколько дней перешелъ границу у Оропа, его встрѣтило все войско беотійскаго союза: 7.000 гоплитовъ, 1.000 всадниковъ и около 11.000 легковооруженныхъ. По количеству гоплитовъ и всадниковъ аѳинское войско было почти равно, а по количеству легковооруженныхъ даже значи-

¹⁾ Thuc. IV 78—88. 102—108.

тельно превосходило неприятеля. Тѣмъ не менѣ Гиппократъ хотѣлъ избѣжать рѣшительнаго сраженія; онъ ограничился тѣмъ, что окружилъ укрѣпленіемъ храмъ дельскаго Аполлона, на берегу Эвбейскаго пролива, въ области Танагры, и оставилъ тамъ гарнизонъ, главную же часть своего войска повелъ обратно къ границѣ. При этомъ онъ подвергся нападенію беотянъ и послѣ непродолжительнаго сраженія былъ совершенно разбитъ, потерявъ 1.000 человекъ. Самъ Гиппократъ палъ, и только ночь спасла войско отъ полной гибели. Черезъ нѣсколько дней сдѣлось и укрѣпленіе при Делѣ. Это было самое страшное пораженіе изъ всѣхъ, которыя до сихъ поръ потерпѣли Аѣины въ теченіе этой войны ¹⁾.

Сицилійскій походъ также не принесъ тѣхъ плодовъ, какихъ ожидали отъ него въ Аѣинахъ. Осенью 426 г. Лахесъ былъ отозванъ и замѣненъ Писодоромъ; по возвращеніи въ Аѣины Клеонъ возбудилъ противъ отрѣшеннаго отъ должности полководца процессъ, который однако окончился оправданіемъ послѣдняго ²⁾. Его преемникъ уже весною 425 г. принужденъ былъ уступить Мессену сиракузянамъ, которые теперь стали оспаривать у аѣинянъ господство надъ проливомъ. 40 триеръ, отправленныхъ подъ начальствомъ Софокла и Эвримедонта въ подкрѣпленіе флоту, который дѣйствовалъ въ сицилійскихъ водахъ, были задержаны пилосскими событіями на большую часть лѣта и только осенью пришли въ Регій. Теперь здѣсь былъ собранъ внушительный флотъ. Но именно это обстоятельство возбудило въ сицилійцахъ основательное подозрѣніе, что намѣренія аѣинянъ не ограничиваются защитой ихъ халкидскихъ союзниковъ. Въ виду опасности, которая угрожала независимости всего острова со стороны Аѣинъ, внутренніе раздоры прекратились; весною 424 года въ Гелъ заключенъ былъ между воюющими сторонами миръ на условіи сохраненія каждою изъ нихъ своихъ наличныхъ владѣній. Аѣинянамъ ничего другого не оставалось, какъ покориться обстоятельствамъ и вернуться домой ³⁾.

Такимъ образомъ, всѣ предпріятія военной партіи потерпѣли крушеніе, и единственнымъ успѣхомъ, котораго она достигла со времени паденія Никія, было взятіе Нисеи. Мало пользы было отъ того, что несчастныхъ стратеговъ одного за другимъ привлекали къ суду и при-суждали къ тяжелымъ наказаніямъ, — прежде всего начальниковъ по-

1) Thuc. IV 76 сл. 89—101.

2) Aristoph. *Осы* 891 сл., сравн. 240 сл.; моя *Attische Politik* стр. 337—39.

3) Thuc. III 115. IV 1. 58—65.

сланнаго въ Сицилію флота, Эвримедонта, Софокла и Пиеодора, — затѣмъ Фукидида, благодаря оплошности котораго аѣиняне потеряли Амфиполь. Такіе процессы могли способствовать только тому, чтобы поколебать довѣріе войска къ его начальникамъ, и за это очень скоро пришлось поплатиться ¹⁾).

Подъ впечатлѣніемъ дѣйснаго пораженія и потерь во Фракіи общественное мнѣніе начало отворачиваться отъ военной партіи. Легко представить себѣ, въ какомъ привлекательномъ свѣтѣ долженъ былъ являться теперь въ сравненіи съ этими людьми Никій, который не проигралъ ни одного сраженія, которому, казалось, удавалось все, за что онъ ни брался, и который тѣмъ не менѣе не переставалъ въ теченіе многихъ лѣтъ хлопотать о мирѣ. Въ обществѣ все болѣе распространялось убѣжденіе, что вся эта война принесла очень мало пользы, и что Перикль былъ правъ, когда уже въ самомъ началѣ считалъ высшею цѣлью, къ которой нужно стремиться, сохраненіе прежнихъ владѣній. И дѣйствительно, восьмилѣтній опытъ доказалъ каждому, кто только не закрывалъ глазъ передъ дѣйствительностью, что съ тѣми средствами, которыми располагали Аѣины, невозможно было подорвать въ корнѣ могущество Спарты.

Итакъ, переговоры между воюющими державами были возобновлены. Правда, до мира дѣло еще не дошло; но другъ Никія, Лахесъ, весною 423 г. добился по крайней мѣрѣ перемирія на годъ, и заключеніе окончательнаго мира казалось теперь еще только вопросомъ времени ²⁾).

Что миръ теперь не былъ заключенъ, это была вина Брасида. Взятіе Амфиполя нанесло смертельный ударъ вліянію Аѣинъ во Фракіи; всюду города спѣшили отложиться отъ нихъ ³⁾). Прежде всего перешли на пелопоннесскую сторону эдонійскій городъ Миркинъ и еассоскія колоніи Галесъ и Эсима; вскорѣ за ними послѣдовали небольшіе аѣонскіе города, кромѣ Саны и Діона, и важный пунктъ Торона на полуостровѣ Сидоніи ⁴⁾). Наконецъ, возстаніе распространилось даже на полуостровъ Паллену, несмотря на то, что онъ былъ совершенно отрѣзанъ отъ остальнаго материка укрѣпленіями аттической колоніи Потидеи и былъ доступенъ только съ моря. Въ то самое время, когда въ Аѣинахъ и Спартѣ заключалось перемиріе, здѣсь Скіона перешла на сторону Брасида ⁵⁾).

1) Thuc. IV 65. V 26. 5. Марцеллинъ *Жизнь Фукидида* 26.

2) Thuc. IV 117—119.

3) Thuc. IV 108. 3.

4) Thuc. IV 107, 3—116.

5) Thuc. IV 120—122.

Теперь аеиняне потребовали, чтобы этотъ городъ былъ имъ возвращенъ, но Брасидъ, разумѣется, не хотѣлъ выдавать своихъ новыхъ союзниковъ. Такимъ образомъ, только - что заключенное перемиріе уже было нарушено, и Клеонъ приложилъ всѣ усилія, чтобы увеличить разрывъ. По его предложенію аеиняне отказались отъ третейскаго суда, предложеннаго лакедемонянами. Онъ требовалъ, чтобы Скіона была покорена съ помощью оружія и чтобы все ея населеніе, въ наказаніе за измѣну, было казнено. Во Фракію немедленно была отправлена подъ начальствомъ Никія эскадра въ 50 триеръ съ 1000 гоплитовъ и большимъ количествомъ легковооруженныхъ ¹⁾.

Никій обратился прежде всего противъ Менды—города, расположеннаго по сосѣдству съ Скіоной, который между тѣмъ также успѣлъ отложиться отъ Аеинъ ²⁾. Съ помощью демократовъ этого города онъ безъ труда завладѣлъ имъ; затѣмъ онъ явился подъ Скіоной, пелопоннескій гарнизонъ которой оказалъ энергичное сопротивление, такъ что Никій долженъ былъ рѣшиться на правильную осаду. Эти успѣхи побудили македонскаго царя Пердикку, который незадолго передъ тѣмъ поссорился съ Брасидомъ, снова перейти на сторону аеинянъ; это было важное пріобрѣтеніе для Аеинъ, такъ какъ македонскій царь преградилъ путь лакедемонскимъ подкрѣпленіямъ, которыя уже находились на пути къ Брасиду. Такимъ образомъ, послѣдній долженъ былъ довольствоваться собственнымъ небольшимъ войскомъ да вспомогательными отрядами своихъ халкидскихъ союзниковъ ³⁾.

Между тѣмъ въ самой Греціи, несмотря на военныя дѣйствія во Фракіи, покой оставался ненарушеннымъ. Но переговоры о мирѣ были при этихъ обстоятельствахъ конечно безуспѣшны, и даже перемиріе, срокъ котораго окончился весною 422 года, не было продолжено ⁴⁾. Каково было настроеніе въ Аеинахъ, показываетъ избраніе Клеона въ стратеги на ближайшій служебный годъ 422/1; а планъ Клеона состоялъ въ томъ, чтобы силою [оружія вырвать у Брасида его завоеванія. На этотъ разъ онъ лично принялъ начальство; въ концѣ лѣта 422 г. онъ во главѣ 1200 аеинскихъ гоплитовъ, 30 всадниковъ и многочисленныхъ союзниковъ на 30 корабляхъ отправился во Фракію. Начало, казалось, оправдывало самыя смѣлыя ожиданія: Торона и Галецъ были взяты штурмомъ, и подготовлено нападеніе на Амфиноль. Но во время рекогносцировки города, которую

1) Thuc. IV 122, 5 сл. 129. 2.

2) Thuc. IV 123.

3) Thuc. IV 129—132.

4) Thuc. V 1.

Клеонъ предпринялъ со всѣмъ своимъ войскомъ, на него неожиданно напалъ Брасидъ; аѣинское войско было разбито и обращено въ безпорядочное бѣгство; 600 аѣинянь и самъ полководецъ легли на полѣ битвы. Пелопоннесцамъ эта побѣда стоила только семи человѣкъ; но между этими семью былъ Брасидъ. Благодарные жители Амфиполя поставили ему памятникъ на рынкѣ своего города и воздавали ему, какъ освободителю, геройскія почести ¹⁾.

Битва при Амфиполѣ нанесла тяжелый ударъ военной партіи въ Аѣинахъ. Мало того, что она лишилась своего вождя Клеона, единственнаго дѣйствительно способнаго человѣка, который былъ въ ея рядахъ; гораздо важнѣе было то, что на памяти Клеона тяготѣла вся отвѣтственность за неудавшійся еракійскій походъ. Такимъ образомъ, управление государствомъ естественно должно было перейти къ Никію, и онъ могъ теперь безпрепятственно стремиться къ той цѣли, къ которой онъ былъ такъ близокъ уже два года назадъ. Вѣдь самъ его противникъ доказалъ, что при теперешнихъ условіяхъ силою оружія ничего нельзя сдѣлать во Фракіи, и что возвращеніе Амфиполя можетъ быть достигнуто только путемъ примиренія со Спартой.

Въ Спартѣ также имѣли полное основаніе желать мира. Въ средѣ пелопоннесскихъ союзниковъ начали обнаруживаться опасные симптомы. Мантинея распространила свое господство на южныя области Аркадіи до лаконской границы ²⁾ и при этомъ вступила въ войну съ Тегеей; кровопролитное сраженіе, происшедшее между ними зимою 423 г., не привело ни къ какому результату. ³⁾ Необходимо было водворить здѣсь порядокъ и вернуть Мантинею въ ея прежнія границы. Кромѣ того Спарта находилась въ натянутыхъ отношеніяхъ съ элейцами изъ-за того, что спартанцы во время одного спора между Элидой и подвластнымъ ей городомъ Лепреемъ приняли сторону послѣдняго и послали для его защиты лакедемонскій гарнизонъ ⁴⁾. Все это было-бы не очень важно, если бы тридцатилѣтнее перемиріе съ Аргосомъ не приближалось теперь къ концу; а Аргосъ требовалъ, въ награду за возобновленіе договора, возвращенія Кинурии, которая сто лѣтъ назадъ была отнята у него Спартой ⁵⁾. Послѣдняя конечно не могла согласиться на это требованіе; поэтому было чрезвычайно важно придти къ соглашенію съ Аѣинами раньше, чѣмъ начнется

1) Thuc. V. 2 сл. 6—11.

2) Thuc. V 29. 33.

3) Thuc. IV 134.

4) Thuc. V 31.

5) Thuc. V 14. 4, выше стр. 228.

война съ Аргосомъ. Къ этому присоединялось еще желаніе освободить сфактерійскихъ плѣнниковъ.

Правда, теперъ, послѣ побѣдъ при Деліѣ и Амфиполѣ, спартанцы отнюдь не были склонны купить миръ цѣною значительныхъ уступокъ. Возвращеніе къ тому положенію, въ которомъ обѣ стороны находились до войны, было крайнимъ условіемъ, на которое они готовы были согласиться, и такъ какъ именно теперъ рѣшительный успѣхъ былъ на сторонѣ пелопоннескаго оружія, то это была во всякомъ случаѣ уже крупная уступка. Вѣдь заключить миръ на такихъ условіяхъ значило для Спарты отказаться отъ той смѣлой программы, съ которой она десять лѣтъ назадъ начала войну, — освобожденія эллиновъ отъ аѣинскаго господства. Болѣе того: Спарта обязывалась этимъ выдать Аѣинамъ тѣ эллинскіе города, которые, довѣряя спартанской клятвѣ, рѣшились отпасть и примкнуть къ пелопоннескому союзу.

Такимъ образомъ, враждебныя дѣйствія были пріостановлены и переговоры снова начались. Но несмотря на доброе желаніе обѣихъ правительствъ, къ концу зимы миръ еще не былъ заключенъ. Наконецъ, весною лакедемоняне поставили ультиматумъ и, чтобы придать ему больше силы, приказали въ то же время союзникамъ готовиться къ походу въ Аттику. Эта мѣра подѣйствовала: Никій принялъ условія лакедемонянъ, совѣтъ и народъ дали свою ратификацію. 25-го или 26-го Элафеболія (въ апрѣлѣ) 421 г. заключенъ былъ миръ или, какъ говорили греки, перемиріе (*σπονδαί*) на 50 лѣтъ между аѣинянами и лакедемонянами и ихъ обоюдными союзниками ¹⁾.

Въ основу мира положено было возвращеніе къ тому территориальному положенію, которое обѣ воюющія стороны занимали до начала войны. Въ силу этого соглашенія аѣиняне должны были вернуть Пилосъ и Клеверу, а лакедемоняне — Амфиполь. Скіона, которая все еще держалась, была предоставлена мести аѣинянъ, и только для пелопоннескаго гарнизона было выговорено свободное отступление. Въ вознагражденіе за Платею, которую беотяне отказались вернуть, аѣиняне должны были удержать Нисею. Халкидскіе города, которые отпали отъ Аѣинъ до заключенія перемирія — во время Потидейскаго возстанія или позднѣе, во время похода Брасида, и еще не были опять покорены: Олинеъ, Аканеъ, Стагиръ, Аргиль, Столъ, Спартолъ, Сана и Сингъ, сохраняли свою независимость, но обяза-

¹⁾ Thuc. V 17.

вались платить Аѳинамъ дань, установленную нѣкогда Аристидомъ. Наконецъ, обѣ стороны должны были обмѣняться плѣнниками ¹⁾).

Состоятельные классы Аѳинъ и ихъ вождь, Никій, добились того, къ чему они такъ давно стремились: программа Перикла была блестяще осуществлена; аѳинская держава вышла изъ борьбы въ общемъ невредимой. Уничтожить Спарту, опору консервативнаго элемента въ Греціи, эта партія не могла желать въ собственныхъ интересахъ, даже если бы это было возможно. Совсѣмъ другого мнѣнія была, конечно, радикальная партія. Съ ея точки зрѣнія заключеніе мира должно было казаться большой ошибкой именно теперь, когда срокъ перемирія между Аргосомъ и Спартой истекалъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, и когда въ обоихъ демократическихъ государствахъ, Мантиней и Элидѣ, возбужденіе противъ Спарты достигло такой степени, что съ увѣренностью можно было ожидать кризиса въ самомъ пелопоннесскомъ союзѣ.

Способъ, которымъ были осуществлены условія мира, далъ этой оппозиціи новую пищу. Спартанское правительство дѣйствительно было готово исполнить обязательства, которыя оно приняло на себя по договору, такъ какъ для него самого было очень важно получить обратно Пилосъ, Киѳеру и сфактерійскихъ плѣнниковъ. Поэтому въ Спартѣ немедленно освободили аѳинскихъ плѣнниковъ и послали Клеариду, который по смерти Брасида замѣнилъ его во Фракіи, приказъ передать аѳинянамъ Амфиполь. Но Клеаридъ вовсе не хотѣлъ сыграть роль предателя по отношенію къ союзникамъ, освобожденію которыхъ отъ аѳинскаго ига онъ самъ содѣйствовалъ. Оправдываясь невозможностью сдѣлать что-либо со своими слабыми силами противъ воли халкидянъ, онъ ограничился тѣмъ, что ушелъ со своимъ войскомъ изъ Фракіи и вернулся въ Пелопоннесъ. Такимъ образомъ, самое важное для аѳинянъ условіе мира осталось мертвою буквой, и вслѣдствіе этого они въ свою очередь отказались очистить Пилосъ и Киѳеру или хотя-бы только отпустить на волю сфактерійскихъ плѣнниковъ ²⁾).

Не мало затрудненій причинили Спартѣ также ея собственные союзники. Ни одному государству эта война не стоила большихъ жертвъ, чѣмъ Коринѳу, морская торговля котораго въ теченіе столькихъ лѣтъ была парализована аѳинской блокадой. А теперь миръ не принесъ ему ни одной изъ тѣхъ выгодъ, ради которыхъ онъ взялся

¹⁾ Актъ мира см. Thuc. V 18 сл.

²⁾ Thuc. V 21.

за оружіе: Потидея и Корцира оставались во власти Аеинъ, и даже колоніи Анакторій и Соллій не возвращались Коринеу акарнанцами ¹⁾. Поэтому коринейне отказались принять миръ и нашли поддержку у халкидянъ во Фракіи, которые рѣшили ни въ какомъ случаѣ не давать согласія на уступку Амфиполя, ни снова платить дань аеинянамъ. Беотяне также не хотѣли слышать о мирѣ и согласились только на перемиріе съ Аеинами подь условіемъ заявлять о разрывѣ договора за 10 дней впередь ²⁾.

Въ виду этого кризиса въ нѣдрахъ собственнаго союза Спарта не находила другого исхода, кромѣ еще большаго сближенія съ Аеинами. Здѣсь она встрѣтила со стороны Никія полное сочувствіе. Казалось, идеалъ Кимона былъ осуществлень; между обѣими первенствующими державами заключенъ былъ оборонительный союзъ. Аеины не могли долше отказывать въ выдачѣ сфактерійскихъ плѣнниковъ, и такимъ образомъ, по крайней мѣрѣ главное требованіе спартанцевъ было удовлетворено ³⁾.

Эта перемѣна въ лакедемонской политикѣ только ускорила катастрофу въ Пелопоннесѣ. Союзъ распался. Элида, Мантиней, Коринеъ, еракійскіе халкидяне отпали отъ Спарты и вступили въ союзъ съ Аргосомъ ⁴⁾. Попытка привлечь и Тегею къ этому союзу окончилась, правда, неудачей, ⁵⁾ и спартанцамъ удалось даже отнять у Мантиней господство надъ Паррасіей въ южной части Аркадіи ⁶⁾; но въ общемъ Спарта была теперь изолирована въ Пелопоннесѣ. Съ Аеинами также не удалось установить искреннихъ отношеній, несмотря на только-что заключенный союзъ. Тамъ отказывались — и съ полнымъ правомъ — очистить Пилосъ и Киоеру, пока спартанцы не вернутъ Амфиполя и пока Коринеъ, Беотія и халкидяне не признаютъ мира; между тѣмъ Спартѣ, при томъ опасномъ положеніи, въ которомъ она находилась теперь, было не до того, чтобы силой оружія принудить эти государства къ принятію аеинскихъ требованій. Такимъ образомъ, переговоры съ Аеинами не повели ни къ чему или, вѣрнѣе, единственнымъ результатомъ ихъ было еще большее отчужденіе между обѣими союзными державами ⁷⁾.

1) Thuc. V 30, 2.

2) Thuc. V 26.

3) Thuc. V 22—24.

4) Thuc. V 27—31.

5) Thuc. V 32, 3—4.

6) Thuc. V 33.

7) Thuc. V 35

При такихъ условіяхъ ближайшіе выборы эфоровъ въ Спартѣ поставили у кормила правленія отчасти людей, принадлежавшихъ къ военной партіи ¹⁾. Слѣдствіемъ этого было возобновленіе стараго союза между Спартой и Беотіей ²⁾. Теперь и въ Аѣинахъ снова усилилась оппозиція. Во главѣ ея стоялъ теперь Гиперболъ изъ Періеэды, подобно Клеону принадлежавшій къ торговому классу и игравшій уже въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ видную роль въ народномъ собраніи и судѣ ³⁾. Послѣ Клеона это былъ самый ненавистный человѣкъ для состоятельныхъ и образованныхъ классовъ, и позже онъ палъ жертвою этой ненависти во время олигархической реакціи 411 года. Рядомъ съ нимъ стоялъ человѣкъ совсѣмъ иного рода, Алкивиадъ, сынъ Клинія изъ дема Скамбонидъ, близкій родственникъ Перикла, въ домѣ котораго онъ воспитывался, рано лишившись отца. Его знатное происхожденіе, большое богатство, красивая наружность и замѣчательныя умственныя способности скоро сдѣлали его «львомъ» аѣинскаго общества, въ которомъ онъ задавалъ тонъ и которое всегда было готово подчиняться его прихотямъ. Передъ нимъ открывался путь къ блестящей политической карьерѣ, какая выпадаетъ на долю немногихъ; но при всѣхъ своихъ выдающихся военныхъ и дипломатическихъ талантахъ онъ былъ слишкомъ своенравенъ и легкомысленъ для роли государственнаго человѣка, и его политическая дѣятельность не имѣла прочнаго успѣха и не принесла счастья его родному городу. Какъ разъ теперь ему исполнилось тридцать лѣтъ, и онъ слѣдовательно вступилъ въ тотъ возрастъ, когда имѣлъ право добиваться высшей государственной должности — стратегіи. Слѣдую традиціямъ своей семьи, онъ примкнулъ къ крайней демократіи, и при недостаткѣ военныхъ талантовъ въ рядахъ послѣдней, его приняли здѣсь, разумѣется, съ распростертыми объятіями, какъ мало онъ ни былъ похожъ на народнаго вождя ⁴⁾.

И дѣйствительно, на выборахъ стратеговъ весною 420 г. мир-

1) Thuc. V 36.

2) Thuc. V 39.

3) Aristoph. *Εἰρήνη* 679 слл., *Βάτραχοι* 570, особенно часто его имя упоминается въ комедіяхъ этого времени.

4) Главными источниками служатъ, на ряду съ комедіей, Діалоги Платона, Иосег. *περὶ τοῦ ζῆνους* и жизнеописаніе Плутарха. Весь матеріалъ собранъ у Herzberg's *Alebiades* Halle 1853.—Хотя мы не имѣемъ прямыхъ указаній на то, что должности стратега могли добиваться люди не моложе 30 лѣтъ, но именно случай Алкивиада дѣлаетъ это весьма вѣроятнымъ, такъ какъ иначе такой человѣкъ, какъ онъ, безъ сомнѣнія раньше достигъ бы этой должности. Сравни. Hauvette—Besnault *Les Stratèges. athéniens*, Paris 1885, стр. 44.

ная партія потерпѣла поражение. Никій не былъ вновь избранъ, и его мѣсто занялъ Алкивиадъ ¹⁾). Это дало новое направление политикѣ Аѳинъ. Непосредственно послѣ выборовъ былъ заключенъ оборонительный союзъ съ Аргосомъ и его союзниками Мантинеей и Элидой, что, конечно, имѣло послѣдствіемъ новое сближеніе между Коринфомъ и Спартой ²⁾). Чтобы укрѣпить союзъ между Аргосомъ и Аѳинами, оба государства въ слѣдующемъ году напали на Эпидавръ, которому въ свою очередь оказала поддержку Спарта ³⁾). Такимъ образомъ, военныя дѣйствія между Аѳинами и Спартой возобновились; въ Аѳинахъ по предложенію Алкивиада было объявлено, что лакедемоняне нарушили миръ (зимою 419/8 г.) ⁴⁾.

Такое рѣшеніе было почти равносильно объявленію войны. Въ виду этого состоятельные классы напрягли всѣ свои силы, и имъ дѣйствительно удалось на ближайшихъ выборахъ стратеговъ (весной 418 г.) снова отдать власть въ руки Никіи и его друзей. Алкивиадъ не былъ вновь избранъ—доказательство, что большинство населенія и теперь было настроено противъ политики приключеній ⁵⁾.

Теперь Спарта считала своевременнымъ выйти изъ того выжидательнаго положенія, которое она занимала до сихъ поръ. Какъ только власть въ Аѳинахъ перешла къ новому правительству, въ серединѣ лѣта 418 г., царь Агисъ двинулся во главѣ всего лакедемонскаго ополченія въ Аркадію, увеличилъ здѣсь свое войско союзными отрядами, посредствомъ искуснаго маневра обошелъ позицію аргивянъ и ихъ пелопоннесскихъ союзниковъ при Меондріѣ и въ Фліунтѣ соединился съ беотянами и войсками союзныхъ городовъ Коринесскаго перешейка. Онъ имѣлъ теперь подъ своимъ начальствомъ около 20000 гоплитовъ и далеко превосходилъ непріятеля какъ численностью, такъ и качествомъ своего войска. Но укрѣпленную позицію аргивянъ на вершинѣ прохода, черезъ который ведетъ дорога изъ Немей въ Аргосъ, невозможно было взять нападеніемъ съ фронта; поэтому Агисъ, поручивъ беотянамъ слѣдить за врагомъ, самъ съ лакедемонянами и аркадянами двинулся изъ Фліунта, перешелъ по неприступнымъ тропинкамъ черезъ гору и долиной Инаха спустился на аргивскую равнину. Онъ находился теперь въ тылу непріятеля, и это заставило

1) Pluc. *Ale.* 15, *Nic.* 10, сравн. Loeschke *De titulis aliquot atticis* (Dissert. Bonn 1876) стр. 24 сл.

2) Thuc. V 43—43.

3) Thuc. V 53—56.

4) Thuc. V 56. 3.

5) Моя *Attische Politik*, стр. 307 сл.

аргивянъ покинуть Немейскій проходъ; но такъ какъ беотяне не преслѣдовали противника, то Агисъ оказался между стѣнами Аргоса и аргивскимъ войскомъ въ такой опасности, что счелъ нужнымъ заключить съ аргивскимъ стратегомъ Фрасилломъ перемиріе на четыре мѣсяца и подъ его защитой удалиться изъ аргосской области. Оба войска были очень недовольны этимъ исходомъ дѣла, такъ какъ на обѣихъ сторонахъ были увѣрены въ побѣдѣ; аргивяне едва не забросали Фрасилла камнями и приговорили его къ лишенію имущества, а въ Спартѣ Агисъ лишь съ трудомъ избѣгнулъ тяжелаго наказанія ¹⁾

Только теперь, когда все было кончено, высадились у Аргоса 1000 аѣнскихъ гоплитовъ и 300 всадниковъ подъ начальствомъ стратеговъ Лахеса и Никострата. Но чтобы по возможности ослабить дурное впечатлѣніе, которое должна была произвести въ Аргосѣ эта медлительность, къ войску прикомандировали въ качествѣ посла Алкивіада, какъ человѣка, который до сихъ поръ велъ всѣ переговоры съ Аргосомъ и пользовался тамъ большими симпатіями. Это былъ опасный выборъ; Алкивіадъ превысилъ данныя ему полномочія и началъ дѣйствовать на собственный рискъ. Подъ его вліяніемъ союзники, не обращая вниманія на только-что заключенное перемиріе, перешли къ энергическимъ наступательнымъ дѣйствіямъ противъ лакедемонскихъ союзниковъ въ Аркадіи, и аѣнскіе стратеги тѣмъ менѣе могли уклониться отъ участія въ ихъ предпріятіи, что въ планъ дѣйствія не входило нападеніе непосредственно на спартанскую территорію. И дѣйствительно, Орхомень послѣ непродолжительной осады вынужденъ былъ присоединиться къ Аргосу. Между тѣмъ элейцы потребовали, чтобы войска были двинуты къ Лепрею, и когда ихъ предложеніе не было принято, 3000 выставленныхъ ими гоплитовъ покинули союзное войско и вернулись домой. Этотъ расколъ имѣлъ роковое значеніе для дѣла союзниковъ. Лакедемоняне, при извѣстіи о взятіи Орхомена, выступили въ походъ со всѣмъ своимъ войскомъ, соединились съ отрядами Тегей и остальныхъ южно-аркадскихъ округовъ и двинулись къ Мантиней. На равнинѣ, подъ стѣнами этого города, дано было сраженіе, величайшее изъ всѣхъ, какія происходили между греками въ теченіе долгаго времени. Оба войска были, вѣроятно, по количеству приблизительно равны; но аргивяне и аѣиняне не выдержали натиска спартанскихъ гоплитовъ, послѣ чего и мантинейцы на правомъ крылѣ, сражавшіеся въ началѣ съ успѣхомъ, были увлечены

1) Thuc. V 57—60. 63.

общимъ бѣгствомъ. Союзники потеряли 1100 человекъ, и между ними обоихъ афинскихъ стратеговъ Лахеса и Никострата; потери побѣдителей доходили, по преданію, приблизительно до 300 человекъ. Пято пораженія при Сфактеріи было смыто, и военный авторитетъ Спарты въ Греціи снова упроченъ ¹⁾.

Аргосъ заключилъ теперь миръ и союзъ со Спартою и порвалъ свой союзъ съ Аѣинами; вскорѣ послѣ этого здѣсь произведена была реформа государственнаго устройства въ олигархическомъ духѣ. Мантинейя принуждена была согласиться на тридцатилѣтній миръ съ Спартою, отказавшись отъ всѣхъ притязаній на гегемонію въ Аркадіи. Ахея, въ которой до сихъ поръ одна только Пеллена была въ союзѣ со Спартою, теперь вся вступила въ пелопоннесскій союзъ. Элида также заключила миръ и отказалась отъ притязаній на Лепрей, не возобновляя однако своего прежняго союза со Спартою. Никогда до сихъ поръ гегемонія Спарты въ Пелопоннесѣ не достигала такихъ размѣровъ ²⁾.

Такимъ образомъ, теперь Аѣины были изолированы въ Греціи больше, чѣмъ когда-либо; все, чего достигла политика Алкивіада въ послѣдніе годы, было потеряно. Правда, значительная доля отвѣтственности за это падала на самого Алкивіада; но настоящимъ виновникомъ всѣхъ бѣдъ являлся Никій, отказавшій союзному Аргосу во всякой дѣятельной поддержкѣ. Его противники успѣшили воспользоваться этимъ положеніемъ дѣлъ для своихъ цѣлей. По предложенію Гипербола народъ рѣшилъ весною 417 г. прибѣгнуть къ остракизму. Вождь демоса разсчитывалъ на то, что эта кара падеть на Никію, и что послѣдній будетъ изгнанъ изъ Аѣинъ на десять лѣтъ; но даже если бы эта надежда не оправдалась, самому Гиперболу, повидимому, нечего было бояться. Вѣдь ясно было, что приверженцы Никіи подадутъ голоса не противъ Гипербола, а противъ Алкивіада — единственнаго человека, который былъ дѣйствительно опасенъ для мира и, какъ думали многіе, также для свободы Аѣинъ.

1) Thuc. V 61—75. Онъ не даетъ никакихъ указаній относительно численности войска; но такъ какъ онъ называетъ это сраженіе *πλείστον δὴ χρόνον μεγίστη δὴ τῶν Ἑλληνικῶν* (74,1), то нужно предположить на каждой сторонѣ по крайней мѣрѣ 8—10000 голлитовъ (сравн. Делонъ), что, впрочемъ, и безъ того вѣроятно. Численный перевѣсъ спартацевъ, о которомъ онъ упоминаетъ (68,1), не могъ быть значительнымъ, даже если данный имъ 1. с. 68 расчетъ далеко уступаетъ дѣйствительности.

2) Thuc. V 76—82, 1. Относительно Ахеи, сравн также Thuc. II 9, 2; Элида не принимала участія въ декелейской войнѣ.

Дѣйствительно, при той нуждѣ въ покоѣ, какую чувствовали состоятельные классы, и при все еще безграничномъ вліяніи Никія, можно было съ большимъ вѣроятіемъ ожидать неблагоприятнаго рѣшенія для Алкивіада. Но послѣдній не имѣлъ никакой охоты подвергать себя опасности. Онъ порвалъ свою связь съ крайней демократіей и перешелъ въ лагерь Никія; оба они соединили голоса своихъ приверженцевъ противъ Гипербола. Такимъ образомъ, случилось то, чего никто не ожидалъ; народъ призналъ Гипербола виновнымъ въ стремленіи къ тираніи въ Аѣинахъ и присудилъ его къ изгнанію. Онъ отправился въ Самось, и больше ему уже не суждено было видѣть свою родину ¹⁾. Этотъ случай обратилъ институтъ остракисма въ посмѣшище, и хотя формально онъ не былъ отмѣненъ, но оставался съ тѣхъ поръ лишь мертвой буквой.

Теперь господами положенія были Никій и Алкивіадъ. Непосредственно послѣ остракисма оба были избраны въ стратеги и утверждены въ должности также на слѣдующій годъ (416/5) ²⁾. Однако Алкивіадъ, послѣ своего разрыва съ крайней демократіей, занималъ по отношенію къ Никію положеніе зависимаго союзника. Какъ и слѣдовало ожидать, Аѣины стали теперь обнаруживать желаніе остаться съ Пелопоннесомъ въ возможно лучшихъ отношеніяхъ, къ чему побуждало ихъ и общее состояніе дѣлъ. Впрочемъ, Спарта не сумѣла удержать то положеніе, которое доставила ей побѣда при Мантиней. Уже въ срединѣ лѣта слѣдующаго года (417) демось въ Аргосѣ возсталъ противъ олигархическаго правительства, и такъ какъ лакедемоняне медлили подачей помощи, то была восстановлена демократія, которая тотчасъ отказалась отъ союза со Спартой и снова примкнула къ Аѣинамъ. Правда, лакедемоняне зимнимъ походомъ помѣшали попыткѣ соединить Аргосъ съ моремъ посредствомъ параллельныхъ стѣнъ и даже завладѣли небольшимъ аргивскимъ городомъ Гисіями; но это не произвело никакой существенной перемѣны въ политическомъ положеніи ³⁾.

Между тѣмъ Никій задумалъ снова подчинить Халкидику. Взятіе Скіоны было тамъ единственнымъ успѣхомъ, которымъ могли похва-

¹⁾ Thuc. VIII 73, Plut. Alc. 13, Arist. 7, Nic. 11. Годъ остракисма до насъ не дошелъ; судя по Theopomp. fr. 103 и принимая во вниманіе политическое положеніе, это изгнаніе нужно отнести къ 417 г., сравн. мою *Attische Politik* стр. 339 сл. Впрочемъ, возможно, что Гиперболъ былъ изгнанъ еще въ 418 г. или только въ 416.

²⁾ Моя *Attische Politik* стр. 308.

³⁾ Thuc. V 82. 83.

литься аѳиняне со времени заключенія мира. Послѣ ухода пелопоннесскаго гарнизона, городъ принужденъ былъ сдаться лѣтомъ 421 года; граждане были казнены, какъ мятежники, а земля роздана платейцамъ ¹⁾. Въ свою очередь халкидяне завладѣли нѣсколькими мелкими пунктами, которые еще держали сторону Аѳинъ ²⁾. Теперь, лѣтомъ 417 г., Никій во главѣ аѳинскаго флота предпринялъ походъ противъ Амфиноля; но такъ какъ Пердикка Македонскій успѣлъ уже снова перемѣнить фронтъ и перейти на сторону халкидянъ, то это предпріятіе не имѣло успѣха, и Аѳины должны были ограничиться блокадой македонскихъ гаваней ³⁾.

Зато удалось теперь завоевать Мелось, единственный островъ на Эгейскомъ морѣ, который до сихъ поръ не призналъ аѳинской гегемоніи. Осада началась лѣтомъ 416 г., а слѣдующей зимой голодъ принудилъ городъ къ сдачѣ. Хотя Мелось никогда не принадлежалъ къ аѳинскому союзу, однако аѳиняне поступили съ его населеніемъ по варварскому военному праву, которое они въ послѣдніе годы начали примѣнять къ отпавшимъ союзникамъ; взрослые мужчины были казнены, остальное населеніе продано въ рабство. Мѣсто прежнихъ обитателей заняла аттическая клерухія въ 500 человекъ ⁴⁾.

Таково было положеніе дѣлъ въ Элладѣ, когда Аѳины предприняли тотъ роковой походъ противъ Сициліи, которому суждено было въ самой Греціи произвести перетасовку всѣхъ политическихъ силъ и который наконецъ далъ возможность пелопоннесцамъ осуществить давно намѣченную ими цѣль — уничтожить аѳинскую державу и, вмѣстѣ съ ней, демократію. Но прежде, чѣмъ перейти къ этимъ событіямъ, мы должны рассмотретьъ работу тѣхъ духовныхъ силъ, которыя подготовили почву для этого переворота.

1) Thuc. V 32.

2) Thuc. V 35. 39.

3) Thuc. V 83.

4) Thuc. V 84—116.

ГЛАВА XVI.

Расцвѣтъ поэзіи и искусства.

Въ эпоху Персидскихъ войнъ первое мѣсто въ ряду общественныхъ интересовъ все еще занимали поэзія и пластическое искусство; къ нимъ обращался каждый, кто чувствовалъ въ себѣ призваніе къ духовному творчеству. Работа VI столѣтія устранила главнѣйшія техническія трудности и порвала тѣ узы конвенціонализма, которыя до тѣхъ поръ задерживали развитіе художественной дѣятельности. Теперь ея путь былъ свободенъ; а экономическій расцвѣтъ въ теченіе продолжительнаго періода мира, который слѣдовалъ за Персидской войной, далъ возможность какъ государствамъ, такъ и частнымъ лицамъ тратить на художественныя цѣли болѣе, чѣмъ когда бы то ни было раньше. Такимъ образомъ, всѣ условія благопріятствовали тому, чтобы искусство достигло въ эту эпоху такого расцвѣта, какой уже болѣе не повторялся въ исторіи человѣчества. Произведенія этого періода, даже въ тѣхъ скудныхъ обломкахъ, въ которыхъ они дошли до насъ, служатъ для насъ неизсягаемымъ источникомъ эстетическаго наслажденія; они представляютъ прочную и непоколебимую основу, на которой зиждятся поэзія и пластическое искусство всѣхъ позднѣйшихъ временъ. Такимъ образомъ, эпоха Перикла является нашему духовному взору въ свѣтломъ ореолѣ золотого вѣка.

Наиболѣе благопріятную почву для своего развитія художественная дѣятельность нашла въ тѣхъ двухъ городахъ, которые, благодаря борьбѣ съ варварами, сдѣлались средоточіями могущественныхъ державъ,—въ Афинахъ и Сиракузахъ; на ряду съ ними—также въ Арголидѣ, достигшей цвѣтущаго состоянія благодаря торговлѣ и промышленности. Напротивъ, Спарта, которая до Персидскихъ войнъ была любимымъ мѣсто-пребываніемъ музъ, теперь отошла на задній планъ; борьба съ рево-

люцией заставила это государство оградить себя китайской стѣной отъ всякихъ новыхъ теченій въ области мысли и въ то же время изо всѣхъ силъ стремиться къ сохраненію старины. Азіатская Греція также отстала въ этомъ отношеніи отъ метрополіи и западныхъ колоній—отчасти вслѣдствіе экономической катастрофы послѣ неудавшагося возстанія противъ Дарія, отъ которой она лишь медленно оправлялась, отчасти и главнымъ образомъ потому, что ея лучшихъ людей уже начала привлекать только что народившаяся наука. Потому что по своему духовному развитію Іонія все еще стояла на полвѣка впереди остальной Греціи.

Аѳины уже во время господства Писистратидовъ сдѣлались центромъ умственной жизни греческаго народа. Здѣсь жили въ эту эпоху Ласъ изъ Герміоны ¹⁾ и Симонидъ изъ Кеоса (около 558—468) ²⁾, основатели эллинской классической музыки. Достойнымъ преемникомъ ихъ былъ ученикъ Ласа, ѳиванецъ Пиндаръ (520—440) ³⁾. Этимъ художникамъ обязана своимъ совершенствомъ хоровая поэзія. Изящество языка, обиліе глубокихъ идей, красота ритмовъ и искусная инструментовка соединились въ ихъ произведеніяхъ въ одно гармоническое цѣлое, какового еще не видѣлъ свѣтъ и которое вызывало безграничное удивленіе въ современникахъ. Многочисленные внѣшніе признаки отличія и щедрое матеріальное вознагражденіе выпадали на долю поэтовъ: куда бы они ни приходили, имъ вездѣ былъ готовъ радушный пріемъ, и самые знатные люди націи наперерывъ добивались чести быть воспѣтыми въ ихъ пѣсняхъ. А Симонидъ, благодаря своимъ близкимъ отношеніямъ ко дворамъ сиракузскаго и акрагантскаго тирановъ, имѣлъ даже возможность вліять на политическія дѣла и однажды избавилъ Сицилію отъ грозившей ей войны.

Такимъ образомъ греческая лирика достигла высшаго расцвѣта, какой былъ возможенъ для нея въ эту эпоху. И можетъ быть Пиндаръ со своими вычурными ритмами и темнымъ языкомъ, который дѣлалъ текстъ при музыкальномъ исполненіи почти непонятнымъ для слушателей, уже переступилъ надлежащую границу. Къ тому же большая часть его стихотвореній была написана по заказу — по столько-то сотъ драхмъ за пѣсню; откуда же могло явиться здѣсь

1) Herod. VII 6, Plut. *О музыкѣ* 29.

2) Simonid. fr. 147, *Март. Пар.* 57.

3) Онъ родился, по Свидѣ, въ 65 ол. (520—516); первый сохранившійся эпиникій (побѣдный гимнъ) (*Pyth.* X) относится къ 22-й Писидѣ (498); послѣдній эпиникій (*Ol.* IV и V)—къ 82 ол.=452 г. и (*Pyth.* VIII) къ 35 пие.=446 г. Сравн. Bornemann *Philol.* 50, стр. 233 слл.

поэтическое вдохновение? Эпоха Персидскихъ войнъ создала еще цѣ-
лый рядъ талантливыхъ поэтовъ въ такомъ же родѣ, напр., родосца
Тимокреона и племянника Симонида, Бакхилида; но ни одинъ изъ
нихъ не сравнился съ великими художниками предшествующей эпохи.
Около середины V столѣтія хоровая лирика въ духѣ Симонида и
Пиндара вообще пришла въ упадокъ, отчасти подъ вліяніемъ демо-
кратическаго направленія эпохи, которое шокировала хвалебная пѣснь
въ честь отдѣльной личности и которое заставило искусство обра-
титься къ служенію всему обществу.

Такимъ образомъ, при своемъ дальнѣйшемъ развитіи греческая
поэзія и музыка вступили въ связь съ культомъ. Исходной точкой
здѣсь былъ диѳирамбъ, хоровая пѣснь, которую пѣли въ праздники
Діониса въ честь этого бога. Великіе музыканты конца VI и начала
V вѣка, Ласъ, Симонидъ и Пиндаръ, писали и клали на музыку
тексты для такихъ представленій; однако мы совершенно лишены воз-
можности составить себѣ понятіе о сущности этого рода поэзіи,
такъ какъ отъ той эпохи не уцѣлѣло ни одного сколько-нибудь зна-
чительнаго отрывка диѳирамба. Повидимому, предводитель хора де-
кламировалъ отрывокъ изъ мѣса о Діонисѣ, а хоръ пѣніемъ и тан-
цами выражалъ свои чувства по поводу слышаннаго ¹⁾).

Отъ диѳирамба оставался одинъ шагъ къ драмѣ. Предводитель
хора былъ противопоставленъ хору, какъ актеръ, и такимъ обра-
зомъ сдѣлалось возможнымъ представленіе, которое, конечно, соот-
вѣтствовало характеру сатировъ, составлявшихъ хоръ. Эта, такъ
называемая, сатирическая драма возникла въ городахъ, расположен-
ныхъ на Исемѣ,—прежде всего въ Сикіонѣ, который съ древнихъ
временъ былъ однимъ изъ главныхъ мѣстъ поклоненія Діонису; здѣсь
около конца VI столѣтія жилъ первый великій представитель ея,
Пратинъ изъ Фліунта.

Преобразование этихъ фарсовъ въ серьезную драму произошло
въ Атикѣ и приписывается сказаніемъ Ѳеспису изъ округа Икаріи,
гдѣ также процвѣталъ культъ Діониса. Первые пьесы такого рода
онъ исполнилъ, по преданію, при Писистратѣ, въ 534 году ²⁾, на
учрежденномъ незадолго до того празднествѣ большихъ Діонисій въ
Аѳинахъ. Сюжеты заимствовались изъ героическихъ сказаній, на кото-
рыхъ народъ смотрѣлъ, какъ на исторію; въ этомъ смыслѣ Эсхиль и
назвалъ свои пьесы крохами со стола Гомера. Нѣсколько позже, подъ

¹⁾ Aristot. *Poet.* 4, 15, который производитъ начало трагедіи ἀπὸ τῶν
ἐξαρχόντων τὸν διθύραμβον.

²⁾ *Marmor Parium* 43, стр. 58.

впечатлѣніемъ потрясающихъ событій Персидскихъ войнъ, была сдѣлана попытка выводить на сцену также случаи изъ современной исторіи, — впервые вѣроятно Фринихомъ въ его «Паденіи Милета»; однако этотъ ложный пріемъ вскорѣ былъ оставленъ. Хоръ, конечно, пересталъ теперь маскироваться сатирами; удержалось только названіе — «пѣснь козловъ», трагедія. Лирическія партіи komponировались большею частью по образцу Стесихора, а текстъ писался тѣмъ самымъ смѣшаннымъ изъ эпическаго и дорическаго нарѣчій языкомъ, которымъ со времени Стесихора пользовалась вся хоровая лирика; напротивъ, діалогъ писался трохеическими тетраметрами и ямбическими триметрами, которые впервые ввелъ въ употребленіе Архилохъ, и на родномъ аттическомъ языкѣ. Но въ началѣ центръ тяжести пьесы лежалъ всецѣло въ пѣсняхъ и танцахъ хора, на ряду съ которыми дѣйствию удѣлялось лишь незначительное мѣсто, такъ какъ хору противопоставлялся только одинъ актеръ. Однако уже рано стали вводить и второго актера, благодаря чему сдѣлался возможнымъ діалогъ безъ участія хора; и уже Эсхиль въ своихъ послѣднихъ пьесахъ выводилъ трехъ актеровъ — число, которое впоследствии осталось обязательнымъ для греческой трагедіи. Поэтому хоровыя партіи все болѣе и болѣе уступали мѣсто діалогу и превратились наконецъ въ музыкальныя вставки, не имѣющія прямого отношенія къ ходу дѣйствія. Съ теченіемъ времени стали также все шире пользоваться соло и дуэтами актеровъ; тѣмъ не менѣе античная трагедія никогда не рѣшилась совершенно сбросить съ себя узы хора.

Первый великій представитель трагедіи — Эсхиль (около 525—456 г.)¹⁾ изъ аттическаго дема Элевсина. Онъ былъ современникомъ Персидскихъ войнъ, и въ его пьесахъ отражается міровоззрѣніе того поколѣнія, которое сражалось при Марафонѣ и Саламинѣ. У него все возвышенно и торжественно; поэтъ проводитъ передъ нашими глазами существа изъ высшаго міра; мы удивляемся имъ, но они слишкомъ далеки отъ насъ, чтобы мы могли принимать въ ихъ судьбѣ дѣйствительное участіе. Дѣйствіе растянута уже благодаря безконечнымъ хорамъ съ ихъ напыщеннымъ и часто до непонятности вычурнымъ потокомъ словъ, котораго не выносило уже ближайшее поколѣніе²⁾. Поэтому Эсхиль былъ принужденъ дѣлить каждый изъ служившихъ ему сюжетами мифовъ на три пьесы (такъ

1) Первую побѣду онъ одержалъ въ 485/4 г. (*Marmor Parium* 50, стр. 65); годы рожденія и смерти его можно опредѣлить только приблизительно.

2) Сравн. пародію въ *Βάτραχοι* Аристофана.

назыв. трилогія), которыя давались одна за другою и заканчивались сатирической драмой. Но вниманіе публики не выносило такого большого напряженія, и хотя впоследствии обычай, по которому каждый поэт выступалъ сразу тремя трагедіями и одной сатирической драмой, остался въ силѣ, но у преемниковъ Эсхила между этими пьесами не было никакой внутренней связи.

Второй великій трагикъ, Софоклъ (около 496—406) ¹⁾, изъ предмѣстья Колона, жилъ въ эпоху Перикла, съ которымъ онъ самъ находился въ близкихъ отношеніяхъ. Онъ первый удѣляетъ должное мѣсто дѣйствию на счетъ хора; съ неподражаемымъ искусствомъ онъ умѣетъ завязать драматическій узелъ и развязать его безъ натяжекъ. Его дѣйствующія лица уже не герои, а люди; но по собственному выраженію поэта, это не такіе люди, какими они бываютъ въ дѣйствительности, а какими они должны быть,—совершенные образцы добродѣтели или совершенные злодѣи, поскольку этого допускало содержаніе мѣта. Кто смотрѣлъ его пьесы, тотъ не имѣлъ надобности особенно напрягать свою мысль и возвращался домой съ сознаніемъ, что провелъ день съ большимъ удовольствіемъ. Такимъ образомъ, какъ поэтъ, онъ приходился по душѣ и образованнымъ, и необразованнымъ людямъ; еще молодымъ человѣкомъ онъ вытѣснилъ Эсхила изъ расположенія публики, и пока онъ былъ живъ, никто не сумѣлъ затмить его. Но потомство было отчасти другого мнѣнія—и съ полнымъ правомъ: какъ великъ ни былъ Софоклъ, за нимъ слѣдоваль еще болѣе великій поэтъ.

Эврипидъ (около 480—406 г.) ²⁾—последній въ блестящемъ трехзвѣздіи аттическихъ трагиковъ. Хотя онъ былъ моложе Софокла менѣе чѣмъ на двадцать лѣтъ и умеръ въ одинъ годъ съ нимъ, однако онъ принадлежитъ къ совсѣмъ иной эпохѣ: его уже захватило то умственное движеніе, которое во второй половинѣ V столѣтія радикально преобразовало весь эллинскій міръ. Онъ первый въ Афинахъ сталъ проповѣдывать со сцены идеи новаго времени, точно такъ-же, какъ онъ впервые воспользовался въ своихъ пьесахъ художественными приемами только-что нарождавшейся реторики, а для композиціи лирическихъ партій—музыкальными нововведеніями дирамбиковъ. Въ построеніи дѣйствія онъ, правда, уступаетъ Софоклу;

¹⁾ Первая побѣда въ 469/8 г. (*Marmor Par.* 56, стр. 72); годъ смерти опредѣляется на основаніи *Ляушекъ* Аристофана.

²⁾ Первое представленіе его пьесы въ 456/5 г. (*Vita*), первая побѣда 442/1 г. (*Marm. Par.* 60, стр. 75).

зато онъ значительно превосходитъ его въ обрисовкѣ характеровъ. Въмѣсто героевъ и идеальныхъ личностей, онъ вывелъ на сцену живыхъ людей и первый воспользовался, какъ сюжетомъ для драмы, любовью. Поэтому его дѣйствующія лица возбуждаютъ въ насъ гораздо болѣе глубокое участіе, чѣмъ дѣйствующія лица Эсхила или Софокла. Правда, чувства его персонажей иногда совершенно противорѣчатъ героической маскѣ, въ которую авторъ, по обычаю той эпохи, принужденъ былъ нарядить ихъ. Комедія, конечно, подмѣтила и осмѣяла это противорѣчіе; и вообще Эврипидъ не избѣгъ той участи, которая постигаетъ почти всѣхъ новаторовъ,—участи не быть понятнымъ большинствомъ своихъ современниковъ. Всю жизнь приходилось ему бороться съ самыми ожесточенными нападками; на его долю выпали лишь немногія первыя награды, и даже такое образцовое произведеніе, какъ «Медея», не было оцѣнено по достоинству. Но именно эти безпрестанныя нападки комедіи показываютъ, какъ хорошо вся образованная публика знала драмы Эврипида. Комедіи Аристофана полны скрытыхъ намековъ на отдѣльные стихи Эврипида; слѣдовательно, поэтъ былъ увѣренъ въ томъ, что его слушатели поймутъ эти намеки,—конечно за исключеніемъ черни, которая занимала болѣешую часть мѣстъ въ театрѣ. И самъ Аристофанъ, никогда не упускавшій благодарной темы—посмѣшить толпу на счетъ Эврипида, находится однако всецѣло подъ его вліяніемъ. Точно такъ-же трагики конца V столѣтія, какъ Агаеонъ и Критій, были ревностными послѣдователями направленія, созданнаго Эврипидомъ, и оно осталось господствующимъ въ греческой трагедіи на все позднѣйшее время. Пьесы самого Эврипида удержались на сценѣ еще въ теченіе многихъ вѣковъ; да и до насъ дошло отъ него больше, чѣмъ отъ всѣхъ остальныхъ трагиковъ вмѣстѣ. Кромѣ Гомера, ни одинъ греческій поэтъ не имѣлъ такого сильнаго вліянія на потомство, какъ Эврипидъ.

Изъ того-же корня, изъ котораго развилась трагедія, и въ одно время съ нею возникла комедія, «пѣснь веселыхъ кутиль». Она была продуктомъ столичной жизни, сосредоточившейся послѣ Персидскихъ войнъ въ Афинахъ и Сиракузахъ. А такъ какъ Сиракузы стали большимъ городомъ еще нѣсколько раньше, чѣмъ Афины, то тамъ прежде всего комедія и достигла художественнаго развитія. Ея основатель, Эпихармъ, родившійся въ сицилійской Мегарѣ, долженъ былъ, послѣ разрушенія послѣдней Гелономъ, переселиться вмѣстѣ со своими согражданами въ Сиракузы, гдѣ онъ получилъ права гражданства. Начало его поэтической дѣятельности относится къ царствованію Герона; но такъ какъ онъ умеръ, по преданію, 90 лѣтъ отъ роду, то онъ

дожилъ, вѣроятно, еще до эпохи Пелопоннесской войны ¹⁾. Платонъ называетъ его величайшимъ комическимъ поэтомъ Греціи и ставитъ его на ряду съ Гомеромъ ²⁾; и еще мы въ немногихъ дошедшихъ до насъ отрывкахъ удивляемся обилію глубокомысленныхъ изреченій, хотя о достоинствѣ его драмъ, какъ цѣльныхъ произведеній, мы не въ состояніи судить. Такъ какъ при Геронѣ свобода слова въ Сиракузахъ была стѣснена, то Эпихармъ принужденъ былъ отказаться отъ политическихъ сюжетовъ и обратиться къ комедіи нравовъ; разъ избранному направленію онъ остался вѣренъ и позднѣе, во время демократическаго правленія. При этомъ онъ охотнѣе всего разрабатывалъ философскія проблемы, подобно своему младшему современнику Эврипиду.

Эпихармъ имѣлъ, конечно, не мало послѣдователей въ Сиракузахъ, но ни одинъ изъ нихъ не заслуживаетъ быть упомянутымъ рядомъ съ нимъ самимъ. Наиболѣе блестящаго развитія достигла комедія въ Аѣинахъ, гдѣ приблизительно съ 465 г. начали ставить комедіи на государственный счетъ. Первымъ великимъ представителемъ комедіи здѣсь былъ Кратинъ, современникъ Перикла ³⁾; изъ безчисленнаго множества его послѣдователей замѣчательны Эвполидъ (около 445—411 г.) и Аристофанъ (около 445—385 г.) ⁴⁾, которые довели эту, такъ называемую «древнюю» аттическую комедію до совершенства. При свободной конституціи Аѣинъ, поэты брали здѣсь сюжеты главнымъ образомъ изъ области политики и подвергали беспощадной критикѣ какъ существующіе порядки, такъ и руководящихъ лицъ. Да и вообще ничто не могло уберечься отъ ихъ насмѣшки, до безсмертныхъ

¹⁾ Свидя (*'Επίχαμος*) приурочиваетъ его къ 6-му году до Персидскихъ войнъ (т. е. къ 486 г.); но это извѣстіе, очевидно, относится къ разрушенію Мегары. Эпихармъ былъ тогда, вѣроятно, еще очень молодъ, такъ какъ именно впечатлѣнія, которыя онъ испыталъ въ Сиракузахъ, побудили его сдѣлаться комикомъ. Отрывки его комедій доказываютъ, что онъ находился подъ вліяніемъ не только Ксенофана и Гераклита, но также реторики и софистики; это также заставляетъ думать, что его дѣятельность продолжалась еще долго послѣ Герона. Поэтому нѣтъ никакого основанія сомнѣваться въ томъ, что дидактическое стихотвореніе, переведенное Эннѣемъ, принадлежитъ Эпихарму. Оно было написано до 430 г. (Wilamowitz *Heraclides* I 30); можно-ли предполагать, что Эпихарму еще при жизни приписали поддѣльное стихотвореніе?

²⁾ Plat. *Theaet.* стр. 152 e.

³⁾ Первое представленіе его комедіи—въ 453 г. (Euseb.); умеръ между 423 и 421 г. (Aristoph. *Εἰς ἄνῃ* 701).

⁴⁾ Оба начали ставить свои пьесы еще совсѣмъ молодыми людьми въ первые годы Пелопоннесской войны. Эвполидъ умеръ, вѣроятно, вскорѣ послѣ сицилійской экспедиціи; Аристофанъ дожилъ еще до конца коринтской войны.

боговъ включительно, которыхъ, впрочемъ, вывелъ на сцену уже Эпихармъ. При этомъ комедія говорила безъ обиняковъ; соотвѣтственно разгульному веселію праздника Діониса, она называла каждую вещь ея настоящимъ именемъ, не останавливаясь передъ самыми непристойными выраженіями и жестами. Но все это дышетъ той несравненной прелестью, которою отличаются всѣ художественныя произведенія этой эпохи; и можетъ быть, съ чисто эстетической точки зрѣнія древняя аттическая комедія является прекраснѣйшимъ изъ созданий греческой поэзіи.

Постановка греческой драмы произвела бы на насъ, конечно, очень странное впечатлѣніе ¹⁾. Такъ какъ играли днемъ и подъ открытымъ небомъ передъ десятками тысячъ зрителей, то актеръ носилъ на лицѣ маску, которая давала возможность узнавать его на далекомъ разстояніи; это остатокъ древняго маскированія на діонисовыхъ праздникахъ, сохранившійся до сихъ поръ въ карнавалѣ. Такимъ образомъ, все искусство актера ограничивалось дикціей и жестикуляціей. Остальныя части театральнаго костюма также были разъ навсегда установлены: сапоги съ подошвами на колодкахъ и высокими каблуками, длинный, доходившій до земли хитонъ, подушки для увеличенія объема тѣла — нарядъ, въ которомъ актеры показались бы намъ живыми куклами ²⁾. Представленія давались исключительно въ дни діонисовыхъ празднествъ. Поэтому въ Аѳинахъ въ древнѣйшее время трагедіи ставились только одинъ разъ въ годъ, — весною, во время «большихъ Діонисій», но за то по нѣсколько одна за другой, такъ какъ всякій разъ въ состязаніи участвовало три поэта, изъ которыхъ каждый ставилъ по три трагедіи и по одной сатирической пьесѣ. Комедіи давались, кромѣ этого праздника, еще зимою во время Леней, при чемъ также состязались нѣсколько поэтовъ, но каждый только съ одной пьесой. Но такъ какъ ставились почти исключительно новыя пьесы, то спросъ на драмы былъ очень великъ; ему соотвѣтствовало и производство, тѣмъ болѣе, что государство старалось поощрять его назначеніемъ матеріальныхъ вознагражденій авторамъ. Для одной только аѳинской сцены въ періодъ отъ Персидскихъ войнъ до конца Пелопоннесской войны было написано около 900 трагедій и сатирическихъ драмъ и нѣсколько сотъ комедій. Правда, нѣкоторые изъ поэтовъ этой эпохи отличались поразительной плодовитостью; Эсхиль, на примѣръ, написалъ 90 драмъ, Со-

¹⁾ A. Müller *Lehrbuch der griechischen Bühnenaltertümer* (въ *Gr. Antiquitäten* Гермайна III, 2) Freiburg 1886.

²⁾ Такое впечатлѣніе они производили уже на Лукіана (*περὶ ἀρχαίων* 27).

фокль—123, Эврипидъ—92, Аристофонъ—40¹⁾), такъ что почти третья часть всѣхъ трагедій и сатирическихъ драмъ, нужныхъ для аѳинскаго театра, поставлялась въ V столѣтїи только тремя великими трагиками. Комедія, выросшая всецѣло на аѳинской почвѣ, разрабатывалась, конечно, почти исключительно аѳинянами; напротивъ, между трагедіями, которыя ставились на аѳинской сценѣ, были также произведенія цѣлаго ряда иногороднихъ поэтовъ, какъ Иона изъ Хиоса, Ахея изъ Эретрии, Неофронта Сигіонскаго, тегейца Аристарха, Каркина изъ Акраганта. Слѣдовательно, трагедіи ставились, вѣроятно, также въ этихъ и въ другихъ городахъ. Въ этомъ отношеніи мы имѣемъ болѣе подробныя свѣдѣнія только о Сиракузахъ; для ихъ сцены Эсхиль въ царствованіе Пьерона написалъ своихъ «Этнеяногъ». Что трагедіи давались здѣсь и позже, въ эпоху Полопоннеской войны, на это указываетъ примѣръ Діонисія, который могъ сдѣлаться трагикомъ только въ своемъ родномъ городѣ, и при томъ очевидно въ молодомъ возрастѣ, прежде чѣмъ онъ сталъ во главѣ государства. Впрочемъ, всѣ эти сцены имѣли только мѣстное значеніе; настоящую славу трагикъ могъ пріобрѣсти лишь въ томъ случаѣ, если ему удавалось получить награду на состязаніи въ Аѳинахъ. Что касается комедій, то для нея вообще не было почвы въ провинціальныя городахъ.

Драма въ V вѣкѣ далеко отодвинула на задній планъ всѣ остальные роды поэзіи. Древній народный эпосъ давно умеръ, хотя на празднествахъ рапсоды все еще пѣли пѣсни Гомера; а попытки создать искусственный эпосъ никогда не имѣли большого успѣха. Со старымъ Гомеромъ не могъ соперничать ни одинъ изъ эпическихъ поэтовъ этого времени. Такъ напримѣръ, Паниассисъ Галикарнасскій, дядя историка Геродота, въ началѣ этого столѣтїя воспѣлъ подвиги Геракла и основаніе іонійскихъ колоній; Ксенофанъ изъ Колофона написалъ эпическое стихотвореніе объ основаніи Элеи въ Италіи. Большихъ успѣховъ достигла элегія, которою въ эту эпоху занимались очень усердно, между прочимъ и такіе выдающіеся поэты, какъ Симонидъ, Эсхиль, Эврипидъ; но и въ этой области не ушли далеко сравнительно съ предыдущимъ періодомъ, пока подъ конецъ вѣка Антимахъ изъ Колофона въ своей «Лидѣ» не далъ новаго направленія элегической поэзіи. Но именно поэтому намъ приходится отложить оцѣнку этого предшественника александрийцевъ до соответствующаго отдѣла II тома.

¹⁾ Эти числа, конечно, только приблизительно вѣрны; они заимствованы изъ александрийскихъ каталоговъ.

Еще бѣльшіе успѣхи, чѣмъ въ области поэзіи, были достигнуты въ области пластическаго искусства. Лишь теперь, подъ впечатлѣніемъ великой освободительной войны, греческое искусство сбросило съ себя послѣдній остатокъ унаслѣдованной отъ востока робости; лишь теперь оно вполне овладѣло техникой дѣла.

Сравнительно меньше всего усовершенствованій требовала архитектура¹⁾. Въ этой области, соотвѣтственно религіозному настроенію эпохи, все еще преобладала постройка храмовъ, доведенная до высокаго совершенства уже въ VI столѣтіи. Теперь зданія въ своихъ отдѣльных частяхъ сдѣлались стройнѣе, и къ двумъ существовавшимъ стилямъ, дорическому и іоническому, присоединился третій—коринтскій съ капителю въ видѣ аганѳа, который однако въ эту эпоху примѣнялся лишь изрѣдка, притомъ всегда въ соединеніи съ другими стилями. Вообще же и теперь дорическій стиль является преобладающимъ въ европейской, іоническій—въ азіатской Греціи.

Развитіе музыки и драмы поставило новыя задачи архитектурѣ. Первое сооруженное для такихъ цѣлей зданіе, о которомъ до насъ дошли свѣдѣнія,—такъ называемая Скіасъ («тѣнистая галерея») въ Спартѣ; какъ показываетъ названіе, она была покрыта крышей и поэтому служила, безъ сомнѣнія, для музыкальныхъ представленій. Строителемъ ея называютъ Теодора изъ Самоса, современника Поликрата; такимъ образомъ, она была сооружена вѣроятно еще до Персидскихъ войнъ²⁾. Такимъ же цѣлямъ служилъ Одеонъ, построенный Перикломъ въ Афинахъ у подошвы акрополя; это зданіе, имѣвшее форму полукруга, съ шатрообразной крышей, поддерживаемой многочисленными колоннами, было окончено около 446 года³⁾. Каменные театры строились въ V вѣкѣ лишь изрѣдка. Даже въ Афинахъ существовала только построенная при Писистратидахъ каменная Орхестра, но все еще не было каменной сцены, и—какъ, по крайней мѣрѣ, утверждаютъ компетентные люди—мѣста для зрителей также

¹⁾ У насъ до сихъ поръ нѣтъ такой исторіи греческой архитектуры, которая соотвѣтствовала бы современному положенію науки. Для справокъ я отсылаю къ соч. Bötticher'a *Tektonik der Hellenen* 2. Ausg. Berlin 1874. 1881, Durm'a *Die Baukunst der Griechen* (*Handbuch der Architektur* II, I) Darmstadt 1881 и къ статьямъ по архитектурѣ въ *Antike Denkmäler* Баймейстера.

²⁾ A. Müller *Bühnenaltertümer* стр. 67.

³⁾ Plut. *Per.* 13. Впрочемъ, еще далеко не доказано, что приведенный тамъ отрывокъ Кратина (71 Кокк) относится къ острагисму 445 года. Сравни также A. Müller l. c., стр. 103 сл.

дѣлались еще изъ дерева ¹⁾. Напротивъ, Сиракузы уже въ эпоху Пелопоннеской войны имѣли свой театр; впоследствии онъ считался самымъ красивымъ въ Сициліи ²⁾. Въ нѣкоторыхъ аттическихъ демахъ, напримѣръ во Форикѣ и Пирей, уже въ V вѣкѣ существовали постоянныя зданія театровъ; такое зданіе имѣлъ и Коринѣъ въ 392 г. Но громадное большинство греческихъ театровъ было построено только въ IV вѣкѣ и позже.

Если греческія государства издерживали въ этотъ періодъ громадныя суммы на постройки, служившія потребностямъ культа—а къ числу такихъ строеній, по понятіямъ того времени, относились и театры,—то на украшеніе общественныхъ зданій свѣтскаго характера они тратили очень мало (выше стр. 340). А частныя дома также были въ эту демократическую эпоху малы и невзрачны, самое большее—въ два этажа ³⁾. Такимъ образомъ, здѣсь архитектурѣ не предъявлялось никакихъ требованій, которыя могли бы вызвать въ ней художественное творчество. Новыхъ городовъ въ V столѣтіи также было основано мало. При этомъ прокладывали улицы подъ прямыми углами, придерживаясь той правильной планировки, которая подъ влияніемъ востока вошла въ обыкновеніе еще съ VII столѣтія; по такому плану милетскій архитекторъ Гипподамъ построилъ Пирей и основанную въ 445 г. въ Италіи колонію Θуріи ⁴⁾. Городскія укрѣпленія, вродѣ тѣхъ, которыя были возведены Θемистокломъ и Перикломъ въ Афинахъ и ихъ гаваняхъ, не имѣютъ ничего общаго съ архитектурой, какъ пластическимъ искусствомъ.

Наибольшимъ оживленіемъ отличалась въ это время строительная дѣятельность въ Афинахъ, гдѣ приходилось съизнова отстраивать весь городъ послѣ разрушенія его Ксерксомъ ⁵⁾. Средства для того,

1) Dörpfeld у A. Müller'a l. c., стр. 415 сл. Поэтому Андокидъ *Περὶ τῶν μυστηρίων* 38 говоритъ только объ *δραχίστρα*. Съ другой стороны, по Свидѣ (*Πρατικάς*), деревянные скамейки для зрителей были замѣнены каменными вскорѣ послѣ 500-го года; да и по существу невѣроятно, чтобы Афины оставались до середины IV столѣтія безъ постоянного театра, тогда какъ даже аттическіе демы воздвигали такія зданія (Thuc. VIII 93, развалины театра въ Форикѣ). Я воздерживаюсь отъ самостоятельнаго сужденія, пока не выйdetъ въ свѣтъ книга Dörpfeld'a о театрахъ.

2) Eustath. къ γ 68, сравн. Diod. XVI 83.

3) Сравн. Demosth. *Olynth.* III 25, κατὰ Ἀριστοφ. 207.

4) Wachsmuth *Stadt Athen* I стр. 560 сл., Diod. XII 10, Hermann *De Hippodamo Milesio* Progr. Marburg 1841.

5) Wachsmut. *Die Stadt Athen im Altertum* I Bd. Leipzig 1874, Curtius *Stadtgeschichte Athens* Berlin 1891.

чтобы осуществить эту задачу достойнымъ образомъ, были доставлены персидской военной добычей, а позже данью союзниковъ. Фемистоклъ долженъ былъ ограничиться, конечно, только самымъ необходимымъ—укрѣпленіемъ города и Пирея. Затѣмъ Кимонъ положилъ основаніе храму Аѣины-Дѣвственницы (*Παρθενών*) на акрополѣ, построилъ храмъ Тесея, послѣ того какъ останки этого героя были перевезены со Скироса въ Аѣины ¹⁾, украсилъ рынокъ и основалъ Гимнасій въ роцѣ Академа. Но только постройки Перикла сдѣлали Аѣины самымъ красивымъ городомъ Греціи. На акрополѣ была окончена архитекторами Иктиномъ и Калликратомъ по расширенному плану постройка Парѣнона, начатая Кимономъ; это было величественное зданіе въ дорическомъ стилѣ, самый совершенный въ художественномъ отношеніи изъ всѣхъ греческихъ храмовъ ²⁾. Рядомъ съ нимъ возвышался Эрехѣйонъ, посвященный герою Эрехѣю и богинѣ-покровительницѣ города (*Ἀθρηᾶ πολιάς*), въ іоническомъ стилѣ, со священнымъ оливковымъ деревомъ, которое нѣкогда вызвала изъ земли сама богиня; постройка его была начата при Периклѣ и окончена только въ послѣдніе годы Пелопоннесской войны. Входъ къ акрополю былъ украшенъ колоннадой, Пропилеями, которыя построилъ Мнесиклъ въ 437—432 гг. ³⁾. У подошвы акрополя, недалеко отъ священнаго судилища ареопага, на холмѣ, который возвышался надъ городскимъ рынокомъ, былъ воздвигнутъ почти одновременно съ Парѣономъ тотъ величественный храмъ въ дорійскомъ стилѣ, который мы привыкли называть Тесеюномъ и который вѣроятно былъ посвященъ Гефесту; это единственный изъ всѣхъ греческихъ храмовъ, почти вполне уцѣлѣвшій до нашего времени. Такимъ образомъ, здѣсь возникъ рядъ зданій, равныхъ которымъ свѣтъ не видѣлъ ни раньше, ни впоследствии, и одинъ изъ современниковъ Перикла могъ съ полнымъ правомъ сказать: ⁴⁾

Да, ты чурбанъ, когда Аѣинъ не видѣлъ,
Оселъ, коль, видя ихъ, не восторгался,
Когда-жъ охотно кинулъ ихъ,—верблюду.

Остальныя части Аттики также украсились новыми постройками.

1) Paus. I 17, 6.

2) Michaelis *Der Parthenon* Leipzig 1871. Въ главныхъ чертахъ храмъ былъ готовъ въ 438 году, такъ какъ въ этомъ году въ немъ была поставлена статуя Аѣины-Дѣвственницы (Philoch. fr. 97).

3) Philochor. fr. 98, Heliodor. fr. 1 (*FHG.* IV 425), Plut. *Per.* 13.

4) Lysipp. fr. 7 Kock (стр. 702).

Въ Элевсинѣ было воздвигнуто великолѣпное зданіе храма для мистерій. На мысѣ Суніѣ, южной оконечности аттического полуострова, построенъ былъ храмъ Аѣины, колонны котораго еще въ настоящее время видны на далекомъ разстояніи съ моря. Въ Рамнѣ рядомъ съ древнимъ святилищемъ, разрушеннымъ персами, воздвигнуть былъ новый храмъ Немесиды.

Конечно, зданія храмовъ внѣ Аттики не могли сравниться съ тѣми, которыя построилъ Перикль, — уже по той причинѣ, что тамъ большею частью не было такого строительнаго матеріала, какой Аѣины имѣли въ мраморныхъ ломгахъ Пентеликона. Но и за предѣлами Аттики было создано нѣсколько замѣчательныхъ памятниковъ. Такъ, на примѣръ, въ Эгинѣ въ первой половинѣ этого столѣтія воздвигнуть былъ храмъ Аѣины, колонны котораго сохранились отчасти донинѣ. Древній храмъ Геры вблизи Микенъ послѣ пожара 423 года былъ восстановленъ Эвполомомъ въ большихъ размѣрахъ и болѣе роскошномъ видѣ. Около начала Пелопоннесской войны Иктинъ, строитель Пареннона, построилъ храмъ Аполлона Эпикурія на уединенной горѣ, вблизи Фигалии, на границѣ между Аркадіей и Мессеніей. Около 460 г. элейцы приступили къ постройкѣ знаменитаго храма Зевса въ Олимпіи ¹⁾. Въ Сициліи побѣда, одержанная надъ карагенянами при Гимерѣ, дала толчекъ къ оживленію строительной дѣятельности. Геронъ воздвигъ вблизи Сиракузъ великолѣпный храмъ Деметрѣ и Корѣ; приблизительно къ тому же времени относится постройка храма Аѣины въ Ортигій, превращеннаго позже христіанами въ соборъ, и храма олимпійскаго Зевса за городомъ, въ западной части гавани. Въ Акрагантѣ, вдоль южнаго края города, былъ воздвигнутъ въ это время величественный рядъ храмовъ, который еще теперь свидѣтельствуетъ о томъ, что Пиндаръ былъ правъ, назвавъ Акрагантъ прекраснѣйшимъ изъ городовъ, созданныхъ смертными. Эти постройки были начаты, вѣроятно, еще Ферономъ; работы по сооруженію колоссальнаго храма Зевса еще продолжались, когда наступила катастрофа 406 года, сломившая могущество Акраганта.

Но если архитектура лишь продолжала разрабатывать то, что было создано въ этой области уже VI вѣкомъ, то для пластики Персидскія войны знаменуютъ собою начало совершенно новой эпохи ²⁾.

¹⁾ Сравни выше стр. 360 прим. 2. Статуя Зевса, сдѣланная Фидіемъ, была освящена, повидимому, въ 83 ол. (448 г.) (Plin. 34, 49; 35, 54, Loeschcke въ *Hist. Unters. A. Schaefer gewidmet* стр. 45); слѣдовательно, постройка храма была въ это время закончена въ главныхъ чертахъ.

²⁾ Overbeck *Geschichte der griechischen Plastik* 4. Aufl. Leipzig 1893, Collignon *Histoire de la sculpture greque* I Paris 1892.

Вмѣсто грубыхъ, какъ бы обтесанныхъ плотничьимъ топоромъ статуй предшествовавшаго періода съ ихъ стереотипной улыбкой и яркой разрисовкою, мы видимъ въ произведеніяхъ этой эпохи жизнь, движеніе и выраженіе. Дерево употребляется теперь для статуй только еще въ исключительныхъ случаяхъ и скоро совершенно вытѣсняется мраморомъ и металломъ; къ нимъ, соотвѣтственно болѣе значительнымъ средствамъ, которыми теперь располагали, присоединяются, какъ матеріалъ для статуй, золото и слоновая кость. Чтобы правильно оцѣнить эти сдѣланныя изъ золота и слоновой кости изваянія, въ которыхъ скульптура V вѣка достигла наибольшаго совершенства, не слѣдуетъ забывать, что они помѣщались въ полутьмѣ святилищъ, гдѣ они должны были производить такое же впечатлѣніе, какъ мозаики на золотомъ фонѣ въ апсидахъ древнехристіанскихъ базиликъ.

Центромъ пластическаго творчества въ эту эпоху являются области, расположенныя при Сароническомъ заливѣ,—Арголида и Атика. Въ Аргосѣ работалъ литейщикъ Агеладъ, въ Сикіонѣ Канахъ, оба—мастера, пользовавшіеся извѣстностью во всей Греціи; изъ нихъ Агеладъ работалъ между прочимъ для Тарента и Навпакта, а Канахъ отлилъ для Милета мѣдную статую Аполлона—самое знаменитое изъ его произведеній, которое было увезено Ксерксомъ въ Экбатану и впослѣдствіи возвращено Селевкомъ. Въ Эгинѣ также находилась цвѣтущая школа скульпторовъ, самымъ выдающимся представителемъ которой былъ Онатъ (около 465 г.). Фронтонныя группы съ храма Аѣины въ Эгинѣ, которыя составляютъ теперь лучшее украшеніе мюнхенской глиптотеки, могутъ дать намъ представленіе о характерѣ произведеній этихъ мастеровъ. Странно, что Коринѣ, самый богатый изъ всѣхъ городовъ Арголиды, бывшій издревле центромъ оживленной художественной промышленности, въ эту эпоху не принималъ почти никакого участія въ развитіи скульптуры; впрочемъ, не болѣе велико было его участіе и въ литературномъ движеніи. Какъ видно, интересы богатаго коринесскаго купечества всецѣло сосредоточивались на матеріальной сторонѣ жизни.]

Зато въ Аѣинахъ дѣятельность въ области пластики отличалась необыкновеннымъ оживленіемъ. Здѣсь въ эпоху Персидскихъ войнъ работали Критій и Несіотъ; они отлили бронзовую группу тираноубійцъ Гармодія и Аристокитона, которая, по требованію народа, была выставлена на рынкѣ, вмѣсто увезеннаго Ксерксомъ произведенія Антенора. Съ эпохой Кимона и отчасти еще Перикла совпадаетъ дѣятельность Каламиса и Мирона, которые превзошли всѣхъ своихъ

предшественниковъ живостью и правдивостью изображеній; созданныя ими фигуры животныхъ считались даже позднѣйшими скульпторами за образцовыя произведенія. Но какъ ни были велики успѣхи, достигнутыя этими мастерами, они еще не умѣли придать человѣческому тѣлу дѣйствительной красоты и вложить въ черты выраженіе духовной жизни.

Только аѳинянинъ Фидій довелъ пластику до совершенства. Самое знаменитое его произведеніе — колоссальная статуя Зевса изъ золота и слоновой кости, изваянная имъ около 450 г. для храма въ Олимпіи. Эта статуя въ продолженіе всей древности считалась величайшимъ произведеніемъ греческой скульптуры, и созданный Фидіемъ идеаль отца боговъ остался закономѣрнымъ въ искусствѣ на всѣ времена. «Ласковый и кроткій», говоритъ одинъ писатель императорскаго времени, который удостоился еще видѣть Фидіева Зевса¹⁾, «онъ возсѣдаетъ на своемъ тронѣ, покровитель мирной и единомышленной Эллады, спокойный и величественный, съ улыбкой на устахъ, податель жизни и всякаго блага, отецъ и спаситель людей. И я думаю, что даже тотъ, кто испыталъ въ жизни много горя и несчастій, чье сердце исполнено заботъ и глаза не знаютъ сна, — даже тотъ передъ этимъ образомъ забылъ бы всѣ тягости, которыя выпадаютъ на долю человѣка; такое произведеніе создалъ ты, Фидій, — средство, какъ говоритъ поэтъ,

Скорбь и печаль удалять и память минувшихъ страданій».

Не менѣе знаменита была колоссальная статуя Аѳины изъ золота и слоновой кости, изваянная Фидіемъ нѣсколько позже (438) для аѳинскаго Парѳенона. Вообще, онъ былъ художественнымъ совѣтникомъ Перикла при всѣхъ постройкахъ, которыя возвелъ послѣдній, и, въ особенности, подъ его руководствомъ производилось скульптурное украшеніе храмовъ. Если произведенія самого Фидія безслѣдно погибли для насъ, то уцѣлѣвшія скульптурныя украшенія Парѳенона даютъ еще и намъ ясное понятіе объ его искусствѣ. Сравненіе ихъ съ фронтовыми фигурами храма Зевса въ Олимпіи, которыя старше лишь на нѣсколько лѣтъ, показываетъ намъ, какими громадными успѣхами скульптура обязана Фидію.

Нѣсколько моложе Фидія былъ Поликлитъ изъ Аргоса. Его копье-носецъ былъ, по преданію, самымъ совершеннымъ изображеніемъ человѣческой фигуры, какое до тѣхъ поръ было создано искусствомъ.

1) Dion. Chrysost. 12, стр. 412 R., 400 R. Гомеровскій стихъ — δ 221.

Но особенно онъ прославился колоссальной статуей Геры изъ золота и слоновой кости, изваянной имъ для храма Геры близъ Микенъ (около 400 г.); по мнѣнію древнихъ, это была достойная пара къ Зевсу Фидія ¹⁾. Правда, по возвышенности мысли Поликлитъ уступалъ Фидію, принадлежа къ той эпохѣ, когда вѣра въ древнихъ боговъ уже стала колебаться; но онъ, по преданію, превзошелъ Фидію граціей и совершенствомъ въ разработкѣ деталей. Между ними было приблизительно такое же отношеніе, какъ между скульптурными украшеніями Паренона и рельефами на балюстрадѣ храма Nike; такимъ образомъ, Поликлитъ знаменуетъ собою уже переходъ къ искусству слѣдующаго періода.

Третье изъ образовательныхъ искусствъ, живопись ²⁾, въ VI столѣтіи еще не могло претендовать на названіе самостоятельнаго искусства, такъ какъ оно служило еще исключительно для декоративныхъ или промышленныхъ цѣлей. Первымъ великимъ живописцемъ былъ Полигнотъ изъ Тасоса, который при Кимонѣ переселился въ Аѣны и украсилъ здѣсь своими картинами стѣны «пестраго портика» (*Στοὰ ποικίλη*) и храмы Тесея и Діоскуровъ. Но самымъ знаменитымъ его произведеніемъ были большія картины въ книдской «лесхѣ» въ Дельфахъ, изображавшія разрушеніе Трои и подземное царство. Фигуры были здѣсь расположены длинными рядами въ видѣ фриза и нарисованы немногими красками—еще безъ художественнаго единства, безъ перспективы и тѣней; подъ каждою изъ нихъ находилась пояснительная надпись, какъ подъ изображеніями на вазахъ. Но и при этихъ простыхъ средствахъ художникъ сумѣлъ придать своимъ фигурамъ живое выраженіе; его картины дышали такимъ величіемъ, что еще Аристотель совѣтовалъ подростающему юношеству смотрѣть на нихъ.

Дальнѣйшимъ успѣхомъ, составившимъ эпоху въ исторіи живописи, послѣдняя была обязана самосцу Агаѳарху, который работалъ для аттической сцены, вѣроятно уже въ эпоху Эсхила. Онъ долженъ былъ стремиться къ тому, чтобы вызвать въ зрителяхъ иллюзію реальности, и такимъ образомъ онъ сдѣлался основателемъ перспективной живописи. Еще дальше въ этомъ направленіи пошелъ въ эпоху Пелопоннесской войны

1) Возстановленіе храма Геры послѣ пожара 423 г. (Thuc. IV 133) должно было потребовать во всякомъ случаѣ многихъ лѣтъ, тѣмъ болѣе, что отъ 420 до 412 г. Аргосъ былъ занятъ войнами и внутренними смутами. Terminus ante quem для постановки упомянутой статуи даетъ начало коринфской войны 394 г.

2) Woermann, въ *Geschichte der Malerei* Woltmann'a I (Leipzig 1879). Rohden *Malerei* въ *Denkmäler* Baumeister'a.

Аполлодоръ изъ Аѳинъ, примѣнившій къ фигурной живописи тотъ же принципъ, который былъ изобрѣтенъ Агаеархомъ для декоративныхъ цѣлей. Онъ первый овладѣлъ искусствомъ распредѣлять свѣтъ и тѣни, и онъ же впервые на ряду со стѣнными картинами сталъ рисовать картины на доскахъ. Съ этихъ поръ живопись занимаетъ равноправное положеніе въ ряду родственныхъ ей искусствъ.

Аполлодора вскорѣ затмили своими произведеніями его младшіе современники Зевксисъ изъ Гераклеи и Паррасій изъ Эфеса, изъ которыхъ послѣдній былъ, можетъ быть, величайшимъ изъ всѣхъ греческихъ живописцевъ. Но намъ эти имена ничего не говорятъ, и мы не имѣемъ никакой возможности составить себѣ живое представленіе о характерѣ ихъ творчества.

Развитіе живописи неизбежно должно было сильно отразиться на художественной промышленности, и прежде всего на керамикѣ ¹⁾. Подъ конецъ VI вѣка въ Аѳинахъ возникаетъ новый стиль живописи на вазахъ. вмѣсто того, чтобы оставлять свободными отъ чернаго лака, которымъ покрывали поверхность вазы, всю площадь, занятую изображеніями, теперь оставляютъ непокрытыми лакомъ однѣ только фигуры, такъ что онѣ своимъ краснымъ цвѣтомъ глины выдѣляются на черномъ фонѣ сосуда. Что касается самихъ изображеній, то рядомъ съ мифологическими сценами все чаще начинаютъ встрѣчаться сцены изъ повседневной жизни. Рисунокъ становится свободнѣе, въ композиціи замѣчается больше единства; съ теченіемъ времени научились правильно изображать глазъ и при постановкѣ фигуры въ профиль, а затѣмъ и рисовать фигуры en face или въ полуоборотъ. Изъ множества мастеровъ, извѣстныхъ намъ по надписямъ на вазахъ, наиболѣе выдающимися въ первой половинѣ V столѣтія были Эвфроній и позднѣе Бригесъ ²⁾. Съ этими превосходными произведеніями аттической керамики остальные области Греціи, въ которыхъ процвѣтало гончарное искусство, не могли выдерживать конкуренціи; въ этомъ отношеніи Аѳинамъ въ V столѣтіи принадлежало исключительное господство на всемирномъ рынкѣ.

Болѣе высокое эстетическое чувство съ одной стороны, демократическое направленіе—съ другой, произвели въ это время такой же переворотъ въ греческомъ одѣяніи, какой вслѣдствіе подобныхъ же причинъ произошелъ около конца прошлаго и начала нынѣшняго столѣ-

¹⁾ Сравн. литературу, указанную выше на стр. 209.

²⁾ Klein *Euphronios* 2. Aufl. Wien 1886, *Die griechischen Vasen mit Meistersignaturen*. 2. Aufl. Wien 1887.

тія ¹⁾. Выработался тотъ костюмъ, который мы привыкли считать типичнымъ для грековъ; одежда сдѣлалась проще, и въ то же время, подъ вліяніемъ развитія сношеній, изгладились тѣ различія, которыя до сихъ поръ существовали въ этомъ отношеніи между разными частями греческаго міра. Соотвѣтственно второстепенному положенію, которое занимала теперь Іонія сравнительно съ метрополіей, длинный іоническій льняной хитонъ былъ вытѣсненъ короткимъ шерстянымъ хитономъ пелопоннесцевъ; только въ женскомъ костюмѣ льняная матерія и теперь удержалась на ряду съ шерстяной. Узорныя ткани предыдущаго періода выходятъ изъ употребленія; пурпурное платье одѣваютъ еще лишь изрѣдка и въ торжественныхъ случаяхъ; его носили спартанскіе гоплиты на войнѣ и аѳинскіе стратеги, какъ знакъ отличія. Вообще же мужчины, принадлежавшіе къ высшимъ слоямъ общества, носили въ эту эпоху простыя бѣлыя ткани, тогда какъ бѣдное населеніе въ видахъ бережливости довольствовалось темными матеріями. Женщины все еще одѣвались въ цвѣтныя платья, но обыкновенно безъ пестрыхъ узоровъ, а лишь съ узкой каймой другого цвѣта. Точно также вышли теперь изъ моды неподвижныя складки одежды, столь характерныя для архаическаго періода; плащъ (*ἱμάτιον*) падалъ съ плечъ свободными складками, вполне облекая станъ. Искусственныя головныя прически предыдущей эпохи исчезли, волосы на головѣ и бороду свободно отпускали и время отъ времени подстригали почти такъ, какъ это дѣлается теперь. Только спартанцы отращивали волосы, и въ остальной Греціи было не мало франтовъ, которые подражали имъ.

Разсмотримъ теперь, каково было нравственное вліяніе поэзіи и искусства на греческую націю въ этомъ періодѣ ихъ расцвѣта. Мы не должны ожидать въ этомъ отношеніи слишкомъ многого, потому что задача искусства состоитъ не въ томъ, чтобы поучать насъ, а въ удовлетвореніи нашей эстетической потребности. Оно скрашиваетъ нашу жизнь, заставляетъ насъ на время забыть житейскія страданія и заботы ²⁾, но и только.

Наиболѣе облагораживающее вліяніе должна была имѣть трагедія—самое возвышенное произведеніе грековъ въ области искусства, соединившее въ себѣ музыку и поэзію въ одно несравненное цѣлое. Объ этомъ много писали въ послѣднее время. Даже Гротъ говорить:

¹⁾ Iwan Müller *Griechische Privataltertümer (Handbuch der Altertumswissenschaft IV, 1)* стр. 420 слл.

²⁾ Такъ понималъ назначеніе искусства уже древній Гесіодъ, см. прекрасныя стихи *Theogon.* 98—103.

«Мы не можем сомнѣваться, что эти произведенія дѣйствовали въ высшей степени благотворно, и мы должны признать, что такая школа должна была значительно умучшить и возвысить вкусъ, чувство и уровень умственнаго развитія афинскаго народа» ¹⁾). Такъ-ли это было въ дѣйствительности? Уже по существу кажется сомнительнымъ, чтобы представленія, которыя давались только одинъ разъ въ годъ, могли оказывать такое продолжительное вліяніе на зрителей, если масса не сумѣла даже познакомиться хотя-бы съ наиболѣе извѣстными мифами ²⁾). А какъ ничтожно было минутное дѣйствіе, видно изъ того, въ какой грубой формѣ публика выражала свое порицаніе: она шумѣла и неистовствовала и швыряла на сцену что попало ³⁾). Театръ наполнялся очень смѣшаннымъ обществомъ ⁴⁾), и чернь оставалась чернью, несмотря на всѣ прекрасные стихи, которыя она слышала здѣсь. Иначе, какъ стала бы публика терпѣть невѣроятныя пошлости комедіи и совершенно неприличныя сцены сатирической драмы? Если трагедія и оказывала нѣкоторое благотворное вліяніе, то оно должно парализоваться дѣйствіемъ подобныхъ представленій. Дѣло въ томъ, что публика приходила въ театръ только для того, чтобы пріятно провести время, — совершенно такъ же, какъ наша современная публика; она находила тамъ то, чего искала, но и ничего болѣе. Поэтому Платонъ, осуждавшій Гомера, считалъ и трагедію безнравственной ⁵⁾).

Такимъ образомъ, въ V столѣтіи нравственность стояла въ Греціи въ общемъ на довольно низкомъ уровнѣ. Характерно, что Фукидидъ объясняетъ дѣятельность всѣхъ своихъ современниковъ исключительно эгоистическими мотивами, — даже тѣхъ, которымъ онъ больше всего удивляется, какъ Брасидъ, Никій, Фринихъ ⁶⁾). Чтобы государственный человѣкъ былъ способенъ сдѣлать что-нибудь вслѣдствіе другихъ побудительныхъ причинъ, — изъ одной только любви къ отечеству, — этого Фукидидъ, кажется, совершенно не можетъ себѣ представить. Въ такомъ же духѣ учили нѣкоторые софисты. Именно эта неспособность жертвовать личною выгодой общему благу и была одной изъ главныхъ причинъ политическаго распада Гречіи и гибели демократической свободы.

¹⁾ Grote VIII стр. 122 (изд. 1869 г.).

²⁾ Aristot. *Poet.* 9,8.

³⁾ Платонъ *Законы* III 701 а, Демосе. *О зак.* 337, *О вѣнцѣ* 262, Athen. IX 406 сл.

⁴⁾ Aristot. *Polit.* V (VIII) 1342 а.

⁵⁾ Plato *Polit.* X 598 е.

⁶⁾ Выше стр. 409 прим. 1.

Чувство гуманности также было еще крайне мало развито. Такъ наприимѣръ, въ первое время Пелопоннесской войны спартанцы убивали экипажи всѣхъ купеческихъ кораблей, шедшихъ изъ Аѳинъ или союзныхъ съ ними государствъ, которые попадали въ ихъ руки ¹⁾. Не лучше поступили и платейцы въ 431 году съ оиванскими плѣнниками, за что лакедемоняне отомстили имъ четыре года спустя, когда имъ удалось завладѣть Платеей. Послѣ взятія Скіоны и Мелоса аѳиняне казнили всѣхъ взятыхъ въ плѣнъ гражданъ этихъ городовъ; а жители Митилены, какъ мы выше видѣли, лишь съ большимъ трудомъ были спасены отъ такой-же участи. Беззащитные жители Эгины были въ началѣ войны изгнаны изъ своей родины, несмотря на то, что они ничѣмъ не обнаружили враждебнаго отношенія къ Аѳинамъ,—исключительно потому, что ихъ заподозрили въ сочувствіи лакедемонянамъ; и когда послѣдніе предоставили имъ для поселенія городъ Фирею, ихъ и здѣсь настигла ненависть аѳинянъ: городъ былъ взятъ и всѣ плѣнники убиты. Когда сиракузяне принудили аттическое осадное войско къ сдачѣ, оба полководца, Никій и Демосеенъ, были казнены, а солдаты, которымъ при капитуляціи обѣщана была жизнь, заключены въ каменоломни, гдѣ, подверженные всевозможнымъ переменамъ погоды и при скудномъ продовольствіи, они большею частью погибли медленной смертью. Въ сравненіи съ такой хладнокровной жестокостью кажутся почти извинительными тѣ нечеловѣческія мученія, которымъ въ пылу партійной борьбы корцирскіе демократы подвергли своихъ побѣжденныхъ противниковъ—олигарховъ.

Обыкновенно повторяютъ слова Фукидида, что Пелопоннеская война деморализовала грековъ; только-что приведенные факты изъ первыхъ лѣтъ войны доказываютъ, я думаю, противное. Война только дала волю страстямъ, которыя во время предшествовавшихъ мирныхъ лѣтъ не имѣли случая проявиться. Напротивъ, не можетъ быть никакого сомнѣнія—и ниже это будетъ доказано,—что греки IV столѣтія были гораздо человѣчнѣе, чѣмъ современники Перикла. Это было слѣдствіемъ того научнаго движенія, которое изъ скромныхъ зачатковъ созрѣло въ тиши со времени Персидскихъ войнъ и около середины V столѣтія начало проникать въ общество, чтобы черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ занять первое мѣсто въ духовной жизни націи; потому что всякій культурный прогрессъ сводится въ концѣ концовъ къ прогрессу знанія.

¹⁾ Thuc. II 67, III 32.

ГЛАВА XVIII.

Основаніе науки.

Зачатки науки перешли къ грекамъ изъ древнихъ культурныхъ странъ Востока. Какъ греческое искусство первоначально копировало восточные образцы, какъ греческій алфавитъ былъ заимствованъ изъ письменности сирійскихъ семитовъ, такъ и греческая математика и астрономія обязаны своимъ возникновеніемъ вліянію Вавилона и Египта. Сами греки охотно признавали это. Какъ ни мало правдоподобно сказаніе о путешествіяхъ Фалеса и Пифагора въ Египетъ, — характерно уже то, что оно могло возникнуть; и еще въ V столѣтіи греки считали Египетъ источникомъ всякой мудрости. Даже такой человѣкъ, какъ Демокритъ, гордился тѣмъ, что египетскіе геометры не превзошли его знаніями. Наконецъ, не случайно же развитіе греческой науки началось именно въ то время, когда Псамметихъ открылъ страну фараоновъ для греческихъ сношеній.

Но восточнымъ народамъ никогда не удалось освободиться отъ узъ традиціи. Наблюденія надъ теченіемъ звѣздъ, производившіяся халдеями въ продолженіе цѣлыхъ вѣковъ, а можетъ быть и тысячелѣтій, оставались однако въ ихъ рукахъ мертвымъ знаніемъ, которымъ они сьумѣли воспользоваться лишь для основанія мнимой науки астрологіи; точно такъ же и геометрія, ариѳметика, астрономія служили въ Египтѣ исключительно практическимъ цѣлямъ. Только греки сдѣлали первый шагъ къ тому, чтобы привлечь эти знанія на службу философскому мышленію; они первые стали доискиваться причинъ эмпирически познаваемыхъ явленій. Такимъ образомъ, слава основателей науки принадлежитъ грекамъ.

Исходнымъ пунктомъ этого движенія была Іонія или, вѣрнѣе, вообще города малоазіатскаго побережья. Эта часть греческаго міра

изстари шла впереди остальной Эллады по пути культурнаго развитія; здѣсь была колыбель національной поэзіи и музыки, здѣсь находился до VI вѣка торговый центръ Греціи, особенно для сношеній съ Египтомъ и семитическимъ Востокомъ. Въ Іоніи же возникла и греческая наука; почти исключительно здѣсь и въ іонійскихъ колоніяхъ процвѣтала она до тѣхъ поръ, пока въ эпоху Перикла, одновременно съ политическимъ и экономическимъ господствомъ, къ Аѳинамъ перешло и главенство въ области духовной жизни.

Во главѣ научнаго движенія стоитъ Талесъ изъ Милета, младшій современникъ Солона, принадлежавшій вмѣстѣ съ послѣднимъ къ числу семи мудрецовъ. Это — первый грекъ, который занимался разрѣшеніемъ математическихъ и астрономическихъ проблемъ; онъ возбудилъ большое удивленіе, предсказавъ наступленіе солнечнаго затменія ¹⁾. Если въ этой области Талесъ несомнѣнно былъ ученикомъ египтянъ и вавилонянъ, то его ученіе о происхожденіи вселенной основывается еще всецѣло на мифологіи или, пожалуй, на философіи орфиковъ; рационализируя древній мифъ объ Океанѣ и Теѳіи, онъ признавалъ воду первоначальнымъ элементомъ, изъ котораго развился весь міръ. Впрочемъ, онъ не оставилъ послѣ себя никакихъ писанныхъ сочиненій, такъ что всѣ извѣстія объ его ученіи нужно принимать съ большою осторожностью.

Но истиннымъ основателемъ греческой математики и астрономіи ²⁾ былъ, кажется, самосецъ Пифагоръ, самый ученый человекъ своего времени, по словамъ Гераклита. Впрочемъ, и онъ преподавалъ свое ученіе только устно, — и поэтому мы не въ состояніи сказать, какія изъ научныхъ заслугъ, составляющихъ славу его школы, принадлежатъ ему самому. Во всякомъ случаѣ, несомнѣнно, что на путь точнаго изслѣдованія направилъ эту школу самъ учитель. Пифагорейцы создали теорію математическихъ рядовъ и пропорцій. Между прочимъ, они обратили вниманіе на то, что при послѣдовательномъ сложеніи нечетныхъ чиселъ получается рядъ квадратныхъ чиселъ ($1 + 3 = 4 = 2^2$; $1 + 3 + 5 = 9 = 3^2$ и т. д.); а изученіе свойствъ квадратныхъ чиселъ привело ихъ затѣмъ къ открытію извѣстной теоремы, которая до сихъ поръ носитъ имя Пифагора. Въ самомъ дѣлѣ, сумма квадратовъ 3 и 4 равна квадрату 5-ти ($9 + 16 = 25$); поэтому, если

¹⁾ Xenophan. у Laert. Diog. I 20.

²⁾ Cantor *Vorlesungen zur Geschichte der Mathematik* I Leipzig 1880, Schiaparelli *I precursori di Copernico nell'antichità* (*Pubblicazioni del R. Osservatorio di Brera in Milano* N. III) Milano 1873, нѣмецкій перев. Cuntze, Лейпцигъ 1876.

начертить треугольникъ, стороны котораго относятся другъ къ другу, какъ 3 : 4 : 5, то площадь квадрата, построеннаго на болѣе длинной сторонѣ, будетъ равняться суммѣ квадратовъ, построенныхъ на обѣихъ короткихъ сторонахъ. Далѣе, пифагорейцы замѣтили, что отношеніе длины звучащей струны къ высотѣ тона есть постоянная величина, и на этомъ основали математическую теорію музыки.

Не менѣе велики ихъ заслуги и въ области астрономіи. Пифагорейцы первые стали учить, что земля шарообразна, — открытіе, важность котораго для культурнаго развитія едва-ли можетъ быть преувеличена. Но на этомъ они не остановились; чтобы получить возможность объяснять все небесныя явленія дѣйствіемъ одной только силы, они рѣшились приписать землѣ самостоятельное движеніе. Въ срединѣ мірозданія находится, по ихъ ученію, центральный огонь; вокругъ него движется 10 міровыхъ тѣлъ въ направленіи съ запада на востокъ, на периферіи—представлявшееся имъ въ видѣ твердой сферы небо съ неподвижными звѣздами, затѣмъ пять извѣстныхъ въ то время планетъ, далѣе солнце, луна, земля и десятое тѣло — «противоземля» (*ἀντιχθων*). Земля совершаетъ свой путь вокругъ центрального огня въ теченіе одного дня и одной ночи, притомъ такъ, что ея обитаемая сторона никогда не обращается къ центральному огню; поэтому послѣдній, равно какъ и «противоземля», всегда скрыты отъ нашихъ глазъ. Свѣтъ центрального огня отражается солнцемъ; кромѣ того, все мірозданіе, для котораго Пифагоръ, по преданію, первый употребилъ названіе «космосъ», заключено въ шарообразную огненную оболочку, такъ называемый Олимпъ. При своемъ вращеніи вокругъ центрального огня небесныя тѣла производятъ музыкальные тоны, «гармонію сферъ», которая однако для насъ неслышна, такъ какъ мы отъ рожденія привыкли къ ней.

Въ самой Іоніи также усердно занимались математикой, при чемъ безъ сомнѣнія происходилъ взаимный обмѣнъ знаній съ пифагорейцами. Въ частности же наши свѣдѣнія о достигнутыхъ здѣсь успѣхахъ очень скудны. Анаксагоръ изъ Клазоменъ (около 500—430 г.) занимался, по преданію, вопросомъ о квадратурѣ круга; его методъ былъ вскорѣ послѣ него усовершенствованъ Антифономъ изъ Аеинъ и Брисономъ изъ Гераклеи. О знаменитомъ математикѣ Энопидѣ изъ Хіоса, жившемъ въ эпоху Перикла, мы не знаемъ почти ничего кромѣ имени. Гиппократъ, тоже родомъ изъ Хіоса, написалъ, приблизительно въ эпоху Пелопоннесской войны, первый математическій учебникъ. Кромѣ того, онъ обогатилъ математику и самостоятельными изслѣдованіями. Онъ доказалъ, что площадь круга пропорціональна квадрату его діаметра

и хотя онъ еще не умѣлъ рѣшить задачу удвоенія куба, но онъ, по крайней мѣрѣ, указалъ путь къ ея рѣшенію.

Но въ то время какъ математическія теоріи пифагорейцевъ скоро сдѣлались достояніемъ всей націи, ихъ астрономическое ученіе не было принято почти никѣмъ изъ современниковъ. Даже ученіе о шарообразности земли нашло въ началѣ послѣдователей только въ западной части греческаго міра, особенно въ лицѣ Парменида изъ Элеи. Современники Пифагора, милетскіе философы Анаксимандръ и Анаксименъ, напротивъ, считали землю дискомъ умѣренной толщины, носящимся въ центрѣ мірозданія; и это представленіе осталось до конца V вѣка господствующимъ въ Іоніи и вообще на всемъ греческомъ востокѣ.

Остальные міровыя тѣла древніе іоняне считали огненными массами паровъ. Болѣе правильный взглядъ высказалъ Анаксагоръ. Онъ училъ, что луна подобно землѣ покрыта горами и долинами и населена живыми существами; что солнце и звѣзды суть раскаленные каменные массы, тогда какъ мѣсяцъ получаетъ свой свѣтъ отъ солнца. Эти представленія скоро были усвоены наукою, хотя не только толпѣ, но и большинству образованныхъ людей—даже такому человѣку, какъ Сократъ,—они казались совершенно нелѣпыми и смѣшными. Многіе считали ихъ даже безбожными, и главнымъ образомъ за свое астрономическое ученіе Анаксагоръ принужденъ былъ покинуть Аѣины.

Успѣхами математики и астрономіи вскорѣ воспользовались для урегулированія времясчисления. Солнечные часы, изобрѣтеніе вавилонянъ ¹⁾, и вмѣстѣ съ ними раздѣленіе дня на 12 часовъ перешли въ Грецію еще въ VI столѣтіи; по преданію, первые такіе часы устроилъ въ Спартѣ Анаксименъ милетскій ²⁾. Теперь ученые стали работать также надъ тѣмъ, чтобы привести гражданскій лунный годъ въ соотвѣтствіе съ солнечнымъ. Математикъ Энопидъ изъ Хиоса опредѣлилъ продолжительность солнечнаго года въ 365 дней 8 часовъ 57 минутъ и соотвѣтственно этому вычислилъ! періодъ въ 59 солнечныхъ лѣтъ, равный 730 луннымъ мѣсяцамъ. Это вычисленіе, выгравированное на мѣдной доскѣ, онъ выставилъ въ Олимпіи ³⁾. Еще большею точностью отличался девятнадцатилѣтній циклъ, предложенный аѣиняниномъ Метономъ въ 432 году; его солнечный годъ былъ только на полчаса длиннѣе истиннаго (точнѣе—на 30'9"). Однако этотъ усо-

¹⁾ Herod. II 90.

²⁾ Plin. *Nat. Hist.* II 187.

³⁾ Adolf Schmidt *Griech. Chronol.* стр. 424.

вершенствованный календарь въ первое время нигдѣ не былъ введенъ оффициально; по прежнему придерживались, насколько это было возможно, несовершеннаго восьмилѣтняго цикла ¹⁾).

Точно также практическія потребности должны были вызвать развитіе землевѣдѣнія ²⁾ О научной разработкѣ этой отрасли знанія, конечно, еще не могло быть рѣчи, пока не была признана шаровидность нашей планеты; но іоняне уже очень рано сдѣлали попытку воспользоваться тѣмъ географическимъ матеріаломъ, который накоплялся у нихъ благодаря торговымъ сношеніямъ. Уже Анаксимандръ въ VI столѣтіи начертилъ на основаніи этихъ извѣстій географическую карту, а Гекатей изъ Милета около эпохи Персидскихъ войнъ составилъ описаніе земли,—древнѣйшее географическое сочиненіе, о которомъ до насъ дошли свѣдѣнія; оно сдѣлалось впоследствии образцомъ для всѣхъ подобныхъ работъ древности. По этимъ изслѣдованіямъ, населенная земля (*οἰκουμένη*) представляла круглый островъ, омываемый со всѣхъ сторонъ моремъ, Океаномъ; въ срединѣ лежала Греція, и центромъ являлись, вѣроятно, согласно древнему мифологическому представленію, Дельфы. Средиземное море дѣлило этотъ островъ на сѣверную половину, Европу, и южную, которая, въ свою очередь, Ниломъ и Аравійскимъ заливомъ дѣлилась на два квадранта, Ливію и Азію. Замкнутость Средиземнаго моря была установлена, и его береговая линія извѣстна въ главныхъ чертахъ; по крайней мѣрѣ, знали, что Малая Азія, Греція и Италия суть полуострова. Въ частности же очертанія береговъ представляли себѣ, конечно, очень невѣрно и имѣли лишь весьма скудныя свѣдѣнія о внутреннихъ странахъ континентовъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ былъ открытъ доступъ въ Египетъ и заселено сѣверное побережье Чернаго моря, греки должны были знать, что въ сѣверныхъ странахъ господствуетъ болѣе холодный, въ южныхъ—болѣе теплый климатъ. Точно также они замѣтили, что характеръ флоры и фауны обуславливается климатомъ, а нѣкоторые ученые стали даже объяснять вліяніемъ климатическихъ условій различіе между отдѣльными народами въ отношеніи строенія тѣла и умственныхъ способностей ³⁾. Конечно, объяснить причины, обуславливающія климатическія различія, географія не была въ состояніи, пока

¹⁾ А. Schmidt l. c., стр. 434 слл.

²⁾ Hugo Berger *Geschichte der wissenschaftlichen Erdkunde bei den Griechen* Leipzig 1887 слл. Bunbury *History of Ancient Geography* London 1879.

³⁾ Особенно Гиппократъ (или кто бы ни былъ авторомъ этой работы) въ знаменитомъ сочиненіи *Περὶ ἀέρων ὑδάτων καὶ τόπων*.

она отказывалась принять учение о шаровидности земли; высказанное Анаксагоромъ и, вслѣдъ за нимъ, Геродотомъ мнѣніе, будто зимнія бури заставляютъ солнце удаляться на югъ, представляетъ лишь жалкую попытку разрѣшить эту задачу. Правильное объясненіе далъ около этого же времени, исходя изъ космогонической теоріи пифагорейцевъ, Парменидъ въ своемъ ученіи о поясахъ; но онъ зашелъ слишкомъ далеко, предположивъ, что тропическій и оба сѣверныхъ пояса совершенно необитаемы. Наконецъ, всеобщее признаніе шаровидности земли должно было произвести полный переворотъ въ области географіи, всѣми послѣдствіями котораго наука воспользовалась, впрочемъ, только въ александрійскую эпоху.

Изъ біологическихъ наукъ обыкновенно прежде всего начинаютъ заниматься, въ виду ея практической пользы, медициной ¹⁾; это наблюдается даже у тѣхъ народовъ, которые вообще еще лишены понятія о наукѣ. Въ древности Египетъ считался классической страной медицины, и уже Одиссея прославляетъ египетскихъ врачей ²⁾. Между тѣмъ дошедшіе до насъ остатки египетской медицинской литературы вовсе не оправдали этой славы; напротивъ они показываютъ, что египетская медицина представляла ничто иное, какъ соединеніе темнаго суевѣрія съ грубымъ опытомъ. Такимъ образомъ, греческая медицина еще въ большей степени, чѣмъ астрономія или математика, является самостоятельнымъ созданіемъ греческаго ума.

Первобытный человѣкъ видитъ въ болѣзни дѣйствіе сверхъестественныхъ силъ, и соотвѣтственно этому старается охранить себя отъ нея также при помощи сверхъестественныхъ средствъ—жертвоприношеній, молитвъ и заклинаній. Введеніе къ Иліадѣ описываетъ намъ чуму въ греческомъ лагерѣ; никому не приходится въ голову обратиться за совѣтомъ къ врачамъ, а спрашиваютъ прорицателя и по его приказанію стараются умилостивить гнѣвъ Аполлона. Страждущіе искали облегченія преимущественно въ храмахъ бога-цѣлителя Асклепія; больные ложились спать въ храмѣ, и по снамъ, которые посылалъ имъ богъ, жрецы опредѣляли природу болѣзни и назначали лѣкарства. Исцѣленные обыкновенно вѣшали въ храмѣ дощечки, на которыхъ была начертана исторія ихъ исцѣленія.

Хотя и здѣсь не обходилось безъ грубаго суевѣрія, но своимъ первоначальнымъ развитіемъ греческая медицина все таки была обя-

¹⁾ Haeser *Lehrbuch der Geschichte der Medizin* 3. Aufl. I Bd. Jena 1875.
Daremberg *Histoire des sciences médicales*, Paris 1870.

²⁾ *δ* 229 слл.

зана именно храмамъ Асклепія, особенно знаменитымъ святилищамъ Коса и Книда, гдѣ масса постоянно стекавшихся туда больныхъ представляла обильный матеріалъ для наблюденія болѣзней. Какъ и всѣ искусства въ древнѣйшую эпоху греческой исторіи, искусство врачеванія была наследственнымъ въ извѣстныхъ фамиліяхъ, которыя обыкновенно вели свое происхожденіе отъ самого бога - цѣлителя Асклепія. Такихъ потомковъ Асклепія мы находимъ уже въ Иліадѣ въ лицѣ Махаона и Подалирія, врачей греческаго войска, осаждавшего Трою. Анатомическія познанія грековъ уже въ эту эпоху были довольно значительны, хотя заклинаніе волшебными формулами все еще составляло необходимую часть терапіи ¹⁾. Въ теченіе слѣдующихъ вѣковъ собранъ былъ богатый запасъ медицинскихъ свѣдѣній, который посредствомъ устной передачи переходилъ отъ учителя къ ученикамъ. Такимъ путемъ врачебное искусство достигло сравнительно высокой степени развитія. Уже царь Дарій имѣлъ у себя на службѣ греческаго врача, Дамокада изъ Кротона, который своимъ искусствомъ затмилъ знаменитыхъ египетскихъ врачей. Гиппократъ также отзывается съ большимъ уваженіемъ о заслугахъ своихъ предшественниковъ. Со времени Персидскихъ войнъ начала развиваться и медицинская литература, которая скоро достигла значительныхъ размѣровъ ²⁾.

Между медицинскими школами, возникшими въ эту эпоху, одною изъ самыхъ выдающихся была кротонская, къ которой, кромѣ упомянутаго уже Дамокада, принадлежалъ пифагореецъ Алкмеонъ во второй половинѣ V столѣтія. Затѣмъ слѣдуетъ книдская школа, самымъ знаменитымъ представителемъ которой былъ Эврифонъ, одинъ изъ древнѣйшихъ медицинскихъ писателей; изъ нея же вышелъ и Ктесій, бывшій въ концѣ V и началѣ IV столѣтія лейбъ-медикомъ персидскаго царя Артаксеркса. Но всѣ другія школы затмила косская съ ея великимъ представителемъ Гиппократомъ (460—377). Сочиненія, вышедшія изъ этой школы, легли въ основаніе всего дальнѣйшаго развитія медицинской науки, и почти исключительно имъ мы обязаны нашими свѣдѣніями о греческой медицинѣ V и IV вѣковъ.

Вѣра въ сверхъестественныя причины болѣзней была теперь совершенно оставлена врачами. Въ собраніи сочиненій гиппократовой школы нигдѣ не упоминается о заклинаніяхъ и волшебныхъ средствахъ, ни-

¹⁾ τ 457. Слѣдуетъ однако упомянуть, что ни Махаонъ при лѣченіи раны Менелая (Δ 213 слл.), ни Патроклъ при лѣченіи раны Эврипила (Δ 844 слл., О 393 слл.) не прибѣгаютъ къ такимъ магическимъ формуламъ.

²⁾ Хен. *Memorabilia* IV 2. 10.

гдѣ не встрѣчается даже намекъ на посѣщеніе храмовъ Асклепія. До чего это суевѣріе потеряло всякій кредитъ также въ глазахъ образованныхъ людей, доказываетъ Аристофанъ, который въ своей комедіи *Πλοῦτος* выставляетъ инкубацію на осмѣяніе зрителей. Съ большимъ тактомъ высказывается объ этихъ вопросахъ Гиппократъ при описаніи господствующей у скиѳовъ болѣзни (*Θήλεια νόσος*), которую послѣдніе приписывали дѣйствию [боговъ. «И мнѣ», говоритъ великій врачъ, «эта болѣзнь кажется божественнаго происхожденія, точно такъ же, какъ и всѣ остальные болѣзни; ни одна не зависитъ отъ бога или отъ человѣка въ большей степени, чѣмъ другая, а всѣ одинаково божественнаго происхожденія. Но каждая болѣзнь имѣетъ свою естественную причину, и безъ естественной причины вообще ничего не случается». Даже на душевныя болѣзни смотрѣли съ этой точки зрѣнія.

Основу всякой медицинской науки составляетъ знаніе человѣческаго тѣла. Правда, религіозные предрасудки были еще слишкомъ сильны, чтобы допустить вскрытіе человѣческихъ труповъ иначе, какъ въ исключительныхъ случаяхъ; тѣмъ не менѣе ученики Гиппократа обладали довольно обширными познаніями по анатоміи и физиологіи, хотя мы, конечно, не должны прикладывать къ нимъ мѣрку современной науки. Такъ, напримѣръ, они совершенно не знали, что ощущеніе и движеніе обусловливаются дѣятельностью нервовъ; мозгъ представлялся имъ, и даже еще Аристотелю, холодной массою, предназначенной для того, чтобы притягивать къ себѣ излишнюю слизь, вырабатываемую въ тѣлѣ. Впрочемъ, единичные физиологи держались уже правильнаго взгляда, особенно кротонскій врачъ Алкмеонъ, которому поэтому принадлежитъ выдающееся мѣсто въ исторіи медицины. Представленія о сосудистой системѣ также были, конечно, очень несовершенны, да и вообще кровообращеніе осталось неизвѣстнымъ древности.

При такихъ условіяхъ и въ виду отсутствія всякихъ оптическихъ и химическихъ пособій, не могло быть и рѣчи о научномъ изслѣдованіи патологическихъ процессовъ. Въ книдской школѣ господствовала запутанная казуистика, которая признавала безчисленное множество болѣзней и для каждой имѣла специфическое средство. Гиппократъ, напротивъ, полагалъ, что лучший врачъ—сама природа (*νόσων φύσις ἡγερούς*). Поэтому заботы учениковъ Гиппократа были направлены главнымъ образомъ на то, чтобы поддерживать процессъ естественнаго исцѣленія; но гдѣ было нужно, они не останавливались и передъ энергичнымъ вмѣшательствомъ. «Чего не излѣ-

чиваютъ лѣкарства, то излѣчиваетъ желѣзо; чего не излѣчиваетъ желѣзо, то излѣчиваетъ огонь, а чего не излѣчиваетъ и огонь, то вообще неизлѣчимо», гласитъ извѣстное правило этой школы. Дѣйствительно, хирургія достигла уже сравнительно высокаго совершенства; только ампутацій еще не рѣшались дѣлать, такъ какъ перевязка сосудовъ, важнѣйшее изъ кровоостанавливающихъ средствъ, еще не была извѣстна.

Напротивъ, остальные біологическія науки существовали лишь въ первыхъ зачаткахъ. Это относится особенно къ ботаникѣ. На растенія обращали вниманіе лишь постольку, поскольку они были пригодны для медицинскихъ цѣлей, причемъ сплошь и рядомъ руководились грубыми суевѣріями. Поэтому теоріи философовъ этой эпохи о природѣ растеній обыкновенно лишены всякаго фактическаго основанія; только Демокритъ, который написалъ особое сочиненіе «О происхожденіи сѣмянъ, растеній и плодовъ», повидимому внимательно изучалъ строеніе растеній, и его, по всей вѣроятности, слѣдуетъ признать основателемъ научной ботаники.

Нѣсколько выше стояла зоологія, такъ какъ вскрытіе человѣческихъ труповъ замѣнялось анатомическимъ изслѣдованіемъ животныхъ. Первое мѣсто и здѣсь принадлежитъ Демокриту; его сочиненіе «О строеніи животныхъ» — древнѣйшее зоологическое произведеніе, о которомъ мы знаемъ; впрочемъ, по немногимъ дошедшимъ до насъ отрывкамъ мы не въ состояніи составить себѣ понятія объ объемѣ знаній автора.

Такова была сумма положительныхъ знаній въ области естественныхъ наукъ, которую накопили греки до конца V столѣтія. Хотя большая часть этихъ знаній и была добыта именно въ V вѣкѣ, однако уже до Персидскихъ войнъ наука достигла слишкомъ большихъ успѣховъ, чтобы богословско-космогоническія воззрѣнія, которыя изложены у Гесиода и Ферекида, могли еще удовлетворять мыслящихъ людей. Поэтому теперь принялись за разрѣшеніе старыхъ проблемъ на основаніи вновь приобрѣтенныхъ знаній; и хотя, конечно, и тогда не умѣли отвѣтить на тѣ вопросы, которые до сихъ поръ остаются неразрѣшенными, но было нѣчто великое уже въ самой попыткѣ рѣшить ихъ. Освобожденіе мысли отъ узъ предрасудковъ, впервые совершившееся въ эту эпоху, имѣло рѣшающее значеніе для всей дальнѣйшей исторіи человѣчества; и мы сами лучшимъ, что въ насъ есть, обязаны тѣмъ людямъ, которые рѣшились тогда провозгласить природу свободной отъ вмѣшательства боговъ ¹⁾.

¹⁾ Для дальнѣйшаго, отчасти и для предыдущаго см. особенно Zeller *Die*

Пионеромъ этого движенія былъ милетянинъ Анаксимандръ. Онъ первый, еще въ VI вѣкѣ¹⁾, написалъ философское сочиненіе, въ которомъ старался доказать, что основнымъ началомъ (*ἀρχή*) мірозданія является «бесконечное» (*τὸ ἄπειρον*), т. е. безпредѣльная, бессмертная и находящаяся въ вѣчномъ движеніи матерія. Изъ нея произошло все сущее, и именно въ этомъ отщепленіи отдѣльныхъ вещей отъ «бесконечнаго» Анаксимандръ видѣлъ грѣхъ, который послѣднія должны искупить возвращеніемъ къ первоначальной матеріи. Такимъ образомъ, нашъ философъ стоитъ еще наполовину на почвѣ миеологическаго міровоззрѣнія; но первый шагъ къ естественному объясненію происхожденія вселенной былъ сдѣланъ, и поэтому сочиненіе Анаксимандра составляетъ эпоху въ исторіи человѣческой мысли.

Анаксимандръ не опредѣлилъ свойствъ своей основной матеріи. Его младшій современникъ и соотечественникъ Анаксименъ считалъ этой матеріей воздухъ, который, повидимому, безпредѣльно окружаетъ землю и находится въ вѣчномъ движеніи, и которому все обязано жизнью. Изъ него произошло все остальное путемъ сгущенія и разжиженія, причемъ сгущеніе достигается охлажденіемъ, а разжиженіе—нагрѣваніемъ. Это ученіе развилъ въ началѣ V столѣтія Гераклитъ изъ Эфеса. «Все обмѣнивается на огонь», училъ онъ, «и огонь на все, подобно тому какъ товаръ обмѣнивается на деньги и деньги—на товаръ», ибо хотя вселенная по своимъ свойствамъ едина (*ἐν τὸ πᾶν*), но это единое находится въ постоянномъ движеніи (*πάντα ῥεῖ*), его отдѣльныя части вѣчно борются между собою, и изъ этой борьбы (*ἄριστος*) все происходитъ, она «мать всего

Philosophie der Griechen 1^o Leipzig 1892, Windelband *Geschichte der alten Philosophie* въ *Handbuch*ъ Ивана Мюллера, V Nordlingen 1888, и того-же автора *Geschichte der Philosophie* Freiburg 1892.

1) Извѣстія античныхъ хронографовъ о времени жизни философовъ, которые предшествовали Сократу, основаны въ большинствѣ случаевъ на соображеніяхъ, неимѣющихъ никакой цѣны, и даже діалогами Платона можно пользоваться въ этомъ отношеніи лишь съ величайшей осторожностью. Надежными точками опоры служатъ: солнечное затменіе 585 г., предсказанное Фалесомъ, политическая дѣятельность Эмпедокла въ Акрагантѣ послѣ сверженія тирановъ, изгнаніе Анаксагора изъ Аеинъ незадолго до начала Пелопоннесской войны, отрывокъ Протагора, въ которомъ упоминается смерть сыновей Перикла (430) (fr. 3, у Plut. *Consol. ad Apoll.* 33, p. 118), намеки на систему Діогена въ *Облакахъ* Аристофана (поставлены въ 423 г., позднѣе передѣланы), посольство Горгія въ Аеины въ 427 г. (Plat. *Hippias* I 282 b, Timaeus fr. 95 и Diod. XII 53). Ксенофанъ упоминаетъ о нападеніи мидянъ (fr. 17 Mullach), но имѣетъ ли онъ въ виду при этомъ походъ Гарпага въ 545 г., или подавленіе іонійскаго возстанія,—невозможно рѣшить.

сущаго». Но въ борьбѣ за существованіе господствуетъ не слѣпой случай; она подчиняется вѣчнымъ законамъ, которые философъ называетъ Логосомъ, Зевсомъ или Судьбою: они поддерживаютъ гармоничный порядокъ въ мірѣ. Со временемъ все превратится въ огонь, послѣ чего этотъ круговоротъ можетъ возобновиться.

Нѣсколько раньше Ксенофанъ изъ Колофона выступилъ съ пантеистическимъ міровоззрѣніемъ: все—едино, и это единое есть божество. Будучи безначальнымъ, этомъ мировой богъ также неизмѣненъ и неподвиженъ. Позже ученикъ Ксенофана, Парменидъ изъ Элеи, освободилъ это ученіе отъ теологической оболочки и развилъ его въ послѣдовательную философскую систему.

Парменидъ исходитъ изъ того положенія, что «мыслить и существовать—одно и то же»; то, что можетъ быть мыслимо, должно существовать, и наоборотъ то, что не можетъ быть предметомъ мышленія, не можетъ и существовать. Между тѣмъ небытіе немислимо; слѣдовательно, есть только сущее. Но въ такомъ случаѣ сущее должно быть вѣчно; ибо оно не можетъ ни произойти изъ небытія, ни перейти въ небытіе, такъ какъ небытія вѣдь нѣтъ. Далѣе, можетъ существовать лишь одна матерія, которая непрерывной массой равномѣрно наполняетъ вселенную, такъ какъ ничто не можетъ нарушить непрерывность бытія. А отсюда слѣдуетъ, что не можетъ существовать ни движенія, ни измѣненія.

На ряду съ этимъ міромъ дѣйствительно сущаго есть еще и міръ явленій, съ ихъ возникновеніемъ и исчезновеніемъ и съ безконечнымъ разнообразіемъ ихъ субстанцій. На основаніи своихъ метафизическихъ посылокъ Парменидъ заключилъ, что этотъ міръ не существуетъ въ дѣйствительности, и строго логически провелъ границу между міромъ реальныхъ вещей (*ἀλλήθεια*) и міромъ явленій (*δόξα*). Но вопросъ о томъ, какимъ образомъ получается иллюзія, Парменидъ, по его собственному признанію, рѣшалъ только гипотетически. Онъ полагалъ, что *наши чувства, не будучи въ состояніи познавать чистое бытіе, разлагаютъ его на два основныхъ начала, на свѣтъ и тьму, изъ сочетанія которыхъ онъ и производилъ явленія.

Это ученіе объ единствѣ бытія и невозможности движенія скоро получило широкое распространеніе и нашло искусныхъ защитниковъ въ лицѣ Мелисса Самосскаго, — вѣроятно того самаго, который въ качествѣ стратега своего родного города одержалъ побѣду надъ афинскимъ флотомъ въ 440 г. (выше стр. 397),—и особенно Зенона изъ Элеи; послѣдній обнаружилъ при этомъ необычайную діалектическую

проницательность, имѣвшую громадное вліяніе на все дальнѣйшее развитіе греческой философіи. Но система, которая стояла въ такомъ рѣзкомъ противорѣчьи съ явленіями чувственнаго міра и въ то же время была совершенно неспособна объяснить происхожденіе этихъ явленій, конечно не могла удовлетворить метафизической потребности націи. Дальнѣйшія попытки въ этомъ направленіи не заставили себя ждать.

Такую попытку сдѣлалъ около середины V столѣтія Эмпедокль изъ Акраганта. Онъ также исходитъ изъ того положенія, что матерія вѣчна; не существуетъ ни возникновенія, ни исчезновенія въ абсолютномъ смыслѣ слова. Но онъ отрицаетъ единство бытія, которое признавалъ Парменидъ; напротивъ, по его ученію, матерія состоитъ изъ четырехъ качественно различныхъ элементовъ—земли, воды, воздуха и огня, которые получаютъ движеніе отъ двухъ силъ, притяженія и отталкиванія, или, какъ поэтически выражается самъ философъ, отъ любви и ненависти. Такимъ образомъ, Эмпедокль положилъ начало ученію, которое въ теченіе двухъ тысячъ лѣтъ господствовало въ естествознаніи и, видоизмѣненное сообразно съ требованіями современной науки, лежитъ въ основѣ еще и нашей химіи. Эта гипотеза дала ему возможность объяснить явленія, освободивъ его отъ необходимости смотрѣть на нихъ, подобно Пармениду, какъ на обманъ чувствъ. Въ своемъ философскомъ стихотвореніи онъ рассказываетъ намъ, что въ началѣ всѣ элементы были равномерно смѣшаны между собой, образуя огромный и неподвижный шаръ (*σφαῖρα*); совершенно такимъ же образомъ представлялъ себѣ Парменидъ чистое бытіе. Впослѣдствіи борьба между любовью и ненавистью внесла движеніе въ эту массу; воздухъ и огонь заняли наружныя части шара, а въ серединѣ его изъ обоихъ остальныхъ элементовъ образовалась земля. Со временемъ этотъ міръ будетъ разрушенъ силою ненависти, и элементы возвратятся въ *σφαῖρα*, изъ котораго затѣмъ произойдетъ новый міръ; и такъ будетъ продолжаться въ вѣчномъ круговоротѣ. Особенно замѣчательно ученіе Эмпедокла о происхожденіи органическихъ веществъ. Все живущее кажется ему одинаковымъ; растенія также имѣютъ душу, подобно животнымъ и людямъ; онъ подробно выясняетъ біологическія аналогіи между растеніемъ и животнымъ. Сначала образовались растенія, затѣмъ выросли изъ земли отдѣльныя части животныхъ, соединившіяся между собою, какъ попало. Изъ происшедшихъ такимъ образомъ организмовъ созданные нецѣлесообразно погибли, а созданные цѣлесообразно сохранились. Такимъ образомъ, Эмпедокль высказываетъ здѣсь мысль, ко-

торая въ наше время дала новое направленіе естествознанію и имѣла сильное вліяніе также на философскія науки.

Заслуги Эмпедокла громадны,—больше, чѣмъ заслуги какого бы то ни было изъ его предшественниковъ; его система—первая разумная попытка механическаго объясненія природы. Но и онъ, конечно, не могъ объяснить, откуда исходилъ первый толчекъ, приведшій въ движеніе *σφαῖρος*, точно такъ же, какъ не могъ доказать, что безконечное разнообразіе субстанцій, представляющееся намъ въ чувственномъ мірѣ, дѣйствительно произошло изъ его четырехъ элементовъ.

Его современникъ Анаксагоръ изъ Клазоменъ старался устранить это затрудненіе, допуская безконечное множество качественно различныхъ элементовъ, «сѣмянъ вещей», изъ смѣшенія и раздѣленія которыхъ все происходитъ. Въ самомъ дѣлѣ, разъ мы отрицаемъ качественное единство матеріи, мы съ такимъ же правомъ можемъ допустить существованіе 10000 элементовъ, какъ четырехъ элементовъ Эмпедокла. Но самая нѣжная и чистая изъ всѣхъ матерій духъ (*νοῦς*), въ которомъ Анаксагоръ видитъ движущую и созидающую силу вселенной: «какими должны были быть вещи и какими онѣ сдѣлались, каковы онѣ теперь и какими стануть,—все это установилъ духъ». Такъ введенъ былъ въ науку телеологическій принципъ—призракъ, существующій до сихъ поръ, хотя уже и не въ наукѣ. Но «духъ», по представленію Анаксагора, начерталъ только планъ и далъ толчекъ созданію міра, самый же процессъ его образованія Анаксагоръ представлялъ себѣ совершенно механическимъ; такимъ образомъ его система, положившая основаніе дуалистическому міровоззрѣнію, сама въ своихъ главныхъ чертахъ стоитъ еще на почвѣ матеріализма.

Несовершенство теоріи элементовъ побудило около начала Пелопоннесской войны Діогена изъ Аполлоніи вернуться къ старому іоническому представленію объ единствѣ основной матеріи; этой матеріей Діогенъ, согласно съ ученіемъ Анаксимена, считалъ воздухъ. Но онъ представляетъ себѣ воздухъ мыслящимъ существомъ, подобнымъ «духу» Анаксагора. Къ аналогичнымъ выводамъ пришелъ около этого же времени самый выдающійся ученикъ Анаксагора, Архелай изъ Милета. Это былъ, конечно, анахронизмъ, вполне заслуживавшій тѣхъ насмѣшекъ, которыми Аристофанъ въ «Облакахъ» осыпаетъ систему Діогена. Ложнымъ путемъ, но въ другомъ направленіи, пошла и пифагорейская школа. Занятія математикой привели пифагорейцевъ къ убѣжденію въ реальномъ значеніи числовыхъ отношеній; отсюда они заключили, что числа вообще составляютъ сущность вещей. На

этомъ принципъ была построена мистическая числовая система, въ которой главную роль играла священная цифра 10; второе мѣсто по значенію занимала цифра 4 (*τετρακτύς*), какъ первое квадратное число и потому, что сумма четырехъ первыхъ цифръ равна десяти. Эта школа, оказавшая такъ много услугъ наукѣ, какъ бы хотѣла доказать справедливость словъ Гераклита, что простое многовѣднѣе еще не просвѣщаетъ ума.

Болѣе серьезнаго противника нашла теорія элементовъ въ Демокритѣ изъ Абдеры (около 460—370 г.)¹⁾. Онъ былъ, безъ сомнѣнія, величайшимъ ученымъ своего времени, и вообще до Аристотеля никто не обладалъ такимъ всестороннимъ образованіемъ. Въ своихъ далекихъ путешествіяхъ, которыя привели его и въ Египетъ, гдѣ онъ прожилъ долгое время, онъ глубоко изучилъ міръ и людей. Его многочисленныя сочиненія обнимаютъ почти всѣ отрасли науки того времени: математику, астрономію, географію, физику, медицину, естественную исторію, музыку, филологію, этику. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ областей знанія онъ проложилъ новые пути—особенно своей системой объясненія природы. Подобно Діогену, онъ думалъ, что допущеніе многихъ различныхъ по существу элементовъ ничего не объясняетъ въ природѣ; поэтому онъ признавалъ только одну субстанцію, но рядомъ съ ней допускалъ еще существованіе пустого пространства, безъ котораго онъ, какъ и Парменидъ, считалъ невозможнымъ движеніе и дѣленіе матеріи. Но это дѣленіе должно имѣть границу; потому что, если бы оно совершалось безпредѣльно, то въ концѣ концовъ не осталось бы ни одной величины, т. е. вообще ничего. Сообразно съ этимъ, матерія должна состоять изъ мельчайшихъ недѣлимыхъ частицъ, которыя именно поэтому и называются атомами. Эти атомы вѣчно-неизмѣнны, одинаковы по качеству, но разнообразны по формѣ, по величинѣ, а слѣдовательно и по вѣсу. Въ силу своей вѣсомости они падаютъ книзу въ пустомъ пространствѣ,—большіе—

1) Вопросы о Левкиппѣ мы не можемъ здѣсь касаться, тѣмъ болѣе, что наличный матеріалъ не допускаетъ окончательнаго рѣшенія. Аристотель и Теофрастъ считаютъ Левкиппа основателемъ атомистической теоріи; Эпикуръ, напротивъ, утверждалъ, что философъ Левкиппа совсѣмъ не существовало, и дѣйствительно, *Μεγας Διαχρισμος*, который Теофрастъ называетъ сочиненіемъ Левкиппа, всѣми остальными писателями древности приписывается Демокриту. И само по себѣ очевидно, что такую систему, какъ атомистика, могъ создать только великій естествоиспытатель. Такимъ былъ Демокритъ; возможно, что такимъ былъ и Левкиппъ, но доказать этого невозможно. Какъ бы то ни было,—научная разработка теоріи атомовъ несомнѣнно составляетъ заслугу Демокрита.

быстрѣе, меньшія—медленнѣе; вслѣдствіе этого они сталкиваются, сдѣпляются и сгучиваются въ тѣла. Основные свойства тѣлъ, какъ вѣсъ и твердость, зависятъ отъ количества атомовъ, изъ которыхъ состоитъ тѣло, и отъ степени ихъ густоты; второстепенныя свойства, какъ вкусъ и цвѣтъ, обуславливаются впечатлѣніемъ, которое атомы производятъ на наши чувства, смотря по своей величинѣ и формѣ. И такъ какъ на свѣтѣ нѣтъ ничего, кромѣ атомовъ и пустого пространства, то и мышленіе и ощущеніе производятся движеніемъ мельчайшихъ атомовъ, разсѣянныхъ въ нашемъ тѣлѣ.

Такъ была рѣшена задача, которая до сихъ поръ занимала греческую философію: объяснить природу механическимъ путемъ, допуская только одну первоначальную матерію. Демокритъ не прибѣгаетъ ни къ полумифическимъ силамъ любви и ненависти, которыми Эмпедоклъ принужденъ былъ объяснять движеніе своихъ элементовъ, ни къ «духу», этому *deus ex machina* системы Анаксагора, ни къ мыслящему воздуху Діогена; въ то же время онъ далекъ и отъ скептицизма элеатской школы, которая всѣ явленія признала за обманъ чувствъ. Чтобы объяснить происхожденіе космоса, ему было достаточно одной эмпирически познаваемой силы природы—тяготѣнія, и если онъ еще не былъ въ состояніи найти причину этой силы, то съ геніальной проникательностью вполне оцѣнилъ ея значеніе. Правда, это ученіе въ своей грандіозной простотѣ явилось преждевременно; Демокритъ самъ рассказываетъ, что во время его пребыванія въ Афинахъ никто не обращалъ на него вниманія ¹⁾. Сократовская школа, которая вскорѣ пріобрѣла здѣсь безусловное господство, отвернулась отъ системы Демокрита съ тѣмъ высокоуміемъ, съ какимъ идеализмъ во всѣ времена относился къ матеріализму. Платонъ во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ ни разу не упоминаетъ о Демокритѣ, хотя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ тайно намекаетъ на него. Только благодаря Эпикуру атомистическая теорія получила широкое распространеніе, а оцѣнила ее по достоинству лишь наука новаго времени.

Ибо какъ разъ въ то время, когда Демокритъ выступилъ съ своей системой, общество, пресытившись естественной философіей, начало обращаться къ разрѣшенію другихъ задачъ. Уже Гераклитъ сказалъ, что глаза и уши—плохіе свидѣтели; точно такъ же и Эмпедоклъ совѣтуетъ своимъ читателямъ не довѣрять чувственному воспріятію;

1) Laert. Diog. IX 36 *ἤλθον γὰρ εἰς Ἀθήνας, καὶ οὐτις με ἔγνωκε*. Изъ этихъ словъ Деметрій произвольно заключилъ, что Демокритъ въ Афинахъ съ умысломъ избѣгалъ людей.

наконецъ, элеаты, какъ мы видѣли, совершенно отрицали реальность ощущеній. Но первую научную теорію познанія далъ только Протагоръ изъ Абдеры, современникъ Перикла. Онъ выставилъ знаменитое положеніе, что «человѣкъ есть мѣра всѣхъ вещей—существующихъ, что онѣ существуютъ,—не существующихъ, что ихъ нѣтъ»¹⁾. Другими словами, всякое познаніе относительно; все, что мы воспринимаемъ, существуетъ для насъ,—все, чего мы не воспринимаемъ, для насъ, людей, не существуетъ²⁾. Но такъ какъ вещи представляются каждому изъ насъ различно, то чувственное воспріятіе свидѣтельствуемъ только о томъ, что вещи существуютъ, но не о томъ, каковы онѣ. Какъ мы видѣли, эти взгляды усвоилъ и Демокритъ, который также приписывалъ чувственнымъ ощущеніямъ лишь относительную правильность; но онъ стремился проникнуть далѣе, до объективнаго познанія. Другіе пошли противоположнымъ путемъ. Такъ, ученикъ Эмпедокла, Горгіи изъ Леонтинъ (около 470—370 г.), написалъ сочиненіе, въ которомъ, исходя изъ положеній элеатской школы, пытался доказать, что объективной истины вообще нѣтъ, а если что-нибудь дѣйствительно существуетъ, то оно въ своей сущности для насъ непостижимо, и даже если бы мы могли его познать, то не могли бы передать этого познанія другому.

Наконецъ послѣдователь Гераклита, Кратилъ, жившій во времена Сократа, пришелъ къ тому выводу, что вообще нельзя произносить сужденій, потому что въ каждомъ сужденіи содержится показаніе о какомъ-нибудь бытіи, а послѣднее въ своей сущности непознаваемо. Такія одностороннія теоріи должны были въ концѣ концовъ привести къ тому, что изслѣдованіе природы было совершенно оставлено, какъ неразрѣшимая задача. Это имѣло роковыя послѣдствія для греческой науки; если философія углубилась въ бесплодное умозрѣніе, отъ котораго не въ силахъ былъ освободиться даже Аристотель, то это объясняется прежде всего пренебреженіемъ къ изученію природы.

Зато мысль обратилась теперь къ тщательному изученію духовной

1) *Πάντων χρημάτων μέτρον ἄνθρωπος, τῶν μὲν ὄντων ὡς ἔστι, τῶν δὲ μὴ ὄντων ὡς οὐκ ἔστι.* Сочиненіе о врачебномъ искусствѣ; дошедшее до насъ въ собраніи сочиненій Гиппократы, обнаруживаетъ слѣды вліянія Протагора (Gomperz *Sitzungsber. der Wiener Akademie philos.-hist. Klasse* 120, IX, 1890). Но было бы большою несправедливостью по отношенію къ Протагору считать его самого авторомъ этой жалкой работы.

2) Это можно выразить и такимъ образомъ: противоположность между бытіемъ и небытіемъ, которая причиняла столько безпокойства элеатамъ,—условна; она существуетъ только *νόμῳ*, но не *φύσει*.

жизни человека. Исходной точкой здѣсь была реторика¹⁾. Греки искони высоко цѣнили красивую рѣчь; уже авторы Иліады относятся къ хорошему оратору почти съ такимъ же уваженіемъ, какъ къ храброму воину, а мастерски владѣть и оружіемъ, и рѣчью—идеаль героя по Гомеру. Поэтому рѣчи занимаютъ въ эпосѣ много мѣста, и нѣкоторые изъ нихъ сдѣлали бы честь даже оратору болѣе поздняго времени. По мѣрѣ того, какъ въ Греціи вырабатывались свободныя политическія учрежденія, ораторскій талантъ пріобрѣталъ все большее значеніе. Въ этомъ отношеніи характерно появленіе съ VII или VI вѣка такихъ именъ, какъ Эвагоръ, Писагоръ, Аристагоръ, Стесагоръ, которыя у Гомера еще не встрѣчаются. Возрастающій интересъ къ краснорѣчію нашель выраженіе и въ драматической поэзіи, въ которой лирическія части все болѣе уступаютъ мѣсто діалогу.

Если до сихъ поръ краснорѣчіе было дѣломъ врожденнаго таланта и художественнаго [чутья, то теперь начали доискиваться, на чемъ основывается вліяніе рѣчи и нѣтъ ли средствъ замѣнить или усилить природный талантъ систематическимъ обученіемъ. Вопросъ былъ такъ естественъ, что послѣ Персидскихъ войнъ этимъ предметомъ одновременно занялись въ различныхъ частяхъ греческаго міра. Въ Сициліи Эмпедоклъ положилъ основаніе теоріи краснорѣчія, которую позже развилъ его ученикъ! Горгія изъ Леонтинъ. Послѣдній прославился особенно благодаря своимъ торжественнымъ рѣчамъ (*λόγοι ἐπιδεικτικοί*); этимъ онъ поставилъ ораторское искусство во мнѣніи націи на ряду съ поэзіей и создалъ себѣ средство для проведенія въ общество своихъ политическихъ и философскихъ идей. Въ то же время въ Сиракузахъ Коракасъ и его ученикъ Тисій создали теорію судебного краснорѣчія, къ чему внѣшнимъ поводомъ послужило учрежденіе народныхъ судовъ послѣ паденія тирани (466); они же! издали первые учебники реторики. Развитію искусства доказательства, діалектики,—этой важнѣйшей составной части греческой реторики—большія услуги оказалъ ученикъ Парменида, Зенонъ, котораго Аристотель называетъ даже творцомъ діалектики. Въ томъ же направленіи и еще съ большимъ успѣхомъ дѣйствовалъ въ это же время Протагоръ. Онъ первый выставилъ положеніе, что о каждомъ предметѣ можно высказать два опровергающихъ другъ друга мнѣнія и что каждое изъ нихъ можно защищать съ тѣмъ же субъективнымъ правомъ. Новое искусство скоро

¹⁾ Ср. Blass *Die attische Beredsamkeit von Gorgias bis zu Lysias* 2 Aufl. Leipzig 1887.

получило широкое распространение во всей Греции, особенно в Афинах, съ тѣхъ поръ какъ афинскій народный судъ сдѣлался высшею судебной инстанціей всего союза. Здѣсь учили Горгій, Протагоръ, Тисій, а вскорѣ и сами Афины стали производить выдающихся ораторовъ, какъ Антифона изъ Рамна, Критія, Андокида изъ Кидаонея и историка Фукидида.

Занятія риторикой скоро должны были привести къ научному изученію орудія рѣчи, языка ¹⁾. И въ этой области первый шагъ былъ сдѣланъ великимъ Протагоромъ ²⁾. Онъ первый различилъ части рѣчи, опредѣлилъ родъ существительныхъ, времена и наклоненія глаголовъ и создалъ существующую до сихъ поръ грамматическую терминологию ³⁾. Онъ старался рѣшить и вопросъ о томъ, присусть ли языкъ челоуѣку отъ природы (*φύσει*), или онъ есть плодъ культурнаго развитія (*νόμος*), и съ большою проицательностью высказался за послѣднее объясненіе. Отсюда онъ дѣлалъ выводъ, что филологъ имѣетъ право исправлять аномаліи языка; впрочемъ, въ этомъ отношеніи онъ слишкомъ увлекся новизною предмета и высказалъ много неосновательныхъ положеній. Преемникомъ Протагора былъ Продикъ изъ Кеоса, оказавшій большія услуги особенно синонимикѣ. Въ концѣ столѣтія Гиппій изъ Элиды и Демокритъ изъ Абдеры занимались фізіологіей звука. Эти філологическія изслѣдованія привели въ свою очередь къ научному изученію литературы, прежде всего—къ критикѣ и толкованію Гомера, которымъ также, повидимому, положилъ начало уже Протагоръ. Онъ нашелъ вскорѣ многочисленныхъ послѣдователей, между которыми наиболѣе замѣчательны Стесимбротъ изъ Тасоса, философъ Демокритъ и поэтъ Анتماхъ изъ Колофона. Около того же времени Главкъ изъ Регія далъ въ своемъ сочиненіи «О древнихъ поэтахъ и музыкантахъ» первый опытъ историко-литературнаго изслѣдованія ⁴⁾.

Еще раньше стали изучать политическую исторію. Первоначально греческая исторіографія была ничѣмъ инымъ, какъ продолженіемъ генеалогическаго эпоса, стихотворная форма котораго, стѣснявшая свободу разсказа, была отброшена въ концѣ VI столѣтія. Въ то же

1) Gräfenhan *Geschichte der klassischen Philologie im Altertum* I Bonn 1843.

2) Именно филологи имѣютъ основаніе высоко ставить Протагора, какъ основателя ихъ науки. Но повторять слова Платона, конечно, легче, чѣмъ думать самостоятельно.

3) Zeller *Is* 1141.

4) Hiller *Die Fragmente des Glaukos von Rhegion*, *Rhein. Mus.* 41, 1886, 398—436.

время пробудилась критика. Не то, чтобы люди уже умѣли отличать мифъ отъ исторіи; но именно потому, что мифъ казался исторической правдой, писатель считалъ себя въ правѣ устранять противорѣчія и нелѣпности преданія, другими словами—раціонализировать мифы. Такъ, Гекатей (около 500 г.) во введеніи къ своимъ «Генеалогіямъ» говоритъ: «Такъ говоритъ Гекатей изъ Милета: Я описываю это такъ, какъ считаю вѣрнымъ. Ибо рассказы грековъ, по моему мнѣнію, большею частью смѣшны». Такія же мифографическія сочиненія составили въ теченіе V вѣка Діонисій изъ Милета, Акусиллай изъ Аргоса, Ферекидъ изъ Лероса, Гелланигъ изъ Митилены. Мировыя событія эпохи Персидскихъ войнъ заставили обратиться къ изученію историческаго времени. Первую попытку въ этомъ родѣ сдѣлалъ, насколько намъ извѣстно, Харонъ изъ Лампсака, который около 450 года въ формѣ хроники своего родного города (*ἱστορίαι Λαμψακηνῶν*) изложилъ всемірную исторію съ точки зрѣнія гражданина Лампсака, въ родѣ того, какъ въ византійское время Малала изъ Антіохіи писалъ свою всемірную хронику ¹⁾. Но это сочиненіе скоро затмила исторія Персидскихъ войнъ, которую вскорѣ послѣ 430 года издалъ Геродотъ изъ Галикарнасса, — первое широко задуманное и пространное историческое сочиненіе, которое вообще было написано. По представленію Геродота, Персидскія войны были только однимъ изъ эпизодовъ многовѣковой борьбы между Европой и Азіей, первымъ поводомъ къ которой послужило похищеніе Іо изъ Аргоса финикійскими мореплавателями. Однако онъ съ большимъ тактомъ оставляетъ въ сторонѣ мифическій періодъ и начинаетъ свой рассказъ съ покоренія іонійскихъ городовъ царями Лидіи; кончается его исторія битвою при Микале и послѣдовавшимъ вскорѣ послѣ нея завоеваніемъ Сеста, которыя положили конецъ владычеству варваровъ надъ азіатскими греками. По композиціи его трудъ еще совершенно напоминаетъ эпосъ: дѣйствующія лица высказываютъ свои взгляды въ прямой рѣчи, многочисленныя эпизоды даютъ случай вплести въ рассказъ важнѣйшія событія древней исторіи Греціи и Востока и изобразить нравы варварскихъ народовъ, обитавшихъ на восточномъ побережьи Средиземнаго моря. Свой матеріалъ Геродотъ собиралъ чрезвычайно тщательно; онъ предпринималъ далекія путешествія — въ Египетъ,

¹⁾ Ср. Wiedemann *Philologus* 44 стр. 171. Онъ рассказывалъ еще о бѣгствѣThemistокла къ Артаксерксу (Plut. *Them.* 27), слѣдовательно писалъ во всякомъ случаѣ послѣ 465 года, но на много ли поздне — мы не знаемъ. *Персидскія*, которыя онъ по преданію написалъ, вѣроятно тождественны со второю частью *ἱστορίαι*.

Финикию, къ Черному морю, можетъ быть даже въ Вавилонъ. Широко пользовался онъ и существующей литературою. Но его міровоззрѣніе—въ общемъ еще гомеровское: онъ все сводитъ къ прямому вмѣшательству боговъ и поэтому не старается естественнымъ образомъ объяснить взаимную связь событій ¹⁾).

Младшій современникъ Геродота, Гелланикъ изъ Митилены ²⁾, о генеалогическомъ сочиненіи котораго мы уже говорили, задался цѣлью изложить всю исторію греческаго народа отъ мифическихъ временъ. При этомъ онъ обращалъ особенное вниманіе на хронологію, и его обыкновенно считаютъ основателемъ этой отрасли исторической науки. Критическое отношеніе къ своимъ источникамъ было ему такъ же чуждо, какъ и Геродоту; мифъ и для него былъ исторіей. Въ основу своей хронологической системы онъ положилъ списокъ жриць храма Геры близъ Микенъ, который въ своей подлинной части, можетъ быть, дѣйствительно восходилъ до сравнительно отдаленнаго времени, но произвольно былъ продолженъ до глубокой древности ³⁾. На основаніи этого списка Гелланикъ и могъ сообщить, напримѣръ, что сикелы переселились на названный ихъ именемъ островъ въ третьемъ поколѣніи передъ Троянской войною, когда Алкіона была 26-й годъ жрицею ⁴⁾. Чтобы вставить въ эту хронологическую рамку отдѣльныя событія, особенно мифическаго времени, онъ пользовался счетомъ по поколѣніямъ, съ которымъ онъ долженъ былъ хорошо освоиться при своихъ генеалогическихъ изысканіяхъ. Такимъ образомъ онъ опредѣлялъ годъ возвращенія Гераклидовъ—1149, разрушенія Трои—1209, вступленія на престолъ Кекропса—1606,—даты, которыя въ общемъ остались руководящими для греческой хронологіи позднѣйшаго времени. Кромѣ этого главнаго труда, Гелланикъ написалъ еще нѣсколько мелкихъ сочиненій, изъ которыхъ заслуживаетъ упоминанія хроника Аѣинъ, какъ первая попытка изложить исторію этой умственной столицы Греціи.

1) О сочиненіи Геродота, какъ историческомъ источникѣ, рѣчь была выше, стр. 10 сл.

2) Въ своей исторіи Атики онъ рассказывалъ еще объ Аргивузской битвѣ (Schol. Aristoph. *Vátr.* 694 ср. 33); очевидно, сочиненіе доходило до покоренія Аѣинъ Лисандромъ. Фукидидъ (I 97. 2) цитируетъ эту *Ἀτικὴν ἑτυυραφῆν* въ очеркѣ исторіи Пентеконтаэти, который, какъ мы выше видѣли (стр. 364 прим. 1), былъ написанъ уже по окончаніи Пелопоннесской войны; можетъ быть Фукидидъ вставилъ эту цитату изъ Гелланика уже въ готовую рукопись. Ср. также Wilamowitz *Hermes* XI 241, Niese *Hermes* XXIII 81.

3) См. выше стр. 8 сл.

4) *Hellan. fr.* 53 у Dionys. *Archaeol.* I 22.

Вообще, въ это время усердно занимались исторіей. Такъ, лидянинъ Ксанѳъ около этого времени написалъ исторію своего народа на греческомъ языкѣ; Гипписъ изъ Регія изложилъ исторію основанія колоній въ Итали и Сициліи, Антиохъ изъ Сиракузъ въ обширномъ сочиненіи обработалъ исторію западныхъ грековъ отъ древнѣйшихъ временъ до Пелопоннесской войны. Напротивъ, «Путевыя записки» (*Ἐπιδημία*) Иона Хиосскаго, были, повидимому, не спеціально-историческимъ сочиненіемъ; историческія свѣдѣнія служили здѣсь, какъ позже въ діалогахъ Платона, только рамкою, при чемъ авторъ довольно свободно обращался съ исторической истиной и, въ особенности, много мѣста отводилъ анекдотамъ ¹⁾.

Но всѣ эти труды по исторіографіи затмило сочиненіе Фукидида о великой войнѣ между Аѣинами и пелопоннескимъ союзомъ. Происходя изъ знатной аѣинской семьи, близкій родственникъ Кимона, авторъ всю жизнь вращался среди руководящихъ круговъ Аѣинъ и достигъ высшей государственной должности—стратегіи. Его изгнаніе послѣ потери Амфиполя (выше стр. 437),—изгнаніе, изъ котораго онъ вернулся только послѣ окончанія войны и паденія демократіи, дало ему возможность лично ознакомиться и съ враждебными Аѣинамъ государствами Греціи; оно же дало ему досугъ для литературной работы. Родившись около 460 года, онъ принадлежалъ уже къ тому поколѣнію, которое прошло чрезъ школу риторическаго и философскаго просвѣщенія, процвѣтавшаго въ Аѣинахъ съ середины этого вѣка. Поэтому онъ свободенъ отъ всѣхъ предрассудковъ; въ исторіи онъ видитъ результатъ дѣятельности этическихъ и политическихъ факторовъ, рядомъ съ которыми не остается мѣста для вмѣшательства сверхъестественныхъ силъ. Правда, и онъ не избѣгъ той ошибки, въ каковую неизбѣжно впадаетъ всякій, описывающій событія, въ которыхъ онъ самъ принималъ активное или пассивное участіе; сквозь его повѣствованіе повсюду просвѣчиваютъ его политическія симпатіи и антипатіи, и его исторія отнюдь не можетъ быть названа объективнымъ изображеніемъ описаннаго въ ней періода. Но если это недостатокъ, то онъ сторицей искупается живостью представленія, которое мы получаемъ, глядя на событія глазами современника и человѣка партіи. Онъ внимательно изучалъ и древнюю исторію, и этимъ изысканіямъ мы обязаны тѣмъ мастерскимъ очеркомъ культурнаго развитія Греціи, который онъ предпослалъ своему труду въ

¹⁾ Ср. въ особенности сохранившійся у Athen. XIII 603 большой отрывокъ о Софоклѣ, и выше стр. 305 прим. 3.

качествѣ введенія и который не имѣетъ себѣ равнаго во всей уцѣлѣвшейся исторической литературѣ древности. При этомъ онъ пользовался такими методами изслѣдованія, руководился въ критикѣ такими принципами, которые еще теперь или, вѣрнѣе, теперь снова господствуютъ въ нашей наукѣ. Власть мѣа отчасти тяготѣетъ еще и надъ Фукидидомъ; въ общемъ и онъ еще смотритъ на содержаніе эпоса, какъ на исторію. Но многіе ли изъ современныхъ ученыхъ имѣютъ право упрекать его за это? Если понимать подъ исторіей нѣчто большее, чѣмъ простое изложеніе фактовъ или построеніе хронологической системы, то отцомъ исторіи надо признать Фукидида.

Между тѣмъ и этика была поставлена на научную почву. Изъ ученія Протагора о сущности познанія слѣдовало, что добро и зло—лишь относительныя понятія ¹⁾, и въ ту эпоху, полную революціонныхъ стремленій, едва ли нужно было доказывать, что существующій законъ или обычай не можетъ служить критеріемъ для этической оцѣнки нашихъ поступковъ ²⁾. А природа знаетъ только право сильнаго,—и многіе дѣйствительно были готовы сдѣлать логическій выводъ изъ этого положенія и признать безграничный эгоизмъ естественнымъ правомъ человѣка. Но Протагоръ нашелъ твердую исходную точку для основанія рациональной этики въ потребности человѣческаго общества. Безъ уваженія къ правамъ другихъ (*δικη* и *αἰδώς*) общежитіе невозможно; и большая часть людей дѣйствительно обладаетъ этими альтруистическими чувствами; тотъ же, у кого ихъ нѣтъ, долженъ быть, какъ зачумленный, изгнанъ изъ государства ³⁾. Правда, врожденную склонность слѣдуетъ развивать воспитаніемъ, и какъ разъ въ обученіи добродѣтели Протагоръ видѣлъ свое главное призваніе. Мы не знаемъ подробностей его этической системы, но нѣтъ сомнѣнія, что онъ и его послѣдователи проповѣдовали болѣе высокую мораль, чѣмъ та, которая въ ихъ время господствовала въ Греціи. Софистъ Гиппій изъ Элиды говорилъ, что отъ природы всѣ люди—братья, и что преграды между ними возвелъ только законъ ⁴⁾; исходя изъ этихъ идей, софисты первые признали рабство безнравственнымъ учрежденіемъ. Этого одного было бы достаточно, чтобы

¹⁾ Ср. *Διαλέξεις*, сочиненіе одного софиста, написанное векоръ послѣ окончанія Пелопоннеской войны; авторъ находится подъ вліяніемъ Протагора и Гиппия (Trieber *Hermes* 27, 1892, стр. 210).

²⁾ Eurip. *Aeol.* fr. 24 *τί δ' ἀσχερόν, ἦν μὴ τοῖσι χρωμένοις δοκῆ*, *Hesab.* 801; Hippias у Xenoph. *Memorab.* IV 4.

³⁾ У Платона *Protag.* 322c слд., см. выше стр. 349 сл.

⁴⁾ У Платона *Protag.* 337a; Dümmler *Akademika* стр. 252.

поставить софистовъ въ этическомъ отношеніи несравненно выше, чѣмъ Сократа и всю его школу. Протагоръ также первый сказалъ, что цѣль наказанія—исправить преступника, а не отомстить за преступленіе ¹⁾. И Протагоръ не только училъ нравственности, но и показывалъ примѣръ ея; его нравственная чистота выступаетъ даже въ разсказахъ его противниковъ.

Послѣдователемъ Протагора какъ въ теоріи познанія, такъ и въ этикѣ былъ Демокритъ ²⁾. Онъ также исходитъ изъ того положенія, что предметы и явленія не бываютъ хороши или дурны сами по себѣ, а только по ощущенію, которое они возбуждаютъ въ насъ ³⁾. Точно также Демокритъ признаетъ естественное право сильного ⁴⁾; но и сильный, по его мнѣнію, не можетъ обойтись безъ слабаго: мы неизбѣжно должны жить вмѣстѣ и помогать другъ другу ⁵⁾. Поэтому выше всего стоитъ государство, въ которомъ воплощается общественный строй: «ибо въ немъ содержится все; все существуетъ, пока существуетъ государство, и все гибнетъ, когда оно разрушается» ⁶⁾. Слѣдовательно, высшею добродѣтелью является «справедливость» (*δίκη*), т. е., по опредѣленію Демокрита, исполненіе своихъ обязанностей по отношенію къ обществу ⁷⁾. Кто

¹⁾ По крайней мѣрѣ, эти слова вкладываетъ ему въ уста Платонъ (*Protag.* 324 a. b.).

²⁾ Ср. прекрасную реконструкцію главнаго этическаго сочиненія Демокрита (*Περὶ Ἐθνικῆς*), сдѣланную Hirzel'емъ въ *Hermes* XIV (1879) стр. 354—407, гдѣ доказано, что большая часть трактата Сенеки *de tranquillitate animi* заимствована изъ Демокрита.—Демокрита упрекали въ томъ, что онъ не связалъ научнымъ образомъ своей этической системы со своей физикой; другіе считали возможнымъ доказать существованіе этой связи. Какъ то, такъ и другое невѣрно; что общаго между естественно-научной системой, какъ атомистика, и этикой? Только одно неизбѣжно вытекало изъ естественно-научнаго міровоззрѣнія Демокрита,—необходимость создать автономную этику, въ которой божественная санкція не играла бы никакой роли. И именно потому, что онъ поставилъ себѣ эту задачу, онъ является—по крайней мѣрѣ для насъ, до которыхъ не дошли этическія сочиненія Протагора,—основателемъ научной этики.

³⁾ fr. 8 *ὄφρος ξυμφορέων καὶ ἀξυμφορέων τέρεψις καὶ ἀτερψίη*. Ср. fr. 12. Понятія пользы и добра здѣсь еще не различаются.

⁴⁾ fr. 191 *φύσι τὸ ἄρχειν οὐκ ἴμιον τῷ κρέσσονι*, ср. fr. 196.

⁵⁾ fr. 198. 199. 202. 215.

⁶⁾ fr. 212 *πόλις γὰρ ἐν ἀγομένη μεγίστη ὀρθωσίς ἐστι καὶ ἐν τούτῳ πάντα ἔνι, καὶ τούτου σωζόμενον πάντα σώζεται, καὶ τούτου φθειρόμενον τὰ πάντα διαφθείρεται*.

⁷⁾ fr. 108 *δίκη μὲν ἐστι ἔρδειν τὰ χρηέοντα, ἀδικίη δὲ μὴ ἔρδειν τὰ χρηέοντα, ἀλλὰ παρατρέπεσθαι*.

грубо нарушаетъ интересы общества, кто грабитъ или убиваетъ, того надо убить, какъ дикое животное ¹⁾). Но кромѣ земной кары, преступника не ждетъ никакое другое наказаніе, потому что атомистическая теорія исключаетъ возможность вмѣшательства боговъ въ человѣческую жизнь, — и такъ какъ душевная дѣятельность связана съ движеніемъ атомовъ въ нашемъ тѣлѣ, то она не можетъ продолжаться послѣ смерти, и вѣра въ ужасы подземнаго царства есть не болѣе, какъ химера ²⁾). Въ этомъ-то пунктѣ Демокритъ и, можетъ быть, еще до него Протагоръ далеко оставили за собою всю предшествующую греческую мораль, выставивъ положеніе, что мы должны дѣлать добро не изъ страха передъ божественной или человѣческой карой или передъ приговоромъ общественнаго мнѣнія, а только потому, что оно — добро, изъ уваженія къ намъ самимъ ³⁾). И это касается нашихъ отношеній не только къ людямъ, но и къ животнымъ; только тѣхъ, «которые причиняютъ или хотятъ причинить намъ несправедливость», разрѣшается убивать ⁴⁾). А сознание, что мы исполнили нашъ долгъ, есть необходимое условіе того яснаго спокойствія духа (*εὐθυμία*), которое составляетъ высшее счастье человѣка ⁵⁾). Правда, одного этого мало. Мы только въ томъ случаѣ достигаемъ душевнаго спокойствія, если ищемъ удовлетворенія не въ чувственныхъ удовольствіяхъ ⁶⁾, если во всѣхъ своихъ поступкахъ соблюдаемъ умѣренность ⁷⁾ и ничего не предпринимаемъ, что превышаетъ наши силы ⁸⁾, преимущественно же — если развиваемъ свой духъ, ибо «образование въ счастіи служить украшеніемъ, въ несчастіи — убѣжищемъ» ⁹⁾; но высшее удов-

1) fr. 207—209.

2) fr. 119.

3) fr. 100 *μηδέν τι μᾶλλον τοὺς ἀνθρώπους αἰδέεσθαι ἑωυτοῦ, μηδέ τι μᾶλλον ἐξεργάζεσθαι κακόν, εἰ μέλνει μηδεὶς εἰδήσειν, ἢ εἰ πάντες ἀνθρώποι· ἀλλ' ἑωυτὸν μάλιστα αἰδέεσθαι καὶ τοῦτον νόμον τῆ ψυχῆ κατιστάναι, ὥστε μηδέν ποιεῖν ἀνεπιτήδειον.* См. также fr. 98.

4) fr. 206 *κατὰ τῶν ζώων ἔστι ὧν φόνον καὶ μὴ φόνον ᾧδε ἔχει. τὰ ἀδικέοντα καὶ μέλλοντα ἀδικεῖν ἀθφός ὁ κτεινών, καὶ πρὸς εὐεστοῦν τοῦτο ἔρδειν μᾶλλον ἢ μή.*

5) fr. 111 *δίκης κῶδος γνώμης θάρσος καὶ ἀθαμβία, ἀδικίης δὲ δειμα ξυμφορῆς τέρμα.* Ср. fr. 118.

6) fr. 2 *ἀριστον ἀνθρώπῳ τὸν βίον διάγειν ὡς πλεῖστα εὐθυμηθέντι καὶ ὡς ἐλάχιστα ἀνηθέντι· τοῦτο δ' ἂν εἴη εἴ τις μὴ ἐπὶ τοῖσι θνητοῖσι τὰς ἡδονὰς ποιεοίτο.*

7) fr. 20 слл.

8) fr. 92.

9) fr. 132 *ἡ παιδεία εὐτυχεούσι μὲν ἔστι κόσμος, ἀτυχεούσι δὲ καταφύγιον.*

летвореніе доставляет созерцаніе благого и прекраснаго ¹⁾ и, главнымъ образомъ, научное изслѣдованіе. Лучше открыть одну новую истину, чѣмъ владѣть престоломъ персидскаго царя ²⁾. Ибо счастье и несчастье не зависятъ отъ внѣшнихъ условій; нашъ добрый или злой демонъ живетъ въ нашей собственной душѣ ³⁾, и только для оправданія своего неразумія люди создали призракъ Тихе ⁴⁾.

Такимъ образомъ, наука дошла до отрицанія самыхъ основъ религіи. На ряду съ механическимъ пониманіемъ міра для старыхъ боговъ не оставалось мѣста, и если философія пока еще дѣлала уступку народной вѣрѣ и не отрицала самаго существованія боговъ, то она все-таки лишила ихъ всѣхъ главныхъ свойствъ. Даже такой благочестивый челоуѣкъ, какъ Эмпедоклъ, отрицалъ безсмертіе боговъ и полагалъ, что они, какъ и всѣ остальные существа, произошли изъ смѣшенія его четырехъ элементовъ ⁵⁾. Анаксагоръ свелъ понятіе божества къ *νοῦς*, мировой душѣ, а Демокритъ признавалъ боговъ блаженными демонами, которые однако не въ состояніи вліять на ходъ мировыхъ явленій. Протагоръ говорилъ въ своемъ сочиненіи объ «Истинѣ»: «Относительно боговъ я не могу сказать, существуютъ ли они, или нѣтъ; ибо многое препятствуетъ познанію, какъ неясность предмета, такъ и краткость челоуѣческой жизни» ⁶⁾. Отъ этого агностицизма оставался одинъ шагъ до атеизма. Діагоръ Мелосскій, жившій въ началѣ Пелопоннесской войны, былъ, можетъ быть, первымъ философомъ, который рѣшился открыто отрицать существованіе боговъ и, слѣдовательно, также необходимость культа. Вскорѣ послѣ него Критій выступилъ съ теоріей, по которой религію придумали умные люди, чтобы посредствомъ страха передъ богами принудить толпу къ нравственному образу жизни ⁷⁾—воззрѣніе, имѣвшее большой успѣхъ въ древ-

1) fr. 17 *αἱ μεγάλαι τέρφεις ἀπὸ τοῦ θεᾶσθαι τὰ καλὰ τῶν ἔργων γίνονται.*

2) Dionys. у Euseb. *pr. ev.* XIV 27, 3 (у Целлера I⁵ 929, 6) *Δημόκριτος γοῦν αὐτός, ὡς φασιν, ἔλεγε βούλεσθαι μᾶλλον μίαν εὐρεῖν αἰτιολογίαν, ἢ τὴν Περσῶν οἱ βασιλείαν γενέσθαι.*

3) fr. 1 *εὐδαιμονίη ψυχῆς καὶ κακοδαιμονίη οὐκ ἐν βοσκήμασι οἰκέει, οὐδ' ἐν χρυσῷ· ψυχὴ δ' οἰκητήριον δαίμονος.*

4) fr. 11 *ἀνθρώποι τύχης εἰδῶλον ἐπλάσαντο πρόφασιν ἰδίης ἀβουλήs· βαῖα γὰρ φρονήσι τύχη μάχεται, τὰ δὲ πλείστα ἐν βίῳ ψυχὴ ἐδξύνετος δξυδερχέειν κατιθύνει.*

5) Empedocl. 131.

6) Protag. у Laert. Diog. IX 51 (ср. Plat. *Theat.* 162 d) *περὶ μὲν θεῶν οὐκ ἔχω εἰδέναι οὐθ' ὡς εἰσίν, οὐθ' ὡς οὐκ εἰσίν· πολλὰ γὰρ τὰ κωλύοντα εἰδέναι, ἢ τε ἀδηλότης καὶ βραχὺς ὢν ὁ βίος τοῦ ἀνθρώπου.*

7) Critias *Sisyphos* fr. 1 Nauck.

ности. Болѣе правильнаго взгляда держался софистъ Продикъ изъ Кеоса, который производилъ религію изъ культа природы ¹⁾; это ученіе было подготовлено уже орфической теософіей, и при прозрачности греческихъ мѣзовъ оно само собой напрашивалось. Вообще, вопросъ о томъ, существуютъ ли боги, былъ въ это время предметомъ оживленныхъ споровъ среди образованныхъ людей. Эврипидъ неоднократно поднималъ этотъ вопросъ въ своихъ пьесахъ, и тѣмъ заставлялъ многихъ задумываться надъ нимъ ²⁾; еще сильнѣе должна была поколебать въ народѣ древнюю вѣру комедія, — достаточно вспомнить «Птиць» Аристофана. Тѣмъ не менѣе, въ концѣ V вѣка масса народа, даже въ Аѣнахъ, еще свято хранила вѣру и суевѣрія отцовъ; дѣло объ оскверненіи гермъ и мистерій одинаково хорошо свидѣтельствуетъ какъ объ этомъ, такъ и о невѣріи, которое господствовало въ широкихъ кругахъ образованнаго общества.

Новыя идеи медленно проникаютъ въ народную массу, тѣмъ болѣе въ такое время, когда еще не существуетъ читающей публики. Поэтому ученія древнѣйшихъ философовъ оставались первоначально достояніемъ небольшого кружка учениковъ, даже въ томъ случаѣ, если они не были доступны, какъ въ пифагорейской сектѣ, только посвященнымъ. Здѣсь первый шагъ по новому пути сдѣлалъ Ксенофанъ, который облекъ свое ученіе и свою полемику противъ традиціи въ поэтическую форму и такимъ образомъ сдѣлалъ ихъ доступными для образованныхъ людей всей націи. Шестьдесятъ лѣтъ странствовалъ онъ по греческимъ странамъ ³⁾, отъ своей іонической родины до Сиракузъ и далекой Элеи въ Италиі, повсюду декламируя свои стихотворенія, наполовину еще рапсоды, наполовину уже софисты. Его примѣру послѣдовали Парменидъ и Эмпедоклъ, послѣдній, правда, въ совершенно иной формѣ. Старое и новое міровоззрѣніе соединились въ немъ, какъ бы не сливаясь; тотъ же человекъ, который, какъ философъ, не отступалъ даже передъ крайними выводами, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ жрецомъ и прорицателемъ и, какъ таковой, пользовался славою святого ⁴⁾. Мы можемъ не одобрять этого; но по условіямъ того времени, слава чудотворца должна была способствовать распространенію его философскаго ученія.

1) Zeller I^o 1134, 2. Этотъ взглядъ часто встрѣчается у Эврипида: *Vaesch.* 268, *Phaeth.* 781, 11 сл., *inc.* 938.

2) Мѣста — у Naegelsbach'a *Nachhomer. Theologie* стр. 450 слл.

3) Xenoph. fr. 24 M.

4) Emped. 400—410 M.

Такимъ образомъ философія мало-по-малу становилась достояніемъ общества. Особенно два новыхъ искусства—реторика и діалектика—все сильнѣе привлекали къ себѣ молодежь изъ высшихъ классовъ общества. Въ это демократическое время всякій, кто хотѣлъ достигнуть политическаго вліянія, непременно долженъ былъ владѣть словомъ; главнымъ образомъ реторика была обязана своими успѣхами народнымъ судамъ. Если даже въ нашихъ присяжныхъ судахъ, которые состоятъ изъ лицъ, принадлежащихъ къ состоятельнымъ и образованнымъ классамъ, искусная защитительная рѣчь адвоката нерѣдко имѣетъ сильное вліяніе на характеръ приговора, насколько болѣе должно было подчиняться силѣ слова судилище, члены котораго выбирались по жребію изъ всѣхъ гражданъ и въ которомъ слѣдовательно представители наименѣе образованныхъ классовъ должны были составлять большинство? Притомъ, въ Аѣинахъ и, вѣроятно, во всѣхъ другихъ городахъ, каждый обязанъ былъ лично защищать свое дѣло передъ судомъ; вслѣдствіе этого адвокатъ - крючкотворъ часто одерживалъ верхъ надъ честнымъ, но не владѣющимъ рѣчью противникомъ. Естественно, что учителя краснорѣчія не имѣли недостатка въ ученикахъ. Но великіе люди, впервые основавшіе теорію краснорѣчія, очень хорошо понимали, что простая реторическая дрессировка не можетъ сдѣлать человѣка ораторомъ. Они старались дать своимъ ученикамъ серьезное общее образованіе, изошрить ихъ мысль обсужденіемъ философскихъ проблемъ, внушить имъ честныя и стойкія убѣжденія разъясненіемъ вопросовъ этики. Поэтому они называли себя «учителями мудрости», софистами.

Дѣятельность учителя поглощаетъ всѣ силы человѣка; конечно невозможно было требовать, чтобы софисты преподавали безвозмездно. Этого и не требовали; напротивъ, тѣ тысячи людей, которыя стремились въ реторическія школы, охотно вознаграждали своихъ учителей за ихъ труды и потраченное время. Въ Греціи искони привыкли оплачивать духовный трудъ. Уже рапсоды гомеровскаго времени пѣли за плату, Симонидъ и Пиндаръ получали за свои побѣдныя пѣсни очень значительный гонораръ, драматическіе поэты получали денежные награды, а врачи и тогда, какъ теперь, требовали крупнаго вознагражденія за свои услуги (выше стр. 331). И общественное мнѣніе, дѣйствительно, не видѣло ничего предосудительнаго въ томъ, что софисты получали плату. Въ началѣ, вслѣдствіе несоразмѣрности спроса съ предложеніемъ, эта плата была довольно высока, но вскорѣ она начала понижаться; впрочемъ, даже знаменитѣйшіе изъ софистовъ, какъ Горгій и позже Исократъ, приобрѣли благодаря своей

педагогической дѣятельности только очень скромное состояніе (выше стр. 331).

Поэты, художники и врачи издавна переходили въ Греціи съ мѣста на мѣсто; понятно, что люди, какъ Горгіи и Протагоръ, не могли довольствоваться узкой сферой дѣятельности въ предѣлахъ своей родины, Леонтинъ или Абдеры. Да и безъ того разрушеніе Леонтинъ сиракузянами въ 423 году заставило бы Горгія удалиться на чужбину. Самымъ удобнымъ средствомъ для распространенія новыхъ идей были національныя игры; въ Олимпіи и Дельфахъ Горгіи произнесъ передъ собравшимися со всѣхъ концовъ міра греками двѣ знаменитѣйшія свои рѣчи, и съ тѣхъ поръ чтеніе ораторскихъ произведеній сдѣлалось необходимой составной частью программы празднествъ.

Но въ Греціи теперь впервые образовался и другой умственный центръ, который могъ гораздо сильнѣе вліять на духовное развитіе націи, чѣмъ эти торжественныя съѣзды, собиравшіеся черезъ долгіе промежутки времени и только на нѣсколько дней. Со времени Персидскихъ войнъ Аѣины сдѣлались политическимъ, а вскорѣ и экономическимъ средоточіемъ для государствъ, окружавшихъ Эгейское море. Огромныя финансовыя средства, стекавшіяся сюда, обусловили расцвѣтъ искусствъ, не имѣвшій себѣ равнаго; такой городъ долженъ былъ, конечно, привлекать къ себѣ и научныя силы всей Греціи. Правда, при Периклѣ духовная жизнь націи сосредоточивалась въ Аѣинахъ далеко еще не въ такой степени, какъ въ слѣдующемъ столѣтіи; изъ великихъ мыслителей этой эпохи, не родившихся въ Аѣинахъ, только одинъ—Анаксагоръ—жилъ здѣсь продолжительное время, да и тотъ въ концѣ концовъ былъ изгнанъ. Но, за исключеніемъ, можетъ быть, одного только Эмпедокла, между выдающимися учеными этого періода не было ни одного, который по крайней мѣрѣ короткое время не жилъ бы въ Аѣинахъ и здѣсь въ публичныхъ рѣчахъ, въ частномъ преподаваніи, въ преніяхъ съ единомышленниками и противниками не проявлялъ бы своего таланта. Такимъ образомъ, въ Аѣинахъ господствовала оживленная умственная дѣятельность, какой до сихъ поръ нельзя было встрѣтить ни въ одномъ пунктѣ Эллады, да и не ея одной; и не случайностью было то, что оба человѣка, которые въ слѣдующемъ вѣкѣ наиболѣе сильно повліяли на міровоззрѣніе націи,—Эврипидъ и Сократъ—были аѣинянами.

Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ условій начала мало-по-малу возникать и находить себѣ читателей научная литература. Послѣ Эмпедокла уже ни одному греческому ученому не приходило въ голову

выражать свои мысли въ поэтической формѣ, тѣмъ болѣе, что развитіе реторики давало средство облекать и прозаическія сочиненія въ художественную форму, которая составляла потребность для грековъ. Такъ на ряду съ устнымъ преподаваніемъ явилась учебная книга; уже до конца V столѣтія существовали такія руководства по всеѣмъ отраслямъ знанія, начиная съ математики и реторики и кончая кулинарнымъ искусствомъ. Рѣчи, имѣвшія большой успѣхъ, также распространялись теперь въ многочисленныхъ спискахъ. Всякій, кто претендовалъ на званіе образованнаго человѣка, долженъ былъ теперь имѣть свою бібліотеку, какъ бы скромна она ни была; вслѣдствіе этого начало развиваться книгопродавческое дѣло, центромъ котораго были, конечно, Аѣины ¹⁾.

Тѣмъ не менѣе, даже среди руководящаго класса новое міровоззрѣніе было воспринято только меньшинствомъ. Мы видѣли, какъ суевѣренъ былъ Геродотъ. Никій, который во время Пелопоннесской войны долгое время стоялъ во главѣ Аѣинъ, былъ еще вполне убѣжденъ, что солнечныя и лунныя затменія предвѣщаютъ бѣдствія, и это суевѣріе въ значительной степени было виною уничтоженія аѣинскаго флота при Сиракузахъ. Съ исторіей своего собственнаго государства были знакомы лишь немногіе ²⁾; еще ораторы IV вѣка дѣлаютъ въ этомъ отношеніи грубѣйшія ошибки; извѣстно также, какіе вопіющіе анахронизмы позволяетъ себѣ Платонъ въ своихъ діалогахъ. Между тѣмъ, эти сочиненія были предназначены для сливокъ общества. Понятно, на какомъ низкомъ уровнѣ должна была стоять образованность народной массы. Правда, умѣнье читать и писать было широко распространено въ Аѣинахъ, особенно среди свободнаго населенія ³⁾, хотя и здѣсь были исключенія. Но мусическое и гимнастическое образованіе всецѣло ограничивалось высшими классами; простолюдинъ такъ же мало зналъ своихъ поэтовъ, какъ нашъ народъ — Шиллера и Гете ⁴⁾. Демократическій строй давалъ возможность всякому гражданину принимать участіе въ политической жизни; однако и это участіе не могло имѣть большого образовательнаго значенія уже потому, что только

1) Birt *Das antike Buchwesen* (Berlin 1882) стр. 430 слл.

2) Thuc. I 20. VI 54.

3) Колбасникъ во *Всадникахъ* Аристофана, 188, едва умѣетъ читать, въ общемъ же совершенно невѣжественъ. Ср. также извѣстный анекдотъ у Plut. *Arist.* 7. Пастухъ-вѣстникъ въ *Тесепъ* Эврипида, fr. 385, тоже не умѣетъ читать; впрочемъ, поэтъ могъ представлять себѣ его рабомъ.

4) Aristot. *Poet.* 9, 8, *Polit.* VIII (V) 1342, ср. выше стр. 467. Поэтому *καλοὶ καὶ αἰδοὶ* и относились къ *βάνανσοι* съ презрѣніемъ.

небольшая часть населенія правильно посѣщала народное собраніе ¹⁾ или засѣданія геліеи. Именно умственная незрѣлость массъ и погубила греческую демократію. Въ другихъ частяхъ европейской Греціи, особенно въ олигархіяхъ, народное образованіе стояло еще, конечно, на болѣе низкой ступени; напримѣръ, въ Спартѣ, человѣкъ, умѣвшій читать и писать, составлялъ исключеніе, а о высшемъ образованіи нечего и говорить ²⁾).

При такихъ условіяхъ не удивительно, что общественное мнѣніе еще въ теченіе всего V столѣтія относилось враждебно къ просвѣщенію. Невѣжество во всѣ времена питаетъ глубокое недовѣріе къ знанію, и ортодоксія справедливо видитъ въ наукѣ своего опаснѣйшаго врага. Какъ столько разъ позже, вѣрующіе уже тогда начали требовать полицейскихъ мѣръ противъ зла науки, котораго они не могли искоренить духовными средствами. Примѣръ въ этомъ отношеніи, къ сожалѣнію, подали Аѣины, чтобы сохранить за собою славу благочестивѣйшаго изъ греческихъ городовъ. Едва возникшая наука уже выставила своихъ первыхъ мучениковъ. «Безбожный» (*ἀθεος*) Диогоръ изъ Мелоса былъ во время Пелопоннесской войны, по постановленію аѣинскаго народа, изгнанъ изъ Аѣинъ и за голову его назначена награда ³⁾. Сочиненія Протагора были сожжены въ Аѣинахъ на площади рукою палача, и самъ великій ученый принужденъ былъ бѣжать изъ города ⁴⁾. Точно также и Анаксагоръ былъ привлеченъ къ суду по обвиненію въ безбожіи; и хотя здѣсь, какъ мы видѣли, примѣшались и политическія причины, но для большинства судей главное значеніе имѣла, очевидно, опасность, грозившая религіи. Тридцать лѣтъ спустя Сократъ былъ осужденъ и казненъ за преступленія противъ вѣры. Характерно, что Анаксагоръ, будучи вынужденъ, вслѣдствіе упомянутаго процесса, погинутъ Аѣины, встрѣтилъ почетный пріемъ въ Лампсакѣ ⁵⁾; населеніе азіатской Греціи,

1) Thuc. VIII 72.

2) Plat. *Hippias* I 285, Isocr. *Panath.* 209, Arist. *Polit.* V (VIII) 1339b.

3) Aristoph. *Облака* 830, *Птицы* 1072, *Лягушки* 320, со схоліями. Diod. XIII 6, согласно цитированному мѣсту *Птицы*, помѣщаетъ изгнаніе въ 414/3 годъ; оно произошло, вѣроятно, нѣсколько раньше, ср. примѣчаніе Кока къ этому мѣсту. Остальные источники указаны у Целлера I⁸ 967.

4) Laert. *Diog.* IX 52, намекъ на бѣгство Протагора у Платона *Theaet.* 171d, подробности — у Целлера I⁸ 1053. Извѣстіе, что Протагоръ во время бѣгства погибъ при кораблекрушеніи, — благочестивая легенда, повторяющаяся и въ біографіи Диогора.

5) Laert. *Diog.* II 14 сл. Любопытно, что надгробная надпись, которую посвятили ему жители Лампсака, выдвигала на первый планъ какъ разъ его

колыбели греческой образованности, было просвѣщеніе, чѣмъ жители самой Эллады.

Подобные процессы случались, конечно, рѣдко. Но масса народа, и не одни только низшіе классы, была твердо увѣрена, что каждый «софистъ», т. е., по тогдашнему словоупотребленію, каждый преподаватель философіи и реторики, — безнравственный человѣкъ, въ родѣ того, какъ теперь вѣрующій католикъ представляетъ себѣ мазона или многіе изъ тѣхъ, которые называютъ себя образованными людьми, — материалиста. Отсюда само собою слѣдовало, что преподаваніе такихъ людей развращаетъ молодежь. Какъ ни несправедливъ былъ этотъ упрекъ въ большинствѣ случаевъ — достаточно вспомнить, что по такому обвиненію былъ осужденъ и Сократъ, — но въ извѣстномъ смыслѣ онъ могъ казаться до извѣстной степени основательнымъ, потому что молодыхъ людей приводила въ школы софистовъ не столько жажда отвлеченнаго философскаго образованія, сколько стремленіе усвоить себѣ ораторское искусство, необходимое для достиженія практическихъ цѣлей, все равно какъ теперь опустѣли бы университеты, если бы они перестали служить средствомъ для практической карьеры. А реторика само по себѣ въ нравственномъ отношеніи безразлична. Она — оружіе, которое даетъ, или, по крайней мѣрѣ, тогда давало тому, кто имъ владѣетъ, преимущество надъ всѣми остальными людьми; за способъ пользованія этимъ оружіемъ учитель такъ же мало отвѣтственъ, какъ купецъ, продающій револьверъ, — за убійство, которое совершаетъ имъ покупатель. Единственная задача оратора, какъ такового, — убѣдить слушателей въ справедливости защищаемаго имъ дѣла; справедливо ли дѣло по существу, — это для его цѣли совершенно безразлично. И чѣмъ болѣе несправедливо дѣло, тѣмъ искуснѣе должна быть защита, чтобы дѣло все-таки могло восторжествовать. Въ этомъ смыслѣ противники софистики были правы, утверждая, что цѣль новаго искусства сводится къ тому, чтобы слабое дѣло сдѣлать сильнымъ (*τὸν ἥττω λόγον κρείττω ποιεῖν*). Но несправедливо упрекали реторику въ томъ, что она возвела въ систему искусство, которымъ люди эмпирически пользовались съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ человѣческое общество. Еще менѣе справедливо было дѣлать отвѣтственными за это отдѣльныхъ учителей краснорѣчія, тѣмъ болѣе, что софисты — именно потому, что они хорошо понимали опасность односторонняго изученія формальной реторики, —

заслуги въ области астрономіи (ср. выше стр. 472): *Ἐνθάδε, πλείστον ἀληθείης ἐπὶ τέρεα κερήσας οὐρανίου κόσμου, κεῖται Ἀναξαγόρης.*

старались одновременно внушать своимъ ученикамъ твердыя нравственные убѣжденія. Что въ среду софистовъ проникали и нечистые элементы, что нѣкоторые изъ тѣхъ, кто получилъ образование въ ихъ школахъ, дѣлали безнравственное употребленіе изъ приобретенныхъ знаній, — это было вполне естественно; но осуждать за это новое просвѣщеніе было такъ же неразумно, какъ если бы въ наше время кто-нибудь захотѣлъ уничтожить желѣзныя дороги, потому что на нихъ иногда случаются катастрофы.

И несмотря на всѣ препятствія, просвѣщеніе побѣдоносно совершало свой путь. Оно отвѣчало настойчивой потребности тогдашняго общества. Если еще воспитаніе сверстниковъ Перикла ограничивалось гимнастикой и музыкой, то съ середины V столѣтія эти предметы преподаванія—хотя имъ все еще придавали большое значеніе—отступили уже на задній планъ; теперь всякій, кто хотѣлъ считаться образованнымъ человекомъ, долженъ былъ, по крайней мѣрѣ отчасти, быть знакомымъ съ философіей и риторикой. Правда, это увеличило пропасть, которая искони существовала между высшими и низшими слоями общества; но это разъединеніе всегда было необходимымъ условіемъ всякаго умственного прогресса и останется имъ до тѣхъ поръ, пока этотъ самый прогрессъ не приведетъ насъ къ золотому вѣку социальнаго равенства.

Во всемирной исторіи было мало переворотовъ, которые бы въ такое короткое время такъ сильно измѣнили духовную физиономію народа. Софокль и Эврипидъ, Геродотъ и Фукидидъ—современники; разница въ ихъ возрастахъ не превышаетъ немногихъ десятилѣтій; между тѣмъ—какая коренная противоположность въ ихъ міровоззрѣніяхъ! Тамъ, у Софокла и Геродота—еще старая наивная вѣра и суевѣріе; здѣсь, у Эврипида и Фукидида — уже непредубѣжденность научнаго мышленія. И это было началомъ новой эпохи въ исторіи человѣчества.

